

ПОЛНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЬЕТНАМА

**ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ
(1600 – 1897 ГГ.)**

Том III

Посвящается
создателям советской
школы вьетнамоведения

ПОЛНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЬЕТНАМА

Том III

Позднее средневековье и новое время
(1600 – 1897 гг.)

Президиум
Российской Академии Наук
Москва, 2014

Редакторы тома

Доктор исторических наук Nguyễn Ngọc Mão

Доктор экономических наук Л.А.АНОСОВА

«Том III» «Полной академической истории Вьетнама» охватывает события вьетнамской истории с 1600 по 1897 г., то есть по дату окончательного оформления Французского Индокитайского союза.

Это была эпоха начала становления связей Вьетнама с Европой, которые оказывали всё большее влияние на развитие страны. При этом если первыми в Индокитай пришли португальские католические миссионеры, то затем их очень быстро сменили на главных ролях французские священники из Иностранных миссий Парижа.

Как это обычно происходило в XVII – XIX вв., всё завершилось французским колониальным захватом Вьетнама и большей части Индокитайского полуострова. Именно в то время сложились те непростые и более чем специфические отношения между Францией и Вьетнамом, которые вплоть до настоящего времени сказываются на развитии культуры вьетнамского общества.

УДК 93/94
ББК 63,3(3)
П 47

ISBN 978-5-4431-0052-4

© В.В.Познер, 2014

© П.В.Познер, 2014

ISBN 978-5-4431-0055-5

Авторы

Louis-Hénard Nicole: Часть III Глава 1 Параграф 2.

Hà Mạnh Khoa: Часть I Глава 2.

Nguyễn Minh Tường: Часть I Глава 1, Глава 2.

Trần-thị Vinh: Часть II Глава 1.

Л.А.АНОСОВА: Введение; Часть II Глава 2; Заключение.

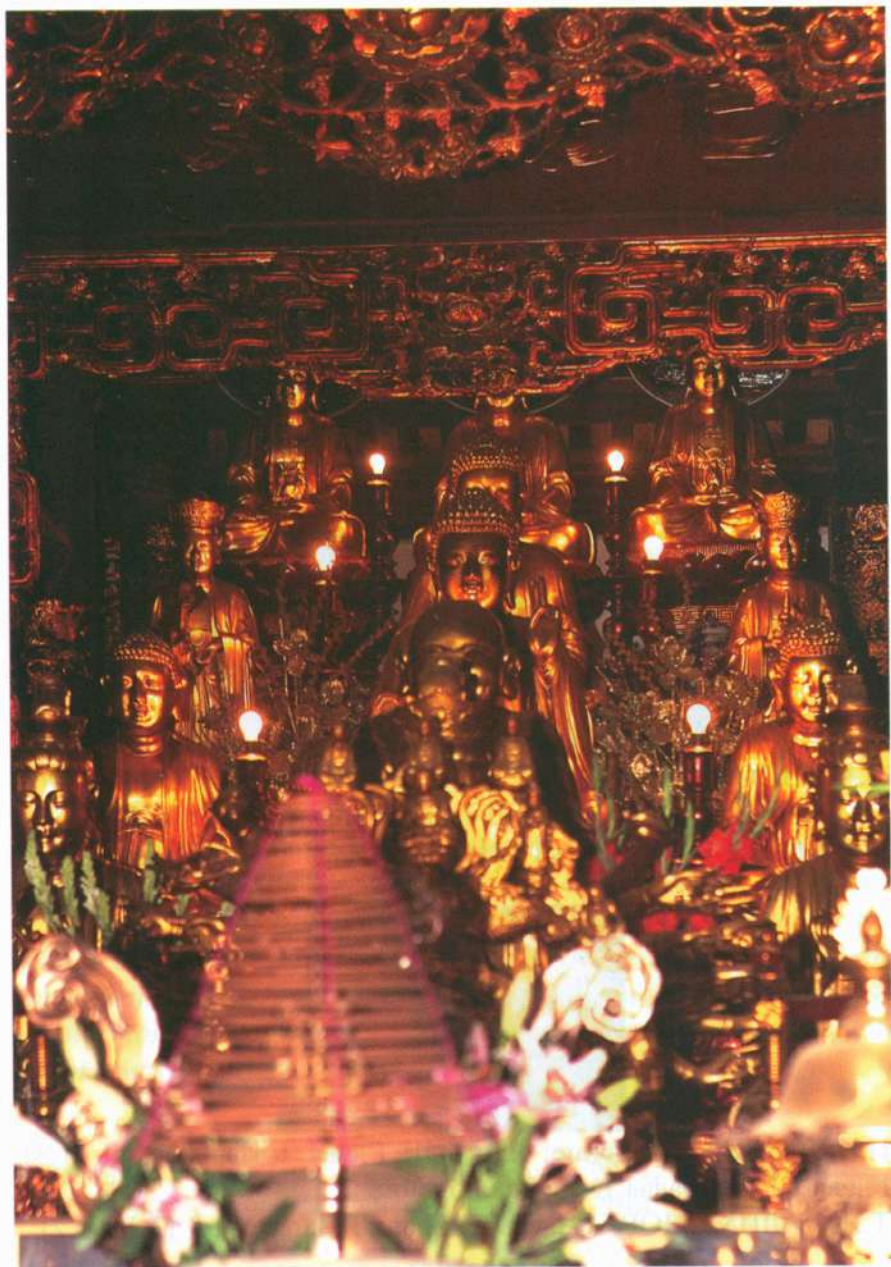
В.И.МЕЩЕРЯКОВ: Часть III Глава 2 Параграф 6.

О.В.НОВАКОВА: Часть I Глава 3, Глава 4.

П.В.ПОЗНЕР: Введение; Часть III Глава 1 Параграф 1 (1.3), Глава 2 Параграфы 1 – 5; Заключение.

Т.Н.ФИЛИМОНОВА: Часть III Глава 1 Параграф 1 (1.1 и 1.2).

Статуи будд, бодхисатв и архатов.
Пагода Западного озера.
Ханой. 24.03.2011 г.

ВВЕДЕНИЕ

1. *Некоторые общетеоретические вопросы перехода от средневековья к новому времени в свете вьетнамской истории*

1.1. *Источники по истории Вьетнама XVII – начала XX в. в свете проблемы смены социально-экономических формаций*

По данному периоду вьетнамской истории проблемы источников как таковой не существует. Они создавались синхронно происходившим событиям, их достаточно много, и, что главное, это национальные источники. По вьетнамской истории XVII – начала XX в. также имеются многочисленные свидетельства европейских путешественников, миссионеров и исследователей. Особенно много таких документов появляется с последней трети XVIII в., то есть с того времени, когда началось активное проникновение европейцев, прежде всего – французов, во Вьетнам.

На основании указанных исторических источников и документов европейские, российские и вьетнамские учёные создали и опубликовали целый ряд фундаментальных монографий и исследований¹. В их числе хотелось бы особо выделить коллективный труд учёных СРВ (ДРВ) по истории вьетнамского феодализма [1304], монографию И.А.Огнетова, в которой всесторонне рассматриваются проблемы, связанные с крестьянским восстанием Тэйшонов [525], и фундаментальное исследование А.Л.Рябинина, посвящённое эпохе правления последней вьетнамской династии Нгуен [578]. Наконец, отдельно следует сказать о большой коллективной монографии советских (российских) учёных по новой истории Вьетнама, которая вплоть до настоящего времени остаётся лучшей обобщающей работой по данной эпохе вьетнамской

¹ Смотри «Параграф 3.1.2» «Главы 3» «Части III» «Томе II», «Параграф 1.3» «Главы 1» «Части III» настоящего тома и «Сводную библиографию» в «Томе VI».

истории. Именно поэтому некоторые её разделы и были положены в основу ряда глав и параграфов настоящего тома [521].

Главным недостатком всех упомянутых публикаций является достаточно слабый научный аппарат. Так, например, в «Новой истории Вьетнама» нет даже какой бы то ни было библиографии, а вьетнамские и китайские имена и названия приводятся в указателях без их написания на вьетнамском языке и иероглифике в русской фонетической транскрипции, при этом указатель специальных терминов вообще отсутствует. Тем не менее вклад создателей этих монографий и исследований в изучения вьетнамской истории XVII – начала XX в. трудно переоценить.

Возвращаясь к проблеме источников, следует отметить, что в них в основном описывается политико-идеологическая история страны и приводится относительно мало данных по её социально-экономическому развитию. Поэтому для того, чтобы реконструировать структуру вьетнамского общества описываемой эпохи, приходится интерполировать факты политической и культурной истории на историю социально-экономическую. Именно эта методология работы с вьетнамскими источниками, уже применявшаяся при описании вьетнамской истории XI – XVI вв., позволила установить, что экзаменационная система конкурсных испытаний на должность чиновника вместе со связанной с ней экзаменационно-образовательной школьной системой по сути была регулятором социальной мобильности не только во вьетнамском обществе, но и во всех обществах конфуцианского культурного ареала [539; 548; 962].

Во Вьетнаме этот регулятор социальной мобильности стал единственным, идеально соответствующим структуре общества средством изменения социального статуса ещё в первой половине XV в.¹ В таком виде он просуществовал во Вьетнаме без существенных изменений на протяжении почти двух веков. В результате в общественном сознании система

¹ Смотри «Главу 4» «Части III» «Том II».

конкурсных испытаний превратилась в единственно возможный путь реализации социальных привилегий, возникавших в ходе развития страны новых слоёв общества. Последнее ещё усугублялось и тем, что в результате так называемого второго конфуцианского синтеза во вьетнамском обществе воцарилось идеологическое «единовластие», которое было нарушено лишь во второй половине XVII в. с появлением португальских, а затем и французских католических миссионеров¹.

Вследствие этого у многих европейских исследователей первой половины XX в. сложилось впечатление, что в обществах конфуцианского культурного ареала на протяжении десяти – пятнадцати веков существовала какая-то одна медленно и незначительно эволюционировавшая социально-экономическая формация. Именно эта точка зрения лежит в основе теоретического спора между сторонниками теории социально-экономических формаций и сторонниками «азиатского способа производства», идею о существовании которого впервые и весьма гипотетически высказал К.Маркс [460]. Естественно, в этих теоретических дискуссиях речь шла и идёт о таких великих странах, как Китай. Такие «малые» общества, как вьетнамское, в них просто не берутся в расчёт, тем более что, как уже отмечалось, с доминирующей точки зрения вьетнамская культура является не более, чем дериватом китайской. В то же время весь материал настоящего тома свидетельствует о том, что вопреки этой точке зрения именно структурная организация малых обществ позволяет выявить те нюансы их социального развития, которые «размываются» и становятся незаметными в рамках огромных социумов.

1.2. Проблема нового времени во Вьетнаме

В европейской исторической науке общим местом является положение о том, что средневековье сменяется новым временем с наступлением эпохи Возрождения или с возвратом к античным ценностям на новом социально-экономическом

¹ Смотри «Параграф 2» «Главы 1» «Части III» настоящего тома.

уровне общественного развития. Идея существования «своей» эпохи Возрождения в Китае впервые была сформулирована академиком Н.И.Конрадом, связывающим её с формированием сунского неоконфуцианства в XI – XII вв. [408, с.201 – 281]. Иными словами, для него второй конфуцианский синтез является олицетворением эпохи Возрождения в Китае. Но при этом остаётся открытым вопрос о том, что если в империи Сун эпоха Возрождения наступила за четыре – пять веков до Европы, то почему в XVII – XVIII вв. развитие обществ конфуцианского культурного ареала столь катастрофически отстало от развития европейских? Самый простой ответ постулируется вышеупомянутым «азиатским способом производства»: не было в сунском Китае никакого Ренессанса, как и не было социально-экономических формаций. Как же тогда быть с тем неоспоримым фактом, что неоконфуцианство было создано на принципах отрицания конфуцианства ханьского толка и возврата к основам учения Конфуция – Мэн-цзы? [1063.2, с.281 – 318]¹.

Как и вся «Полная академическая история Вьетнама», так и этот её третий том не являются трудом, посвящённым теоретическим проблемам исторической науки. Тем не менее представляется, что в настоящем томе содержится, может быть и не исчерпывающий, но всё же ответ на эти два вопроса.

Если исходить теоретической синонимичности понятий «неоконфуцианства» и «возрождения», то в средневековом Вьетнаме начало эпохи Ренессанса следует датировать XV в. В это время уже можно говорить о зачатках достаточно специфических капиталистических отношений, центрами формирования которых стали существовавшие в стране уже более трёх веков специализированные сельскохозяйственные, ремесленные и торговые рынки, поселения и слободы¹¹. Безусловно, это не был капитализм в европейском понимании этого определения. Следует подчеркнуть, что он имел свой, весьма своеобразный характер, а с XVII в. его развитие стало

¹ Смотри «Параграф 2» «Главы 3» «Части III» «Томы II».

¹¹ Смотри «Параграф 2.4» «Главы 1» «Части II» «Томы II».

всё сильнее тормозиться «закостеневшей» в конфуцианских идеологических рамках надстройкой. О том, каким образом и почему это происходило, и идёт речь в посвящённых социально-экономической и культурной истории Вьетнама главах настоящего тома. Предваряя же эти главы, можно лишь указать на то, что главным инструментом этого «торможения» стал также уже упоминавшийся выше «регулятор социальной мобильности» в лице экзаменационной системы конкурсных испытаний на должность чиновника. В результате общества конфуцианского культурного ареала, которые ранее во многом опережали в своём экономическом развитии европейские общества, безнадежно отстали от них в своём развитии к моменту начала европейской колониальной экспансии XVII – XVIII вв., начавшейся по вполне объяснимым причинам.

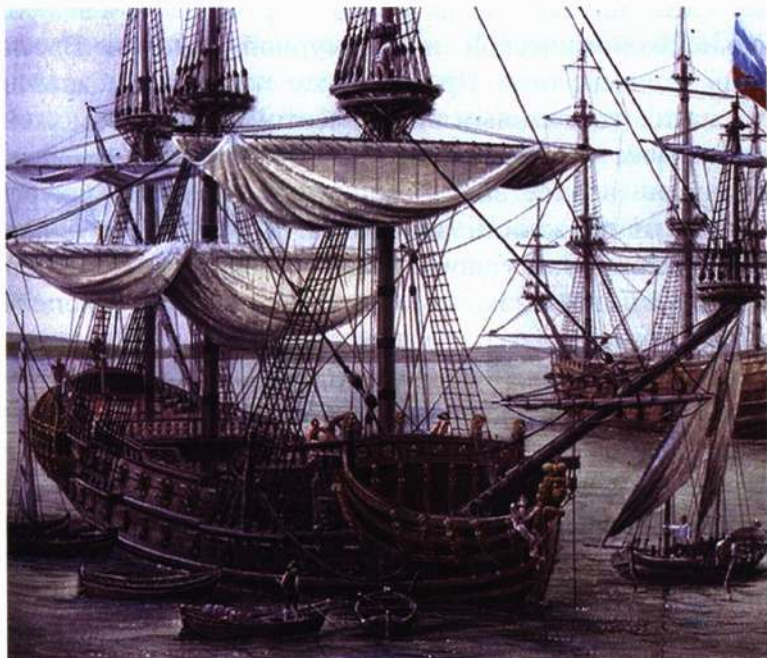
2. Причины и этапы колониализма

Наступившее новое время в истории характеризовалось процессом дефеодализации и выхода на передний план абсолютизма, вследствие чего Европа постепенно становилась предкапиталистической. Процесс генезиса капитализма – явление сложное и многоплановое. Можно выделить три основных условия его формирования. Это первоначальное накопление капитала, протестантская этика и великие географические открытия, за которыми последовала значительная по своим масштабам и последствиям волна колонизации неевропейских земель. В этом смысле колонизацией следует считать создание на чужой территории замкнутых, копирующих, тесно связанных и опиравшихся на метрополию административно-автономных анклавов [309, с.125; 310].

В российской (советской) литературе принято выделять три периода колониальной экспансии [262, с.250]:

- ❖ Торговый колониализм – с начала XVI до середины XVIII в.
- ❖ Колониализм эпохи промышленного капитала или первого этапа промышленного переворота – со второй половины XVIII до конца XIX в.

- ❖ Колониализм эпохи империализма или периода второго этапа промышленного переворота – с конца XIX в.

Главное оружие колониальной экспансии.
Военный корабль конца XVIII – начала XIX в.

В период со второй половины XVIII в. до конца XIX в. существенно изменился баланс внешней торговли. В Западной Европе¹ начался первый этап промышленной революции, стала развиваться модель капитализма, названная в российской (советской) науке «первичной». Она заключалась в успешном прохождении всего периода первоначального накопления капитала, дальнейшем укрупнении и механизации производства, возникновении фабрик и создании машинной промышленности. Главной отличительной чертой этого второго периода колониализма стал вывоз товаров в колониальные и зависимые страны. В результате соотношение

¹ Западная Германия, Северная Италия, Испания, Португалия, Нидерланды, Франция, Южная Англия и Северная Ирландия.

экономического потенциала Запада и Востока, оказавшегося на периферии развития капитализма, серьёзно изменилось.

Наибольшее распространение колониальной системы произошло в конце XIX – начале XX в. Колониальные захваты новых территорий отражали базовое стремление капиталистической мир-экономики к расширению своих границ и изменению существующей системы разделения труда. Отличительной чертой третьего периода колониализма эпохи империализма или колониализма периода второго этапа промышленного переворота стал вывоз капитала из метрополий в колонии [262, с.250]. Капитал устремился туда, где можно было сократить финансовые издержки в результате приближения к источникам сырья и экономии за счёт низкой стоимости местной рабочей силы [1108, с.47].

Экономическая экспансия Запада инициировала процесс первоначального накопления капитала метрополии и подчинение хода развития восточной индустриализации интересам западной буржуазии [1108, с.47]. Стремление европейских держав ускорить капиталистическое развитие своих колоний для увеличения прибыли приводило к несбалансированности экономических процессов на Востоке. Поэтому развитие капитализма в зависимых странах было полно внутренних противоречий. Главным результатом политики европейских держав стал процесс так называемой «периферизации», то есть появления новых персонажей в мировом разделении труда, при котором колонии были вынуждены занять подчинённое положение и развиваться под влиянием законов капиталистического накопления и механизма «неэквивалентного обмена».

3. Основные различия в подходе к колониальной политике между Великобританией и Францией в XVIII – XIX вв.

Процесс политического и экономического развития Великобритании и Франции, ставших с начала XVIII в. активными субъектами колониальной экспансии, был долгим и поэтапным. Успехи промышленной революции и бурное развитие капитализма в Великобритании относятся к периоду

Ганноверской династии^I. Правление короля Георга III^{II} было ознаменовано отделением от британской короны колоний в Северной Америке, образованием США, французской революцией 1789 г. и долгой борьбой Великобритании с империей Наполеона Бонапарта. Судьбоносным же для британской колониальной империи стало правление королевы Виктории^{III}, в течение которого в тридцатых годах XIX в. утвердилось фабричное производство и быстро развивалась тяжелая индустрия, особенно металлургия [292, с.344, 345]. Великобритания по праву считалась «мастерской мира». Однако, с шестидесятых годов того же века в промышленном производстве Великобритании начался спад [1108, с.11]. Продукции аграрного сектора стало не хватать для обеспечения потребностей быстро растущего населения. Текстильная промышленность сильно зависела от импортируемых хлопка и шелка. Крах лондонской фондовой биржи и кризисные явления, начавшиеся в Великобритании в 1873 г., привели к закату британской экономической гегемонии. С точки зрения её деловых кругов, одним из способов решения экономических проблем являлось расширение колониальных захватов. Поэтому 2-ая половина восьмидесятых годов XIX в. в Великобритании отмечена резким ростом сторонников экспансионистского курса. В 1885 г. к власти в парламенте пришли консерваторы во главе с лордом Р.Солсбери^{IV}, который до того уже трижды был премьер-министром^V. По его мнению, активизация внешней политики и переход к захвату новых территорий были единственным спасением для Британии в условиях экономического кризиса, начавшегося в 1873 г. Второй значимой фигурой, руководителем и творцом политики Великобритании в Индии и Бирме, стал государственный секретарь по делам Индии лорд Рандольф Черчилль [1145, с.7].

^I 1714 – 1901 гг.

^{II} 1760 – 1820 гг.

^{III} 1837 – 1901 гг.

^{IV} 1830 – 1903 гг.

^V В 1885 – 1886, 1886 – 1892 и 1895 – 1902 гг.

На фоне более стабильного социально-экономического развития Великобритании политическая история Франции изобиловала потрясениями и переменами. Кардинальной трансформацией социально-политической системы Франции стала революция 1789 г. В результате в её истории наступил период переходов от республиканской формы правления к монархической и обратно¹, при этом республиканская субкультура во многом отличалась атеистическими и модернистскими взглядами, а монархическая – католическими и традиционными². Поэтому и колониальную политику Франции в XVIII – первой половине XX в., можно охарактеризовать как политику противостояния Франции «республиканской» Франции же, но только «монархической». Соответственно, её вектор и интенсивность напрямую зависели от того, кто находился у власти в каждый конкретный период. В результате два ведущих доктринальных направления управления колониями, теоретически разрабатывавшихся во французской политике, никогда не применялись на практике в «чистом» виде, а постоянно перемежались и сочетались. Получившие наименования «политики ассимиляции» и «политики ассоциации», они были связаны с такими формами французских владений, как колония и протекторат. В теории в колониях следовало обращаться к политике ассимиляции, а в протекторатах – к политике ассоциации и более лояльного воздействия на местные обычаи. На практике же принципы протектората нередко нарушались в пользу прямого давления и вмешательства, а также навязывания западных норм и порядков. Такие колебания французской политики отмечаются во всех трёх частях Вьетнама, вошедших к 1887 г. в состав Индокитайского союза¹. Находясь под влиянием фракционной борьбы и противоречивых настроений, представители колониальных кругов во французском парламенте, как правило, не могли выработать единого политического курса в отношении захваченных территорий, что приводило к

¹ Тонкин, Аннам и Кохинхина.

провалам многих политических инициатив метрополии в её заморских владениях. Попеременное преобладание различных политических сил осложнялось неоднородным экономическим развитием различных регионов Франции. На протяжении своего исторического развития Франция была одновременно как динамичной и предприимчивой, так и стабильной и земледельческой [292, с.345, 346]. К примеру, открытая влияниям со стороны Атлантического океана западная Франция намного превосходила по экономическому потенциалу внутренние районы страны. Как следствие различные социальные слои французского общества выступали оппонентами в вопросе о колониальной экспансии, которую одни находили жизненно необходимой, а другие считали весьма сомнительным предприятием [794, с.75].

В результате учреждения Третьей республики в 1870 г. к власти во Франции пришли деловые круги, которые были заинтересованы в заморской экспансии. Благодаря политике её первого президента Тьера¹ Франция сумела восстановить своё место в ряду великих держав уже через несколько месяцев после поражения во франко-прусской войне. Поэтому она смогла продолжить своё соперничество с Великобританией и в скором времени оформила свои владения в Индокитае. Интересы французского финансового капитала требовали установления французского господства в Восточном Индокитае, в частности в Северном Вьетнаме. К началу восьмидесятых годов во французском парламенте сложилась группа сторонников колониальной экспансии, во главе которой стоял депутат индустриального департамента Вогезы республиканец Жюль Ферри, возглавлявший кабинет министров в 1881 и 1883 – 1885 гг. [1026, с.2]. Утверждая приоритет экономического развития метрополии, Ж.Ферри, в частности, говорил: «Любая часть колониальных владений, ничтожнейшие их клочки должны быть для нас священны. Речь идёт о будущем нашей Родины» [1153, с.44]. В этот же период под предводительством видного политического

¹ 1871 – 1873 гг.

деятеля, республиканца Леона Гамбетта из левого центра выделилось объединение, которое противники окрестили «кликой оппортунистов». В специфическом контексте исторического развития Франции оппортунизм стал особым стилем политики, присущим умеренным республиканцам, а Л.Гамбетта – ярким представителем и предводителем этой «политики результатов». Оппортунисты, будучи связаны в силу своего социального происхождения с банковским и промышленным капиталом, прислушивались к требованиям узких деловых кругов, заинтересованных в колониальной экспансии.

В 1884 г. палата депутатов французского парламента приняла решение об активизации военных действий на Дальнем Востоке, в том числе – во Вьетнаме. Однако развязанная Ж.Ферри война с Китаем принесла стране финансовые потери и вызвала волнения во французском парламенте, что привело к отставке Ж.Ферри с поста премьера и падению его кабинета [52, с.317, 318]. Парламент обвинил правительство в преднамеренном нарушении конституции, сокрытии истинного положения дел во Вьетнаме и намерении втянуть Францию в открытую войну с Китаем. Республиканцы, главные инициаторы активной колониальной политики Франции, утратили своё влияние и были вынуждены осудить свою «политику авантюры» [1108.1, с.101]. Новое правительство Эжена-Анри Бриссона, сформированное в апреле 1885 г., заставило сторонников колониальной политики взять двухмесячную передышку. К тому же из-за Буланжистского движения 1887 – 1889 гг., поставившего Францию на порог новой войны с Германией, правительству было не до колоний. Однако вскоре политическое «брожение» эпохи буланжизма прекратилось, а его неудача сделала республику ещё более популярной в глазах населения. В области внешней политики годы президентства Сади Карно¹ ознаменовались ростом международного престижа Франции. Страна вышла из изолированного положения. К 1890 г. во

¹ 1887 – 1894 гг.

Франции сложилась благоприятная для колониальной экспансии обстановка, так как антиколониальные настроения в обществе пошли на спад, при этом альянс с Россией придал ей уверенность в своих силах. Новый импульс развитию колониализма был дан в Париже на Международном колониальном конгрессе 1889 г. В том же году во Франции была основана колониальная школа, ставшая первым крупным обществом, отражавшим интересы колониальных кругов. На пост заместителя секретаря по делам колоний был назначен Эжен Этьен, выдающийся французский политический деятель и последователь колониальных идей Ж.Ферри [1026.2, с.8]. В 1894 г. было учреждено второе значимое колониальное общество – «Объединение колоний Франции», куда вошли видные финансисты и предприниматели, стремившиеся к развитию колониальной экономики.

Таким образом, в отличие от равнодушного и даже нередко враждебного отношения предыдущих десятилетий, к девяностым годам XIX в. колониализм получил во Франции официальную поддержку.

4. Вьетнам в свете англо-французского колониального соперничества

По своей значимости XIX в. является ключевым веком, который во многом предопределил последующую историю Вьетнама. Его начало было связано с таким важнейшим событием, как приход к власти новой династии и объединение страны в современных границах, с созданием обновлённого сильного вьетнамского государства, императоры которого, изменив название страны с «Дайвьета» на «Дайнам», позиционировали себя наравне с императорами цинского Китая¹. Правление основателя династии Нгуен императора Старшего Предка² характеризуется блестящими начинаниями,

¹ Смотри «Примечание 8» в «Комментарии» к «Главе 3» «Части I» настоящего тома.

² Смотри «Примечание 6» в «Комментарии» к «Главе 3» «Части I» настоящего тома.

которые вывели империю Дайнам на новый уровень общественного развития.

Уборка риса. Провинции Куангбинь, 31.03.2011 г.

«Постирушка». Провинция Намдинь, 28.03.2011 г.

Надо полагать, что, прийдя в Северный Вьетнам, французы увидели не слишком отличающиеся от этих картины жизни.

Вся первая половина XIX в. прошла для Вьетнама под знаком движения со знаком «плюс», несмотря на

консервативную политику преемника Старшего Предка императора Совершенного Предка¹. Все эти позитивные и отрицательные тенденции в развитии династии и страны в целом отмечаются как российскими, так и вьетнамскими историками [578; 921]. Иначе говоря, история Вьетнама первой половины XIX в. по сути является историей воцарения и наивысшего расцвета последней вьетнамской династии Нгуен, её внутренней и, особенно, внешней политики, которая обуславливалась всё возрастающим распространением в стране европейского, прежде всего – французского, влияния [639]¹¹.

В XIX в. во Вьетнаме шли сложные социальные процессы и происходили крайне важные события, во многом объясняющие причины его колониального завоевания Францией. Их исследование помогает как понять, почему Вьетнам не смог противостоять французской экспансии, так и реакцию его императоров на контакты с иностранными государствами, в том числе и с европейцами.

Таким образом, французское колониальное завоевание буквально перевернуло весь привычный и традиционный уклад жизни вьетнамского общества, которое начало стремительно меняться под его воздействием.

Нависшая угроза вызвала к жизни такое новое явление в истории общественной мысли Вьетнама, как реформаторско-просветительское движение шестидесятых – восьмидесятых годов XIX в., что привело к стремительному росту национального самосознания. Оно проявилось как в традиционных формах освободительного движения, так и в новых, рождённых новыми реалиями французского колониально присутствия движениях¹¹¹.

¹ Смотри «Примечание 12» в «Комментарии» к «Главе 3» «Части I» настоящего тома.

¹¹ Эволюция – это процесс постепенного непрерывного количественного изменения, подготавливает качественные изменения. То есть речь идёт о классической формулировке перехода количества в качество [642].

¹¹¹ Смотри «Параграф 2.5» «Главы 4» «Части I» настоящего тома и «Параграф 2 «Главы 1» «Части I» «Том IV».

Известно, что утрата страной государственного суверенитета и независимости была воспринята образованным классом Вьетнама как национальная катастрофа, означавшая утрату национальной идентичности. Поэтому процесс её поиска и возрождения стал основной движущей силой общественной жизни вьетнамского общества в течение всего колониального периода.

Как уже отмечалось, колониальное завоевание Вьетнама проходило на фоне военно-политического соперничества Великобритании и Франции в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, сопровождавшегося бурной политической борьбой различных группировок и фракций во французском парламенте, где лишь к началу девяностых годов XIX в. деловые круги достигли единства взглядов по вопросу о колониальных владениях. При этом следует подчеркнуть, что длительное антиколониальное сопротивление вьетнамского народа неоднократно вызывало отрицательную реакцию французского парламента. Тем не менее это не помешало после установления стабильной колониальной власти и завершения «умиротворения» Вьетнама его превращению в стержень французских владений в Восточной Азии и ядро созданного ею в 1887 г. Индокитайского союза. Так, через присоединённые к этому союзу Камбоджу и Лаос, Франция стремилась оказывать влияние на Сиам и даже на Бирму. Примером тому могут послужить дипломатические переговоры Ж.Ферри с бирманским двором в семидесятых годах XIX в. Таким образом, Индокитайский союз стал главным инструментом французского влияния не только на одноимённом полуострове, но и во всей Восточной и Юго-Восточной Азии.

Многовековая значимость опиравшейся на культ предков и конфуцианскую идеологию императорской власти явилась главной причиной сохранения французскими колониальными властями института монархии во Вьетнаме. При этом необходимо подчеркнуть, что они объективно имели все возможности для его упразднения, в частности после

бегства из столицы императора Нгуен-фук Миня¹ в условиях набирающего силу движения «Поддержим Короля». Несмотря на то что вьетнамская монархия в целом утратила в глазах народа былой престиж, а император – право на «Мандат Неба», французские колониальные власти на протяжении всего правления во Вьетнаме формально сохраняли традиции монархического правления, рассматривая этот институт как удобный рычаг управления страной.

Начало девяностых годов XIX в. – это начало экономического освоения не только Южного, но и Северного Вьетнама. Особенности социально-культурного развития социума этих двух частей страны предопределили как их различную реакцию на вторжение Франции, так и темпы их развития в условиях колониальной зависимости. Адаптация западноевропейских институтов к местным условиям, представляет особый интерес при исследовании истории Вьетнама. Связано это с тем, что она наилучшим образом иллюстрирует, каким образом взаимопроникновение культур Востока и Запада, в данном случае – Вьетнама и Франции, привели к зарождению колониального общества, которое стало компромиссным структурно-функциональным единством, возникшим в результате взаимодействия местных традиций и современного европейского влияния [639, с.8, 9]. Последнее особенно важно в связи с тем, что развитие вьетнамского общества той эпохи в целом совпадает с основным вектором всей колониальной экспансии в XIX в., которая прервала замкнутость регионов и породила необратимый процесс превращения человечества в единое целое. И поскольку этот процесс протекал в условиях значительной неравномерности развития различных регионов земного шара, то во многих его районах под воздействием стран Западной Европы и США начались «дополнительные» процессы, направленные на ликвидацию отставания их развития от регионов-лидеров. Всю совокупность этих процессов можно определить понятием

¹ Смотри «Примечание 19» в «Комментарии» к «Главе 4» «Части I» настоящего тома.

«модернизация», которым лучше всего характеризуется период превращения человечества в единое целое. Она охватывает почти все сферы общественной жизни, но нигде она не протекает так сложно и так трудно для осмысления, как в области культуры [388, с.5 – 11].

С момента французского колониального завоевания католические храмы стали привычным элементом традиционного вьетнамского пейзажа.

Куангнам, 05.04.2011 г.

До начала колониальной экспансии ни одна культура на земном шаре, за исключением Европы, самостоятельно не породила экспериментальных наук. Отсюда возникает вопрос, насколько европейское образование совместимо с иными культурами. Ведь в результате этого «совмещения» духовная культура «модернизирующихся» обществ «раскалывается» на свою локальную и чужую универсальную. Этот «раскол» вынуждает местную автохтонную культуру рано или поздно примириться с соседством науки и всех сопредельных, подверженных её влиянию областей духовной культуры. Неизбежным становится и «раскол» носителей автохтонной культуры на традиционалистов и новаторов, который на протяжении какого-то времени определяет жизнь большой и социально значимой группы образованной части общества.

Раскол традиционной культуры представляет собой наиболее характерную и драматическую фазу культурной модернизации. Ей предшествует период, когда политическое давление извне ещё не так сильно, чтобы заставить общество начать пересмотр своих культурных ценностей и приступить к радикальным реформам общественного устройства. Однако внешний фактор принуждает его осознать свою отсталость и начать поиски решения её преодоления, которые приводят к трансформациям в сфере общественного сознания и к частичным изменениям в некоторых культурных областях. Интересно, что под давлением внешних факторов политика осознанной самоизоляции не устояла ни в одной из стран Восточной Азии, в которых процесс модернизации привёл к ознакомлению с научно-техническими достижениями Запада и их последующему частичному заимствованию. Вслед за этим следовала и переоценка своей собственной культурной традиции, которая отнюдь не сводилась к нигилизму.

Основное же значение протекавших в XIX в. в культуре Восточной Азии процессов состояло в том, что они затронули не только отдельные области интеллектуальной жизни её обществ, а «структурообразующие» аспекты её культур. Всё сказанное о модернизации в относится и к традиционному вьетнамскому обществу, столкнувшемуся с европейским влиянием в XVII в. и в полной мере ощутившему на себе его последствия в конце XVIII – начале XX в.

В заключение следует подчеркнуть, что характеристика общетеоретических проблем перехода от эпохи позднего средневековья к новому времени применительно к истории Вьетнама приводится во «Введении» «Тома II» «Полной академической истории Вьетнама» для того, чтобы не перегружать текст его глав их изложением.

ЧАСТЬ I

Политическая история Вьетнама в XVII – XIX вв.

Глава 1

Ситуация в Дайвьете XVII – XVIII вв. Разделение страны на Данчаунг и Дангоай

1. Военно-политические группировки Ле – Чинь в Донгдо (Тханглаунге) и Нгуен в Тхуан – Куанге

В предыдущем томе при рассмотрении противостояния Северной династии Мак и Южной династии Ле уже частично затрагивалась проблема противоречий между феодальными кланами Чинь и Нгуен. Поэтому в данном параграфе описываются лишь те их аспекты, которые не имеют прямого отношения к войнам XVI в. и главным образом связаны с историей создания опорной базы рода Нгуен на юге.

Как уже говорилось, заслуга создания опорной базы в Тханьхоа для сопротивления Северной династии принадлежит Нгуен Киму, который в то время действовал в союзе с родом Чинь, глава которого Чинь Кием был его зятем. После отравления Нгуен Кима предателем в 1545 г., император Ле назначил главнокомандующим Чинь Киема, и фактически с этого времени на первое место при дворе Южной династии выдвигается феодальный клан Чинь¹. Более того, опасаясь возможного «реванша» своих бывших союзников, Чинь Кием замыслил убийство Нгуен Уонга и его сына Нгуен Хоанга². Последний обратился за помощью к своему дяде Нгуен Ы Зи, посоветовавшему ему прикинуться сумасшедшим. Однако Нгуен Хоанг воспользовался советом Нгуен Бинь Кхиема¹, который сказал: «Хоаньшон – это высокий [горный] пояс, можно укрыться надолго» [164, т.1, с.30,31]. Поэтому через

¹ Смотри «Параграф 1.3.2» «Главы 4» «Части I» «Том II».

² Старший сын и внук Нгуен Кима. Вероятно, внука назвали в честь его знаменитого прадеда Нгуен Хоанг Зу. Если так, то, как это следует из данного параграфа, Нгуен Хоанг полностью оправдал надежды своих родителей.

свою сестру Нгаук Бао, которая была женой Чинь Киема, он попросил позволения отправиться на защиту Тхуанхоа.

Государь Чинь сразу же удовлетворил эту просьбу, формально обосновав её целесообразность в прошении императору. И действительно, для Чинь Киема это было почти идеальное решение проблемы. Во-первых, отъезд Нгуен Хоанга избавлял его от соперника при дворе. Во-вторых, бывший опытным воином Нгуен Хоанг мог организовать оборону этих недавно покорённых южных территорий от вторжений армии Северной династии. Последнее было не только нежелательно, но и опасно, так как в случае захвата Тхуанхоа войска Маков получали возможность нанесения одновременного удара по группировке Ле – Чинь как с севера, так и с юга. Наконец, существовала большая вероятность того, что в этом далёком крае, населённом полупокорёнными горными меньшинствами, Нгуен Хоанг будет убит либо ими, либо в одном из сражений с Маками [164, т.1, с.31; 194.1, т.3, с.306].

Согласно Нгуен Кхоа Тиему¹, Нгуен Хоанг прибыл вместе с семьёй в Тхуанхоа в 10-ом месяце года Зелёного Коня. На 20 боевых судах с 1000 матросов он вошёл в бухту Иенвьет и стал лагерем на берегу в общине Айты уезда Вусыонг¹¹. Согласно Л.Кадьеру, это произошло между 10-ым ноября и 10-ым декабря 1558 г. [202; 704]

В то время Нгуен Хоангу было только 34 года. Его сопровождали такие известные люди, как уже упоминавшийся Нгуен Ы Зи², военачальник и младший брат Мак Кинь Диена – Мак Кань Хуонг. К Нгуен Хоангу также присоединился руководитель Тхуанхоа поместный князь Возвышенный Тонг Фьюк Чи, который, принеся реестры и карты, попросил позволения остаться при его дворе. Помимо этого за Нгуен Хоангом последовало довольно много талантливых людей и воинов из уезда Тонгшон и всего региона Тхань – Нге.

¹ 1659 – 1739 гг.

¹¹ Теперь это бухта Кыавьет в Куангчи. Уезд Вусыонг эпохи Ле – Мак назывался при Ле после реставрации Тхуансыонг, при Нгуенах – Дангсыонг, в настоящее время это уезд Чиеуфаунг провинции Куангчи.

В «Биографии Нгуен Ы Зи» содержится любопытное описание прибытия Нгуен Хоанга в своё будущее владение: «Год Зелёного Коня. Зима. Великий Предок прибыл в Тхуанхоа, Ы Зи¹ с детьми [и] младшими [братьями] последовал за ним. На берегу Айты жители поднесли [в дар] кувшины чистой воды. Ы Зи радостно обратился [к Нгуен Хоангу]: “Это милость Неба. Это Небесное знамение. Не успел Верховный государь прибыть, как жители поднесли воду; не предсказание ли это получения страны?”. Великий Предок принял семь кувшинов воды, [после чего] разбил лагерь в общине Айты» [1215, т.1, с.76]³.

Как уже говорилось, военный округ Тхуанхоа был создан династией Ле на территории отторгнутых ещё в эпоху Ли – Чан у Тямпы провинций О и Ли. К моменту прибытия Нгуен Хоанга он состоял из двух малых провинций, четырёх округов и восьми уездов. Населён же он был в основном бежавшими на юг преступниками, скрывавшимися от Маков сторонниками династии Ле, национальными меньшинствами и тьямами [194.1, т.1, с.44]. Главной опорой Нгуен Хоанга в управлении этой сложной и опасной территорией стали уже упоминавшиеся ранее Нгуен Ы Зи, Мак Кань Хуонг и Тонг Фыок Чи. Проводившаяся ими политика равного отношения ко всем группам населения и низкого налогообложения оказалась настолько эффективной, что местные жители прозвали Нгуен Хоанга «Святой государь» [164, т.1, с.32].

В 1569 г. Нгуен Хоанг приехал в Тханьхоа на аудиенцию к императору, после чего у него состоялся дружеский ужин с его свояком Чинь Киемом. В 1570 г. он вернулся в Тхуанхоа и перенёс свою резиденцию в общину Чабат уезда Вусьонг¹¹. В том же году, после того как правитель Куангнама был назначен руководителем Нгеана, состоявший из трёх малых провинций и девяти уездов Куангнам был подчинён Нгуен Хоангу [164, т.1, с.33]. Именно

¹ В источнике сказано: «Ы Ти». См. «Примечание 2» в «Комментарии» к настоящей главе.

¹¹ Новая резиденция находилась в 2-х км от старой. Поэтому причина её переноса не совсем ясна.

в это время особенно ярко проявился его военный талант. По приказанию Нгуен Хоанга в бухтах и устьях рек на побережье были возведены земляные укрепления, и, кроме того, он сумел создать боеспособную и дисциплинированную армию, что позволило ему отразить все атаки флота Северной династии.

Усиление позиций Нгуен Хоанга вызвало недовольство у целого ряда представителей местной знати. Поэтому летом 1571 г. трое из них, Ми Лыонг, Ван Лан и Нгиа Шон, тайно выступили из уезда Кханглок¹, чтобы нанести неожиданный удар по его резиденции. Однако Нгуен Хоанг был готов к такому повороту событий и быстро ликвидировал их мятеж. В том же году по его приказу военачальник Май Динь Зунг подавил восстания племенных вождей, грабивших население Куангнама. Правда, нельзя исключать и того, что эти мятежи и восстания были спровоцированы кончиной Чинь Киема и междоусобицами при дворе Ле в 1570 – 1571 гг. Во всяком случае, это спровоцировало переход на сторону Северной династии начальника уезда Ботинь Лап Бао, который в 1572 г. вторгся в Тхуан – Куанг во главе флота Маков¹¹. С этими событиями связано довольно любопытное предание.

Согласно легенде, занявший оборону на берегу реки Нгуен Хоанг однажды ночью услышал странные звуки, которые доносились с реки, будто кто-то говорил: «чао, чао». Решив, что это знамение, он взмолился: «[О], дух реки, обладающий чудесной [силой], помоги мне разбить врага!». Во сне к нему явилась женщина в синем платье и с веером в руке, которая сказала: «Если светлый князь хочет победить врага, то чтобы [чудесная] сила помогла, следует заманить [его чем-то] прекрасным на отмель». Проснувшись, Нгуен Хоанг пришёл к выводу, что «прекрасное», о котором говорил дух, это «прекрасная женщина». В то время среди придворных женщин была некая Нго-тхи Нгаук Лам, отличавшаяся необыкновенной красотой и умом. Нгуен Хоанг приказал ей отправиться с золотыми и шёлковыми дарами к Лап Бао и убедить его

¹ Теперь это уезд Куангнинь провинции Куангбинь.

¹¹ Смотори «Параграф 1.4.2» «Главы 4» «Части I» «Томе II».

прийти на то место, откуда слышались странные звуки с реки. Нгаук Лам пришла к Лап Бао и сказала: «Мой государь узнал, что военачальник прибыл издалека, спешно отправил дары, чтобы заключить мир [и] больше не сражаться». Хотя Лап Бао и был пленён ее красотой, но поначалу сделал вид, что разозлился, и стал обвинять Нгаук Лам в том, что она хочет заманить его в ловушку. Однако затем он всё же оставил девушку в своём лагере. Она воспользовалась этим, чтобы пригласить Лап Бао погулять по берегу реки, о чём сообщила Нгуен Хоангу. Последний приказал построить на том месте, откуда с реки слышались странные звуки, храм из бамбука и соломы, за которым спрятал засаду. В условленный день Лап Бао вместе с Нгаук Лам и небольшой охраной из нескольких десятков воинов подплыли к этому месту. Увидев на берегу всего лишь несколько человек, Лап Бао спокойно сошёл на берег и направился к храму. В этот момент на него напали воины из засады. Лап Бао бросился к лодке, но она уже отплыла от берега. Тогда Лап Бао попытался спастись вплавь, но был поражён стрелой и погиб. После этого Нгуен Хоанг напал на лагерь, в котором расположились основные силы противника. В тот момент разразился шторм, потопивший все корабли флота Маков. В результате оставшиеся без предводителя и кораблей воины Лап Бао сдались. Нгуен Хоанг разрешил им остаться в Контиене, где они основали 36 слобод.

В благодарность за услугу Нгуен Хоанг выдал Нго-тхи Нгаук Лам замуж за заместителя командующего обороной Небесной воинственности Ву Зоан Чунга, пожаловал ей титул «Благородная жена, помогающая [во] всём, ведающая делами духа Чао-Чао» и возвёл на месте событий поминальный храм [164, т.1, с.35, 36].

О самой победе над флотом Лап Бао и других военных успехах Нгуен Хоанга уже говорилось в предыдущем томе. Однако вышеприведённый текст представляет особый интерес, так как свидетельствует о том, что согласно традиции, «Мандат Неба» перешёл к Нгуен Хоангу почти за сто пятьдесят лет до того, как его потомок Нгуен Ань основал последнюю общевьетнамскую династию. Фактически, отражая

реальные исторические события, этот сюжет является одной из последних новелл третьей группы вьетнамской историко-мифологической традиции¹.

После уничтожения флота Лап Бао набеги армии Мак на Тхуанхоа полностью прекратились и, согласно источникам, в всём крае воцарилось спокойствие и благоденствие. Он превратился в торговый центр, который посещало множество кораблей. Также уже упоминалось и том, что государь Нгуен регулярно отправлял в Тханьхоа и Нгеан продовольствие для снабжения армии Ле – Чинь. В 1573 г. император Ле установил фиксированный налог с подвластных Нгуен Хоангу земель, пожаловав ему при этом должность великого заместителя¹¹.

Из всех событий того смутного времени, пожалуй, можно упомянуть дополнительно лишь об одном. В 1585 г. «военачальник с Запада по имени Хиен Кюи»⁴ привёл в бухту Кыавьет пять больших военных кораблей и начал грабить местное население. Тогда Нгуен Хоанг направил против него своего 6-го сына Нгуен-фук Нгуена с десятью кораблями. В ходе завязавшегося сражения два корабля противника были уничтожены, а три – обращены в бегство. На одном из них бежал и Хиен Кюи. Согласно источнику, узнав об этом, Нгуен Хоанг радостно воскликнул: «Мой сын – настоящий герой!» [164, т.1, с.38].

Кроме того, следует указать на то, что если отношения между Нгуен Хоангом и Чинь Киемом хоть и были сложными, но оставались родственными, то с выдвижением на главную роль при дворе Южной династии Чинь Тунга ситуация принципиально изменилась. Безусловно, новый государь Чинь открыто не показывал своего враждебного отношения, но при этом нет никакого сомнения, что он серьёзно опасался влияния своего знаменитого дяди на императора и всячески стремился ему навредить. Так, надо полагать, что Ми Лыонг, Ван Лан и Нгиа Шон, выступившие в 1571 г. в Вусьонге против Нгуен

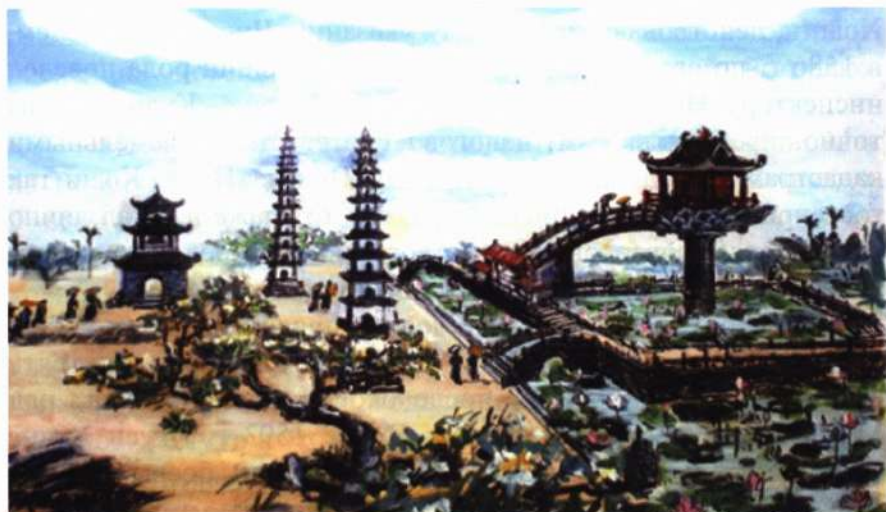
¹ Смотри «Параграф 2» «Главы 1» «Части IV» «Томе III» и «Раздел 1» «Главы 1» «Части III» «Томе II».

¹¹ Смотри «Параграф 2» «Главы 4» «Части I» «Томе II».

Хоанга, действовали по тайному указанию Чинь Тунга. Затем, в 1586 г. по его настоянию император Старший рода повелел инспектору Нгуен Тао отправиться в Тхуан – Куанг, чтобы точно определить сумму налогов в соответствии с земельными кадастрами и подворными реестрами. Правда, Нгуен Хоанг так гостеприимно принял инспектора, что тот даже не стал лично заниматься проверкой, удовлетворившись переданными ему кадастрами и реестрами малых провинций и уездов.

Вероятно, в сложных условиях продолжавшейся войны с севером Чинь Тунг всё же опасался слишком обострять ситуацию на юге, однако после окончательной победы над Маками положение изменилось. В мае 1593 г. Нгуен Хоанг вместе с войском из пеших воинов, кавалерии, боевых слонов и флота прибыл в столицу, чтобы поздравить императора с победой. Он лично передал императору земельные кадастры и подворные реестры, а также преподнёс в дар продовольствие и золото из хранилищ Тхуанхоа и Куангнама. На аудиенции император Старший рода [династии] Ле пожаловал Нгуен Хоангу титул «Государственный князь Начала, Великий военачальник, Руководитель гражданских дел, Командующий левым дворцом – командующий срединной армией, сказав ему при этом: «Вы управляете двумя провинциями, благодаря [Вам] народ живёт [там в] спокойствии, это великая заслуга!» [164, т.1, с.39 – 40]. После этого Нгуен Хоанг пробыл в Донгдо ещё восемь лет. При этом он регулярно принимал участие в различных сражениях с остатками войск Маков и мятежников, в которых постоянно одерживал победы.

Однако Чинь Тунг, который не мог, да и не желал смириться с возвышением своего родственника, стал готовить заговор с целью его убийства. Нгуен Хоанг понимал, что в столице он практически беззащитен, и поэтому решил вернуться домой. Воспользовавшись тем, что военачальники Фан Нган, Нго Динь Нга и Буй Ван Кхюе подняли мятеж в бухте Дайан, он испросил позволения их покарать. Затем Нгуен Хоанг увёл войска морским путём в Тхуанхоа, где, став лагерем в Айты, вернул свою резиденцию на прежнее место [164, т.1, с.41].

Макет-реконструкция территории пагоды Одного столба (XVI – XVII вв.).
Музей Истории. Ханой, 18.04.2011 г.

Поскольку Нгуен Хоанг оказался вне пределов его досягаемости, Чинь Тунг, отправил в Тхуанхоа помощника столичного придворного историографа Ле Нгия Чатя с императорским указом, которым подтверждалась власть Нгуен Хоанга над Тхуанхоа и Куангнамом. Поэтому указом ему предписывалось ежегодно собирать и вносить в казну все налоги. От себя лично государь Чинь также послал письмо, в котором настоятельно советовал продолжать присылать ко двору установленные ранее дары [165.3, т.3, с.209 – 210]. В ответ Нгуен Хоанг отправил императору благодарственное письмо, а Чинь Тунгу предложил упрочить родственные связи. В результате в 10-ом месяце года [Самца] Белой Крысы¹ он выдал свою дочь Нгаук Ту замуж за старшего сына Чинь Тунга, Чинь Чанга. Однако больше Нгуен Хоанг в столицу не приезжал. Со своей же стороны, вопреки мнению целого ряда придворных императорского двора Чинь Тунг не начинал военных действий против своего родственника.

Будучи «де-факто» независимым государем, Нгуен Хоанг предпринял целый ряд мер для укрепления своей

¹ 1600 г.

власти. Так, в 6-ом месяце года Белой Буйволицы¹ он возвёл в общине Хакхе уезда Хыонгча провинции Тхуанхоа знаменитую пагоду Небесной Наставницы. Затем, в 1602 г., Нгуен Хоанг назначил своего упоминавшегося ранее 6-го сына Нгуен-фук Нгуена управляющим Куангнамом. В этой провинции были плодородные земли, было много скота и в ней жило множество людей, поэтому там собирался рисом значительно больший налог, чем в провинции Тхуанхоа. Кроме того, численность войск в первой в полтора раза превышала их численность во второй. Это назначение наглядно свидетельствует, что Нгуен Хоанг решил сделать Нгуен-фук Нгуена своим «преемником». В 1604 г. Нгуен Хоанг провёл административную реформу в подчинённых ему провинциях, изменив при этом названия целого ряда малых провинций и уездов [164, т.1, с.43]. Наконец, в 1611 г. он предпринял первые шаги по отторжению территорий у Тямпы. Под предлогом того, что тямские войска постоянно грабят южные земли его владений, Нгуен Хоанг повелел военачальнику Ван Фаунгу отбросить тямов южнее, а на захваченных землях он учредил малую провинцию Фуиен, которую разделил на уезды Донгсуан и Туихоа. Первым правителем этой малой провинции вполне логично был назначен Ван Фаунг.

Летом 1613 г. тяжело заболевший Нгуен Хоанг собрал у своего ложа Нгуен-фук Нгуена и ближайших сподвижников и обратился к ним со следующими словами: «Мы вместе с вами преодолевали трудности, стремясь свершить великое дело. Теперь Мы передаём тяжёлую ношу сыну, поэтому вы единодушно помогайте [ему] завершить дело».

Затем, взяв сына за руку, он сказал: «Сын должен быть почтительным, подданные – преданными, братья – прежде всего любить друг друга. Если последуешь этому совету, то Нам не о чем беспокоиться».

К сказанному Нгуен Хоанг добавил: «На севере земли Тхуан – Куанг защищены [горами] Хоаньшон [и рекой]

¹ 1601 г.

Линьзянг¹, на юге – [горами] Хайван [и] Тхатьби¹¹. В горах есть золото и железо, в море – рыба и соль, на эту землю мужественные люди реально могут опереться для войны. Если обучить людей военному делу, чтобы противостоять Чиням, то навсегда завершите [создание великого] дела. Если силы будут неравными [силам] врага, то [всё равно сможете] защитить землю и избежать несчастья. Не забывайте Нашего совета!».

3-го числа 6-го месяце года Жёлтой Буйволицы¹¹¹ в возрасте 89 лет Нгуен Хоанг скончался. Он правил районом Тхуан – Куанг 56 лет. Сначала он был похоронен на горе Тхатьхан в уезде Хайланг, а затем – перезахоронен на горе Лакхе уезда Хыонгча. Впоследствии первый император династии Нгуен пожаловал Нгуен Хоангу титул «Император Прекрасный [и] Богатый», а как родоначальнику династии – присвоил посмертное имя «Великий Предок».

Преемником Нгуен Хоанга, как и ожидалось, стал 6-ой сын государя – Нгуен-фук Нгуен^{IV} [164, т.1, с.44].

2. Дальнейшее обособление клана Нгуен в Тхуан – Куанге

Следует отметить, что император Ле попытался хоть как-то показать свою власть над южными территориями. С этой целью он издал указ о пожаловании Нгуен Хоангу посмертный титул «Князь Постигший Истину» и назначении Нгуен-фук Нгуена управляющим провинциями Тхуанхоа и Куангнам с титулом «Поместный князь Великий защитник». Кроме того, он прислал жертвенные дары с соболезнованиями. Однако это ни к чему не привело, так как последний свято следовал завету отца.

Нгуен-фук Нгуен строил крепости и оборонительные валы, учреждал пограничные пункты на путях с севера и продолжал политику своего отца в отношении местного населения. Надо полагать, что он также уделял достаточно много внимания буддийским пагодам и монастырям, так как в

¹ Река Зянь.

¹¹ Хайван и Тхатьби (Дабаи), то есть Море Облаков и Каменная стела.

¹¹¹ 20-ое июля 1613 г.

^{IV} 1613 – 1634 гг.

народе его прозвали «Государь Хранитель [Пагоды]»¹. В свою очередь придворные, взяв за основу пожалованный Нгуен-фук Нгуену императором Ле титул, присвоили ему титул «Поместный князь Скипетра Великий защитник, Мудрый руководитель военных [и] государственных дел – объединитель внешнего [и] внутреннего, [по] совместительству главнокомандующий всеми водными [и] сухопутными [военными] лагерями». С того времени официальная фамилия всех государей, а затем и императоров этой династии состояла из двух иероглифов 福阮 (Нгуен-фук или Нгуен-фыок) [164, т.1, с.47].

В 1614 г. Нгуен-фук Нгуен осуществил реформу административного аппарата, заменив всех, ранее назначенных императором Ле или государем Чинь, своими сторонниками. Кроме того, он учредил целый ряд центров, в том числе пять основных резиденций, или [военных] лагерей, для управления своими владениями.

Резиденция Ботинь, или резиденция «Путешествие», находилась в общине Тхонгоа уезда Кханглок провинции Куангнинь. «В округе южный Ботинь [её] защищали горы Бачинь, [в то время как] длинная река [этого] округа текла от Фулама [и] Бенлиета до районов Шаоша [и] Батюнг, [а затем, пройдя] через Зиньгой, впадала в устье Аннау [в море]» [194.1, т.1, с.103, 104].

Резиденция Лыгудон, или резиденция «Черепица», находилась в общине Воса уезда Летхюи на «обширной низменности, где дома стояли в шахматном [порядке, а их] черепичные крыши были подобны рыбьей чешуе. С правой стороны был песчаный холм, [а её] левая сторона смотрела на [реку] Биньзянг» [194.1, т.1, с.105].

Резиденция Куангбинь, или резиденция «Стоянка», находилась в общине Анчать уезда Летхюи и, как резиденция Лыгудон, на «обширной низменности; [она] опиралась на горы, была обращена к реке [и] тоже была удобно расположена» [194.1, т.1, с.106].

¹ Это прозвище также может интерпретироваться как «Государь Будда».

Резиденция «Главная», или резиденция «Отмель», являвшаяся столицей рода Нгуен, находилась в общине Айты уезда Дангсьонг [194.1, т.1, с.107, 108].

Резиденция Куангнам, или резиденция «Тямпа», находилась в общине Канхук уезда Зюисюен [194.1, т.1, с.117].

Таким образом, если судить по названиям этих резиденций, или военных лагерей, и мест, в которых они находились, то все они являлись как административными центрами, так и крепостями, защищавшими всю территорию Нгуенов от её северных границ с владениями Ле – Чинь до южных границ с Тямпой.

Поскольку главная резиденция являлась столицей, то именно там находилось высшее звено созданного Нгуен-фук Нгуеном административного аппарата. Его главной составляющей были три «Управления».

1. Управление Дома поручений было юридическим органом, в котором столоначальники и регистраторы разбирали документы, прошения, жалобы и заявления.
2. Управление Взаимодействия служащих отвечало за сбор налогов, а также за выдачу вознаграждения чиновникам и продовольствия военным в резиденциях Ботинь, Лыудон и Куангбинь. Его возглавлял руководитель присутствия.
3. Управление Исполнения приказов руководило ритуалами, обрядами и жертвоприношениями, а также обеспечивало продовольствием воинов главной резиденции. Во главе этого управления стоял чиновник в должности начальника учреждения.

При последнем было создано три вспомогательных управления. Управление Внутреннего исполнения приказов отвечало за сбор всех налогов. Управления Правого и Левого исполнения приказов занимались сбором денег *личного поручения*, или подушного налога, в районах Тхуанхоа и Куангнама, который сдавался во внутреннюю малую провинцию¹.

¹ Внутренняя малая провинция, то есть столичный округ.

В каждом управлении главной резиденции служило по шестьдесят чиновников: по три *принимающих решения*, по семь *руководителей согласований*, по десять *занимающихся согласованиями* и по сорок *секретарей управления*.

В остальных четырёх резиденциях было создано либо по одному, либо по два управления. В первом случае это было управление Исполнения приказов, во втором – или управления Дома поручений и Взаимодействия служащих, или управления Дома поручений и Исполнения приказов. Численность служащих в этих управлениях зависела от объёма выполняемых ими работ.

Из вышесказанного следует, что в результате административной реформы Нгуен-фук Нгуена его владения были разделены на пять резиденций, которые делились на малые провинции, в свою очередь разделённые на уезды, или округа. Судя по всему, в этой структуре различий между округом и уездом не было. Соответственно ключевыми фигурами в созданной государем Нгуен административной системе были руководители малых провинций и уездов [164, т.1, с.47].

В 1615 г. Нгуен-фук Нгуен чётко определил права и обязанности чиновников малых провинций и уездов. Правитель малой провинции и начальник уезда принимали решения по всем правовым вопросам. Старшие секретари и секретари помогали им в решении этих вопросов, разбирая документы, прошения и жалобы и докладывая о них руководству. Чиновники в должности руководящего наставлениями и прислуживающего ритуала отвечали за проведение церемоний и отправление культов. Наконец, для сбора налогов Нгуен-фук Нгуен создал Главное служебное присутствие, в которое отбирались особо проверенные чиновники [164, т.1, с.4; 194.1, т.1, с.149].

В результате при государе Нгуен-фук Нгуене система управления Тхуанхоа и Куангнам превратилась из составной части административного аппарата Ле – Чинь в независимую администрацию государства рода Нгуен. Всё кончилось тем, что, упрочив своё положение на юге, Нгуен-фук Нгуен

отказался от признания верховной власти рода Чинь. При этом государь Нгуен перестал платить своему бывшему сюзерену ежегодные налоги и подати.

В 1617 г. Нгуен-фук Нгуен создал склады для хранения различных вещей и предметов, или «Вещевые Дома», за которые отвечало управление Внутреннего исполнения приказов. Район Тхуан – Куанг издавна славился золотом, поэтому население создавало семейные группы по его добыче, а округ Ботинь был богат железом. Кроме того, там имелось ещё множество других ценностей, таких как ароматные масла, пчелиный воск, слоновая кость, тростник для циновок, лак, мёд, благовония, смола и другие продукты. Каждая местность была чем-то богата. Правда, в Тхуан – Куанге не было меди, но торговые суда из Фуцзяни, Гуандуна и Японии привозили покупавшиеся Нгуенами товары из меди. Все вносимые населением в качестве налога или купленные продукты собирались для хранения в «Вещевых Домах».

В 1618 г. Нгуен-фук Нгуен поручил чиновникам провести обмер *людских полей*¹, или земель населения общин Тхуан – Куанга, для определения размера налогообложения. В то время местные должностные лица и сельские богачи часто захватывали общественные земли населения общин, превращая их в частные, что приводило к тяжбам. Лишь после фиксации чиновниками точного размера общинных полей эти тяжбы прекратились.

В 1620 г. правители основ⁵ Нгуен-фук Хиеп и Нгуен-фук Чать¹¹ тайно отправили послание Чинь Тунгу с просьбой помочь им свергнуть Нгуен-фук Нгуена. В случае успеха один из них должен был возглавить Тхуанхоа, другой – Куангнам, при этом они обещали снова признать верховную власть двора Ле – Чинь. В ответ государь Чинь отправил к ним на помощь военачальника Нгуен Кхая с 5000 воинами, который стал ждать развития событий в общине Нятле уезда Фаунглок.

¹ *Людские поля*, то есть общественные поля населения общин, не путать с *государственными полями*, или общественными полями, находившимися в собственности государства.

¹¹ 7-ой и 8-ой сыновья Нгуен Хоанга, родные братья Нгуен-фук Нгуена.

Нгуен-фук Нгуен собрал военачальников, чтобы обсудить, как отразить нападение объединённых сил государя Чинь, Хиеп и Чатя. В то же время он опасался правителя основы Нгуен-фук Туена¹. Поэтому, решив отослать его подальше, Нгуен-фук Нгуен сказал: «Туен талантливее всех, если назначить [его] командовать войсками, то обязательно победит врага!». Разгадав этот замысел, Туен ответил: «Если я покину резиденцию, то опасаясь, что произойдёт переворот». Тогда Нгуен-фук Нгуен приказал командующему резиденцией Нгуен-фук Ве^{II} отправиться против Нгуен Кхая. Узнав об этом, Хиеп и Чать поняли, что их заговор провалился. Поэтому они заняли складские помещения Айты в укреплении Конкат, где приготовились обороне. Нгуен-фук Нгуен попытался убедить их сдаться, но они отказались. Тогда, лично возглавив основные силы и назначив Нгуен-фук Туена командовать авангардом, он перешёл к решительным действиям. Хиеп и Чать потерпели поражение и бежали, но были схвачены Нгуен-фук Туеном, который передал их Нгуен-фук Нгуену. Братья были заключены в тюрьму, где вскоре заболели и умерли. Узнав о произошедшем, Нгуен Кхай увёл своих солдат на север. Однако нападение армии Чинь на общину Нягле явилось хорошим поводом, для того чтобы государь Нгуен окончательно отказался от уплаты каких-либо налогов и податей двору Ле – Чинь.

В 1622 г. Нгуен-фук Нгуен предпринял ещё один шаг для защиты своего государства. Дело в том, что племена *лукхоан*, или *лакхоан*, юго-западного высокогорья Нгеана нередко переправлялись через реку Хиену, которая течёт вдоль границы с Айлао по землям Камло^{III}, и грабили население пограничных районов. Поэтому он учредил «Резиденцию

¹ 4-ый сын поместного князя Ха – старшего сына Нгуен Хоанга. Поскольку этот текст был написан в эру правления «Светлая судьба» (1820 – 1840 гг.), то табуированное имя «Нгуен-фук Туен» записано в источнике как Тон Тхат Туен [164, т.1, с.49].

^{II} 2-ой сын поместного князя Ха.

^{III} Современная провинция Куангчи.

Айлао» и создал шесть отрядов на судах из мобилизованных среди местного населения воинов для защиты границы.

В 6-ом месяце года Жёлтой Свиньи¹ Чинь Тунг тяжело заболел. Воспользовавшись этим, его 2-ой сын Чинь Суан поднял мятеж и сжёг столицу. Государь Чинь сначала попытался уговорить сына смириться, а затем приказал его убить. После смерти Чинь Тунга ему наследовал старший сын Чинь Чанг, который, опасаясь продолжавшегося мятежа сторонников Чинь Суана, отправил императора Духа рода [династии] Ле^{II} в Тханьхоа. Узнав о смерти Чинь Тунга, Нгуен-фук Нгуен сказал своим военачальникам: «Тунг не признавал императора, Суан не признаёт отца, такое [поведение никоим образом] не соответствует Пути Неба!». При этом он заметил: «Я хотел воспользоваться обстоятельствами [и] повести войска на помощь императору. [Однако] нападать [на людей] во время траура – не [соответствует] гуманности, пользоваться моментом [их] скорби – не [соответствует] справедливости. Более того, мы и семья Чинь находимся в родственных отношениях. Поэтому сначала следует поднести ритуальные дары, а затем принять решение в зависимости от ситуации». После этого государь Нгуен отправил ко двору Чинь посольство с ритуальными дарами. Все были восхищены таким благородством [164, т.1, с.50, 51].

Наследовав отцу, Чинь Чанг возвёл свою супругу Нгаук Ту в сан главной жены Западного дворца, которая тайно отправила с Нгуен-фук Киеу послание Нгуен-фук Нгуену. О чём шла речь в письме – неизвестно. В хронике династии Нгуен лишь сказано: «Государь очень обрадовался, пожаловал [Нгуен-фук Киеу] эту должность^{III} [и] выдал [за него] замуж принцессу Нгаук Динь [164, т.1, с.51].

В 1624 г. Чинь Чанг отправил на юг министра общественных работ Нгуен Зюи Тхи и внутреннего инспектора Фам Ван Чи для получения земельного налога. Нгуен-фук

¹ 1623 г.

^{II} Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

^{III} Согласно Нгуен Минь Тьонгу, это должность командира конного отряда.

Нгуен сказал посланникам: «В обоих районах Тхуан – Куанг много лет неурожай, население голодает, поэтому налоги собирать нельзя. Когда будет [богатый] урожай, то внесу налог без опозданий». Посланцы рода Чинь вернулись ни с чем.

В 1625 г. ко двору государя Нгуен прибыл Дао Зюи Ты, который глубоко изучил классические книги и историю, разбирался в прорицаниях и владел военным искусством. Он очень быстро стал близким советником Нгуен-фук Нгуена, оказав ему большую помощь в борьбе с Чинями. Так, Дао Зюи Ты организовал строительство укреплений Чыонгзук и Нягле, которые перекрыли путь на юг войскам государя Чинь⁶.

Наконец, сочтя войну с Чинями скорой и неизбежной, Нгуен-фук Нгуен принял в 3-ем месяце года Красного Тигра¹ решение о переносе своей резиденции дальше на юг в общину Фюкиен уезда Куангдиен, который с того времени стал малой провинцией.

Поведение Нгуен-фук Нгуена привело Чинь Чанга в ярость. Поэтому в 8-ом месяце того же года он повелел великому защитнику Нгуен Кхаю и малому защитнику Нгуен Зань Тхе собрать 5000 воинов в общине Хачунг^{II} и готовиться к вторжению на южные территории. Затем, в 10-ом месяце, Чинь Чанг приказал управляющему срединными делами Военного ведомства Нгуен Хыу Бану передать Нгуен-фук Нгуену указ императора Ле об уплате всех налогов, начиная с года [Самца] Чёрной Крысы^{III}, и повелением самому прибыть в столицу. Государь Нгуен рассмеялся и сказал посланнику: «Это лишь личное пожелание рода Чинь, а не милостивого императора Ле, как же [можно так] забывать [о] происхождении [семьи] подданного? К тому же, [можно ли], сравнивая по численности населения [и] воинов эти два района с четырьмя провинциями^{IV}, [выдвигать] подобные требования!

^I 1626 г.

^{II} Хачунг теперь принадлежит уезду Киань провинции Хатинь.

^{III} 1624 г.

^{IV} Четыре провинции, то есть находившиеся вокруг столицы провинции Киньбак, Хайзыонг, Шонтэй и Шоннам. На самом же деле в то время под властью Ле – Чинь находилась вся территория Северного Вьетнама.

Если же вспомнить о заслугах нашего предка, то нам следует отдать [ещё и] весь Нгеан, не говоря [уже о] землях Тхуан – Куанг». Тогда многие военачальники просили Нгуен-фук Нгуен начать военные действия, но он им ответил: «Род Чинь в гневе забыл [о] благодарности, но если мы сочтём родных врагами, то опасаясь, что вызовем насмешки [по всей] стране». Затем Нгуен-фук Нгуен повернулся к послам и сказал: «Передайте [великому] князю Чинь [Чангу], что мы не замысливаем против [него] ничего дурного» [164, т.1, с.52, 53]. После этого, устроив для посланцев роскошный приём, он отпустил их восвояси.

На самом деле Нгуен-фук Нгуен не хотел начинать войну с Чинями не потому, что он «опасался насмешек». Просто в то время его войска ещё уступали в силе армии Ле – Чинь. Кроме того, чтобы население страны его поддерживало, необходимо было найти веские аргументы для начала войны. Именно поэтому Нгуен-фук Нгуен и сделал хитрый ход, попытавшись представить Чинь Чанга человеком, который «забыл о благодарности». Ведь война с напавшим на тебя «неблагодарным родственником», с которым ты к тому же попытался решить проблему мирным путём, была, согласно всем традиционным канонам, оправданной и справедливой!

3. *Гражданская война между Чинями и Нгуенами (1627 – 1672 гг.)*

Гражданская война между Чинями и Нгуенами, длившаяся с 1627 до 1672 г., имела тяжёлые последствия для страны. В хрониках и летописных сводах династии Нгуен в качестве главной причины этой войны называется неуплата дани государем Нгуен династии Ле. Однако, как уже говорилось ранее, с момента своего назначения правителем Тхуанхоа в 1558 г. Нгуен Хоанг регулярно платил ежегодную дань, которая в 1573 г. была преобразована в фиксированную ренту-налог. В 1586 г. на юг прибыла миссия двора Ле – Чинь для сверки реестров и сбора налогов, которая, как известно, особого успеха не добилась. Как правило, Нгуен Хоанг объяснял задержку поступления налогов трудностями

морского пути. Не помогло даже присланное ему Чинь Тунгом письмо с упрёками и скрытыми угрозами. Тем не менее благодаря поступавшим с юга налогам группировка Ле – Чинь имела средства как для ведения боевых действий против Северной династии Мак до 1599 г., так и для укрепления своей власти после победы над ней.

Однако с приходом к власти на Юге Нгуен-фук Нгуена отношения между югом и севером начали ухудшаться. Окончательно же они испортились после того, как Чинь Тунг отправил в 1620 г. пятитысячный отряд Нгуен Кхая на помощь восставшим против брата Нгуен-фук Хиепу и Нгуен-фук Чатю. Как известно, именно с этого момента государь Нгуен вообще перестал присылать ко двору Ле – Чинь какой-либо налог, не говоря уже о дани или дарах.

Безусловно, отказ от уплаты налога и признания верховной власти рода Чинь послужил поводом для начала открытого военного конфликта, корни которого восходили к событиям семидесятилетней давности. Истинная же его причина кроется в борьбе за верховную власть в стране между породнившимися феодальными кланами Чинь и Нгуен. Как известно, первоначально доминировали вторые во главе с Нгуен Кимом, после гибели которого всей полнотой власти постепенно овладел лидер первого Чинь Кiem. Новый виток конфликта произошёл после убийства старшего сына Нгуен Кима – Нгуен Уонга и отъезда сына последнего, Нгуен Хоанга, в Тхуанхоа.

С этого времени власть императора Ле имела чисто формальный характер. Император лишь утверждал решения, которые принимались при дворе всесильным государем Чинь. Таким образом, создавший себе опорную базу на юге феодальный род Нгуен являлся единственной оппозицией власти рода Чинь. При этом Нгуены провозгласили лозунг об «освобождении императора Ле из-под власти узурпаторов Чинь». Но если при Нгуен Хоанге этот лозунг использовался главным образом для сплочения сил на юге, то Нгуен-фук Нгуен на его основании отказался признавать верховную

власть Чинь Чанга. Именно поэтому военный конфликт между Чинями и Нгуенами стал неизбежен.

Противостояние государей Чинь и Нгуен.

Народный лубок. Институт Истории ВАОН. Ханой, 21.04.2011 г.

3.1. Первая война (1627 г.)

В 1627 г. Чинь Чанг приказал Ле Дай Няму отвезти Нгуен-фук Нгуену указ императора Ле с требованием прислать к императорскому двору своего сына с тридцатью слонами и тридцатью военными судами для их последующего поднесения в дар династии Мин. Затем он воспользовался вполне ожидаемым отказом для начала военных действий. В марте того же года Чинь Чанг отправил императора Духа рода в Нгеан и, под предлогом проведения террриториальной инспекции, направил на юг пехоту и флот. Выйдя на исходные позиции, командующий авангардом его армии Нгуен Кхай расположил войска на северном берегу реки Нягле. Тогда государь Нгуен назначил главнокомандующим своего внука Нгуен-фук Ве, поручив при этом Нгуен Хыу Зату командовать

сухопутными войсками, а своему четвёртому сыну Чунгу – возглавить флот. Поначалу войска Нгуенов и Чиней занимали позиции на противоположных берегах реки. Однако затем, воспользовавшись приливом, флот Чунга атаковал лагерь Нгуен Кхая, войска которого пришли в змешательство. Но когда Чинь Чанг ввёл в бой основные силы своей армии, Чунг был вынужден бежать, в результате чего Чиням досталась богатая добыча. Тогда в сражение вступили боевые слоны Нгуен Хыу Зата, которые рассеяли войска противника, при этом погибло множество солдаат армии Чинь. Кроме того, Нгуен Хыу Зат и Чыонг Фук Зя отправили в лагерь Чиней лазутчиков, пустивших слух о том, что братья государя Чинь, Чинь Зя и Чинь Няк, задумали переворот. Узнав об этом, Чинь Чанг испугался и увёл войска обратно в Тханглаунг.

3.2. Вторая война (1633 г.)

Последовав совету Дао Зюи Ты, государь Нгуен вернул в 1630 г. указ о своём назначении императору Ле⁷ и приказал военачальнику Нгуен Динь Хунгу захватить земли к югу от реки Зянь, принадлежавшие южному Ботиню. Затем там был построен укреплённый лагерь Ботянь, который должны были защищать от Чиней войска под командованием Чыонг Фук Фана. Естественно, это вызвало гнев Чинь Чанга, который решил воспользоваться тем, что в начале 1633 г. правивший Куангнамом 3-ий сын Нгуен-фук Нгуена по имени Ань прислал ему письмо с просьбой о помощи. В письме сообщалось, что как только вторгнувшийся на юг государь Чинь подаст пушечным выстрелом условленный сигнал, Ань немедленно восстанет и поддержит его «изнутри». Взяв с собой императора Ле, Чинь Чанг двинулся в 12-ом месяце 1633 г. во главе сухопутной армии и флота на юг, где стал лагерем в устье реки Нягле. Навстречу ему выступили войска под командованием Нгуен Ми Тханга и Нгуен Хыу Зата, который приказал возвести длинный песчаный вал для дополнительной защиты укрепления Чыонгзык. Прибыв на место, государь Чинь подал условленный сигнал выстрелом из пушки, но никаких известий от Аня он так и не получил. Тогда

Чинь Чанг отвёл войска далеко от вала и стал ждать. Больше недели обе армии простояли в бездействии. Вероятно, это усыпило бдительность Чиней, на лагерь которых неожиданно обрушились Нгуены. Войска Чиней были разбиты и бежали. После этого поражения Чинь Чанг был вынужден поспешно отступить, оставив Нгуен Кхак Лоата для защиты северного Ботиня.

3.3. Третья война (1643 г.)

В 1635 г. Нгуен-фук Нгуен, которому наследовал его сын Нгуен-фук Лан^I, скончался. Узнав о восшествии на престол брата, Ань, объединившись с несколькими сотнями своих сторонников в союз, поднял в Куангнаме мятеж против нового государя. Однако Нгуен-фук Лан разгромил его войска и захватил Аня в плен, при этом все участники его союза были либо убиты в бою, либо казнены.

Непонятно, почему Чинь Чанг не воспользовался этой смутой, так как он решил предпринять экспедицию на юг лишь в 1643 г. Во 2-ом месяце того года великие защитники Чинь Так и Чинь Ле вместе с мужем, следующим [за главным]^{II} Нгуен Куанг Минем двинулись во главе основной армии на южный Ботинь. Им удалось разбить одну из частей армии Нгуен, при этом погиб её командир Буй Конг Тханг. Затем армия Чинь встала у устья реки Няtle. В следующем месяце, привезя императора Духа рода [династии] Ле в общину Анбай северного Ботиня^{III}, Чинь Чанг приказал Чинь Дао захватить укрепление Чунгхоа^{IV}. Однако все попытки захватить это укрепление кончились неудачей.

Наступил 4-ый месяц, вместе с которым пришла жара. В непривычной к ней армии северян начались эпидемии и

^I Государь Нгуен-фук Лан (1635 – 1648 гг.). Он также известен под титулом «Государь Верховный».

^{II} Должность чиновника старшего ранга третьего класса. Судя по контексту, в данном случае речь идёт о заместителе командующего.

^{III} Община Анбай находится в современном уезде Биньтинь провинции Куангбинь в 4 км от устья реки Зянь.

^{IV} Территория современной деревни Михоа в провинции Куангбинь.

болезни, от которых войны умирали во множестве. Поэтому Чинь Чанг был вынужден увести войска восвояси.

3.4. Четвертая война (1648 г.)

В 1-ом месяце года [Самца] Зелёной Крысы¹ Тонг-тхи⁸, жена старшего брата государя Верховного Нгуен-фук Ки, послала только что перешедшему на сторону северян отцу Тонг Фук Тхонгу письмо, в котором просила его убедить государя Чинь выступить против юга. Она также обещала помогать снабжению армии вторжения продовольствием за счёт своей семьи. Чинь Чанг немедленно приказал государственному князю Наступающему Ле Ван Хиеу¹¹ возглавить армию и начать военные действия против Нгуенов. Нанеся удар по укреплениям в бухте Нягле, флот Чиней рассеял оборонявшие их войска противника, после чего военный инспектор Нгуен Чиеу Ван увёл остатки войска на песчаные холмы к востоку от укрепления Чьонгзук. Командиры отрядов Чьонг Чиеу Лыонг и Чьонг Чиеу Нги, пришедшие на помощь из резиденции Куангбинь с четырьмястами воинами, погибли со всем своим войском. Ведущий реестры Тхинь Хой также бежал за реку. Тем временем пришедшая из южного Ботиня и занявшая позиции у деревни Вуса главная сухопутная армия Чиней начала штурм укрепления Чьонгзук, обороной которого руководили управляющий Ботинем Чьонг Фук Фан и его сын Хунг. Все попытки военачальников армии Чинь сломить сопротивление защитников Чьонгзука ни к чему не привели.

В этих обстоятельствах государь Нгуен приказал своему сыну Нгуен-фук Тану возглавить войска и вместе с военачальниками Тонг Хьу Даем, Нгуен Хьу Затом и Нгуен Чиеу Ваном дать отпор Чиням, а затем и лично последовал за ними во главе основных сил. Дойдя до Куангбиня, Фук Тан собрал командиров на военный совет. Согласно принятому на

¹ 1648 г.

¹¹ В погодной хронике династии Нгуен «Истинные записи [о] Великом Юге» называется не Ле Ван Хиеу, а Чинь Дао.

нём решению, флот Нгуенов скрылся в засаде на реке Камла, а Нгуен Хыу Тиен со ста боевыми слонами прорвав ночью оборону лагеря Чиней, открыл путь для атаки сухопутных войк. Потерпевшая сокрушительное поражение армия Чинь обратилась в бегство и, как и планировал Фук Тан, попала в организованную флотом Нгуенов засаду. Преследование продолжалось вплоть до реки Лам. В результате этой победы в плен к Нгуенам попали военачальники Зя, Ли и Ми, а также 30000 воинов армии Чинь⁹.

Опасаясь, что после этой победы Нгуены могут начать наступление на север, Чинь Чанг поручил Ле Ван Хиеу и Чан Нгаук Хоу вместе с десяти тысячным войском занять оборону в Хачунге, приказал Ле Хыу Дыку и Ву Лыонгу оборонять Хоаньшон и назначил Фам Тат Тоана командующим силами северного Ботиня.

В том же году скончался Нгуен-фук Лан, которому наследовал его сын Тан¹.

3.5. Пятая война (1655 – 1660 гг.)

Пятая война была самой продолжительной. Кроме того, она отличается от предыдущих тем, что её начали Нгуены.

Всё началось с того, что в 1655 г. Чинь Тьонг привёл войска для обороны уезда Кихоа, а его флот занял позиции в Кила. Тогда Нгуен Хыу Тиен отступил к реке Зянь, чтобы заманить войска Чиней в ловушку. Однако Чинь Тьонг, подозревая хитрость, не стал его преследовать. Он лишь разместил войска в Лаксюене¹¹, оставив при этом пятьсот воинов для защиты поста Хачунг. Увидев, что его замысел не удался, Нгуен Хыу Тиен повёл войска прямо на Лаксюен, а Нгуен Хыу Зат во главе флота атаковал бухту Кила, вынудив флот Чиней уйти в бухту Даннай (Хойтхонг). В результате армия Чинь отступила в Анчюн, а войска Хыу Тиена и Хыу Зата захватили пост Лаксюен, северный Ботинь и ещё семь

¹ Государь Нгуен-фук Тан (1648 – 1687 гг.). Он также известен под титулом «Государь Праведный».

¹¹ Современный уезд Камсюен в провинции Хатинь.

уездов, находившихся к югу от реки Лам. С того времени они вошли в состав резиденции Ботинь, а совершеннолетние общинники этих уездов платили налоги Нгуенам и несли воинскую повинность в их армии.

Узнав о поражении, Чинь Чанг понизил Чинь Тьонга в должности до звания командующего и назначил Чинь Така главнокомандующим всеми армейскими корпусами в Нгеане. После прибытия последнего Нгуен Хьу Тиен сразу ушёл в Хачунг, чтобы защитить захваченные территории. В 10-ом месяце того же года Чинь Чанг вернул Чинь Така ко двору и, пожаловав младшему сыну Чинь Тоану титул поместного князя Спокойствия, поручил ему управление Нгеаном.

Прибыв в 1656 г. на место назначения, Чинь Тоан разместил армию в уезде Тхатъха. Он также приказал войскам Дао Куанг Ниеу и Зьонг Хо занять деревни Хьонгбок и Дайнай, а флоту Ле Ши Хоу и Буй Ши Лыонга – стать на якорь в бухте Намзью¹. Наконец, Ву Ван Тхием со своим флотом разместился в бухте Данняя. Узнав о том, что силы противника разобщены, Нгуен Хьу Тиен приказал Зьонг Чи, Тонг Фук Хангу и Нгуен Хьу Зату нанести удар по Намзью. В результате они захватили 30 военных кораблей Чиней, после чего направились к реке Лам, чтобы атаковать флот Ву Ван Тхиема в Даннее. Последний боя не принял и бежал, бросив свои корабли.

После поражения флота Чинь Тоан увел войска в лагерь на реке Хоат, но, получив известие об окружении армии Дао Куанг Ниеу в Хьонгбоке, сразу же двинулся ему на помощь. Первое сражение, в котором войска Нгуенов потерпели поражение, произошло в Дайнае. Чинь Тоан и Дао Куанг Ниеу преследовали отступавшего в направлении поста Хачунг противника до деревни Тамлонг², где их контратаковали войска Нгуен Хьу Тиена и Нгуен Хьу Зата преградили им путь и атаковали. Чинь Тоан потерпел поражение и бежал в Иенчюнг, заняв там оборону.

¹ Бухта Шот в провинции Хатинь.

² Современный уезд Камсюен в провинции Хатинь.

В середине 1657 г. Чинь Чанг умер. Ему наследовал Чинь Так, знавший, что его младший брат Чинь Тоан пользуется большим авторитетом у населения Нгеана. Поэтому он пожаловал своему сыну Чинь Кану звание великого защитника и назначил его соправителем Нгеана. В конце того же года Чинь Так вызвал Чинь Тоана в столицу, обвинил его в том, что тот не прибыл на похороны отца, и бросил его в тюрьму, где тот и умер. В результате вся военная власть в Нгеане оказалась в руках Чинь Кана, который разделил армию на три корпуса, приказав Ле Тхи Хиену, Хоанг Нгия Зяо и Чинь Тхе Конгу форсировать реку Лам и атаковать войска Нгуенов. Однако они были остановлены Нгуен Хыу Тиеном. С этого момента на реке Лам произошло несколько сражений между войсками Чиней и Нгуенов, в которых ни одной из сторон не удалось добиться решающей победы. Наконец, в 10-ом месяце 1660 г. Чинь Кан решил начать генеральное наступление. Он приказал Хоанг Нгия Зяо и Фан Кием Тоана переправиться с войсками через реку Лам и стать лагерем в деревне Амконг. Ле Тхи Хиену было приказано направиться к Хойтхонгу, после чего оба корпуса должны были совместно наступать вниз по реке. У горы Ланшон корпус Хоанг Нгия Зяо был окружён войсками Нгуен Хыу Зата. Однако от горы Зунгкюет подошло подкрепление во главе с Чинь Каном, поэтому Нгуены были вынуждены отступить. Тогда же подошедший к деревне Таао корпус Ле Тхи Хиена столкнулся с войсками Нгуенов. И хотя в сражении погиб военачальник северян Нгуен Ван Лиен, южане были оттеснены в Нгисуан.

В то время основная часть армии Нгуен Хыу Тиена разместилась в Нгисуане, а Нгуен Хыу Зат занимал позиции в Кхудоке. При этом государь Нгуен-фук Тан с подкреплением стал лагерем в деревне Фуло¹. Тем временем у Нгуен Хыу Тиена возникли разногласия с Нгуен Хыу Затом. Поэтому получив известие о том, что Чинь Кан повелел двум армейским корпусам начать наступление на деревни уезда

¹ Современная деревня Фуан уезда Биньтинь провинции Куангбинь.

Тхиенлок, он решил подставить Хыу Зата под удар, который получил приказ поддержать нападение на Анчыонг. Однако в действительности Нгуен Хыу Тиен не только не пошёл в наступление, но и увёл в полночь свои войска в южный Ботинь. Когда войска Чиней подошли к реке Кхудок, Нгуен Хыу Зат отступил, но при этом он прибегнул к хитрости, чтобы избежать преследования. В Хоаньшоне силы Нгуен Хыу Зата объединились с войсками Нгуен Хыу Тиена, вместе с которыми они вступили в бой с преследовавшей их армией Чинь Кана. В этой битве с обеих сторон погибло много людей.

После сражения Чинь Кан увёл войска в Кихоа, а Нгуен Хыу Тиен занял позиции на другом берегу реки в Нятле. В то же время Хыу Зат прикрывал наиболее опасные направления удара, разбив лагерь в Донгкао. В итоге вышеупомянутые семь уездов у реки Лам снова перешли к Чиням.

На этом пятая война завершилась, и Чинь Кан, повелев Дао Куанг Ниеу защищать Нгеан и северный Ботинь, вернулся с основным войском в столицу.

3.6. *Шестая война (1661 – 1662 гг.)*

В 10-ом месяце года Белой Буйволицы¹ Чинь Так, возглавив большую армию и взяв с собой императора Духа рода [династии] Ле, выступил против Нгуенов. Во главе этой армии стояли испытанные военачальники. Так, Чинь Кан был назначен руководящим воинами (главнокомандующим), Дао Куанг Ниеу – объединяющим руководство (заместителем главнокомандующего), Ле Тхи Хиен и Хоанг Нгия Зяо – командующими-руководителями (начальниками корпусов), а Ле Ши Чьет и Чинь Те – командующими-последователями (командующими соединениями).

Армия вторжения форсировала реку Зянь и стала лагерем у деревне Фукты, а Чинь Так с императором Ле избрали своей резиденцией деревню Фуло, где в предыдущем году стоял лагерь государь Праведный.

¹ 1661 г.

Командующий войсками Нгуенов в южном Ботине Нгуен Хыу Зат находился в Фуклоке на противоположном от Фукты берегу реки Раозинь. По его приказанию воины возвели в уязвимых местах оборонительные сооружения, которые, несмотря на неоднократные попытки штурма, армия Чинь так и не смогла захватить. Всё кончилось тем, что к 3-му месяцу следующего года^I наступательный порыв армии Чинь выдохся, её воины были крайне утомлены и к тому же кончилось продовольствие. Поэтому преследуемый противником Чинь Так был вынужден увести войска на север. Лишь после того, как армия Чинь ушла за реку Зянь, Нгуен Хыу Зат прекратил преследование.

3.7. Седьмая война (1672 г.)

Последующие десять лет Чини были вынуждены сражаться с укрепившимися в Каобанге силами бывшей Северной династии Мак, поэтому они просто не имели возможности вести войну на юге. Лишь в 6-ом месяце года [Самца] Жёлтой Крысы^{II} Чинь Так лично возглавил несколько десятков тысяч воинов и, вынудив императора Прекрасного рода [династии] Ле^{III} присоединиться к армии, вторгся в северный Ботинь для последующего нападения на Нгуенов. Он поручил великому военачальнику государственному князю Соответствия Чинь Кану возглавить флот, а Ле Тхи Хиена назначил главным руководителем^{IV} сухопутных войск. Когда основная армия Чиней форсировала реку Зянь, повсюду был обнародован императорский указ, призывавший население ни о чём не беспокоиться и обвинявший Нгуенов во всех бедах.

В свою очередь Нгуен-фук Тан назначил четвёртого сына Хиена великим военачальником и поручил Нгуен Хыу Зату вместе с Нгуен Ми Дыком оборону уязвимых местностей, а затем, в 9-ом месяце, государь Праведный лично привёл

^I 1662 г.

^{II} 1672 г.

^{III} См. «Таблицу №2» в «Томе VI».

^{IV} То есть «главнокомандующим».

подкрепление и возглавил войска, занимавшие позиции в укреплении Чаннинь¹⁰.

Вскоре начался штурм. После нескольких атак наступавшим удалось разрушить часть вала, однако Нгуен Хыу Зат не только смог отразить все удары противника, но и сумел со своими солдатами восстановить разрушенную часть укрепления. Тем не менее, пытаясь овладеть Чаннинем, Чини ещё около трёх месяцев вели активные боевые действия, после чего были вынуждены отступить в северный Ботинь. Наконец, в 12-ом месяце наступили холода, пошли дожди, воины были утомлены и многие из них болели. В их числе был и Чинь Кан, который тяжело простудился, ведя флот по реке Зянь к месту сражения. Кроме того, скончался крупный военачальник и управляющий Нгеана Дао Куанг Ниеу. Поэтому, назначив Ле Тхи Хиена вместо Ниеу, Чинь Так дал приказ об уходе основной армии на север. При этом Ле Ши Чиет и Нгуен Зань Тхык, получив должности командующего-последователя и заместителя командующего-последователя соответственно, возглавили оставленные на юге войска и заняли позиции в Хачунге.

С того времени войны между группировками Чинь и Нгуен прекратились, а река Зянь стала естественной границей между контролируемыми этими двумя феодальными кланами территориями. Подчинённая государям Чинь северная часть страны именовалась Дангнгоай, а южная, подчинённая государям Нгуен, – Дангчаунг¹¹. Однако, по крайней мере – формально, государство по-прежнему оставалось единым, именовалось Дайвьет и управлялось общенациональной династией Ле.

4. Политическое положение в Дангнгоае

В предыдущем томе уже подробно описывались события 1592 г., которые завершились полным разгромом войск Северной династии Мак и казнью её последнего императора в 1593 г.¹.

¹ Смотри «Параграф 1.4.3» «Главы 4» «Части I» «Томе II».

Завладев всей полнотой власти при дворе, Чинь Тунг присвоил сам себе в 1599 г. титул Великий военачальник столицы, объединяющий государственную власть, верховный [блюститель] подношений [алтарю предков], король мира [и] умиротворения. Он также вынудил императора Старшего рода [династии] Ле пожаловать ему нефритовый ковш, бамбуковый бунчук и [символ] «Императорского Вьета»¹².

Двор государей Чинь в Дангнгоае. XVIII в.
Институт Истории ВАОН. Ханой, 21.04.2011 г.

Практически с этого времени в Дайвьете сложилась просуществовавшая до конца правления династии Ле система государственной власти. Внешне она, особенно на первых порах, мало чем отличалась от оформленной при императоре

Совершенном рода в эру «Великой добродетели»¹ системы, кроме одного принципиального момента. Вся верховная власть в стране была сосредоточена не в императорском дворце, а в резиденции государь Чинь.

В 1600 г. Чинь Тунг установил посты главы своей резиденции и главы центральной администрации – верховного контролёра и верховного исполнителя. Оба этих поста сопоставимы с традиционными должностями первого министра и его заместителей. Но если последние имели титулы знатности, а их должности соответствовали определённым классам и рангам в чиновничьей иерархии, то на указанные посты государь Чинь лично назначал людей из своего ближайшего окружения, как правило – родственников. Так, известный историк XIX в. Фан Хи Тю писал: «После уничтожения династии Мак государственный князь Чинь [Тунг] стал в эру “Славного процветания”¹¹ королём¹³. Для решения политических вопросов в резиденции была учреждена должность верховного контролёра, а должности правого, левого и военного руководителей – упразднены. С того времени политические вопросы решались в резиденции государя. Верховный контролёр – это обладающий властью, но не имеющий звания первый министр» [213, т.2, с.20]. Верховным контролёром и верховным исполнителем могли назначаться люди, занимавшие должности министра (верховного секретаря), мужа, следующего [за главным] (заместитель министра), или столичного управляющего срединными делами (руководитель столичного учреждения наказаний). Верховный контролёр и верховный исполнитель помогали государю при принятии решений государственной важности и руководили всеми делами его дворца.

Роль государя Чинь была ещё значимее и потому, что в то время большинство императоров династии Ле всходили на престол ещё в детском возрасте. Так, Старший рода стал императором в 1573 г. в возрасте 7 лет, Почтительный рода –

¹ 1470 – 1497 гг.

¹¹ 1578 – 1600 гг. Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

в 1600 г. в возрасте 12 лет, Дух рода – в 1619 г. в возрасте 13 лет, Уединившийся рода – в 1663 г. в возрасте 9 лет и Прекрасный рода – в 1672 г. в возрасте 11 лет. При этом правление Духа рода прерывалось краткосрочным пребыванием на троне Истинного рода (1643 – 1648 гг.). Таким образом, шесть императоров Ле формально правили с 1573 по 1675 г.¹, и на протяжении всех этих ста лет они фактически были марионетками в руках государей Чинь. Естественно, официально высшие чиновники назначались на должности императорским указом и считались придворными императора. В их числе можно назвать должности министра или придворного историографа. Однако на самом деле для назначения кого-либо на указанные должности требовалось согласие государя Чинь.

Надо полагать, что поначалу государи Чинь занимались организацией своей администрации, так как министры были назначены Чинь. Таким во все шесть министерств императорского двора Ле только в 1664 г. Так, верховный контролёр Фам Конг Чы был назначен министром внутренних дел, верховный исполнитель Чан Данг Туен – министром финансов, Нгуен Нанг Тхиеу – министром обрядов Ле, Ву Зюи Ти – военным министром, Фан Кiem Тоан – министром юстиции и Ле Хиеу – министром общественных работ [239.7, т.2, с.309]. Все эти «императорские» министры напрямую подчинялись Чинь Таку, который лишь спустя одиннадцать лет в 1675 г. разграничил функции подчинённых им ведомств.

1. Министерство внутренних дел отвечало за все категории чиновников в государстве, ведало их назначением и отбором, повышением или понижением в должности, а также контролировало их деятельность.
2. Министерство финансов отвечало за землепользование, хранилища и налоги, а также ведало доходами и взиманием дани.
3. Министерство обрядов отвечало за обряды и ритуалы, различные жертвоприношения, организацию обучения

¹ Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

и проведение конкурсных испытаний, а также ведало вопросами, связанными с астрономией, религией и музыкой.

4. Министерство обороны, или военное министерство, отвечало за все военные дела, а также ведало вооружением армии и охраной границ.
5. Министерство юстиции отвечало за законодательство. Оно ведало исполнением законов и вынесением приговоров в соответствии с пятью типами наказаний¹.
6. Министерство общественных [работ] отвечало за все виды строительства, а также ведало содержанием в надлежащем порядке крепостей и дворцов, дорог и мостов, дамб и шлюзов, рек и каналов. Кроме того, в его ведении находились леса и горы [165.3, т.3, с.297; 239.7, т.2, с.334, 335].

Кроме того, существовали такие должности, как великий правитель походов, великий правитель коней, или великий конюший, великий правитель пустоты, три великих (великий наставник или советник, великий заместитель и великий защитник) и три малых (малый наставник или советник, малый заместитель и малый защитник)¹⁴. Все они считались выше должности министра, и ими жаловались сторонники Чиней, отличившиеся во время войн с Маками за реставрацию династии Ле.

Таким образом, хотя в то время верховная власть формально принадлежала «двору императора Ле», в действительности она находилась в руках государя Чинь, который управлял Дайвьетом посредством различных

¹ Пять наказаний.

1. «Лёгкое»: наказание плетью;

2. «Тяжёлое»: наказание палкой;

3. «Ссылка»: обращение в солдат, которые растили и тренировали слонов и лошадей или же в качестве полевых каторжников и полевых ссыльных обрабатывали государственно-общинные поля;

4. «Изгнание»: отправка в отдалённые и дикие места;

5. «Смерть»: один из видов смертной казни.

учреждений своей «резиденции». В целом же структура этой власти выглядела следующим образом.

Сразу после реставрации династии Ле при резиденции государя Чинь были созданы Военное управление, Управление финансов и Управление водных дел, в которых служило более ста человек, занимавшихся военными и экономическими проблемами. Однако в 1718 г. Чинь Кыонг учредил *шесть управлений*, которые были полными аналогами *шести министерств*. В каждом управлении были руководитель и заместитель руководителя управления, в подчинении которых находилось порядка шестидесяти чиновников. Тогда же были созданы подчинённые управлениям шесть служб, ведавшие сбором налогов [165.4, с.74; 213, т.2, с.14]¹. Таким образом, в результате этих нововведений традиционные ведомства императорского двора окончательно превратились в чисто представительские учреждения.

Ведя постоянные войны с династией Мак на севере и с государями Нгуен на юге, государи Чинь были вынуждены уделять особое внимание армии. Следует отметить, что ничего принципиально нового они не создали, а лишь несколько модифицировали созданную императором Совершенным рода [династии] Ле военную организацию страны. Вся армия была разделена на пять управлений (*дворцов*)¹⁵: срединное, южное, северное, восточное и западное. В эпоху войн с Маками и Нгуенами командующими этих пяти управлений обычно назначались высшие военачальники, но затем государи Чинь решили поставить на эти ключевые военные должности «своих» людей. Поэтому в 1664 г. Чинь Так провёл следующие назначения:

Великий заместитель, поместный князь [Горного] потока Чинь Чыонг стал руководящим делами управления, левым командующим, командующим управлением срединной армии; великий заместитель, поместный князь Исполнитель¹⁶ Чинь Донг — руководящим делами управления, левым

¹ Службалевой срединности, Служба Правой срединности, Восточная служба, Южная служба, Западная служба и Северная служба.

командующим, командующим управлением восточной армии; великий военачальник, поместный князь Отважный Ле Тхи Хиен – секретарём дел управления, левым командующим, командующим управлением западной армии; великий заместитель, поместный князь Дворца Чинь Ок – секретарём дел управления, левым командующим, командующим управлением северной армии; великий военачальник, поместный князь Облаков Чинь Киен – руководящим делами управления, левым командующим, командующим управлением южной армии¹⁷ [165.3, т.2, с.308].

В XVIII в. государь Чинь выдвинул ряд преданных ему учёных-конфуцианцев на должности в пять управлений. В том числе старейшина государства Данг Динь Тьонг был назначен руководящим делами управления, а великий контролёр Нгуен Конг Ко – секретарём дел управления [213, т.2, с.27].

Военные, занимавшие должности в пяти управлениях, назывались «Чиновники Пяти управлений», а великие контролёры и великие исполнители на таких должностях назывались «Чиновники Служб управлений».

По сути, «Пять управлений» вместе со «Службами управлений» являлись высшим органом государственной власти, который нередко называли «Пять управлений [и] управлений службами».

Таким образом, после образования пяти военных и шести гражданских управлений вся власть в Дайвьете была окончательно сконцентрирована в руках государей Чинь, тогда как императоры династии Ле превратились вместе со своим двором в декоративный фасад государственной власти.

В структуре провинциальной администрации Чини также сохранили основные принципы её организации эпохи первого периода правления династии Ле. Она состояла из провинций¹, малых провинций, уездов, округов и общин. Однако уже в начальный период своего правления после реставрации государи Чинь, переименовав многие провинции,

¹ В то время под «провинцией» следует понимать административную единицу, именовавшуюся «чан».

разделили их на «внутренние» и «внешние». К категории «внутренних» были отнесены четыре находившиеся на низменности провинции Шонтэй, Киньбак, Хайзыонг и Шоннам. Пять отдалённых и горных районов Лангшон, Хынгхоа, Тхайнгуен, Туенкуанг и Анкуанг были отнесены к категории «внешних провинций». Кроме того, были ещё две провинции Тханьхоа и Нгеан, являвшиеся своего рода буферной зоной с провинциями Тхуанхоа и Куангнам, которые находились под властью государей Нгуен. Таким образом, сам Дангнгоай состоял из одиннадцати провинций, а весь Дайвьет с учётом Дангчаунга – из тринадцати.

Административный аппарат каждой провинции имел Управление провинциального [командующего], Управление Следования [основе] и Управление Соблюдения [законов]. Первое, которое во многом являлось аналогом Управления командующего эпохи Совершенного рода династии Ле, имело большие полномочия, чем остальные два, и занималось, как это следует из его названия, военными делами и охраной границ провинции. Во главе управления провинциального [командующего] стояли военные чиновники в должности «начальника провинции». Однако в провинциях Каобанг, Лангшон и Нгеан они именовались «командующий провинцией», а в провинции Тханьхоа – «командированный начальник». Наконец, при императоре Богатом рода династии Ле в правление под девизом «Охранение гармонии»¹ в провинциях была учреждена должность патрульного начальника [213, т.2, с.29, 30]. По этому поводу в источнике сообщается: «В 8-ом месяце года Красного Коня»² срединный военачальник Нгуен Кхак Сынг был назначен патрульным начальником Шоннама. В провинциях Шонтэй, Киньбак [и] Хайзыонг военные чиновники [также] были назначены на [должность] патрульного начальника. Все [они] подчинялись Управлению провинциального [командующего и] охраняли

¹ 1720 – 1729 гг. Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

² 1726 г.

уязвимые места. Должности патрульного начальника в провинциях появились с того времени» [165.4, с.101].

Во время правления императора Добродетельного рода [династии] Ле под девизом «Вечная защита»¹ должности начальника провинции и командированного начальника были переименованы в «командующего резиденцией». Помимо начальника провинции, командующего провинцией и командированного начальника в провинциях существовала ещё должность «командующего всеми», которая в больших провинциях называлась «командующий подданными». Занимавшие эти должности¹¹ чиновники были подчинены начальнику провинции [213, т.2, с.30].

Управления Следования [основе] и Соблюдения [законов] в целом не отличались от аналогичных управлений XV в. В первом были должности легата [управления] следования основе (младший ранг третьего класса), главного инспектора (младший ранг четвёртого класса) и советника-аналитика (младший ранг пятого класса). Занимавшие эти должности чиновники ведали административной работой, подворными реестрами, а также сбором налогов как деньгами, так и рисом. Во втором чиновники в должностях легата [управления] соблюдения законов и заместителя легата [управления] соблюдения законов занимались донесениями и доносами, обвинениями и расследованиями, проверками и контролем, инспектированиями и другими сложными юридическими делами. Всего же в перечень их обязанностей входило тридцать два таких дела [213, т.2, с.30].

Поскольку роль начальника провинции, в чьих руках концентрировалась вся власть на местах, была исключительно велика, то государи Чинь назначали на эту должность либо

¹ 1735 – 1740 гг. Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

¹¹ Чиновники «командующие всеми» относились к четвёртому или пятому классу, а «командующие подданными» – к третьему или четвёртому классу. Учитывая, что всего существовало девять классов, каждый из которых делился на старший и младший ранги, такой чиновник мог занимать пятое – десятое места в чиновничьей иерархии, имевшей восемнадцать уровней.

своих родственников, либо преданных им людей. Так, например, в 1642 г. Чинь Чанг назначил своих сыновей Чинь Така, Чинь Литя, Чинь Ле и Чинь Шама начальниками провинций Шоннам, Шонтэй, Киньбак и Хайзыонг соответственно [165.3, т.3, с.237; 239.7, т.2, с.252]. Что же касается созданных на отдалённых территориях внешних провинций, то государи Чинь нередко поручали начальникам внутренних провинций совмещать управление ими, либо назначали их начальниками своих придворных. В 1712 г. верховные контролёры Нгуен Кюи Дык и Нгуен Тхе Ба предложили Чинь Кыонгу назначать начальников внешних провинций подобно тому, как это делалось во внутренних. Хотя государь Чинь и согласился с этим предложением, но положение в отдалённых провинциях не улучшилось, так как ослабление центральной власти в Дангнгоае не позволяло эффективно контролировать пограничные районы Дайвьета, которые де-факто оказались под властью племенных вождей и китайских феодалов.

Наконец, административное деление Дангнгоая в эпоху Ле – Чинь практически не изменилось по сравнению с предыдущей эпохой. Так, территория столицы состояла из двух уездов Куангдык и Виньсыонг, которые были объединены в непосредственно подчинённую центральной власти малую провинцию Фунгтхиен. Остальные одиннадцать провинций Дангнгоая имели следующую структуру [1304.3, с.67]:

1. Тханьхоа – 9 малых провинций, 22 уезда и 3 округа;
2. Нгеан – 9 малых провинций, 25 уездов и 2 округа;
3. Шоннам – 9 малых провинций и 36 уездов;
4. Шонтэй – 6 малых провинций и 24 уезда;
5. Киньбак – 4 малые провинции и 20 уездов;
6. Хайзыонг – 4 малые провинции и 18 уездов;
7. Тхайнгуен – 3 малые провинции, 9 уездов и 6 округов;
8. Хынгхоа – 3 малые провинции, 3 уезда и 15 округов;
9. Туенкуанг – 1 малая провинция, 1 уезд и 5 округов;
10. Лангшон – 1 малая провинция и 7 округов;
11. Анкуанг – 1 малая провинция, 4 уезда и 3 округа.

Уездам и округам подчинялись входившие в их состав общины и слободы или такие административные единицы, как горное поселение, горная деревня и горный уезд. Система чиновничьих должностей в малых провинциях, уездах, округах и общинах была такой же, как и в начальный период правления династии Ле.

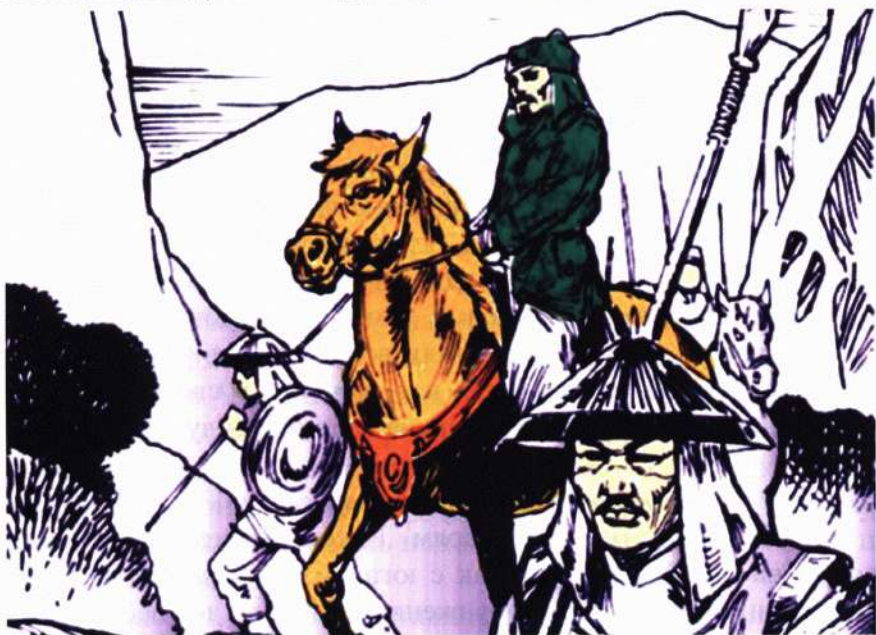
В заключение этого параграфа следует подчеркнуть, что, поскольку эпоха Ле – Чинь была временем вооружённого противостояния феодальных группировок и ширившихся крестьянских восстаний, в Дангнгоае резко возросла роль военных. Это отразилось как в том, что верховным органом власти при государях Чинь стали военные пять управлений и подчинённые им службы, так и в том, что в своей политике они опирались в первую очередь на военную силу.

5. Политическое положение в Дангчаунге

Как известно, государям Нгуен приходилось вести войну на два фронта, так как с юга им угрожала хоть и уже достаточно ослабленная поражениями XV в., но всё же ещё достаточно опасная Тямпа. Не менее опасным южным соседом Нгуенов была и Ченла, которая также претендовала на тямские территории. В предыдущем томе уже достаточно подробно говорилось о том, каким образом Нгуены покончили с Тямпой и захватили кхмерские владения в Южном Вьетнаме. Поэтому в данном томе следует лишь указать на то, что в результате южных войн, которые шли на протяжении всего XVII в., в 1693 г. с Тямпой было покончено навсегда.

Однако оставалась ещё проблема Ченлы, или, вернее, Камбуджадеша. Несмотря на тяжёлые поражения и мирный договор 1749 г., по которому она была вынуждена отказаться от всех притязаний на территории к югу от Зядини вплоть до пересекающего провинцию Митхо рукава Меконга, её король всё ещё продолжал вынашивать планы захвата бывших тямских территорий. К этому его подталкивали и осевшие в

Ченле тямские переселенцы, бежавшие с захваченных вьетнамцами древних территорий бывшей Тямпы¹.

Государь Нгуен во время одного из южных походов.
Институт Истории ВАОН. Ханой, 21.04.2011 г.

В то время кхмерский король Чэй Четтха V позволял своим подданным грабить, бежавших в его владения из провинции Тхуантхань тямов, которых там называли *конман* или *вотиман*. Узнав об этом, государь Нгуен вместе с придворными принял решение об экспедиции против Камбуджадеша. Поэтому в декабре 1753 г. государь Нгуен-фук Кхоат назначил командира отряда Тхиен Тиня и регистратора Нгуен Кы Чиня главным руководителем и инспектором-советником^{II} войск пяти армейских лагерей, Бинькханг, Биньтхуан, Чанбиен, Фиенчан и Лаунгхо, которым было приказано готовиться к походу.

^I Смотри «Параграф 1.6.2» и «Параграф 2» «Заключения» «Том II».

^{II} Вероятно, «главный руководитель» — одно из названий должности «главнокомандующего», а «инспектор-советник» — «главного советника» или, не исключено, «начальника штаба».

В июле 1754 г. разделённая на части армия Нгуенов выступила из Зядини. Главный руководитель Тхиен Тинь наступал из Митхо с основной частью войск, а Нгуен Кы Чинь вёл своих воинов по реке Батдонг. При появлении армии Кы Чиня кхмерские войска без боя обратились в бегство. Тогда он двинулся через Танлебак по Дайзянгу и, дойдя до поста Лоием, объединился с войсками Тхиен Тиня. Четыре малые провинции королевства Камбуджадеша (Лойлап, Тамбон, Коунам и Намванг) сдались армии Нгуенов, а кхмерский король бежал в Тамфаунгтху [165.4, с.221].

В 1755 г. король Чэй Четтха V к китайскому правителю Хатиена военачальнику Мо Тяньняню¹ послание с просьбой о получении убежища на его землях. В 1756 г. он попросил Мо Тяньняня выступить посредником в переговорах с Нгуенами, которым предложил за получение прощения уступить малые провинции Тамбон и Лойлап, а также выплатить полностью недостававшую дань за предыдущие три года. Нгуен Кы Чинь тоже поддержал это прошение. Нгуен-фук Кхоат прислушался к его мнению, и кхмерский король был прощён.

В 1757 г. король Чэй Четтха V скончался. К власти повторно пришёл его дядя Анг Тон². За свою поддержку государь Нгуен потребовал передать ему малые провинции Чавинь и Батхак. Однако зять короля убил своего тестя и взойшёл на престол под именем Утея II. Сын убитого, которого также звали Анг Тон, бежал в Хатиен. Этой ситуацией воспользовался главнокомандующий Чыонг Фук Зу, который в очередной раз вторгся на кхмерские земли. Узурпатор бежал в Тамфаунгсюи, где и был убит чиновником Ок Ня Уонгом. Тогда Анг Тон через Мо Тяньняня обратился к государю Нгуен с просьбой об утверждении его королём. В обмен Нгуенам были отданы земли Тамфаунглаунга.

Нгуен-фук Кхоат приказал провести дороги Донгкхоу в районе Шадек, Тантяу в районе Тиензянг и Тяудок в районе Хоузянг, а также перенёс резиденцию Лаунгхо в район

¹ Смотри «Параграф 2» «Заключения» «Тома II».

² Первое правление: 1747 – 1749 гг.

Тамбао¹, войска которой должны были охранять его новые владения. Став королём, Анг Тон II передал Мо Тяньяню в знак благодарности ещё пять малых провинций – Хыонгук, Канваут, Тяншум, Шаймат и Линькуинь, которые тот поднёс в дар государю Нгуен. Одновременно с этим Мо Тяньян предложил переименовать земли Зякхе в военный округ Киензянг, а Камау в военный округ Лаунгсюен, включив оба эти округа в провинцию Хатиен.

С того времени вся территория Южного Вьетнама вошла в состав Дайвьета.

Таким образом, благодаря завоеваниям XVIII в. южные границы Вьетнама приобрели при государях Нгуен свой окончательный, сохранившийся до настоящего времени вид [165.4, с.44, 56, 83, 125, 135, 141, 142, 148, 151, 153, 154, 167, 193, 198, 199, 201, 202; 168, кн. III, с.3b, 4a, 7a, 8a]¹⁸.

Завершив покорение южных территорий и учредив на них провинции, малые провинции и уезды, многим из которых они присвоили новые названия, государи Нгуен занялись оформлением внешней стороны своей власти. Согласно источнику, поводом для этого стало цветение смоковницы в мае 1744 г., которое было истолковано как благоприятное знамение. Согласно толкованиям прорицателей, оно являлось подтверждением сделанного незадолго до этого предсказания: «Восемь поколений [пройдёт и] возвращение столицы точно [будет завершено]»¹⁹. Поэтому придворный по имени Нгуен Данг Тхинь обратился к государю Нгуен с просьбой о принятии титула «короля».

12-го числа 4-го месяца года [Самца] Чёрной Крысы^{III} Нгуен-фук Кхоат взойшёл на престол во дворце Фусуана, принял титул короля и объявил амнистию. Тогда же прежние правила придворного этикета были заменены следующими:

¹ С того времени это центр провинции Виньлаунг.

¹⁸ Бат тхе хоан чунг до, Bát thể hoàn trung đô, Ба ши хуань чжун ду, 都中完世八. Восемь поколений: 1. Нгуен Хоанг; 2. Нгуен-фук Нгуен; 3. Нгуен-фук Лан; 4. Нгуен-фук Тан; 5. Нгуен-фук Тхай; 6. Нгуен-фук Тю; 7. Нгуен-фук Тю; 8. Нгуен-фук Кхоат.

¹⁹ Май 1744 г.

- Место проживания государя, которое ранее именовалось «резиденция», стало называться «дворец».
- Сообщавшие о чём-то государю подданные должны были вместо выражения «Я [сообщаю]», говорить «Докладываю [королю]»¹.
- В документах по-прежнему указывался девиз правления императора Ле, но в посланиях правителям зависимых государств государь Нгуен именовал себя «Небесный король» (王天).
- Если прежде в приказах о назначении чиновников вверху листа писали «Подчинённый заместитель» (傳侍), а внизу – «государственный князь, великий заместитель» (公國傳太) и ставили печать с иероглифами «Объединяющий [руководство] провинцией, главнокомандующий» (軍將鎮總), то теперь стала ставиться только печать «Король Государства» (王國).
- Если место, где государь Нгуен отправлял культ предков, прежде называли «Семейный [поминальный] храм» (祠堂), то с того времени оно стало именоваться «Родовой»² [поминальный] храм (廟宗).
- Старший сын государя по-прежнему носил титул «Наследный великий князь (子公太).
- Называвшаяся прежде «Главной женой» (人婦正) первая жена государя получила титул «Жена Левого коридора» (廊行左), а жёны второго ранга и наложницы – «Жена Правого коридора» (廊行右) [194.1, с.68].
- Родственники государя получали титул поместного князя» (公郡).

¹ То есть вместо иероглифа «身» (я; тхан, thân; шэнь) стал использоваться иероглиф «奏» (доклад; тоу, tâu; цзоу).

² Входящий в состав посмертных имён императоров иероглиф 宗 (род, родовой) в данном случае однозначно понимается как «императорский».

- Поскольку новорожденных детей было трудно растить, «мальчиков называли “девочка”, а девочек – “мальчик”»¹⁹ [165.4, с.205 – 207].

Кроме того, Нгуен-фук Кхоат пожаловал посмертные имена и титулы всем своим предкам, начиная от короля Блистательного [и] доблестного умиротворителя Нгуен Кима. Наконец, для того чтобы соответствовать статусу независимой монархии, были реформированы органы центральной власти. В главной резиденции наиболее высокопоставленными стали чиновники «четырёх опор»: левой внутренней, правой внутренней, левой внешней и правой внешней. Подчинённые им учреждения получили новые названия. Так, служба регистраторов была переименована в министерство внутренних дел, служба столоначальников – в министерство юстиции, служба руководителей присутствия помогающих разбору дел – в министерство финансов. Также были созданы министерства обороны и министерство общественных работ, а личная охрана была преобразована в армию военной академии, а чиновников служб стали называть «[чиновники гражданской] Академии».

В главной резиденции Фусуан, которая также была переименована в Столичную крепость, было построено множество резиденций, дворцов и поминальных храмов [164.1, с.207, 208]. В своём труде Ле Кюи Дон привёл следующее описание столицы Нгуенов: «Нгуен-фук Кхоат провозгласил девиз правления, изменил прежние названия [государственных учреждений]. [В столице были построены] дворцы Цвета Золота [и] Цвета Славы, имелись дома Собраний, Главного чиновника, Цвета срединности [и] Перемещения [земельного] богатства, общинный дом Драгоценной литературы, терраса Общих собраний, башня Весеннего процветания, палаты Прекрасных одеяний, Вопросов мира [и] Небесного чиновничества, дома Внутренних чиновников, общинный дом Распространения аромата, резиденции, а также гражданские [и] военные школы. В верхнем течении [реки Ароматной] на южном берегу были построены резиденции Весеннего света [и] Развлечений, выше находились резиденция Обучения

слонов; а также были возведены дворец Всеобщего обучения [и] терраса Воинских упражнений с роскошными большими крышами [и] великолепные высокие сооружения. [Всё] было окружено стенами с красивыми, выходящими на все стороны воротами, [на которых] были выправированы рисунки» [194.1, т.1, с.112].

После принятия титула короля, переименования столицы и реорганизации государственного аппарата Нгуен-фук Кхоат уточнил в мае 1744 г. и админитративное деление Дангчаунга, который был разделён на следующие двенадцать резиденций¹:

1. Главная резиденция стала называться «Столичная крепость Фусуан»;
2. Старая резиденция находилась в Айты;
3. Резиденция Куангбинь – в Анчати;
4. Резиденция Лыудон – в Воса;
5. Резиденция Ботинь – в Тхонгоа;
6. Резиденция Куангнам – в Куангнаме;
7. Резиденция Фуиен – в Фуиене;
8. Резиденция Бинькханг – в Зиенкхане и Бинькханге;
9. Резиденция Биньтхуан – в Биньтхуане.
10. Резиденция Чанбисн – в Фуклаунге;
11. Резиденция Фиенчан – в Танбине;
12. Резиденция Лаунгхо – в Диньвиене.

Каждой резиденцией управляли начальник провинции, руководитель присутствия и регистратор, которым были приданы по одному или по два чиновника из управлений Взаимодействия служащих, Дома поручений и Исполнения приказов со своими помощниками. Каждая резиденция контролировала одну малую провинцию. Исключением являлась лишь включавшая малые провинции Тхангхоа, Куангнгай и Кюиньон резиденция Куангнам. Поэтому малыми провинциями Куангнгай и Кюиньон руководили специальные

¹ В данном случае под «резиденцией» следует понимать провинциальный центр (крепость), в котором находились органы гражданского и военного управления этой провинцией.

чиновники в должностях надзирающего [малой] провинции, командированного советника и руководителя администрации, которые подчинялись руководству резиденции.

Наконец, в 1757 г. государь Нгуен создал подчинённые резиденции Лаунгхо военные округа Донгкхоу, Тантяу и Тяудок, а также военные округа Киензянг и Лаунгсюен в составе провинции Хатиен. В последней учредили особую провинциальную крепость, а руководителем этой провинции назначили военачальника из китайского рода Мо.

Резиденциям подчинялись малые провинции и уезды, которыми руководили начальники [малых] провинций и начальники уездов, в подчинении которых были секретари, старшие секретари и руководящие наставлениями. В уездном подчинении на равнинине были волости и общины, а в горных и приморских районах – владения, деревни, посёлки и хутора.

На нижнем уровне этой административной системы ключевыми фигурами были старосты общин и содействующие [подношениям] духам, число которых зависело от количества жителей в той или иной общине. Так, в больших общинах с населением в 999 человек и менее было по 18 старост общин и содействующих [подношениям] духам. В общинах с населением в 400 человек и меньше – по 8 старост общин и содействующих [подношениям] духам. В общинах с населением в 119 человек и меньше – по 2 старосты общины и содействующих [подношениям] духам. В общинах с населением менее 70 человек – по 1 старосте общины и содействующему [подношениям] духам [1304.3, с.68 – 71].

В традиционных владениях Нгуенов такая организация общинной власти сложилась уже в XVII в., тогда как в покорённых горных и приморских районах она была создана несколько позднее. Так, согласно указу государя Нгуен от 1726 г., во владения¹ с населением в 500 человек и более было назначено по 1 руководителю и секретарю, с населением в 450

¹* Судя по контексту, в государстве Нгуенов административная единица «владение» в южных горных и приморских районах соответствовала «общине» традиционных низменных территорий.

человек и менее – по 1 руководителю и с населением в 100 человек и менее – по 1 содействующему [подношениям] духам. Наконец, в принадлежавшие Куангнам владения Хоатяу, Футяу, Кхиемхо, Ваунгни и Хаба было назначено ещё по 1 руководителю дел [194.1, с.147].

Сбор налогов и податей при дворе государя Нгуен в Данчаунге.
Институт Истории ВАОН. Ханой, 21.04.2011 г.

Однако в Дангчаунге вся эта система управления на местах была достаточно несовершенной и к тому же дублировалась структурой уже упоминавшегося специального ведомства, чиновники которого имели те же должности и ведали реестрами и сбором налогов на уровне ниже уездного. Фактически эти чиновники заправляли всеми делами в малых провинциях, волостях, общинах и владениях. Об этом ведомстве, которое называлось *Главное служебное присутствие*, Ле Кюи Дон писал: «Например, в обоих районах [Куангнам и Тхуанхоа] количество [чиновников] Главного служебного присутствия было очень велико. Нельзя даже сказать, насколько [число] содействующих [подношениям] духам [и] старост общин превышало [их] необходимое

[количество]» [194.1, с.147]. Собирая налоги, эти чиновники «всячески притесняли людей, что вызывало много недовольства» [194.1, с.148].

Таким образом, во 2-ой трети XVIII в. границы единого государства Дайвьет приобрели свои современные параметры. Однако единым вьетнамское государство той эпохи было лишь формально. На практике же оно было разделено на два государства – Дангнгоай и Дангчаунг, первым из которых правила «династия» государей Чинь, а вторым – «династия» государей Нгуен. При этом каждый из этих феодальных кланов претендовал на то, что он действует в интересах легитимной общенациональной династии Ле.

Не говоря уже о том, что такое противостояние ложилось дополнительным бременем на разорённый более чем двухвековыми войнами между Маками, Чинями и Нгуенами народ, такое положение было совершенно неестественным и не могло долго продолжаться. Именно эта ситуация привела в XVIII в. к множеству народных восстаний, завершившихся грандиозной крестьянской войной Тэйшонов, о которой речь идёт в следующей главе настоящего тома.

Глава 2

Крестьянские восстания в Дайвьете XVII – XVIII вв. и объединение страны под властью последней вьетнамской династии Нгуен¹

1. Кризис власти в Дайвьете 2-ой половины XVII – XVIII в.

1.1. Общая ситуация на севере страны в Дангнгоае

Для средневекового Вьетнама, особенно Северного, стихийные бедствия, приводившие к гибели урожая и последующему голоду, не редкость. Возможно, что во 2-ой половине XVII в. произошли какие-то климатические изменения, так как количество таких, отмеченных в письменных источниках бедствий значительно возросло. Однако нельзя исключать и того, что историографы династии Нгуен специально акцентировали внимание на стихийных бедствиях, стремясь представить их в качестве предзнаменований скорой гибели династии, которая лишилась «Мандата Неба» из-за своей зависимости от государей Чинь.

Согласно источникам, во 2-ой половине XVII – 1-ой половине XVIII в. произошло порядка двадцати следующих стихийных бедствий.

В сентябре 1662 г. шли долгие дожди [165.1, т.4, с.291].

В декабре 1663 г. случилось наводнение и погиб урожай в четырёх провинциях низменности¹, население которых было полностью или частично освобождено от налогов [165.1, т.4, с.291].

В 1668 г. была большая засуха [165.1, т.4, с.312].

В 1669 г. была большая засуха [165.1, т.4, с.315].

В июне 1670 г. не было дождей и началась эпидемия [165.1, т.4, с.319].

В 1679 г. в Тханьхоа наводнение разрушило дамбы, урожай погиб и население ушло, бросив свои поля и деревни [165.4, с.20].

¹ О специфике составления справочного аппарата вьетнамскими авторами смотри «Примечание 17» в «Комментарии» к настоящей главе.

² Киньбак, Шонтэй, Хайзыонг и Шоннам.

В 1681 г. с весны до лета не была дождя, рис высох и население голодало [165.4, с.21].

В сентябре 1684 г. была сильная буря. Воды реки Красной прорвали дамбы и уничтожили посевы риса в уездах к северо-западу от Тханглаунга [165.4, с.32].

В ноябре 1687 г. засуха длилась много дней. Урожая в том году не было, и цена на рис резко возросла. Государь Чинь приказал столичным чиновникам отправиться на места, чтобы наладить орошение полей, оценить урон и решить, следует ли отменить налоги [165.4, с.35].

В июне 1690 г. государь Чинь отправил столичных чиновников из столицы в Шоннам, чтобы установить количество прорванных дамб [165.4, с.42; 200, т.1, с.143].

В феврале 1695 г. после наводнения в Тханьхоа разразился страшный голод. Государь Чинь был вынужден приказать чиновникам взять из казны 10000 куанов денег и раздать их голодающему населению, отменить общественные работы и уменьшить подушный и поземельный налоги.

В феврале 1702 г. река Тю в Тханьхоа, прорвав дамбы, залила поля и уничтожила урожай, население голодало. Двор Ле – Чинь был вынужден выделить 5000 куанов денег на восстановление дамб, 5000 – раздать населению и отменить некоторые виды налогов [165.4, с.53].

В 1703 г. голод распространился на четыре внутренние провинции низменности реки Красной и на столичную область. Цена риса выросла до 1 тиена денег за четыре миски¹ риса. Государь Чинь Кан был вынужден раздавать деньги и рис населению столицы, отменить налоги в Тханьхоа и приказать богачам оплачивать рисом покупку должностей [182.1, т.2, с.388; 200, т.1, с.70].

С июля 1712 г. до января 1713 г. не было дождя. Голод поразил весь Дангигаой. Особенно тяжёлой ситуация была в Тханьхоа. В течении этих двух лет засухи и наводнения чередовались друг с другом. Реки Красная, Ма и Тю прорвали дамбы во многих местах. Так, например, историограф Нго Као

Ланг писал: «В 1-ом месяце года Жёлтой Змеи¹ засуха была долгой, цены на рис возросли, 10 л² [риса] стоили 1 тиен [денег]. Люди были вынуждены питаться корнями [и] листьями деревьев, [они] умирали от голода на дорогах, посёлки [и] деревни были заброшены [и] обезлюдели» [200, т.1, с.208]. В результате государь Чинь Кыонг был вынужден на время отменить общественные работы и сбор налогов, сократить наполовину налог с переправ, а также сократить подушный и поземельный налоги в четырёх внутренних провинциях, в малых провинциях Фунгтхиен и Чыонган (Ниньбинь) и в столичном округе. Кроме того, голодающему населению Тханьхоа выдали из казны 10000 куанов денег» [200, т.1, с.208].

5-го июня 1721 г. в столице произошло землетрясение. К тому времени давно не было дождя, началась засуха и резко возросла цена риса. По столице поползли странные слухи, вызывавшие панику среди населения. Люди собирали вещи и отправляли семьи в деревню. При этом город они покидали только группами [200, т.2, с.13].

В 1726 г. Тханьхоа и Нгеан снова поразил страшный голод. Цена на рис резко возросла, но его трудно было купить даже по такой цене. Поэтому Чинь Кыонг приказал выдать рис со склада Винь войкам постов в Нгеане [из расчёта] по сорок мисок каждому воину. В конце того же года голодающему населению Тханьхоа было роздано около 140000 куанов денег³ из государственной казны [165.4, с.102; 200, т.2, с.226]. Этот страшный голод не только продолжался до 2-ой трети 1728 г., но и распространился на четыре внутренние провинции низменности реки Красной. Поэтому государь Чинь, выделив 60000 куанов денег, приказал провинциальным чиновникам раздать их населению во всех районах. Мероприятие проводилось со 2-го дня 3-го месяца по 10-ый день 4-го месяца года [Самца] Зелёной Обезьяны^{II} в три этапа: в первые три дня

^I 1713 г.

^{II} 1728 г.

каждый человек получал ежедневно по 8 донгов, во вторые – по 6 донгов и в третьи – по 4 донга [200, т.2, с.150].

Наконец, в 1741 г. Дангнгоай поразил ещё один тяжелейший голод. В том году урожай собрали только в провинциях Нгеан и Шоннам, тогда как во всех остальных провинциях урожай погиб, а поля были заброшены. В источнике сообщается: «Просящие пищу голодные люди бродили по дорогам. Цена риса так выросла, что за 100 донгов нельзя было наесться [досыта]. Пытаясь выжить, люди ели картофельную ботву, [они даже ели] змей [и] мышей. Повсеместно начались эпидемии, трупы умерших лежали друг на друге, повсюду белели кучи костей. В живых оставалось не более одной десятой [населения, нигде не было видно] дыма над холодными очагами, а оживлённые места стали [опустевшими] буграми [и] холмиками» [165.4, т.4, с.182]. К сентябрю 1741 г. голод достиг своего апогея.

Известный писатель Фам Динь Хо^I, родители которого пережили это страшное время, описал происходившее в его родных местах следующим образом: «[К] смутному времени года [Самца] Белой Обезьяны [и] года Белой Курицы^{II} в нашей провинции Хайзыонг уже восемнадцать лет шла война [и] пахотные земли покрылись лесами. Малайские медведи [и] кабаны во множестве расплодились повсюду. Голодные люди были вынуждены сдирать кору с деревьев [и] ловить мышей для пропитания. [За деньги, вырученные] от продажи 3600 м²^{III} земли, можно было купить только кусок хлеба. В нашей волости Миньлуан жила старая, но богатая вдова, [которую] жители деревни почтительно называли “Последовательница духа [общины]”, а) поскольку у неё была гора денег, [то её] прозвали “Почтенная последовательница горы [денег]”⁴. В год неурожая [у неё] дома кончился рис, [она] принесла пять мешков денег, чтобы обменять [их на рис, но] не смогла [этого сделать и] умерла от голода у пагоды Биньде» [1421, с.120].

^I 1768 – 1839 гг.

^{II} 1740 и 1741 гг.

^{III} В тексте сказано: «один *мат*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

Во 2-ой половине XVIII в. ситуация в Дангнгоае не только не улучшилась, но и продолжала ухудшаться.

В 1773 г. летом была засуха, а осенью в общине Донгчатъ уезда Тханьчи наводнение прорвало дамбу на реке Красной. В больших округах Тхьюнгтин, Ынгтхиен и Линян более тысячи домов были снесены паводками, при этом большая часть урожая была уничтожена.

В 1774 г. в Нгеане разразился страшный голод, из-за которого погибло множество людей.

В 1776 г. в приморских районах Шоннама, Хайзыонга и Анкуанга морская вода залила поля, а обработка высохших засоленных полей ко второму урожаю была бесполезна. В результате цены на рис подскочили, и к августу разразился сильнейший голод. Даже обеспеченные люди были вынуждены продавать или закладывать имущество, чтобы добыть пропитание, но и это не помогало. Поэтому повсеместно начались воровство и грабежи.

В мае 1777 г. в Нгеан случился такой сильный голод, что государь Чинь был вынужден выдать из государственных запасов 15000 куанов денег и 150000 чаш риса голодающим. Из-за того, что население Нгеана особенно часто страдало от голода, Чиням пришлось предпринять ряд экстренных мер, которые сводились к следующему: 1. Переселить голодающих людей в Тханьхоа для обработки новых земель; 2. Открыть гавани для торговых судов; 3. Открыть дороги из Нгеана на север, чтобы население провинции свободно передвигалось и занималось торговлей; 4. Разрешить всем прибывшим на торговых судах купцам беспошлинно торговать рисом.

В июле 1778 г. неурожай и голод распространились на всю территорию Донгнгоая, цена маленькой чашки риса достигала одного тиена, а на дорогах часто встречались трупы умерших от голода людей. Не помогло даже то, что Чинь Шам повелел бесплатно раздавать населению столицы горячую пищу и установить алтарь для отправления культа умерших.

Как уже отмечалось, с начала XVIII в. разорявшиеся крестьяне стали повсеместно покидать родные земли. Если в 1730 г. в Дангнгоае насчитывалось 527 брошенных деревень,

то в 1741 г. их уже было 1730, при этом ещё из 1961 деревни ушла половина населения [182.1, т.2, с.553].

Положение усугублялось и тем, что с середины XVIII в. в Дангнгоае снова начали расти налоги, увеличиваться объёмы общественных работ и шириться захваты общинных земель. Кроме того, в 70-ые – 80-ые годы XVIII в. на севере почти каждый год случались засухи и наводнения, а ирригационно-защитная система дамб и каналов приходила в упадок. В результате голод постепенно стал одним из основных факторов, определявших жизнь Дангнгоая.

Все попытки государей Чинь изменить ситуацию как путём переселения крестьян, сбора бродивших по дорогам голодающих и принуждения их обрабатывать брошенные земли, отмены или снижения налогов и податей, так и введением суровых наказаний за бродяжничество и захват земель, ни к чему не привели. Вплоть до конца XVIII в. в Дангнгоае, включая его столицу и внутренние провинции низменности реки Красной, царил голод, росли цены на рис, люди умирали от истощения, многие поля и деревни были заброшены, а население скиталось в поисках пропитания [182.1, т.2, с.708, 730, 735, 779].

Надо полагать, что немалую роль в резком ухудшении ситуации в Дангнгоае сыграла смерть государя Чинь Зоаня в 1767 г., которому наследовал его сын Чинь Шам¹. Именно этот государь вновь начал масштабное строительство укреплений, стал повышать налоги и прибегнул к жёстким, если не жестоким, методам укрепления своей власти. В результате в системе государственного управления Ле – Чинь воцарился хаос и на передний план выступили противоречия между различными придворными группировками, которые нередко приводили к политическим убийствам.

Одно из первых таких убийств связано с сыном императора Знаменитого рода^{II}, наследным принцем Ле Зюи Ви, который стремился ограничить всевластие государей Чинь

¹ 1767 – 1782 гг.

^{II} 1740 – 1786 гг. См. «Таблицу №2» в «Томе VI».

и восстановить главенствующее положение императоров Ле. Поэтому в 1769 г. Чинь Шам вместе с евнухами Хоанг Нгу Фуком и Фам Хюи Динем организовал заговор с целью его устранения. Чинь Шам «подставил» Ле Зюи Ви одну из своих наложниц, а когда наследный принц вступил в любовную связь с ней в резиденции государя, то был пойман евнухами, обвинён в преступлении и заключён в тюрьму, где спустя два года его и удавили [182.1, т.2, с.686, 687].

Не меньшую роль сыграли и личные пристрастия Чинь Шама. Известно, что он страстно влюбился в одну прекрасную придворную даму по имени Данг-тхи Хюе^I, сделал её своей главной женой и всячески ей угождал, а потому потворствовал и её родне. По этой же причине он вознамерился сделать своим наследником сына от Данг-тхи Хюе – Чинь Кана вместо старшего сына Чинь Кхая^{II}. Естественно, последний не хотел отказываться от власти, что привело к возникновению при дворе двух противоборствующих группировок. Одна из них во главе с поместным князем Хоанг Динь Бао^{III} поддерживала Чинь Кана и Данг-тхи Хюе, тогда как другая, возглавляемая правителем Шонтэя Нгуен Ле и правителем Киньбака Нгуен Кхак Туаном, выступала за Чинь Кхая.

В 1780 г. Чинь Шам тяжело заболел. Этим решил воспользоваться Чинь Кхай, который вместе со своими сторонниками Дам Суан Тху, Тхе и Тхамом^{IV} собрал воинов, подготовил оружие и, заручившись поддержкой правителей Шонтэя и Киньбака, стал ждать кончины отца, после чего он планировал закрыть крепостные ворота убить Хоанг Динь Бао, арестовать Данг-тхи Хюе с Чинь Каном и провозгласить себя государем. Однако заговор раскрыли, Чинь Кхая арестовали, Дам Суан Тху, Тхе и Тхама убили, а Нгуен Ле и Нгуен Кхак Туана бросили в тюрьму [182.1, т.2, с.752, 753]. Тем не менее, хотя заговор Чинь Кхая и был подавлен, противоречия между

^I Она также известна под именем-титолом «Государыня Те».

^{II} Он также известен под именем «Чинь Тонг».

^{III} Он также известен под именем «Хоанг То Ли».

^{IV} Фамилии последних двух неизвестны.

обеими противоборствующими группировками сохранились и в любой момент могли перейти в открытое противостояние.

Данг-тхи Хюе.

Рисунок конца XVIII – начала XIX в.

1.2. Общая ситуация на юге страны в Дангчаунге

В XVIII в. в Дангчаунге положение было не лучше, чем в Дангнгоае. Крестьяне в государстве Нгуенов также лишались земли, бывшей основой сельскохозяйственного производства, платили высокие налоги и подати и несли тяжёлое бремя принудительных общественных работ. Они постепенно разорялись и оказывались в нищете. Налоги и подати были столь высоки, что крестьяне не могли вносить их полностью и становились должниками. Ситуация ещё больше усугубилась, после того как в 1741 г. Нгуен-фук Кхоат приказал начальникам и руководителям согласований в уездах собрать недостающие за последние три года налоги¹. Лишь тем, кто к тому времени скрывался или не мог платить налоги уже восемь и более лет, была предоставлена отсрочка. С тех пор ежегодная проверка уплаты налогов была такой тщательной, что уклониться от платежей было практически невозможно [194.1, т.1, с.340]⁵.

Как и на севере в Дангнгоае, на юге в Дангчаунге все эти поборы усугублялись стихийными бедствиями, где наводнения, засухи, неурожай и голод стали обычными явлениями.

В 1705 г. не было урожая, поэтому цена на рис выросла до 1 куана 5 тиенов за 10,5 л^{II}.

В 1706 и 1712 гг. большие наводнения причинили значительный ущерб населению. В 1735 и 1738 гг. были бури и наводнения, которые особенно затронули Куангнам.

В 1752 г. цены так выросли, что корзина риса^{III} стоила уже 3 куана, поэтому много людей умерло от голода.

Под 1769 г. сообщается о том, что в течении 4 – 5 лет наблюдались такие явления, как землетрясения, извержения вулканов, падение комет и красная вода в реках. При этом указывается, что повсюду происходили грабежи и разбои, а население Дангчаунга голодало и страдало из-за «торговли

¹ С 1738 до 1740 год.

^{II} То есть по сравнению с 1677 г. цена риса выросла в пять раз, так как в то время такое же его количество стоило 3 тиена. В тексте сказано: «1 доу». См. «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{III} В тексте сказано: «фьонг». См. «Таблицу №3» в «Томе VI».

должностями, продажи помилований, неразберихи [в] законах [и] тяжёлых поборов» [164, т.1, с.236].

Зимой 1774 г. тяжелейший голод поразил всю территорию провинции Тхуанхоа, при этом цена 0,1 л¹ риса подскочила до 1 *тиена*. Множество людей умирало от голода. Отмечались даже случаи каннибализма [164, т.1, с.246].

В новых владениях государей Нгуен, находившихся на обширной и плодородной равнине Южного Вьетнама с благоприятным для сельского хозяйства климатом, такие масштабные стихийные бедствия были редкостью. Поэтому в Заднии не было и такого упадка в сельскохозяйственном производстве, как в Тхуан – Куанге. Однако на юге большая часть плодородных земель принадлежала помещикам, которые взимали с крестьян очень высокую арендную плату. В результате большая часть плодов крестьянского труда доставалась крупным землевладельцам. К этому следует добавить налоги и трудовые повинности. Указанные факторы привели к тому, что и на южных территориях Дангчаунга жизнь крестьян стала невыносимой.

В то же время, жизнь правящего класса Дангчаунга в корне отличалась от жизни основной массы его населения, или крестьянства. Как уже отмечалось в ранее, с восшествием на престол государя Нгуен-фук Кхоата и переименованием резиденции «Главной» в Столичную крепость Фусуан там началось масштабное строительство с целью превращения города в настоящую императорскую столицу. Повествуя о столице Нгуенов, Ле Кюи Дон писал, что в ней было много окруженных стенами с резными воротами великолепных дворцов, высоких башен и пагод. Полы их нижних этажей были покрыты каменной плиткой, верхних – деревом, а их водостоки были сделаны из цинка. В садах за дворцами и резиденциями государя и его близких были сооружены искусственные горы из ценного камня, вырыты квадратные пруды и озёра с горбатыми мостами и плавающими беседками. Как внутренняя, так и внешняя стена столицы были толщиной

¹ В тексте сказано: «*i хот*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

более метра ¹. Крепостные орудия были украшены изображениями драконов, фениксов, львов, тигров и различных цветов. По обоим берегам верхнего течения реки Фусуан и вдоль речки в малой провинции Кам стояли дома знати и военные лагеря. Только в учреждениях и лагерях служили тысячи человек, а домов насчитывалось несколько десятков тысяч. Когда в 1775 г. войска Чиней захватили Фусуан, то их воины использовали деревянные части этих домов в качестве дров со 2-го по 6-ой месяц, но дерево так и не кончилось. Когда же потребовался уголь для литья монет, то для этого разобрали сразу пятьдесят домов. Что же касается оставшихся после этого разгрома кирпича, черепицы и камня, то их количество даже не поддаётся исчислению [194.1, т.1, с.112, 321].

Очевидно, что такое, осуществлённое в короткое время за счёт общественных работ масштабное строительство, не могло не лечь тяжким дополнительным бременем на трудовое население Дангчаунга.

Последним государем рода Нгуен в Дангчаунге стал двенадцатилетний Нгуен-фук Тхуан¹¹, который называл себя «праведником радостного успокоения» и в силу своего возраста лишь хотел играть и танцевать. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он забросил все государственные дела и думал только о новых развлечениях, которые, как правило, были развратными и достаточно дорогими. Так, паример, будучи больным, государь Нгуен не мог иметь отношений с женщинами, поэтому он приказывал певцам развратничать у него на глазах с наложницами, получая от этого удовольствие.

Такую же развратную и роскошную жизнь вела и вся знать Дангчаунга. Сюжет о Чьонг Фук Лоане, который был одним из высших сановников при дворе Нгуенов, даёт о ней достачно полное представление [194.1, т.1, с.71].

¹ В тексте Ле Кюи Дона сказано: «толщиной в несколько *тхыюков*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹¹ 1765 – 1775 гг.

Фактически Фук Лоан захватил положение регента при малолетнем государе Нгуен. Согласно свидетельствам, он отличался жестокостью, коварством и стяжательством. Известно, что этот вельможа продавал должности, нарушая закон, торговал помилованиями и резко поднял налоги, часть которых присваивал себе. Если кто-либо не заискивал перед ним и осмеливался ему перечить, Чыонг Фук Лоан находил повод, чтобы бросить этого человека в тюрьму или просто его убивал. Он даже обвинил в заговоре дядю государя Нгуен, поместного князя Постоянства, и бросил его в темницу. Поэтому ненавидевшие Фук Лоана остальные члены рода Нгуен не осмеливались его осуждать.

Присвоив себе титул «Опора государства»⁶, Чыонг Фук Лоан назначил своих людей на все ключевые должности при дворе. Два его сына были женаты на принцессах, при этом первый возглавлял все военные службы, а второй – гражданские. Резиденция Фук Лоана была забита золотом, серебром, жемчугом и другими драгоценностями, он владел большим количеством земель, буйволами и другим скотом, при этом у него было огромное количество прислуги.

Если верить источникам, то, несмотря на всё своё богатство, Чыонг Фук Лоану был очень скуп. Так, например, известно, что всё семейство Фук Лоана ежедневно собиралось на обильные трапезы, но на закупку продуктов поварам выдавалось только 3 *тиена* денег. Поэтому они запугивали продавцов на рынке, чтобы купить продукты подешёвке, или просто их грабили.

О размере состояния семьи Чыонг Фук Лоана можно судить по тем награбленным за несколько десятков лет богатствам, которыми его родня пыталась выкупить главу семейства, после того как Чини увезли пленённого Фук Лоана в Тханглаунг. Только в конце 1775 – начале 1776 г. его дети в три приёма передали Чиням почти 30 кг золота и 74,5 кг

серебра¹, не говоря уже о подарках и взятках военачальникам и чиновникам [194.1, т.1, с.336, 337].

2. *Конец династии Ле и государство Тэйшонов*

Весь вышеизложенный материал свидетельствует о том, что в XVIII в. как на севере в Дангнгае, так и на юге в Дангчаунге сложилось крайне тяжёлое положение, которое можно определить, как кризис власти в Дайвьете. Этот кризис, связанный с противоречием между тяжелейшим положением народных масс, или общинного крестьянства, и роскошной, особенно на юге, жизнью правящего класса, достиг к концу века своего апогея. Очевидно, что такая ситуация неизбежно должна была привести к взрыву народного возмущения, который выразился во всенародной крестьянской войне Тэйшонов.

2.1. *Восстания, предшествовавшие крестьянской войне Тэйшонов*

В истории Вьетнама XVIII в. известен как «век крестьянских восстаний», которые непрерывно происходили на всём его протяжении, а их предшественниками стали мятежи народных меньшинств 2-ой половины XVII в.

Так, в 1662 г. племенной вождь Ву Конг Туан возглавил в Туенкуанге выступление народностей *нунг* и *тхю* против государя Чинь. В 1670 г. руководитель администрации Чиней в том же Туенкуанге заключил в тюрьму племенного вождя Ма Фук Чыюнга, что привело к новому восстанию национальных меньшинств под руководством его сына Фук Лана и младшего брата Фук Диена.

В конце XVII в. население удела Дазятхыонг уезда Зявиен в Ниньбине, воспользовавшись ослаблением власти государя Чинь и царившими в обществе беспорядками, перекрыли дороги и стали убивать путников. Они бросали трупы в пещеру и делили между собой награбленное

¹ В тексте сказано: «около 800 *лангов* золота {и} 2000 *лангов* серебра». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

имущество. Эти длившиеся около двадцати лет грабежи превратились в серьёзную угрозу для путей сообщения в горных районах. Поэтому в 1694 г. государь Чинь направил против грабителей войска, которые разгромили бандитов и захватили в плен двести девяносто человек. Пятидесяти двум главарям отрубили головы, остальным – отрубили пальцы на руке и сослали в далёкие округа, а сам их удел (общину) упразднили [182.1, т.2, с.553; 165.4, с.71].

В XVIII в. в Дангнгоае уже начались крестьянские восстания, постепенно приобретающие всё больший размах.

Так, в 1712 г. в провинциях Туенкуанг и Хынгхоа стало так много «банд грабителей», что Чинь Кыонг был вынужден приказать старостам общин и начальникам уездов обратить на это особое внимание. В 1715 г. в провинциях Шонтэй и Киньбак «воровство [и] грабежи распространились повсюду» [200, т.1, с.218].

В конце осени 1737 г. крестьянские выступления были особенно активными в провинциях Тхайнгуен и Шонтэй, где вспыхнуло восстание под руководством Нгуен Зыонг Хынга. Наконец, в 1738 г. разразилось крупнейшее восстание Ле Зюи Мата¹. Дело дошло до того, что в марте 1739 г. государь Чинь Зянг был вынужден поставить на дорогах провинций Шоннам, Тханьхоа и Нгеан «башни огневого знака»², а также уделить особое внимание охране поселений [165.4, с.154].

В 1739 – 1740 гг. крестьянские восстания охватили всю территорию Дангнгоая. Так, братья Нгуен Туен и Нгуен Кы выступили в общине Ниньса уезда Тилинь, а Ву Чак Оань возглавил восстание в общине Мочать уезда Дыонган³. При этом Нгуен Туен провозгласил себя «Государем Светлым», а Ву Чак Оань – «Князем Светлым». Это были самые крупные восстания на северо-востоке Вьетнама.

Наиболее мощным выступлением в Шоннаме⁴ стало восстание Хоанг Конг Тята^{IV}, которое началось в конце 1739 г.

¹ См. ниже «Параграф 2.1.4».

² Провинция Хайзыонг. Уезд Дыонган – это современный уезда Биньзянг.

³ Тхайбинь – Намдинь.

^{IV} См. ниже «Параграф 2.1.3».

и было подавлено лишь в 1769 г. В 1740 г. Ву Динь Зунг в союзе с Доан Зань Тяном и Ту Као нанёс в сражении под Тяннинем^I поражение войскам Ле – Чинь. Наконец, в том же 1740 г. Ле Зюи Мат продвинулся со своими войсками до уездов Фуклок^{II} и Тиенфаунг.

Придя к власти в начале 1740 г., государь Чинь Зоань предпринял решительные меры для изменения ситуации. С одной стороны, он уменьшил налоги, чтобы снизить напряжение в деревне, а с другой – сконцентрировал свои усилия на подавлении восстаний. Последнее облегчалось тем, что восстававшие по всей территории Дангнгоая крестьяне ещё не были объединены и действовали разрозненно под руководством своих местных лидеров. Поэтому государю Чинь удалось подавить несколько крупных крестьянских выступлений, из которых наиболее значимыми были восстания Нгуен Зань Фыонга, Нгуен Хыу Коу, Хоанг Конг Тята и Ле Зюи Мата^{III}.

2.1.1. *Восстание Нгуен Зань Фыонга (1740 – 1751 гг.)*

Нгуен Зань Фыонг имел ещё имя Зань Нгу. Он происходил из общины Тиеншон уезда Иенлак провинции Шонтэй^{IV} и был учёным-конфуцианцем, поэтому в народе его называли «Правитель Мудрый»⁸. В начале 1740 г. Зань Фыонг присоединился к восстанию местного феодала Те в Шонтэе. После того как Те был схвачен и казнён, Зань Фыонг сменил его во главе повстанцев. Затем он отступил к горам Тамдао, используя их как естественную природную крепость. Собрал там людей и продовольствие, он создал опорную базу для длительной борьбы с Чинями [182, «Основные записи», кн. XXXVIII, с. 28, 29].

В начале 1744 г., когда численность повстанцев превысила десять тысяч человек, Зань Фыонг начал активные

^I Теперь это город Чыкнинь провинции Намдинь.

^{II} Теперь уезд Фуклок называется Фуктхо.

^{III} Смотри ниже «Параграф 2.1.1», «Параграф 2.1.2», «Параграф 2.1.3» и «Параграф 2.1.4».

^{IV} Теперь это уезд Иенлак провинции Виньфук.

действия. В результате он захватил территории вплоть до Вьетчи уезда Батъхак, то есть общину Тханьлань уезда Биньсюен и гору Доктон уезда Тамзыонг, на которой создал опорную базу. После этого Зань Фыонг овладел находившейся между уездами Тамзыонг и Биньсюен провинции Виньфук горой Нгаукбой, превратив её в свою главную опору под названием «великое укрепление». Затем он провозгласил себя «Покорным Небу⁹ великим служителем Моря облаков», построил дворец, учредил должности и установил придворные обряды, создав тем самым свой малый двор в противовес двору императора Ле — государя Чинь.

Войска Фыонга контролировали обширный район, включавший северо-восток провинции Шонтэй и часть провинции Тхайнгуен. Вокруг главного укрепления на горе Нгаукбой было построено множество других оборонительных сооружений. В их числе были именуемый «срединное укрепление» пост Хыонгкань в уезде Иенланг провинции Виньфук, известный как «внешнее укрепление» пост Укки в уезде Тыонг¹ провинции Тхайнгуен, а также много других маленьких постов, которые назывались «выделенные укрепления». Обычно воины одновременно обеспечивали оборону территории и возделывали поля. Кроме того, они контролировали окружавшие их районы и взимали налоги с местного населения продукцией шахт провинции Туенкуанг и такими, добывавшимися жителями горных и предгорных районов страны дарами леса, как чай, лаки и дерево. Благодаря этому у Нгуен Зань Фыонга скопилось много риса и другого продовольствия, что позволяло ему при необходимости как расширить зону военных действий, так и в случае отступления обеспечить защитников укреплений всем необходимым.

После того как повстанцы нанесли ряд поражений императорским войскам, государь Чинь Зоань решил в 1751 г. лично возглавить выступившую против Нгуен Зань Фыонга армию. Поэтому по его приказанию Хоанг Нгу Фук и До Тхе Зяй сформулировали 37 статей военного устава. Затем на

¹ Современный уезд Фубинь.

основании этого устава было создано 4 армейских корпуса во главе с Хоанг Нгу Фуком, заместителем которого стал Нгуен Нгием, а Дао Тю был назначен координатором действий наступавших на Шонтэй воинских частей.

Уверенный в неприступности своих оборонительных укреплений в горах, Нгуен Зань Фыонг полагал, что войска государства Чинь не смогут добраться до его главной базы и поэтому не обеспечил её должной защитой. Когда же после ожесточенного боя пало укрепление в Нгаукбое, Нгуен Зань Фыонг бежал в Доктон, который остался последней базой повстанцев, но и там они потерпели поражение. Тогда Зань Фыонг приказал разрушить и сжечь лагерь, а затем ночью бежал в горы. Однако в общине Тиньлюен уезда Лаптхат провинции Виньфук он был схвачен и отвезён в столицу Тханглаунг, где Нгуен Зань Фыонг был казнён вместе с вождём крестьянского восстания Нгуен Хыу Коу, о котором речь идёт в следующем параграфе [182, «Основные записи», кн.XL, с.10, 11, 28, 29, 34, кн.XLI, с.3 – 8].

2.1.2. *Восстание Нгуен Хыу Коу (1741 – 1751 гг.)*

Нгуен Хыу Коу родился в бедной семье, жившей в общине Лойзыонг уезда Тханьха провинции Хайзыонг. Он был одноклассником Фам Динь Чаунга¹⁰, вместе с которым учил иероглифику в школе. Будучи бедняком, Нгуен Хыу Коу рано бросил учёбу и присоединился к восстававшим крестьянам. Вскоре он превратился из «вождя мелких грабителей» в одного из главных военачальников повстанческих сил и зятем местного феодала Нгуен Кы. Когда же в 1741 г. последний был схвачен, Нгуен Хыу Коу продолжил дело Нгуен Кы, возглавив крестьянское восстание в провинции Хайзыонг.

В 1742 г. с остатками повстанческих войск Нгуен Хыу Коу ушёл в Дошон, где создал опорную базу. Он часто использовал корабли для нападений на близлежащие районы. Однажды, когда вторгшиеся в общину Лаофаунг уезда Нгизыонг повстанцы столкнулись с посланным против них императорским флотом под командованием Чинь Банга, Нгуен Хыу Коу приказал десяти кораблям вступить в сражение, а

затем обратиться в бегство и заманить противника в ловушку. Преследуя суда повстанцев, Чинь Банг вошёл через бухту Зяймон в реку Катбак, где на него неожиданно обрушился Нгуен Хыу Коу во главе ста лёгких боевых кораблей. В результате флот Чинь Банга был уничтожен, а сам он был пленён, получив при этом более десяти ранений. Это был первый подвиг повстанцев Нгуен Хыу Коу. Победа на реке Катбак стала первой крупной победой повстанцев, после которой они овладели всем приморским районом и островами провинции Киенан, где в её центрах Дошон и Вандон были созданы опорные базы. С того времени в народе Нгуен Хыу Коу прозвали «Правитель Рыба»¹¹, сам же он пожаловал себе титул «Главногокомандующий, защитник народа, объединитель государства Восточного округа».

В 1743 г. государь Чинь Зоань назначил Хоанг Конг Ки командующим сухопутными войсками, а Чан Каня – флотом провинции Хайзыонг, поручив им готовиться к наступлению на повстанцев, которое началось летом того же года. Возглавив объединённые сухопутные войска и флот в составе 29 подразделений, Хоанг Конг Ки выступил против Нгуен Хыу Коу, но последний не принял боя с превосходящими силами Чиней. Он временно отступил из приморского района и, стремясь уберечь свою армию от разгрома, выжидал ухода противника, чтобы затем вернуться на прежние позиции.

В 1744 г. Чинь Зоань приказал командующему армией Хоанг Нгу Фуку уничтожить базу повстанцев в Дошоне. Войска Чиней начали боевые действия в Хайзыонге. Им даже удалось блокировать восставших в их опорных базах, но при этом они оставили без серьёзного прикрытия провинцию Киньбак. Поэтому Нгуен Хыу Коу принял решение прорвать окружение и нанести удар по Киньбаку. Его неожиданно появившиеся у стен главной крепости этой провинции войска, разгромили остававшиеся там силы Чиней и сожгли дотла их лагерь. Руководитель Киньбака Чан Динь Кам и командующий его войсками Ву Фыонг Де в страхе бежали, бросив даже свои официальные печати. В результате Нгуен Хыу Коу овладел главной крепостью провинции Киньбак, которая являлась

важным административным центром, находившимся недалеко от императорской столицы Тханглаунга.

Новость о поражении в Киньбаке вызывала волнение и страх в столице. Поэтому обеспокоенный произошедшим Чинь Зоань приказал своим лучшим военачальникам Хоанг Нгу Фуку, Фам Динь Чаунгу, Дам Суан Выку и Нгуен Зань Ле объединить подчинённые им войска и совместно отбить Киньбак у повстанцев. Кроме того, Чинь Зоань назначил Хоанг Нгу Фука правителем Киньбака, поручив ему также и управление провинцией Хайзыонг, при этом Фам Динь Чаунг стал главнокомандующим войсками Хайзыонга. Государь Чинь поставил перед своими военачальниками задачу блокировать, а затем и уничтожить силы повстанцев.

Узнав о том, что войска Чиней сконцентрированы для удара по Киньбаку, Нгуен Хыу Коу отступил в 9-ом месяце 1745 г. в Донгбак¹. В этом походе колонна его боевых судов с продовольствием и другим имуществом была захвачена Чинями. Поэтому Нгуен Хыу Коу вернулся в Иенкуанг, где, захватив в уезде Хафаунг остров Катба вместе с другими окружавшими его островами, создал опорную базу.

В середине 1746 г. Нгуен Хыу Коу сообщил государю Чинь о своей капитуляции, хотя на самом деле это было лишь уловкой, которая могла позволить выиграть необходимое для укрепления повстанческих сил время. В то же время Чинь Зоань был обеспокоен тем, что продолжавшиеся уже долгое время боевые действия против восставших крестьян ни к чему не привели. В результате он принял капитуляцию Нгуен Хыу Коу. Судя по всему, государь Чинь надеялся либо его подкупить, либо заманить в ловушку. Поэтому, назначив мятежника командующим Нинь – Донга¹¹ и пожаловав ему титул маркиза Стремящегося [к] истине, Чинь Зоань повелел Нгуен Хыу Коу прибыть ко двору. Но командовавший армией в Хайзыонге Фам Динь Чаунг, который поклялся подавить

¹ Возможен перевод «отступил на северо-восток».

¹¹ Командующий Нинь – Донга: то есть командующий войсками провинций Ниньбинь и Донгбак.

восстание, не желал прекращать боевые действия. Видимо, сыграло роль и то, что в детстве Фам Динь Чаунг и Нгуен Хыу Коу были одноклассниками, после чего их пути разошлись и они стали заклятыми врагами¹.

Не получив передышки, Нгуен Хыу Коу двинулся из приморской зоны Хайзыонга в его внутренние районы. Кроме того, в 1746 – 1748 гг. он дважды с моря вторгнулся в Шоннам. Наконец, в конце 1748 г. силы повстанцев были разбиты в ожесточённом бою в Камзянге^{II}, однако эта победа едва не обернулась для Чиней настоящей катастрофой. Вместо того чтобы попытаться скрыться, Нгуен Хыу Коу, узнав, что после победы над повстанцами государь Чинь снял заслоны перед Тханглаунгом, направился с остатками своих войк прямо к столичной пристани Бодэ^{III}. Чинь Зоань был вынужден собрать все свои силы для обороны, но отразить внезапное нападение повстанцев удалось лишь тогда, когда пришедший на помощь Фам Динь Чаунг нанёс удар по ним с тыла.

В 11-ом месяце 1749 г. Чинь Зоань принял решение сконцентрировать все усилия на уничтожении повстанческой армии Нгуен Хыу Коу, который в то время представлял наибольшую опасность для режима Ле – Чинь. С этой целью он объединил в Бодэ три армейских корпуса, назначив Хоанг Нгу Фука главнокомандующим, Фам Динь Чаунга – его заместителем, и приказал им начать генеральное наступление. В ходе боёв, которые продолжались в течение всего 1750 г., повстанцы непрерывно терпели поражения, в результате чего их силы значительно ослабли.

Во 2-ом месяце 1751 г. Хоанг Нгу Фук и Фам Динь Чаунг нанесли удар по опорным базам Нгуен Хыу Коу в Хайзыонге. После нескольких поражений восставшие были рассеяны, а Нгуен Хыу Коу бежал в Нгеан, где занял с остатками своих войск позиции в общине Хыонглам уезда Намдыонг^{IV}. Однако и там он был окружён силами Фам Динь

¹ Смотри «Примечание 10» в «Комментарии» к настоящей главе.

^{II} Провинция Хайзыонг.

^{III} Слобода Бодэ области (района) Лаунгбиен, Ханой

^{IV} Теперь это уезд Намдан провинции Нгеан.

Чаунга. Тогда Нгуен Хыу Коу попытался с несколькими десятками военачальников и воинов морем перебраться в Хайзыонг, чтобы продолжить борьбу. Но на полдороге шторм вынудил их бросить корабли и двигаться сушей. В пути Нгуен Хыу Коу пытался найти временное убежище на горе Хоангмай уезда Кюиньлыу провинции Нгеан, где и был схвачен воинами Фам Динь Чаунга, посажен в клетку и доставлен в столицу.

Как уже говорилось, в 3-ем месяце 1751 г. Нгуен Хыу Коу был казнён одновременно с вождём другого крестьянского восстания Нгуен Зань Фыонгом [182, «Основные записи», кн. XXXVIII, с.28, кн. XXXIX, с.28 – 33, кн. XL, с.3 – 5, 8 – 10, 16, 19, 20, 27, 28, 33].

2.1.3. *Восстание Хоанг Конг Тята (1739 – 1769 гг.)*

Хоанг Конг Тят¹ был одним из великих крестьянских вождей провинции Шоннам, где он возглавил восстание, начавшееся в 1739 г. В 1739 – 1741 гг. Хоанг Конг Тят время от времени объединялся с Ву Динь Зунгом, Нгуен Туеном и Нгуен Кы. Он действовал главным образом в юго-восточной части низменности Северного Вьетнама и нанёс множество поражений военачальникам государей Чинь.

Хоанг Конг Тят избрал гибкую тактику ведения боевых действий на воде и партизанской войны, что позволяло ему не создавать опорных баз, а действовать по принципу «когда нужно – собрались, когда нет – разбежались». То есть это была тактика мобильной войны. Историографы двора Ле – Чинь обычно называли повстанцев Хоанг Конг Тята «лесными разбойниками», поясняя при этом, что они «скрывались [в покрытых] густыми зарослями болотах, где было невозможно найти [даже их] следов».

В 1743 г. известные военачальники Чыонг Ниеу, Хоанг Конг Ки и Динь Ван Зяй неоднократно пытались разгромить силы восставших, но успеха так и не добились. Тем не менее в конце того года Хоанг Конг Тят, как и Нгуен Хыу Коу,

¹ Хоанг Конг Тята также называют Хоанг Конг Тхы и Хоанг Ван Тят [182, «Основные записи», кн. XXXIX, с.31].

попытался притворной капитуляцией выиграть время для укрепления своих сил. Как и в том случае, Чинь Зоань принял его капитуляцию и назначил управляющим одним из районов Шоннама, но с одним условием: Хоанг Конг Тят должен был распустить повстанцев и прибыть ко двору на аудиенцию. По вполне понятным причинам вождь восставших отказался от поездки ко двору, захватил малую провинцию Кхоайтяу в Хынгиене и продолжил бескомпромиссную борьбу с государем Чинь.

Тогда государь Чинь Зоань, назначив Нгуен Динь Хоана главнокомандующим юго-восточного военного округа и Чан Хюи Бата¹ – его заместителем, повелел им вместе с правителем провинции Шоннам Динь Ван Зяем уничтожить мятежников. В конце 1743 г. повстанцы потерпели серьёзное поражение в общине Доса уезда Кимдонг провинции Хынгиен, но при этом они сохранили контроль над Кхоайтяу.

В 1744 г. Чинь Зоань назначил евнуха Хоанг Конг Ки главнокомандующим юго-восточного военного округа и правителем Шоннама.

В 1744 – 1745 гг. Хоанг Конг Тят не только продолжал удерживать район Кхоайтяу, но и развернул боевые действия во многих других районах Шоннама. В конце 1745 г. ему даже удалось заманить в засаду и пленить правителя этой провинции Хоанг Конг Ки, который был казнён повстанцами.

Как уже говорилось, в 1746 – 1748 гг. Нгуен Хыу Коу также действовал в Шоннаме, где вместе с Хоанг Конг Тятom захватил главную крепость этой провинции. Когда же в конце 1748 г. войска государя Чинь под командованием Хоанг Нгу Фука и Фам Динь Чаунга сумели в ряде сражений разгромить и рассеять силы повстанцев в Шоннаме, Хоанг Конг Тят был вынужден бежать в Тханьхоа.

В 1751 г., найдя убежище в предгорьях Тханьхоа, Хоанг Конг Тят продолжил боевые действия. В 1760 г. племенной вождь Тхань поднял восстание в труднодоступном и населённом племенами *тай* скалистом районе Хынгхоа. Туда

¹ Имя «Бат» также имеет чтение «Мат».

же Хоанг Конг Тят привёл горными дорогами свои войска. Действия объединённых сил Хоанг Конг Тята и Тхана, которые опирались на поддержку национальных меньшинств, очень быстро охватили обширные территории, распространившись даже на пограничные районы Китая.

Для борьбы с повстанцами Чинь Зоань назначил Динь Ван Тхана правителем Хынгхоа, при этом он поручил последнему оказать помощь войскам династии Цин в подавлении восстания *тай* в Юньнани. В июне 1761 г. Чинь Зоань назначил вместо умершего Динь Ван Тхана евнуха Ле Динь Тяу, которому приказал объединиться с командующим войсками Туенкуанга Фан Канем¹. Им удалось окружить повстанцев и нанести им поражение в ожесточённом сражении. Племенной вождь Тхань был пленён и отвезён в столицу, где ему публично отрубили голову. После этого поражения Хоанг Конг Тят был вынужден отступить в горный уезд Маньтхиен округа Ниньбиен провинции Лайтяу.

В 1761 г. Хоанг Конг Тят предпринял строительство укрепления в горном уезде Маньтхиен, стремясь создать там опорную базу для восстания. В источнике говорится «Древняя крепость Баван: находится в общине Баман в резиденции правителя округа Ниньбиен, [её] высота 4,8 (или 6) м, площадь 48 га^{II}. Вокруг крепостной стены [были посажены] бамбук [и] деревья, [а также] выкопан глубокий ров. Говорят, что [в правление династии] Ле под девизом «Вечная защита»^{III} Хоанг Конг Тхы (Тят) разместил там войска [и] построил эту крепость¹². [В ней] можно было разместить 30000 человек¹³, поэтому так [её и] называли^{IV}» [163, т.4, с.308].

Опираясь на базу в Маньтхиене, Хоанг Конг Тят сумел захватить все десять округов малой провинции Иентэй, распространив свои операции на все территории от провинции Хынгхоа до горных районов Тханьхоа.

^I Имя «Кань» также имеет чтение «Кинь».

^{II} В тексте сказано: «1 чыонг 5 тхыоков» и «130 мау».

^{III} 1735 – 1740 гг. Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

^{IV} Крепость Баван (城萬三), то есть «Крепость Тридцати тысяч»

В 1767 – 1768 гг., превратив труднодоступный горный район Хынгхоа в главную опору восстания, повстанцы Хоанг Конг Тята ещё больше расширили зону боевых действий. В конце 1765 г. Хоанг Конг Тят захватил округа Тяумок в Шонла и Тяумай в Хоабине, после чего направился в высокогорье и среднегорье Тханьхоа, где овладел целым рядом общин и уездов в Тхосуане, Камтхюи, Куанза и Лангтяне. Кроме того, он намеревался захватить Фунгхоа в Ниньбине, что создавало прямую угрозу Иенчюнггу. К тому времени численность повстанцев, которых активно поддерживало мятежное местное население, превысила десять тысяч человек. Гражданские и военные чиновники провинций Хынгхоа и Тханьхоа в панике обратились ко двору Ле – Чинь за помощью. Лишь когда государь Чинь Шам¹ направил двух своих военачальников с войсками на помощь правителю провинции Нгуен Динь Зиену, повстанцев удалось изгнать из Тханьхоа.

В 4-ом месяце 1768 г. скончался Хоанг Конг Тят, которому наследовал его сын Хоанг Конг Тоан, принявший титул «государственного князя».

Во 2-ом месяце 1769 г. Чинь Шам приказал Доан Нгуен Тхуку начать прямое наступление на главную опорную базу повстанцев, которые не смогли выстоять под этим ударом. Войска государя Чинь захватили крепость повстанцев с большим количеством оружия, боеприпасов и продовольствия, разрушили её и ушли. Сам же Хоанг Конг Тоан сумел бежать в Юньнань. Почти все не хотевшие сдаваться на милость победителя повстанцы также бежали либо в империю Цин, либо и в Айлао [182, «Основные записи», кн. XXXVIII, с.15, 23, 28, кн. XXXIX, с.31, 35, кн. XL, с.1, 17, 18, 28, кн. XLI, с.5, 6].

2.1.4. *Восстание Ле Зюи Мата (1738 – 1770 гг.)*

Ле Зюи Мат происходил из императорского рода Ле, то есть принадлежал к потомственной знати. После того как заговор придворных сановников против государя Чинь, в котором он принимал участие, провалился, Ле Зюи Мат бежал

¹ 1767 – 1782 гг.

в Тханьхоа. Там он собрал под свои знамёна бедняков и возглавил одно из крупнейших крестьянских восстаний середины XVIII в. против власти государей Чинь.

В начале 1740 г., после двухлетнего периода сбора сил и подготовки опорной базы в горах Тханьхоа, Ле Зюи Мат нанёс свой первый удар по Хынгхоа и Шонтэю. Его войска разгромили уезды Тиенфаунг и Фуклок¹, после чего вернулись на свою горную базу в Тханьхоа. В 10-ом месяце 1741 г. Ле Зюи Мат во второй раз вторгся в Шонтэй, где повстанцам удалось захватить довольно большую территорию. Чинь Зоань был вынужден приказать Данг Динь Мату, которого назначил главнокомандующим объединённых сил военных округов Тханьхоа, выступить против повстанцев, занимавших военные округа Аншон, Милыонг и Тьонгдык.

Ле Зюи Мат сначала отступил в уезд Ванланг провинции Тхайнгуен, а затем вернулся в Тханьхоа, где обосновался в общине Нгауклоу уезда Тхатыхань. Он возвёл там укрепление и принял титул «Потомок императора Небесного Юга». Однако вскоре на лагерь Ле Зюи Мата напал преследовавший его отряд Данг Динь Мата. Поэтому после непродолжительной обороны он был вынужден оставить свою базу в Нгауклоу и увести повстанцев в горный уезд Конам провинции Нгеан, а затем и перебраться в высокогорья округа Лангтянь.

В 1749 г. Ле Зюи Мат вторгся в уезд Хоайан¹¹, где в Милыонге объединился с повстанцами местного вождя Тьонга. Их совместные действия длились три года, но после того как в 1752 г. Тьонг погиб в ожесточённом бою с войсками государя Чинь, Ле Зюи Мат был вынужден вновь уйти в горные районы Тханьхоа.

В 1752 – 1763 гг. Ле Зюи Мат действовал в горных районах Тханьхоа и Нгеана. В 6-ом месяце 1763 г. повстанцы захватили малую провинцию Чаннинь и округ Чинькао.

¹ Теперь это уезды Куангоай и Футхо провинции Ханой.

¹¹ Теперь это уезд Мидык провинции Ханой.

Местный племенной вождь Лы Кам обратился за помощью к государю Чинь, но получил отказ от правителя Нгеана.

В 1764 г. Ле Зюи Мат создал мощную опорную базу на горе Чинькуанг в малой провинции Чаннинь. Разделённые на шестнадцать оборонительных постов внутренние и внешние резиденции этой крепости были окружены глубокими рвами и высокими валами. Опираясь на эту базу, повстанцы контролировали обширную территорию от горных районов Тханьхоа и Нгеана до пограничной зоны провинции Хынгхоа. Большую часть её населения составляли *таи*, поддержка которых сыграла значительную роль в развитии восстания.

В том же 1764 г. Ле Зюи Мат отправил посольство в Дангчаунг, предложив Нгуенам создать союз для борьбы с Чинями. Однако государь Нгуен-фук Кхоат отказался от этого предложения, так как в то время в самом Дангчаунге назревала угроза мощного крестьянского восстания [164, т.1, с.228, 229].

В 1767 г. Ле Зюи Мат решил воспользоваться тем, что Чинь Зоань умер, а ставший государем его сын Чинь Шам ещё не имел опыта управления страной. Поэтому он разработал план захвата Нгеана с последующим нападением на север. Летом того года повстанцы вторглись в уезды Хыонгшон провинции Хатинь и Тханьтьонг провинции Нгеан, где разгромили войска Чиней на постах прикрытия. В результате Чинь Шам был вынужден приказать Буй Тхе Дату и Нгуен Нгиему отразить нападение повстанцев. После этого он призвал Буй Тхе Дата в столицу для обсуждения плана уничтожения опорной базы Ле Зюи Мата в Чинькуанге. Согласно мнению Буй Тхе Дата, из трёх возможных путей в Чаннинь¹ для наступления армии подходила только дорога, которая шла из Нгеана через Чалан². Она была достаточно широкой, к тому же река Ка позволяла обеспечить доставку продовольствия на кораблях.

Тщательная подготовка наступления продолжалась весь 1768 г. На всех важных участках дороги из Тханьхоа в

¹ Дороги из Хынгхоа, Тханьхоа и Нгеана.

² Уезд Тьонгзыонг в Нгеане.

Чаннинь были расставлены посты, которые должны были следить за всеми действиями повстанцев и в случае необходимости отражать их нападения. Буй Тхе Дат получил приказ готовить армию к наступлению. Ему также были приданы 5000 воинов под командованием Ле Динь Тяу, которые должны были скрытно пройти по дороге через Чалан.

Наступление началось в конце 1769 г. Командующий Нгеаном Буй Тхе Дат шёл с основной армией через Чалан на Чаннинь. Командующий Тханьхоа Нгуен Фан и командующий Хынгхоа Хоанг Динь Тхе выступили со своими войсками по двум другим дорогам. В начале 1770 г. все три армии Чиней одновременно атаковали базу повстанцев в Чаннине. Занявший оборону в укреплениях, находившихся в труднодоступных горных местах, Ле Зюи Мат принял решение стоять насмерть. Разгромив оборонительные посты повстанцев в горном уезде Чиньбан округа Майшон и в горном уезде Бансунг малой провинции Чаннинь, армейские корпуса Буй Тхе Дата и Нгуен Фана, направились к базе Чинькуанг, где стали лагерем непосредственно перед укреплениями. Однако Ле Зюи Мат стойко оборонялся, не позволяя войскам Чиней продолжить наступление. Тогда военачальник Хоанг Нгу Фук заставил Лехи Лы, мать Лай Тхе Тхиеу, командующего внешним укреплением и зятя Ле Зюи Мата, написать сыну письмо и убедить его перейти на сторону Чиней. В результате Лай Тхе Тхиеу сдал внешнюю крепость, откуда войска Чинь открыли огонь из пушек по внутреннему укреплению. Через сутки после начала обстрела в рядах повстанцев начался хаос. Ле Зюи Мат продолжал ещё какое-то время стойко обороняться, а затем, сочтя, что никакой надежды не осталось, он вместе с женой и детьми покончил жизнь самоубийством.

Овладев крепостью, войска государя Чинь захватили много слонов, лошадей, оружия, золота, серебра, шёлка и других собранных повстанцами ценностей.

Так завершилось непосредственно предшествовавшее великой крестьянской войне Тэйшонов тридцатидвухлетнее восстание под руководством Ле Зюи Мата [182, «Основные записи», кн. XXXVIII, с.15, 23, 28, кн. XXXIX, с.17, 26, кн. XL,

с.29, 30, кн.XLI, с.5, 15, кн.XLII, с.16, 17, 22, 24, кн.XLIII, с.4, 18, 26, 28].

2.2. Дайвьет в эпоху крестьянской войны и династии Тэйшонов (1771 – 1802 гг.)

2.2.1. Война с Нгуенами в Дангчаунге и Чинями в Дангнгоае (1771 – 1786 гг.)

Через два года после гибели Ле Зюи Мата в Дайвьете вспыхнуло очередное крестьянское восстание, которое вскоре переросло в настоящую войну, известную под названием крестьянская война Тэйшонов. Оно началось в 1771 г. на хуторе Тэйшон деревни Анкхе уезда Фули малой провинции Кюиньон¹, где родились и жили руководители этого восстания братья Нгуен Няк, Нгуен Лы и Нгуен Хюе.

Братья Тэйшоны (слева направо): Нгуен Няк, Нгуен Лы и Нгуен Хюе

Предки братьев Нгуен, издавна носившие фамилию Хо, происходили из малой провинции Хынгнгуен провинции Нгеан в Дангнгоае. Когда во время войн 1653 – 1657 гг.

¹ Сегодня это провинция Биньдинь.

войска государей Нгуен тысячами угоняли жителей Нгеана в полон, среди них оказался и предок братьев в четвёртом колене, которого поселили на хуторе Тэйшон, заставив поднимать целину [1188, с.103]. К тому времени, когда у его потомка Нгуен Фи Фука родилось трое сыновей, семья Нгуен (Хо) стала уже достаточно зажиточной.

Известно, что старший из трёх братьев, Нгуен Няк, слыл человеком предприимчивым, а младший, Нгуен Хюе, умным, отважным и отличался способностями как в военном деле, так и в области политики. Все трое учились у наставника Хиена. Учитель Хиен был мудрым человеком. Прежде он был чиновником на службе у правого внешнего [командующего] Чыонг Ван Ханя, убитого затем регентом Чыонг Фук Лоаном. Тогда учитель Хиен бежал в Кюиньон и поселился на хуторе Антхай, где открыл школу, в которой преподавались гражданские и военные науки. В этой школе братья Нгуен проявили большие способности к учёбе, за что наставник Хиен часто их хвалил.

В это время Нгуен Няк торговал бетелем с жителями горных районов, а затем стал сезонным секретарём в Вандоне. Это была должность чиновника, занимавшегося сборами на постах дорог, соединявших горные районы с низменностью, за что полагалась очень низкая зарплата. Местный чиновник, инспектор Данг, всячески унижал и притеснял Нгуен Няка. Чтобы братья не обращали внимания на такие мелочи и концентрировались на главном, наставник Хиен нередко повторял Нгуен Няку: «В одной пословице сказано, что “когда на Западе восстание, Север пожинает плоды”. [Поскольку] вы люди Западных гор¹, [то] должны [особенно] стараться, [чтобы этого не случилось]» [161.1, т.2, с.521].

Нгуен Няк с братьями прекрасно понимали, о чём говорит учитель. Они жили среди простых людей и видели, как тяжело им приходится. Поэтому братья и решили выступить в поддержку крестьянства, которое стремилось освободиться от гнёта феодального режима государей Нгуен.

¹ Название «Тэйшон» (山西), переводится, как «Западные горы».

В результате в 1771 г. Нгуен Няк организовал на хуторе Тэйшон лагерь, в котором начал готовить силы для восстания. Местное население поддержало братьев. Уже с самого начала к ним присоединились несколько тысяч человек.

Как уже говорилось, в то время всей полнотой власти при дворе государя Нгуен владел коварный и жестокий регент Чыонг Фук Лоан¹. Поэтому восстание началось под лозунгом свержения ненавидимого всеми узурпатора и возведения на престол Нгуен-фук Зыонга, который был внуком государя Нгуен-фук Кхоата. Благодаря этому вождь Тэйшонов привлёк на свою сторону представителей самых разных слоёв общества Дангчаунга. Вероятно, бойцы Нгуен Няка носили чёрную одежду, так как в народе говорили: «Воины династии – [это] воины “Опоры государства”, воины-вороны – [это] воины внука императора»! [194.1, т.1, с.71].

Среди первых, кто поддержал Нгуен Няка, были богатый Хюен Кхе, также известный как Ву Тат Тхан, и помещик Нгуен Тхунг, отдавшие своё имущество повстанцам. Силы Тэйшонов росли с каждым днём, и к ним присоединялось всё больше людей. Во всех сражениях их войска одерживали победу, при этом они забирали имущество богачей и раздавали его беднякам.

К 1773 г. силы повстанцев так возросли, что Нгуен Няк повёл войска на крепость Киентхань, контролировавшую низменность уезда Туивиен и примыкающих к нему районов. После захвата большей части малой провинции Кюиньон лидеры Тэйшонов распределили между собой обязанности следующим образом: Нгуен Няк возглавил первый лагерь и войска уездов Бонгшон и Фули, Нгуен Тхунг возглавил второй лагерь и войска уезда Туивиен, а Хюен Кхе возглавил третий лагерь и отвечал за обеспечение армии продовольствием. Тогда же Тэйшонам оказала поддержку одна из государынь Тямпы по имени Тхи Хоа, которая привела на помощь повстанцам своих воинов и стала лагерем в Тхатътхане. В

¹ Смотри выше конец «Параграфа 1.2».

Туивиене к ним также примкнул отряд, собранный хозяином театральной труппы Ньынг Хюи и артистом Ты Линем.

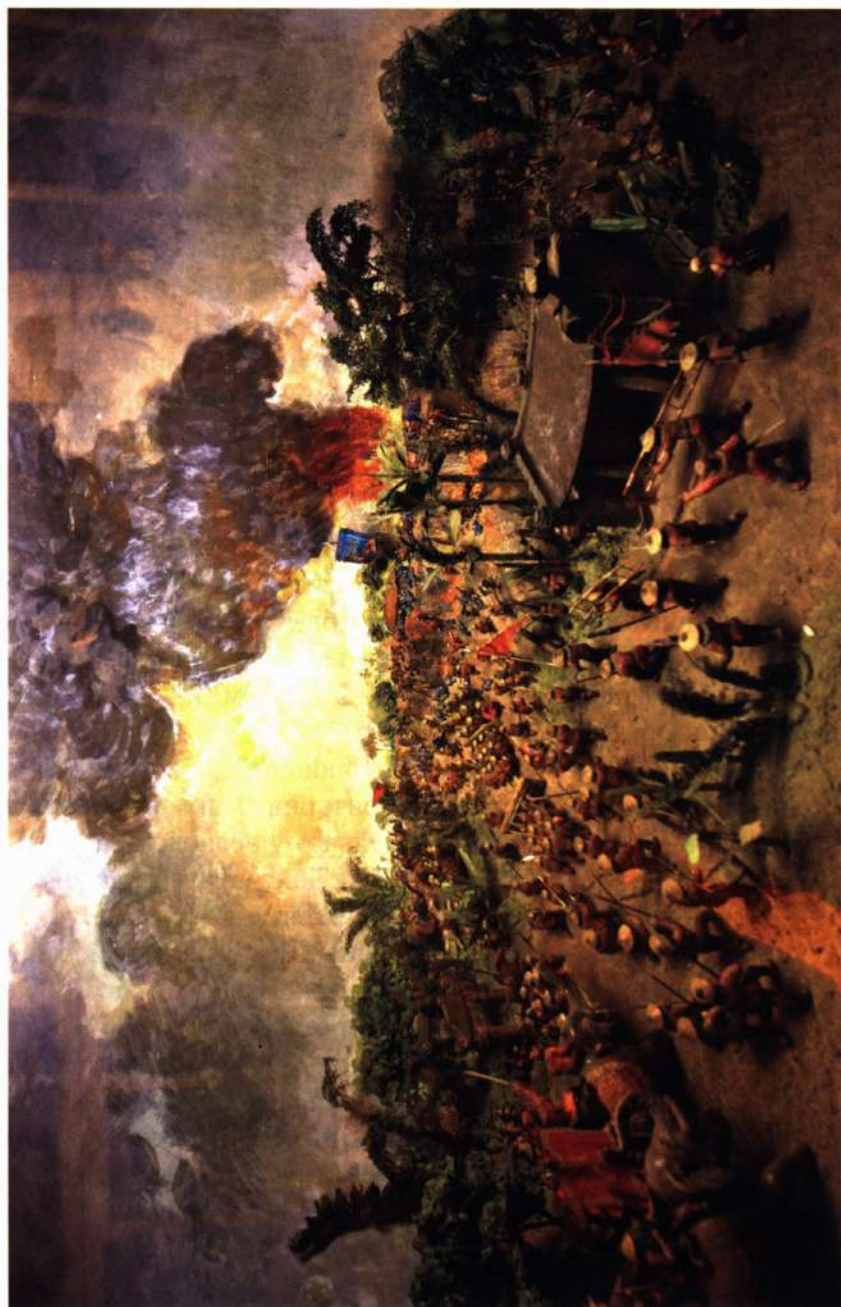
В 1773 г. Тэйшоны решили сначала захватить крепость Кюиньон и превратить её в свою опорную базу, а затем, продолжив наступление в направлении Куангнгай, вторгнуться в Биньтхуан. Осенью, после того как Кюиньон был окружён войсками Тэйшонов, Нгуен Няк приказал отрядам Нгуен Тхунга, Ньынг Хюи и Ты Линя начать штурм крепости. Кюиньон пал, а командовавший его обороной Нгуен Дык Туен бежал вместе с другими военачальниками и чиновниками.

Таким образом, повстанцы получили мощную опорную базу, которая позволила им накапливать и укреплять силы для развёртывания борьбы по всей стране [161.1, т.2, с.522].¹⁴.

Захватив Кюиньон, повстанцы двинулись на Куангнам и Куангнгай. Узнав об этом, государь Нгуен очень испугался, а при его дворе началась паника. Ситуация действительно сложилась критическая, так как поднявшие восстание на хуторе Тэйшон Нгуен Няк и его братья всего лишь за один год захватили Киентхань, овладели Кюиньоном и, наступая на Куангнгай, вторглись в Биньтхуан.

К 1774 г. Нгуены потеряли половину своих владений, а оставшиеся под их контролем территории были разрезаны на две части, что привело к их значительному ослаблению [842].

Увидев, что государи Нгуен в Дангчаунге практически потеряли контроль над ситуацией, правитель Нгеана Буй Тхе Дат сообщил об этом государю Чинь Шаму, который решил покончить со своими давними врагами. Назначив Хоанг Нгу Фука верховным командующим умиротворения юга, государь приказал ему повести на Дангчаунг 30000 воинов, а сам возглавил армию и двинулся в направлении Тханьхоа на Хачунг. Сражавшиеся с Тэйшонами на юге Нгуены оставили северные границы без защиты, поэтому Чини не встретили никакого сопротивления. За короткое время к 11-му месяцу 1774 г. армия Чинь форсировала реку Зянь и в конце зимы того же года развернула наступление на столицу Дангчаунга крепость Фусуан, которая пала в начале 1775 г., тогда как государь Нгуен-фук Тхуан бежал на юг.

Войска Тэйшонов штурмуют крепость.
Реконструкция. Музей Истории. Ханой, 18.04.2011 г.

В 3-ем месяце 1775 г. армия Чиней преодолела перевал Моря Облаков и вторглась в Куангнам. Поначалу Нгуен Няк лично выступил со своими войсками против армии Чинь, но затем он осознал, что оказался в невыгодном положении, так как ему пришлось вести одновременно войну на два фронта. Поэтому вождь Тэйшонов заключил временное перемирие с государем Чинь, чтобы от его имени вести войну с Нгуенами.

К концу лета 1775 г. утомлённые длинным походом воины Чиней с трудом переносили царившую в Центральном Вьетнаме жару. Поэтому наступление было приостановлено, и армия северян стала на отдых в Куангнаме. Воспользовавшись этим, Нгуен Няк отправил посланца с письмом к Хоанг Нгу Фуку, в котором сообщал о готовности признать верховную власть государя Чинь, в знак чего предлагал отдать малые провинции Куангнгай, Кюиньон и Фуиен под его прямое управление. Нгуен Няк также просил включить его войска в состав армии Чинь в качестве авангарда для дальнейшего наступления на Зядинь.

Хоанг Нгу Фук понимал, что его воины были утомлены и потеряли боевой дух. Поэтому он пожаловал Нгуен Няку должность «Великий [и] могучий командующий Тэйшонами», хотя, видимо, и разгадал замысел лидера повстанцев. Об этом свидетельствуют слова, с которыми в 1775 г. Хоанг Нгу Фук обратился к своим подчинённым во время отдыха Куангнгае: «Я уже стар, но опасаясь, не придётся ли военачальникам ему противостоять»¹.

Опасения Хоанг Нгу Фука были не напрасны. В 1777 г. Тэйшоны изгнали государей Нгуен из Дангчаунга, при этом король Начала основы Нгуен-фук Зыонг и король Верховного величия Нгуен-фук Тхуан были схвачены и казнены. А девять лет спустя та же участь постигла и государей Чинь. В 1786 г., когда Нгуен Хюе вторгся в Дангнгоай, военачальник северян Нгуен Чанг пленил государя Чинь Кхая¹¹ и выдал его

^{1*} То есть «Я уже стар, но опасаясь, что впоследствии вам самим придётся противостоять Нгуен Няку». К сожалению, профессор Нгуен Минь Тьонг не указал, какой именно источник он цитирует.

¹¹ Старший сын Чинь Шама.

Тэйшоном. Однако последний предпочёл плену смерть и покончил с собой по пути в Фусуан.

Таким образом, спустя пятнадцать лет после начала восстания, крестьянская армия под командованием братьев Нгуен Няка, Нгуен Лы и Нгуен Хюе разбила войска и уничтожила власть государей Нгуен и государей Чинь в Дангчаунге и в Дангнгоае. Тэйшоны не только ликвидировали эти консервативные феодальные режимы, но и успешно отразили вторжения войск Сиама и маньчжурской династии Цин, вписав много славных страниц во вьетнамскую историю [182, «Основные записи», кн.XLVI, с.17 – 27].

2.2.2. *Нгуен Хюе и победа в сражении при Ратьгаме – Соаймуте в 1784 г.*

В 1778 г. Нгуен Няк принял титул императора, объявил девиз правления «Великая добродетель»¹⁵, сделал крепость Добан столицей своего государства, назначил Нгуен Лы главнокомандующим всеми войсками и пожаловал Нгуен Хюе звание «Генерал армии хранитель [алтаря] Предков» [182, «Основные записи», кн.XLVII, с.5].

К тому времени бежавший в 1777 г. на юг в Зядинь пятнадцатилетний племянник последнего государя Дангчаунга Нгуен Ань набрал уже довольно серьёзную силу. Поэтому Нгуен Няк приказал объединяющему командование Тю, ведающему наказаниями Уи и охранителю выездов Фам Нгану во главе флота нанести удар по позициям Нгуен Аня в Чанбиене и Фиенчане. Однако войска последнего под началом До Тхань Ньона устроили засаду и неожиданно напали на ведающего наказаниями Уи, который был убит в Беннге. В то же время главнокомандующий армией Нгуен Аня – Нгуен Ван Хоанг напал из своего лагеря в Локза на наступавшего противника. В результате произошедшего сражения погибли два военачальника Тэйшонов, Лиём и Тханг, а потерпевший поражение Фам Нган был вынужден отступить. Благодаря этой победе Нгуен Ань овладел Биньтхуаном, создав при этом угрозу малой провинции Зиенкхань. С этого момента силы Нгуен Аня стали быстро расти и укрепляться.

Избрав своей резиденцией Сайгон, Нгуен Ань принял в 1780 г. титул короля и стал пользоваться «Печатью вечной власти государя Нгуен государства Дайвьет». Он также назначил До Тхань Ньона командующим армией Донгшона, пожаловав ему титул «Князь Верховный командующий, внешний правый главный помощник». Однако До Тхань Ньон стал вести себя слишком независимо, поэтому в начале 1782 г. он был убит по повелению Нгуен Аня. Потеряв командира, воины его армии пали духом и, бросив позиции в Донгшоне, вернулись в Дойба, что значительно ослабило силы Нгуен Аня.

Узнав о гибели До Тхань Ньона, Нгуен Няк радостно воскликнул: «Правая сторона^I мертва, а другие военачальники меня вообще не волнуют!»^{II}. Поэтому весной 1782 г. Нгуен Няк и Нгуен Хюе с несколькими сотнями боевых судов вошли в бухту Канзю. Разгромленные в Нгабае войска Нгуен Аня отступили в Базьонг. В 5-ом месяце того же года Нгуен Ань бежал в Лыфу, где встретился с наступавшими частями основной армии Нгуен Хюе. Поэтому был вынужден скрываться на острове Фукуок. После победы на юге Нгуен Хюе вернулся с войсками в Кюиньон, поручив охрану Сайгона чиновнику министерства финансов Ба^{III} и военачальнику До Нян Чапу. Таким образом, крепость Зядинь была возвращена под власть Тэйшонов.

Несмотря на победу, войска Тэйшонов понесли в этой войне большие потери. Кроме того, летом того же 1782 г. командиры армии Истинного мира^{IV} Цзун Цию, Чэнь Вэньцзэ, Чэнь Вэньцзы и Чэнь Гунчжан устроили засаду у моста Тхамлыонг, в которую попал охранитель выездов Фам Нган. Правда, в том бою погиб не только Фам Нган, но и советник

^I Псевдоним До Тхань Ньона.

^{II} К сожалению, профессор Нгуен Минь Тьонг не указал, какой именно источник он цитирует.

^{III} Возможен перевод: «Руководитель министерства финансов».

^{IV} Армия китайских поселенцев в Южном Вьетнаме под командованием Ли Цая, который сначала присоединился к Тэйшонам, а затем перешёл на сторону Нгуен Аня. Вероятно, упомянутые военачальники также были переселенцами, поэтому их имена приводятся в китайском чтении.

Нгуен Аня, Хо Конг Шиен. Известие о предательстве армии Истинного мира и гибели Фам Нгана привело Нгуен Няка в ярость. Он обрушился со своими войсками на район Вьончоу, уничтожив там множество воинов армии Истинного мира и китайских торговцев, товары которых выбрасывались прямо на улицу.

Осенью Тю Ван Тиеп неожиданно напал из Фуиена на Зядинь. Потерпев поражение, Ба и До Нян Чап бежали. Зядинь в очередной раз перешла к Нгуен Аню.

В 1783 г. флот Нгуен Хюе и Нгуен Лы снова вошёл в бухту Канзю, поднялся по реке и обрушился на войска Тю Ван Тиепа, который потерпел сокрушительное поражение. Нгуен Ань бежал в Базьонг. Когда же прикрывавший его отступление с тыла Нгуен Хоанг Дык был схвачен, Нгуен Ань бежал на остров Конлон. Его преследовал конюший Тэйшонов Чьонг Ван Да, который со своими моряками едва не взял Нгуен Аня в плен, но тому удалось бежать на остров Фукуок. Тогда Нгуен Хюе оставил Чьонг Ван Да в Сайгоне, а сам вернулся с войсками в Кюиньон.

Найдя убежище на Фукуоке, Нгуен Ань отнюдь не бездействовал. Так, в 1784 г. он приказал Тю Ван Тиепу отправиться в Сиам с просьбой о помощи. В марте 1784 г. король Сиам приказал одному из своих военачальников отправиться на кораблях в Хатиен и привести Нгуен Аня в Бангкок. Затем он повелел военачальникам Тиеу Тангу и Тиеу Шьонгу возглавить армию из 20000 моряков и 300 военных судов, проводниками которой стали Нгуен Ань и Тю Ван Тиеп. Сиамцы захватили районы Ратьзя, Батхак, Чаон, Мантхит и Шадек. Конюший Чьонг Ван Да, не имея достаточно сил, чтобы противостоять этому нападению, ушёл в Кюиньон.

Получив известие о вторжении сиамских войск, Нгуен Хюе во главе основной армии направился в Зядинь. При первых же столкновениях с противником войска Тэйшонов поспешно отступили, заманивая сиамцев в район Ратьгама и Соаймута, где на западе от Митхо была устроена засада, из которой они обрушились на врага одновременно со всех сторон. Сиамская армия потерпела тяжёлое поражение. Лишь

нескольким тысячам её воинов удалось бежать горными дорогами в Сиам. Об этих событиях в «Истинных записях [о] Великом Юге» сказано: «Хотя после поражения в году [Самца] Чёрной Обезьяны¹ сиамцы хвастались [своими подвигами], они боялись войска Тэйшонов, как боятся тигра»¹¹.

Спасая свою жизнь, Нгуен Ань снова бежал в Сиам, где занялся поисками помощи у другой страны [164, т.2, с.57 – 65].

2.2.3. Разгром войск империи Цин в 1789 г.

Даже после захвата Тэйшонами Северного Вьетнама и изгнания государей Чинь, официальной династией Дайвьета по-прежнему считалась династия Ле. Нгуен Хюе делал все возможное, чтобы создать впечатление полноты её власти, что в то время приносило ему больший авторитет в народе по сравнению с тем, если бы он просто провозгласил себя императором. Вероятно, ещё слишком свежи были у людей воспоминания о недавнем прошлом, чтобы давать им повод для сравнения Тэйшонов с государями Чинь. Поэтому в беседах с императором Знаменитым рода Нгуен Хюе всячески подчёркивал, что Тэйшоны пришли на Север лишь исполняя «Волю Неба», мандат которого принадлежал династии Ле. Тем не менее реальная власть принадлежала предводителю Тэйшонов. Так, по прямому указанию Нгуен Хюе после смерти императора Знаменитого рода на престол был возведён его внук принц Ле Зюи Ки, провозгласивший девиз правления «Блистательное единство»¹¹¹.

Нгуен Хюе держался в тени ещё и потому, что не хотел обострять отношения с Нгуен Няком, который, узнав о взятии Тханглаунга, немедленно приехал на север. Нгуен Няк также всячески успокаивал императора Ле, говоря, что считает север независимым государством династии Ле, на которое никто не

¹ 1784 г.

^{11*} К сожалению, профессор Нгуен Минь Тьонг не указал, какой именно источник он цитирует.

¹¹¹ 1786 – 1789 гг. Старший сын Ле Зюи Ви, наследника престола и старшего сына императора Знаменитого рода, который был убит государем Чинь Шамом. Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

осмелится посягнуть после уничтожения государей Чинь. При этом он подчёркивал, что Нгуен Хюе не имеет в государстве Ле никакой власти [1550, с.74]. Более того, в августе 1786 г. он настоял на том, чтобы Нгуен Хюе последовал за ним в Центральный Вьетнам, взяв с собой все захваченные ценности государей Чинь.

Нгуен Хюе отправляется в поход.

Кадр из кинофильма «Герои Тэйшоны (Tây-sơn hào kiệt)». СРВ, 2010 г.

По прибытии в Кюиньон Нгуен Няк предложил Нгуен Хюе разделить сферы влияния, но Нгуен Хюе отказался из-за того, что не получал в управление провинцию Куангнам. Кроме того, он был крайне недоволен тем, что Нгуен Няк присвоил себе все привезённые с севера ценности. Спор между братьями дошёл до вооружённого столкновения, которое началось с того, что Нгуен Хюе с 60-тысячным войском окружил Кюиньон, а Нгуен Няк призвал на помощь расквартированные в Зядини части. После четырёх месяцев противостояния последний предложил брату новый вариант соглашения, по которому территория к югу от Куангнгай оставалась под его властью, а к северу от этой провинции –

переходила под контроль Нгуен Хюе. В результате инцидент был исчерпан, но прежнее единство между братьями так никогда и не восстановилось.

Уйдя с севера, Тэйшоны оставили в Тханглаунге гарнизон под командованием Нгуен Хью Тиня. Однако там оставалось ещё много военачальников государей Чинь, которые сразу же стали готовиться к изгнанию Тэйшонов и свержению императора Ле. При этом Нгуен Хью Тинь не только не сумел установить порядок, но и, опасаясь за свою жизнь, бежал в Нгеан. Это привело к ещё большей активизации остававшихся на местах сторонников Чиней, в первую очередь членов их многочисленного семейства. Во главе антитэйшонского движения стояли опиравшиеся на войсковые формирования северо-западных областей Дайвьета Чинь Ле и Чинь Бонг. И хотя их выступления были подавлены, это не принесло спокойствия, так как, воспользовавшись междоусобицей между братьями, некоторые тэйшонские военачальники в Северном Вьетнаме сами начали подготовку к захвату власти.

Особенно активно действовал уже упоминавшийся наместник Нгуен Хюе на севере Нгуен Хью Тинь, который, намереваясь отделить провинцию Нгеан от государства Тэйшонов, искал союза как с другими военачальниками, так и с императором Ле.

Однако против него выступил Ву Ван Ням, который в прошлом был одним из военачальников государя Нгуен. Он возвысился после того, как в 6-ом месяце 1786 г., попав в плен к захватившим Зядинь Тэйшонам, вымолил пощаду, а Нгуен Ням, который по достоинству оценил его таланты, выдал за него замуж свою дочь. Сражаясь на стороне Тэйшонов, Ву Ван Ням одержал много побед.

В 1787 г., узнав о заговоре наместника Нгуен Хью Тиня, Нгуен Хюе, назначив Ву Ван Няма главнокомандующим сухопутных войск и флота, приказал ему направиться на север и уничтожить мятежника. Сопротивление Нгуен Хью Тиня было сломлено, а его 30-тысячное войско разбито в сражении на реке Тхань. После этого поражения Нгуен Хью Тинь с

императором Ле ушли на север в провинции Шонтэй, Тхайнгуен, Хайзыонг и Шоннам, чтобы собрать новые силы для борьбы с Тэйшонами. Наконец, в конце 1787 г. Ву Ван Ням захватил бежавшего в Иентхе (Бакзянг) Нгуен Хыу Тиня, привёз его в Тханглаунг, обвинил в преступлении и казнил. В результате он стал полновластным хозяином Тханглаунга [182, «Основные записи», кн.XLVII, с.19, 20].

В 5-ом месяце 1788 г. Нгуен Хюе получил тайное послание от военачальника Нго Ван Шо с сообщением о том, что наместник Ву Ван Ням практически узурпировал власть в Тханлаунге. Давно подозревавший Ву Ван Няма в подготовке переворота, Нгуен Хюе сразу выступил из Фусуана на север. Дойдя за десять дней до Тханглаунга, он в четыре часа ночи захватил резиденцию Ву Ван Няма и казнил его на месте [182, «Основные записи», кн.XLVII, с.5, 6, 13 – 19, 28, 29].

Тем не менее оставалась проблема династии Ле, которую Ву Ван Ням так и не решил, так как её последний император сумел после поражения Нгуен Хыу Тиня бежать в Киньбак, где рассчитывал найти поддержку у правителя этой провинции Нгуен Кань Тхюока. Однако последний не только не помог беглому императору, но и, воспользовавшись его безвыходной ситуацией, стал вымогать у него драгоценности и даже забрал его вышитые драконами официальные одеяния. Оставшись в одиночестве, император Ле сначала нашёл убежище в Тилине провинции Хайзыонг, затем укрылся в Биеншоне провинции Тханьхоа, потом снова вернулся в Киньбак. Так он метался из одного места в другое, пока, наконец, не обосновался в Фыонгняне, откуда отправил своих приближённых Чан Зань Ана и Ле Зюи Дана в империю Цин с просьбой о помощи.

Когда Чан Зань Ан и Ле Зюи Дан прибыли в малую провинцию Тайпин провинции Гуанси, они разразились причитаниями о «потере государства и гибели династии». Ещё до этого командующий всеми Нгуен Хюи Тук уже обращался с просьбой о помощи к объединяющему командование обоих

Гуан¹ Цзун Ши. Поэтому последний немедленно обратился с посланием к императору Высокому рода [династии] Цин², сообщая ему о благоприятной возможности восстановления имперской власти над «Аньнанем» под предлогом оказания содействия законному государю Ле. Цинский император сразу же согласился с этим предложением. Поэтому он немедленно повелел своим военачальникам собирать войска и готовиться к полномасштабному вторжению в Дайвьет [182, «Основные записи», кн. XLVII, с. 33].

При подготовке наступления цинские военачальники руководствовались установленными Цзун Ши совместно с императором принципами воинской дисциплины и тактики ведения войны с Тэйшонами. Главными в этом своего рода уставе цинской армии вторжения были четыре следующих основополагающих принципа:

1. Усилить охрану границы, для того чтобы преградить путь Тэйшонам, если они будут преследовать императора Ле на территории империи Цин.
2. Издать от имени короля³ Ле манифест, как призывающий верных легитимному государю чиновников поднимать народ против Тэйшонов, так и побуждающий вьетнамских феодалов создать «армию спасения императора» для совместных действий с маньчжурскими войсками.
3. Повелеть правителю округа Дянь племенному вождю Чэнь Идуну совместно с принцами из династии Ле собрать войска на границе с северовьетнамской провинцией Каобанг, которые станут авангардом и проводником маньчжурской армии вторжения.
4. Собрать мощную армию для захвата Дайвьета из войск провинций Гуандун, Гуанси, Юньнань и Гуйчжоу, придав ей флот провинций Гуандун и Фуцзянь [1392, с. 187, 188].

¹ Гуанси и Гуанчжоу.

² В 1788 г. этот император маньчжурской династии Цин правил под девизом «Небесный [и] возвышенный» (1736 – 1795 гг.), который принято использовать в качестве его имени: «император Цянь-лун».

³ Пара «император – король» в китайских источниках отражает вассальные отношения между китайской империей и вьетнамским государством.

Воин элитных частей армии Цин.
Конец XVIII – начало XIX в.

Под командованием прославившегося при захвате Тибета в 1751 г. Цзун Шии была собрана состоявшая из трёх корпусов 290-тысячная армия, которая выступила из Гуанси

28-го числа 10-го месяца года [Самца] Зелёной Обезьяны^I. Первый корпус этой армии под командованием самого Цзун Ши и его заместителя Сюй Шихэна наступал через горный проход Намкуан^{II} на Бакнинь. Второй, под командованием правителя Юнь – Гуя^{III}, У Дацзина двигался по дороге из Мэнцзы на Туенкуанг по реке Тхао^{IV}. Третий, под началом правителя округа Дянь Чэнь Идуна, шёл из округа Цинь через Каобанг [1441, т.1, с.670 – 676].

Обладая огромной силой в 290000 воинов, Цзун Ши был настолько уверен в победе, что у входа в Намкуан сказал своим воинам: «Тот, [кто] убьёт Нгуен Хюе [и] Нгуен Няка, [тот] удостоится высшей награды». Как и в двух предыдущих случаях, имперские стратеги снова выступали под лозунгом «Поддержим Ле, уничтожим Тэйшонов», скрывая за ним своё истинное намерение захватить Дайвьет^V.

В то время власть в Тханглауне принадлежала Нго Тхи Ниему (Няму) и Нго Ван Шо, которые были наместниками Нгуен Хюе в Северном Вьетнаме. Узнав, что цинская армия уже прошла Намкуан, а её авангард подошёл к Фьонгнгану, Нго Ван Шо поспешно приказал войскам отступить на юг. Его сухопутные силы заняли позиции на перевале Базой горного хребта Тамдиел провинции Ниньбинь, а флот стал на якорь в бухте Биеншон провинции Тханьхоа. Затем Нго Ван Шо отправил Нгуен Ван Тхюета с сообщением о произошедшем в Фусуан.

21-го числа 11-го месяца того же года армия Цзун Ши вошла в Тханглаунг. После этой лёгкой победы цинский главнокомандующий возгордился, а прибывший вместе с ним в свою столицу император Ле Зюи Ки стал сводить счёты со всеми, кто, как он считал, его предал. По его повелению

^I 1788 г.

^{II} Сегодня это так называемые «Ворота Дружбы».

^{III} Юньнань и Гуйчжоу.

^{IV} Приток реки Красной в уезде Лэмтхао провинции Футхо.

^V Смори в «Параграфе 1.2» «Главы 3» и в «Параграфе 1.2» «Главы 4» «Томе II» лозунги «Поможем Чан, уничтожим Хо» и «Поможем Ле, уничтожим Мак».

отрубили конечности и вспарывали животы не только тем, кто сотрудничал с Тэйшонами, но и женщинам, вышедшим замуж за военачальников врага, и даже их родственникам.

24-го числа 11-го месяца года [Самца] Зелёной Обезьяны^I примчавшийся верхом в Фусуан Нгуен Ван Тхюет привёз послание Нго Ван Шо, прочитав которое Нгуен Хюе в гнев воскликнул: «Дохлые псы! Воины У^{II}! Как смеют они быть столь чудовищно жестокими!».

Император Нгуен Хюе,
девиз правления «Славная срединность»

Надо полагать, что возникшая на севере ситуация побудила Нгуен Хюе последовать совету своих сановников и военачальников, которые хотели видеть его легитимным верховным правителем. Поэтому он повелел поставить на горе Бан к югу от горы Нгыбинь алтарь для подношения духам Неба и Земли, принял титул императора, провозгласил девиз правления «Славная срединность»^{III} и объявил амнистию. С этого времени во главе Тэйшонов было два императора, Нгуен

^I Начало 1789 г.

^{II} С начала XV в. одно из общих наименований китайцев во Вьетнаме.

^{III} 1789 – 1792 гг. Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

Няк и Нгуен Хюе, при этом если первый формально считался «главным», то второй обладал реальной властью и силой.

25-го числа 11-го месяца, то есть на следующий день после получения послания Нго Ван Шо, Нгуен Хюе выступил во главе армии на север. 29-го числа он прибыл в Нгеан, где остановился на десять дней для дополнительной мобилизации солдат. Согласно установленным правилам, в армию забирали каждого третьего податного крестьянина. В результате этой мобилизации численность армии Тэйшонов составила порядка 100000 человек. Нгуен Хюе разделил основную армию Тхуанхоа – Куангнама на четыре корпуса: авангард, арьергард, правое крыло и левое крыло. Новые воины из Нгеана образовали срединный корпус. Кроме того, в армии были сотни боевых слонов.

Нгуен Хюе выслушивает предсказание отшельника Нгуен Тхиэпа

В Нгеане Нгуен Хюе обратился к жившему на горе Тхиеннян отшельнику Нгуен Тхиэпу с вопросом о перспективе войны с армией Цин. В ответ на этот вопрос отшельник, который был известен под именем «Наставник горы Ла», ему сказал: «Сейчас в стране запустение, народ в смятении. Воины Цин пришли издалека, не знают, сильна [или] слаба наша армия. [Им] непонятно, будет [она] наступать [или займёт]

оборону. Если государь отправится в этот поход, то не более чем через десять дней грабители Цин будут рассеяны» [1276.1, с.164, 165]. Слова отшельника совпали с мнением императора, который принял решение провести стремительную операцию с целью полного разгрома противника.

Проведя смотр войскам в Нгеане, Нгуен Хюе выступил в поход и уже 20-го числа 12-го месяца подошёл со своей армией к горе Тамдиеп. Чтобы придать своей стратегии ещё большую внезапность, император Тэйшонов решил сыграть на гордыне врага. Поэтому он повелел Чан Зань Биню возглавить делегацию из восьми человек и тремя путями доставить Цзун Шии послание, написанное от имени старейшин и наставника государства Ле Сюи Кана. В нём содержалась нижайшая просьба к цинскому военачальнику вывести войска из крепости, чтобы увидеть, что затем произойдёт. Получив это предложение, Цзун Шии преисполнился презрением к Тэйшоном. Он сразу приказал убить Чан Зань Биня и порвал послание, угрожая при этом напасть на Куангнам и взять в плен живым Нгуен Хюе. Когда же придворные императора Ле, получившие известие о том, что войска Тэйшонов находятся у горы Тамдиеп, заволновались, Цзун Шии сказал: «Зачем спешить, лучше воспользоваться благоприятным моментом, чтобы напасть на утомлённого противника». Цзун Шии был так спокоен ещё и потому, что создал вокруг Тханглаунга целую систему взаимосвязанных постов и укреплений, наиболее мощные из которых находились на основной дороге, которая вела с юга в столицу. Основная же часть цинской армии расположились на берегах реки Красной. Такая система укреплений позволяла цинцам как сконцентрировать силы для атаки, так и без труда держать оборону.

Для прорыва столь мощной обороны Нгуен Хюе создал ударную армию, состоявшую из трёх корпусов: авангарда под командованием Нго Ван Шо и Фан Ван Лана, аррьергарда под командованием маркиза Тигриного дыхания¹ и срединного

¹ Имя неизвестно.

корпуса, который он возглавил лично сам. Эта армия должна была нанести удар непосредственно по Тханлаунгу.

Возглавляемое командующими Локом и Туетом левое крыло армии также включало в себя весь флот Тэйшонов. Согласно плану, после выдвижения флота по реке Лукдоу, Лок с сухопутными войсками отрезал цинской армии путь к отступлению в Фыонгньоне, Иентхе и Лангшоне, а Тует оставался в Хайзыонге для поддержки наступления с востока.

Наконец, правое крыло армии Нгуен Хюе возглавляли главнокомандующий Бао и командующий Лаунг^I. Согласно плану, Лаунг наносил удар через уезд Тьыонгдык^{II} по деревне Нянмук, где находились войска Чэнь Идуна из округа Дянь. Одновременно с этим главнокомандующий Бао должен был перебросить части боевых слонов из уезда Шонминь малой провинции Ынгхоа в деревню Дайанг уезда Тханьчи для поддержки этого крыла армии Тэйшонов.

В последнюю ночь года [Самца] Зелёной Обезьяны воины армии Нгуен Хюе стремительно преодолели заслоны у пристани Зянкхоу в Ниньбине. Затем, в ночь 3-го дня 1-го месяца, когда цинцы весело встречали наступление года Зелёной Курицы^{III}, они внезапно окружили пост Хахой и с грозными криками его атаковали. Воины армии Цин были так напуганы, что сдались без сопротивления.

После этого Тэйшоны двинулись на Нгаукхой, где было сооружено укрепление с мощной оборонительной системой. Сам пост был окружён замаскированными минами, а на его стенах стояли пушки. Пост Нгаукхой был одним из ключевых укреплений в системе цинской обороны. Поэтому, стремясь овладеть им любой ценой, Нгуен Хюе бросил на штурм поста большие силы. Воины шли в атаку, прикрываясь большими, пропитанными водой деревянными щитами, что делало их неуязвимыми для горящих стрел и огнемётов. В результате ожесточённого штурма Нгаукхой пал утром 5-го числа.

^I Существует гипотеза, согласно которой его звали Данг Тиен Донг.

^{II} Теперь это район Тьыонгми в Ханое.

^{III} 1789 г.

Штурм укрепления Нгаукхой

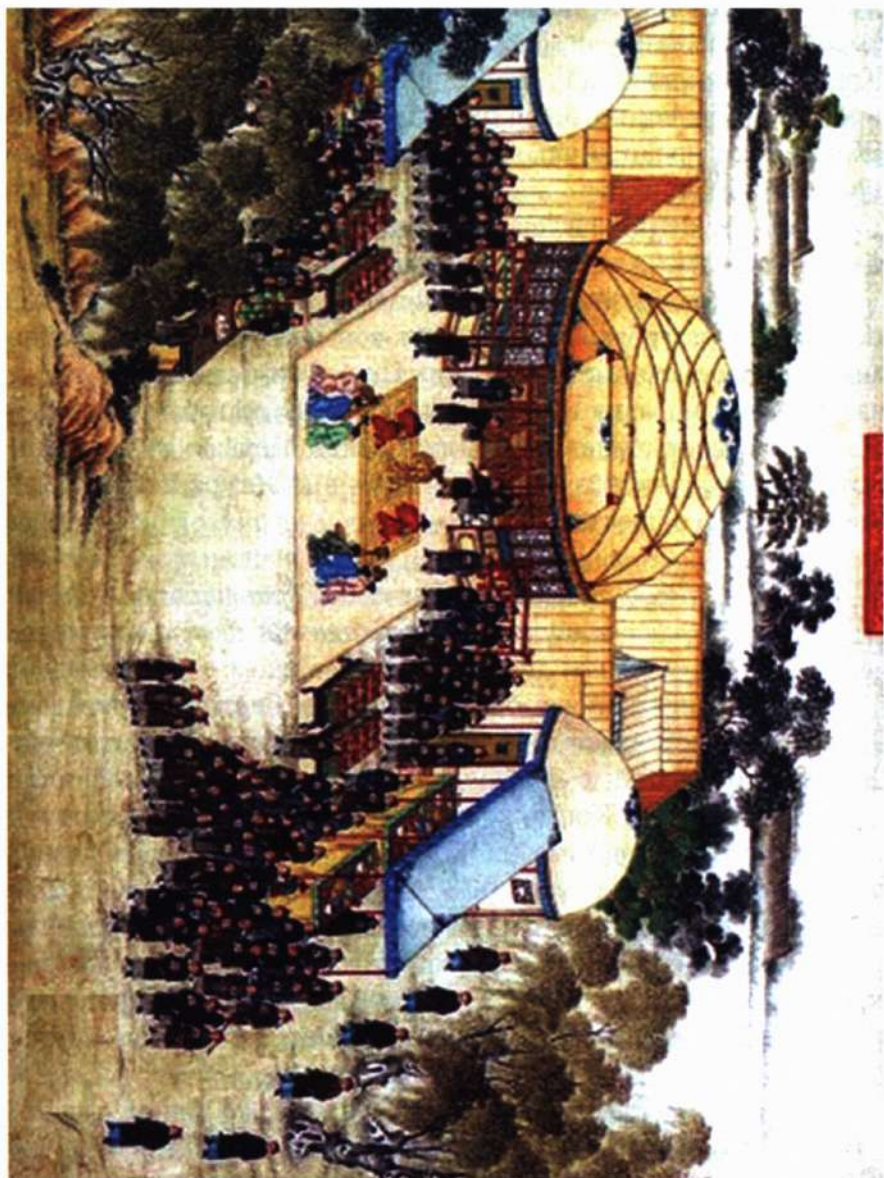
В тот же день войска командующего Лаунга нанесли удар по посту Кхыонгтхыонг¹, который был полностью окружён и отрезан от основных сил армии Цин. Не имея возможности сопротивляться, командовавший этим постом племенной вождь округа Дянь Чэнь Идун повесился.

В результате Тэйшоны уничтожили множество цинских воинов, а те, кто остался в живых, бежали куда глаза глядят. Кроме Чэнь Идуна в боях за укрепления Нгаукхой и Кхыонгтхыонг погиб ещё один из ключевых военачальников цинской армии – Сюй Шихэн.

В самый разгар празднования Нового года Цзун Ши и двор императора Ле получили известие о гибели Чэнь Идуна и Сюй Шихэна. Узнав же о разгроме постов Нгаукхой и Кхыонгтхыонг, Цзун Ши совершенно пал духом. Даже не оседлав коня и не надев доспехи, он поспешно бежал с несколькими десятками гвардейцев по плавучему мосту на

¹ Теперь это район Донгда в Ханое.

другой берег реки. Правивший под девизом «Блистательное единство» император Ле также впопыхах переправился через реку [и] последовал за Цзун Ши на север.

Официальная встреча последнего императора династии Ле.
Двор династии Цин. 1789 г.

Среди воинов имперской армии вторжения в крепости началась паника. Повсюду воцарился хаос. «Военачальники [и] воины толкались, чтобы по мосту перейти реку. Деревянный мост [не выдержал и] рухнул, упав в реку, десятки тысяч воинов утонули, [их] трупы перегородили течение реки Красной, [как плотина]. Все цинцы были в страхе. От входа в проход^I [и далее] на север бежали старики, молодые [и] дети. [К северу от прохода] земли [полностью] обезлюдели на сотню километров^{II}».

В тот день^{III} Нгуен Хюе ввёл войска в Тханглаунг, его одежда почернела от порохового дыма [1214, т.2, с.519].

Таким образом, всего за семь дней^{IV} войска Тэйшонов полностью разгромили и изгнали с вьетнамской территории многотысячную армию империи Цин. Этим событием также завершается история великой династии Ле, которая правила в Дайвьете на протяжении четырёх веков, первые императоры которой оставили неизгладимый след в культуре и традициях вьетнамского общества.

2.2.4. Реформы Нгуен Хюе после принятия им титула императора и провозглашения девиза правления «Славная срединность»

После изгнания государей Чинь и бегства императора Ле в 1787 г. под властью Нгуен Хюе оказалась вся территория Дайвьета от границ с империей Цин на севере до провинции Куангигай на юге. Когда же в конце 1788 г. он, приняв титул императора, провозгласил девиз правления «Славная срединность», а в начале 1789 г. изгнал цинские войска и покончил с династией Ле, его власть стала безоговорочно легитимной. С этого времени можно говорить о перерождении крестьянского восстания Тэйшонов в традиционную для вьетнамского общества монархию, как это неоднократно

^I То есть «Проход Намкуан».

^{II} В тексте сказано: «на несколько сот *замов*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{III} 5-го числа 1-го месяца года Зелёной Курицы (1789 г.).

^{IV} С 30-го числа 12-го месяца по 5-ое число 1-го месяца.

случалось в истории самых разных народов с победившими крестьянскими движениями. Уже само столкновение Нгуен Няка с Нгуен Хюе, приведшее к фактическому разделению владений Тэйшонов на два государства, во главе каждого из которых стоял император со своим девизом правления, свидетельствует о появлении нового феодального клана со своими группировками. При этом интересы одной нередко противоречили интересам другой. Наконец, следует указать и на то, что если Нгуен Няк в Фусуане формально оставался главой Тэйшонов, то после свержения государей Чинь и особенно после разгрома цинских войск, реальным лидером стал Нгуен Хюе, проводивший более прогрессивную политику реформирования вьетнамского общества.

Одновременно с императорской властью Нгуен Хюе получил в наследство все проблемы, связанные главным образом с последствиями непрерывных междоусобных войн в Дайвьете XVI – XVIII вв. Фактически Тэйшоны пришли к власти под лозунгом решения этих проблем в политическо-административной и особенно в социально-экономической жизни вьетнамского общества. Благодаря этому братья Нгуен Няк, Нгуен Лы и Нгуен Хюе смогли, опираясь на поддержку подавляющего большинства населения страны, одержать победу как над государями Нгуен в Дангчаунге и группировкой государей Чинь – императоров Ле в Дангнгоае, так и над войсками пришедших к ним на помощь сиамского короля и цинского императора.

Судя по источникам, Нгуен Хюе осознавал сложность стоящих перед ним задач. Об этом можно судить хотя бы по тому, что, он предпринял попытку реформирования всего вьетнамского общества, которая так и не была завершена из-за падения династии Тэйшонов¹.

Прежде всего Нгуен Хюе занялся организацией своего двора как высшего органа государственного управления. Его старшей женой была одна из дочерей императора Знаменитого

¹ О реформах династии Нгуен Тэйшон в социально-экономической сфере смотри «Главу 2» «Части II» настоящего тома.

рода [династии] Ле – принцесса Ле Нгаук Хан, что, вероятно, имело целью лишний раз подчеркнуть легитимность и преемственность власти нового государя. Принцесса Ле Нгаук Хан стала именоваться императрицей Северного дворца, а старший сын императора Нгуен Куанг Тоан был назначен наследником престола. Его второй сын Нгуен Куанг Тхюи, получив титул князя-канцлера, стал комендантом Северной крепости и главнокомандующим всеми сухопутным войсками и флотом. Третьего сына, Нгуен Куанг Бана, которому был пожалован титул князя-толкователя (главного советника), Нгуен Хюе назначил начальником провинции Тханьхоа с совмещением должности объединяющего руководство гражданскими [и] военными делами. Наконец, император повелел заслуженным сановникам и военачальникам всемерно помогать принцам в исполнении возложенных на них обязанностей.

Дальнейшая организация двора императора Тэйшонов мало чем отличалась от организации двора династии Ле. Вся чиновничья иерархия возглавлялась «Тремя Великими» (великий советник, великий заместитель и великий защитник). За ними следовали «Три Малых» (малый советник, малый заместитель и малый защитник). Далее следовали такие должности, как великий блюститель культа, великий правитель походов, великий руководитель докладов, великий правитель коней^I, великий правитель пустоты^{II}, великий правитель зависимыми, великий военачальник, военачальник двора, великий объединяющий управление, великий объединяющий руководство, великий правитель, великий командующий, военачальник, внутренний маркиз (титул), охранитель выездов, главнокомандующий, руководитель управления, оценивающий дела^{III}, столичный охранитель, срединный охранитель, охранитель обороны^{IV}, инспектор командующий, военный инспектор, инспектор руководитель,

^I То есть «великий конюший», он же – глава министерства обороны.

^{II} Название должности руководителя министерства общественных работ.

^{III} Должность чиновника, оценивавшего работы на конкурсных испытаниях.

^{IV} Возможен перевод «гвардейский охранитель».

[чиновник] службы срединного секретаря, [чиновник] приказа срединного секретаря, [чиновник] подчинения основе, срединный прислужник, постигший Великое Учение, совместно постигший Великое Учение, левый объединяющий суждения, правый объединяющий суждения, левый выносящий суждения, правый выносящий суждения, муж следящий [за] делами учреждения и другие более мелкие должности.

Нгуен Хюе сохранил и систему «Шести министерств» (внутренних дел, обороны, обрядов, юстиции, финансов и общественных работ) во главе с министрами или верховными секретарями. Министерства дополнялись научной Академией и Учреждением придворного историографа. Первое ведало литературой и императорскими документами, а второе отвечало за исполнение наказаний [1214, т.2, с.527].

Хотя в эпоху «Славной срединности» и велись работы по перенесению столицы в Нгеан, главный двор династии Тэйшонов по-прежнему находился в Фусуане (Хюе). По неизвестной причине принятое ранее решение о переносе столицы в Иенчыонг было отменено. Соответственно, Нгуен Хюе избрал для новой столицы место у подножия горы Зунгкюет, или Кюет, около Бентхюи, также известную как «Гора Императорского Феникса». Поэтому строившейся там столице дали название «Срединная столица Императорского Феникса», а Тханглаунг в очередной раз переименовали, на этот раз в Бактхань¹.

Император Нгуен Хюе также уделял большое внимание административной организации на местах. За исключением двух случаев на территориях к северу от Куангнама, он сохранил существовавшее в правление Ле – Чинь деление на многочисленные провинции и большие округа. Во-первых, большие округа Верхний Шоннам и Нижний Шоннам, на которые в 1741 г. государь Чинь разделил провинцию Шоннам, были преобразованы в две одноимённые провинции. Главным центром провинции Верхний Шоннам стал Тяукоу в

¹ 城北, то есть «Северная крепость».

Ханаме, а провинции Нижний Шоннам – Вихоанг (город Намдинь). Во-вторых, две малые провинции Чыонгиен и Тхиенкуан были объединены в провинцию Внешнее Тханьхоа, тогда как Тханьхоа стало именоваться провинцией Внутреннее Тханьхоа. Провинции делились на малые провинции, малые провинции – на уезды, уезды – на волости, а волости – на общины, в которые объединялись деревни и посёлки.

Провинциями руководили начальник провинции, отвечавший за военные вопросы, и заместитель [начальника] провинции, ведавший гражданскими делами. На уровне уезда им соответствовали глава военного сектора и руководитель гражданского сектора, которым подчинялись левый управляющий и правый управляющий. Во главе волости стоял начальник¹ волости, во главе общины – руководитель общины.

После победы над войсками маньчжурской династии Цин император Нгуен Хюе был вынужден обратить внимание на оставшиеся в стране силы, которые всё ещё надеялись захватить власть. Для этого он использовал как дипломатию, так и военную силу. Как и прежде, главным противником Тэйшонов оставался захвативший Зядинь Нгуен Ань, который регулярно совершал нападения на южные владения Нгуен Няка. Что же касается отношений с империей Цин, то они могли строиться только с позиции силы. Поэтому Нгуен Хюе обращал особое внимание на создание мощной армии для защиты новой династии и суверенитета государства.

В ходе военной реформы Нгуен Хюе сохранил введённое им при отражении цинского вторжения деление армии на пять армейских, или военных, корпусов: левый, правый, авангардный, срединный и арьергардный. Кроме того, он дополнительно создал четыре специальные группы боевых частей, которые назывались Левая помощь, Правая помощь и Обеспечение крепостей, Небесные исполнители, Небесное руководство и Небесный замысел, Тигры-храбрецы и Тигры-маркизы, Следующие Единорогу и Следующие Фениксу.

¹ Термин 長 может переводиться и как «староста». Такой его перевод принят при переводе названий должностей на уровне посёлков и деревень.

Солдат армии Тэйшонов.
Рисунок Александра Уильяма (Alexander Willam), Хойан, 1793 г.

В результате реформы основными подразделениями в армии Тэйшонов стали армейский корпус или военный округ,

основа или знамя, и отряд¹. Наконец, судя по приведённым выше наименованиям чиновничьих должностей, Нгуен Хюе создал единую систему военной администрации как на столичном, так и на провинциальном уровне государственного аппарата.

На параде, который состоялся в провинции Нгеан в конце 1788 г., в армии Нгуен Хюе насчитывалось более 100000 человек и несколько сотен боевых слонов, не считая войск, защищавших столицу Фусуан и размещённых после взятия Тханглаунга у горы Тамдиен корпусов Нго Ван Шо и Фан Ван Лана. А, как известно, это были отборные силы Тэйшонов, которые разгромили 290-тысячную цинскую армию.

Таким образом, Нгуен Хюе должен был иметь в своём распоряжении хорошо организованную и вооружённую армию, в которой насчитывалось не менее 200000 – 250000 опытных военачальников и бойцов [1214, т.2, с.527].

2.3. Падение династии Тэйшон и объединение страны под властью Нгуен Аня

Во время своих скитаний после убийства Нгуен-фук Тхуана и Нгуен-фук Зыюнга Тэйшонами 1777 г. Нгуен Ань некоторое время скрывался в лесу около католического монастыря, где и познакомился с епископом Адранским Пиньо де Безном, который также известен под вьетнамским именем Ба Да Лок. Следуя его советам, Нгуен Ань стал искать помощи у европейских государств, которая в итоге оказалась решающей в его войне с Тэйшонами. Главную роль в получении этой помощи сыграл подписанный 28-го ноября 1787 г. Людовиком XVI Версальский договор, который принципиально изменил баланс сил между Тэйшонами и Нгуен Анем в конце XVIII в.¹¹.

¹ Эти подразделения в определённой степени сопоставимы с корпусом, дивизией и полком современной армии.

¹¹ О Пиньо де Безне и европейской помощи Нгуен Аню в борьбе за власть смотри «Параграф 1» следующей главы.

2.3.1. *Рост противоречий в рядах Тэйшонов после кончины Нгуен Хюе и изменение баланса сил между противоборствующими сторонами*

Конфликт 1786 г. между братьями Тэйшонами Нгуен Няком и Нгуен Хюе имел далеко идущие последствия. Прежде всего им воспользовался Нгуен Ань, который в марте 1787 г. разгромил войска Нгуен Лы¹ и захватил Зядинь. Сам же Нгуен Лы сначала бежал в Биенхоа, а затем в Кюиньон, где и умер от болезни в 1788 г. [164, т.I, с.3; 1304.3, с.363; 1392, с.184].

Затем в 1792 г. скончался император Нгуен Хюе, которому наследовал сын Нгуен Куанг Тоан, провозгласивший девиз правления «Блистающее изобилие»¹¹. Взошедшему на престол новому императору было всего десять лет, поэтому всем распоряжался его родной дядя по материнской линии великий советник Буй Дак Туен, что приводило в возмущение всех придворных сановников.

В 1793 г. Нгуен Ань впервые осадил Кюиньон, вынудив Нгуен Няка обратиться за помощью ко двору Нгуен Куанг Тоана. На помощь Фусуану был послан Фам Конг Хынг с 17000 пехотинцев, 80 боевыми слонами и 30 кораблями. Нгуен Ань был вынужден отступить, и осада крепости была снята, но одновременно с этим войска Тоана вывезли с её складов всё имущество и продовольствие. Это привело Нгуен Няка в такую ярость, что с ним случился удар, от которого он скончался [1392, с.422 – 424]. В результате под властью Тоана оказались все территории Куангнама и Куангига. Оборона Кюиньона была поручена Ле Чунгу и Нгуен Ван Хуану, а старший сын Нгуен Няка, Нгуен Бао, который был пожалован титулом князя Почитающего [родителей], получил в кормление уезд. Поэтому в народе Нгуен Бао называли «малой династией».

¹ Получив титул «король Руководитель Востока», Нгуен Лы правил провинцией Зядинь всего два года, с 1786 по 1787 г.

¹¹ 1792 – 1801 гг. Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

В 1795 г. Буй Дак Туен отправил Нго Ван Шо на север заменить Ву Ван Зунга. При возвращении в Фусуан последний встретился в Мисюене с находившимся там в ссылке срединным секретарём приказа Чан Ван Ки, который заметил: «Великий наставник престола [теперь] главный придворный, [он] решает, кому жить, кому умереть. Если [от него] быстро не избавиться, то в стране начнутся беспорядки. Вам следует [его] опередить».

Приехав в столицу, Ву Ван Зунг вместе с Фам Конг Хынгом и Нгуен Ван Хуаном тайно собрали своих воинов и ночью окружили пагоду Созерцания чаши, в которой жил Буй Дак Туен. Они утопили самого Туена, пленили его сына Дак Тхана и отправили письмо на север Куанг Тхюи¹ с повелением схватить и утопить Нго Ван Шо. Кроме того, Зунг послал под видом подкрепления Нгуен Ван Хуана с пятьюстами воинами в Кюиньон, но на самом деле он должен был захватить власть, убив Ле Чунга и Чан Куанг Зиеу, который в то время блокировал своими войсками крепость Зиенкхань. Узнав о происходящем, последний немедленно снял осаду и вернулся в Фусуан. Тогда Ву Ван Зунг вместе с внутренним маркизом Ты привёл свои войска и стал лагерем у столицы на внешнем берегу реки. Лишь после того как к противникам прибыли с увещеваниями посланцы от императора, Чан Куанг Зиеу привёл своих военачальников ко двору и заключил мир с Ву Ван Зунгом. Нгуен Куанг Тоан пожаловал Чан Куанг Зиеу должность малого заместителя, Нгуен Ван Хуану – малого защитника, Ву Ван Зунгу – великого правителя походов и Нгуен Ван Заню¹¹ – великого конюшего, назвав их «великие сановники – четыре опоры [трона]». При этом Чан Ван Ки был возвращён из ссылки ко двору и назначен [чиновником] подчинения основе.

В 1798 г. государь «малая династия» Нгуен Бао отправил гонца к Нгуен Аню с сообщением о том, что признаёт его верховную власть. Узнав об этом, Нгуен Куанг

¹ Младший брат императора Нгуен Куанг Тоана.

¹¹ То есть Нгуен Ван Ты.

Тоан повелел своим людям схватить и утопить Бао. После этого он призвал начальника провинции Кюиньон Ле Чунга ко двору и отрубил ему голову. Спустя какое-то время малый защитник Нгуен Ван Хуан тоже был убит. С этого момента военачальники и воины Тэйшонов окончательно пали духом, при этом многие из них перешли на сторону Нгуен Аня.

В то время как из-за начавшихся в 1786 г. с конфликта между Нгуен Няком и Нгуен Хюе внутренних распрей Тэйшоны перманентно слабели, Нгуен Ань набирал силу, при этом границы провинции Зядинь продолжали расширяться, а её главная крепость Зиенкхань была дополнительно укреплена. Стабильная политическая и экономическая¹ ситуация в Зядини обеспечивала получение таких доходов, которые позволяли без реквизиции продовольствия и имущества у населения содержать армию, а также закупать продовольствие и оружие, обеспечивая ими войска для проведения операций на далёких территориях. Продовольствие готовилось заблаговременно. Так, в 1792 г. были созданы станции со складами от Зядини до Биньтхуана, в каждом из которых хранилось от 500 до 1000 *корзин* риса. В конце 1797 г. из Зядини привезли 1000 *корзин* риса на пост Мали, находившийся в горном районе близь Фанранга. В 6-ом месяце 1798 г. из Зядини в крепость Зиенкхань доставили 12000 *корзин* очищенного риса, 5692,5 л риса-падди и 1790,45 кг лекарств. Во 2-ом месяце 1799 г. в Кухуане поставили три склада для хранения 169000 *корзин* привезённого из Зядини риса. В конце того же года на острове Хынгфук хранилось 3000 *корзин* очищенного риса и 7000 *куанов* денег из Зядини. Наконец, когда в 11-ом месяце 1800 г. Нгуен Ань двинулся с войсками на север, он повелел доставить из Куангчи в Донгхой 20000, а из Куангнама в Тхинай – 15000 *корзин* очищенного риса¹¹.

Также следует указать на то, что Нгуен Ань жёстко пресекал злоупотребления со стороны военных. Так, в 5-ом

¹ Об экономической ситуации в Зядини при Нгуен Ане смотри «Главу 2» «Части II» настоящего тома.

¹¹ В тексте вместо «*корзин*», «*литров*» и «*килограммов*» указаны «*фыноги*», «*хопы*» и «*каны*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI»

месяце 1799 г. он приказал отрубить голову заместителю командующего левой армией Нгуен Хыу Куану за то, что тот грабил население. При этом Нгуен Ань проводил мягкую политику на недавно завоёванных территориях, прощая налоги или же вообще не собирая их с местного населения. В 1801 г. он разрешил гражданским и военным чиновникам, имевшим ранее пожалованные в кормление или целинные земли в провинции Тхуанхоа, владеть ими, как и прежде. Благодаря такой разумной политике Нгуен Ань пользовался широкой поддержкой местного населения.

Одновременно с этим Нгуен Ань стремился развивать хорошие отношения с соседними государствами, равно как и подчинить своей власти племенных вождей национальных меньшинств. В результате у него сложились дружественные отношения с Сиамом и Ченлой. Нгуен Ань также приказал Нгуен Ван Тхюи разместить на постоянной основе армейский корпус в высокогорье военного округа Чаннинь, установить контакты с Вьентьяном и добиться расположения племенных вождей малых горных народностей, *мыонгов* в Тханьхоа и *тай* в Хынгхоа. В источнике сообщается, что Вьентьян отправил посла в Зядинь, который поднёс в дар Нгуен Аню десять бронзовых гонгов и один рог белого носорога, а также карту Нгеана и Фусуана, пообещав при этом выступить вместе с ним в поход против Тэйшонов. В то же время верховный правитель *таев* в Тханьхоа сумел убедить племенных вождей совместно поддерживать Нгуен Ван Тхюи, в результате чего сорок военачальников этого национального меньшинства получили звания командующего знаменем и командира отряда.

Таким образом, Нгуен Ань благодаря своей разумной и взвешенной политике сумел добиться поддержки не только помещиков, но и всего населения Южного Вьетнама. В результате, имея надёжный и прочный тыл в Зядини, он смог начать боевые действия против Тэйшонов. Сначала это были незначительные нападения на находившиеся под властью Нгуен Няка территории. Затем, в 1793 г., как уже упоминалось, он впервые осадил Фусуан. К концу 1800 г. соотношение сил так изменилось, что Нгуен Ань начал готовиться к

генеральному наступлению на север, чтобы окончательно покончить с оставшимися без сильных лидеров и деморализованными внутренними распрями Тэйшонами.

2.3.2. Конец Тэйшонов: падение Фусуана и захват Северного Вьетнама войсками Нгуен Аня

Во 2-ом месяце 1801 г. Нгуен Ань собрал силы для атаки на флот Тэйшонов в гавани Тхинай. Нгуен Ван Чыонг и Тонг Фук Лыонг во главе авангардного корпуса нанесли удар по морской базе Тэйшонов, командовавший которой Во Зи Нгюи был сражён пулей. В ходе сражения Ле Ван Зюет сумел поджечь все корабли и суда противника. В результате флот Тэйшонов был уничтожен. Поэтому Ву Ван Зунг, оставив гавань Тхинай, объединился с Чан Куанг Зиеу, который окружил крепость Биньдинь. В этом бою Нгуены потеряли всего 600 человек, в том числе командующего знаменем Хоанг Ван Диня и заместителя охранителя обороны Нгуен Винь Хыу.

Чтобы воодушевить своих воинов, Нгуен Ань повсюду разослал сообщения об этой операции, называя её «важнейшей военной победой». Помимо Зядини гонцы были посланы в Сиам и Ченлу. Нгуен Ань также нашёл способ сообщить о ней и окружённому Во Таню, убеждая его не поддаваться на хитрости врага и упорно защищать крепость Биньдинь, чтобы, одержав ещё одну победу, объединиться друг с другом.

Когда в 3-ем месяце 1801 г. скончался правитель Восточного дворца Кань¹, ещё находившийся в Тхинае Нгуен Ань приказал Нгуен Ван Чыонгу во главе флота нанести удар по Куангнаму и Куангнгаю. В 4-ом месяце Куангнам был взят, при этом было захвачено 24 слона и 80 пушек. Для защиты этой новой территории Нгуен Ань оставил усиленную часть из 1000 воинов и 300 боевых судов.

Войска Тэйшонов на юге оказались отрезанными от столицы. Поэтому они ещё плотнее сомкнули кольцо окружения вокруг крепости Биньдинь, в которой вскоре кончилось продовольствие. Пробравшийся по реке посланец

¹ Старший сын Нгуен Аня.

Нгуен Аня передал Во Таню и Нго Тонг Тяу его указание оставить крепость и отступить. Однако Во Тань ответил гонцу: «Лучше я погибну [при] обороне крепости. Все силы армии Тэйшонов собраны здесь, прошу императора продолжить наступление [на] Фусуан. Если [он] вернёт [себе] столицу, я с радостью умру!».

Тогда Нгуен Ань сразу собрал своих военачальников, сановников, чтобы сообщить им о словах Во Таня. После чего, оставив Нгуен Ван Тханя сражаться с Чан Куанг Зиеу и Ву Ван Зунгом, ночью скрытно двинулся с основными силами на Фусуан. В начале 6-го месяца флот Нгуенов вошёл в гавань Тызунг, где разделился на две части. Первая, из 6 больших кораблей и 30 судов под командованием Нгуен Ван Чыонга, блокировала правую бухту, а вторая, в составе 45 больших джонок с 10000 воинов во главе с самим Нгуен Анем, Ле Ван Зюетом и Ле Ван Тятюм, пошла в наступление через восточную бухту. Она заняла гору Кюиньон, на которой был установлен наблюдательный пост. Однако авангарду Нгуенов не удавалось преодолеть оборону северной бухты. Тогда Нгуен Ань приказал Ле Ван Зюету и Ле Ван Тятю ударить обороняющимся в тыл войсками с восточного устья. Командовавший укреплениями Нгуен Ван Чи не смог отразить этого удара и, бросив пост, бежал. Затем войска Нгуенов захватили бухту Нюенхай¹ и продолжили своё наступление на крепость Фусуан.

Император Тэйшонов Нгуен Куанг Тоан был вынужден лично возглавить армию и вступить в сражение. В длившемся до полудня бою войска Тэйшонов потерпели поражение, однако Куанг Тоан сумел бежать. В качестве трофея Нгуенам достались 13 императорских печатей и 33 тома документов. На следующий день 3-го числа 5-го месяца года Чёрного Пса¹¹ Нгуен Ань официально вошёл крепость и повелел Ле Ван Тятю отправиться с войсками в погоню за Тэйшонами. Он также приказал Нгуен Ван Чыонгу перекрыть флотом пути отхода по

¹ Бухта или устье Тхуанан.

¹¹ 16 июня 1801 г.

реке Зянь. Одновременно с этим Фам Ван Нян занял позицию в бухте Ньюенхай, а Лыу Фук Тьонг со своими войсками встал на дороге из Камло во Вьентьян. В результате были перекрыты кратчайшие пути отступления армии Тэйшонов на север. Было пленено более 30 членов семьи бежавшего императора, в том числе его братья Куанг Кыонг, Куанг Ты и Куанг Диен и все его дочери. Преследовавший Куанг Тоана до Ботиня Ле Ван Тят его не догнал, но ему достались две императорские печати, которые и были привезены им Нгуен Аню.

Освободив Фусуан, Нгуен Ань разместил там свою ставку, поручил Нгуен Ван Чьонгу и Данг Чан Тхьонгу охранять реку Зянь и вернул Ле Ван Тята, которому приказал взять Куангнгай. После этого он расположил войска на всей территории от Донгхоя к югу вплоть до Фусуана. Тем самым Нгуен Ань начал подготовку к наступлению на север. Он также привлёк на свою сторону восемнадцать тэйшонских начальников провинций и уездов, оставив их на своих постах. Помимо этого такие высшие военачальники Тэйшонов, как Ле Ван Лой, Чан Ван Ки, Ван Тиен Тхе и Хо Конг Зиеу, получили назначения в войсках Биньдиня. Государь Нгуен также повелел, чтобы 40000 воинов, которые занимали позиции от пристани Да до реки Зянь, содержались за счёт лагерей Куангнама, Куангига и Биньтхуана, ещё 30000 воинов – за счёт тылового и правого лагерей, а находившиеся в Кюиньоне арьергард и ударные части боевых слонов – за счёт Зядини. Кроме того Нгуен Ань дал происходившему из Бакха Чьонг Конг Ви тайное поручение убедить вождей внешних северных областей перейти на его сторону, а помощнику военачальника Нгуен Динь Хоангу – убедить в том же население Тханьхоа и Нгеана. Наконец, рассчитывая добиться благосклонности династии Цин, Нгуен Ань передал в 8-ом месяце того же года через китайца Чжао Даши дары и трёх главарей пиратов Мак Конг Фу, Лыонг Ван Каня и Фан Ван Тая объединяющему командование обоих Гуан¹ в Гуанчжоу.

¹ Гуанси и Гуандун.

В конце 6-го месяца добравшийся до Тханглаунга Куанг Тоан изменил девиз правления на «Богатое процветание»¹ и стал лихорадочно собирать силы для контрнаступления на Нгуенов. Он издал указ о наборе солдат в четырёх провинциях Дангнгоая, а затем отправил своего брата Нгуен Куанг Тхюи на защиту Нгеана. В то время начальник провинции Нгеан объединяющий дела Нгуен Ван Тхан неоднократно просил разрешения напасть на Донгхой, но каждый раз получал от Куанг Тоана отказ. Поэтому он был вынужден остаться с войсками в лагере Винь. В начале 12-го месяца Нгуен Куанг Тоан повёл в наступление армию четырёх провинций и Тханьхоа, в которой было около 30000 человек. Вместе с 5000 воинов Буй-тхи Суан, жены Чан Куанг Зиеу, его войска форсировали реку Зянь и двинулись на позиции Нгуен Аня. Малый охранитель Данг Ван Данг и командующий Лык вместе с китайскими воинами двора Цин, объединившись с корсарским флотом из ста боевых кораблей, вступили в бой в гавани Нягле. Нгуен Куанг Тхюи и объединяющий командование Шиеу наступали со своими войсками на Чаннинь. Командующий Нгуен Ван Киен наносил удар в направлении гор Доумоу. Наконец, в 12-ом месяце главная армия Куанг Тоана перешла реку Зянь.

Понимая, что не смогут выдержать удара столь мощной армии Тэйшонов, Нгуен Ван Чыонг, Тонг Фук Лыонг и Данг Чан Тхыонг отошли от реки Зянь и заняли оборону у Донгхоя. Когда Нгуен Ань получил известие о наступлении Тэйшонов, то он лично возглавил основную армию и, поручив Фам Ван Няну и Данг Чан Тхыонгу с их воинами контролировать сухопутные дороги, а Нгуен Ван Чыонгу с флотом боевых судов и «кораблей огня»² перекрыть водные пути, двинулся на помощь оборонявшимся войскам.

Весной 1802 г. войска Нгуен Куанг Тхюи безуспешно атаковали Чаннинь. Тогда он отошёл на соединение с силами

¹ 1802 г. Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

² Корабли огня: вероятно, под этим названием понимаются корабли, вооружённые огнемётами или тяжёлыми пушками.

Буй-тхи Суан и Нгуен Ван Киена, которые штурмовали горы Доумоу. На Тэйшонов хлынул настоящий дождь пуль и каменных ядер, в результате чего многие из наступавших были убиты и ранены. Куанг Тоан хотел отступить, но Буй-тхи Суан не согласилась с ним. Во главе войска она верхом на слоне яростно бросилась в сражение, которое продолжалось с утра до самого вечера. Его исход ещё не был решён, когда пришло неожиданное известие о разгроме флота Тэйшонов. Оказалось, что Нгуен Ван Чыонг уничтожил его в гавани Нягле, захватив при этом 40 военных судов.

Бросив армию, Куанг Тоан поспешно бежал в Донгкао, после чего войска Тэйшонов в панике также обратились в бегство, при этом Нгуен Ван Киен сдался со всей своей армией на милость победителя. Преследовавшие Тэйшонов до реки Зянь Нгуены пленили 700 человек, в том числе верховного секретаря, или министра, Нгуен Тхе Чыка, командующего Чан Ван Мо, главного инспектора Буй Ван Нгоая, малого правителя Нгуена и других крупных сановников. Ещё более 3000 человек сами сдались в плен, при этом было захвачено 700 пушек и 500 лошадей. Оставив Нгуен Ван Тхана в Нгеане, Куанг Тоан бежал с остатками армии на север. Поскольку путь через реку Зянь уже был перекрыт, Нгуен Куанг Тхюи бежал на запад и лесной дорогой добрался до Нгеана.

После этой победы, оставив основную часть армии под командованием Нгуен Ван Чыонга в Донгхое и поручив Тонг Фук Лыонгу и Данг Чан Тхыонгу занять позиции у реки Зянь, Нгуен Ань вернулся в Фусуан.

2-го числа 5-го месяца года Чёрного Пса¹ государь Нгуен совершил обряд подношения духам Неба и Земли на алтаре культа Южной стороны и, объявив девиз правления «Прекрасный [и] возвышенный»¹¹, принял титул императора. Став после проведения этой церемонии легитимным с юридической точки зрения государем, Нгуен Ань отправил Чинь Хоай Дыка, Нго Нян Тиня и Хоанг Нгаук Уана с дарами

¹ 1 июня 1802 г.

¹¹ 1802 – 1819 гг. Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

и посланием ко двору цинского императора, в котором сообщал, что действовавшие в союзе с морскими пиратами узурпаторы Тэйшоны разгромлены и изгнаны из столицы.

Стрелки армии Нгуен. XIX в.
Музей Истории. Ханой. 18.04.2011 г.

После этого Нгуен Ань начал наступление на север, при этом он назначил Нгуен Ван Чыонга адмиралом флота, Ле Ван Зюета – командующим сухопутными силами и поручил Ле Ван Тятю следовать за ними. 17-го числа 5-го месяца два основных корпуса двинулись в поход. Спустя четыре дня из Фусуана выступила основная армия под командованием самого императора¹. 27-го числа флот Нгуен Ван Чыонга разгромил Хоаньшон, обратив командующего Тэйшонов Нгуен Ван Нгу в бегство. 28-го числа сухопутная армия Нгуенов взяла Хачунг. 29-го был захвачен Дайнай. 1-го числа 6-го месяца флот Нгуенов вошёл в бухту Хой, разбил войска Нгуен Ван Тхана, взял Виньзинь и захватил в плен сына Нгуен Няка – Нгуен Лана. После этого Нгуен Ань вторгся в Нгеан, при этом военачальники Тэйшонов, малый охранитель Данг Ван Данг и командующий Дао Ван Хо, привели семь слонов и сдались без боя. 5-го числа авангард армии Нгуенов захватил главный центр провинции Тханьхоа – крепость Зыонгса. В плен попали брат властителя Тэйшонов Куанг Бан и Нгуен Ван Тхан с сыновьями, всего 9 человек, а великий конюший Нгуен Ван Ты сумел бежать. 7-го числа заместитель командующего Ву Ван Зоан взял в плен в районе Тханьтьюн провинции Нгеан Чан Куанг Зиеу, Буй-тхи Суан, Ты Ван Тиеу, Нгуен Ван Зяпа и Ле Ван Хынга. Помещики деревни Нгоса уезда Нонгконг провинции Тханьхоа Фам Нгаук Фап и Фам Нгаук Тхюи схватили Ву Ван Зунга и выдали его военачальникам Нгуенов¹⁶. 9-го числа сухопутные войска Нгуен Аня овладели Тамдиепом, после чего вторглись во внешнюю провинцию Тханьхоа и захватили Тяукоу¹¹. Одновременно с этим, пройдя вверх по течению реки Красной, флот Нгуен Ван Чыонга взял главный центр провинции Нижний Шоннам крепость Вихоанг. 17-го числа войска Нгуенов овладели Тханглаунгом, захватив при этом более ста слонов. Правда, император Тэйшонов Нгуен Куанг Тоан сумел бежать через реку Красную в Сыонгзянг (Бакзянг). За ним также последовали его братья

¹ 16 и 20 июня 1802 г.

¹¹ Ниньбинь и Фули.

Куанг Тхюи, Куанг Тхиеу и Куанг Зунг, а также конюший Нгуен Ван Зунг, сановник Нгуен Ван Ты и военачальник Ту. Однако положение было безвыходным. Поэтому те из них, кто хотел избежать плена, покончили с собой. Наконец 21-го числа 6-го месяца¹ в город лично прибыл и сам Нгуен Ань.

Нгуен Ань жестоко расправился со всеми попавшими к нему в плен родственниками и сановниками Тэйшонов, которые были казнены в Фусуане. Могилы Нгуен Няка и Нгуен Хюе были осквернены, а отправление их культа в поминальных храмах запрещено. Эти запреты действовали вплоть до воцарения преемника Нгуен Аня в 1804 г. Тем не менее в народе сохранялась память о трёх братьях Тэйшонах, которым продолжали поклоняться как духам-покровителям крестьян практически по всей стране [1550, с.209 – 211]¹⁷.

¹ 13 июля 1802 г.

Глава 3

Вьетнам в XIX в. эпохи правления династии Нгуен до начала французского колониального завоевания

1. Приход к власти Нгуен Аня

1.1. «Португальский период»

В 1783 г. Нгуен Ань, будучи в очередной раз разгромлен Тэйшонами¹, был вынужден покинуть пределы Вьетнама. Зачастую находясь на волосок от смерти, он скрывался от преследовавших его Тэйшонов на близлежащих островах. Затем Нгуен Ань бежал в Сиа́м, где искал военной помощи у сиамского короля, но и сиамская армия была побеждена войсками Тэйшонов. Тогда, находясь в безвыходном положении, он решил обратиться за помощью к европейцам, военный флот которых был непобедим со времени появления его кораблей в морях Дальневосточного региона в XVI в.

Проще всего было обратиться за помощью через европейских миссионеров Ордена Иисуса², миссия которых насчитывала более ста пятидесяти лет своего существования в Кохинхине³ и симпатии которых неизменно оставались на стороне принца Нгуен Аня – законного государя рода Нгуенов, изгнанного из своей столицы и страны восставшими. Таково было официальное мнение правящих кругов некоторых европейских дворов, связанных торговыми делами со странами Юго-Восточной Азии [902, с.181]. Кроме того, письма французских миссионеров общества Иностранных миссий в Париже имели своим лейтмотивом описание в чёрных красках положения вьетнамского населения во время восстания Тэйшонов, а также жестокие преследования миссионеров и вьетнамских католиков в стране [1017, с.202]. Поэтому европейцы и вьетнамские католики в целом поддерживали Нгуен Аня, сражаясь на его стороне против Тэйшонов.

Нгуен Аню военная помощь европейцев требовалась немедленно. Поэтому он направил двух миссионеров-францисканцев в Манилу, чтобы просить помощь у Испании,

но они были схвачены в море Тэйшонами и казнены, а также вёл переговоры с Макао [868, с.301, 313]. Однако к Франции в то время Нгуен Ань не обращался, хотя эта страна и проявляла наибольшую заинтересованность к событиям, происходившим во Вьетнаме. Объективным препятствием к осуществлению Францией своих проектов колониальной экспансии в одну из стран Индокитайского полуострова, в частности – во Вьетнам, который, как и прежде, сохранял своё значение торговых ворот в Китай, служил общий кризис французской монархии. Несмотря на все просьбы католических миссионеров, до революции 1789 г. она не могла себе позволить вмешательства во вьетнамские дела по внутренним причинам, а после неё Франция, как и другие великие европейские державы, была надолго вовлечена в европейские войны, чем и объясняется двойственность её политики по отношению к Вьетнаму во время Тэйшонского восстания [279, с.156].

Тем не менее за ходом событий в Кохинхине внимательно следил епископ Адранский Пиньо де Беэ (1741 – 1799 гг.), который возглавлял миссию Кохинхины⁴. Епископ понимал, что Франция не сможет в данный момент оказать быстрой и эффективной поддержки Нгуен Ань, и поэтому согласился стать посредником между ним и Португалией, чьё присутствие в странах Дальнего Востока всё ещё составляло существенный фактор общеевропейской политики. Выбор пал именно на эту католическую страну потому, что португальские торговцы связывали восстановление власти Нгуенов с большими надеждами на возобновление очень выгодной для них торговли с Вьетнамом. Известно, что при Тэйшонах, которые захватили владения Нгуенов, включая их столицу Хюе и основные порты страны Дананг и Хойан, португальские торговцы Макао, выступавшие на стороне государей Нгуен, не имели возможности вести торговлю с Вьетнамом и несли большие убытки [889, с.50].

1.2. Бангкокский договор

В апреле 1781 г. после письма Нгуен Аня Сенату города Макао с предложением объединить усилия капитанов трёх

судов г.Макао с их отрядами для того, «...чтобы разбить армию бунтовщиков¹». Он подчёркивал: «Мы постараемся особо отметить этот вклад [в победу]. Такой блистательный успех навсегда останется в нашей памяти» [889, с.51]. Между Лиссабоном, Гоа и Макао завязалась оживленная переписка по поводу вьетнамских событий. Через год епископ Адранский получил письмо на имя Нгуен Аня от губернатора г.Макао, содержащее просьбу о торговых привилегиях португальским торговцам. Интересно отметить, что это первый такой контакт представителя власти Макао с французами, традиционно видевшими в португальцах конкурентов [889, с.52]. Обе стороны, очевидно, мирились с ситуацией, так как для всех европейцев, заинтересованных в решении проблемы с Тэйшонами, епископ оставался единственно возможным посредником в переговорах с Нгуен Анем.

Включившись в сложные переговоры с европейскими странами, в которых присутствовал осязаемый элемент интриги, Нгуен Ань оказался перед трудным выбором. Сиамский король следил за ним, и сам хотел вмешаться во внутренние дела Вьетнама, пользуясь ослаблением власти Нгуенов с целью усиления там сиамского влияния. Поэтому Нгуен Ань и отказался от приглашения португальцев переехать в Гоа или Пондишери, мотивируя свой отказ тем, что он предпочитает находиться вблизи своей страны, а не находиться в далёкой, пусть и почётной, ссылке в одном из европейских городов далёкой Индии [889, с.59, 60]. В конце концов после долгих колебаний Нгуен Ань решил заключить союз с португальцами, и 5-го декабря 1786 г. в Бангкоке он поставил большую печать государей Нгуенов на проекте договора с Португалией в присутствии Антонио Висенте Роза с португальской стороны. Протокол договора был написан на португальском языке и иероглифике². На каждой странице

¹ Тэйшонов.

² Двадцать две и семнадцать статей соответственно. Интересно, что португальская версия была составлена через две недели после написания китайской.

обеих версий договора стоит красная печать рода Нгуенов [889, с.61]. Следующим этапом в переговорном процессе предполагалась ратификация договора в Гоа. Анализ статей Бангкокского договора 1786 г., в котором в том числе прослеживается забота Нгуен Аня о постройке португальцами верфи для будущего вьетнамского флота, показывает, что Нгуен Ань, несмотря на свой молодой возраст¹ и долгое изгнание, реально оценивал военные и экономические возможности своей страны в тот период. Его главной уступкой Португалии стало согласие на передачу ей части вьетнамской территории для строительства крепости в Вунгтау, которая должна была получить статус экстерриториальности. Поэтому Бангкокский договор сразу же приобретал не только торговый, но и политический характер.

В Вунгтау предполагалось учредить должность военного губернатора. Все просьбы, жалобы и петиции с португальской стороны должны были поступать именно к нему, а он в свою очередь должен был передавать их местному вьетнамскому чиновнику. Губернатору поручалась защита военного и гражданского европейского населения, в том числе и торговцев. Он же выполнял и судебную функцию, из чего следовало, что европейцы и вьетнамцы подчинялись различным законодательствам. В функции губернатора входил также сбор всех торговых налогов с европейцев, которые должны были идти на укрепление крепости. Вьетнамцы же получали только таможенные сборы с китайских торговых кораблей [889, с.61, 63, 65].

По договору португальцы имели явные преимущества перед остальными европейцами. Такие продукты, как перец, корица, древесина должны были продаваться в первую очередь португальцам по специально установленным ценам. К тому же португальские торговцы освобождались от большинства таможенных налогов и имели возможность вывезти необходимое количество риса «для пропитания военных» [889, с.65]. В то же время остальным иностранцам

¹ Нгуен Аню было тогда всего двадцать четыре года.

вывоз риса из Кохинхины был запрещен. В договоре также оговаривалось, что если восстание Тэйшонов будет подавлено при помощи португальцев, то им будут предоставлены должности при императорском дворе, они смогут покупать земли, строить дома, жениться на вьетнамках и при желании увозить их в Португалию. Что касается христианства, то «если какие-либо вьетнамцы захотят следовать этой религии, им это не будет запрещено» [889, с.35]. Ограничения же сводились к тому, что португальцы не могли свободно торговать орехом арековой пальмы в области Зядинь, а за незаконную торговлю опиумом налагался арест на имущество¹. После победы над Тэйшонами все захваченные у них корабли, боеприпасы и снаряжение возвращались вьетнамским властям. Если кто-то что-то утаивал, то он приговаривался к отсечению руки. Кроме того, Нгуен Ань обязался не заключать подобных соглашений ни с одной другой европейской державой.

Таким образом, характер Бангкокского договора следует определить как неравноправный для вьетнамской стороны.

После подписания Бангкокского договора Нгуен Ань в своем письме губернатору Гоа и королеве Португалии Марии I уточняет, в каких именно размерах он ожидает военной помощи от Португалии: «Я осмеливаюсь просить Ваше Превосходительство собрать десять тысяч хорошо обученных солдат, тридцать боевых кораблей, всё необходимое снаряжение и послать всё это быстро, чтобы укрепить нашу дружбу. И еще десять тысяч ружей, десять тысяч шпаг и десять тысяч копий,... Если один из нас нарушит этот договор, [пусть] Небо будет [тому] свидетелем» [889, с.72]. Эти цифры представляются совершенно нереальными, особенно если учесть, какими на самом деле силами располагали в то время в Гоа и в Макао.

В экспедиции, которая предлагалась Португалией еще в 1785 г., планировалось участие всего двух боевых кораблей и пятисот солдат. К ним могли присоединиться ещё несколько

¹ Китайцы могли продавать опиум без ограничений.

кораблей из порта Макао. Весь же контингент португальских военных сил в Восточной Азии едва достигал просимой Нгуен Анем цифры в десять тысяч солдат [889, с.72, 73]. Таким образом, письмо Нгуен Аня свидетельствует о том, что он имел очень приблизительные сведения о португальской армии в регионе. Скорее всего, Антонио Висенто Роза просто решил похвастаться военной мощью Португалии, желая убедить вьетнамского государя в том, что она способна противостоять любому противнику. На самом же деле помощь, полученная Нгуен Анем от торговцев Макао, составила двадцать тысяч пистолетов, две тысячи ружей и две тысячи пуль, при этом медь, железо, свинец, серу обменивали на сахарный тростник [868, с.315].

Однако Нгуен Ань своим письмом губернатору Гоа от 31-го января 1789 г. разорвал Бангкокский договор с Португалией [997, с.76]. Его мотивацией была задержка требуемой военной помощи из Гоа, а также изменение ситуации в Яддини. К тому времени Нгуен Ань вновь находился в своих владениях в Сайгоне. Тем не менее он не окончательно не разрывал отношения с Португалией, намекнув, что в случае поставки оружия некоторые статьи Бангкокского договора 1786 г. останутся в силе. В свою очередь и португальские власти в Лиссабоне наложили вето на исполнение Бангкокского договора 1786 г., поскольку слабость позиций Португалии в Восточной Азии не позволяла ей предпринимать новые экспедиции с целью создания военных баз. Но об этом рекомендовалось не сообщать Нгуен Аню. Таким образом, после десяти лет колебаний и предпринятых многочисленных дипломатических демаршей, Лиссабон и Гоа решили поставить точку в отношении проекта португальского присутствия во Вьетнаме.

1.3. *Торговля с городом Макао*

Нгуен Ань отчетливо осознавал опасность открытия портов Кохинхины для торговли с европейцами. Но в годы борьбы с Тэйшонами Нгуен Ань охотно посылал свои корабли в Макао, пытался, как было показано выше, установить

торговые отношения с Гоа, Филиппинами и другими районами для закупки оружия. Результатом контактов с европейцами стало строительство на верфях Сайгона в Зядини современных кораблей для вьетнамского флота. Эти корабли можно было встретить в Макао, Маниле, Мадрасе, Калькутте, Малакке и Пинанге. Они плавали под вьетнамским флагом «короля Кохинхины» [889, с.83]. В основном целью всех этих миссий и плаваний была закупка оружия и стратегических товаров, имевшихся в азиатских портах, которые находились под контролем европейских держав. В Макао португальские торговцы в целом относились одобрительно к восстановлению торговых отношений с Кохинхиной, считая что торговля с ней поможет улучшить их пошатнувшееся финансовое положение. Они даже считали возможным не подчиняться официальным приказам Гоа и Лиссабона, предписывавшим положить конец всем переговорам с Нгуен Анем. В период с 1794 по 1800 г. от восьми до пятнадцати судов Макао ежегодно посещали Зядинь [889, с.94]. Тем не менее, дипломатическая переписка заметно сократилась, так как в эти годы на передний план вместо торговли выступили военные вопросы. В то время Нгуен Ань как никогда нуждался в самом современном европейском оружии и платил по десять пиастров за ружьё, купленное у англичан [889, с.94].

Тенденция постепенного сокращения торговли Сайгона с Макао наблюдалась и в последующие годы, и к 1802 г., году победы Нгуен Аня над Тэйшонами, власти Вьетнама в письме к Сенату Макао дали понять, что привилегии его торговцев приравняются к привилегиям остальных европейцев. Таким образом, одним росчерком пера португальцев уравнили с другими торговцами, чего не случалось на протяжении предыдущих трёх веков сосуществования Макао с Кохинхиной. Налицо изменение политики вьетнамского правителя в отношении португальских торговцев. Затем произошло значительное увеличение цен на вывозимую ими

вьетнамскую продукцию¹, а вскоре и её полное пошлинное обложение, одинаковое с другими европейскими судами. Всё это нанесло серьезный урон торговле Макао. Причина такого резкого снижения торговли с Макао в серьёзных внутренних изменениях внутри страны в Дангчаунге¹¹. В то время, когда ещё велись бои с Тэйшонами в Центральном и Северном Вьетнаме, Нгуен Ань уже начал заниматься реорганизацией административного управления страной.

В 1805 г. Сенат Макао отправил последнее письмо Нгуен Аню, уже провозгласившего себя императором под девизом правления «Прекрасный [и] возвышенный». Оно касалось борьбы с пиратами, корабли которых опустошали берега обширного района от Южного Китая и далее, включая территорию от Тонкинского залива до Тайваня [889, с.104]. О торговле в этом послании не было ни слова.

Главной причиной прекращения торговли Кохинхины с Макао явилась общая стабилизация внутреннего положения во Вьетнаме, в результате чего отпала необходимость в поставках оружия в столь больших масштабах, как это требовалось во время войны с Тэйшонами. Теперь Макао поставлял в Хюе только технические европейские новинки. К 1817 г. в Макао не было уже ни одного переводчика, знавшего «кохинхинский язык» [889, с.107]. К тридцатым годам XIX в. радикальное изменение экономической конъюнктуры в районе Южно-Китайского моря и возраставшее давление более сильных европейских держав привели к почти полному уничтожению торговли Макао.

1.4. Версальский договор

В 1777 г. Тэйшоны уничтожили практически всех членов рода Нгуен. В живых остался только Нгуен-фук Ань. Скрываясь от Тэйшонов на острове Панджанг [902, с.81] и находясь в безвыходном положении, Нгуен Ань согласился на

¹ Нгуен Ань поднял цены на арек на 33%. До этого арек стоил 3 *пиастра* за 1 *пикюль*. Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹¹ Кохинхине.

предложение епископа Адранского Пиньо де Безна заключить договор между Вьетнамом и Францией об оказании военной помощи. После длительного путешествия вместе с малолетним наследником престола¹, Пиньо де Безн прибыл в Париж, где в мае 1787 г. был принят королем Франции Людовиком XVI для ведения переговоров о военной помощи Нгуен Аню. 28-го ноября 1787 г. в Версале, в торжественной обстановке был подписан договор о наступательном и оборонительном союзе между Нгуен Анем и Людовиком XVI [1997, с.186].

Епископ Адранский Пиньо де Безн и принц Кань. 1787 г.

Наиболее важными статьями Версальского договора с точки зрения ущемления суверенитета Вьетнама были следующие. В договоре «Его Христианнейшее Величество» обязуется для утверждения власти Нгуен Аня «немедленно послать за свой счёт к берегам Кохинхины четыре фрегата с отрядом войск, состоящим из одной тысячи двухсот пехотинцев, двухсот артиллеристов и двухсот пятидесяти солдат-кафров.

¹ Сын Нгуен Аня принц Кань, которому в то время было четыре года.

Эти войска будут снабжены соответствующим вооружением, в частности полевой артиллерией» [1997, с.186]^I.

В обмен на эту помощь «король Кохинхины, учитывая важность услуг, которые Его Христианнейшее Величество намерен ему оказать, уступает Ему и французской короне навечно с правом собственности и суверенитета остров, который является главным портом Кохинхины и называется Дананг, а европейцы [его называют] Туран» [1997, с.186]^{II}. По договору Франции отходил в полную собственность также остров Полукондор^{III}. Кроме того, «французы имеют право основывать на материке любые поселения, которые они сочтут нужным создать» [1997, с.186]. В отдельной статье договора, составленной епископом Адранским Пиньо де Беэном и министром иностранных дел Франции графом де Монморен, специально оговаривалось, что «эти поселения будут являться собственностью Его Христианнейшего Величества и что правосудие, как и все административные действия в них, будут осуществляться от его имени» [1997, с.188]. Таким образом, согласно этой специальной статье, возможные французские поселения получали не только статус экстерриториальности, но и становились неотъемлемой собственностью Франции.

Рассмотренные выше проекты французских и португальских договоров относительно Вьетнама в период с 1778 по 1785 г. очень схожи. Главное отличие Бангкокского (1786 г.) и Версальского (1787 г.) договоров заключается в очень большой степени детализации статей первого по сравнению со вторым. Это было прямым следствием хорошего и давнего знания и реалистической оценки португальскими властями Макао положения в Кохинхине и её специфики. Так, они предпочли район Сайгона и Вунгтау в качестве своей военной базы во Вьетнаме, в отличие от Дананга, выбранного французами, который в результате ожесточённых боевых действий против Тэйшонов, ведшихся в этой местности, к

^I Статья 2.

^{II} Статья 3.

^{III} Статья 5.

концу XVIII в. утратил своё положение процветающего порта и больше никогда не достигал прежнего расцвета. Но оба эти договора совпадали в одном пункте: ни тот ни другой не стали полноценными договорами в юридическом смысле этого слова. Связано это с тем, что губернатор Гоа отказался подписать Бангкокский договор, а Нгуен Ань так и не скрепил Версальский договор своей печатью.

Главное же заключалась в том, что оба эти текста никогда не были применены на практике, они так и остались на бумаге.

1.5. Французы при дворе Нгуен Аня

Епископ Адранский был полон желания приступить к выполнению основных статей Версальского договора, но прежде, чем он успел доплыть до Пондишери, позиция французского двора к его проекту изменилась. Верх одержала группировка, считавшая, что в обстановке нарастающего политического кризиса Франции не до далеких заморских экспедиций. Разрыв с Голландией, находившейся с 1785 г. в союзе с Францией, означал к тому же утрату сколько-нибудь надежных коммуникаций с Индокитаем в обход английских крепостей. В этих условиях 4-го октября 1788 г. французскому генерал-губернатору в Пондишери Конвею была послана секретная инструкция, предписывавшая окончательно отказаться от реализации договора [997, с.194].

Прибыв в Индию, епископ смог при помощи своих влиятельных сторонников – богатых купцов Пондишери – организовать военную помощь Нгуен Аню. Последние считали, что в любом случае они смогут извлечь выгоду с военных поставок сайгонскому правителю, так как Нгуен Ань приказал с 1789 г. ежегодно выделять сто тысяч фунтов сахара для обмена на французское оружие [902, с.268].

В сентябре 1788 г. французское судно «Дриада», на борту которого находилась тысяча ружей, прибыло на остров Пулокондор. Несколько позже судно «Гаронна» доставило пушки, а судно «Капитан Кук» – боеприпасы. Вслед за ними судно «Сен Эспри» под командованием Жана Мари Дэйо

привезло закупленные на Филиппинах военное снаряжение и боеприпасы, после чего оно направилось в Макао с целью покупки для Нгуен Аня нескольких португальских кораблей. Наконец 24-го июля 1789 г. епископ Адранский сам прибыл в бухту Сен Жак¹ на борту фрегата «Медуза» в сопровождении ещё двух кораблей, «Пандура» и «Дюка де Шартра», со снаряжением и волонтерами [902, с.89].

Вместе в Пиньо де Безном прибыло несколько человек французских добровольцев. Самым известным из них был Оливье де Пюиманель с судна «Дриада», который занимался обучением новобранцев и постройкой укреплений для армии Нгуен Аня. Именно он был автором плана цитадели Сайгона. Оливье де Пюиманель скончался на службе у Нгуен Аня в возрасте тридцати одного года 23-го марта 1799 г. [902, с.90]. Гийон, Тардиве, Малески, де Шартр, Гийу и Ле Брюн – все они поступили на службу к Нгуен Аню в период между 1788 и 1790 гг. и играли активную роль в штабе принца на французских кораблях. Начальником дивизиона этих кораблей был Жан Мари Дэйо, офицер морского флота Франции. Магон де Медин и Ваннье командовали соответственно кораблями «Донгнай» и «Принцем Кохинхины». Именно эти два военных судна сыграли решающую роль в уничтожении флота Тэйшонов у Кюиньона в 1792 г. [902, с.90].

Впоследствии Дэйо занимался снабжением армии Нгуен Аня. Его много раз посылали в Макао или Манилу как для продажи риса и арека, так и для закупки на вырученные деньги ружей, пушек и военного снаряжения. Изучив во время этих путешествий побережье и порты Кохинхины, он составил руководство для пользования картами и планами Южно-Китайского моря от входа в Сиамский залив вплоть до г.Хюе на реки Ароматной. В 1795 г. Дэйо оставил службу и уехал в Манилу из-за недоброжелательного отношения к нему в ближайшем окружении Нгуен Аня. Вместе с Ваннье он внёс большой вклад в дело развития флота Нгуен Аня. В 1794 г. к ним присоединился Шенью, прибывший в Кохинхину на борту

¹ В настоящее время это курортный город Вунгтау в Южном Вьетнаме.

«Флэв». Он и Ваннье дольше всех оставались на службе у Нгуен Аня, пожаловавшего им после своей окончательной победы над Тэйшонами высокие чины.

1805 г. Жан-Батист Шенью во вьетнамско-французской форме.

Среди французских офицеров ещё следует отметить Лорана Барези де Форсана, а также врачей Десперля и Деспьо, прибывших много позднее. Эти имена сохранила история, но, судя по письму епископа Адранского от 18-го июля 1792 г., ясно, что этих офицеров – добровольцев было больше. В этом письме говорится, что «В наземных войсках насчитывается пятьдесят человек европейцев, один из них командовал полком [вьетнамцев] в шестьсот человек» [902, с.91]. Можно со всей очевидностью утверждать, что эти офицеры во многом способствовали победе Нгуен Аня, занимаясь организацией его армии и флота, создавая полевую артиллерию, строя крепости, корабли, обучая солдат и матросов.

9-го октября 1799 г. в Биньдине в возрасте пятидесяти восьми лет скончался епископ Адранский [902, с.95], который участвовал в походе Нгуен Аня на Кюиньон в период шестой сезонной войны. Кончина главы миссионеров Кохинхины, личного друга и боевого соратника правителя Зядини, представлявшего его интересы при французском дворе во время заключения Версальского договора и вербовавшего для его армии иностранные офицерские и инженерные кадры [521, с.170 – 175], подвела черту периоду наиболее интенсивного европейского присутствия при дворе Нгуен Аня. В течение десяти лет пребывания в Кохинхине епископ Адранский был бессменным военным министром и министром иностранных дел будущего императора¹. Он также являлся посредником и переводчиком в переговорах Нгуен Аня с властями Филиппин, Макао, Индии, с королём Англии, Дании, не говоря уже о Франции. Епископ переводил труды по военной стратегии и тактике, созывал на совет французских офицеров, служивших у Нгуен Аня, для обсуждения военных вопросов. Без преувеличения можно сказать, что во время борьбы против Тэйшонов он был центром и душой всего дела. Его личное воздействие на Нгуен Аня было велико в силу определённых выдающихся личных качеств епископа, ибо после его смерти никто из европейцев не пользовался таким доверием

¹ Смотри «Примечание 6» в «Комментарии» к настоящей главе.

правителя. Однако следует отметить, что Нгуен Ань стал заметно ограничивать влияние Пиньо де Безна при дворе задолго до 1799 г., о чём свидетельствует лишение епископа почётной должности воспитателя наследника – принца Каня [578, с.21]. Еще в 1795 г. девятнадцать высших сановников со всей серьёзностью поставили перед принцем вопрос о дальнейшем воспитании наследника. Поводом послужил скандал, разразившийся в Сайгоне сразу же после возвращения епископа с Канем из Парижа. На торжественной церемонии во дворце принц Кань демонстративно отказался отдавать почести алтарю предков, а три года спустя, в июне 1792 г., в день официального утверждения Каня наследником, он отказался войти в пагоду. Известны далеко идущие планы епископа Адранского относительно обращения наследника принца Каня в христианскую веру. По этому поводу епископ Адранский писал в семинарию общества Иностранных миссий в Париже: «Я хотел бы воспитать его в христианской вере,... Если впоследствии его отец перейдёт на сторону англичан или голландцев, которые восстаноят его на троне, вы увидите, насколько полезно было сделать всё, что возможно, для этого ребёнка,... Хотя ему только шесть лет, он уже знает свои молитвы. Он полон рвения во всём, что касается религии...» [279, с.163]. После состоявшегося тяжёлого, по словам епископа, разговора с Нгуен Анем о воспитании наследника, их хорошие отношения стали портиться, и до своей кончины он всё реже и труднее получал аудиенцию у правителя Зядини.

Нгуен Ань похоронил Пиньо де Безна с почти императорскими почестями. Его тело было перевезено в Зядинь. На протяжении двух месяцев гроб находился в доме епископа, при этом траурная церемония справлялась ежедневно [902, с.95]. 16-го декабря 1799 г. состоялись торжественные похороны епископа Адранского Пиньо де Безна. «На похоронах присутствовала вся королевская семья: мать, сестры, жёны, дети, все придворные, которые потом последовали на могилу епископа», – пишет свидетель событий [902, с.97]. Епископ был похоронен по католическому обряду. В знак благодарности и уважения Нгуен Ань посмертно

наградил его особым документом, высоко ценившимся в конфуцианской вьетнамской чиновной иерархии, в котором император, в частности, написал, что «...[Я] обязан епископу за его заслуги. И если в Европе он был просто миссионером, то во Вьетнаме он был самым известным и достойным иностранцем, который мог быть при королевском дворе. Большим везением было то, что мне довелось встретиться с епископом во время моего изгнания. Во всех походах он был рядом со мной, в тяжёлое время он снабжал меня всеми необходимыми средствами [902, с.97]. За месяц, с 22-го июля по 21-ое августа 1800 г., Нгуен Ань возвёл на могиле Пиньо де Безна памятник. 3-го августа 1861 г. могила епископа по предложению министра морского флота и колоний Франции Шасселу-Лоба стала государственной собственностью Вьетнама [902, с.98]. В его честь также была поставлена памятная стела с надписями на иероглифике и на латыни. В 1902 г. в Сайгоне была установлена бронзовая статуя Пиньо де Безна с его учеником принцем Канем [902, с.99].

Казалось бы, что отмеченные выше испорченные отношения епископа Аدرانского с Нгуен Анем и его пышные, почётные похороны плохо согласуются друг с другом, но на самом деле это не так. Похороны по высшему разряду и хвалебная речь Нгуен Аня на похоронах епископа составляют в конфуцианском культурном ареале неотъемлемую ритуальную часть культа скончавшегося выдающегося деятеля. Разногласия, ссоры и так далее, имевшие место при жизни, не влияют на уровень похоронного ритуала, конечно, если речь не идёт о врагах¹. Как посмертные почести, так и забвение являются частью наиболее древнего во Вьетнаме культа предков. Поэтому указанные действия Нгуен Аня по увековечиванию памяти епископа в памятниках надо рассматривать в рамках ритуалов этого культа, связанного с заботой о духе умершего.

¹ Известно, как жестоко обошелся Нгуен Ань с прахом убитых братьев Тэйшонов и как были осквернены их могилы.

Цитадель и надвратная крепость главного входа в императорский город.
Хюе. 02.04.2011 г.

Как уже говорилось, после смерти епископа Аدرانского при дворе Нгуен Аня за исключением нескольких человек практически не осталось из французских офицеров. После

завоевания Хюе Нгуен Ань наградили французских офицеров высшими военными чиновными должностями и предоставил каждому почетный эскорт в пятьдесят человек гвардейских солдат. Старший предок утвердил правила этикета, которые должны были исполняться во время дворцовых аудиенций. По «Воспоминаниям» сыновей Шенью, французы должны были совершать пять земных поклонов перед императором, в ответ на что со стороны императора они получали лишь пять наклонов головы [902, с.122]. Дольше всех до 1818 г. в Хюе оставались Шенью и Ваннье, которые в том числе выполняли функции информаторов французского правительства, в частности герцога Ришелье, о положении во Вьетнаме, что не могло не тревожить вьетнамские власти. Окончательно оба французских офицера покинули Вьетнам уже в правление нового императора в 1824 г. [521, с.362].

Вопрос об отношении Нгуен Аня к европейцам, в частности к французам, и их роли в победе над Тэйшонами до сих пор остается дискуссионным во вьетнамской историографии. С момента провозглашения политики «обновления» в декабре 1986 г. в научной литературе СРВ наблюдается тенденция пересмотра и переоценки многих исторических деятелей Вьетнама и их роли в истории Вьетнама, в том числе и императора Старшего предка. В этом отношении показательна статья одного из вьетнамских исследователей Фам Ван Шона, опубликованная на страницах популярного исторического журнала «Прошлое и настоящее»⁵, который стал издаваться с начала 90-ых годов XX в. и известен своими относительно либеральными взглядами [1430, с.10 – 15]. Автор статьи напоминает ещё недавно преобладавшее мнение среди вьетнамских историков, осуждавших Нгуен Аня за то, что он «отдал отчизну на поругание врагам», обвиняя его в том, что причиной «потери» страны в XIX в. стало обращение Нгуен Аня за военной помощью к Франции для борьбы с Тэйшонами. Фам Ван Шон полемизирует с этой точкой зрения и считает, что в действительности отношения Нгуен Аня с Францией, да и с другими странами, например с Сиамом в период гражданской войны и борьбы за власть,

были сложными и неоднозначными. Точка зрения автора в этом вопросе новаторская, он считает, что Нгуен Ань никогда не соглашался на зависимость от иностранцев. Фам Ван Шон приводит некоторые свои размышления в доказательство многогранных, порою завуалированных для посторонних глаз отношений дома Нгуенов с Францией. Он также подчеркивает особенно настороженное отношение Нгуен Аня к возможной колонизации. Эта статья свидетельствует о более взвешенном и объективном подходе вьетнамских историков в настоящее время к оценке такого болезненного вопроса, как участие европейцев в реорганизации и модернизации армии и флота Нгуен Аня, принесшего ему победу над Тэйшонами.

2. *Империя Дайнам до середины пятидесятих годов XIX в.*

2.1. *Создание империи Дайнам (1802 – 1820 гг.)*

Империя Нгуенов, возникшая в начале XIX в. в результате вооруженной победы Нгуен Аня над государством Тэйшонов, была первым и единственным целостным государственным образованием в территориальных границах современного Вьетнама. Образование вьетнамской империи в начале XIX в. было связано не только с изменением в сознании правящего класса вьетнамского общества, но и с попытками выразить своё новое мироощущение в культуре и её конкретных памятниках [578, с.245]. После падения кюиньонского очага сопротивления Тэйшонов вся территория бывшего Дангчаунга перешла под власть Нгуен Аня. Эта власть была добыта военной победой, опиравшейся на экономический потенциал Южного Вьетнама. Путь в старую столицу Нгуенов Фусуан был открыт. В июле 1802 г. Нгуен Ань торжественно вошел в город своих предков, был избран верховным правителем и провозгласил девиз, или эру правления, «Прекрасный [и] возвышенный» (1802 – 1820 гг.) [521, с.184]. Он также известен под посмертным именем Старший предок⁶. В 1804 г. После этого Нгуен Ань принял решение перенести столицу Вьетнама¹ в район Фусуана,

¹ С того времени Тханглаунг стал называться Ханоем.

исконной вотчины государей Нгуен в Центральном Вьетнаме, назвав её Хюе.

Старший предок император Высокий Нгуен -фук Ань
Девиз правления «Прекрасный [и] возвышенный» (1802 – 1819 гг.)

Перенос столицы с севера был мотивирован многими причинами, в том числе и тем, что Тханглаунг оставался оплотом старой династии Ле и правителей севера – государей

Чинь, то есть сил, традиционно враждебных новой династии. Немаловажным фактором было и то, что новая династия имела здесь, в отличие от севера, реальные симпатии и поддержку населения⁷. Кроме того, столица находилась теперь ближе к югу страны, где были сконцентрированы те силы, которые способствовали приходу Нгуенов к власти. Но перенос столицы был вызван главным образом тем, что Нгуен Ань стремился подчеркнуть различие между своей империей в новых границах от империи Дайвьет XI – XVIII вв., южные границы которой в лучшие годы включали лишь плато Центрального Вьетнама.

Первая половина XIX в. – это время, когда после политического и социально-экономического кризиса второй половины XVIII в. Вьетнам вступил в период активного посткризисного развития и создания одного из самых сильных государств на Индокитайском полуострове, что формально нашло свое отражение в его новом названии и принятии его правителем императорского титула¹. Принятие этого титула было самым непосредственным образом связано с возведением новой столицы, строительство которой стало осуществляться поразительно быстрыми темпами с 1804 г.

Последнее объясняется тем, что Нгуен Ань хотел провести официальную церемонию принятия императорского титула в новой столице. Именно это стало главной причиной его относительно позднего по сравнению со временем фактического прихода к власти официального восшествия на императорский престол.

Известно, что после восстановления своих законных прав на власть в Данчаунге в 1788 – 1789 гг. Нгуен Ань отказался от принятия императорского титула. Предприняв в 1801 – 1804 гг. все необходимые шаги по закреплению за собой всей полноты власти, созданию высших звеньев гражданской администрации и проведя другие важные подготовительные мероприятия, вьетнамский государь не по-прежнему торопился с его принятием. В начале 9-го месяца

¹ Смотри «Примечание 8» в «Комментарии» к настоящей главе.

1802 г. по лунному календарю представители прежней династии Ле и родственники государей Чиней, а также старые «дипломированные» гражданские чиновники прежней эпохи вместе с горскими племенными вождями повторно обратились к Нгуен Ань с официальной просьбой принять титул императора, но он снова от него отказался. И лишь в 1806 г., когда позиции основателя династии Нгуен были уже абсолютно незыблемы, а его столица полностью готова к торжествам, Нгуен Ань провозгласил себя императором, проведя обряд подношения духам Неба и Земли [578, с131].

Первые два десятилетия XIX в., совпавшие по времени с правлением основателя династии Нгуенов, проходили под знаком активной и напряженной деятельности власти по социальному и политическому закреплению победы над Тэйшонами. Вместе с тем в этот первый период существования империи Дайнам центральная государственная власть впервые в истории Вьетнама опиралась на прогрессивные для того времени социальные слои – частных землевладельцев, купечество и предпринимателей, то есть на слои, связанные с зарождавшейся рыночной либеральной экономикой. Опора на эти слои была условием прочного объединения страны и залогом дальнейшего прогрессивного развития вьетнамского общества по пути модернизации. На протяжении первых двух десятилетий XIX в. имперские власти в целом придерживались именно такой практики, поощряя предпринимательские слои, получавшие благодаря этому возможность дальнейшего развития.

Единственной реальной предпосылкой развития восточных обществ до начала XX в. был их переход на уровень позднефеодального по социально-экономической характеристике и абсолютистского, военно-бюрократического по форме государственного устройства. Именно через этот этап пролегал путь к достаточно мирному, прежде всего – в социальном отношении, генезису и становлению капитализма. Однако в кофуцианском культурном ареале только Японии удалось полностью пройти этим путём. Таким образом, типологические особенности нового времени получают своё

продолжение в трансформированном и деформированном виде в условиях политических суверенных обществ, подчеркивал отечественный востоковед В.И.Павлов [527, с.6].

Еще в ходе войны с Тэйшонами в среде правящего класса Дангчаунга образовались две противоборствующие партии. Одна из них, партия «новаторов», ориентировалась на признание необходимости учёта во внутригосударственной политике существенных изменений, которые вели к модернизации Вьетнама, в то время как другая партия, партия «консерваторов», отстаивала возвращение к прежним, архаическим нормам государственного устройства, моделью для которого служили социально-политическая и идеологическая государственная организация, сложившаяся во Вьетнаме благодаря реформам эры «Великой добродетели» (1470 – 1497 гг.)¹.

Представляется, что Нгуен Ань, обладавший открытым и гибким умом, а также нуждавшийся во время войны с Тэйшонами в современном оружии и военном обучении войск и установивший контакт с европейцами, поддерживал партию «новаторов». В результате наиболее крупными сановниками в государстве стали полководцы Нгуен Ван Нян, Нгуен Ван Чыонг, Ле Ван Зюет¹¹, Ле Тят и Нгуен Ван Тхаль, при этом на высшие должности, а также на должности в средних и низших звеньях гражданской администрации были назначены военачальники и местные помещики.

Роль и численность традиционного правящего класса – чиновничества заметно упали, что ещё более усилилось по мере перевода всё новых его категорий на жалованье, заменившее условное землевладение. При этом основная часть жалованья выплачивалась серебряной монетой достоинством в полланга^{III}.

¹ См. «Главу 1» «Части I» настоящего тома.

¹¹ Ле Ван Зюету принадлежит основная заслуга в победе над Тэйшонами в битве при Кюиньоне. См. «Главу 2» «Части I» настоящего тома.

^{III} 0,5 ланга = 17 гр. См. «Таблицу №3» в «Томе VI».

Всё это оказалось возможным благодаря значительному расширению рыночного обращения и увеличению производства товарного риса¹.

Начало XIX в. во Вьетнаме – время усиленного строительства дорог, мостов, каналов, портов, крепостей, государственных и частных мастерских и верфей. При участии немногочисленных европейских специалистов, чьё влияние ограничивалось вьетнамскими властями, строились крепости, корабли европейского типа, военные заводы.

Огнестрельное оружие, широко применявшееся в армии, в значительной части было собственного производства. Вьетнамская армия при императоре, правившем под девизом «Прекрасный [и] возвышенный», была одной из самых боеспособных в Юго-Восточной Азии, но её структура оставалась традиционной [521, с.201]¹¹.

В начале XIX в. в Дайнаме шёл процесс роста городов, в том числе осуществлялось масштабное строительство в Хюе, превратившее этот город в настоящую столицу империи. Так были построены дворцовые комплексы Запретного города для императора и членов его семьи, а несколько позднее на другом берегу реки Ароматной началось строительство погребального мавзолея Нгуен Аня¹¹¹.

2.2. Государственное устройство и методы управления

Основными принципами монархии Нгуенов и управления государством, заложенные её основателем, были:

- ❖ Централизация и унификация политических институтов.
- ❖ Отсутствие совещательного органа.
- ❖ Коллегиальность правления. Рядом с императором не было чиновников, занимавших крупные посты.

¹ Об экономических реформах Нгуен Аня смотри «Главу 2» «Части II» настоящего тома.

¹¹ Пять больших соединений, во главе которых формально стоял император.

¹¹¹ Подробно об архитектуре погребальных мавзолеев династии Нгуен смотри «Главу 2» «Части III» настоящего тома.

Центральный аппарат формировался вокруг императора, который обладал неограниченной властью, объединявшей в себе законодательные и административные функции. Непосредственно его обслуживал так называемый Внутренний кабинет⁸. При этом судебная власть была частью административной, поскольку судебные функции выполняли назначенные сверху чиновники, одновременно занимавшиеся и другими делами. Исполнительными органами этой власти были шесть министерств, которые в целом воспроизводили систему управления Ле XV в.: 1. Министерство внутренних дел⁹; 2. Министерство финансов; ведало налогами и ценами¹⁰; 3. Министерство обрядов, ведало посольствами, церемониями и конкурсами¹¹; 4. Министерство обороны¹²; 5. Министерство общественных работ¹³; 6. Министерство юстиции¹⁴ [164, т.13, с.323].

Министерству внутренних дел отводилось особое место в системе административной организации, так как оно выполняло очень важную функцию – формирование кадров всего государственного аппарата. Министерство обрядов за неимением специального внешнеполитического органа выполняло функции министерства иностранных дел и ведало посольствами, церемониями, конкурсами и премиями. Его антиподом было министерство юстиции, которое оставалось одним из самых архаических и действовало исключительно в русле конфуцианских норм, где наказание подданных считалось не только правом, но и долгом правителя. Это был репрессивный орган, подчинённый деспотической власти правителя, его окончательному решению. Правда, в сомнительных случаях император назначал особую группу придворных сановников для дополнительного разбирательства [521, с.203].

Шесть столичных министерств находились под контролем цензората, который был создан в 1832 г. и состоял из шести служб со своим центральным и местным аппаратом. Обратная связь с центральной властью была эффективной и регулярной. Но в целом структура государственного аппарата всё ещё носила упрощенный характер, обусловленный только

что окончившейся тридцатилетней гражданской войной. Значительная доля властных функций на нижнем уровне сохранялась за органами самоуправления экономически доминирующих слоев, что было прогрессивным новшеством, поощряемым императором «Прекрасного [и] возвышенного».

В административно-территориальном устройстве продолжался процесс унификации и централизации. Страна состояла из трёх регионов, образованных её северной, центральной и южной частями, каждый из которых возглавлялся наместником, сосредоточившим в своих руках большую власть. Им подчинялись губернаторы провинций, при этом вся территория Вьетнама была разделена на 24 провинции и 4 столичные области. При каждом губернаторе находились вице-губернатор, казначей и провинциальный судья. Начальники малых провинций¹ и уездов составляли следующий, более низкий уровень административного управления, но все они также назначались центральным правительством. В волостях и общинах имелись чиновники, которые обычно назначались из помещиков.

Таким образом, к концу правления Нгуен Аня в целом был отстроен общегосударственный механизм управления. Но полностью гражданской эта система так и не стала, так как кадры администрации основателя династии Нгуен формировались в основном из жителей бывшего Дангчаунга и военных, то есть прослойки, традиционно противостоявшей старой бюрократии бывшего Дангнгаоя и её идеологии – консервативным формам неоконфуцианства [521, с.191]. До 1820 г. эта группа господствовала в высших эшелонах власти и при дворе императора, сохраняя до тридцатых годов XIX в. важные позиции в политической жизни как на юге, так и на севере страны.

В 1812 г. обнародовали кодекс законов «Прекрасного [и] возвышенного». Само появление этого кодекса было определённым шагом вперёд. До этого действовал давно

¹ В административной структуре страны «малая провинция» эпохи империи Дайнам является аналогом «округа» предыдущих эпох.

устаревший кодекс династии Ле. Но за прошедшие века условия жизни изменились, и поэтому в законодательстве Вьетнама обновления были неизбежны. Новый кодекс состоял из 22 книг, которые в свою очередь содержали 398 статей. Однако этот документ в своей основе копировал кодекс Цинской империи, несколько адаптированный для Вьетнама. Некоторые его статьи так и остались чуждыми вьетнамским реалиям. Поэтому кодекс 1812 г. скорее следует рассматривать как инструмент для стабилизации власти и порядка в стране, но ни в коем случае как продолжение развития вьетнамского права и его правовых норм.

2.3. Внешняя политика при основателе династии Нгуен

Внешняя политика в период 1802 – 1820 гг. была направлена на внутреннее «обустройство» империи. Особое внимание Нгуен Ань традиционно уделял отношениям с северным соседом – империей Цин, поскольку сохранявшиеся, пусть и номинально, вассальные отношения требовали официального признания новой династии, ее легитимации. Как уже отмечалось, в 1802 г. Нгуен Ань провозгласил девиз своего правления «Прекрасный [и] возвышенный», а в 1804 г., после трудных переговоров, признания своей династии и нового названия страны – Вьетнам¹⁵. Только после этого в 1806 г. вьетнамский государь принял титул императора. Позиция цинской дипломатии в этот период характеризовалась невмешательством во внутривьетнамские дела, ограничиваясь признанием номинального вассалитета со стороны южного соседа, что было обусловлено глубоким кризисом Китая, а также реальной угрозой вторжения западноевропейских держав.

Внешняя политика Вьетнама на Индокитайском полуострове определялась соперничеством с Сиамом за влияние на соседние Камбоджу и лаосские княжества Вьентьян и Луангпрабанг. В первые годы XIX в., оставаясь вассалами Сиам, эти страны подтвердили своё вассальное положение по отношению к Вьетнаму. В 1805 г. был

установлен порядок и состав дани из Вьентьяна во Вьетнам, посылавшийся один раз в три года.

Общий вид.

Вход в мавзолей «Прекрасного [и] возвышенного» и площадь статуй.
Река Ароматная. Хюе. 01.04.2011 г.

В то время как Вьетнам, так и Камбоджа были заинтересованы в укреплении дипломатических отношений на фоне их совместного противостояния Сиаму. Поэтому первые даннические миссии из Камбоджи во Вьетнам датируются 1803 и 1806 гг. Что же касается вьетнамо-сиамских отношений, то из добрососедских в самом начале XIX в. по мере укрепления империи Нгуен они становились всё более напряжёнными. Однако в правление Нгуен Аня проявлений открытой враждебности ни с одной из сторон ещё не отмечалось. Нгуены были хорошо осведомлены о ситуации в странах Юго-Восточной и Южной Азии. Вьетнамские купцы и должностные лица часто бывали в уже захваченных европейцами Сингапуре и Индонезии, на Филиппинах и в Индии, которую из-за сильных позиций англичан во Вьетнаме называли малым западом. В Сингапуре проходили практику учащиеся созданной в 1836 г. «Школы переводчиков». Именно в этих странах вьетнамцы знакомились с образцами западной военной техники, к которой проявляли большой интерес. Также, стремясь использовать опыт Великобритании, они постигали английскую тактику морского боя [164, т.20, с.127, 252, т.21, с.194].

Что касается отношений с европейскими державами, то с ними Нгуен Ань старался поддерживать равноправные торговые отношения, которые были ему выгодны. Говоря об отношениях Вьетнама с западными державами, следует учитывать некоторые сложившиеся традиции оформления отношений. В Западной Европе существовала практика заключения договоров, то есть официальное юридическое оформление отношений между двумя сторонами на бумаге.

Во Вьетнаме такой традиции не было, так как в странах конфуцианского культурного ареала все контакты с соседними государствами оформлялись в рамках сюзеренно-вассальных отношений. То есть в государственной политике государств этого ареала равноправных отношений не существовало. В то же время в силу заключенного в 1787 г. Версальского договора отношения между Францией и Вьетнамом носили особый характер. При этом первую, которая получала достоверную

информацию от живших при вьетнамском императорском дворе почти два десятилетия Шенью и Ваниэе, привлекала идея возобновления связей с Вьетнамом как возможной базы для торговой и иной экспансии в Восточную Азию.

В конце 1817 г. герцог Ришелье направил во Вьетнам с миссией доброй воли фрегат «Сибелло» под командованием капитана Кергариу [521, с.288]. На самом же деле эта миссия носила разведывательный характер. Формально капитан Кергариу не имел иных поручений к вьетнамскому двору, кроме как объявить о восшествии во Франции на престол короля Людовика XVIII [164, т.4, с.336]. Однако на самом деле он должен был выяснить возможность установления отношений с правящим императором. Основанием для этого служило существовавшее мнение о якобы антибританских настроениях Нгуен Аня, ведшего постоянные споры с фирмами Ост-Индской компании о своих долгах. Однако надежды на то, что антипатия Нгуен Аня к англичанам толкнёт его на более тесный союз с Францией, не оправдались. Он приказал оказать дружеский приём капитану Кергариу в Дананге, но отказал капитану в личной аудиенции и не принял подарков, мотивируя это тем, что Кергариу не имел документов, подтверждавших, что корабль был послан королем Франции [521, с.360]. По решению французского правительства Кергариу в следующем году вторично предпринял попытку установить отношения с двором «Прекрасного [и] возвышенного», но опять потерпел неудачу. Однако в результате его миссии были уточнены и исправлены карты вьетнамского побережья, сделанные Дэйо в 1807 г. [997, с.288]. Хотя миссия Кергариу была неудачной, но она не повлияла на торговлю тех французских купцов, которые уже имели опыт торговли с Вьетнамом и находили её перспективной.

По указу Нгуен Аня от 1805 г. французским торговым судам должен был оказываться во Вьетнаме такой же прием, как и китайским. В частности, возвращающиеся на родину суда снабжались зерном в количестве около шестидесяти кг¹⁶ на каждого члена команды по твёрдо установленной цене в три

куана [164, т.3, с.271]. Таможенная политика в отношении французских товаров была разумной. Пошлину можно было выплачивать либо деньгами, либо серебром – по желанию иностранных купцов – без каких-либо ограничений [164, т.4, с.352 – 353].

В то же время обнаружилось категорическое нежелание вьетнамского двора идти на какие-либо переговоры об учреждении французских кварталов на вьетнамской территории. Однако Франция не оставляла попыток установления официальных отношений с Вьетнамом. Для этого французское правительство решило учредить должность своего представителя в Хюе в одностороннем порядке. Выбор пал на Шеньо. Осенью 1820 г. решением Людовика XVIII он был назначен консулом в Хюе, представителем при дворе вьетнамского императора и комиссаром короля Франции с полномочиями на заключение с Вьетнамом от лица Франции торгового договора, который обеспечивал бы Франции более выгодные по сравнению с другими странами условия. В письме французского короля вьетнамскому императору содержался намек на договор 1787 г. Людовик XVIII писал, что хороший приём, оказанный королём Вьетнама французским торговцам, свидетельствует о том, что король «сохранил память о старой дружбе, которая существовала между суверенами Франции и суверенами Кохинхины» [997, с.304 – 308, 310].

Все эти попытки установить более тесные контакты с двором Нгуен Аня успеха не имели. Они завершились лишь обменом посланиями, а никакого специального торгового соглашения заключено так и не было, хотя французские суда продолжали посещать Вьетнам. Главной причиной этих неудач была не только кончина Нгуен Аня, который был связан с Шеньо давними личными отношениями, но и то, что служба этого французского офицера двум королям одновременно вызывала у вьетнамцев вполне справедливые подозрения.

Таким образом, под конец своего правления первый император династии Нгуен проводил сбалансированную

внешнюю политику. При этом вопреки особым отношениям с Францией в девяностые годы XVIII в., он не стал оказывать ей предпочтения.

Вход на площадь поминальной стелы и условная могила императора.
Мавзолей «Прекрасного [и] возвышенного».
Река Ароматная. Хюе. 01.04.2011 г.

Беспокойство императора вызывала и деятельность католических миссионеров в стране, особенно после того, как стало очевидным их стремление к вмешательству во все внутривластные дела вьетнамской империи [521, с.359].

2.4. Политическая интрига империи Дайнам

Чем прочнее становилось экономическое и политическое положение нового государства, тем быстрее возрождалось и укрепляло свои позиции архаичное гражданское чиновничество севера, где были прочные корни старой бюрократической системы с её опорой на конфуцианскую идеологию. Подобные «консервативные» тенденции проявлялись также и у некоторых придворных и даже военачальников новой династии, в результате чего ближайшее окружение Нгуен Аня разбилось, как уже отмечалось, на партию «консерваторов» и партию «новаторов», которых поддерживал сам император. Включение в состав империи севера с его специфическими традициями и появление в его администрации некоторого количества чиновников прежней династии Ле, что было связано с началом организации гражданской администрации, вызвало споры о том, какие традиции необходимо возрождать, чей опыт – Дангчаунга или Дангнга – должен лечь в основу создания империи. Необходимо также отметить, что и среди приближенных императора были сторонники организации государства по образцу Ле – Чинь. Их возглавлял Нгуен Ван Тхань, назначенный управляющим севера [164, т.3, с.44]. Полной противоположностью ему был прославленный военачальник – евнух Ле Ван Зюет, тесно связанный с Зядинью и купечеством юга. Близкие к нему позиции занимал и Ле Тят [521, с.208]. Что касается позиции самого Нгуен Аня, то он старался максимально сглаживать противоречия между этими двумя группами. Но даже после открытого столкновения с лидером «консерваторов» Нгуен Ван Тханем, который с 1802 г. до своей смерти в 1817 г. требовал от государя возвращения к старым нормам вместе с восстановлением общинного и условного чиновничьего

землевладения, император не принял никаких мер по ограничению частного землевладения [164, т.3, с.120 – 122]. Поощрение помещиков продолжалось, а при составлении кадастра частные земли были юридически зафиксированы [521, с.208].

Практическая же деятельность администрации «консерваторов» на севере, сопровождалась быстрым распространением коррупции, развалом экономики и даже голодом, приведших север к кризису и показав тем самым неприемлемость старых методов. Это стало главной причиной того, что в 1810 г. правительство нанесло решительный удар по «консерваторам». Их лидер Нгуен Ван Тхань был смещен с поста наместника Северного Вьетнама и переведён на почётный, но маловажный пост в столице империи [164, т.4, с.132, 150, 158]. Вместо него был назначен Ле Тят, один из ближайших помощников императора и видный сановник из его ближайшего окружения. Он принял энергичные меры по проведению на севере реформ в русле политики «новаторов», а также по борьбе с начавшимися крестьянскими восстаниями, которые были подавлены в основном помещичьими дружинами к 1813 г. В целом в почти двадцатилетнем правлении под девизом «Прекрасный [и] возвышенный» представляется возможным выделить несколько периодов, в частности – до 1810 г. и после него¹⁷.

Также следует отметить, что позиции «консерваторов» в Северном Вьетнаме находили существенную поддержку в лице многочисленных родственников и сторонников бывшей династии Ле, которые продолжали считать Нгуенов пришедшей с «чужого» юга и нелегитимной династией узурпаторов.

Будучи хорошо осведомленным об этой ситуации, Нгуен Ань в первые годы своего правления потратил много сил и времени на то, чтобы переломить ситуацию. Так, будучи уже верховным правителем страны, он предпринял в 1803 г. путешествие на родину императоров династии Ле в северную провинцию Тханьхоа. В погодной хронике династии Нгуен

«Истинные записи [о] Великом Юге»¹ приводится крайне интересный текст, свидетельствующий о силе традиций и обычаев во Вьетнаме, связанных, прежде всего, с почитанием культа предков [164, т.2, с.85, т.3, с.171, т.5, с.120]. При проезде Нгуен Аня через провинцию Тханьхоа в 9-ом месяце 1803 г. общинным и волостным старостам уезда Тонгшон были вручены официальные удостоверения с личными пометками императора, подтверждающие их статус хранителей культа предков династии Ле [578, с.160]. Но ни этот визит самого императора, ни определённые привилегии, данные им потомкам прежней династии, не смогли переломить ситуацию. Известно, что после 1810 г. группировка Нгуен Ван Тханя решила действовать там, где у неё была социальная база, то есть, на севере страны. В результате возник заговор с участием сторонников Ле в Бактхане, который закончился неудачей. В 1815 г. заговор был раскрыт, все его участники были казнены, а Нгуен Ван Тханю было приказано покончить с собой [164, т.4, с.267 – 269, 319 – 321].

В свете политической интриги, развернувшейся в империи Дайнам начала XIX в., обращает на себя внимание тот факт, что Нгуен Ван Тхань был обвинён не только за связь с бунтовщиками, но и за свою политическую программу, которая была объявлена преступной, а также то единодушие, с которым высшая администрация во главе с Ле Ван Зюетом и двор выступили против заговорщиков. Иначе говоря, к 1815 г. верхушка администрации явно состояла из сторонников реалистической и новаторской политики. Примечательно, что после воцарения наследника Старшего предка эти люди потеряли свою власть в столице [521, с.209].

Если теперь, в свете вышесказанного обратиться к характеристике личностей главных «столпов» режима империи Дайнам первого десятилетия XIX в. Ле Ван Зюета и Ле Тята, которые разделяли взгляды Нгуен Аня на социально-экономическое и политическое развитие Вьетнама в

¹ Подробно об этой хронике смотри «Параграф 2» «Главы 2» «Части III» настоящего тома.

соответствии с новыми реалиями, то складывается следующая картина. Оба лидера были крупными политическими деятелями и ближайшими соратниками Нгуен Аня. Оба они ратовали за отказ от прежних бюрократических и косных норм государственного устройства, за проведение политики опоры на купцов, горнопромышленников, помещиков и введение форм частного землевладения, открывавших дорогу к прогрессивным производственным отношениям. Их различия скорее носили личностный характер, так как южанин Ле Ван Зюет¹⁸ был опытным политиком и талантливым полководцем, а Ле Тят, бывший не менее блестящим военачальником, прежде сражался на стороне Тэйшонов [521, с.215].

Общий вид

Задняя терраса с видом на горы мавзолея «Прекрасного [и] возвышенного»
Река Ароматная. Хюе. 01.04.2011 г.

Иными словами, можно говорить о единстве их политической программы, имевшей в конечном счёте своей целью модернизацию страны. Существенно и то, что критика Ле Тята как политического противника императора началась лишь через девять лет после его смерти, когда уже умер и Ле Ван Зюет, а восстание Ле Ван Кхоя на юге было практически подавлено [521, с.215; 164, т.17, с.232 – 236].

Из сказанного следует, что в свете противостояния «консерваторов» и «новаторов» одной из главных проблем правления Нгуен был вопрос о наследнике престола. После острых споров с придворными он остановил свой выбор на кандидатуре четвёртого сына – Нгуен Зама, которому уже было в то время тридцать лет. Надо полагать, что к этому времени политические и идеологические предпочтения наследника уже сформировались, и, судя по всему, они были во многом противоположны взглядам отца и его соратников из группы «новаторов». Известно, что в столице вокруг наследника образовался круг умеренных и пассивных «консерваторов», которые не рисковали вступать в прямую конфронтацию с правительством «новаторов» при жизни Нгуен Аня, ожидая перехода власти к своему покровителю. Император был осведомлён о взглядах наследника и сознавал, что сын попытается пересмотреть его политику. Учитывая это, Нгуен Ань сделал всё возможное, чтобы и после его кончины политический курс в империи не изменился сразу и круто.

Поэтому на смертном одре он передал в присутствии членов своей семьи бразды правления сыну, но при том условии, что власть над югом останется у Ле Ван Зюста [521, с.210; 164, т.4, с.288, 289]. А учитывая, что севером до 1826 г. правил единомышленник Ле Ван Зюста – Ле Тят, не вызывает сомнения тот факт, что основатель династии Нгуен оставил после своей смерти достаточно сбалансированную систему управления империей. В результате на протяжении значительного периода своего правления второй император династии Нгуен просто не имел возможности проводить масштабную консервативную политику практически на всей территории Вьетнама.

Дальнейшая политическая борьба за власть между партиями «консерваторов» и «новаторов» развернулась в полной мере в тридцатые – сороковые годы XIX в. в правление второго императора династии Нгуен и продолжалась с переменным успехом вплоть до установления французского колониального господства в восточном Индокитае.

3. Развитие вьетнамского государства в 1820 – 1840 гг.

3.1. Продолжение политическо-идеологической борьбы между «консерваторами» и «новаторами»

Придя к власти, Нгуен Зам провозгласил новый девиз правления «Светлая судьба» (1820 – 1840 гг.)¹⁹.

В погодной хронике династии Нгуен коронование наследника престола описывается следующим образом:

«Белый Дракон. Год 1-ый Светлой судьбы. Весна, месяц 1-ый, день 1-ый, [час] Зелёного Коня. Государь взошёл на трон императора во дворце Великого мира. [Обнародован императорский] указ» [164, т.5, с.42].

Таким образом, Нгуен Зам принял императорский титул в 13 часов 14-го февраля 1820 г. по Григорианскому календарю во дворце официальных приёмов. Судя по всему, этот указ на самом деле является первой тронной речью Нгуен Зама, в которой он объявляет о своём восшествии на престол и провозглашении им нового девиза правления. Далее следует сообщение о всеобщей амнистии, после чего новый император пространно поясняет, что он наследовал трон по воле Неба, предков и своего покойного отца. Последнее формулируется классической конфуцианской фразой: «Небо повелело, [поэтому] я [и] прибыл сюда». Завершается же указ заверениями о том, что император будет следовать воле предков, блюсти и укреплять законы, заботиться о благополучии народа и тому подобное [164, т.5, с.42].

Согласно неоконфуцианскому учению, одной из важнейших идеологических задач летописания является отображение государя как совершенного человека. Поэтому в сюжетах погодной династийной хроники Нгуен Зам предстаёт в образе совершенного государя, «пекущегося» о народе в полном соответствии с классическим конфуцианским дуализмом «отец – сын», в котором император выступает в роли «отца», а население страны – в роли его «детей». К счастью, сохранились многие императорские указы того времени, которые наглядно иллюстрируют характер деятельности второго императора династии Нгуен. В целом по содержанию их можно разделить на три основные группы.

Первая, *декларативная*, образуется ранними указами, список которых открывается вышеописанной тронной речью нового императора. Как и в ней, в указах этой группы содержатся обещания императора вести «добродетельную» политику и заботиться о «благе народа». Все они изложены в форме традиционных конфуцианских сентенций, поучений и формулировок.

Совершенный предок император Гуманный Нгуен-фук Зам
Девиз правления «Светлая судьба» (1820 – 1840 гг.)

Указы второй группы также содержат много элементов декларативности, однако главная их особенность состоит в *самовосхвалении*, которое сопровождается завуалированной критикой политики Нгуен Аня. В первые годы царствования новый император часто вспоминает своего отца, отдаёт ему должное и говорит о его заслугах, но в его последующих речах всё настойчивее начинают звучать ноты самовосхваления. В них подчёркивается, что кругом царит спокойствие, страна свободна, а сам император, в отличие от отца, ни разу не надевал доспехи. В основном это достаточно ранние указы 1820 – 1830 гг., рисующие совершенно идиллическую жизнь государства [164, т.5, с.53, т.6, с.5, 6, т.8, с.37, 152; 505, с.264].

Наконец, третья группа представлена указами, в которых объявляется о конкретных решениях императора. Условно их можно назвать *реальными* указами. В этом смысле достаточно показателен указ от 25-го мая 1831 г. по случаю сорокалетия Нгуен Зама, в котором помимо традиционных общих фраз содержались весьма конкретные сообщения о пожалованиях или «милостях» [164, т.10, с.5, 6]. Исходя из этого указа, а также из указов 1820 и 1827 гг., эти «милости» можно сгруппировать следующим образом. «Милости», жалуемые народу регулярно, в которых, как правило, речь идёт как об уменьшении подушного или поземельного налога, так и об отмене крестьянских задолженностей. Обычно такого рода послабления давались в неурожайные годы или после стихийных бедствий и катастроф. «Милости» чиновникам, выражавшиеся в их повышение в степени и классе в системе чиновной иерархии, а также в прощении чиновников, совершивших какие-либо преступления. «Милости» беспомощным или неимущим слоям населения – вдовцам, вдовам и старикам. Так, старикам, которым исполнилось семьдесят, восемьдесят, девяносто и даже сто лет, полагалось вознаграждение в половину, один, два и три ланга серебром¹. Также их одаряли шёлком, тканью и рисом [164, т.5, с.45, 46, т.8, с.153, т.10, с.5, 6].

¹ 1 ланг ≈ 37 гр. Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

Если исходить из вышесказанного, то складывается впечатление о «безоблачном» правлении совершенного императора. И именно к созданию такого восприятия своего царствования стремился второй император династии Нгуен, который исходил из убеждения в необходимости воспитания народа в соответствии с основными догмами конфуцианской идеологии. По меткому выражению историка Ле Тхань Кхоя, это позволило бы держать основную массу населения в «состоянии духовного консерватизма» [868, с.362, 363]. Однако реальность была совершенно иной.

В двадцатые годы XIX в. шла острая политическая борьба лидеров севера и юга против мероприятий эры «Светлой судьбы». В 1827 г. смерть Ле Тята позволила Совершенному предку упразднить пост наместника севера, что способствовало укреплению центральной власти и позиции партии «консерваторов» в этой части Вьетнама. Следствием такой политики стало обострение социальных конфликтов, которые усугублялись эпидемией 1820 г., унёсшей двести тысяч жизней, и тремя тяжелейшими годами засухи и голода [520, с.28, 29]¹. Всё это привело к росту недовольства крестьян и к их затяжным восстаниям на севере, одним из которых стало восстание под руководством Фан Ба Аня. Впервые после восстания Тэйшонов возникла территория, контролируемая восставшими крестьянами. Однако центральная власть в Хюе не обратила внимания на этот грозный сигнал, так как для неё главным в эти годы была борьба со своими политическими противниками [521, с.216, 217].

Как уже отмечалось, симпатии нового императора были на стороне «консерваторов», что привело к существенным изменениям в политической и экономической жизни вьетнамского государства в последующие десятилетия. Во внутренней политике империи Дайнам двадцатые – тридцатые годы XIX в. были временем попыток восстановления на новой социальной базе старой структуры чиновничьего класса. На практике же это реализовалось борьбой между «новаторами» и

¹ 1821, 1822 и 1824 гг.

«консерваторами». Носителями новаторских тенденций были уже упоминавшиеся крупные сановники Ле Ван Зюет и Ле Тят вместе с их сторонниками на юге в Зядини, а носителями консервативных тенденций – столичная администрация Хюе и старое кадровое гражданское чиновничество севера. Во главе «консерваторов» стоял лично сам император Нгуен-фук Зам, бесспорно крупнейший политический деятель своего времени [521, с.210]. Следует отметить, что его консервативная политика не была следствием только личных пристрастий нового императора. В её основе лежала концепция, по которой образцом для подражания могла служить лишь неоконфуцианская модель «идеального» государства, существовавшего во Вьетнаме в период наивысшего расцвета империи Дайвьет во второй половине XV в.¹. Отождествление эры «Великой добродетели» (1470 – 1497 гг.) с «золотым веком» вьетнамской истории, сформулированное выдающимся вьетнамским мыслителем первой половины XIX в. Фан Хюи Тю, стало определяющим в эру правления «Светлой судьбы» [386, с.124]¹¹.

Вступив на престол, новый император сразу же начал реализовывать свои идеи. Круто меняя официальную имперскую идеологию, он для начала изменил название государства с Вьетнама на Дайнам [362, с.400]¹². После чего Нгуен-фук Зам форсировал начатую ещё его отцом стройку императорских дворцов с парками в Хюе, большая часть которых сохранилась в относительно хорошем состоянии до сегодняшнего дня¹³.

Затем, в период с 1820 по 1827 гг., император предпринимает ряд мер по возвращению к традиционным

¹ Смотри «Главу 2» «Части I» «Томе II».

¹¹ Следует подчеркнуть, что сам Фан Хюи Тю мыслил в категориях конфуцианского учения и натурфилософии, считая эти доктрины совершенными, так как они, по его мнению, отвечали на все вопросы, связанные с управлением государством.

¹² Смотри «Примечание 8» в «Комментарии» к настоящей главе.

¹³ Об архитектуре и структуре дворцового комплекса династии Нгуен смотри «Главу 2» «Части III» настоящего тома.

неоконфуцианским принципам организации государственного управления.

Пушка (1816 г.) и охотничье оружие императора (1831 г.)
Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.

Тем самым Нгуен-фук Зам предпринял попытку ослабить экономическую роль городов и помещиков при

одновременном увеличении численности и власти бюрократического государственного чиновного аппарата. При этом само чиновничество стремилось вытеснить купцов и промышленников из экономически наиболее выгодных сфер предпринимательской деятельности и поставить их под свой контроль [520, с.26].

Регламентации подверглось также военное дело, что было особенно опасным. Войско быстро теряло свою боеспособность из-за падения роли огнестрельного оружия и артиллерии, что сопровождалось значительным ростом числа соединений боевых слонов [520, с.27]. Такой отказ от модернизации армии, начатой Старшим предком¹, привёл к самым отрицательным последствиям, которые в полной мере сказались во время французской колониальной агрессии. Возможно, что именно давнее недоверчивое отношение Нгуен Зама к военным – южанам, основной опоре его отца, которые в очень небольшой степени руководствовались конфуцианскими идеями, послужило главной причиной такой консервативной и недальновидной политики императора по отношению к армии. Соответственно роль министерства обороны упала, зато основными по значению в государственном управлении стали министерство внутренних дел и министерство обрядов, всеми мерами укреплялся конфуцианский моральный облик чиновника, конфуцианская идеология стала доминирующей в государстве.

Проводившиеся консервативные мероприятия в социально-экономической области, реализация в целом утопической, а потому реакционной программы нового императора наталкивались на новые реалии вьетнамского общества, которое с трудом воспринимало насильственно внедрявшиеся властью методы «административно-командной» экономики. Повёрнутая в прошлое идеология идеального «золотого века» пришла в острое противоречие как с новыми

¹ Поскольку речь идёт о покойном императоре, то правильнее его называть посмертным именем. Смотри «Примечание 6» в «Комментарии» к настоящей главе.

потребностями общества, так и с императивами модернизации Вьетнама. В полном соответствии с планами умирившего Старшего предка в первое десятилетие правления под девизом «Светлая судьба» консервативная политика ещё тормозилась противодействием высших сановников севера и юга Ле Тятон и Ле Ван Зюетом, которые имели право независимо принимать решения по внутренним проблемам. Поэтому императору удалось распространить свою власть на север страны только в 1826 г. после смерти Ле Тята, а на юг – лишь за несколько лет до своей смерти в 1836 г. Практически первое время консервативные мероприятия ограничивались одним центром, но и они имели тяжёлые последствия для развития государства, особенно – для его ближайшего будущего. Имеется в виду кампания 1820 – 1822 гг. по укреплению центрального административного аппарата «консерваторами», заменившими военных, прежде всего – зядиньцев, которая привела к отрыву столицы от провинций и к утрате «обратной связи» в управлении страной, в результате чего снизилась эффективность управления в целом [520, с.28].

Главное мероприятие этой кампании – это печально известный «Биньдиньский эксперимент», который заключался в резком ограничении частного помещичьего землевладения в пользу казённо-общинного землепользования в провинциях Центрального Вьетнама Куангиен (1833 – 1836 гг.) и Биньдинь (1839 – 1841 гг.), полностью провалился [520, с.28, 217]¹. Его результатом было недовольство в провинции и сокращение доходов. И хотя с тех пор подобных «экспериментов» больше не предпринималось, политика нового императора разрушала созданную Старшим вредком стройную и относительно современную социально-экономическую и финансовую систему функционирования государственного аппарата, что вело к дестабилизации и резкому ухудшению экономического положения в стране.

Смерть Ле Ван Зюета в 1832 г. превратила многолетнее противостояние юга и центра в открытое вооружённое

¹ Смотри «Параграф 2.2» «Главы 2» «Части II» настоящего тома.

столкновение. 18-го мая 1833 г. ночная атака шестидесяти солдат при поддержке пяти боевых слонов привела к свержению императорского наместника, назначенного из Хюе на место Ле Ван Зюета [521, с.218.]. Власть на юге без боя перешла к приёмному сыну Ле Ван Зюета, дальнему родственнику Нгуенов – Ле Ван Кхою. Началась трёхлетняя война (1833 – 1835 гг.) южной группировки с центральным правительством. Восстание быстро распространилось к юго-западным границам Вьетнама. Оно было поддержано вьетнамскими христианскими общинами и французским миссионером Маршаном, который по просьбе Ле Ван Кхоя обращался за помощью к королю Сиам и Англии [164, т.12, с.239, т.17, с.155.]. Результатом этой миссии стало вторжение сиамских войск на территорию Вьетнама.

Связь с морем, большие запасы продовольствия и денег, а также поддержка части жителей города Зядинь (Фиенан), основного района базирования восставших, позволили Ле Ван Кхою в течение двух лет удерживать город. Но в конце концов восстание в Зядини было локализовано, а затем беспощадно подавлено. Около 2000 человек были казнены. Жестоким репрессиям подверглись и вьетнамские христиане – католики. Маршан был захвачен в плен, привезён в клетке в Хюе и казнён «казню ста кусков»¹. Вместе с ним были казнены и другие повстанцы, среди которых был сын Ле Ван Кхоя – Ле Ван Виен. Раньше был казнён и сам Ле Ван Кхой¹¹. [868, с.341.]. Жестокость репрессий со стороны императора, видевшего в христианстве мощное средство подрыва конфуцианских устоев среди своих подданных, была вызвана его давним личным неприятием католицизма и деятельности европейских миссионеров. Кроме того, Нгуен Зам посчитал обращение восставших к искони враждебному Сиаму проявлением южного сепаратизма – явления крайне опасного и нежелательного для стабильности империи Дайнам.

¹ Смотри иллюстрацию на следующей странице.

¹¹ Головы Ле Ван Кхоя и Маршана затем возили по стране «от Куангчи на север и от Куангнама на юг».

Мученичество Иосифа Маршана 30.11.1835 г. (картина 1860 г.)

3.2. Политика эры «Светлой судьбы» по отношению к христианству и вьетнамским католикам

К середине XIX в. христианство насчитывало около двух с половиной веков с начала своего распространения во Вьетнаме. Наибольшее распространение оно получило среди самых бедных слоёв крестьянства в наиболее отсталых сельскохозяйственных районах, например в провинции Нгеан, а также среди маргинальных городских слоёв населения. Они были бесправными в традиционном обществе и оказывались исключёнными из социальной жизни двух основных систем Вьетнама. Ни на государственном, ни на общинном уровнях эти группы населения не имели своего лидера, в котором могли бы самовыразиться в качестве социальной модели. Вероятно, поэтому христианство, предлагавшее вместо насилия и жестокости другую, длительную перспективу жизни и конкретное покровительство, стало для них неожиданной альтернативой. И действительно, там, где традиционная община «выбрасывала за бамбуковую изгородь» беднейшее население, миссионеры создавали христианскую общину с новой параллельной общинной социально-экономической организацией. Известно, что миссионеры зачастую брали на себя решение задач экономического управления христианскими общинами. Они приобретали земли, участвовали в распределении имущества и давали деньги в долг [714, с.216, 217]. Всё это вело к упорядочению социальной ситуации и повышению материального уровня по сравнению с нехристианскими общинами и, в конце концов, также способствовало ощущению избранности христиан, их необычности по сравнению с остальными, укрепляя их убеждение в том, что они ведут «праведную» жизнь.

Тот факт, что восстание Ле Ван Кхоя было поддержано католическими общинами юга, ещё больше утвердило Нгуен Зама во мнении, что христианство – религия, не только отрицающая саму конфуцианскую основу бытия вьетнамской нации, опирающуюся на культ предков, но и опасная для государства. С этого времени усиливаются гонения против европейских миссионеров и вьетнамских католиков, однако их

число не только не уменьшалось, а возрастало. Поэтому впервые в истории распространения христианства во Вьетнаме речь зашла о систематическом разрушении и уничтожении христианских общин, о физической расправе со всеми верующими христианами, как с европейцами, так и с вьетнамцами²⁰.

Сразу же после подавления восстания Ле Ван Кхоя в декабре 1835 г. был издан указ, запрещающий проповедь христианства во Вьетнаме. В нём напрямую увязывалось прибытие и пребывание европейцев во Вьетнаме с информацией о торговых кораблях европейцев, имевших отныне право останавливаться лишь в Дананге. Ужесточались и правила регистрации. Не вернувшимся на корабль и оставшимся в стране европейцам грозила смертная казнь за «разведывательную деятельность в пользу иностранного государства», при этом не вызывает сомнения, что указ был направлен в первую очередь против западных миссионеров [164, т.17, с.244]²¹. Однако к тому времени миссионеры уже могли опираться в качестве социальной базы на сельскую верхушку, особенно – в христианских общинах, и на часть военных, которые, как было показано ранее, находились в своём большинстве в оппозиции политике Нгуен Зама.

Император располагал информацией как об экспансии христианства и масштабе деятельности католических миссионеров во вьетнамском обществе, так и об их передвижениях по стране и способах коммуникации путём передачи писем через посредников. Поэтому, оценив опасность положения, он высказался в том духе, что «сразу и без опоры на деревенских должностных лиц в корне решить это дело – невозможно» [164, т.20, с.120]. Не случайно, последний указ против христианства эры правления под девизом «Светлая судьба» (1838 г.), как и предыдущие указы, имеет обвинительный и репрессивный характер. Так, высокопоставленный чиновник Чинь Куанг Кхань за религиозные убеждения был понижен этим указом в должности до третьего класса и назначен губернатором провинции Намдинь, а другой чиновник по имени Ха Тхык

Льонга — понижен до четвёртого класса и назначен начальником военного округа на один месяц. В указе также повелевалось наказывать христиан в случае их поимки [164, т.20, с.120]. Однако среди методов борьбы Нгуен Зама с христианством было не только физическое истребление вьетнамских католиков. Он также решил противопоставить христианские ценности традиционным, создав в противовес христианским «Десяти заповедям» свои «Десять правил», в рамках которых император попытался с идейно-теоретических позиций своего времени объединить моральные постулаты Конфуция с рядом норм христианской морали [1017, с.266]. Соответственно каждое из его «Десяти правил» начинается с лапидарного, как у Конфуция, указания добродетели «совершенного человека», за которой следует пространный комментарий, объясняющий связанные с ней следующие нормы поведения²². В целом эти «Десять правил» сводятся к следующим сентенциям общего характера:

1. Строго соблюдать общественное согласие.
2. Нести во всех отношениях великую чистоту желаний.
3. Старательно выполнять обязанности, соответствующие положению и званию.
4. Воздержанность в питье и еде.
5. Хранить обычаи и обряды.
6. Отцы и матери должны растить с заботой своих сыновей, а старшие сыновья должны возвращать эту заботу младшим.
7. Уклоняться от плохих учений, изучать только хорошие.
8. Хранить чистоту и стыдливость.
9. Строго соблюдать законы империи.
10. Изучать превосходные творения¹.

Весной этого же 1838 г. император повелел объявить свои «Десять правил» по всей стране.

Таким образом, в эру правления под девизом «Светлая судьба» принимались самые различные меры, для того чтобы не допустить усиления позиций христианства во Вьетнаме. Их

¹ Имеются в виду конфуцианские классические и канонические книги вместе с комментариями к ним.

диапазон был очень широким: от убеждений и воспитания до снятия с должностей, ссылок, арестов и иных наказаний вплоть до физического уничтожения и публичных казней. Однако следует признать, что значительного успеха все эти мероприятия не имели.

3.3. *Внешняя политика империи Дайнам в 1830 – 1840 гг. Отношения с Китаем*

Во внешней политике в годы правления под девизом «Светлая судьба» двор Хюе считал важнейшим направлением своей внешней политики укрепление связей и добрососедских отношений с империей Цин, которая согласно включённой в летописный свод династии Нгуен национальной концепции Поднебесной выступала в роли своего рода «старшего брата» вьетнамского государства¹. В XIX в. это вполне отвечало как уровню влияния на него и на его господствующий класс этико-идеологических норм конфуцианского культурного ареала, так и отрицанию идеологического приоритета великого северного соседа [505, с.253]²³. Как уже говорилось, в 1838 г., вероятно, под давлением цинского двора Нгуен Зам был вынужден изменить название страны, однако, судя по всему, это привело к ещё большему идеологическому равенству между севером и югом¹¹. В международной политике монархи династии Нгуен также придерживались конфуцианского принципа «править, не управляя», что на практике связывалось с формальным отказом от прямого управления вассальными странами. Вьетнамские императоры лишь выступали главными арбитрами при принятии основополагающих решений. В этом отношении показателен пример из дипломатической практики Старшего предка. Когда в 1811 г. король Камбоджи обратился к нему с просьбой разрешить дать стране новое название, которое отражало бы его относительную самостоятельность в принятии внутренних решений, то Старший предок отклонил

¹ Смотри «Параграф 3» «Главы I» «Части IV» «Томе I» и «Таблицу №1» в «Томе VI».

¹¹ Смотри «Примечание 8» в «Комментарии» к настоящей главе.

его просьбу как безосновательную, но самостоятельность Камбоджи от этого не уменьшилась.

Рукоять меча. Золото и яшма. XIX в.
Музей Истории. Ханой, 18.04.2011 г.

В отношении соседних малых стран и народов, проживавших во Вьетнаме, Совершенный предок следовал концепции, согласно которой они являлись «буфером», принимавшим на себя первый удар извне. Поэтому главной задачей такой политики было возможно более глубокое проникновение и распространение в окружающих странах и обществах вьетнамской культуры. Ничего нового в этой политике не было, так как её «изобретение» принадлежит ещё ханьской империи II в. до н.э. – II в. н.э. Поэтому для всех вьетнамских династий после восстановления государственной независимости страны в X в., в том числе и для императоров династии Нгуен, она не воспринималась как «китайская».

Более того, вьетнамские монархи нередко стремились отмежеваться от всего «китайского». Так, в указах и речах второго императора династии Нгуен часто встречается фраза: «Не следует подражать Срединному государству», при этом в

них нередко критика и самой политики династии Цин. К примеру, [Нгуен-]фук Зам осуждал её за то, что она сначала допустила в страну английских торговцев опиумом, а после этого заняла пассивную позицию в «опиумной войне». Он даже позволил себе пренебрежительно отзываться о северном соседе, говоря: «Мобилизовали войска всех [своих] провинций, [а] не могут справиться с несколькими кораблями красноголовых»¹ [480, с.124].

В эру «Светлой судьбы» получила дальнейшее развитие политика всех вьетнамских императоров, направленная на достижение максимально возможного равенства со Срединным государством, что в значительной степени облегчалось геополитической ситуацией в регионе. Например, в 1833 г. вьетнамский император отказался принять цинский календарь на текущий год, мотивируя свой отказ тем, что он был составлен не по указу самого императора в Пекине, а местными властями Гуанси [480, с.25]²⁴. Точно также в 1840 г. Нгуен Зам выразил свое неудовольствие нарушением этикета, допущенного китайской стороной при большом приёме послов в Пекине, когда вьетнамским послам отвели место после послов стран – данников Вьетнама. Император счёл, что лучше совсем отказаться от аудиенции и быть за это «наказанным», чем оказаться в столь оскорбительном положении [480, с.25].

Наконец, с первых дней пребывания у власти династия Нгуен вела упорную борьбу с китайскими властями по поводу пограничных вопросов.

Инциденты на вьетнамо-китайской границе продолжались всю первую половину XIX в., и только колониальное завоевание положило конец притязаниям китайских властей. Так, ещё при Старшем предке возникли осложнения в провинции Хынгхоа, где в результате многократного перехода отдельных участков границы с одной стороны на другую пограничный вопрос оказался сильно запутанным. Но Старший предок, не желая, с одной стороны, обострять отношения с Китаем, а с другой – идти на явные

¹ Красноголовые, то есть европейцы.

уступки, предпочёл уклониться от решения этого вопроса. Конфликт возник вновь в 1831 г., когда вооружённый отряд в шестьсот человек перешёл вьетнамо-китайскую границу, после чего власти провинции Юньнань потребовали уступить империи Цин горный уезд²⁵ Фаунгтху, утверждая, что это китайская земля под названием Мэнчай [480, с.126]. Однако Нгуен-фук Зам занял твёрдую позицию по защите территории провинции Хынгхоа, приказав передвинуть туда столичные войска численностью в тысячу человек и десять боевых слонов. Одновременно цинским властям было послано письмо, в котором отвергались китайские притязания. Это письмо не остановило китайцев, и они силой заняли Фаунгтху. Тогда вьетнамские войска были усилены подкреплением из двухсот бойцов и двух боевых слонов. К этому времени среди китайских солдат начались болезни и смерти из-за непривычного и тяжело переносимого климата, что вынудило оставшихся в живых отступить.

Только после этого цинские власти прислали гонца с предложением о перемирии на десять дней. Вьетнамский император принял это предложение и повелел вернуть китайцам оружие и отвести вьетнамские войска от границы [480, с.126]. Нгуен Зам придавал большое значение исходу этого конфликта, считая, что престиж страны во многом зависит от её способности оборонять свои границы, которые усиленно охранялись с того времени. Пограничные споры велись и по разграничению морских вод Вьетнама и Китая, которые осложнялись проблемой совместной борьбы с морскими пиратами, грабившими не только суда в открытом море, но и опустошавшими прибрежные районы. Преследуя пиратов, китайские пограничники нередко нарушали границы, что вызывало недовольство вьетнамской стороны. Ещё большее её раздражение вызвало предложение китайских властей о несанкционированном пересечении вьетнамо-китайской границы при преследовании пиратов, которое, естественно, было отклонено. Надо полагать, что Нгуен Зам опасался, что такие «пересечения» могут привести к попытке отторжения вьетнамской территории. Поэтому он ответил, что

если каждая сторона пошлёт военные суда в свои территориальные воды для поимки пиратов, то незачем будет нарушать границы при их преследовании [521, с.347].

В то же время императоры династии Нгуен соблюдали, установившиеся с XI – XII вв. отношения формального вассалитета между Вьетнамом и Китаем. На протяжении восьми с небольшим веков «вассалитет» Вьетнама сводился к тому, что при восшествии на престол его императоры получали инвеституру от императора той или иной китайской династии. В ответ на это в Срединное государство посылалась не менее формальная дань с максимальной регулярностью один раз в год. Естественно, что при этом возникало много проблем протокольного характера. Так, вьетнамский двор был обязан отправить посольство ко двору китайского императора с сообщением о кончине монарха. В ответ из Пекина прибывали китайские послы, которые в обязательном порядке должны были участвовать в траурной церемонии. Хотя с политической точки зрения инвеститура имела формальный характер, проходившим при её вручении церемониям придавалось большое значение. Поэтому нарушение связанных с ними обрядов могло привести к серьёзным дипломатическим конфликтам и даже к войне. Это подтверждается следующим эпизодом.

В 1820 г. наступил срок обряда освобождения от траура по умершему императору Нгуен-фук Аню, который его сын и наследник Нгуен-фук Зам должен был совершить в столице Хюе. Одновременно с этим ожидалось прибытие в древнюю столицу Тханлаунг цинских послов с инвеститурой для нового императора, но они задерживались. Нгуен Зам решил их не дожидаться, однако приближённые убедили его задержаться в Тханглаунге, приводя доводы о важности сохранения добрососедских отношений со Срединным государством. В итоге наследник престола остался встречать имперское посольство, поручив выполнение обряда освобождения от траура своему сыну [480, с.142].

1. Вход на территорию дворцового комплекса.

2. Первый дворец комплекса.

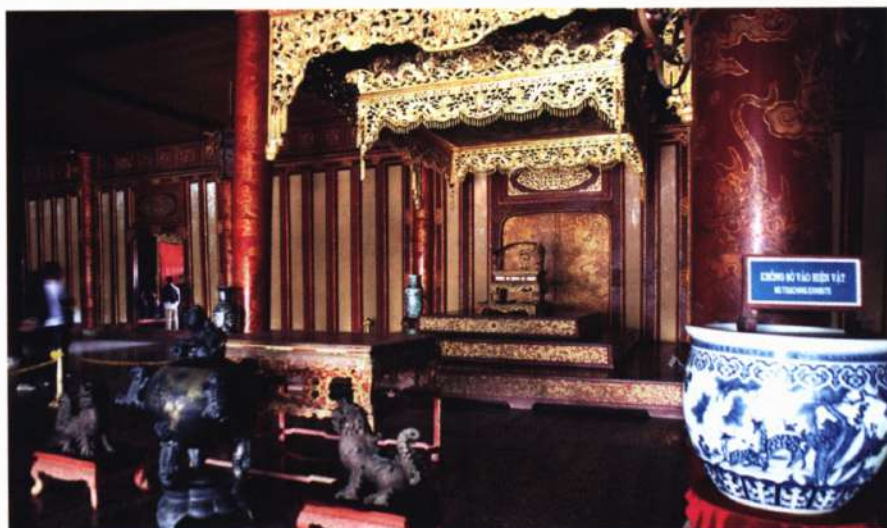
Хюе. 02.04.2011 г.

Приём китайских послов, вёзших инвестиру новому императору, обходился очень дорого вьетнамской стороне. Так, для их встречи наследник престола должен был прибыть в

Тханглаунг в сопровождении 1780 гражданских и военных чиновников и 5150 солдат [164, т.4, с.129]. Но ещё до этого посольство встречал на границе вьетнамский эскорт из нескольких тысяч солдат и множества слонов и лошадей, сопровождавший его до Тханлаунга, где совершалась церемония вручения инвеституры. Лишь в 1848 г. по просьбе вьетнамской стороны церемония вручения инвеституры была официально перенесена в столицу империи Дайнам город Хюе.

Церемония вручения символов инвеституры, которая обставлялась очень торжественно и пышно, использовалась вьетнамскими властями не только чтобы продемонстрировать уважение к империи Цин, но и для демонстрации силы и статуса династии Нгуен и вьетнамского государства в глазах собственного народа и соседних стран. Тем не менее во время чтения указа китайского императора вьетнамский «король»²⁶ должен был стоять на коленях, а при получении инвеституры простираться ниц и, повернувшись лицом на север, совершать три общих и девять земных поклонов. В заключение этой проходившей под руководством цинских глашатаев церемонии новый вьетнамский государь принимал императорский указ вместе с позолоченной серебряной печатью, имевшей каменную ручку в форме верблюда со склонённой головой [480, с.119; 164, т.3, с.347]²⁷.

Известно, что Нгуен-фук Зам настаивал на отказе от обычая простирания ниц и совершения земных поклонов, считая его унижительным для вьетнамских государей Дайнама, но они были отменены лишь значительно позже – во 2-ой половине XIX в. Правда, в 1839 г. были изменены состав дани и сроки её представления. Вместо одного раза в два года или двойной дани один раз в четыре года ко двору династии Цин стали посылать один раз в четыре года обычную дань из двух слоновьих бивней, двух рогов носорога, различных видов шёлка, ароматических растений, кардамона и плодов арековой пальмы [38, с.114].

Дворец приёмов дворцового комплекса и тронный зал.
Хюе. 02.04.2011 г.

Таким образом, на протяжении XIX в. шло постепенное разрушение даже чисто формальных вассально-сюзеренных отношений между Дайнамом и империей Цин, которая в этот

период даже не пыталась вмешаться во внешние и тем более во внутренние дела Вьетнама.

Со своей стороны императоры династии Нгуен очень внимательно относились к формированию посольств, направлявшихся в Китай, так как помимо выполнения дипломатических поручений они должны были добывать достоверные сведения о ситуации в Пекине. В свете этого весьма любопытен указ, изданный Нгуен Замом в самом начале его правления, в 1821 г., согласно которому посольские миссии должны были состоять только из просвещённых и образованных людей. Так, например, в состав отправленного в 1824 г. в империю Цин посольства был включён уже упоминавшийся известный вьетнамский ученый Фан Хюи Тю, в состав посольства 1840 г. – учёные Данг Куок Ланг и Ву Ван Кхай, а в 1841 г. миссию в Китай возглавил ученый Ли Фан Вык [480, с.117, 126; 521, с.342]²⁸.

Продолжая укреплять центральную власть, Нгуен Зам создал в 1834 г. Тайный правительственный совет²⁹, который хоть и являлся совещательным органом, но играл важную роль в совещаниях императора с «лучшими умами» страны при решении всё усложнявшихся проблем внутренней и внешней политики. Совет состоял из двух Бюро. Одно из них, северное, занималось внешними связями с Китаем, другое, южное – внешними связями с Сиамом, Камбоджей и княжествами Луангпрабанг, Вьентьян и Чампасак. Из этой структуры следует, что главное внимание в региональных связях уделялось отношениям с Китаем. Однако, если судить по датам восстания Ле Ван Кхоя в Зядини и его подавлением в 1835 г., то в задачи Тайного правительственного совета должен был входить, как сказали бы сегодня, и мониторинг внутривластной ситуации в стране.

Немаловажное место во внешней политике империи Дайнам занимали и отношения с Сиамским королевством. Как и в начале XIX в., они в основном сводились к соперничеству за влияние на соседние страны Индокитайского полуострова, которое особенно явно проявилось в отношении Камбоджи, где Вьетнам добивался для себя доминирующего

положения. Характер вьетнамо-сиамских отношений менялся в зависимости от степени влияния двух соперников в соседних странах. Будучи добрососедскими в самом начале XIX в., по мере укрепления империи Нгуен они постепенно становились враждебными и в конце концов переросли в войны из-за влияния в Лаосе и Камбодже. Очередное обострение вьетнамо-сиамских отношений произошло из-за восстания Ле Ван Кхоя на юге против консервативной политики нового императора династии Нгуен. Как известно, после обращения мятежника к королю Сиам за военной помощью, четыре сиамские армии вместе со ста боевыми судами вторглись в декабре 1833 г. на территорию провинции Хатиен. Так началась одна из вьетнамо-сиамских войн, завершившаяся победой Вьетнама в 1834 г. [520, с.32].

В то же время буферное положение между Вьетнамом и Сиамом, которое занимала Камбоджа, во многом определяло политику этого государства. Её правящий класс был вынужден в разное время ориентироваться то на Сиам, то на Вьетнам. В начале XIX в. Камбоджа и Вьетнам были заинтересованы в укреплении отношений. В частности, пришедшая к власти новая династия Нгуен, нуждавшаяся в союзниках, видела в Камбодже «буферную» зону между своей территорией и Сиамом, тогда как правивший в Камбодже король Анг Чан стремился опереться на поддержку Вьетнама против Сиам, с тем чтобы избавиться от перманентной угрозы полной или частичной аннексии территории своего королевства. Поэтому Анг Чан согласился на предложенный Старшим предком двойной сюзеренитет Сиам и Вьетнама, «уравновешивавший» позиции обоих государств в Камбодже. Первые даннические миссии из Камбоджи датируются вьетнамскими хрониками 1803 и 1806 г. В 1806 г. первое кхмерское посольство поднесло вьетнамскому императору в Хюе белых слонов, слоновую кость, кардамон и другие ценные дары [164, т.4, с.258]. В том же году ответное посольство Старшего предка вручила королю Анг Чану первую вьетнамскую инвестицию на правление вместе с печатью, которая представляла собой копию вышеописанной китайской печати. Вьетнамских войск на

территории Камбоджи в то время не было, и положение можно было считать стабилизировавшимся.

После прихода к власти нового энергичного короля Сиам в 1806 г. сиамское давление на Камбоджу стало непрерывно нарастать, что было связано со стремлением наибольшего включения этой страны в сферу влияния Сиам. Последовавшие многочисленные военные и политические конфликты 1801 – 1813 гг. между Вьетнамом, Сиамом и Камбоджей привели к тому, что вьетнамо-сиамское соперничество за влияние в Камбодже завершилось несомненным политическим успехом Вьетнама. Таким образом, при Старшем предке политика династии Нгуен была направлена на сохранение камбоджийской государственности, правда, под вьетнамским контролем. Надо полагать, что отчасти это мотивировалось желанием не провоцировать Сиам, который не смирился бы с полной потерей своего влияния в Камбодже и ждал бы удобного случая восстановить там свои утраченные позиции.

Придя к власти, наследник Старшего предка стал проводить в отношении Камбоджи иную политику. После восстания Ле Ван Кхоя и вторжения сиамских войск в его поддержку возникла прямая угроза присоединения Камбоджи к Сиаму. Соответственно Нгуен-фук Зам стремился помешать этому. Он ввёл в Камбоджу вьетнамские войска, установив там вьетнамскую администрацию и управление. Началась политика ассимиляции. Камбоджа была разделена на тридцать две малые провинции и два уезда с вьетнамскими названиями, а во главе страны были поставлены три высокопоставленных чиновника, которых назначил лично император.

Также началась замена формы одежды кхмерских чиновников на форму вьетнамского образца. Вьетнамские войска были расквартированы на территории всей центральной и восточной Камбоджи, при этом была построена стратегическая дорога к Сайгону. Наконец, кхмерская армия была превращена в милицию и подчинена вьетнамским офицерам [164, т.16, с.67, 68, 74; 868, с. 335]. Вьетнамское давление коснулось и таких сфер, как религия и образование.

Известно, что в Камбодже ведущую роль играет наиболее консервативная форма буддизма *хинаяны*¹, или *тхеравада*, в отличие от Вьетнама, где основной религией является наиболее открытая форма буддизма *махаяны*², или буддизм школы Созерцания.

Соответственно по всей стране начались гонения на кхмерских монахов [478, с. 112] и повсеместно стал вводиться вьетнамский язык. В результате, Камбоджа утратила не только государственную самостоятельность, но даже и своё прежнее название, официально став частью вьетнамского государства под названием «округ Чантэй» [868, с.335]. Этому также способствовала смерть короля Камбоджи Анг Чана в 1834 г. и избрание, по настоянию представителя династии Нгуен, на королевский трон Камбоджи юной Анг Мей [164, т.4, с.285], что само по себе по вьетнамским традициям должно было рассматриваться как прелюдия к исчезновению кхмерской династии. Период номинального правления королевы Анг Мей³ был временем продолжавшегося усиления вьетнамского влияния и правления вьетнамской администрации в Камбодже.

В 1841 г. королева Анг Мей и её сестра были вывезены из страны. В Камбодже на четыре года было введено прямое вьетнамское управление, возглавляемое генералом Чыонг Минь Зянгом. Но долго такое положение вещей сохраняться не могло. В условиях стремления кхмерского народа к независимости и при относительном равенстве сил между Сиамом и Вьетнамом положение вьетнамской администрации в Камбодже не могло быть устойчивым. В местах расположения вьетнамских войск началось восстание. Более пятидесяти крепостей были захвачены восставшими крестьянами [164, т.16, с.190]. Во главе восстания стоял брат бывшего короля Камбоджи Анг Дуонг. Попытка только что взошедшего на престол наследника Нгуен-фук Зама добиться военного преимущества и вновь взять под контроль

¹ Малая колесница.

² Большая колесница.

³ 1834 – 1841 гг.

территорию Камбоджи не дала результата. Война закончилась вьетнамо-сиамским договором о выводе вьетнамских войск с кхмерской территории [868, с.335]. Не удалось укрепить свои позиции в Камбодже и Сиаму благодаря твердой позиции короля Анг Дуонга, так как принятый им в самом начале правления двойной сюзеренитет стал основой для борьбы с претензиями обоих государств. Поэтому в 1847 г. король Камбоджи принял инвеституру вместе с печатью из Хюе, а в 1848 г. — от тайского двора [164, т.26, с.201]. Одновременно был восстановлен институт даннических миссий в оба государства-сюзерена.

В заключение следует особо остановиться на отношениях Дайнама с европейскими странами. Вьетнамские императоры, для которых вьетнамское государство было составной частью центра классической, или конфуцианской, культуры и цивилизации Поднебесной, считали европейцев «красноголовыми варварами» и не видели необходимости в широких и стабильных контактах с ними, тем более — по нормам малоприемлемого для них европейского международного права. Последнее объясняется тем, что, как известно, в империи Дайнам не существовало ни специального ведомства внешних связей, ни даже традиции подписания различного рода договоров. Поэтому главной задачей в отношениях с европейцами вьетнамские императоры считали предотвращение возможной агрессии западных держав, об экспансии которых в азиатские страны они знали не понаслышке. Опасаясь обострения отношений с ними, Нгуен-фук Зам придерживался по примеру отца в начале своего правления принципа предоставления всем западным странам равных возможностей относительно торговли на бездоговорной основе в специально отведённых для этого портах Вьетнама. Но затем первая «опиумная война» Франции и Англии против Китая и первая англо-бирманская война¹, вместе с возрастающим давлением Англии на Сиам усилили опасения двора Хюе относительно агрессивных намерений

¹ 1839 — 1842 гг. и 1824 — 1826 гг. соответственно.

европейских стран. Имея перед глазами пример цинского Китая, следовавшего политике «закрытых» дверей как наиболее верного средства отгородиться от западной военной угрозы, Нгуен Зам постепенно усиливал изоляционистскую политику, уступая давлению «сановников-консерваторов» из своего окружения. Последние же выступали за полную изоляцию Вьетнама от внешнего мира и не осознавали социально-экономической отсталости страны вместе с давно назревшей потребностью её всесторонней модернизации [521, с.339]. Это видно из следующего высказывания императора: «Наша страна следует учению Мэн-цзы [и] Конфуция, [поэтому] необходимо всемерно оберегать юношей от тлетворного влияния заморских учений, под которое [они], зная язык¹, [так легко] могут [теперь] попасть» [164, т.17, с.65,126,]. Об этой же тенденции свидетельствует образовательная политика Нгуен Замы на юге после подавления восстания Ле Ван Кхоя. Там в срочном порядке стали насаждаться конфуцианские школы, в которые были назначены специальные инспекторы для контроля за их деятельностью.

Различные французские и английские миссии, прибывавшие во Вьетнам на торговых и военных судах, терпели неудачу при дворе Хюе. Например, император постоянно отказывал им в разрешении основывать во Вьетнаме торговые и дипломатические представительства, а также уклонялся от заключения торговых и политических договоров. Отношения с Францией в период правления под девизом «Светлая судьба» дополнительно обострялись из-за гонений на французских и испанских миссионеров и особенно вьетнамских католиков. Как отмечалось ранее, эти гонения, усиливавшие политику изоляции Вьетнама, были напрямую связаны с запретом французским кораблям заходить во вьетнамские порты. Поражение Китая в «опиумной войне» отозвалось неприятным эхом во всем регионе Восточной Азии.

¹ Имеется в виду упоминавшаяся выше «Школа переводчиков», основанная в 1836 г.

Императорский трон

Зал приёмов дворцового комплекса. Хюе. 02.04.2011 г.

Пытаясь выяснить намерения Франции, Нгуен-фук Зам направил в Лондон и Париж посольские миссии. Однако из-за того, что репрессивная политика по отношению к христианству и христианам во Вьетнаме крайне негативно воспринимались в странах католической Западной Европы, французский король не принял вьетнамское посольство, а военно-морские силы Франции в Восточной Азии получили распоряжение оказывать всемерную поддержку миссионерам. Приведённая ниже таблица показывает, как постепенно

«закрывалась» империя Дайнам, вследствие чего permanently уменьшалось и количество европейских кораблей, прибывавших в единственный ещё открытый для них вьетнамский порт Дананг.

Экспедиции французских кораблей во Вьетнам

Таблица №4 [1017; 718, с.19].

1822 г.	Экспедиция Кроуфорда.
1822 г.	Фрегат «Клеопатра», капитан Вилль Хельмо.
Сентябрь 1822 г.	Прибытие в Дананг корабля «Нептун». капитан Корньо.
1822–1824 гг.	Корабль «Лароз» прибывает в Дананг с остановкой по пути в Маниле.
Май 1824 г.	Отплывший из Бордо корабль «Курьер Мира» в мае 1825 г. взял в Сайгоне на борт Шеньо. Капитан Корньо.
1824 г.	Встреча в Маниле кораблей «Ле Тетис» и «Л'Эсперанс». Прибытие кораблей в Дананг.
Лето 1825 г.	Корабль «Лароз» в четвертый раз взял курс на Индокитай.
Начало 1826 г.	Корабль «Жак Балжери» с Шеньо на борту направился к берегам Вьетнама. Прибыл в Дананг весной 1827 г.
1829 г.	Корабль «Сент Мишель» 9-го августа 1830 г. сел на мель. На борту корабля находился Шеньо.
1831 г.	Корабль «Фаворит» прибыл в Дананг, после чего он пытался подняться в Бактхань.
1832 г.	Закрытие торговой конторы в Дананге.
1832 г.	Прибытие американской миссии. Американский представитель Робертс пытался вести переговоры по заключению торгового договора, но неудачно.
1833 г.	Эдуард Борель прибыл в Дананг.
1835 г.	Корабль «Ле Тавак» прибыл в Дананг. Вместе с ним тайно прибыли миссионеры. Капитан Тюэ.

Начало 1837 г.	Корабль «Ле Боните» прибыл в Дананг, имея задачу собрать необходимые сведения для французской торговли. Во время пребывания в Дананге ему мало что удалось сделать. Капитан Вайан.
1837 г.	Эдуард Борель прибыл в Дананг на корабле «Александр».
1-го августа 1838 г.	Прибытие в Дананг корабля «Артемида».
Ноябрь 1840 г.	Посольство от императора Нгуен-фук Зама прибывает во Францию, а затем в Англию.

4. Империя Дайнам в сороковые и пятидесятые годы XIX в.

В 1840 г. скончался Совершенный предок император Гуманный¹, которому наследовал Нгуен-фук Туен³⁰. Его короткое правление связано с экономической нестабильностью в стране, с продолжавшейся политической борьбой при дворе партий «новаторов» и «консерваторов», а также с таким ослаблением центральной власти, что губернаторы провинций осмеливались не посылать в столицу требуемую информацию о реальном положении дел на местах. Негативные последствия крайне консервативной политики Совершенного предка всё больше влияли на военную, административную, социально-экономическую и иные сферы жизни вьетнамского общества. Кроме того, на севере страны непрерывно вспыхивали крестьянские восстания. Во внешней политике сохранялся курс на «закрытие» и изоляцию страны. Однако реальная угроза французского военного вторжения вынуждала Нгуен Туена идти на компромиссы и смягчение гонений на миссионеров и вьетнамских христиан.

В начале своего правления^{II} император отменил смертные приговоры нескольким группам французских и

¹ В данном случае, как и в случае с Нгуен Анем, покойного императора правильнее называть его посмертным именем. См. «Примечание 12» в «Комментарии» к настоящей главе.

^{II} 1842, 1843 и 1844 гг.

испанских миссионеров, отправив их на родину на французских же кораблях [578, с.365]. Но весной 1847 г., когда два французских корабля с несколькими миссионерами прибыли в Дананг, произошёл эпизод, который изменил ситуацию.

Бомбардировка Дананга в 1847 г.

Рисунок очевидца

Повторилась уже неоднократно случавшаяся в предыдущие годы история с письмом от французской стороны. Эти письма французов вьетнамская сторона всегда расценивала как невежливые и не соответствующие ритуалу и этикету. Последнее письмо, как обычно, также не было принято вьетнамским сановником Ли Ван Фуком. Характерно, какую позицию занимали по этому поводу сановники Тайного правительственного совета, считавшие, что французы пришли только затем, чтобы наладить торговые отношения и добиться отмены запрета христианства.

«Нет резона приходить издалека с двумя кораблями, [чтобы] попытаться развязать войну», – говорил Чыонг Данг Куге, лидер партии «консерваторов» при дворе. Однако он

жестоко ошибся. Французы открыли огонь по вьетнамской флотилии и потопили пять её кораблей.

Император пришёл в ярость и высказался по этому поводу членам Тайного правительственного совета: «Наши враги похожи на волков, [которые никогда] не бывают сыты. [А что] касается христианства, то это вредная ересь, которая уже привела к конфликту [и] открывает путь к войне». В результате в начале того же 1847 г. был издан императорский указ, в котором христианство объявлялось еретическим учением, «не уважающем родителей, не чтящем предков и наносящем вред нашей культуре». После чего в апреле того же года был издан ещё один указ, запрещавший французским судам заплывать во вьетнамские воды [13, т.26, с.245, 256 – 258, 284].

Вскоре после этого инцидента Нгуен Туен скончался¹. Ему наследовал его сын Нгуен-фук Тхи³¹, при котором прошло всё французское колониальное завоевание Вьетнама. В его правление партия «консерваторов» по-прежнему сохраняла при дворе господствующее положение. Среди её лидеров, бывших у власти в течение целого десятилетия¹¹, следует выделить регента Чыонг Данг Куе, Ву Суан Кана и Лам Зюи Хиэпа, которые практически осуществляли общий контроль ситуации в стране, но были слабо связаны с провинциальной администрацией. Им противостояла группа провинциальных лидеров, выступавших за проведение более гибкой социальной и экономической политики. В столице они были представлены Нгуен Данг Зяем и Нгуен Кхак Туаном, которых поддерживал один из самых крупных сановников вьетнамского двора Фан Тхань Зян.

Существовала также группа военно-гражданских лидеров во главе с Нгуен Чи Фыонгом и Чыонг Минь Зянгом, выдвигавших на передний план военно-политические интересы страны. На протяжении десяти лет соотношение сил

¹ Сохранилось подробное описание похорон Нгуен-фук Туена, о которых смотри в «Главе 2» «Части III» настоящего тома.

¹¹ 1848 – 1858 гг.

этих группировок не менялось, на фоне чего происходило не только падение уровня влияния столичной администрации на провинциальные дела, но и ослабление самой императорской власти в столице [521, с.224].

В своей политической и государственной деятельности император Нгуен Тхи значительно отличался от Совершенного предка. Он был более терпим и склонен к гибкой политике и лояльности в разных вопросах. Так, например, будучи убеждённым конфуцианцем, он допускал влияние буддизма на государственном уровне. Эти черты характера определяли более либеральное отношение нового императора ко многим государственным вопросам.

Вследствие этих черт характера Нгуен-фук Тхи в 1-ой четверти XIX в. отмечается процесс частичного возвращения к прежней новаторской политике Старшего предка, который, правда, был прерван смертью лидеров «новаторов» Нгуен Данг Зяя и Нгуен Кхак Туана, восстанием на севере Као Ба Куата и начавшимся в 1858 г. французским вторжением.

В результате в 1854 г. на очень важный пост главы ведомства столицы был назначен лидер «консерваторов» Чыонг Данг Куе. А это означало, что в условиях нараставшей угрозы военного французского вторжения консервативная линия в организации вьетнамской армии, в определении её стратегии и тактики, а также в структуре её вооружения вновь возобладала. Неизменной осталась и пагубная для страны политика «закрытых дверей», которая в первую очередь тормозила развитие Вьетнама. Стремление консервативной группировки, позиции которой значительно усилились к середине пятидесятых годов XIX в., отгородиться от внешнего мира с целью сохранения неизменности существующего строя не только усиливало экономическое отставание Вьетнама, но и консервировало отжившие политические институты и формы идеологии.

В этих условиях архаичная вьетнамская монархия ничего не могла противопоставить тенденции захвата мировых торгово-экономических рынков динамично развивавшегося в Западной Европе капитализма.

Предок наставник император Ясный Нгуен-фук Туен.
Девиз правления «Преемствование правления» (1841 – 1847 гг.)

Таким образом, в Дайнаме при дворе династии Нгуен во 2-ой половине XIX в. сложилась специфическая ситуация, которая во многом облегчила французское колониальное завоевание этой страны. С этого завоевания, основные этапы и особенности которого рассматриваются в следующей главе, и началось настоящее вовлечение Вьетнама в орбиту мировых взаимосвязей.

Глава 4

Колониальная экспансия европейских держав в Южной и Юго-Восточной Азии

1. Англо-французское соперничество за влияние в Индии и на Индокитайском полуострове

В середине XVIII в. французская Ост-Индская компания предприняла первую попытку создать в противовес Великобритании свою колониальную империю в Индии. Особую роль во французской колониальной политике сыграл губернатор французских владений в Индии с центром в Пондишери Ж.-Ф.Дюплекс. Однако в 1754 г. недостаток средств и поддержки французского правительства помешали осуществлению его планов, а потеря Пондишери в ходе Семилетней войны¹ вынудила Францию вообще отказаться от борьбы за преобладание в Индии. Когда же после восстания сипаев^{II} империя Моголов была упразднена и её территория, получив название Индийская империя, перешла во владение королевы Виктории, Франция стала искать новые территории для экспансии. Ж.-Ф.Дюплекс считал, что для укрепления французских позиций в государствах к востоку от Индии необходимо создание «Французской Бирмы» как зоны её влияния на берегах реки Иравади [1145, с.93]. Поэтому Франция вмешалась в начавшуюся в Бирме с 1740 г. борьбу за власть, но ставка на двор Пегу, проигравший в этом противостоянии, не принесла успеха [1145, с.93]. Исход англо-французского соперничества в Бирме в пользу Великобритании вынудил Францию обратить внимание на восток Индокитая^{III}. Последнее также было связано с интересом Великобритании и Франции к природным ресурсам Южного Китая, путь к которым из Индокитая шёл через Бирму и Вьетнам, что подтверждалось английскими и французскими разведывательными экспедициями по основным водным

¹ 1761 г.

^{II} Сипайское восстание 1857 – 1858 гг.

^{III} О проникновении французов во Вьетнам смотри предыдущую главу.

артериям региона¹. Ситуация также осложнялась и фактором соперничества между этими двумя европейскими державами. Великобритания была обеспокоена агрессивными действиями Франции, которая стремилась расширить зону своего влияния до границ британской Индии [1112, с.1, 2.]. По заявлению английской дипломатии, именно секретные отношения бирманского двора с французами вынудили Великобританию аннексировать территорию Бирмы. Но даже её присоединение к британской Индии не обезопасило Англию от попыток Франции установить свое влияние в этой стране [1103, с.69.]. Согласно отчёту вице-короля Индии лорда Лэндсдауна¹¹, главной целью английской дипломатии начала девяностых было ограничение французского продвижения по восточному берегу Меконга [1103.1, с.78,79.]. При этом, выстраивая экспансионистские планы, Великобритания и Франция были вынуждены считаться с позицией империи Цин, которая, как и предшествовавшие ей китайские династии, имела особые отношения со странами Индокитайского полуострова.

Следует отметить, что Великобритания, и так уже потратившая огромные средства для укрепления своих позиций в Южной Азии, стремилась избежать вооружённого конфликта с Китаем, война с которым могла бы нанести ущерб её интересам в Южной Азии [52.1, с.35,36.]. Иное дело Франция, которой, для того чтобы окончательно утвердиться во Вьетнаме, было необходимо заставить империю Цин отказаться от своего сюзеренитета над ним, что в итоге привело к двум франко-китайским войнам с большими материальными и финансовыми потерями.

2. *Французское колониальное завоевание Дайнама*

2.1. *Захват Южного Вьетнама*

Период Второй империи¹¹¹ в истории Франции связан с резкой активизацией её колониальной политики. Так, в 1857 г.

¹ Меконг, Красная река и Иравади.

¹¹ 1888 – 1894 гг.

¹¹¹ 1852 – 1870 гг.

Франция, направив во Вьетнам своего эмиссара Монтиньи¹, в последний раз попыталась мирным путём установить с ним торговые и дипломатические отношения. Однако двор Хюе, верный своей политике «закрытых дверей», отказался вести с ним какие-либо переговоры.

Поддерживающий род император Выдающийся Нгуен-фук Тхи.
Девиз правления «Наследованная добродетель» (1848 – 1883 гг.)

Взошедший на престол в 1847 г. император Нгуен Тхи¹ занимал колеблющуюся и нерешительную позицию пассивного сопротивления, тогда как его окружение полагало, что «европейцы скоро уйдут, так как их страны не соседствуют с нами, [и они] не смогут нас присоединить [к

¹ Об этом императоре смотри «Примечание 24» в «Комментарии» к предыдущей главе.

себе]» [164, т.29, с.38.]. После неудачи миссии Монтиньи, конфликт Франции с Вьетнамом неизбежно должен был перерасти в полномасштабную войну. Она началась 1-го сентября 1858 г. атакой порта Дананг эскадрой адмирала Риго де Женуйи и высадкой десанта. Французы рассчитывали захватить столицу г.Хюе. Однако продвинуться вглубь страны им не удалось из-за незнания топографии, тяжёлого, непривычного для европейцев климата, начавшейся тропической лихорадки и эпидемии холеры. Поэтому, оставив десант численностью в 600 человек, французская эскадра ушла из Дананга.

В ответ на это нападение и разрушение береговых фортов Дананга² император повелел мобилизовать в армию все «очереди» войск провинций Куангнгай и Куангнам, в которых разворачивались военные действия. Всего из этих провинций было призвано в армию 2070 человек. Кроме того, для поднятия боевого духа и укрепления воинской дисциплины император издал специальное обращение к армии, в котором среди прочего говорилось о том, что *во вьетнамской армии разведка, хотя она и является на войне очень важным делом, очень плохо организована*³. Но, несмотря на личное участие, грозный приказ императора и посланное им подкрепление, наступление французских войск продолжалось. Строго говоря, это были не чисто французские войска, так как они были усилены испанскими частями и тагальскими отрядами из испанской колонии Филиппин. Вскоре эти объединённые силы захватили и разрушили форты Анхай и Диенхай, после чего двор Хюе послал на защиту Дананга ещё 2000 отборных гвардейских войск и соединения из 40 боевых слонов, при этом их напутствовал сам император.

Одним из важнейших последствий начавшегося французского вторжения стало проявление многих социальных и этнических противоречий вьетнамского общества, вызванных его кризисным состоянием, но до этого как бы «загнанных внутрь» и «заслонённых» другими проблемами. Поэтому после высадки французских частей в Центральном Вьетнаме там сразу же активизировались

антивьетнамские выступления, а в различных районах Вьетнама обострились отношения между традиционными и католическими общинами, что нередко приводило к прямым столкновениям между ними. Так, например, известно, что в одном из них были захвачены в плен католики из какой-то общины. Священников обезглавили, а затем их головы продемонстрировали французам в Куангнаме и сожгли, развеяв прах над морем. Враждебное отношение к христианам проявилось и в Намдине, где было схвачено тридцать католиков, правда, священнику удалось бежать. Во всём этом не было ничего удивительного, так как с самого начала распространения христианства во Вьетнаме во всех бедах, связанных с европейским присутствием, традиционно обвинялись миссионеры и вьетнамцы-католики. Поэтому французское вторжение превратило их в глазах императора и всех остальных вьетнамцев в потенциальных шпионов, предателей и союзников завоевателей. При дворе опасались, что католики северной провинции Хайзыонг могут установить связи с провинцией Куангнам, где разворачивались военные действия. Однако представляется, что такое отношение к христианам намеренно подогревалось властями, для того чтобы отвлечь внимание от истинных причин ухудшавшегося экономического положения и военных неудач.

В числе других внутренних конфликтов следует отметить нападение горных племён Центрального Вьетнама на форт в провинции Биньдинь, восстания этнических китайцев в пограничной с Китаем провинции Лангшон и мятежи сторонников «законной» династии Ле¹ на севере Вьетнама. Поэтому и император, которому докладывали обо всех этих событиях, повелел поспешно укрепить стратегически наиболее важные места на вьетнамо-китайской границе и назначил для обороны Дананга главнокомандующим армией в Куангнаме Нгуен Чи Фыонга, которого отозвал с поста губернатора юга. Кроме того, опасаясь крестьянских волнений в соседней с Куангнамом провинции Куангнгай, власти «простили»

¹ Смотри предыдущую главу.

денежные долги по налогам пятидесяти шести её сельским общинам. В самой же провинции Куангнам, где велись боевые действия, были снижены ставки налогов, которые в особенно острые моменты отменялись полностью, и сокращены вызывавшие особое недовольство крестьянства трудовые повинности. Помимо этого в горной провинции Центрального Вьетнама Куангчи 7760 человек из национальных меньшинств были освобождены на пять лет от уплаты налогов, что составило сумму в 70000 куанов деньгами. Наконец, в двух южных провинциях Анзянг и Хатиен, где уже в 1859 г. шли бои, была отменена очередная перепись населения, проводившаяся с целью выявления численности тяглового населения и рекрутов.

Ситуация также усугублялась тем, что французская эскадра, стоявшая у берегов Дананга, практически блокировала поступления риса с юга в Центральный Вьетнам и на север, что нарушило традиционные экономические связи и привело чуть ли не к угрозе голода. И это ещё при относительно хорошем урожае 1858 г. В тех же провинциях, где урожаю был нанесен ущерб стихийными бедствиями, император распорядился «простить» подати. Всё это уменьшало поступление средств в казну, тогда как война требовала их всё больше и больше. Поэтому представляется, что повеление императора ведомству надзора за дамбами Северного Вьетнама подготовить доклад, а по существу – программу мероприятий по улучшению содержания дамб, именно в 1858 г. было далеко не случайным. Начиная с тридцатых годов XIX в. императорский двор в Хюе уделял всё меньше и меньше внимания этой первостепенной задаче, перекладывая все связанные с ней проблемы, включая финансирование, на сельские общины, что было для них непосильным бременем, особенно, когда дело касалось крупных дамб. В данном конкретном случае государство выделило сумму в 700000 куанов, введя дополнительное обложение в 4 тиена с каждых 3600,00 м² полей⁴.

Уход французской эскадры из Дананга стал поводом для обсуждения под председательством императора Нгуен-фук

Тхи высшими сановниками вопроса о том, куда направился французский флот – на север или на юг и куда в этой связи следует посылать армию? Однако из-за отсутствия необходимой информации решение так и не было принято. При этом замечание Фан Тхань Зяна о том, что французы, не имея никаких контактов с католиками севера, вряд ли двинутся в этом направлении, было оставлено без внимания. Поэтому всё свелось к обсуждению вопроса об организации обороны подступов к столице. Император даже выразил намерение отправиться с инспекционной поездкой на строительство фортов Тхуанана в столичной провинции Тхыатхиен, где на господствующих прибрежных высотах были установлены 33 большие пушки, которые обслуживали 320 артиллеристов. Правда, сначала император отложил это мероприятие под тем предлогом что «боится доставить беспокойство народу», но затем всё же посетил эти форты и лично ознакомился с ходом строительства их укреплений. Интересно отметить, что по возвращении императора в столицу не был произведён принятый в таких случаях салют в его честь.

Наступившая в боевых действиях передышка также была использована для ритуальных мероприятий. В то время в столице разразилась эпидемия холеры, которая была истолкована астрологами как негативное предзнаменование. Поэтому чиновникам министерства обрядов было приказано установить алтари по всему городу, чтобы совершая в течение недели жертвоприношения, возносить молитвы духам. В память о погибших в Куангнаме также были совершены жертвоприношения. Кроме того, в связи с траурными мероприятиями и сложившейся ситуацией в том же 1859 г. был отменён очередной столичный экзаменационный конкурс.

В то же время снятие осады с Дананга было воспринято как победа, за которую вьетнамские войска были щедро награждены императором. Вся сумма вознаграждений, включая придворных чиновников, составила 50000 куанов, что в пять раз превышало их обычную сумму. Однако награждения давались в зависимости от социального

положения, а не от вклада в военные успехи. Так, чиновникам дали денежное вознаграждение в соответствии с их рангом, а солдатам и посланным из столицы секретарям – месячное жалованье рисом. Как проявление своего особого внимания и поощрения войск, продолжавших военные действия против французского гарнизона в Дананге, император послал в 1859 г. в действующую армию Куангнама свои стихи из пяти иероглифов в двадцать рифм.

Как было отмечено, императорский совет так и не принял решения о том, какая часть страны нуждается в первоочередной защите, в которой, как выяснилось, нуждался юг. Оказалось, что адмирал Риго де Женуи решил сосредоточить усилия на захвате Сайгона. В феврале 1859 г. в составе военно-морских сил Франции было 40 боевых кораблей и около 4000 солдат. 18-го февраля 1859 г. Сайгон был взят, после чего в городе начались пожары.

Штурм Сайгона. Фотография. 1859 г.

Одновременно с этим двадцать французских кораблей обстреляли и разрушили форты порта Биенхоа, после чего вьетнамские войска отступили в провинцию Зядинь. Но

французы продолжили наступление и вскоре заняли главный город Зядини. Начальник провинции запросил помощи у соседних провинций. Отступление войск в Зядини вызвало возмущение при дворе, при этом император разрешил создавать отряды и готовить «деревенских храбрецов» для самостоятельной защиты деревень. Так впервые был поставлен вопрос о создании народного ополчения в южновьетнамских деревнях и провинциях. Вероятно, это было связано с удаленностью юга от столицы и проистекавшей отсюда неуверенностью центральной власти как в своих силах, так и в силах армии, а главное – с самим фактом довольно быстрого и лёгкого захвата крепости провинциального центра Зядинь, которая была ключевым стратегическим пунктом в дельте Меконга и защищала дорогу вглубь страны. Одновременно с этим была отдана целая серия приказов по организации обороны юга. От каждой из соседних северных провинций туда было направлено по пятьсот человек, а из столицы были назначены военные чиновники, которые должны были повести новобранцев на защиту Биенхоа и собирать средства среди населения южных провинций для борьбы с врагом. Вся организация по снабжению продовольствием, набору солдат и обеспечению армии носильщиками поручалась гражданским столичным чиновникам. Было приказано укреплять оборону всего побережья и тренировать солдат, а чиновникам «ласкать и успокаивать народ». По всей «дороге мандаринов» на юг страны от провинции Кханьхоа и до самых южных районов дельты Меконга было приказано основать цепь постоянных дворов и завезти в них государственный рис для снабжения солдат, шедших на юг сражаться с французами. Рис продавали солдатам по твёрдой государственной цене, то есть намного дешевле, чем на рынке. Владельцам этих постоянных дворов были также даны льготы в виде «подъёмных денег», а главное, им было приказано вырубать деревья, уничтожать растительность, выравнивать высокие и труднодоступные места, то есть вести работы по расчистке джунглей и проложить хотя бы примитивную, но скрытую от врага дорогу на юг для продвижения вьетнамских войск. В таких больших

масштабах подобного рода работы несомненно производились впервые¹. Наконец, император Нгуен-фук Тхи лично указывал командовавшему войсками Нгуен Чи Фыонгу когда отступать, а когда наступать. Правда эти указания часто противоречили друг другу, что приводило последнего в замешательство.

Выше уже отмечалось, что поражения регулярных войск на юге спровоцировали стихийное народное движение в защиту родины, которое постепенно стало набирать силу. Так, после сдачи крепости Зядинь, разжалованный за это начальник уезда и изгнанный из армии офицер по собственной инициативе набрали деревенское ополчение численностью в 5800 человек. Их успешные действия позволили основным силам вьетнамской регулярной армии вернуться на свои прежние позиции в форте Тайтхай. В результате оба опальных чиновника удостоились похвалы императора Нгуен Тхи и были восстановлены в своих прежних рангах и званиях. Следует подчеркнуть, что сама по себе похвала императора высоко ценилась и отмеченных ею людей награждали поимёнными табличками и серебряными деньгами. Также известно, что многие из ополченцев приносили с собой деньги и рис, жертвуя их на ведение войны, а в провинции Диньтыонг четыре человека добровольно внесли 4774 кг «сырого железа», 2700 куанов денег и 2694 л риса в помощь армии⁵. И такие случаи были не единичными.

Однако император Нгуен-фук Тхи и его приближённые занимали двойственную позицию в таком важном вопросе, как организация народного сопротивления. Опасаясь прямо призвать народ к борьбе с врагом, он в то же время поощрял отдельные действия своих подданных, что на самом деле являлось прямой поддержкой локальной партизанской войны. Такая позиция Нгуен Тхи была отчасти обусловлена и тем, что в то время при императорском дворе существовали разные точки зрения по вопросу о том, какие следует принимать меры. При этом доминировавшей была та точка зрения, которой

¹ * Эти мероприятия очень напоминают строительство так называемой «тропы Хо Ши Мина» в 60-ые годы XX в.

придерживались такие сановники, как Чыонг Данг Куе, Фан Тхань Зян, Лыу Лаунг и даже командующий армией Нгуен Чи Фыонг. Они первыми столкнулись с французами на юге страны и прекрасно поняли военно-техническое превосходство кораблей французского флота перед мелкими парусными вьетнамскими судами с их устаревшими пушками и командами, не владевшими методами ведения современного боя. К концу 1859 г. эти военачальники представили императору доклад, в котором говорилось о необходимости проведения политики выжидания и проволочек, а по сути – о поиске путей примирения с французами, так как военные действия вели только к катастрофе. Представители же той группировки, которая выступала за активные военные действия, предлагали, например, ночью скрытно подплыть к французским кораблям и сжечь их, что было полной утопией. В подобной ситуации малейшее нарушение социального равновесия в стране могло привести к крупному народному восстанию, чего и опасались придворные чиновники. Поэтому император и его окружение не только не сочли возможным возглавить народную борьбу с агрессором, но даже не решились обратиться к крестьянским массам с призывом об её активизации.

Взяв Сайгон, французская сторона попыталась начать переговоры с Хюе о заключении соответствующего договора, но принятая двором Хюе политика проволочек и затягивания переговоров, ни к чему не привела. Не добившись за четыре месяца никаких результатов, Франция возобновила военные действия в Дананге, но в марте 1860 г. в связи с начавшейся новой войной Англии и Франции против Китая французское командование отдало приказ флоту покинуть Дананг.

После окончания войны в Китае в октябре 1860 г. Франция получила возможность направить в Сайгон свою Тихоокеанскую эскадру в полном составе и активизировать там военные действия. К этому времени в Париже было принято решение, что Сайгон должен стать опорой французского влияния в Юго-Восточной и Восточной Азии. Тогдашний министр морского флота и колоний в

правительстве Наполеона III Шасселу-Лоба последовательно выступал за создание обширной французской колониальной империи, которая не уступала бы заморским владениям Великобритании, и горячо отстаивал идею создания в указанном регионе французской зоны влияния [520, с.84]. Им была подготовлена своего рода колониальная доктрина, в которой содержались основные принципы организации французской системы управления в Кохинхине или Южном Вьетнаме. Этот основополагающий документ был вручён новому главнокомандующему военно-морскими силами Франции на Тихом океане адмиралу Шарне, который в феврале 1861 г. двинулся из Китая на Сайгон. К этому времени в распоряжении адмирала было 70 боевых кораблей и около 4000 солдат [520, с.84]. За два прошедших года остававшийся в Сайгоне французский гарнизон создал вокруг Сайгона – Тёлона систему укреплений, протяженностью в 5 – 7 км, известную как «линия пагод», где и произошло сражение с вьетнамской регулярной армией под командованием Нгуен Чи Фыонга. Вьетнамцы отступили, других боёв с их регулярными войсками на юге не было, зато стало набирать силу народное ополчение, а обещанной миссионерами массовой поддержки со стороны католического населения французская армия не получила.

К началу 1862 г. были захвачены три восточные провинции Кохинхины¹ и остров Пулокондор, после чего Франция стала настаивать на переговорах с Хюе, желая в договорном порядке оформить и закрепить своё новое завоевание в Южном Вьетнаме. Исходя из предыдущего опыта двор Хюе и на этот раз намеревался прибегнуть к политике затягивания переговоров, но в это время в Бакки вспыхнуло мощное восстание под руководством католика Та Ван Фунга. Вьетнамские власти просто не имели сил для борьбы на два фронта, и поэтому они были вынуждены принять предложенные Францией условия договора. Но если французские требования свободы торговли и христианского

¹ Биенхоа, Зядинь и Диньтыонг.

вероисповедания были давно знакомы вьетнамцам, то совершенно неприемлемое для императорского двора требование об отторжении трёх южных провинций стало для них полной неожиданностью. Однако вьетнамцы были осведомлены о том, что в 1863 – 1864 гг. как во французском парламенте, так и в правительстве Франции существовали две точки зрения по поводу присутствия Франции в Южном Вьетнаме. Сторонники первой считали, что, учитывая отдалённость вьетнамских территорий, оно будет слишком обременительным для бюджета, дефицит которого составлял в то время 972 миллиона франков. Сторонники второй полагали, что расширение заморских колониальных владений необходимо для того, чтобы не «отстать» от Англии, а все затраты в скором времени окупятся [520, с.85]. Первую точку зрения отстаивало правительство, а вторую – министр Шасселу-Лоба, которого поддерживали представители деловых и военно-политических кругов.

Стремясь воспользоваться этими спорами и разногласиями, император Нгуен Тхи в спешном порядке направил в Париж и в Мадрид¹ посольство во главе с виднейшим политическим деятелем своего времени Фан Тхань Зяном¹¹. Посольство прибыло в Париж в сентябре 1863 г. По просьбе Фан Тхань Зяна переводчиком посольства был назначен вьетнамский католический священник Нгуен Хоанг, а его ближайшим помощником и секретарём стал Фам Фу Тхы, ведший подробный дневник о пребывании посольства во Франции. Он постоянно находился рядом с главой миссии и знал его мнение о тех или иных французских реалиях.

Не смотря на то что посольство прибыло в Париж 13-го сентября 1863 г., аудиенция у французского императора Наполеона III состоялась лишь через два месяца – 7-го ноября

¹ Для защиты испанских католических миссионеров во Вьетнаме в захвате Дананга участвовали два испанских военных корабля.

¹¹ * Подробно о жизни и деятельности Фан Тхань Зяна смотри ниже в специально посвящённом ему и ещё одному выдающемуся деятелю той эпохи Петрусу Ки параграфе настоящей главы.

1863 г. Эти два месяца были заполнены знакомством с различными сторонами французской действительности и с научно-техническими достижениями западноевропейской цивилизации, о чём подробно повествует Фам Фу Тхы в своих «Записках путешествия на Запад». Большое впечатление на Фан Тхань Зяна произвели французские города с их «воротами из железа» и французские караульные, которые, сменяя друг друга, «дежурят днем и ночью» [1422, с.140]. Особое внимание привлекала планировка городов, где «все учреждения и военные постройки прилегают к большим дорогам и для них не создаются районы вне города»¹. Вьетнамской делегации показали фотодело, о котором неоднократно, пытаясь со всеми подробностями описать весь технический процесс, упоминает в своих «Записках» секретарь посольства [1422, с.149]. Ботанический сад поразил Фан Тхань Зяна технической возможностью поддержания заданной температуры для выращивания тех или иных растений в теплицах. Также были организована экскурсия к дирижаблю на Марсово поле и посещения как военного музея с демонстрацией различных видов оружия, так и цехов по производству взрывчатых веществ и бомб. Помимо посещения цехов, где изготавливалось оружие и взрывчатка, доказательством военной силы Франции стало посещение панорамы «Битва за Севастополь», где была представлена история Крымской войны с Россией, в которой Франция совместно с Англией одержала победу. Была организована и культурная программа, в рамках которой членов вьетнамской миссии водили в театры и цирк [1422, с. 174, 178]⁶.

В «Записках» секретаря вьетнамской миссии Фам Фу Тхы подробно описана аудиенция у императора Наполеона III [1422, с.222]. Сначала Наполеон III как будто склонялся к переговорам с вьетнамской стороной о выкупе Вьетнамом захваченных Францией провинций. Начались переговоры, в

¹ Не исключено, что в этом замечании Фам Фу Тхы содержится намёк на императорский «Запретный город», в стенах которого не могло находиться ни одно учреждение.

ходе которых участнику военных операций в Кохинхине лейтенанту флота Ж.Обаре было поручено подготовить проект нового договора с Вьетнамом, согласно которому вместо аннексии трёх захваченных провинций, возвращавшихся Вьетнаму, Франция предполагала установить свой протекторат над всей Кохинхиной. Кроме того, Сайгон должен был быть объявлен зоной французского влияния в Южном Вьетнаме. Вьетнам же обязывался уплатить Франции солидную контрибуцию. Результатом переговоров стал новый договор от 15-го июля 1864 г., подписанный в Хюэ Ж.Обаре и Фан Тхань Зяном. [1760]. Однако Шасселу-Лоба выступил самым решительным образом против этого договора. 4-го ноября 1864 г. он представил императору Франции свой доклад, в «котором в очень энергичных выражениях говорилось о необходимости для Франции сохранения Кохинхины» [520, с.86]. Также существенную роль в этом вопросе сыграла и поддержка церковных католических кругов, опасавшихся за судьбы миссионеров и вьетнамских католиков. Поэтому договор от 15-го июля 1864 г. так и не был ратифицирован Парижем, и три восточные провинции Кохинхины остались владениями Франции. В результате первичный договор от 5-го июня 1862 г., по условиям которого Вьетнам уступал Франции эти провинции вместе с островом Пулокондор, остался в силе. После этого завоевание трёх западных провинций Кохинхины¹ стало вопросом времени [520, с.84, 86.]. Более того, французское правительство санкционировало дальнейшую военную экспансию под руководством адмирала Де Ла Грандьера, в результате которой эти провинции были захвачены в 1866 г. Таким образом, все шесть провинций Кохинхины оказалась в руках французов. Бывший губернатор, правивший этой частью Вьетнама, Фан Тхань Зян как верноподданный и истинный конфуцианец, не выполнивший своего долга перед императором, покончил с собой. Однако в завоёванной французами Кохинхине продолжала шириться партизанская война во главе с сыновьями Фан Тхань Зяна⁷,

¹ Виньлаунг, Анзянг и Хатнен.

центром которой были так называемая Тростниковая долина и провинция Виньлаунг с их труднодоступными болотистыми районами.

Как уже отмечалось, завоевание Кохинхины рассматривалось французскими колониальными кругами как путь в Южный Китай. Они предполагали «связать Кохинхину с богатыми провинциями Южного Китая – страной металла и чая» [520, с.86]. Из информации французского миссионера Мишá следовало, что туда можно было попасть по реке Меконг, протекавшей по территории Камбоджи. Поэтому во Франции было решено подчинить себе и эту страну. 11-го августа 1863 г. линкор адмирала Де Ла Грандьера бросил якорь напротив дворца короля Нородома в столице Камбоджи. Этот король был возведён на престол с помощью Сиам после смерти Ан Дуонга в 1859 г. В тот же день он подписал договор об установлении протектората Франции над Камбоджей. Интересно, что эту акцию Франция осуществила от имени империи Дайнам, ссылаясь на историческое прошлое этих двух стран¹. Однако из-за того, что на короля Нородома оказывал давление традиционный соперник Вьетнама в этой стране Сиам, ставший сферой влияния Англии, Франции фактически пришлось вести с ним переговоры как об изменении геополитической ситуации в Индокитае, так и о колониальном разделе сфер влияния в регионе. 15-го июля 1867 г. был подписан франко-сиамский договор, по которому признавался протекторат Франции над Камбоджей, однако при этом две её богатейшие провинции Баттамбанг и Сиам Реап отходили к Сиаму [520, с.86, 87]. Тогда же было окончательно оформлено завоевание Кохинхины. Но ещё за месяц до подписания этого договора началась разведка пути в Южный Китай. В июне 1867 г. в путешествие по Меконгу отправилась экспедиция под командованием капитана Дудара де Лагре, который, добравшись после двухлетнего тяжелейшего плавания по его порогам до южнокитайской провинции Юньнань, констатировал, что почти на всём своём протяжении

¹ Смотри «Параграф 3.3» предыдущей главы.

Меконг не судоходен. Когда же скончался изнурённый болезнями Дудар де Лагре, другой участник экспедиции, лейтенант Франсис Гарнье, спустился по малоизвестной в то время европейцам Красной реке, которая текла из Южного Китая через Северный Вьетнам, впадая в Тонкинский залив. Тем самым давно известный местному населению речной путь из Индокитая в Южный Китай был открыт и европейцами.

2.2. Колониальная политика Франции в Кохинхине в 1861 – 1887 гг.

Известно, что уже с шестидесятых годов XIX в. оккупированные французами земли юга Вьетнама позиционировались как колониальные владения, однако официальный статус колонии Кохинхина приобрела с ратификацией Сайгонского договора 1874 г., по которому территория французской Кохинхины признавалась в границах всего Намки. С этого времени на юге Вьетнама стали проводиться мероприятия, призванные способствовать скорейшей ассимиляции его территорий и превращению их в жемчужину французских владений на Дальнем Востоке.

В новом колониальном владении Франции – Кохинхине в 1867 г. было 1204287 жителей, в том числе 585 европейцев, не считая шеститысячного французского экспедиционного корпуса. В административном плане Кохинхина была разделена на 20 провинций (прежние, более крупные провинции, были раздроблены на более мелкие для удобства управления), затем на 22 [521, с.389, 390]. Для французской колониальной политики в Кохинхине с первых лет появления там французов было характерно так называемое прямое управление. Политика прямого управления была нацелена на создание новой системы по европейскому образцу и дозированное привлечение к управлению представителей местной элиты [1065, с.276, 277]. При прямом управлении колониальный аппарат состоял преимущественно из представителей метрополии, что делало его громоздким и более затратным в финансовом плане. Колониальные власти стремились привнести на новые земли политическую культуру

своей страны, создать экономические и правовые институты по ее образу и подобию, а главное – усилить контроль над различными слоями местного общества. Как отмечалось во французской политической доктрине, насаждение в колониях институтов, аналогичных метрополии, имело целью сократить дистанцию в развитии и, в конце концов, признать их единство путем принятия общего законодательства [1026.1, с.8].

Будучи по своему статусу колонией, Кохинхина управлялась губернаторами. С 1861 по 1879 г. на этой должности находились адмиралы, командовавшие военными эскадрами Франции в Тихом океане. Первым французским губернатором Кохинхины был назначен адмирал Бонар (1861 – 1863 гг.). В 1861 г. был создан корпус инспекторов по туземным делам – первая организация колониальной администрации Франции во Вьетнаме. В 1862 г. вся вьетнамская администрация была заменена французскими чиновниками, поэтому инспекторами стали французские морские офицеры – участники первых завоевательных экспедиций в Южном Вьетнаме. Все они были, как правило, активными сторонниками включения не только Кохинхины, но и всего Вьетнама в состав колониальных владений Франции, а также их дальнейшего расширения в Юго-Восточной и Восточной Азии. Среди них были Льюро, Филастр, Гарнье, Обаре. Иначе говоря, управление осуществлялось военными¹. С введением прямой администрации французские резиденты, получавшие значительно более высокие, чем в метрополии, оклады, стали обладать всей полнотой власти в провинциях. В том же 1862 г. адмирал Бонар начал застройку Сайгона в стиле так называемой европейско-колониальной архитектуры. Предусматривалось слияние политического центра города с его торговым районом Тёлон, который был заселён в основном этническими китайцами. В то время в этих обособленных районах города проживало около 25000 человек, тогда как при

¹ Со временем потребность в кадрах стала расти. Поэтому 1873 г. в Сайгоне был создан Колледж стажёров, готовивший гражданских администраторов.

их объединении в одно целое планировалось строительство из расчёта на 600000 жителей [520, с.88].

В 1879 г. был назначен первый гражданский губернатор Кохинхины Ле Мир де Виллер, сторонник ускоренной ассимиляции Кохинхины, который полагал, что она должна быть максимально приближена по всем административным нормам к департаменту Франции. В 1880 г. в русле этого политического направления в Кохинхине был создан выборный совещательный орган в виде Колониального совета. В него входило десять французов и шесть человек азиатского происхождения. На самом деле Совет полностью находился в руках французских чиновников и французских «колонов», составлявших основную массу его избирателей. Вскоре Совет стал влиятельной организацией, более того – оплотом самой консервативной части французского общества Кохинхины – «колонов», чувствовавших себя её настоящими хозяевами. В некоторых случаях мнение Колониального совета шло вразрез с позицией губернатора Кохинхины и даже становилось преобладающим, особенно после того, как в 1871 г. Кохинхина как колония получила право избирать своего представителя в Палату депутатов французского парламента [520, с.89]. Основным вопросом обсуждения в Колониальном совете был бюджет Кохинхины, формировавшийся за счет поступления доходов от прямых налогов¹ с местного мужского населения в возрасте от восемнадцати до шестидесяти лет. Было проведено также разделение административной и юридической власти, в результате чего сильно возросло число французских чиновников в Кохинхине. В первое колониальное десятилетие система налогообложения также была модернизирована. Она стала дифференцированной и всеобъемлющей. Доходы теперь поступали как от налогов на торговлю алкогольными напитками, опиумом и на доходы от азартных игр, так и от таможенных пошлин. В результате всего этого произошёл значительный рост налоговой эксплуатации вьетнамского населения Кохинхины.

¹ Подушный и поземельный налоги.

Проникновение французского банковского капитала в Кокхинхину началось довольно рано. Уже в 1875 г. в Сайгоне открылся Индокитайский банк с правом эмиссии новой денежной единицы региона – индокитайского пиастра с серебряным паритетом и свободным курсом обмена на французский франк, обеспеченный по европейской традиции золотом. Банк был основан на базе шести банков метрополии. Его первоначальный капитал составлял всего 8000000 франков, к 1920 г. он вырос до 72000000. В 1914 г. прибыли Индокитайского банка составили 6634000 франков [520, с.89]. Уже в 1876 г. были выпущены первые новые денежные знаки – бумажные купюры достоинством в 100, 20, 5 и 1 пиастр. Они имели право хождения не только во Вьетнаме, но и в других колониальных владениях Франции в Восточной Азии. Через несколько лет после своего создания Индокитайский банк сумел распространить свой контроль не только на всю финансовую систему Кокхинхины, но в дальнейшем и на весь Индокитайский союз. Им были открыты филиалы в других странах Дальневосточного региона, в том числе в Китае. Индокитайский банк, сохраняя монопольное положение, не допускал банковский капитал других стран, прежде всего своего главного конкурента – Англии, банки которой смогли занять определенные позиции только во внешней торговле Индокитая. Связанная с Индокитайским банком группа промышленников и финансистов со временем стала играть заметную роль в политической жизни Кокхинхины, а затем и всего Индокитайского союза, оказывая при этом влияние и на правительственные круги в Париже. Появление крупного финансового учреждения европейского типа и выпуск современных бумажных денег вместо архаичных цинковых и медных прошлых веков было, несомненно, крупной финансовой реформой, имевшей большие последствия для всего Вьетнама и региона, но в первую очередь, для Кокхинхины, вступившей на путь модернизации раньше на три десятилетия, чем остальной Вьетнам.

В целом в период шестидесятых – восьмидесятых годов основными сферами деятельности европейцев в Кокхингине оставались торговля и банковский капитал. Главным же инструментом осуществления колониальной политики была колониальная администрация.

2.3. Восприятие европейской культуры во Вьетнаме в свете противоборства реформаторских и консервативных идей во второй половине XIX в.

С самого начала приход французов во Вьетнам воспринимался неоднозначно в среде образованного сословия, а понимание особенностей этого восприятия необходимо для общего понимания всего процесса взаимодействия вьетнамской и европейской культур вплоть до настоящего времени. Представляется, что наиболее наглядно эти особенности можно проследить на его восприятии двумя выдающимися личностями вьетнамской истории 2-ой половины XIX в. Речь идёт о Фан Тхань Зяне, крупном политическом придворном деятеле того времени, и Чыонг Винь Ки, интеллектуале и просветителе из Южного Вьетнама. Взгляды этих двух блистательных представителей вьетнамской интеллектуальной элиты по одному из кардинальных вопросов современной им эпохи, а именно – восприятию французской культуры, отражены в их собственных произведениях. Именно различия этих трудов в трактовке роли французского присутствия во Вьетнаме, позволяют сделать вывод об особенностях идеологического размежевание вьетнамского общества 2-ой половины XIX в. [1422; 1542].

Фан Тхань Зян родился 11-го ноября 1796 г. Он происходил из китайской семьи, а к началу восстания Тэйшонов его предки уже обосновались в южновьетнамской провинции Виньлаунг.

В возрасте тридцати лет Фан Тхань Зян успешно выдержал конкурсные испытания на должность чиновника и первым в Намки получил звание «продвинутый муж».

Фан Тхань Зян (11.11.1796 – 08.04.1867)

Он стал первым человеком из Намки, сумевшим добиться такого успеха на конкурсных испытаниях, что открыло ему путь к блестящей карьере. Фан Тхань Зян служил при трёх императорах династии Нгуен, занимая различные должности в министерствах обрядов, юстиции и финансов¹. Более того, с 22-го января 1856 г. и вплоть до своего самоубийства 8-го апреля 1867 г. он руководил всей работой по написанию летописного свода династии Нгуен, что традиционно считалось одним из самых важных и почётных государственных дел в странах конфуцианского культурного ареала⁸. Наиболее значимый период его жизни связан с началом завоевания французами Южного Вьетнама. Как известно, Фан Тхань Зян был назначен императором Нгуен-фук Тхи губернатором главной южной провинции

¹ С 1826 по 1867 г.: при Совершенном Предке императоре Гуманном Нгуен-фук Заме, при Предке Наставнике императоре Ясном Нгуен-фук Туене и при самом императоре Нгуен-фук Тхи.

Зядинь, которая первой подверглась нападению. Поэтому он и оказался одним из первых государственных деятелей Вьетнама, которые, увидя и оценив военно-технический потенциал французского флота, а также наблюдая панику и бегство вьетнамских солдат, прекрасно поняли, что вьетнамская армия не способна противостоять французской. Отсюда и его точка зрения о необходимости использования выжидательной тактики, с тем чтобы избежать полного разгрома в решительном сражении. В дальнейшем Фан Тхань Зян оказался главным действующим лицом при подписании Договора 5-го июня 1862 г., когда император фактически возложил на него всю ответственность за этот кабальный договор, представив дело так, будто Фан Тхань Зян действовал чуть ли не по собственной инициативе. Более того, конфуцианская элита Северного Вьетнама крайне отрицательно восприняла его поражение на юге и сдачу им провинции Зядинь. Вследствие этого Фан Тхань Зян подвергся серьёзной критике на провинциальных конкурсных экзаменах 1864 г. Известно, что против него готовился заговор. При этом заговорщики предполагали свергнуть и самого императора, если тот не согласится уволить Фан Тхань Зяна. Правда, о заговоре стало известно, и все его участники были схвачены и жестоко наказаны [521, с. 385, 398].

Ранее уже говорилось, что Фан Тхань Зян возглавил посольство, направленное императором во Францию, для того чтобы, играя на противоречиях между интересами групп её господствующего класса, добиться пересмотра условий мирного договора от 5-го июня 1862 г. Из «Записок» его помощника следует, что Фан Тхань Зян воспринимал всё увиденное, как лишнее доказательство необходимости мирных переговоров с Францией. При этом он всё больше убеждался, что военное сопротивление её агрессии бесполезно и приведёт только к новым жертвам и потерям. Поэтому по возвращении во Вьетнам он поддержал тех вьетнамцев, кто выступал за проведение реформ в политической и социально-экономической областях и доказывал необходимость развития

науки и техники. Вместе с тем Фан Тхань Зян, вероятно, понимал, что кардинально ситуация уже не может измениться [578, с.327].

После провала нового проекта договора захват остальных трёх провинций Кохинхины стал лишь вопросом времени. И снова договор по их передаче под власть Франции подписывал Фан Тхань Зян. Все его усилия оказались бесполезными, а Кохинхина целиком перешла во французскую собственность. Фан Тхань Зян не смог пережить этого удара и исходя из конфуцианских норм поведения, которым оставался верен всю жизнь, 8-го апреля 1867 г. покончил с собой в возрасте семидесяти двух лет.

Совсем иная, но одновременно и в чём-то схожая судьба сложилась у Чыонг Винь Ки, младшего современника Фан Тхань Зяна. Он родился 6-го декабря 1837 г. в провинции Виньлаунг в семье вьетнамских католиков, которые его крестили под именем Жан Батист Петрус Ки. Он был младшим ребёнком в семье и уже с пяти лет обучался иероглифам у местного сельского учителя. Однако, в отличие от многих общественных деятелей Вьетнама того периода, напрмер Нгуен Чыонг То, также бывшего католиком, Петрус Ки не получил традиционного конфуцианского образования. В возрасте пяти или шести лет его отдали на воспитание вьетнамскому католическому священнику Нгуен Тамму, что было достаточно типично в доколониальном и колониальном Вьетнаме. Миссионеры и вьетнамские священники были заинтересованы в воспитании в христианской вере детей и охотно брали на воспитание тех, кого не могли содержать бедные семьи, а таких было множество. Проживая в доме местного священника, Петрус Ки выучился латинизированной вьетнамской письменности, дававшей, в отличие от иероглифики, возможность читать европейскую литературу.

Таким образом, доминирующим фактором в формировании мировоззрения Петруса Ки уже со времени его детства явилось его воспитание в духе европейской культуры. С восьми или девяти лет он продолжил учёбу в семинарии при монастыре Кайнюм, где провёл пять лет. В то время ею

руководил французский миссионер Борель, а вскоре, в начале 1849 г., туда прибыл миссионер Боильво, посвятивший многие годы миссионерской деятельности в Южном Вьетнаме⁹.

Жан Батист Петрус Ки, или Чьонг Винь Ки (06.12.1837 – 01.09.1898)

Встретившись там с Чьонг Винь Ки и заметив его ум и способности к иностранным языкам, он проявил к юноше заметный интерес. Когда же в 1850 г. в Ватикане сочли возможным создать в Камбодже самостоятельную епархию¹⁰, миссионер Боильво, опасаясь гонений, которые в пятидесятых годах XIX в. были во Вьетнаме в самом разгаре, распорядился

перевести монастырь Кайнюм для безопасности в местечко Пиналу в Камбодже. За ним последовал и Петрус Ки. В 1851 г. вместе с миссионером Боильво он переезжает в известную во всей Юго-Восточной Азии семинарию Пуло Пинанг в Малайе. Проявив недюжинные способности, Чыонг Винь Ки, изучал там греческий, латинский, английский и французский языки, а также теологию и философию. На экзамене он написал получившее первое место сочинение на латыни «Сын Божий – он человек?» [1410, с.14]. В миссионерской среде он быстро завоевал репутацию самого квалифицированного переводчика, что решающим образом повлияло на всю его дальнейшую судьбу.

Таким образом, на протяжении двенадцати лет своей жизни Петрус Ки получал европейское образование и воспитание в духе христианской морали, что во многом определило его отношения с французскими колонизаторами. В какой-то мере можно говорить об уникальности личности Петруса Ки, сочетавшей в себе элементы традиционной вьетнамской и европейско-христианской культур. Видимо поэтому, вспоминая впоследствии о непростой ситуации начального периода французского завоевания, он писал: «...моя роль состояла в передаче царствующей династии [Нгуен] намерений правительства Франции по отношению к ней и в корректировке её политического курса в соответствии с политикой Франции» [1722, с.85].

Когда, получив известие о кончине матери, Петрус Ки вернулся во Вьетнам в конце 1858 г., Дананг был уже занят французами, а по всей стране ширилось движение как против французов, так и против их «пособников» – миссионеров и вьетнамских католиков, которых в Южном Вьетнаме зачастую хватали и казнили. Поэтому в декабре 1858 г. Петрус Ки вместе со священником Борелем был вынужден укрываться в лесах от облав на монастыри Каймон и Кайнюм. Пережив эти испытания, он написал ряд писем своему другу, в которых говорил, что только приход Франции и Испании «может принести мир и спокойствие вьетнамской католической общине». Чыонг Винь Ки отмечал, что захват французским

флотом Дананга лишь усугубил тяжёлое положение христиан, так как «вся страна поднялась против французов и ожесточилась против католиков». В свете этих оценок сложившейся ситуации крайне интересно то, что Петрус Ки завершает их христианской по содержанию, но абсолютно конфуцианской по форме сентенцией: «Если Господь решил совершить что-либо, разве кто-нибудь может ему помешать?»¹ [1722, с.60,61].

В то время вьетнамские католики оказались перед трудным выбором. Они должны были либо встать на сторону тех, кто истреблял их семьи и их самих, либо поддержать французов, которые в указанных обстоятельствах воспринимались как освободители. Именно это и послужило определяющим фактором сотрудничества вьетнамских католиков с французами. Петрус Ки – не исключение.

Переводческая работа Чыонг Винь Ки с французами началась с момента прихода их эскадры в Сайгон. Известно, что с конца марта 1859 г. по конец марта 1860 г. Петрус Ки жил в одном военном лагере с командующим французскими войсками адмиралом Риго де Женуйи. Видимо, он оправдал ожидания французского военного командования, так как был представлен к одной из высших наград Франции – ордену Почётного легиона, в ответ на что он написал премьер-министру Франции: «Для меня большая честь получить столь высокий знак почёта Франции, которой я служу с 1860 г.» [1542]¹¹. Поэтому нет ничего удивительного в том, что когда французские сторонники удержания Вьетнама создавали «своё посольство» в противовес посольству императора Нгуен-фук Тхи, Петрус Ки также оказался вместе с рядом других профранцузски настроенных вьетнамцев в его составе [1760]. Это было первое и единственное путешествие Петруса Ки в Европу, яркий талант, образованность и широкий кругозор

¹ Об особенностях мировосприятия в конфуцианском культурном ареале смотри соответствующие параграфы глав «Части III» настоящего тома.

¹¹ Из этого текста следует, что 1860 г. является датой начала официального сотрудничества Петруса Ки с французами.

которого позволили ему войти в круг культурной элиты Франции того времени и завязать знакомство с такими выдающимися и известными людьми, как Эрнест Ренан, Виктор Гюго, Литтрэ и Поль Бер¹¹. В этом смысле поездка во Францию оказалась весьма полезной и познавательной для Петруса Ки. Также интересно отметить, что именно во Франции в 1863 г. судьба свела его с Фан Тхань Зяном.

После возвращения из Европы Петрус Ки продолжал работать в качестве переводчика при ставке французского командования. Колониальные власти доверяли Петрусу Ки и высоко ценили его работу по привлечению на свою сторону вьетнамской элиты, среди которой он имел авторитет. Он даже попытался донести идею о пользе французского присутствия до придворных императора Нгуен Тхи. По мере того как шло продвижение Франции в Северный Вьетнам, колониальные власти стали поручать Петрусу Ки щекотливые миссии, окутанные секретностью. Так, судя по дате поездки, в 1876 г. он посетил Тонкин для зондирования ситуации и выяснения отношения различных групп правящего класса Вьетнама к франко-вьетнамскому договору 1874 г., который впервые официально обозначил присутствие Франции в Северном Вьетнаме. Во время пребывания в Тонкине Петрус Ки постарался максимально «реанимировать» свои северные связи. Так, он посетил консульство в Хайфоне, встретился с начальником уезда Фам Фу Тхы, бывшим в своё время секретарём посольства Фан Тхань Зяна, а также с другими людьми, с которыми был знаком по поездке в Париж в 1863 – 1864 гг. Тогда же Петрус Ки обратился к вьетнамским чиновникам Тонкина с призывом сотрудничать с Францией, чтобы с её помощью получать блага для Родины [1761]¹². Принимая во внимание гонения на католиков в Северном и Центральном Вьетнаме, надо признать, что это был очень смелый поступок. Однако никаких репрессий по отношению к Петрусу Ки не последовало, и он спокойно вернулся в Кохинхину, где представил губернатору подробный и длинный отчёт о поездке.

Вершиной политической карьеры Петруса Ки и самым значимым периодом его жизни стала работа в Тайном совете при императоре. После кончины императора Нгуен-фук Тхи в 1883 г., подписания Договора о протекторате над Северным и Центральным Вьетнамом в 1884 г. и последующего бегства регента с малолетним императором после неудачной попытки восстания в Хюе колониальные власти оказались в сложном положении. Им было необходимо не только создать в Тайном совете профранцузскую группировку, но и добиться, чтобы власть возведённого на престол младшего брата бежавшего императора выглядела легитимной в глазах местного населения¹.

Для выполнения этой архисложной задачи верховный резидент Аннама и Тонкина^{II} и губернатор Кохинхины^{III} Поль Бер избрал Петруса Ки, которого он высоко ценил и с которым был знаком ещё со времени поездки последнего во Францию в начале шестидесятых годов. Поэтому по указанию Поля Бера он был назначен в 1886 г. на высшую в Тайном совете должность советника императора. Фактически перед Петрусом Ки была поставлена задача «сделать» из императора полностью лояльного по отношению к французам государя и постараться ввести в состав Тайного совета профранцузски настроенных придворных. Кроме того, Петрус Ки должен был убедить императора подписать договор, по которому Северный Вьетнам выводился бы из-под юрисдикции империи Дайнам и полностью отделялся бы от неё. Об этом прямо свидетельствует его переписка с губернатором. Так, Поль Бер написал Петрусу Ки: «Вы являетесь представителем Тайного совета, имющим полномочия... Я просил бы Вас, используя своё влияние, оказать поддержку предложениям, выдвинутых нами», на что через некоторое время получил следующий ответ: «Я отобрал нескольких людей, наделённых талантами в

¹ Обо всех этих событиях политической истории Вьетнама смотри далее в соответствующих параграфах настоящей главы.

^{II} С января 1886 г.

^{III} С апреля 1886 г.

области экономики, которые могут помочь императору, и их следует ввести в состав Тайного совета» [1712, с.61; 1410, с.63]. С большой долей вероятности можно утверждать и то, что именно Петрус Ки в значительной степени помог французским властям подготовить план отделения севера, который удалось окончательно осуществить лишь в 1897 г. [1761].

Помимо работы в Тайном совете Поль Бер поручил Петрусу Ки ещё одно деликатное дело, о котором генерал-губернатор Индокитайского союза писал: «Так как Вы желаете отправиться в Хюе для исследования [всех] документов государственного архива Аннама и найти в них материалы, которые помогут определить границы и решить другие проблемы, то я прошу Вас подыскать ряд надёжных и мудрых людей для выполнения важных поручений под Вашим руководством» [1712, с.61]. Из этого письма следует, что речь идёт о точном определении границ империи Дайнам, прежде всего – вьетнамо-китайской границы, что было чрезвычайно важно в условиях потивостояния с империей Цин в борьбе за господство в Северном Вьетнаме.

Однако со смертью Поля Бера в 1886 г. закончилась и миссия Петруса Ки в Хюе. Дело в том, что для сановников Тайного совета при императоре присутствие в их среде рекомендованных французскими колониальными властями католиков было неприемлемо¹, а французы были недовольны тем, что Петрус Ки не проявлял должного рвения к работе в Тайном совете, что следует из одного из написанных им писем: «Я оставил Намки [и переехал в Хюе] с тяжёлым чувством. Я сделал это только из дружеских чувств к Полю Бери. И поскольку проводимая мной на столь тяжёлом посту политика вовсе не была политикой Поля Бера, я делал только то, что действительно было необходимо» [1410, с.92]. Поэтому обе стороны единодушно поддерживали отставку лишившегося покровительства губернатора Петруса Ки [1226, с.128]. К

¹ К таковым относился не только Петрус Ки, но и, например, отец Нго Динь Зьема – Нго Динь Кха, также рекомендованный в Совет Полем Бером.

счастью, политическая карьера не оказала негативного влияния на его дальнейшую жизнь. В этой связи ведущий католический журнал СРВ «Католицизм и нация» отмечал, что «возможно, у него за спиной и шли разговоры, но никто ему открыто не угрожал. Он спокойно жил со своей семьёй в общине Ньонзянг уезда Тьокуан и мог спокойно посещать север, не имея при себе охраны» [1712, с.75]. Надо полагать, «спокойная жизнь» Чьонг Винь Ки после отставки была связана с тем, что за время своей службы он не нанёс вреда ни людям, ни стране, а потому не нажил врагов, желавших ему за что-либо отомстить.

Уйдя в отставку, Петрус Ки вернулся к своей литературно-просветительской деятельности в Южном Вьетнаме. В 1866 г. он был назначен директором «Колледжа переводчиков»¹, в задачу которого входило и распространение вьетнамской письменности на латинице. О его популярности свидетельствует тот факт, что в этот колледж приезжали на учёбу способные молодые люди даже из Хюе. Петрус Ки также сотрудничал с созданным епископом Пюиженье «Колледжем [епископа] Адранского», в котором преподавали французский язык для вьетнамцев. В семидесятых годах он преподавал в созданном Э.Люро «Колледже стажёров», где помимо вьетнамского языка читал курсы по истории, географии, традициям и обычаям Вьетнама для французских и вьетнамских служащих. Особо следует выделить работу Петруса Ки в качестве редактора первой южновьетнамской газеты «Новости Зядини», просуществовавшей чуть менее полувека². Находясь с 1869 г. на посту главного редактора этой самой популярной, по крайней мере в XIX в., газеты Кохинхины, Петрус Ки много сделал для приобщения образованной части вьетнамского общества к восприятию прессы и её воздействия на общественное мнение. Большой вклад Петрус Ки внёс и в дело популяризации вьетнамской письменности на латинице. Так, он перевёл на неё с

¹ Создан в мае 1861 г.

² 1864 г. – 01.01.1910 г.

иероглифики наиболее популярные и любимые во вьетнамском обществе поэмы «Ким Ван Киеу» Нгуен Зу и «Лук Ван Тиен», а также написал первое во Вьетнаме произведение на этой письменности, повествующее о его поездке на север¹.

Всего же Петрусом Ки было написано около ста работ, в том числе труды по вьетнамской истории и лингвистике, а также первый франко-аннамитский словарь. Его произведения, в которых давалась характеристика особенностей вьетнамской истории, впервые сделали её относительно понятной и доступной для европейцев. Поэтому неудивительно, что Петрус Ки стал первым вьетнамцем – членом французской Академии. Его избрание академиком Франции следует считать своего рода символом вступления Вьетнама в новую эпоху и разрыва части образованной элиты страны с устаревшей и губительной для неё имперской идеологией противостояния европейской культуре.

Сравнение судеб Фан Тхань Зяна и Чыонг Винь Ки позволяет выявить два основных типа представителей вьетнамской элиты 2-ой половины XIX в. Первый представлен Фан Тхань Зяном, получившим классическое конфуцианское образование и достигшим высших ступеней государственной иерархии. Ранее уже говорилось, что он происходил из семьи этнических китайцев. Их многочисленные представители, оседавшие во Вьетнаме ещё с III в. до н.э., сохранили память об имперских династиях, от которых они были вынуждены бежать из Срединного государства. По сути, эти люди были ирредентистами. В результате Вьетнам оказался населённым сопротивленцами по духу [1016, с.122]. К этому следует добавить, что вьетнамцы на протяжении многих веков успешно противостояли регулярным нападениям многократно превосходящего их по силам противника в лице различных китайских империй и династий¹¹. В итоге это привело к тому,

¹ «Путешествие на Север в год Чёрной Свиньи» (1876 г.).

¹¹ Смотри соответствующие главы «Тома I» «Тома II», а также «Главу I» и «Главу 2» настоящего тома.

что любой иностранец стал восприниматься во Вьетнаме как потенциальный враг и завоеватель. Поэтому подобные Фан Тхань Зяну люди не допускали даже мысли о том, что можно принять предъявленные Францией требования. Именно поэтому император и поручил Фан Тхань Зяну дипломатическую защиту территориальной целостности империи Дайнам, который из-за этого был вынужден контактировать с французами на переговорах, сначала во Вьетнаме, а затем и во Франции. Благодаря этому он собственными глазами увидел достижения западной цивилизации и оценил степень отставания своей страны. В результате, уже будучи пожилым человеком, он понял, что всё, чему его учили с детства, всё, чему он преданно служил всю свою жизнь, как и традиции и нормы, определявшие жизнь вьетнамского общества, является нежизнеспособным. Именно поэтому Фан Тхань Зян стал выступать за необходимость реформ по модернизации Вьетнама. Но в условиях французской агрессии он не мог, да и, вероятно, не хотел открыто заявить об этом, так как такое поведение противоречило бы его воспитанию и жизненным принципам. Судя по всему, в среде традиционной вьетнамской элиты было не так мало подобных Фан Тхань Зяну людей, которые оказались не у дел после кончины Нгуен Аня в 1819 г. и не смогли повести страну по пути модернизации.

Иное дело – новая, сформировавшаяся под влиянием европейской культуры на протяжении XVIII – XIX вв., вьетнамская элита, носителями которой были сначала португальские, а затем испанские и французские католические миссионеры. С точки зрения этой элиты присутствие Франции во Вьетнаме оправдывалось защитой вьетнамских католиков от преследования властей, которые истребляли их целыми семьями. Одновременно с этим французское присутствие открывало путь к европейским знаниям и предлагало альтернативу конфуцианству, «закостеневшему» в том виде, в каком оно оформилось к концу XV в. Поэтому, для людей подобных Петрусу Ки, главным во французском присутствии была польза, приносимая им вьетнамскому обществу, а не те

негативные последствия, к которым привело колониальное завоевание Вьетнама. Именно по этой причине подавляющее большинство новой элиты стало сотрудничать с колониальными властями. Лучшее всего позиция этой профранцузской элиты сформулирована в следующих словах Петруса Ки: «Сегодня перед нашими глазами встанут сцены, которые не могут не волновать нас. Это поступки императора “Прекрасного [и] возвышенного” и его наследников, хозяев империи. Их слепое упрямство привело к потере Намки, а их дурное управление отдалило от них Бакки... Если в Хюе хотят, чтобы Аннам жил современной политической жизнью, если Нгуены хотят сохранить династию, то им необходимо выработать свой курс и решительно ему следовать. Проводимая в настоящее время политика ведёт лишь к выкачиванию ресурсов из страны и к преступлениям против народа берущих взятки и подношения чиновников. Мы не боимся признаться, что политическая система европейцев, авангардом которой явились французы, покорила наши сердца» [1410, с. 48,49].

Наконец, поражение на юге и очевидная неспособность вьетнамского императорского двора справиться с основными экономическими проблемами страны и стабилизировать положение на севере способствовали падению её престижа даже в среде традиционной элиты. Всё это привело к проявлению открытого недовольства и к возникновению оппозиционных группировок в столице. Объектом критики даже стал император Нгуен-фук Тхи, которого на конкурсных испытаниях 1868 г. в Шонтэе и Биньдине прямо обвинили в неспособности управлять государством [521, с.398]. Императора критиковали главным образом за то, что он избрал в качестве своих главных советников сторонников максимальных уступок Франции Фан Тхань Зяна и Чыонг Данг Кве, что привело к подписанию вышеупомянутого Договора от 1862 г. Ситуация усугублялась ещё и тем, что, не имея своих детей, император хотел сделать наследником одного из своих приёмных сыновей [921, с.148, 149]. Поэтому при дворе зрели заговоры. Одной из типичных попыток

дворцового переворота того времени был заговор братьев Доан Чыонга и Доан Чыка и еще нескольких придворных, которые, заручившись поддержкой начальника дворцовой стражи, рассчитывали путём вооружённого мятежа добиться смещения с трона правившего императора и заменить его племянником принцем Динь Дао [521, с.399]. Восставшие сумели ворваться в крепость, но на этом всё и кончилось. Участники заговора были казнены, а придворные, подозревавшиеся в сочувствии заговорщикам, подверглись репрессиям. Однако карательные мероприятия не помогли. Так, в 1868 г., когда император Нгуен Тхи начал, несмотря на плачевное состояние казны и постоянно растущие из-за войны на юге расходы, строительство очередного дворца, то это вызвало новый взрыв возмущения и критики [521, с. 400].

Ещё одним последствием французского вторжения и войны на юге стал идеологический кризис вьетнамской элиты Центрального и Северного Вьетнама. Официальная идеология Дайнама по-прежнему оперировала такими формулировками, как «сохраним верность основам [и] нормам» или «защитим истину, изгоним ересь»¹. При этом сторонники подобных взглядов полагали, что любые контакты с Западом принесут вред «совершенному правлению» и «приведут к подрыву морально-этических устоев общества» [520, с.91]. Эти устаревшие догмы не отвечали требованиям современности и в значительной мере тормозили развитие вьетнамского общества. Но существовали и их противники, которые начали появляться в конце XVIII в. К середине XIX в. они уже представляли собой значительную силу во вьетнамском обществе, представители которой признавали необходимость заимствования технических достижений Запада, в первую очередь в военной области. Их лозунг был неразрывно связан с господствовавшим в стране менталитетом: «Мораль восточная, техника западная». Иными словами, они полагали, что технические достижения Запада можно перенести на

¹ Под ересью в данном случае понималось не только христианское учение, но и все научно-технические достижения Запада.

«восточную» почву без каких-либо социально-экономических и идейно-политических изменений в жизни общества¹³. Восприятие и развитие этих идей было первой в истории Вьетнама попыткой решения социальных и экономических проблем с новых позиций. В шестидесятые – семидесятые годы XIX в. выдвинулась целая плеяда реформаторов, предлагавших самые разнообразные реформы с целью модернизации жизни вьетнамского общества. Это были Нгуен Чыонг То, Нгуен Ло Чать, Динь Ван Диен, Нгуен Суан Он, Ле Динь и другие. Каждый из них представил двору Хюэ проекты своих реформ, при этом в некоторых из этих проектов содержалась довольно резкая критика существующего положения в стране, в первую очередь в экономике. Реформаторы подчеркивали необходимость строительства во Вьетнаме железных дорог, разработок полезных ископаемых в промышленных масштабах, прекращения международной изоляции страны, расширения и оживления внешних связей, в том числе с европейскими странами, развития внутренней и внешней торговли, использования передового опыта европейцев в области науки и техники, а также привлечения европейских специалистов.

Наиболее выдающимся реформатором второй половины XIX в. был Нгуен Чыонг То (1828 – 1871 гг.). Он, как и Петрус Ки, в детстве получил конфуцианское образование, а затем принял христианство, став католиком. Вместе с епископом Готье он в 1860 г. побывал во Франции и в Италии, где был поражён жизнью Европы, особенно европейских городов. Чыонг То полагал, что реформы должны проводиться «сверху». Поэтому, вернувшись на родину, он направил императору Нгуен Тхи в течение периода с 1863 г. по 1871 г. сорок три докладных записки с проектами своих реформ, которые охватывали все существенные стороны жизни вьетнамского общества. В области внешней политики Нгуен Чыонг То предлагал перейти от изоляции к сотрудничеству со всеми странами Запада, не давая «для равновесия» преимуществ во внешней торговле какой-либо стране. Во внутренней политике он выступал за реформы в управлении

государством, прежде всего за разделение исполнительной и законодательной власти, сокращение числа чиновников в управленческом аппарате и за увеличение жалованья оставшимся для эффективной работы. Нгуен Чыонг То также предлагал начать во Вьетнаме издание газет и журналов по западному образцу¹, а в области просвещения – упразднить классическое конфуцианское образование и ханьскую иероглифику, введя вместо них преподавание вьетнамской иероглифической письменности², истории Вьетнама и точных наук. Нгуен Чыонг То также считал необходимой реформу по модернизации военного дела и вьетнамской армии. Он предлагал увеличить её численность, создать кавалерию и другие новые рода войск с новым современным вооружением. Так, Чыонг То писал: «Французы разбили нашу армию на юге, Дананг занят противником. И хотя мы имели армию в десять тысяч человек, но разбить их не смогли» [520, с.92, 93]. В социально-экономической области Нгуен Чыонг То считал необходимым форсировать развитие ирригационного строительства, подчеркивая первостепенную важность интенсивного развития сельского хозяйства в дельте Красной реки. Он предлагал также начать строительство железной дороги в направлении север – юг и с целью создания общенационального рынка и развития торговли отменить внутренние пошлины. Критикуя официальную политику «закрытых дверей», Нгуен Чыонг То писал: «Почему конфуцианцы не имеют представления о смене эпох, [а только и знают], что цепляться за мёртвые догмы? [Это] они говорят, что торговать и вести культурный обмен с внешним миром – всё равно, что открыть дверь грабителю... Существует много людей, не понимающих происшедших изменений,... [Они] из всех сил восхваляют жизнь глубочайшей древности, [хотя сейчас] ясно, что жить и работать по-старому нельзя...

¹ Как уже отмечалось, в Южном Вьетнаме создание первой газеты датируется 1864 г., тогда как на севере пресса появилась лишь с установлением власти французского протектората в восьмидесятые годы.

² Смотри «Параграф 2» «Главы 2» «Части IV» «Томы I».

[Сейчас] над нами нависла угроза порабощения... Настал момент отдать все силы, всё [своё] умение, чтобы сохранить страну, уберечь свои дома» [520, с.93].

Другие реформаторы того времени, такие как Динь Ван Диен и Нгуен Ло Чать, в своих проектах также предлагали реформы по модернизации Вьетнама. В них в основном шла речь о строительстве железных дорог, развитии внешней торговли, открытии торговых портов на побережье, использовании достижений западной техники и специалистов, но их предложения так и не были оформлены в целостную экономическую программу. Реформаторы не раз указывали двору Хюе на пример Японии и Сиам, сумевших сохранить независимость и избежать европейского завоевания, первая – путём радикальной экономической модернизации, известной под названием «Реставрации Мэйзидзи», второй – благодаря дипломатической политики лавирования, компромиссов и использования разногласий и противоречий между европейскими государствами. Поэтому неудивительно, что, выступая с указанных прогрессивных позиций, Нгуен Ло Чать, так же как и Нгуен Чьонг То, принадлежали к лагерю сторонников мира с Францией, считая, что использование техники Франции может принести столь необходимую пользу Вьетнаму¹. Особенностью общественной мысли Вьетнама того времени было то, что среди сторонников вооружённой борьбы с Францией не было ни одного сторонника реформ и, наоборот, те, кто выступал за реформы, разделяли идею соглашения с Францией. Иными словами, «идеи обновления страны не нашли тогда широкой поддержки в среде традиционной интеллигенции Вьетнама» [520, с.94].

Наконец, необходимо отметить, что реформаторское течение шестидесятых – семидесятых годов XIX в. было вызвано преимущественно внешним фактором угрозы колониального завоевания, а не внутренними причинами. В то

¹ Интересно, что Нгуен Чьонг То разделял упоминавшиеся выше иллюзии относительно намерений Франции, приславшей к берегам Дананга свою военную эскадру.

же время такие требования, как развитие внешней торговли, объективно отражали интересы зарождавшейся вьетнамской торговой буржуазии. Иногда они исходили и из среды государственных чиновников, что может расцениваться как желание части правящего класса Вьетнама поддержать предпринимательскую деятельность и обогатиться за счёт торговли. Но такие случаи были редкими и они не были типичными не только для XIX в., но и для начала XX в., так как большая часть конфуцианского чиновничества презирала торговлю как неблагородное занятие. Поэтому нет ничего удивительного, что проекты всех реформ по модернизации страны были либо отклонены, либо вовсе остались без ответа¹⁴. Правда, критика оппозиции всё же вынудила императора Нгуен-фук Тхи купить несколько кораблей и какое-то количество современных ткацких станков в Англии и Германии. Кроме того, он издал в 1871 г. Указ об изучении иностранных языков детьми чиновников [521, с.402, 403]¹. Однако всё это практически не сказалось ни на экономике, ни на вооружённых силах Вьетнама. Это было связано с тем, что монархия и правящий класс империи Дайнам опасались перемен и «открытия» страны. Интересно, что когда в 1876 г. на столичных конкурсных экзаменах была предложена тема «Полезна ли была модернизация для Японии?», подавляющее большинство конкурсантов ответили отрицательно [520, с.95].

В заключение настоящего параграфа следует отметить, что отношение к Фан Тхань Зяну и к Жану Батисту Петрусу Ки, которые во многом персонифицируют оба вышеописанных взгляда на развитие Вьетнама во второй половине XIX в., не всегда было одинаковым. Так, несмотря на открытое сотрудничество Петруса Ки с французскими властями, вьетнамские современники относились к нему достаточно хорошо.

Что же касается Фан Тхань Зяна, то ортодоксальная конфуцианская элита страны считала его предателем,

¹ Так, в 1879 г. дети чиновников были отправлены на учёбу в Тулон, а в 1881 г. -- в Сайгон и Гонконг.

подписавшим кабальный мирный Договор 1862 г. После создания ДРВ в 1945 г. Фан Тхань Зян по-прежнему оставался предателем в глазах современных вьетнамских историков, которые, правда, также оценивали и действия Петруса Ки как предательство национальных интересов.

Алтарь в поминальном храме Чыонг Винь Ки рядом с его домом. Хошимин, 5-ый район, перекрёсток улиц Чан Хынг Дао и Чан Бинь Чаунга, уезд Тьокуан. Фото 1998 г.

Благодаря начавшейся в 1986 г. в СРВ «политике обновления» и связанным с ней определённым «пересмотром»

национальной истории эти выдающиеся политические и общественные деятели Вьетнама 2-ой половины XIX в. были «реабилитированы» в глазах потомков. На сегодняшний день в провинциальном центре Южного Вьетнама Митхо открыта школа имени Фан Тхань Зяна, а в Хошимине существует музей Чыонг Винь Ки. Кроме того, Петрусу Ки и трёхсотлетию Сайгона – Хошимина был посвящён в 1998 г. специальный номер издающегося в г.Хошимине журнала «Католицизм и нация» [1712]. И всё это не говоря уже о старых и вновь возводимых поминальных алтарях в их честь.

2.4. Французское завоевание Северного Вьетнама

В захвате Францией Северного Вьетнама можно выделить несколько этапов, обусловленных её ослаблением из-за поражения во франко-прусской войне 1870 – 1871 гг., первый этап которого связан с так называемым «делом Дюпюи». Жан Дюпюи был торговцем оружием и плавал в восточных морях под китайским флагом в поисках короткого речного пути в Южный Китай, где он продавал оружие воевавшим там группировкам. В ноябре 1872 г. этот «торговец смертью» с грузом оружия на четырёх судах и с двумя сотнями солдат поднялся по Красной реке до Ханоя, намереваясь плыть по ней дальше в Юньнань. Но эта река была закрыта для европейской торговли, поэтому ханойские власти расценили действия Дюпюи как незаконные. Когда спустя какое-то время Дюпюи вновь появился со своими кораблями у Ханоя и открыл торговлю солью и рисом, то есть товарами, вывоз которых из Северного Вьетнама был запрещён, его действия вызвали резкий протест двора Хюе, направившего в Сайгон французским колониальным властям официальный документ с требованием удалить Дюпюи из Северного Вьетнама. Губернатор Кохинхины адмирал Дюпре, бывший сторонником проникновения Франции в Северный Вьетнам, воспринял возникший конфликт как предлог для дальнейшего вмешательства во вьетнамские дела. Под предлогом улаживания конфликта из Сайгона в Ханой была послана военная экспедиция под руководством лейтенанта

ВМС Франции Франсиса Гарнье, в распоряжении которого было около двухсот солдат и два боевых корабля. Снаряжая эту экспедицию на свой страх и риск, Дюпре не проинформировал Париж о своих действиях. Он рассчитывал на военные силы, бывшие в его распоряжении, а также на поддержку католических общин Северного Вьетнама. Прибыв в Ханой, Гарнье вступил в переговоры с маршалом Нгуен Чи Фыонгом, который запомнился французам по боям в Кохинхине в 1861 г. Вопреки ожиданиям ханойских властей, Ф.Гарнье поддержал Ж.Дюпюи. Более того, он расклеил по городу афиши, в которых объявлялось, что река Красная отныне открыта для французских, испанских и китайских торговцев, что вьетнамские пошлины отменяются и вводятся правила французской таможни. 19-го ноября 1873 г. Гарнье предъявил ультиматум ханойским властям, требуя принятия его распоряжений, а на рассвете следующего дня он атаковал Ханойскую крепость, в которой под командованием Нгуен Чи Фыонга находился семитысячный гарнизон вьетнамских войск и большие запасы риса [520, с.96, 97]¹. Внезапность нападения и превосходство в вооружении способствовали успеху отряда Гарнье. Ханойская крепость сдалась. Главнокомандующий Нгуен Чи Фыонг был ранен в бою и взят в плен, но предпочёл смерть жизни в неволе [520, с.97]¹¹.

Весть о падении главного центра Северного Вьетнама быстро распространилась по равнинным провинциям дельты реки Красной, деморализуя население и вьетнамские гарнизоны провинциальных центров. Поэтому, используя благоприятную ситуацию, Гарнье начал фактическую оккупацию дельты. Через месяц после взятия ханойской крепости к 11-му декабря 1873 г. в руки французов перешли крепости Хынгиен, Фули, Ниньбинь, Хайзыонг и Намдинь [521, с.405]. Действия Гарнье говорят о том, что он имел некие секретные инструкции адмирала Дюпре об установлении французского влияния в Северном Вьетнаме [519]. При этом

¹ Численность жителей Ханоя в то время составляла 80000 человек.

¹¹ Сорвав повязки с ран, он умер от потери крови.

известно, что французские распоряжения о свободе торговли были поддержаны местными католическими общинами.

Несмотря на успехи, Гарнье и его отряд столкнулся с сопротивлением, которое отчасти было связано с деятельностью остатков отрядов восставших тайпинов, укрывшихся после поражения в Китае на территории Северного Вьетнама и действовавших совместно с вьетнамскими крестьянами дельты реки Красной [92, с.201]. Эти отряды, известные как «Чёрные флаги», совершая набеги на низменность, занимались грабежами, после которых укрывались в труднодоступных горных районах, при этом ханойские власти не имели ни сил, ни возможностей справиться с ними. Усмотрев в появлении французских военных реальную угрозу своему существованию, один из отрядов «Чёрных флагов» численностью около 200 – 300 человек вступил 21-го декабря 1873 г. в бой с французским отрядом около Ханоя. В результате Франсис Гарнье был убит, а его отрубленную голову китайцы насадили на пику и показали французам.

Когда информация о событиях в Северном Вьетнаме достигла Парижа, правящие круги Франции сочли момент неблагоприятным для дальнейшего французского присутствия в этой части страны и дезавуировали действия Гарнье, вступив в переговоры с двором Хюе. Дюпюи был выслан из Северного Вьетнама, а крепости, занятые французами, – эвакуированы. С французской стороны для переговоров был назначен Поль Филастр, известный своими вьетнамофильскими и либеральными взглядами, что дало повод современникам обвинить его в предательстве интересов Франции во время переговоров в 1874 г. и в нанесении непоправимого урона её престижу не только во Вьетнаме, но и во всей Восточной Азии. Речь идёт о подписании с помощью Филастра нового Договора между Францией и Дайнамом, известного как «Сайгонский договор», который «явился решительным шагом к установлению полного французского контроля над страной» [92, с.203]. Этот договор, подписанный 15-го марта 1874 г. в Сайгоне, не только утверждал превосходство Франции в

Тонкине, но и окончательно устанавливал её сюзеренитет над всеми шестью провинциями Южного Вьетнама, юридически закрепляя статус Кохинхины как колонии. Таким образом, владения империи Дайнам сокращались до 13 провинций в Тонкине и до 12 в Аннаме. Однако центральная власть Хюэ не смогла установить серьёзного контроля даже над этой «урезанной» территорией страны [921, с.13,14]. «Статья 2» договора ограничивала даже внешнюю политику Дайнама, который был обязан согласовывать свои действия с колониальными властями. Крайне важным было и то, что по условиям договора Франция получила право на размещение двух консульств с вооружённой охраной по сто человек в каждом, которые были открыты уже 15-го сентября 1875 г. в городах Ханой и Хайфон. Наконец, французы также получили право контроля таможенной и налоговой политики Северного Вьетнама, что гарантировало им доступ к речному пути в Южный Китай. Однако французский персонал консульств и таможен был окружён атмосферой всеобщей враждебности, при этом вьетнамские служащие саботировали новые правила таможенной работы. Всё это давало поводы для многочисленных «жалоб» французских администраторов.

Необходимо отметить отрицательную реакцию на этот договор не только в народной среде, но и со стороны вьетнамского правящего класса. Так, если среди населения всё больше распространялись антимонархические настроения, то в Хюэ продолжала возрастать напряжённость отношений между императорским двором и его главной опорой в лице традиционной конфуцианской элиты. Следствием уступок двора Хюэ требованиям завоевателей стало кардинальное изменение позиции традиционной элиты по отношению к императорской власти. Её представители поставили во главу угла не традиционно беспрекословное следование повелениям «Сына Неба», а задачу освобождения государства от иноземных захватчиков. При этом необходимо отметить, что подписание договора 1874 г. было воспринято конфуцианской элитой таких провинций северной части Центрального Вьетнама, как Тханьхоа, Нгеан, Хатинь и Куангбинь, чуть ли

не как личное оскорбление. Ситуация усугублялась тем, что по договору католики, бывшие в глазах большей части вьетнамского общества адептами «развращающей религии», не только выделялись в особую группу подданных, но даже допускались до конкурсных испытаний, что открывало им путь к чиновничьей карьере в системе мандарината [921, с.36]. Поэтому в глазах конфуцианской элиты «защита справедливого дела» больше не персонифицировалось в личности императора, против которого в конце концов вспыхнуло открытое восстание. Оно вошло в историю как «Восстание просвещения», в котором приняли участие около трёх тысяч человек, сражавшихся под лозунгом «Убьём сначала внутренних французов, после чего изгоним внешних» [921, с.36, 37]. В результате, в полном соответствии с этим лозунгом, начались массовые убийства католиков, на которых лежало клеймо сторонников завоевателей [520, с.98]¹.

Со своей стороны, принимая условия навязанного французами мирного договора в 1874 г., император Нгуен Тхи объяснял свои уступки стремлением дать стране и народу необходимую передышку точно так же, как это неоднократно происходило в предшествующие времена. В то же время он был вынужден признать, что народ уже не испытывает по отношению к императорской власти должного пиетета, а в среде чиновничьего сословия существует оппозиционная партия, сопротивление которой примиренческой политике двора постоянно возрастает. Поэтому император Нгуен-фук Тхи выпустил прокламацию, в которой, с одной стороны, осуждал действия восставших, а с другой – объяснял свою политику по отношению к французским завоевателям. В ответ мятежники не только заявили о своём намерении продолжить борьбу, но и, что явилось беспрецедентным событием, обвинили самого императора в нарушении долга и отказе от защиты государства и народа. Это восстание учёных-конфуцианцев, опиравшееся на определённую симпатию

¹ Численность вьетнамских католиков, проживавших в дельте Красной реки в то время, составляла 120000 человек.

провинциальной администрации и полностью подавленное лишь осенью 1874 г., стало знамением заката престижа вьетнамской монархии [921, с.37]. Особенно ясно внутренняя дезинтеграция, угрожавшая вьетнамскому государству, проявилась в Тонкине, где слабость императорской власти стала очевидной в ходе борьбы с ничтожными силами Франсиса Гарнье. В то же время нет никакого сомнения в том, что французские власти Сайгона, для которых власть двора Хюе над Тонкином была пустой формальностью, восприняли события, связанные с действиями этого авантюриста, как очередное доказательство необходимости покончить с тонкинским сепаратизмом.

В связи с происходившим интересно отметить принципиально различное восприятие французами и вьетнамцами статей договора 1874 г. С вьетнамской с точки зрения вассалитет Дайнама по отношению к империи Цин опирался на классическую конфуцианскую пару «отец – сын» или, как в данном конкретном случае, «император – король», которая подразумевает обязанность сюзерена именно так относиться к вассалу. Поэтому не исключено, что, подписывая договор в 1874 г., Нгуен Тхи предполагал строить отношения с Францией по той же схеме фиктивного «сыновнего» вассалитета, что и с империей Цин, при сохранении «де-факто» независимости своего государства [921, с.42]. В пользу такой интерпретации договора 1874 г., свидетельствуют его статьи о суверенитете короля Аннама и его полной независимости по отношению к любой иной стране, кроме Франции, с которой двор Хюе обязывался согласовывать свою внешнюю политику, за что она гарантировала ему свою протекцию¹. Иными словами, исходя из конфуцианских норм взаимоотношений, вьетнамский император считал себя вправе ожидать от Франции той же поддержки и помощи, которую отец должен оказывать попавшему в беду сыну. Поэтому вопреки европейской логике он не переставал мечтать о возврате Францией шести провинций Кохинхины, что как

¹ «Статья 2» и «Статья 3».

лейтмотив повторялось в его письмах поверенному в делах Франции в Хюе. При этом ни вьетнамский император, ни его окружение не понимали сути юридических норм европейского права, в соответствии с которыми любой договор может быть легально пересмотрен. Соответственно для Нгуен-фук Тхи и последующих вьетнамских императоров любая ревизия договора 1874 г. воспринималась лишь как очередное проявление агрессии. Исходя из такого понимания вассальных отношений вьетнамцы даже попытались решить возникшие проблемы с помощью третьей стороны. Сначала двор Хюе попытался добиться поддержки Англии, для чего в 1877 г. в Гонконг была направлена вьетнамская миссия. Затем в том же году вьетнамское посольство побывало в Испании и во Франции, где, как и в шестидесятые годы пыталось склонить правительства этих стран к пересмотру действующего договора. С европейской точки зрения изменить что-либо могли только французские власти, но это было исключено, так как в восьмидесятые годы во Франции доминировали сторонники политики колониальных захватов [521, с.412]. Тогда, исходя из той же традиционной логики, двор Хюе обратился за помощью к империи Цин. С этой целью в 1876 и 1880 г. «даннические» посольства были отправлены не как обычно в пограничный город Наньнин, а непосредственно в столицу Срединного государства Пекин, чтобы подчеркнуть «важность момента».

Со своей стороны, французы понимали вьетнамскую ментальность не лучше, чем те европейскую. С их точки зрения договор от 1874 г. был единственным легальным документом, определявшим международные обязательства Дайнама, а потому его традиционные отношения с империей Цин воспринимались ими как рядовые контакты между двумя независимыми государствами. Вследствие этого уже на следующий год после подписания Сайгонского договора самостоятельность вьетнамского императорского двора в принятии внутривнутриполитических решений привела к тому, что французские власти стали обвинять его как в систематическом противодействии регулярным политическим и торговым

отношениям между Францией и Дайнамом, так и в нарушении статьи этого договора, запрещавшей преследование христиан [921, с.38, 39, 42, 43; 519, с.232]¹. Более того, французские власти восприняли поиск вьетнамцами «третейского судьи» и особенно их посольства к прежнему сюзерену как нарушение условий договора 1874 г., что было использовано ими в качестве предлога для дальнейшего завоевания Дайнама, которое вылилось в прямое столкновение с цинской империей. Последнее также было обусловлено и тем, что в 1879 г. в Третьей Республике пришло к власти правительство во главе с премьер-министром Жюлем Ферри, которого прозвали «тонкинцем» за его всестороннюю поддержку сторонников завоевания Северного Вьетнама. Ферри прямо заявлял: «Колониальная политика – дочь индустриальной политики. Для богатых государств поле применения капитала, так же как и спрос на труд, измеряется размерами иностранного рынка» [520, с.99]. Поэтому неудивительно, что с восьмидесятых годов XIX в. французское проникновение во Вьетнам резко активизировалось.

Уже в 1881 г. французские геологи провели разведку недр в горных районах Северного Вьетнама, найдя при этом большие запасы антрацитов высокого качества в Хонгайском бассейне. Однако с этим всё было не так просто, так как ещё в 1875 г. Англия дала понять Франции, что её господство в Тонкине не обеспечено юридической базой и что юрисдикция её консулов фактически не распространяется на британских подданных. Это заставило французское правительство принять ограниченную версию проекта будущего договора о протекторате, уменьшавшую первоначально заложенные в этот проект привилегии для Франции [921, с.46]. Поэтому когда выяснилось, что двор Хюе вознамерился предоставить концессию на разработку угольных залежей в Хонгае не Франции, а англо-китайской компании, это вызвало дополнительное раздражение во французских деловых кругах. Кроме того, с конца 1878 г. начал сказываться ещё один

¹ «Статья 9».

«китайский» фактор, самым решительным образом повлиявший на французскую политику. Речь идёт о захвате северных провинций Тонкина отрядами китайских повстанцев, или «Чёрных флагов», которые, как известно, практически полностью блокировали Красную реку, что делало её недоступной для иностранной торговли. Это дало повод колониальным властям в Сайгоне полагать, что двор Хюе, будучи не в состоянии справиться с «Чёрными флагами», обратится в соответствии с договором 1874 г. за помощью к Франции. Они хотели использовать эту ситуацию для того, чтобы потребовать взамен за помощь в борьбе с китайскими отрядами установления реального юридически обоснованного протектората Франции в Тонкине [921, с.47].

В 1879 г. во главе министерства морского флота и колоний был поставлен адмирал Жорегибери, пламенный сторонник расширения французской экспансии в Азии, который назначил первого гражданского губернатора в Кохинхине, завершив тем самым так называемую эпоху правления адмиралов. Его политическая линия заключалась в том, чтобы положить конец всем надеждам императора Нгуен Тхи на то, что Франция покинет Тонкин и Кохинхину, а также в том, чтобы заставить империю Цин отказаться от всех претензий на её особые отношения с империей Дайнам.

Информация, полученная из кохинхинской прессы, в которой захват Тонкина подавался как дело решенное, вынудила императорский двор в Хюе предпринять новые попытки поиска союзников. Однако ни восстановить дипломатические отношения с Сиамом, прерванные в 1834 г., ни установить новые отношения с Гонконгом и с Сингапуром не удалось. Особенно болезненно император Нгуен Тхи и его окружение восприняли действия сиамского правительства, которое, не желая обострять отношения с Францией, сначала передало французскому консулу вьетнамо-сиамскую корреспонденцию, а затем, по настоянию губернатора Кохинхины, отменило намеченный на май 1880 г. официальный визит в Хюе своего посольства [921, с.49]. Кроме того, двор Хюе был плохо осведомлён о

международной политике европейских держав и не имел дипломатических представительств за границей, а его посланцы с секретными посланиями полностью зависели от французских судов, осуществлявших дальние плавания. Во многом эти дипломатические неудачи явились следствием той политики изоляционизма, которую империя Дайнам проводила с момента восшествия на престол в 1820 г. Совершенного предка. Основной же их причиной стало то, что лишь обозначенный намёками в договоре 1874 г. французский протекторат над империей Дайнам «де-факто» был признан государствами Юго-Восточной Азии [921, с.49]. Но даже в случае успеха дипломатические усилия Дайнама вряд ли бы привели к положительному результату, так как уже с 1880 г. Франция рассматривала завоевание Тонкина как необходимое условие для демонстрации своей мощи и престижа в Азии.

Штурм ханойской цитадели. Фотография. 1882 г.

В полном соответствии с этой позицией метрополии губернатор Ле Мир де Виллер направил в апреле 1882 г. из Сайгона в Ханой отряд численностью в двести тридцать человек под командованием Анри Ривьера, который, следуя примеру Франсиса Гарнье, 25-го апреля 1882 г. захватил ханойскую крепость. В городе начались пожары, а его

губернатор повесился. В ответ на это император Нгуен-фук Тхи обратился за помощью к империи Цин.

Одновременно с этим при императорском дворе в Хюе царила атмосфера страха и беспомощности перед лицом противника, который во всех предыдущих столкновениях всегда был победителем. Император откровенно боялся открытых военных действий против Франции, которые могли бы непоправимо повлиять на судьбу династии. Поэтому, получив известие о взятии Ривьером Ханоя, он отдал распоряжение вывести из провинции Лаокай главных виновников французского вторжения – отряды «Чёрных флагов» и, надеясь тем самым добиться вывода французских войск, переместить их в провинцию Тхайнгун.

Таким образом, даже после падения Ханойской крепости император отказывался присоединиться к всеобщему мнению своих чиновников, настаивавших на открытой борьбе с агрессором. Такая позиция Нгуен Тхи объясняется его боязнью прямой французской атаки на столицу. Поэтому после взятия Ханоя Ривьером двор Хюе занимался лишь укреплением морских ворот столицы, возводя защитные сооружения в Тхуанане. В то же время губернатор Кохинхины настаивал на признании французского протектората, что для практически являлось вьетнамского императора равнозначным исчезновению не только правящей династии, но и самого государства Дайнам. По этой причине Нгуен Тхи попытался спровоцировать возникновение политической нестабильности в Кохинхине, с тем чтобы ослабить французское давление на Тонкин. Последнее облегчалось проблемами, с которыми столкнулась Франция во время войны в Египте. В Кохинхину были посланы многочисленные эмиссары Хюе, готовившие с октября 1882 г. всеобщее антифранцузское восстание в провинциях, которое должно было начаться по особому сигналу в заранее назначенный день. Его основой были издавна широко распространённые в Южном Вьетнаме тайные общества, где исторически сложилась многочисленная китайская диаспора. Но и этот план не удался благодаря

бдительности сайгонских властей, задушивших в зародыше готовившееся восстание.

Одновременно с этим вьетнамский император вновь обратился к цинскому двору за военной помощью. Как уже отмечалось, для Китая, также как и для Вьетнама, было просто непонятно, что какой-то составленный по европейским правилам легальный юридический документ, например, договор 1874 г., может аннулировать отношения, которые существовали на протяжении многих веков между обоими государствами, полностью изменив статус одного из них [519, с.232]. Поэтому Китай, отмечая возрастающую активность Франции в Северном Вьетнаме, через своих дипломатов в Париже уведомил её правительство о том, что он не останется равнодушным к изменению статуса своего номинального вассала. Тем не менее, хотя во Франции и опасались вооружённого конфликта с Китаем, губернатору Кохинхины было отдано распоряжение срочно «принять меры для обеспечения французских интересов во Вьетнаме» [520, с.100].

Война началась с обращения Нгуен-фук Тхи за помощью к империи Цин, за которым последовал ввод двенадцати её полков в пограничные с Китаем вьетнамские горные провинции, а также заявление цинского императора о непризнании им Сайгонского договора от 1874 г. Примерно в течение одного года¹ военные действия в дельте реки Красной шли с переменным успехом. С весны 1883 г. французские войска активизировались и в марте, оставив в Ханое небольшой гарнизон, захватили город Намдинь и Хонгай с его угольными месторождениями. Воспользовавшись этим, вьетнамские регулярные части вместе с пятнадцатьютысячным соединением «Чёрных флагов» подошли к столице Северного Вьетнама, которую защищал отряд Ривьера. В результате Ривьер был убит 19-го мая 1883 г. в бою на подступах к Ханюю примерно на том же месте, где за десять лет до того был убит Гарнье [92, с.117, 157]¹⁵. Однако это была «Пиррова победа», которая только усугубила положение вьетнамской стороны.

¹ С апреля 1882 г. по март 1883 г.

Известие о гибели Анри Ривьера лишь подхлестнуло империалистические и захватнические настроения правящих кругов Франции. Уже через неделю 26-го мая её парламент единодушно проголосовал за предоставление кредитов на сумму в 5,3 миллиона франков для экспедиционного корпуса, численность которого в Северном Вьетнаме должна была возрасти до 4000 человек [13, т.34, с.100]. Кроме того, французской эскадре было приказано нанести прямой удар по Хюе, с тем чтобы наконец заставить вьетнамского императора подписать договор о французском протекторате над Тонкином [519, с. 232]. Однако Нгуен-фук Тхи, скончавшийся после тяжёлой болезни 19-го июля 1883 г. в Хюе, не дожил до падения фортов Тхуанана.

Долгое правление императора Нгуен-фук Тхи под девизом «Наследованная добродетель»¹ завершилось полной катастрофой. Монархический строй империи Дайнам не смог противостоять внутренней дезинтеграции общества, которая усиливалась иностранной агрессией. Пока жизненная сила монархии растрачивалась в многочисленных, но неадекватных действиях, направленных на собственное спасение, её «развод» со своим народом стал свершившимся фактом. Захват в апреле 1882 г. ханойской крепости лейтенантом Анри Ривьером, под командованием которого находились всего два экипажа морской пехоты, со всей очевидностью показал крайнюю слабость и политический кризис монархии Нгуенов во второй половине XIX в.

25-го августа 1883 г. новый вьетнамский император Нгуен-фук Ынг Тянг¹⁶ подписал договор о протекторате Франции над Тонкином [119, с.183]. Однако важнейшие крепости дельты Красной реки и предгорных районов Северного Вьетнама по-прежнему находились под властью опиравшейся на тайную помощь Англии империи Цин, сообщившей французскому послу, что она не выведет свои войска из Дайнама до восстановления его прежнего статуса.

¹ 1848 – 1883 гг.

Тем временем Франция продолжала наращивать численность экспедиционного корпуса в Индокитае, выделяя на его содержание новые кредиты, которые в 1884 г. составили 17 миллионов франков при общей численности корпуса около 17 тысяч человек [13, т.34 с.101]. В результате французам удалось занять крепости Шонтэй, Бакнинь, Туенкуанг, Тхайнгуен и Хынгхоа, находившиеся в руках цинских войск, при этом за некоторые из них, например, Шонтэй и Туенкуанг, велись ожесточенные бои. Обращает на себя внимание тот факт, что в этих боях с обеих сторон были задействованы значительные силы. Трёхтысячной французской армии, в которую входили и вьетнамские соединения тонкинских стрелков, противостояло восемь – десять тысяч китайских солдат.

Мавзолей Гармоничного [и] Мирного императора Свергнутого
Нгуен-фук Ынг Тяна в Хюе.

Девиз правления «Вскормленный добродетелью» (1884 г.)

Однако быстрое продвижение к южным границам Китая семнадцатитысячного французского экспедиционного корпуса вынудило цинский двор пойти на переговоры с Францией и подписать 11-го мая 1884 г. Тяньцзинское

соглашение¹ о дружбе и добрососедских отношениях. По этой конвенции империя Цин обязалась вывести свои войска из Северного Вьетнама, признать все договоры, заключённые между Вьетнамом и Францией и открыть вьетнамо-китайскую границу для французской торговли. Заключение конвенции с Китаем дало возможность французскому правительству подготовить текст нового договора о протекторате над Северным Вьетнамом, который был подписан в Хюе 6-го июня 1884 г. императором Нгуен-фук Ынг Дангом¹⁷, возведённым на трон двумя регентами Тон Тхат Тхюетом и Нгуен Ван Тыонгом. Этот договор закреплял потерю Вьетнамом независимости и государственного суверенитета, лишал его императора права вести независимую внешнюю политику и передавал французским властям «общий контроль за осуществлением протектората», что по сути позволяло им прямо вмешиваться во внутренние дела страны [119, с.202]. В договоре также было прописано разделение страны путём придания её частям различных статусов.

Так, предусматривалось установление в Северном Вьетнаме протектората с более высокой степенью французского контроля. При этом, учитывая соседство Тонкина с Китаем и общую враждебность северян к захватчикам, французские резиденты назначались во все основные городские центры для контроля за деятельностью вьетнамской администрации. Эти резиденты даже получили право снимать с должности неугодных им чиновников. Управление таможнями тоже переходило в руки колониальных властей. Наконец, по отношению к иностранцам в Тонкине применялось положение об их экстерриториальности.

В то же время протекторат в Центральном Вьетнаме был более либеральным. Правда, и здесь управление таможнями и общественными работами изымалось из ведения центральной власти в Хюе, а такие крупные порты Аннама, как Кюиньон и Дананг, открывались для свободной торговли.

¹ Предварительное соглашение.

Одновременно с этим в упоминавшемся выше морском порте Тхуанан, расположенном на подступах к столице, и в самой столице Хюе, где должен был находиться генеральный резидент Франции, были расквартированы французские войска. Однако при этом управление провинциями было оставлено в руках вьетнамской администрации.

Искренний рода император Решительный Нгуен-фук Ынг Данг.
Девиз правления «Созидание счастья» (1884 г.)

Также следует отметить и то, что генеральный резидент, который должен был осуществлять общий контроль за деятельностью столичного и провинциального вьетнамского административного аппарата, не должен был прямо

вмешиваться во внутренние дела местной администрации. Наконец, все материальные привилегии вьетнамского чиновничества были сохранены [520, с.102]. Также интересно отметить, что после подписания мирного договора в 1884 г. колониальные власти организовали пышно обставленную церемонию в тронном зале императорского дворца в Хюе, во время которой была демонстративно уничтожена серебряная с позолотой печать с ручкой в виде верблюда со склонённой головой, символизировавшая вручение инвеституры «императоров» Срединного государства «королям» Южного государства.

Установив свой протекторат над Северным Вьетнамом, французские правящие круги стали искать повод для проникновения в южнокитайские провинции. В ноябре 1884 г. Палата депутатов французского парламента приняла решение о занятии французскими войсками северных горных пограничных с Китаем провинций Вьетнама. Кроме того, Париж предъявил Пекину ультиматум с требованием выплаты Франции 50 миллионов франков в качестве возмещения убытков, понесённых ею в результате кровопролитного столкновения французских и китайских войск близ Лангшона. В случае отказа Франция считала себя в состоянии войны с Китаем. Поэтому в августе 1884 г. эскадра адмирала Курбе бомбардировала арсенал в Фучжоу, потопила находившийся там китайский флот и высадила десант на Пескадорских островах¹ и на Тайване, а также блокировала доставку риса из южных провинций Китая в его северные области и города, включая Пекин.

К началу 1885 г. французский экспедиционный корпус во Вьетнаме уже насчитывал 30000 человек. 13-го февраля французам удалось занять Лангшон, но китайские части оказали им упорное сопротивление и сумели в марте того же года вернуть себе эту крепость. Понёсшие большие потери французские войска были вынуждены отступить. Поражение при Лангшоне вызвало волнения во французском парламенте,

¹ Остров Пэнху.

депутаты которого опасались затяжной войны с Китаем, связанной с выделением на неё новых, дополнительных кредитов.

В результате этих событий кабинет Жюль Ферри пал. Соответственно 9-го июня 1885 г. новое правительство Франции подписало Тяньцзинский договор о мире, дружбе и торговле с империей Цин, по которому последняя, признавая протекторат Франции над Вьетнамом, отказывалась от своего сюзеренитета над ним. Договором также разрешалась прямая импортно-экспортная торговля между провинциями Южного Китая и Тонкином, а Лаокай и Лангшон получили статус открытых зон с консульскими представительствами. Кроме того, Франция приобретала эксклюзивное право на строительство железных дорог в Китае. Наконец, была создана особая двусторонняя комиссия для согласования точной линии прохождения вьетнамо-китайской границы [119, т.1, с.229].

Так закончилось длившееся почти тридцать лет французское завоевание Вьетнама. Оно дорого обошлось Франции, которая за период с 1881 по 1885 г. израсходовала на войну в Тонкине 340 миллионов франков, при этом общая численность её войск во Вьетнаме, составила 60 тысяч солдат и офицеров, а людские потери – 6618 человек [997, т.2, с.869].

2.5. Движение сопротивления под лозунгом «Поддержим Короля» (1885 – 1886 гг.) и «пацификация» Тонкина (1885 – 1896 гг.)

После установления протектората положение в Северном Вьетнаме оставалось сложным. Французская администрация делала свои первые шаги, многие вьетнамские чиновники были сняты со своих постов, и местная вьетнамская власть пребывала в смятении, тогда как французы смогли по-настоящему утвердиться лишь в семи центрах дельты Красной реки. Таким образом, несколько десятков французских чиновников действовали в политическом и социальном вакууме среди десятиmillionного, враждебно настроенного населения, которое практически не оказывало никакой поддержки колониальному режиму. В сложившихся условиях

генеральный резидент Тонкина и Аннама генерал де Курси¹ был намерен действовать решительно. В его планы входила оккупация страны, подчинение местных жителей и установление военного положения по примеру Алжира. Действия генерального резидента в отношении двора Хюе были вызывающими, что фактически положило начало движению сопротивления.

Сторонник жёстких военных мер в колониальной политике, де Курси решительно вмешивался в институт суверенной вьетнамской монархии. Вопреки предупреждению своего советника Шампо, который указывал, что «отсутствие национального правительства в такой стране с традицией сильной централизации власти, как Вьетнам, может привести к анархии» [794.1, с.92], де Курси, намереваясь возвести на вьетнамский престол своего ставленника, захватил столицу Аннама г.Хюе. Вьетнамской стороне были известно намерение Генерального резидента свергнуть взошедшего на трон 31-го июля 1884 г. двенадцатилетнего императора Нгуен-фук Миня¹⁸, находившегося под влиянием известного своими антифранцузскими настроениями регента Тон Тхат Тхюета.

Поэтому последний решил опередить французов и нанёс упреждающий удар в ночь на 5-ое июля 1885 г. В ту ночь его люди напали на крепость, в которой находился французский гарнизон. Однако нападение было отбито, а само восстание подавлено в зародыше. Но на этом ничего не закончилось, так как королевский двор вместе с императором бежал в горы провинции Куангчи, где по приказу Тхюета была заранее построена крепость, в которую тайно перевезли часть императорской казны. План Тхюета состоял в том, чтобы двигаться дальше на север.

Следуя заранее подготовленному маршруту, регент с императором и его сторонниками двинулись на север в провинцию Тханьхоа. В том же июле 1885 г. Нгуен-фук Минь обнародовал воззвание, в котором призвал всё население страны к вооружённой борьбе против французских

¹ Июнь 1885 – январь 1886 гг.

завоевателей. Так зародилось движение, получившее название «Поддержим Короля» или движение «роялистов», которое было повсеместно поддержано крестьянами, нападавшими на французские патрули и посты. Восставшие также нападали на деревни католиков, при этом они их сжигали, а всех, кто не успел скрыться, убивали.

Руководители движения «роялистов» были, как правило, выходцами из среды высшего и среднего звеньев провинциального чиновничества и конфуцианской элиты, тогда как его идеология основывалась на сочетании общенационального патриотизма с конфуцианским учением о легитимности высшей государственной власти.

Император [Свергнутый] Нгуен-фук Минь.
Девиз правления «Всеобщее соответствие» (1885 г.)
Музей Истории. Ханой. 18.04.2011 г.

Патриотизм в данном случае стал синонимом безусловной преданности легитимному монарху, который персонифицировал собой справедливое государство.

Блестающий рода император Чистый Нгуен-фук Ынг Ки.
Девиз правления «Всеобщее торжество» (1886 – 1888 гг.)

Эта идеолгия стала краеугольным камнем морально-этического кодекса как рядовых участников, так и руководителей восстания. Соответственно для большей части

населения Северного Вьетнама возведённый на трон в сентябре 1885 г. генералом де Курси вместо своего низложенного брата новый император Нгуен-фук Ынг Ки¹⁹ не был легитимным правителем. Его непосредственное назначение французами противоречило многовековым традициям Вьетнама, где император почитался как Сын Неба. Согласно этим традициям такой император просто не мог считаться легитимным. Точно также, как разграбление императорского дворца и публичное сжигание министерских архивов с целью уничтожения монархии давало обратный результат и не могло привести к покорности местного населения [794, с.95, 425, 426].

Победа сторонников сопротивления при дворе и то, что движение было инициировано и возглавлено законным императором, сказались на изменении политического климата в стране. Если раньше очаги сопротивления возникали вопреки повелениям двора Хюе, то теперь его распоряжения в принципе стали нелегитимными, так как восстание возглавил легитимный государь, ставший лидером народного сопротивления иноземным захватчикам. Именно это представляло для французов наибольшую опасность, которую, следует признать, они сразу же осознали. Так, французский историк Шарль Госселен подчёркивал, что «возведение на трон [императора под девизом правления] “Всеобщее торжество” не принесло мира стране. Весь Аннам поднялся под знаменем восставшего короля... Он для всех законный суверен, его авторитет ещё более возрос, так как его имя стало знаменем независимости» [808, с.238, 239]. Одной из характерных черт движения «Поддержим Короля» была присущая менталитету вьетнамского народа вера в духов и сверхъестественные силы, которые помогают в борьбе за восстановление независимости. Так, в народе долгое время сохранялась легенда о некоем Ки Донге, национальном герое, действовавшем в дельте реки Красной и помогавшем Сыну Неба. Появление такого рода легенд о духе или необычном человеке, который помогает императору в борьбе со злом,

характерно для традиционного вьетнамского общества с глубокой древности¹.

Соппротивление конца XIX в. было связано не только с характерным для Вьетнама мифотворчеством, но и с достаточно типичным для других народов явлением. Речь идёт о патриотической литературе, отражавшей настроения и чаяния самых широких народных масс. Помимо художественного значения её произведения, как правило, имели и политический резонанс, из-за чего в условиях жёсткой французской цензуры, они расходились по рукам в списках. Сказанное в полной мере относится и ко многим литературным произведениям начала XX в.¹¹.

В течение трёх лет, вплоть до пленения императора Нгуен-фук Миня в 1888 г., по всему Аннам и Тонкину продолжались восстания под лозунгом «Поддержим Короля». Это было время его наивысшего подъёма, время, в течение которого предпринимались попытки объединить отдельные очаги восстания в единое движение сопротивления по всей стране. Однако, несмотря на определенную координацию действий, достичь настоящего объединения всех патриотических сил в полностью контролируемой захватчиками стране было практически невозможно. Интересно, что восстание поддерживали мыонги, тхай, таи и другие национальные меньшинства. Поэтому горные районы, которые колониальные власти не скоро смогли взять под контроль, достаточно долго служили базой повстанческих отрядов, обычно состоявших из нескольких десятков вооружённых мужчин. Как правило, командовали этими отрядами «деревенские смельчаки», которые в виде поощрения формально назначались мятежным императором на должности того или иного ранга чиновничьей иерархии. Для ведения войны сопротивления с превосходящими силами

¹ Смотри «Параграф 2» «Главы 1» и «Параграф 2» «Главы 2» «Части IV» «Том I» и «Главу 1» «Части III» «Том II».

¹¹ О литературных достоинствах указанных патриотических произведений смотри соответствующие главы посвящённых культуре частей настоящего и следующего томов.

противника вьетнамцы избрали тактику, которую они апробировали ещё в войнах с монголо-китайскими захватчиками в XII – XIII вв. Она состояла в том, что «мятежники», готовя очередное выступление, мирно жили и трудились в своих деревнях, ничем не отличаясь от обычных общинников. Когда же всё было готово, командиры собирали своих людей в отряды и поднимали знамя борьбы, после чего к ним стихийно присоединялось остальное население. Правда, некоторые крестьяне делали это не по доброй воле, а опасаясь репрессий в случае отказа. В результате после призыва к восстанию в том или ином районе он весь становился «антифранцузским».

В дельте Красной реки деревня, ставшая опорным пунктом повстанцев, окружалась труднопреодолимой бамбуковой изгородью и десятиметровыми, заполненными водой рвами, за которыми находилась ещё одна бамбуковая изгородь. Внутри деревни было множество узких улочек с забаррикадированными домами, каждая группа которых представляла собой изолированную крепость, имевшую лишь один видимый вход [794.2, с.86]. В эти окружённые со всех сторон заполненными водой рвами и находящиеся в центре рисовых полей деревни можно было проникнуть только по узким дамбам, расположение которых надо было хорошо знать. К тому же они яростно защищались повстанцами. Всё это крайне осложняло действия французских частей, которым приходилось брать штурмом каждый дом, нередко применяя для этого тактику поджогов. Эти деревни не только являлись военными базами повстанцев, но и обеспечивали их всем необходимым, в первую очередь – рисом. Такие деревни были особенно характерны на первом этапе движения «роялистов». В 1883 – 1884 гг., бойцы движения «Поддержим Короля», опиравшиеся на поддержку китайских отрядов «Чёрные флаги», чувствовали себя среди крестьян дельты реки Красной, «как рыба в воде». Их отряды уклонялись от прямых столкновений с французскими войсками, которые поначалу избрали крайне неудачную тактику громоздких военных колонн и постов. При подходе такой колонны повстанцы

смешивались с населением окружающих деревень, оставляя врагу свои опорные пункты пустыми. Французский резидент провинции Намдинь отмечал, что «...в повстанческом движении существует некая скрытая организация, которая с приходом французских отрядов смешивается с остальным населением и растворяется в нём» [794.3, с.87]. В результате, когда французские войска, полагая, что все силы повстанцев уничтожены, уходили из той или иной местности, через какое-то время там снова вспыхивало восстание.

Вторая половина 1885 г. стала кульминацией движения «Поддержим Короля». Его центром были труднодоступные горные и лесистые местности провинций Куангбинь и Хатинь, находившиеся недалеко от Лаоса, от которого регент Тон Тхат Тхюет надеялся получить поддержку. Кроме того через эти территории проходили основные пути, связывавшие Северный и Центральный Вьетнам. В течение 1886 г. повстанческое движение набирало силу. Тогда же в болотистых и топких местах провинции Тханьхоа повстанцы возвели несколько крепостей. Одна из них, известная под названием Бадинь, была построена благодаря поддержке губернатора этой провинции и денежным пожертвованиям окрестных деревень всего за один месяц. Её стены были сооружены из бамбука и земли, а по окончании строительства окружавшие укрепления поля были залиты водой²⁰. Командовал крепостью уроженец провинции Тханьхоа Фам Бань, который в 1864 г. успешно выдержал конкурсные экзаменационные испытания на должность чиновника. После французского вторжения он оставил службу и вернулся в родную провинцию. В то время ему уже было шестьдесят лет. Крепость Бадинь была расположена таким образом, что её гарнизон контролировал стратегически важный отрезок дороги из Северного в Центральный Вьетнам, прерывая тем самым сообщение между этими частями страны. Поэтому французское командование считало захват крепости Бадинь одной из важнейших военных операций 1886 – 1887 гг. [217.3, с.28 – 45].

Первый этап операции против крепости Бадинь начался 18-го декабря 1886 г., а на его втором этапе в начале января

1887 г. французские войска возглавил полковник Бриссо. Помимо основных частей в них входили вьетнамские вспомогательные подразделения. Прежде всего, это были отряды тонкинских стрелков, созданные декретом от 13-го мая 1884 г. по аналогии с подразделениями аннамитских стрелков Кохинхины 1879 г. Их численность, которая достигала 14000 человек, распределённых по трём – четырём подразделениям, составляла половину военных сил протектората [794, с.168]. И хотя тонкинские стрелки нередко дезертировали и присоединялись к повстанцам, их отряды стали воплощением нового политического курса колониальной администрации, ориентированного на использование местных репрессивных сил для подавления восстаний.

Кроме регулярных подразделений тонкинских стрелков в 1886 г. было создано вьетнамское ополчение, которое подчинялось находившимся на службе у французов крупным вьетнамским чиновникам [794, в.169]. Эти чиновники, обладавшие высокими степенями чиновной иерархии, имели большое влияние в традиционном вьетнамском обществе. Одним из наиболее известных таких чиновников был Хоанг Као Кхай, собравший в феврале – марте 1889 г. отряд из четырёхсот добровольцев. Не меньшую известность получил некий Чан Ба Лок, отряды которого были использованы в период 1886 – 1887 гг. при жестокой кампании умиротворения южного Аннама. Нищета, голод, нестабильность ситуации и многолетняя социальная дезорганизация Северного Вьетнама объясняют ту легкость, с которой французские власти набирали порой сотни его деревенских жителей в ряды ополчения. При этом члены католических общин составляли около половины этого ополчения [794, с.169, 170]. Но это было уже не в начальный период движения «Поддержим Короля».

Наконец, указом генерал-губернатора Индокитайского союза от 19-го июля 1888 г. была создана туземная гвардия, которая подчинялась гражданским колониальным властям и выполняла полицейские функции. Она быстро стала эффективным инструментом пасификации Тонкина в руках колониальных властей. В эти годы во Вьетнаме шло

ожесточенное соперничество за влияние и власть в стране между представителями военно-морского флота и экспедиционного корпуса, с одной стороны, и гражданской колониальной администрацией – с другой. Поэтому когда при генерал-губернаторе Пике гражданские колониальные власти стали вести борьбу против движения сопротивления исключительно местными силами, это вызвало недовольство военных, повлекшее за собой нападки и критику туземной гвардии. Подобная конфликтная ситуация между двумя основными французскими силами во Вьетнаме периода завоевания севера осложняла и без того непростую ситуацию, приводя к неоднозначным результатам.

Все эти состоявшие из вьетнамцев воинские части были использованы французским командованием при взятии крепости Бадинь. Лишь после массированного применения артиллерии несколько повстанческих отрядов оставили укрепления, и 21-го января 1887 г. французские войска взяли Бадинь штурмом. За эту победу Бриссо получил благодарность правительства Франции и чин генерала армии.

Ещё одним крупным очагом сопротивления на севере Вьетнама был район Байшэй, находившийся на границе провинций Хынгйен и Хайзыонг. Возглавил движение некий Тан Тхуат, ранее занимавший должность военного советника в Шонтэе [217.3, с.46 – 54]. Отряды Байшэй вели партизанскую войну, нанося удары по слабо укреплённым французским постам. Они не строили крепостей и не вели оборону какого-либо конкретного места, как в Бадини. Масштабные бои были редки. В период с 1885 по 1888 г. повстанческое движение в районе Байшэй действовало активно и успешно на большой территории дельты Красной реки, где находился их опорный пункт. Французский резидент провинции Намдинь сообщал в июле 1885 г., что огромная территория между каналом Бамбуков и морем по-прежнему совершенно неизвестна французам, канонерки которых там даже не появлялись [794, с.90]. При этом интересно, что миссионер Онате, подчёркивая их многочисленность, прямо указал на враждебные французам социальные слои Северного Вьетнама, которые, как он

полагал, были представлены бывшими чиновниками, учёными-конфуцианцами, главами малых провинций и деревенскими старейшинами [794, с.90]. Воспользовавшись разрозненностью и локальностью очагов сопротивления, что было главным недостатком движения «Поддержим Короля» и одной из основных причин его поражения, французскому экспедиционному корпусу удалось нанести серьёзный удар по опорному пункту повстанцев в Байшэе. В результате многие из них были вынуждены скрываться в труднодоступных и лесистых горных районах, а их лидер Тан Тхуат бежал в Китай.

Движение «Поддержим Короля» развернулось и в Аннаме, где по призыву императора Нгуен-фук Миня на борьбу с французами поднялись все провинции от Тханьхоа до Биньтхуана [794, с.46]. Там, так же как и на севере, повстанцы пользовались поддержкой населения, укрывавшего их и поставлявшего им продукты. Боевые отряды создавались очень быстро. Уже через несколько дней после начала формирования они были готовы выступить против врага. Как правило, повстанцы собирались в каком-либо одном месте, создавали военный лагерь и, по возможности, одевались в униформу. Таким образом, в течение короткого времени создавалась одновременно гибкая и централизованная боевая единица, тесно связанная с местом своего возникновения, для управления которой её члены стремились воссоздать чиновничий аппарат и методы управления империи Дайнам. Вероятно, поэтому, как и в «тяжёлые времена» до французского завоевания, повстанцы Центрального Вьетнама отменили налоги [794, с.46]. И хотя формы борьбы с захватчиками в каждой провинции имели свои особенности, надо полагать, что по этой же причине именно в Аннаме движение «Поддержим Короля» отличалось агрессивностью по отношению к католикам, которых грабили и нередко убивали. В период с конца июля по конец сентября 1885 г. в провинциях Аннама проходила настоящая бойня, во время которой 40000 или почти 1/3 всех католиков Центрального Вьетнама были убиты [794, с.49]. Больше всего жертв было в

провинциях Куангнгай, Биньдинь и Куангчи, тогда как в более северных провинциях Тхыатхиен, Куангбинь и даже Нгеан их число было минимальным. При этом даже сами миссионеры полагали, что все эти убийства имеют политический, а не религиозный характер, так как вьетнамское общество всегда отличалось веротерпимостью и отсутствием религиозного фанатизма. Это подтверждается и событиями в Куангнгае, где первые убийства католиков в конце июля 1885 г. стали ответом повстанцев на повторное взятие французами провинциальной крепости и убийства их лидеров. Тем не менее подавляющее большинство католиков этой провинции было истреблено за несколько дней¹, а оставшиеся в живых укрылись в ущелье, где более одного месяца они отражали атаки повстанцев, возглавляемых учёными-конфуцианцами, пока их не освободил капитан одного из французских сторожевых кораблей [794, с.51]. Не менее драматичными были события, происходившие в провинции Биньдинь, где трёх миссионеров убили на глазах их паствы, а те, кто спаслись, бежали в Кюиньон, который по договору 1874 г. имел статус французской концессии. Там находился французский резидент с отрядом морской пехоты, бывший единственным в то время представителем Франции к югу от Хюе. Песчаная коса Кюиньона стала убежищем для вьетнамских католиков, при этом если в конце июля 1885 г. их было 3 тысячи человек, то весной 1886 г. на косе скопилось уже 11 тысяч беженцев [794, с.51]²¹.

Французским войскам удалось ещё до пленения императора «Всеобщего соответствия» подавить главные очаги сопротивления к югу от Хюе. Стремясь как можно скорее захватить мятежного императора в плен, они покрыли сеть своих военных постов всю территорию между городами Винь и Хюэ, методически сжимая кольцо окружения. Кроме того, подкупив одного из приближённых императора, французам удалось завладеть частью государственной казны. В результате они получили 2516 слитков золота и 5850

¹ Было убито порядка 85% католиков.

слитков серебра, что равнялось 4 миллионам франков по курсу того времени [164, т.34 с.109]¹. Эта добыча дала возможность французским властям во Вьетнаме вести дальнейшие военные действия, не прибегая к кредитам из метрополии, получение которых было связано с большими трудностями. Наконец, 1-го ноября 1888 г. Нгуен-фук Минь был выдан французам. Его популярность в народе была столь велика, что императора нельзя было оставлять во Вьетнаме, а потому его сослали в Алжир под надзор французских властей. Когда императора несли в паланкине по горным тропам и по равнине к Хюе, люди стоял на коленях по обе стороны дороги и плакали, плакал и он сам, понимая, что возглавленное им восстание подавлено [794, с.159]. Сыновья регента Тхюета были убиты, а сам Тхюет, выехавший в 1886 г. за помощью в Китай, возвращаясь на родину, заболел и скончался в пути.

После разгрома центра сопротивления, движение «Поддержим Короля» как таковое пошло на спад, но ещё около двух десятилетий освободительная борьба во Вьетнаме велась под этим лозунгом. Так, в начале девяностых годов наиболее заметным очагом сопротивления стали провинции Нгеан и Хатинь. Во главе вспыхнувшего там восстания стояли представитель прежней элиты Фан Динь Фунг²² и его помощник, талантливый военачальник Као Тханг. Известное под названием «восстание в Хьюнгшоне»¹¹, оно было одним из самых хорошо организованных и успешных восстаний, которое длилось около десяти лет с небольшими перерывами, Фан Динь Фунгу, который, надо полагать, обладал большим организаторским талантом, удалось в сравнительно небольшой срок сформировать дисциплинированную, по-европейски обученную и вооружённую армию, в рядах которой в 1890 г. насчитывалась 1000 человек при постоянном притоке новых сил [578, с.434]. Он построил крепость на стыке границ Лаоса

¹ Речь идёт о высоком и стабильном курсе франка конца XIX в., который затем не пережил финансовых падений и инфляции, связанных с началом Первой мировой войны.

¹¹ «Хьюнгшон» – это название горного района, где в основном действовали восставшие.

и Вьетнама, в которой расположился его командный пункт. На октябрь 1893 г. было запланировано наступление на Нгеан с целью захвата местной крепости, но в одном из боёв был смертельно ранен Као Тханг.

Фан Динь Фунг (1847 – 1895 гг.).
Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.

Смерть талантливого, энергичного командира была большой потерей для повстанцев. Поэтому под нажимом французских войск отряды Фан Динь Фунга были вынуждены отступать всё дальше в труднодоступные горные районы. В итоге восстание было подавлено, захваченные в плен командиры казнены, а простые участники подверглись жестоким репрессиям, которые были поддержаны и двором Хюе. Сам же Фан Динь Фунг погиб в одном из боёв ещё в декабре 1895 г. [578, с.435]. В подавлении восстания наряду с

частями французского экспедиционного корпуса принимали участие и отряды созданной к тому времени вьетнамской милиции, численность которой в эти годы составляла 8000 в Тонкине и 3000 человек в Аннаме [520, с.110].

Восстание Фан Динь Фунга оказалось последним вьетнамским выступлением против французского господства под лозунгом «Поддержим Короля». Однако вплоть до начала десятых годов XX в. в Северном Вьетнаме продолжал существовать очаг крестьянской антиколониальной борьбы под руководством Де Тхама, или Хоанг Хоа Тхама.

Де Тхам или Хоанг Хоа Тхам (1851 – 1913 гг.).
Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.

С начала девяностых годов его базой становится предгорный район Иентхе к северу от Ханоя, откуда отряды

Де Тхама, проявляя большую маневренность, совершали нападения на такие относительно крупные населённые пункты, как Бакзянг, Тхайнгуен и Хынгхоа. Они пользовались поддержкой населения, так как начавшиеся мероприятия колониальных властей по дешевой продаже и даже раздаче земельных концессий французским лицам сопровождались сгоном крестьян с их земель. С середины девяностых годов французские власти пытались расколоть движение Де Тхама путём переговоров. В 1894 г. с ним было достигнуто соглашение, по которому в распоряжение Де Тхама отходили двадцать две деревни в районе Иентхе с правом сбора с них налога в его пользу в течение трёх лет. После очередных переговоров в 1897 г. было заключено новое соглашение о передаче в управление Де Тхаму волости Фонсьонг [164, т.34, с.110]. После этого часть отрядов прекратила борьбу, которая всё же продолжалась ещё шесть лет. Наконец, в 1913 г. французские войска, которые благодаря подкупу получившим информацию о местонахождении восставших, окружили отряд Де Тхама, погибшего в этом бою.

Характеризуя движение «Поддержим Короля», следует подчеркнуть, что оно, будучи «роялистским», опиралось на традиционную конфуцианскую идеологию, а его участники использовали тактику нападения на врага с последующим отступлением в близлежащие деревни, от жителей которых их невозможно было отличить. Повстанцы активно действовали на обширных территориях, перекрывая дороги французским частям, которые несли значительные потери. При этом, несмотря на всё своё военно-техническое превосходство, французское командование было не в состоянии найти эффективные средства борьбы с такой тактикой ведения войны¹.

Помимо борьбы с антиколониальным движением в Северном Вьетнаме французские колониальные власти

¹ Аналогичная тактика применялась южновьетнамскими партизанами во второй половине XX в. при ведении войны против США. См. соответствующие главы «Том IV».

столкнулись с проблемами, связанными с ситуацией и в самой метрополии. В 1885 г. во французском парламенте возобладала партия консерваторов, бывших противниками колониальных захватов отдалённых территорий, которые требовали значительных финансовых затрат. Вследствие этого метрополия резко сократила выделение бюджетных средств экспедиционному корпусу и потребовала установления в Тонкине режима гражданского правления. Однако в то время такой французской администрация во Вьетнаме почти не было, при этом практически всё население относилось к французам враждебно, а вьетнамские чиновники отказывались сотрудничать с ними. Таким образом, именно в тот момент, когда началось движение под лозунгом «Поддержим Короля», метрополия решила сократить своё военное присутствие в Тонкине. Поэтому, чтобы спасти положение, сторонники колониальной политики были вынуждены прибегать к различным политическим маневрам. Однако у них не было ни чёткой программы действий, ни знания местных условий, что привело к многочисленным ошибкам, из-за которых окончательное покорение Северного Вьетнама, столкнувшееся с упорным сопротивлением, продолжалось почти десять лет. Это десятилетие получило во французской историографии название периода «пасификации», или «умиротворения», Тонкина. Оно потребовало от Франции колоссальных по тем временам финансовых затрат, введения во Вьетнам многочисленного экспедиционного корпуса и применения различных политических маневров и усилий. При этом даже создание Индокитайского союза в 1887 г. не смогло решить проблему «пасификации» Тонкина. Связано это было с тем, что обладавшие всей полнотой власти его первые генерал-губернаторы были заурядными и неудачливыми личностями, которые совершенно не подходили для решения поставленных перед ними задач и, несмотря на все свои старания, не могли справиться с национально-освободительным движением. Одновременно с этим метрополия требовала «возврата» финансовых потерь от своего нового владения. Поэтому в автономный бюджет Индокитайского союза была включена

специальная графа об отчислении средств в метрополию. Всё это только усугубляло ситуацию, которая изменилась лишь с назначением Де Ланессана на должность генерал-губернатора Индокитайского союза²³.

В конце июня 1891 г. Де Ланессан прибыл в Сайгон с командой единомышленников, которая состояла из адмирала Фурнье, генерала Реста, верховного резидента Тонкина Шавасье и финансового контролёра Бриера. Для начала он взял в свои руки всю полноту гражданской и военной власти. Де Ланессан подчинил себе даже главнокомандующего войсками Индокитайского союза, а потому все военные отчёты сначала проходили через канцелярию генерал-губернатора и только затем отсылались в Париж. Кроме того, Де Ланессан взял под свой контроль и всю гражданскую администрацию. Он также полагал, что одной из важных составляющих «пацификации» является установление нормальных отношений с двором Хюе. В результате, 26-го июля 1891 г. была опубликована «Прокламация Его Величества императора Аннама чиновникам, учёным-конфуцианцам и населению Индокитая» [794, с.191]. В «Прокламации» говорилось об озабоченности Франции и двора Хюе ситуацией, о покровительстве крестьянам Тонкина и Аннама, но главным в ней было то, что восставшие объявлялись ответственными за бедствия народа. Это был очень ловкий ход, вследствие которого придворные вьетнамские чиновники были вынуждены взять на себя частичный контроль за порядком в дельте реки Красной и принять участие в подавлении движения сопротивления. В противном случае могла быть поставлена под сомнение не только их лояльность режиму французского протектората, но и преданность императору, поскольку формально именно он являлся автором «Прокламации». Правивший в то время император Нгуен-фук Тиеу¹ был известен своим жестоким и неуравновешенным характером, поэтому Де Ланессан сосредоточил свои действия

¹ О Нгуен-фук Тиеу смотри «Примечание 26» в «Комментарии» к настоящей главе.

на членах Тайного совета и регентах, многие из которых стали его сторонниками. Так, например, преданный Де Ланессану регент Нгуен Чаунг Хиен, принимая французское руководство протектората в день своей отставки, с гордостью заявил: «Я служу Франции уже целых двадцать пять лет!».

Через год после прибытия Де Ланессана во Вьетнам ситуация изменилась к лучшему, однако болезнь и длительное лечение в Японии изменили ситуацию не в его пользу, так как в 1892 – 1894 гг. колониальное общество Индокитая заняло враждебную по отношению к Де Ланессану позицию. Несмотря на то что французские деловые круги были удовлетворены успехами его политики, генерал-губернатор подвергся жёсткой критике при первом же инциденте на строительстве железной дороги в Лангшоне. Представители ханойской оппозиции, обвинив Де Ланессана в связях с двором Хюе и вьетнамскими сановниками, заявляли, что ситуация в протекторате по-прежнему нестабильна. Кроме того, он лишился поддержки и в Париже, где в результате выборов 1893 г. оппортунисты-республиканцы во главе с министром колоний Этьеном, с которыми тесно сотрудничал Де Ланессан, потеряли власть. Поэтому ему пришлось самому ехать во Францию, для того чтобы добиться выделения средств на завершение строительства железной дороги в Лангшон. Генерал-губернатор отсутствовал с марта по октябрь 1894 г., что позволило его противникам в Ханое значительно укрепить свои позиции. Правда, Де Ланессан вернулся с деньгами, железная дорога была построена, а отношения с Китаем – урегулированы, но это не помогло. На следующий день после отправки 28-го декабря 1894 г. в Париж отчёта о достигнутых успехах Де Ланессан получил телеграмму о своей отставке. В тот же день он передал пост генерал-губернатора Индокитая назначенному вместо него Пьеру Родье.

В заключение данного параграфа следует подчеркнуть, что именно Де Ланессан добился вывода протектората Аннама и Тонкина из глубокого кризиса, при этом он сумел почти полностью «умиротворить» дельту и достичь определённых успехов в горных районах. Благодаря этому «умиротворение»

Тонкина было завершено к 1896 г., хотя, как уже говорилось, отдельные повстанческие группы действовали вплоть до начала XX в. Генерал-губернаторство Де Ланессана также создало предпосылки для успешного экономического освоения Тонкина, подготовив почву для реформ Поля Думера в 1897 – 1902 гг.

2.6. Вьетнамская монархия и французский протекторат

Проблема отношения вьетнамской монархии к французскому протекторату тесно связана с проблемой утраты национальной идентичности и попыток её восстановления во Вьетнаме эпохи колониального завоевания. Как известно, французское колониальное завоевание Вьетнама длилось около четверти века с 1859 – 1884 гг., а его основные этапы приписались на правление Поддерживающего род императора Выдающегося Нгуен-фук Тхи, которое прошло под девизом «Наследованная добродетель». Он оправдывал свою позицию уступок Франции и подписание им кабальных договоров тем, что мир даст необходимую передышку для оздоровления ситуации в стране. Будучи убеждённым конфуцианцем, император Нгуен Тхи следовал классической конфуцианской доктрине, согласно которой любое «несчастье» в масштабе страны связано с «ошибками» государственного управления, персонифицированного в личности государя. Поэтому уже в октябре 1867 г. император издал указ, в котором он оценивал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Никогда ещё не было столь зловещих событий, [как в нашу эпоху], никогда ещё не случалось столько больших несчастий, [как в этом году...]. Над собой я боюсь [власти] Неба. Смотрю вниз на подданных [и чувство] жалости к [моему] народу угнетает [меня]. Днём [и] ночью одновременно дрожу [и] краснею в душе. Принимаю [на себя] ненависть [и] вражду, [желая] избавить народ [от] ответственности. [Однако] искупление ещё не успевает наступить, [а] новые бедствия обрушиваются [на нас]» [808, с.546]. Затем, осенью 1879 г., Нгуен-фук Тхи опубликовал ещё один указ, в котором также брал на себя вину за обрушившиеся на народ несчастья [164, т.34, с.268].

Связано это было с тем, что конфуцианская политическая концепция, выдвигая на первый план добродетели и заслуги той или иной династии, возлагала на плечи императора колоссальную ответственность за жизнь и благо его подданных. Следствием многовекового восприятия императорской власти как гаранта незыблимости основ организации общества и государства, стало всеобщее убеждение в том, что только она способна защитить «народ» от несчастий. Поэтому в 1883 – 1884 гг. одновременно с капитуляцией двора Хюе была окончательно утрачена идейная основа монархии, которая строилась на взаимосвязях и обязательствах, вытекавших из конфуцианского понимания дуальности формулировки «император – подданные». Начало же этому процессу утраты идейных основ общества во Вьетнаме было положено заключением мирного договора с Францией в 1874 г., подписание которого дало французским колониальным кругам возможность непосредственно вмешиваться в дела вьетнамской монархии.

Следующими шагами на этом пути стали уже упоминавшиеся выше Договор о протекторате от 6-го июня 1884 г. и Тяньцзиньский договор от 9-го июня 1885 г., который упразднял китайский сюзеренитет над Вьетнамом, подтверждая право французских властей держать в Бакки войска и управлять таможнями и местными делами [119, с.183; 92, с.202]. Одновременно с этим в колониальной политике Франции в Индокитае произошли серьёзные изменения. Так, 7-го января 1886 г. протекторат Аннам – Тонкин был выведен из-под контроля министерства морского флота и передан министерству иностранных дел, что нанесло серьёзный удар по позициям военных в протекторате, который с того времени стал не переходной структурой к прямому правлению, а стабильной системой управления новым французским владением. В истории колониального Вьетнама этот год связан с именем уже неоднократно упоминавшегося выше Поля Бера, который, в отличие от политики ассимиляции первых лет французского проникновения во Вьетнам, стал проводить политику ассоциации. Надо полагать, что назначая Поля Бера

генеральным резидентом, министр иностранных дел Фрейсине стремился укрепить позиции Франции в Северном Индокитае. Со своей стороны двор Хюе попытался воспользоваться этим назначением для хотя бы формального восстановления авторитета императора и администрации государства. В этой связи королева-мать Ты Зу поспешно отправила Фан Тона, младшего сына Фан Тхань Зяна, к Полю Беру в Сайгон с предложением о полной передаче Тонкина под власть Франции в обмен на максимальное возможное восстановление автономии Аннама [794, с.135]. Для французов предложение королевы-матери было равнозначно полной капитуляции двора, тогда как с точки зрения престарелой королевы-матери, исходившей из того, что, согласно конфуцианской концепции исторических циклов, все беды рано или поздно пройдут, главным было сохранить династию. Поэтому для неё важнее всего было удержать под своей властью те территории, на которых находились могилы предков и иные реликвии правящей династии, обеспечивавшие ей защиту и покровительство «Неба» [794, с.135].

В результате упомянутых переговоров была подписана конвенция, согласно которой Тонкин фактически выводился из-под административного контроля двора Хюе. После чего декретом от 30-го апреля 1886 г. генеральный резидент создал совещательный орган в виде Совета из сорока тонкинских нотаблей, члены которого ежегодно избирались главами округов. Следующий декрет от 3-го июня 1886 г. делегировал широкие полномочия вьетнамскому «губернатору» Тонкина, который ошибочно воспринимался частью французских властей как наместник императора, но в действительности имел право принимать необходимые и наиболее удобные для французов решения без его участия, что было беспрецедентным событием в истории династии Нгуен [794, с.136, 137]. Таким образом, рассматривая институт вьетнамской монархии как возможный инструмент эффективного управления новыми французскими владениями, генеральный резидент Поль Бер стремился проводить политику ассоциации и так называемого «лояльного протектората» [794, с.106]. Однако империя Дайнам,

территория которой была урезана до минимальных и экономически незначимых размеров, уже не могла вернуть своего бывшего могущества [519, с.239]. На первый взгляд более либеральная по сравнению с предыдущим периодом политика Поля Бера на самом деле точно также разрушала идейно-политические институты империи Дайнам, хотя и позволяла сохранять иллюзорную надежду на расширение автономии и частичный возврат утраченных территорий. Поэтому 30-го января 1887 г. на переговоры с только что прибывшим в Ханой новым генеральным резидентом Биуаром был направлен Нгуен Хыу До, бывший в то время одной из ключевых фигур императорского двора. Однако никаких новых уступок не последовало [794, с.141].

Как уже отмечалось, для дальнейшей централизации власти в руках французских властей декретом от 17-го октября 1887 г. был образован Индокитайский союз, в который вошли в 1899 г. Кокхинхина, Аннам, Тонкин, Камбоджа и Лаос, а в 1900 г. – территория Гуанчжоувань. Создание генерал-губернаторства в Индокитае превратило различные степени «автономности», предоставленные Францией отдельным территориям, в полную фикцию [921, с.144].

В то время во французской колониальной политике отмечаются разногласия, суть которых сводилась к вопросу о том, следует ли вести политику «лояльного протектората» или проводить политику прямого вмешательства и давления на двор Хюе. Первый генерал-губернатор Индокитайского союза Эрнест Констан (ноябрь 1887 – апрель 1888 г.), который был членом республиканской партии и приверженцем политики оппортунизма, решительно высказывался против прямого французского правления, считая пребывание во Вьетнаме большого экспедиционного корпуса несовместимым с идеей протектората. Он дал понять императору Нгуен-фук Ынг Ки о своём намерении расширить сферу действия и полномочия его правительства [94.1]. Его преемник генерал-губернатор Этьен Ришо (апрель 1888 – май 1889 г.) придерживался противоположной точки зрения. Он считал, что любой протекторат, который не ведёт к прямому завоеванию – есть

фикция [94.2]. Этьен Ришо полагал, что вопреки расчленению Дайнама его столица остаётся «головой и сердцем империи», поэтому для того чтобы добиться успеха, необходимо было сосредоточить усилия на Хюе, оттуда исходили все противодействующие французским замыслам интриги. С точки зрения этого генерал-губернатора добиться успеха могло позволить лишь превращение системы мандарината в эффективный инструмент французского господства. Поэтому Этьен Ришо предлагал не сосредотачиваться на персоне ставленника французов императора, а подчинить себе всемогущий правящий класс бывшей империи Дайнам в лице учёных-конфуцианцев и чиновников, которые уже давно свели королевское достоинство вьетнамских правителей к «номинально-ритуальным функциям» [94.2].

К моменту назначения генеральным резидентом в Хюе в середине ноября 1888 г. Пьера Поля Рейнара французы, пленив мятежного императора Нгуен-фук Миня, уже почти полностью контролировали ситуацию в стране. Император Нгуен-фук Ынг Ки был покорным и послушным исполнителем их пожеланий, что дало французским властям возможность прямого влияния на двор в Хюе. За несколько дней до Нового года по лунному календарю, 28-го января 1889 г. он скончался от приступа злокачественной малярии. Скоропостижная смерть императора, которая была воспринята как «кара Неба» за допуск французов к управлению государством, не только вызвала сумятицу в умах простых людей, но и показала, насколько недолговечными могли быть возведённые на престол французские ставленники [921, с.148]. К тому же сразу возникла проблема наследования. Император Нгуен-фук Ынг Ки оставил двух сыновей, старшему из которых на тот момент исполнилось четыре, а младшему – три года. Поэтому колониальные власти приняли решение возвести на трон десятилетнего сына, правившего под девизом «Вскормленный добродетелью»¹ императора, Нгуен-фук Тиеу²⁴. При этом

¹ См. «Примечание 17» в «Комментарии» к настоящей главе.

французы воспользовались сменой императора, чтобы сразу показать всем «кто в доме хозяин».

Император Свергнутый Нгуен -фук Тиеу.
Девиз правления «Завершение гармонии» (1889 – 1906 гг.)

Во-первых, на церемонии коронации юный император получил инвеституру не как обычно от императора Срединного государства, а из рук французского генерального резидента Пьера Поля Рейнара.

Во-вторых, влияние Совета регентов, который обычно создавался при малолетнем императоре, было нейтрализовано конвенцией, заключённой между Рейнаром и двором 26-го февраля 1889 г.

Согласно этой конвенции, генеральный резидент, в данном случае – сам Рейнар, имел право присутствовать на

заседаниях как Тайного совета, так и Совета регентов, что позволяло ему контролировать все акты королевского правительства [921, с.149]. Кроме того, генеральный резидент также получил прямой доступ к богатствам императорской семьи. «Не прошло и семи лет со смерти императора, правившего под девизом “Наследованная добродетель”, как монархия Нгуенов была лишена большей части своих атрибутов» [921, с.149]. При этом, по выражению Лиотея, «император был предоставлен сам себе, жил праздно и бездейственно, без книг, без развлечений,... Мы, французы, можем “гордиться” тем, что “испортили” [императора] “Завершения гармонии”» [882, с.442]. И действительно, монотонная и раздражающая придворная жизнь испортила характер императора. Как генеральные резиденты, так и многие люди из его окружения нередко его унижали, относясь к нему как к орудию французской политики, что, вероятно, и стало причиной формирования жестокого нрава и взбалмошного характера императора Нгуен-фук Тиеу. Ещё одним унижением национального достоинства вьетнамцев стало вынужденное разрешение императорского двора на размещение французского гарнизона в северном углу крепости Хюе, которая находилась внутри Запретного города, куда не только иностранцам, но и многим придворным вход был закрыт. Для французов также был открыт «срединный», или центральный, проход Южных ворот, которым имел право пользоваться только император [519, с.234]. Наконец, известно, что во Франции было принято решение о возведении на престол лишь слабых и малолетних правителей. И это при том, что непосредственное участие французов в выборе наследника престола шло наперекор конфуцианскому учению об имперской власти, которое на протяжении многих веков господствовало во Вьетнаме и являлось стержнем его политической культуры [794.1, с.92]. Представляется, что такое поведение колониальных властей на начальном этапе французского господства во Вьетнаме было связано с их стремлением унижить монархию в глазах её подданных, с тем чтобы самим полностью контролировать управление страной.

Однако такое пренебрежение традиционными вьетнамскими моральными ценностями было серьёзной ошибкой. Поэтому, когда на рубеже двадцатых и тридцатых годов XX в. французы наконец осознали, что без сотрудничества с вьетнамской монархией эффективное управление страной невозможно, это уже не могло помочь им спасти стремительно выходящую из-под контроля колониальных властей ситуацию в Индокитайском союзе.

В этой связи с вышесказанным интересно сравнить политику французских властей в Тонкине, Аннамс и Кохинхине с их же политикой в Камбодже. Подписав в январе 1877 г. с королём Нородомом документ, ограничивавший его власть, французская администрация приступила к «модернизации» кхмерской монархии путём выкупа у правящей династии и аристократии их привилегий. В результате, в июне 1884 г. под угрозой применения силы король Камбоджи был вынужден подписать с Францией специальную конвенцию, согласно которой учреждалась должность непосредственно подчинённого губернатору Кохинхины французского генерального резидента Камбоджи, а местные чиновники ставились под контроль французских резидентов [94.1, с.165, 166].

Прямое вмешательство французских властей во внутренние дела Камбоджи спровоцировало восстание, известное под названием «Движение в поддержку короля», которое совпало как по времени, так по своему характеру с аналогичным ему по характеру восстанием «Поддержим Короля» во Вьетнаме.

Надо полагать, что именно это стало главной причиной подписания в 1886 г. французской стороной нового соглашения с кхмерским королём, возвращавшего ему и его сановникам их прежние административные функции.

Оценивая политику Франции в отношении кхмерской монархии, современники отмечали, что проще было бы сместить Нородома и ввести прямое французское правление, однако, в отличие от Вьетнама, этого так и не произошло.

2.7. Индокитайский союз и организация управления вьетнамскими территориями на начальном этапе французского колониального господства

С конца XIX в. начался новый этап европейского колониального освоения завоёванных территорий, который в каждом конкретном случае приобретал различные формы в зависимости от уровня экономического развития и национальных характеристик страны-метрополии, а также традиций и местных условий колониальных владений. Взаимовлияние восточной и западной культур привело к возникновению специфического колониального общества в виде компромиссного структурно-функционального единства, которое возникло в результате взаимодействия традиционного и современного [639, с.8, 9]. Иными словами, речь идёт о принципиально новом типе общества с присущими именно ему, отличными как от исходных местных, так и от исходных привнесённых, структурами, процессами и явлениями. Соответственно захват империи Дайнам поставил перед Францией проблему модернизации политического устройства вьетнамского общества, которое возглавлялось деспотической монархией, характеризовалось чуждым европейцам типом взаимоотношений власти и социума и находилось, как и общества соседних с ним государств, на доиндустриальной стадии социально-экономического развития [371, с.10 – 18]. Поэтому весь период завоевания Вьетнама связан со стремлением французских правящих кругов найти наиболее приемлемую для захваченных Францией стран восточного Индокитая единую и эффективную форму управления. Судя по всему, первоначальным результатом этих поисков стало учреждение декретом Поля Бера от 30-го апреля 1886 г. совета из сорока нотаблей, а также назначение им декретом от 3-го июня 1886 г. вьетнамского «губернатора» Тонкина, который имел право принимать решения без их согласования с императором. Однако надо полагать, что главным инструментом французского господства стал учреждённый декретом от 17-го октября 1887 г. Индокитайский союз во главе с генерал-губернатором, который был подчинён

министерству колоний, вследствие чего протектораты Аннам и Тонкин были выведены из подчинения министерству иностранных дел. Последнее явилось грубым нарушением Договора о протекторате от 1884 г., которое было крайне болезненно воспринято частью традиционной вьетнамской элиты. Поэтому её представители впоследствии создали «Группу '84»^I, которая постоянно требовала от колониальных властей возвращения к нормам и принципам прежнего договора о протекторате. Однако вплоть до 1891 г. генерал-губернатор находился в полной зависимости от министерства колоний и не мог самостоятельно принимать серьёзные решения. Лишь после назначения в Индокитай Де Ланессана^{II}, который добился подписания специального декрета в 1891 г., генерал-губернатор получил значительную свободу действий, которая затем была подтверждена особым декретом в 1911 г.

В подчинении генерал-губернатора находились бюджет, а также вся гражданская администрация и вооруженные силы Индокитайского союза. При нём были созданы управление финансового контроля^{III}, в ведении которого находились Индокитайский банк, управление финансов, отвечавшее за составление и исполнение бюджета, и юридическая служба, возглавляемая генеральным прокурором.

Сначала в судопроизводстве действовали французские законы для европейцев и «натурализованных» лиц. Затем в Кохинхине, а позднее и в остальных частях Индокитайского союза для местного населения были введены кодексы уголовного и гражданского права, составленные на основе французских законодательных норм с применением элементов местного законодательства, известные как законодательство французских заморских территорий [578, с.439, 440]²⁵.

^I Интересно отметить, что одним из членов «Группы '84» был будущий президент Республики Вьетнам Нго Динь Зьем. О Зьеме смотри «Главу 1» «Части II» следующего тома.

^{II} О Де Ланессане смотри конец «Параграфа 2.5» настоящей главы.

^{III} Это управление было создано специальным декретом от 8-го декабря 1906 г.

Кроме того к аппарату генерал-губернатора также относились Управление таможен и государственных монополий, Управление общественных работ, Управление сельского хозяйства и торговли, а также Управление почты и телеграфа. Все эти управления имели отделения на местах. Всего же на 25 миллионов человек вьетнамского населения приходилось 4,7 тысячи французских чиновников, что было немногим меньше общего числа английских чиновников в Индии с её 350 миллионами жителей [1410, с.13]. Поэтому, учитывая, что из-за так называемой колониальной надбавки содержание одного чиновника в Индокитае обходилось в три раза дороже, чем в Европе, нет ничего удивительного в том, что основная часть доходов бюджета Индокитайского союза шла на оплату чиновничьего аппарата. Официальным печатным органом Индокитайского союза стал «Журналь оффисьель». Также интересно отметить, что колониальные власти сохранили по-своему эффективное единообразное прежнее территориально-административное деление территорий с их чиновничьей иерархией, в котором провинция была самой крупной территориально-административной единицей в традиционной системе управления империей. Но всё это касалось центрального аппарата при генерал-губернаторе. В то же время во Франции постоянно шли дебаты о методах управления различными территориями отдельных частей Индокитайского союза, прежде всего – Вьетнама. Хотя эти дебаты и продолжались на всём протяжении существования французского Индокитае, окончательное завершение создания структуры управления им связано с декретом от 13-го февраля 1899 г. и особенно – с декретом от 20-го декабря 1911 г.

В Кохинхине, которая официально считалась колонией, администрацию возглавлял губернатор. Во главе каждой из её провинций стоял администратор по делам местного населения, который, в соответствии с декретом от 5-го марта 1889 г. [578, с.447], также являлся председателем Совета провинции, избираемого местной верхушкой. По сравнению с населением стран протектората население Кохинхины имело ряд привилегий. Так, её жители служили в армии три года, а

система «эндижената», вводившая дополнительные ограничения для местного населения, была отменена в Кохинхине вскоре после её завоевания. Всё это имело целью превратить Кохинхину в «витрину процветания» и опорный пункт Франции в Индокитае.

Во главе Тонкина, где был установлен режим протектората, стоял французский генеральный резидент, имевший тот же статус, что и губернатор Кохинхины. Политика французской администрации в Тонкине значительно отличалась от её политики в Кохинхине, что было связано как с его близостью к Китаю, так и с десятилетним периодом его «умиротворения». Поэтому Тонкин был выведен из-под административного контроля двора Хюе, в результате чего власть императора над протекторатом стала номинальной. Главные в Тонкине службы таможни, финансов и общественных работ находились под прямым контролем французских властей. По декрету вьетнамского императора от 3-го сентября 1888 г. город Ханой и город-порт Хайфон получили статус самостоятельных административных единиц и были переданы в собственность Франции. Генеральный резидент возглавлял как французских, так и вьетнамских чиновников Тонкина, 13 провинций которого эпохи империи Дайнам несколько позднее были разделены на 23 провинции. В свою очередь каждую из них возглавлял французский резидент-администратор, контролировавший деятельность вьетнамских чиновников. Кроме того, в Тонкине были созданы четыре военных пограничных округа, в которых были сосредоточены главные силы сухопутных войск. Они включали не только французские войска, но и части, сформированные из вьетнамцев и национальных меньшинств, которые служили в армии семь лет. Их общая численность достигала 20 тысяч человек [110, с.324, 325]. В то же время с первых же дней завоевания Вьетнама в Тонкине, как и в других частях французского Индокитая, из местного населения были созданы части военизированной Туземной полиции, которые участвовали в акциях по «умиротворению» страны. Правда, официальный статус эта полиция получила

лишь по декрету от 30-го июня 1915 г.¹. Интересно, что, в отличие от Кохинхины, в Тонкине была сохранена вьетнамская администрация на уровне провинций и уездов, при этом на уровне волостей управление вообще осуществлялось вьетнамцами в соответствии с вьетнамским традиционным правом [521, с.450]. Управление Северным Вьетнамом затруднялось ещё и тем, что колониальные чиновники были мало знакомы с местными условиями. В результате относительно поверхностного суждения о недавно приобретённых землях французы, исходя из их внешней культурной близости Китая, пытались на начальном этапе колониального периода строить свою политику в Северном Вьетнаме на основе своих представлений о китайской социальной структуре. При этом французские власти также обращались к своему алжирскому опыту с целью введения по его образцу военного положения в Тонкине. Однако с течением времени представители колониальных властей осознали как культурные различия между подконтрольными им странами, так и между ними и Китаем. В результате Франция, отказавшись от интерполяции китайской культурной модели на страны Восточного Индокитая, осуществила коррекцию своей колониальной политики в этих странах.

Наконец, в Аннаме французские колониальные власти проводили политику «лояльного протектората». Был сохранён институт вьетнамской монархии с её администрацией, а отношения между властями протектората и императорским двором строились на основе договора о протекторате от 1884 г. Однако на практике представители французской администрации, которые стремились непосредственно контролировать все решения в финансовой, политической и торговой сферах, постоянно нарушали его положения. Как и на севере, службы таможни, финансов и общественных работ Аннама контролировались французскими властями, а его

¹ В начале 30-ых годов XX в. Туземной полиции служило 5332 человека в Тонкине, 3135 человек в Аннаме, 2475 в Камбодже, 1705 человек в Лаосе и 360 человек в Гуанчжоувань, то есть всего – 13007 человек.

главный город-порт Дананг, или Туран, был одновременно с Ханоем и Хайфоном передан в собственность Франции. Кроме того, на территории Аннама 12 провинций эпохи империи Дайнам были преобразованы в 16 [110, с.50]. «Де-факто» главой Аннама был французский генеральный резидент в Хюе, имевший право на личную аудиенцию у императора в любое время и контролировавший всю деятельность администрации на территории Аннама. Он также утверждал годовой бюджет, по которому французское правительство выделяло средства на содержание императора и его двора в Хюе. При императоре Аннама имелся Совет министров, Тайный совет и специальная служба по составлению хроник. Император также имел около 300 солдат личной гвардии для поддержания порядка при дворе. Местное управление находилось в руках чиновников первого, второго и третьего классов по традиционной классификации [521, с.451].

Протекторатами, где хотя бы формально сохранились местные правительства, были Аннам, Камбоджа и Лаос, но и там ситуация контролировалась французскими генеральными резидентами, обладавшими всей полнотой власти.

Таким образом, к концу XIX в. оформились основные направления имевшей ряд особенностей колониальной политики Франции во Вьетнаме. Они, прежде всего, были связаны с преобразованием управления, расширением представительства местного населения во власти и политикой в отношении национальных меньшинств, что проявились в полной мере лишь в следующем веке.

ЧАСТЬ II

Социально-экономическое развитие Вьетнама в XVII – XIX вв.

Глава 1

*Социально-экономическое развитие Дайвьета в эпоху смут
XVII – XVIII вв.*

Говоря о социально-экономическом развитии Дайвьета в XVII – XVIII вв., следует учитывать, что речь идёт о трёх взаимосвязанных, но при этом самостоятельных сюжетах. Во-первых, это социально-экономическое развитие эпохи Ле – Чинь, или династии Ле после реставрации, Северного и северной части Центрального Вьетнама, или Дангнгоая. Во-вторых, это социально-экономические процессы, протекавшие в Центральном и Южном Вьетнаме, или Дангчаунге, в правление государей Нгуен. Наконец, в-третьих, социально-экономические реформы правившей в последней четверти XVIII в. династии Нгуен Тэйшон также представляют собой отдельную тему для исследования.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что данная глава строится на таком понимании социально-экономического развития страны в указанную эпоху истории Вьетнама.

1. Сельское хозяйство в Дайвьете (1600 – 1788 гг.)

1.1. Сельское хозяйство Дангнгоая в правление Ле – Чинь

1.1.1. Государственная собственность на землю

При династии Ле после реставрации по-прежнему существовали те же достаточно разнообразные формы собственности на землю, что и в первый период её правления, которые в целом сводятся к двум её основным типам: *государственному и частному землевладению*¹. Общей тенденцией той эпохи стало уменьшение площади первого из-за бурного развития второго. При этом процесс развития частного землевладения был связан с накоплением земель в руках помещиков в результате разорения мелких крестьянских

¹ 1428 – 1527 гг. См. «Главу 2» «Части II» «Томе II».

хозяйств. Соответственно в то время перед феодальным государством стояла сложная задача. С одной стороны, было необходимо укреплять являвшуюся основным источником поступления налогов *общинную* собственность на землю, а с другой – частные землевладельцы уже представляли собой серьёзную силу, которой нельзя было пренебрегать в условиях междоусобных войн. Поэтому государство было вынуждено постоянно искать компромисс в этом, выражаясь современным языком, конфликте интересов.

Как известно, в Дайвьете существовал целый ряд форм государственной собственности на землю. Так, *военные и государственно-казначейские поля* находились в прямом государственном управлении. *Жалованными полями*, как это следует из их названия, награждались отличившиеся гражданские и военные чиновники, а также заслуженные подданные. Наконец, главная часть государственных земель состояла из *общинных полей*. Они передавались в пользование общинам и обрабатывались крестьянами, платившими налоги государству.

Следует отметить, что после реставрации династии Ле стало жаловаться значительно меньшее количество земель, чем в начальный период её правления. Если при императоре Совершенном рода можно было получить за заслуги до 360 га¹ полей, то в последней трети XVI в. жаловалось не более 30 га¹¹, а после победы над Маками и возвращения императора в Тханглаунг система жалованных полей и иных земельных дарений вообще была отменена [1540.2, с.52]. Так, Ле Кюи Дон пишет, что «С момента реставрации [и] далее кормление выдавалось деньгами [или] рисом из государственных складов, а земля жаловалась в редких [случаях]. Те же заслуженные подданные, которые за спасение государства и реставрацию [династии] получили общинные земли, должны были [их] вернуть согласно указу» [194.1, т.IV, с.183]. Надо полагать, что двор Ле – Чинь был вынужден прибегать к таким жёстким

¹ У автора сказано «до тысячи *мау*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹¹ У автора сказано «не более нескольких десятков *мау* земли». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

мерам из-за продолжавшейся войны с государями Нгуен, для которой требовалось дополнительное укрепление налоговой базы. Это подтверждается данными официального летописного свода, в котором под 1670 г. приводится следующее положение из императорского указа: «Тот, [кто был] пожалован общинной землёй, может обрабатывать для себя [лично] не более 3,6 га^I, но при этом [он обязан] платить денежный налог. Превышать [эту площадь] не разрешается»[165.2, т.4, с.319].

Однако общинных земель всё равно не хватало. Дело в том, что в начале XVI в. узурпировавшие власть представители рода Мак отдали большую часть общинных земель в кормление своим воинам, а меньшую их часть оставили податному населению деревень и общин. Эти земли были распределены, согласно установленным в XV в. правилам, равными долями между всеми трудоспособными крестьянами.

В XVII в. двор Ле – Чинь также был вынужден отторгать у деревень и общин пахотные земли для передачи их в кормление военным. Это происходило как в Тханьхоа и Нгеане, так и в четырёх центральных провинциях Дангнгоая. Повествуя о военной системе того времени, Фан Хюи Тю писал, что военным высших категорий^{II} четырёх провинций, которых было немного, жаловались земли, которых тоже было мало. Большая их часть получала по 3,6 га. Так, командирам отрядов давалось по 3,6 га, их заместителям – по 2,88 га, а остальным от 1,08 га до 2,16 га. Наконец, воинам Чыонгиена, где вообще было мало пахотных земель, жаловалось по 1,8 га [213, т.IV, с.20, 21]^{III}.

В XVIII в. двор Ле – Чинь был вынужден пойти на дальнейшее сокращение количества общинных земель. В результате, в 3-ем году правления под девизом «Охранение гармонии»^{IV} был издан следующий указ императора Богатого рода [династии] Ле: «Воины тех мест четырёх провинций, где

^I В тексте сказано: «не более 10 *мау*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{II} «Могучий воин» и «Могучий [в] сражении доброволец».

^{III} В тексте сказано: «по 10 *мау*», «по 8 *мау*», «от 3 до 6 *мау*» и «5 *мау*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{IV} 1722 г.

имеется общинная земля, при службе в армии получают её в кормление. Там, где не [осталось] общинной земли, [следует] на основании прежних реестров снова учредить поля» [213, т.IV, с.22]. Согласно этому указу, общинные земли в четырёх провинциях, жаловавшиеся до этого только воинам элитных частей района Тхань – Нге, стали получать в кормление все служившие в армии солдаты. Количество же передаваемых в кормление земель зависело от их категории. Было установлено, что воины сопровождения [и] эскорта и воины искусные гребцы получали по 2,52 га полей одного урожая или по 2,16 га полей двух урожаев или наилучшей плодородности. Воины кораблей получали по 2,16 га полей одного урожая, что составляло по 1,8 га полей двух урожаев или наилучшей плодородности. Наконец, воины арьергардного сопровождения получали по 1,8 га полей одного урожая или по 1,44 га полей двух урожаев или наилучшей плодородности. В соответствии с этими нормами в 9-ом году правления под тем же девизом¹ воины четырёх провинций и малой провинции Чыонгиен получили по 1,8 га аллювиальных полей или земель первого класса, или по 2,16 га земель второго класса, или по 2,52 га земель третьего класса. Необработанные земли в кормление не жаловались [182.1, т.II, с.437; 200, т.II, с.53; 213, т.IV, с.22]¹¹.

Поскольку армия являлась главной опорой государей Чинь в эпоху войн с государями Нгуен и подъёма крестьянских выступлений, жалование общинной земли в кормление воинам стало одним из важнейших инструментов поддержания её боеспособности. Однако в 1766 г. после завершения войн с Дангчаунгом и подавления крестьянских восстаний в Дангнгоае двор Ле – Чинь вернул всем пожалованным в кормление землям статус арендных полей, повелев начальникам малых провинций и уездов взимать с них налоги [182.1, т.II, с.662].

То же самое произошло и с землями, пожалованными для отправления культа погибших в войнах за династию Ле

¹ 1728 г.

¹¹ В тексте сказано «по 7, 6, 5 и 4 *мау*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

заслуженных подданных. Согласно источнику, в 1656 г. такие земли были пожалованы семьям поместного князя Повелевающего Зоан Нанга, поместного князя Старшего Буй Ши Лыонга, поместного князя Наставника Тхай Ба Дао, поместного князя Прославленного Нгуен Ван Ту и других заслуженных подданных. Однако падение объёма собираемых налогов, связанное с процессом сокращения общинных земель, правёло к тому, что, за редким исключением, даже эти земли стали изыматься в казну. Так, согласно указу от 1672 г., *поля культового кормления* были оставлены только семье Ле Лая, который, как известно, пожертвовал собой для спасения жизни основателя династии Ле [165.2, т.IV, с.277, 324].

Как уже отмечалось, в XVIII в. площадь общинных земель продолжала сокращаться, что во многом было связано с противоречивой земельной политикой двора Ле – Чинь. Так, согласно докладу верховного контролёра Нгуен Хиеу, в 1733 г. численность армии увеличилась вдвое по сравнению с предыдущим годом. Поэтому для её содержания требовалось много средств, что ложилось тяжким бременем на плечи населения. Кроме того, известно, что в годы правления под девизом «Охранение гармонии»¹ в армию мобилизовали в основном бобылей и бродяг, которым пожаловали в кормление много земель. Поэтому в 1736 г. Чинь Зянг повелел прекратить набор новых солдат и сократить их количество в четырёх провинциях. Но оказалось, что оставшихся сил было недостаточно для надёжной защиты территории Дангнгоая. Поэтому всего три года спустя, в 1739 г., он издал указ о возвращении в армию демобилизованных воинов. Этот указ вызвал такую обеспокоенность у придворных, что они обратились к государю Чинь со следующим посланием:

«С года Жёлтого Тигра»^{II} проводится набор солдат, численность армии возросла, но это не дало никакого реального результата. Более того, пожалования полей солдатам привело к тому, что крестьяне остались без средств к

^I 1720 – 1728 гг.

^{II} 1722 г.

существованию. В год Красного Дракона¹ солдат отпустили [домой], народ постепенно стал трудиться в спокойствии. Если снова в соответствии с земельным кадастром мобилизовать солдат, то, [учитывая] уже пожалованные военным поля, получаемое каждым солдатом в кормление количество земли резко уменьшится, [поэтому] не удастся избежать волнений из-за передела земель» [182.1, т. II, с. 490, 498, 505].

Следует отметить, что беспокойство придворных было вполне обоснованным, поскольку массовое обезземеливание крестьян и высокая смертность населения от голода привели как к крестьянским восстаниям XVIII в.^{II}, так и к резкому сокращению налогооблагаемой базы. Соответственно денег в государственной казне не хватало, и двор Ле – Чинь был вынужден вместо денежного довольствия отдавать чиновникам земли в кормление. В результате образовался порочный круг, из которого не было выхода.

В 5-ом году правления под девизом «Охранение гармонии»^{III} был принят отдельный указ о пожаловании в кормление земель^{IV} чиновникам посольской службы. Главный посол получал 18 га полей, из которых 3,6 га в личное безналоговое пользование, а 14,4 га облагались налогом; заместитель посла – 16,2 га (соответственно 3,6 га и 12,6 га); внутренние посланники, советники, врачи и охранники – по 3,6 га в личное безналоговое пользование. Известно, что в XVII – XVIII вв. только в империю Цин один раз в три года отправлялись посольства с данью в составе 25 человек^V. Из этого следует, таких земель должно было жаловаться значительное количество [213, т. II, с. 75].

В том же году двор Ле – Чинь установил количество земель, которые жаловались чиновникам при их уходе на

^I 1736 г.

^{II} Смотри «Главу 2» «Части I».

^{III} 1724 г.

^{IV} Эти земли известны под названием «поле посольских служащих».

^V Посольство обычно состояло из 1 или 2 главных послов, 2 заместителей посла, 2 внутренних посланников, 3 советников, 2 врачей и 10 – 14 человек охраны, или эскорта.

отдых¹. Согласно указу императора чиновники 1-го класса и выше получали от 9 до 10,8 га, 2-го – от 7,2 до 9 га, 3-го – от 5,4 до 7,2 га, 4-го и 5-го классов – от 3,6 до 7,2 га, 6-го класса – по 3,6 га, 7-го класса – 3,24 га, 8-го класса – по 2,88 га и 9-го класса – по 2,52 га [213, т. II, с. 75].

К этому следует добавить, что лауреаты конкурсных испытаний также жаловались землями в кормление. Так, согласно указу от 2-го года правления под девизом «Правильное согласие»^{II}, выдержавшие конкурсные испытания ученики-конфуцианцы и сдавшие три срока конкурсных испытаний императорские ученики через 3 – 6 лет получали должность правителя уезда или округа (младший ранг 7-го класса). Спустя ещё какое-то время они повышались до охранителя уезда (старший ранг 7-го класса). Со 2-го года правления под девизом «Охранение гармонии»^{III} дети чиновников 1-го и 2-го классов получили право наравне с учениками-конфуцианцами сдавать испытания трёх или четырёх сроков, после чего в соответствии с правилами назначались на должности и продвигались по службе. К этому можно добавить, что 1-ый лауреат конкурсных испытаний получал ещё 7,2 га земли в кормление, 2-ой и 3-ий лауреаты – по 5,4 га и 4-ый лауреат – 1,8 га. На следующий же год было установлено и количество жаловавшихся учебным заведениям земель. Так, государственная школа получила 21,6 га, школы больших малых провинций – по 7,2 га, средних малых провинций – по 6,48 га и маленьких малых провинций – по 5,76 га [200, т. II, с. 58]^{IV}.

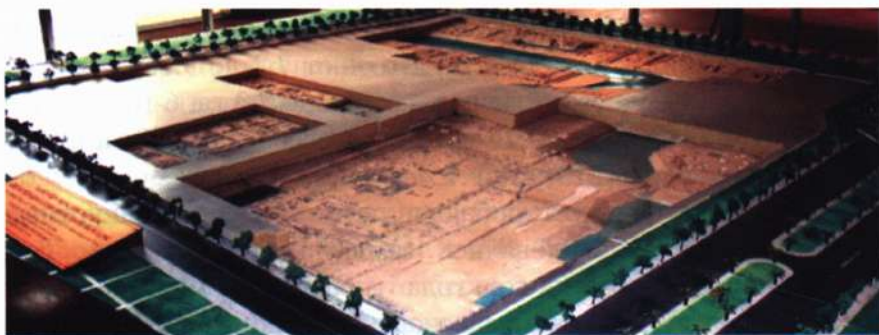
Также следует отметить, что в XVIII в. было очень много чиновников от 8-го ранга и выше, не говоря уже о том, что большие земельные наделы жаловались в кормление членам императорской семьи и сановникам дворов императора Ле и государя Чинь [213, т. II, с. 50].

^I Эти земли известны под названием «поле милостивого содержания».

^{II} 1681 г. Смори «Таблицу №2» в «Томе VI».

^{III} 1721 г. Смори «Таблицу №2» в «Томе VI».

^{IV} О системе конкурсных испытаний и связанных с ней школ смори «Параграф 2» «Главы 2» «Части III» настоящего тома.

Вверху: Макет раскопок дворцового комплекса Ле XV – XVIII вв.

Внизу: Общий план раскопок дворцового комплекса.

Ханой, 05.04.2013 г.

Наконец, связанные с непрерывными войнами тяжёлые поборы и длительные периоды голода¹ привели к середине XVIII в. к постоянному росту количества бросавших землю крестьян и резкому сокращению числа плативших налоги дворов. Поэтому во 2-ом году правления под девизом «Блистающее процветание»² двор Ле – Чинь был вынужден прекратить пожалования земель вместе с обрабатывавшими их

¹ Смотри «Главу 2» «Части I» настоящего тома.

² 1741 г. Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

общинниками¹. Вместо этого чиновники 1-го класса стали получать по 18 га, а чиновники от 2-го до 5-го класса по 1,8 га так называемых *полей бескорыстия* [182.1, т.II, с.546]¹.

Таким образом, хотя в эпоху Ле – Чинь отдельным чиновникам или учреждениям стало жаловаться в кормление значительно меньше земель, чем в XV в., общее количество государственных земельных угодий продолжало неуклонно сокращаться. Не случайно Фан Хи Тю, характеризуя сложившуюся в 1711 г. ситуацию, писал: «В нашей стране лишь в провинции Нижний Шоннам, где было очень много общинных полей [и] аллювиальных земель, применение правила пожалований было верным. В других же районах было мало общинных полей. [Поэтому], хотя [и там] передавались земли [как] в кормление воинам, [так и в качестве] жалованных [гражданским чиновникам, их] не хватало [для] распределения между всеми категориями [подданных]» [213, т.III, с.70].

Особо следует сказать о правилах распределения государственных земель между полноправными общинниками, с которых взимались подати и налоги. Если не считать незначительных изменений, то в целом они не отличались от тех, которые были установлены в начальный период правления династии Ле. Согласно «Кодексу [законов эры] “Великой добродетели”», чиновники уездов и округов каждые шесть лет проводили перепись населения в деревнях и, в зависимости от того, много его было или мало, распределяли земли между всеми категориями общинников. После этого подворные реестры и земельные кадастры передавались непосредственно первому министру. В 7-ом году правления императора Богатого рода [династии] Ле под девизом «Вечное изобилие»¹¹ верховный контролёр Нгуен Кюи Дык представил государю Чинь новый свод правил из десяти статей, в котором чётко фиксировалось количество пахотной земли, предоставляемое в пользование каждой категории общинников [213, т.III, с.69].

Согласно этому своду, чиновники, которые отвечали за

¹ В тексте везде используется вьетнамская мера площади «*мау*» (3600 м²).
Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹¹ 1711 г. Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

распределение пахотных земель, сначала должны были вернуть все проданные, заложенные и скрываемые земли, выявить количество общинных и частных земель в каждой общине, определить, кто из их жителей имеет поля, а кто – не имеет, а также установить положение и возраст жителей деревень, чтобы затем распределить общинные поля в соответствии с количеством и категориями податного населения. Срок действия этих сведений оставался, как и прежде, шестилетним. Распределение земель первого урожая должно было быть завершено к 3-му месяцу, второго – к 9-му месяцу². В соответствии с традициями той или иной деревни, землю получали все податные крестьяне от 18 или 20 лет и старше от сирот и вдов до чиновников. У людей старше 60 лет и у семей умерших земля изымалась. Имевшие жалованные земли чиновники и владевшие большим количеством частной земли податные крестьяне наделов не получали. Если какие-либо общинники достигали возраста получения земли до наступления срока перераспределения полей, то ведавший кадастрами чиновник должен был выявить, сколько крестьян достигли 60 лет или умерли, и передать их земли этим общинникам. Если этих земель не хватало, то претендентам следовало ждать наступления срока перераспределения полей. Малоземельные или имевшие неурожайные земли податные крестьяне получали дополнительные наделы. Размер надела устанавливался в соответствии с положением общинника³ и традициями той или иной деревни.

По своду 1711 г. чиновник младшего ранга низшего 9-го класса получал девять долей от устанавливаемой в каждом районе особо нормы землепользования. С повышением на ранг добавлялась ещё половина доли – и так вплоть до старшего ранга 1-го класса. Не имевшие ранга и класса чиновники получали от четырёх с половиной до восьми с половиной долей. Впоследствии имевшие жалованные поля придворные и военные также стали дополнительно получать наделы из земель общин и деревень. Простые податные крестьяне, сироты, вдовцы и инвалиды, получившие увечья на государственной службе, имели от трёх до четырёх долей

нормы [213, т. III, с. 67 – 69]. Таким образом, в правление династии Ле даже не имевшие рангов и классов низшие чиновники стали получать от четырёх с половиной до восьми с половиной долей тогда как, согласно «Кодексу» XV в., восемь с половиной долей нормы получали чиновники 7-го класса⁴.

Однако реформа 1711 г. не имела положительного эффекта, так как крестьяне получали в пользование небольшие наделы. Более того, согласно новым правилам, получивший землю, мог «в крайнем случае» её продать, при этом государство сохраняло лишь право на получение арендной платы. Это создавало благоприятные условия как для превращения общинных полей в частные, так и для концентрации земель в руках помещиков и общинной верхушки в деревнях. Среди датированных 15-ым годом правления под девизом «Вечное изобилие»¹ записей главного придворного историографа имеется следующее сообщение: «В деревенских общинах имеются объединяющиеся в компании [люди, которые] вместе пируют, когда делят [между собой] деньги [и] рис. Увидев, [что какие-то] люди намереваются [всё] бросить, [они сами] скупают вещи в общине [и] берут в залог общинные земли. Пользуясь [удобным] случаем, делят [их] на три, четыре доли, а затем превращают в свои собственные [как полноценные] семь долей» [213, т. III, с. 103].

Всё вышеизложенное приводит к выводу о том, что земельная реформа двора Ле – Чинь 1-ой половины XVIII в. на самом деле привела к сокращению площадей общинной земли площади, и как следствие – к снижению той роли, которую она традиционно играла в сельском хозяйстве. Получая небольшой земельный надел, общинники были вынуждены неустанно трудиться, платить государству налоги, выполнять общественные повинности и терпеть поборы деревенской верхушки и местного чиновничества. В результате общинные земли перестали быть экономической опорой крестьян, жизнь которых становилась всё более невыносимой.

¹ 1719 г.

1.1.2. Частная собственность на землю

Стихийные бедствия и войны, приведшие к массовому голоду и разорению крестьян в конце XVII – начале XVIII в., стали причиной того, что большая часть их земель перешла в руки местных чиновников и помещиков. При этом, поскольку начиная с XV в. с частных полей налоги не взимались, рост частного землевладения в 10-ые годы XVIII в. не только сказался на всей структуре общинной организации Дангнгаоя, но и вынудил государство пересмотреть прежнюю систему налогообложения в сельском хозяйстве.

Освобождение от налогов частных земель, а затем их льготное налогообложение в правление династии Ле после реставрации привели в эпоху Ле – Чинь к быстрому развитию частного землевладения. С XVII в. чиновники, использовавшие своё положение для скупки общинных земель в деревнях, постепенно превращались в крупных землевладельцев. Так, известен произошедший в 1632 г. случай, когда занимавшиеся учётом сделок с долями земельных наделов заместители министра внутренних дел Нгуен Туан и Нгуен Лай были уволены за злоупотребления. Согласно источнику, Нгуен Лай брал столько взяток, что появилась поговорка: «Все дела завершены, в обоих Бот кончились поля»⁵ [165.2, т.IV, с.259]. Кроме того, на стелах и в семейных хрониках XVIII в. описывается много случаев купли-продажи пахотных земель, количество которых варьирует от нескольких тысяч до десятков тысяч квадратных метров [1540.2, т. II, с.104, 105].

С 1716 г. двор Ле – Чинь начал вводить равномерное распределение налогов и общественных работ для податного населения и собственников земли, между которыми они делились в равных долях. Поэтому государь Чинь Кыонг издал указ, в котором, в частности, говорилось: «Жалея народ, следует проявлять гуманность; желая проявить гуманность, следует разделить налоги и трудовые повинности поровну». Спустя три года, в 1719 г., чиновникам малых провинций и уездов было приказано установить размеры полей, после чего обложить частные земли налогом [182.1, т.II, с.409, 415]. Однако это были только первые шаги к земельной реформе,

которая обсуждалась в течении четырёх лет.

В 1723 г. двор Ле – Чинь принял решение о создании «справедливой» системы налогообложения общинных и частных земель. При этом ряд землевладельцев получили, говоря современным языком, налоговые льготы, которые предоставлялись различным государственным чиновникам в зависимости от их ранга и класса.

В 11-ом месяце 3-го года правления под девизом «Охранение гармонии»¹ коллегия чиновников в составе Чинь Куана, Нгуен Конг Ханга и Ле Ань Туана подготовила по повелению императора указ, в котором говорилось: «Если чиновники имеют частные земли, то в зависимости от классов большее или меньшее [количество их земель] освобождается от налогов» [200, т. II, с. 44]. Согласно указу:

Чиновники 1-го и 2-го классов не платили аренду с 9 га частных земель, чиновники 3-го и 4-го классов – с 7,2 га, чиновники 5-го и 6-го классов – с 5,4 га, чиновники 7-го и 8-го классов с 3,6 га и чиновники 9-го класса – с 1,8 га.

Служители дворца и женщины из императорской семьи платили лишь половину аренды с частных земель, которую они должны были бы платить в соответствии со своим классом.

Чиновники и служащие, владевшие частными землями выше установленной нормы, должны были вносить арендную плату за излишки в полном объёме.

Чиновники, у которых частных земель было меньше, чем полагаемый их классу необлагаемый лимит, получали денежную компенсацию.

Вышедшие на пенсию или удалившиеся на покой чиновники от 4-го ранга и выше не платили налоги с половины частных земель.

Вышедшие на пенсию или удалившиеся на покой чиновники от 4-го ранга и ниже не платили налоги с частных земель по чётным годам [200, т. II, с. 47]¹¹.

Согласно новой системе налогообложения с каждого

¹ 1722 г. Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

¹¹ Летописном своде XIX в. сообщается, что от налога было освобождено ещё большее количество частных земель [182.1, т. II, с. 437].

3600 м² общинных земель взималось 8 тиенов в денежном исчислении. С полей двух урожаев 1/3 взималась деньгами и 2/3 рисом, с полей одного урожая – 2/3 деньгами и 1/3 рисом. Также с каждых 3600 м² общинных аллювиальных земель взимался 1 куан и 2 тиена в денежном исчислении. При этом с тех аллювиальных земель под тутовником половина налога взималась шёлком и половина налога – деньгами, с остальных же весь налог взимался деньгами.

С частных же земель налог был значительно ниже. Так, с каждых 3600 м² частных полей двух урожаев взималось 3 тиена деньгами, а полей одного урожая – 2 тиена. Наконец, в так называемом пограничном с владениями Нгуенов районе Тхань – Нге ещё более льготные налоги на частные земли были введены лишь спустя 57 лет, в 1780 г. В этих провинциях с каждых 3600 м² частных полей двух урожаев взимался 1 тиен, а одного урожая – 36 донгов деньгами. Этот денежный налог собирался старостой общины, который затем выдавал собранные деньги солдатам в качестве жалования. При этом с принадлежавших военным частных полей этого района налог вообще не взимался [182.1, т. II, с. 409, 439, 440, 750]¹.

Следует отметить, что власти Дангнгоая понимали, что происходит, и пытались как-то изменить ситуацию. Такой вывод следует из высказывания государя Чинь, датированного 1723 г.: «После реставрации следовали следующим правилам¹¹: [власти] исходили лишь из [подворного] реестра основных налогоплательщиков, при этом новорожденных не считали, а умерших не исключали [из списков]. Так продолжалось много лет. [Независимо от того], увеличивалось ли количество едоков в семьях или вдруг сокращалось, следовали прежним реестрам. Постепенно беднякам становилось всё тяжелее, а большинство их частных земель перешло к богачам» [200, т. II, с. 63]. Это высказывание дополняется ещё одним, сделанным спустя пять лет в 1728 г. при внесении в систему налогообложения некоторых дополнительных изменений: «В

¹ В автор использует традиционную вьетнамскую меру площади «зам». См. «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹¹ Кодекс, действовавший с 1664 г.

настоящее время богатые владеют частными полями [в таком количестве], что у бедняков в посёлках и деревнях не осталось даже клочка [земли], при этом они сами должны нести повинности» [200, т. II, с.155].

Очевидно, что реформа 1723 г. в первую очередь имела целью решение проблемы налогообложения частных полей. В условиях перманентного сокращения государственных земель и роста частного землевладения в такой реформе остро нуждалась и государственная казна, поступления в которую резко сокращались. Наконец, сам факт этой реформы свидетельствует о том, что двор Ле – Чинь официально признал частное землевладение равноправным другим формам земельной собственности. В результате помещики и крупные чиновники-землевладельцы укрепили свои экономические и политические позиции, тогда как практически лишённые земли и облагаемые налогами податные крестьяне бедствовали. Поэтому хотя рост частных земельных угодий в XVII – XVIII вв. и стимулировал развитие сельского хозяйства Дангнгоа, он также привёл к нарастанию проблем в аграрном секторе его общества.

Таким образом, аграрная политика эпохи Ле – Чинь в Дангнгоае оказала серьёзное влияние на сельскохозяйственную экономику страны. При этом важно подчеркнуть, что, создав благоприятные условия для концентрации земель в руках помещиков, она крайне негативно сказалась на благосостоянии мелкого землепользователя.

1.1.3. *Специфика сельского хозяйства*

После победы в войне с Северной династией Мак и возвращения в Тханглаунг императоры Ле и государи Чинь столкнулись с проблемой разорённого сельского хозяйства, обезлюдевших деревень и заброшенных земельных угодий. Поэтому уже на четвёртый год¹ после завершения войны император издал указ, повелевавший руководителям общин, волостей, уездов и малых провинций предпринять все усилия

¹ 1596 г.

для возвращения общинников в их деревни, при этом вернувшиеся освобождались от повинностей на три года. Тем не менее ситуация мало изменилась, прежде всего из-за постоянных стихийных бедствий, которые в сочетании с последствиями войн регулярно приводили к более или менее длительным периодам голода¹. Поэтому в 1707 г. последовал ещё один указ, согласно которому при возвращении в деревню крестьянам прощались налоги и повинности за пять лет, а уже вернувшиеся бедняки освобождались от налогов на три года. Однако приступавшие к работам крестьяне сразу сталкивались с мздоимством местных чиновников. В результате сотни деревень вновь были брошены.¹¹ Для решения этой проблемы двор был вынужден отправить в провинции чиновников из столицы, которые должны были на месте разбираться в ситуации и оказывать помощь сельскому населению. Кроме того, было принято решение, что те деревни, в которые вернулись все общинники, получали вознаграждение, тогда как те, куда «после окончания периода тягот» бросившие землю крестьяне ещё не вернулись, подвергались строгим наказаниям [165.2, т.IV, с.212; 182.1, т.II, с.212, 394, 417]. Такая политика стимулирования возвращения крестьян в деревни позволила в какой-то мере стабилизировать ситуацию и поднять уровень сельскохозяйственного производства, что в свою очередь увеличило собираемость налогов и доходы государства.

С целью дальнейшего развития производства двор Ле – Чинь также уделял большое внимание проблемам ирригации, прежде всего, проведению каналов и строительству дамб. Так, в 1664 г. был установлен порядок, согласно которому в 10-ом месяце каждого года проводилось инспектирование дамб. Незначительные повреждения должно было устранять само местное население, а за устранение серьёзных разрушений отвечали уездные власти, назначавшие для руководства работами особого чиновника. Ремонт дамб начинался с 10-го числа 1-го месяца и должен был быть завершён к середине 3-го

¹ Смотри «Параграф 1.1» «Главы 2» «Части 1» настоящего тома.

¹¹ Согласно летописному своду династии Ле, таких деревень было 527.

месяца [165.2, т.IV, с.304]. Однако эта регламентация лишь привела к очередному всплеску мздоимства, о чём можно судить по следующей цитате из императорского указа: «Запретить отвечающим за земли, воды и дамбы чиновникам взимать деньги с населения, поскольку сейчас люди на этих должностях не заботятся о проверке [состояния дамб], лишь вымогают подношения у [местных] жителей» [165.2, т.IV, с.318].

Особые усилия центральной администрации Дангнгоая приходилось прилагать в годы стихийных бедствий. Например, во время засухи и неурожая 1687 г. двор Ле – Чинь направил столичных чиновников в провинции, чтобы разобраться с положением на местах и организовать сооружение водочерпалок для поднятия воды на поля¹. Или как в годы голода, вызванного многолетними наводнениями, снёсшими десятки тысяч домов в провинциях Шонтэй, Шоннам и Тханьхоа, согласно императорскому указу в 1713 г. с жителей не пострадавших районов собрали деньги пропорционально количеству их полей для оплаты ремонта и восстановления дамб. В 1716 г. последовало очередное повеление начальникам и инспекторам провинций провести инспектирование дамб. Наконец, в 1741 г. двор Ле – Чинь создал отвечающие за сельское хозяйство специальные службы во всех четырёх провинциях Дангнгоая. В каждую провинцию были назначены главный уполномоченный [по земледелию] и заместитель [главного] уполномоченного [по земледелию]⁶. Кроме того, была учреждена особая должность чиновника, поощряющего земледелие. Эти должностные лица должны были вникать во все проблемы сельского хозяйства и всячески побуждать общинников упорно трудиться на полях. В 11-ом месяце каждого года они посылали инспекторов в общины, чтобы узнать, какие поля возделываются, а какие – заброшены, где у населения достаточно продовольствия, а где – нет. В зависимости от этого местные чиновники либо повышались по службе, либо увольнялись. Вероятно, должность чиновника,

¹ Смотри иллюстрацию 143 в «Томе I».

поощряющего земледелие, была основной, так как на неё в разное время назначались верховные контролёры Нгуен Конг Ханг и Ле Ань Туан, чиновники пяти дворцов Чыонг Ниеу и Чинь Динь Зян, а также внутренние инспекторы – чиновники по внутренним делам До Ба Фам и Нгуен Кхюе [182.1, т.II, с.357, 403, 550; 200, т.I, с.105, 226, 227].

Организуя систему управления сельским хозяйством, власти Дангнгоая регламентировали и структуру *военных полей*. В результате были созданы 3 района, в которых поля возделывались столичными воинами, 7 – воинами четырёх провинций и 9 – воинами пограничных провинций. Кроме того, ещё 14 таких районов создали при защищавших пути и проходы укрепления. Таким образом, обрабатывавшиеся различными категориями военнослужащих *военные поля* были распределены по 33 районам Дангнгоая, то есть практически по всей территории страны [182.1, т.II, с.550].

Однако все эти направленные на улучшение положения в сельском хозяйстве усилия двора Ле – Чинь сводились на нет войнами с государями Нгуен и многочисленными стихийными бедствиями, которые нередко приводили к страшному голоду и вымиранию населения¹. О катастрофе 1681 г. даже сохранились записи её европейских очевидцев – путешественника Шарля Мейбона и миссионера Андриена Лоней [1487, с.256, 257]. К этому следует добавить достаточно тяжёлые налоги и повинности. Всё это крайне негативно сказывалось как на сельском хозяйстве, так и на жизни всего населения страны. Поэтому многие люди вместо того чтобы возвращаться в свои общины, начинали возделывать целину и обрабатывать аллювиальные земли вдоль рек и на морском побережье, что позволяло им на какое-то время уклоняться от поборов. В результате в то время возникло много новых деревень и общин, в которых селились бежавшие из родных мест крестьяне. Не случайно в 1721 г. появился императорский указ, которым повелевалось один раз в три года проводить

¹ Смотри «Параграф 3» «Главы 1» и «Параграф 1.1» «Главы 2» «Части I» настоящего тома.

замеры обрабатываемых на морском побережье аллювиальных земель для их последующего налогообложения [200, т. II, с. 104, 105].

Надо отметить, что власти понимали важность этих новых сельскохозяйственных площадей. Поэтому государь Чинь временами отменял налоги с не внесённых в кадастры земель и позволял декларировать их как частные, запрещая чиновникам обирать работавших на них крестьян. Благодаря этому процесс образования новых деревень и поднятия целины охватил всю территорию Дангнгоая, в первую очередь – районы низменности и морское побережье. В то время в таких провинциях, как Футхо, Бакзынг, Каобанг, Тхайнгуен, Туенкуанг и других, в оборот были введены тысячи гектаров новых пахотных земель, что привлекло в сельское хозяйство множество людей.

Посетившие в то время Дангнгоай европейцы, описывая плодородие его земель, с восторгом отзывались о трудолюбии местного населения. В их числе можно назвать миссионеров Р.Марини и Дж.Ричарда, а также торговца У.Дампьера, побывавшего в Дангнгоае в 1688 г. Они писали о вечно зеленеющих полях, о плодородных аллювиальных землях, о двух и даже трёх урожаях риса, о фруктовых деревьях, о возделывании сахарного тростника, джута и тутовника (шелковицы) и о многом другом [890, с. 56; 1045; 1487, с. 282].

Знаменитый вьетнамский учёный XVIII в. Ле Кюи Дон указывал, что в то время в Дангнгоае выращивали 8 видов риса 2-го урожая (5-ый месяц), 27 видов риса 1-го урожая (10-ый месяц) и 29 видов клейкого риса. При этом он подчёркивает, что многие виды быстрорастущего риса имели не меньшую урожайность, чем его созревавшие длительное время сорта. Рис 2-го урожая сажали в таких малых провинциях, как Тиенхынг, Кхоайтяу, Линян, Тхиенчюнг, Киенсюнг, Тхайбинь и Нгиахынг, где благодаря плодородным и обширным землям низменности снималось по два урожая в год. Согласно Ле Кюи Дону, ежегодно крестьяне получали от продажи риса более 200 куанов денег. В зависимости от свойств пахотных земель, они применяли различные технологии их обработки. Так, на

песчаных почвах 12 волостей Донгтханя провинции Нгеан население по традиции начинало сажать рис с приходом сезона *колошения хлебов*⁷. Чтобы семена лучше перемешались с почвой, землю перед посевом бороновали. Через короткое время семена давали первые ростки, а после дождей рис начинал расти, как трава. Затем поля ещё раз бороновали для уничтожения сорняков. После сбора урожая, в земле оставались корни риса, которые, разлагаясь, становились удобрением. При этом с помощью одного буйвола за день можно было легко вспахать до 3600 м² земли [194.1, т. II, с. 181].

В ряде европейских источников тоже содержится немало интересных данных о рисоводстве в Дангнгоае. Так, в своей книге уже упоминавшийся ранее миссионер Дж. Ричард отмечает, что посев и уборка урожая являлись первостепенной заботой населения. Согласно его наблюдениям, семена риса хранились в деревянных чанах до прорастания, после чего их высаживали в землю, которую до этого выравнивали, бороновали и орошали. Спустя четыре или пять недель рисовую рассаду пересаживали на другое поле, где рис поспевал через три месяца. На плодородных орошаемых землях низменности снималось по два урожая риса в год. Между грядками находились мелкие каналы для воды, которая поднималась из источников с помощью водяных колёс в основные каналы, а затем поступала по разветвлённой системе каналов и канальчиков на поля. В горных районах, где такая система орошения была невозможна, рис сажали с приходом сезона дождей в 5-ом или 6-ом месяце. Для плужной пахоты обычно использовался один буйвол или бык, при этом проведение ровных борозд осложнялось тяжёлой и мокрой почвой. Колосья риса достигали 4,8 – 6,4 м^I в высоту, а их листья были больше, чем у пшеницы. Каждый колос имел две выющиеся метёлки с усиками длиной от 6,4 до 9,6 см^{II}, которые придавали особый привкус пище. Продолговатые и белые зёрна риса имели коричневую или тёмно-жёлтую

^I В тексте сказано: «от 3 до 4 *бо*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{II} В тексте сказано: «от 2 до 3 *таков*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

оболочку, которую обрушали перед его использованием в пищу [1487, с.279 – 281].

Помимо риса в Дангнгоае культивировалось ещё много других сельскохозяйственных растений. Согласно труду Ле Кюи Дона, одно из посольств Ле – Чинь к цинскому двору привезло из империи в конце XVII – начале XVIII в. кукурузу, которую с тех пор выращивали в Лангшоне, Шонтэе и Нгеане. В Лангшоне она была пяти оттенков, а в Нгеане – белой. В Шонтэе же почти все поля были засажены кукурузой. Множество земель было отведено под просо и сорго (гаолян). Последний сажали во 2-ом месяце, а в 4-ом уже снимали его урожай. Влажный и жаркий климат Северного Вьетнама также способствовал овощеводству. Так, крестьяне сажали на прудах и озёрах выюнок, который рос без ухода и давал большой урожай. На низменности с середины 2-го до середины 5-го месяца между двумя урожаями риса выращивали баклажаны. С каждых 360 м² земли собирали по 30 мешков баклажанов, за которые крестьяне выручали 5,6 куанов денег. В числе других овощей можно назвать арбузы, помидоры, картофель, сладкий батат и хлебное дерево. В своей книге Дж.Ричард написал, что плоды последнего в среднем достигали 40 кг¹. Они росли на больших ветвях, имели короткие колючки тёмно-зелёного цвета и ароматный запах. Внутри самого плода были сладкие жёлтые дольки. Существовало два вида хлебного дерева, плоды которого собирались с 3-го по 9-ый месяц [1487, с.284, 286]. Также известно, что из других стран в Северный Вьетнам были привезены кольраби и капуста, а голландцы завезли туда горох, который сначала для пробы посадили на аллювиальных землях в Хайзыонге, а затем активно стали выращивать и в других районах страны [194.1, т.II, с.181, 192, 339].

Всё тот же Дж.Ричард писал о росших в Дангнгоае «вкусных апельсинах», бананах, ананасах, мандаринах, хурме и манго. Особо он остановился на плодах личи, которые гроздьями росли на ветвях высоких деревьев. У собиравшихся в 4-ом месяце спелых плодов личи была тонкая и терпкая на

¹ В тексте сказано: «100 ливров».

вкус шкурка и сладко-ароматная мякоть. Каждый плод имел форму сердца и тёмно-красный цвет, а по размеру он был как маленькое яйцо. Он также описал произрастающий в Дангнгоае фрукт, который называют лонган⁸. Его плод имеет шаровидную форму, светло-зелёный цвет и очень сладкий вкус, а по размеру равен плоду сливы.

Не обошёл вниманием Дж.Ричард и сахарный тростник, который он называл «наиболее полезным продуктом в Дангнгоае». Тростник было легко выращивать в жарких, изобилующих водой районах Северного Вьетнама, где население делало из него сахар, патоку и другие необходимые в быту продукты. При этом, как отмечал Дж.Ричард, сахар использовался для длительного хранения различных клубней [1487, с.284, 286].

Наконец, для получения тутового шелкопряда в Дангнгоае выращивали, в первую очередь – на находившихся у рек аллювиальных землях, шелковицу. На некоторых участках вырастало до 8 деревьев тутовника в год. Судя по всему, шёлк производился главным образом на продажу или в рамках выполнения трудовых повинностей. Местное же население носило одежду, сшитую из грубых тканей [1487, с.286].

Технологии растениеводства совершенствовались в сельском хозяйстве Вьетнама на протяжении веков по мере накопления опыта поколениями крестьян. Именно этот опыт позволил Чинь Кану ещё в начале XVIII в. выделить четыре основных, обеспечивающих высокую производительность в рисоводстве составляющих. Это вода, удобрения, сорт риса и трудолюбие⁹. Несколько позднее Ле Кюи Дон описал в своём всеобъемлющем труде технологию возделывания ряда культур в Дангнгоае. Так, в 5-ом и 6-ом месяцах сажали горох, а затем кунжут. В 7-ом и 8-ом месяцах поля перепаживали для посадки риса весеннего урожая, оставляя неиспользуемые компоненты гороха и кунжута в качестве удобрения. Эта технология позволяла собирать с каждых 3600 м² до 103,5 л риса¹.

¹ В тексте сказано: «с 1 *мау* земли» и «до 10 *тхатей* риса». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

Аналогичные описания оставили и многие другие авторы, отмечавшие, что под рисоводство и овощеводство в Дангнгоае отводились все годившиеся для обработки земли. Между полями даже не было дорог [1487, с.282].

В XVIII в. в Дангнгоае также существовали плантации чая и табака. Ле Кюи Дон указывал, что чай выращивали в основном в горных районах провинции Тханьхоа.

В 1660 г. в Северный Вьетнам из Айлао завезли табак, где он очень быстро получил повсеместное распространение. В народе даже говорили, что все жители Дангнгоая – военные и гражданские чиновники, мужчины и женщины, юноши и девушки – «могли обойтись без еды три дня», а без табака «ни мгновения». В 1665 г. двор Ле – Чинь дважды даже издавал указ о запрете курения, при этом тех, кто сажал, продавал или курил табак, арестовывали, но это ни к чему не привело. Многие люди продолжали курить, но, чтобы перехитрить инспекторов, они пользовались бамбуком вместо трубки или же во время проверок прятали свои глиняные трубки в земле¹⁰ [194.1, т.II, с.59].

Помимо растениеводства животноводство тоже играло важную роль в сельскохозяйственной экономике Дангнгоая. В первую очередь следует сказать о буйволах и быках, которые являлись главной рабочей силой в сельском хозяйстве. Разводившиеся в Северном Вьетнаме маленькие, крепкие и быстрые лошади прекрасно подходили для передвижения не только по низменности, но и по местностям, изобиловавшим водными преградами, а также по предгорным территориям.

Широко было распространено свиноводство, при этом в пищу употребляли собак и даже кошек.

Повсюду разводили птицу, главным образом кур, петухов, уток и гусей. Утиные яйца вьетнамские крестьяне, как и китайцы, клали в тёплые очаги, что значительно увеличивало количество вылупившихся птенцов [1487, с.288].

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, согласно которому сельскохозяйственное производство Дангнгоая XVII – XVIII вв. характеризуется как экстенсивным, так и интенсивным факторами развития, что, надо полагать,

положительно сказалось на дальнейшем становлении экономики вьетнамского феодального общества той эпохи.

Северный вход в дворцовый комплекс Ле XVII – XVIII вв.
Ханой, 05.04.2012 г.

1.2. Сельское хозяйство Дангчаунга при Нгуенах

1.2.1. «Марш на юг» и освоение южных территорий

Южные территории Дайвьета, в частности – провинции Куангбинь, Куангчи и Тхуанхоа, ещё с XI в. являлись прибежищем не только для искавших лучшей доли бедняков, но и для различного рода бежавших с Севера преступников и изгоев общества. Это время, как уже говорилось ранее, связано с деятельностью прибывшего в Тхуанхоа Нгуен Хоанга, при котором там началось масштабное освоение целинных земель.

Как известно, в конце XVII в. государь Нгуен-фук Тан захватил 7 уездов в Нгеане, население которых было насильно переселено на юг для подъёма целинных земель. В числе этих вынужденных переселенцев оказался и предок трёх братьев Нгуен Няка, Нгуен Хюе и Нгуен Лы, ставших руководителями восстания Тэйшонов.

В XVIII в. возраставший поток беженцев из Дангнгоа привёл к дальнейшему развитию процесса освоения целинных земель и возникновения новых сельских общин в Дангчаунге. Так, если в конце XVI в. во всех трёх провинциях Тхуан – Куанга было 1226 деревень и общин, то к 1774 г. только в одном Тхуанхоа их насчитывалось уже 882 [194.1, т.1, с.134].

Переселенцы не остались лишь в самом Центральном Вьетнаме, а двинулись дальше на принадлежавшие в то время Водной Ченле земли Южного Вьетнама. При этом очевидно, что массовое заселение вьетнамцами тямских и кхмерских владений не могло быть осуществлено без активного участия армии. Эта «вьетнамизация» южных территорий XV – XVII вв. известна под названием «марша на юг».

Во 2-ой половине XVII в. в Южном Вьетнаме возникла и мощная община китайских переселенцев, так называемых *хуа цяо*, основу которой составили бежавшие из империи Цин сторонники свергнутой в 1643 – 1644 г. династии Мин. С позволения государя Нгуен они осваивали главным образом территории провинций Зядинь, Лаунгхо и Хатиен. Следует отметить, что плодородные южные земли долины Меконга находились в сфере особого интереса Нгуенов, которые всячески поддерживали богачей Тхуанхоа, возглавлявших миграцию населения из северного уезда Ботинь провинции Куангбинь на юг. Тогда же происходило и освоение таких островов, как остров Черепахи в Биенхоа, Конлон и многих других. На протяжении 1-ой половины XVIII в. к югу от района Куанг – Тхуан возникло более сотни общин, деревень, слобод и местечек с податным населением в 69338 человек, которые образовали 11 уездов и 1 округ [1540, с.361].

Таким образом, к середине XVIII в. в состав государства Нгуенов была включена вся территория юга Центрального и Южного Вьетнама – от южной части горного хребта Хоаньшон до мыса Камау. Поэтому в 1744 г. государь Нгуен ввёл новое административное деление Дангчаунга, учредив 12 резиденций и 1 провинцию [1306.4, с.118, сноска]¹.

¹ Смотри «Параграф 5» «Главы 1» «Части I» настоящего тома.

1.2.2. *Формы земельной собственности*

А. Государственная собственность на землю

Как уже отмечалось при характеристике политической истории, в XVI – 1-ой половине XVII в. район Тхуан – Куанг формально входил в состав единого Дайвьета, а государи Нгуен были обязаны ежегодно отправлять ко двору Ле – Чинь собираемые налоги вместе с земельными кадастрами и подворными реестрами [194.1, т.I, с.125]. В 1586 г. от императора Ле в Тхуанхоа даже прибыл специальный посланник Нгуен Тао, чтобы лично проверить достоверность сообщаемых сведений. Но Нгуен Хоанг так покори́л эмиссара своим вниманием, что тот ограничился передачей императору составленных местными чиновниками кадастров и реестров. В 1600 г. к Нгуен Хоангу с аналогичным поручением прибыл ещё один посланник императора – Ле Нгиа Чать, который также ничего не добился [164.1, т.I, с.32, 34, 40].

Хотя при Нгуен Хоанге и произошёл ряд изменений земельной политики, первая попытка разграничения государственных и частных полей в Дангчаунге датируется лишь 1618 г. и связана с именем его сына и наследника Нгуен-фук Нгуена. Наконец, только в 1669 г. государь Нгуен-фук Тан повелел придворному Хо Куанг Даю провести реальный обмер обрабатываемых полей в уездах, разделить их по урожайности на три категории, выделить засушливые земли и в зависимости от этого установить размер взимаемого с них налога. Если кто-либо осваивал целину, превращая её в поле, то она становилось его *частной землёй*, с которой он платил личный налог и на которую не могли претендовать жители общин. Именно в то время сложились благоприятные условия, при которых крестьяне могли спокойно трудиться. В дальнейшем площади обрабатываемых земель так выросли, что государь Нгуен был вынужден учредить для сбора налогов особое управление аграрных дел [164.1, т.I, с.28, 36, 82]¹.

¹ Смотри «Параграф 1» и «Параграф 2» «Главы 1», а также «Параграф 1.2» и «Параграф 2.2.1» «Главы 2» «Части I» настоящего тома.

Организация деревень и общин в районе Тхуан – Куанг имела много общего с их структурой в Дангнгае. Так, Ле Кюи Дон указывал, что в XVIII в. в Тхуан – Куанге «все общинные земли передавались общинам, [а затем] делились между [крестьянами] для обработки [и] уплаты налогов» [194.1, т.I, с.125]. Общинных земель было мало, а населения – много, поэтому общинники получали наделы размером до 2160 м², а солдаты – в три раза больше [194.1, т.I, с.345]¹. Помимо *общинных полей* в Дангчаунге также существовали принадлежавшие непосредственно государю Нгуен так называемые *военные* и *государственные поля*, которые жаловались им заслуженной знати и отличившимся военным в кормление в качестве *имений*. Согласно установленным в 1680 г. нормам, заслуженный подданный [из] родни [и] близких [императора]¹¹ получал 3,6 га земли, командующий основой – 1,8 га, командир основы – 1,44 га, командир отряда – 1,08 га, начальник внутреннего отряда – 1,8 га и начальник внешнего отряда – 0,72 га. Оставшиеся земли этих категорий обрабатывались населением, а полученный с них урожай передавался для распределения во Внутренний дворец [164.1, т.I, с.92]. В то же время Ле Кюи Дон уточняет, что в провинции Тхуанхоа *государственные* и *военные поля* находились повсюду. Они использовались государями Нгуен как их собственные и управлялись особыми чиновниками, которые обеспечивали поставки риса ко двору. Из урожая этих же полей выдавалось кормление членам семьи и приближённым государя [194.1, т.I, с.126]. Известно, что во 2-ой половине XVIII в. в Тхуанхоа насчитывалось порядка 2340 га *военных полей* и 550 га *имений* [194.1, т.I, с.129 – 136].

В правление Нгуенов площадь *военных полей* постоянно росла. Так, например, в 1790 г. Нгуен Ань обратил внимание на обширные земельные угодья четырёх резиденций Зядини. Поэтому он повелел находившимся там сухопутным частям и

¹ В тексте сказано: «не более 5 или 6 *шао* земли». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹¹ Заслуженные подданные [из] родни [и] близких [императора]: то есть особо отличившиеся родственники государя и племенные вожди.

флоту Срединной армии возделывать земли в Вамко, известные под названием «лагерь военных полей». Солдаты получили буйволов, быков и орудия труда, а также семена риса, кукурузы и гороха для разведения этих культур. Работами руководил назначенный лично будущим основателем династии Нгуен командир основы, командующий авангардным крылом Нгуен Бинь.

Государственные и военные поля, как правило, обрабатывались солдатами и ссыльными преступниками. Если их было мало, то эти поля отдавались в пользование крестьянам, которых взимался налог-рента (рисом или деньгами) или налог-пошлина. Их размер не превышал 1 куана деньгами с 3600 м² полей [164.1, т.I, с.264].

В. Частная собственность на землю

Государи Нгуен крайне редко жаловали земли из числа *государственных и военных полей* в кормление гражданским и военным чиновникам в качестве *частных владений*. Для этого в основном использовались *общинные поля*. При этом следует отметить, что частное землевладение развивалось по-разному в старых и новых районах Дангчаунга.

В старых районах Тхуан – Куанга личные земли назывались «Основная полоса личных полей». Эти территории начали заселялись и осваивались ещё при династиях Чан и Ле, поэтому структура землепользования там была схожа с той, которая существовала в Дангнгоае. Соответственно в Тхуан – Куанге преобладала государственная собственность на землю. Однако даже там количество отданных в кормление полей стремительно росло, при этом их было крайне сложно учесть, так как старые земельные кадастры были подделаны. Поэтому в 1770 г. государь Нгуен повелел чиновникам составить земельные кадастры всех уездов Тхуанхоа. В результате был составлен 51 такой кадастр [164.1, т.I, с.173].

Иное дело захваченные в XVII – XVIII вв. плодородные земли долины Меконга в Южном Вьетнаме, где государи Нгуен всячески поощряли поднятие целины. Так, согласно Ле Кюи Дону, жители уездов провинций Куангнам, Диенбан,

Куангигай и Кюиньон переселялись на покрытые джунглями территории Зядини и Донгнае. Переселенцы вырубали деревья и выравнивали очищенные от них плодородные земли. Им разрешили декларировать эти земли как частные, сажать арековую пальму¹ и строить дома [194.1, т.I, с.345]. Благодаря этому в Зядини и Донгнае появились богачи, владевшие тысячами гектаров земли. Ле Кюи Дон писал: «В Зядини [и] Донгнае земли наивысшей категории... От устья реки до предгорий 6 – 7 дней пути, куда ни помотришь, везде простираются поля» [194.1, т.I, с.140]. На юге некоторые семьи имели по 20, 30, 40 и даже 50 домов. В каждом дворе было по 50 – 60 полевых рабов и по 300 – 400 буйволов и быков. Трудившиеся на полях без отдыха люди собирали богатый урожай риса, который они продавали в 11-ом и 12-ом месяцах, а затем устраивали на вырученные деньги праздники проводов завершавшегося года.

Если, как уже отмечалось ранее, в конце XVIII в. вся площадь полей в Тхуанхоа составляла 95582,5 га, то в районах к югу от Куангнама, согласно данным официальных подворных реестров и земельных кадастров, было 97200 га возделываемых полей^{II} и 32000 поселений^{III}. Таким образом, несмотря на то что в Зядини и Донгнае земли были наиболее плодородными, администрация Нгуенов не располагала точными данными ни об их площадях, ни о реальном количестве податных крестьян. Она судила о них лишь на основании данных вышеупомянутых реестров и кадастров.

1.2.3. *Специфика сельского хозяйства*

О Южном Вьетнаме до начала его освоения государями Нгуен лучше всего можно судить по записям посла династии Юань в Ангкорской империи Чжоу Дагуаня^{III}. Повествуя о путешествии по равнине Намки в 1296 г., он описал в своих «Записях [о] землях края Ченла» бамбуковые заросли вдоль

^I Это дерево также известно под названием «бетелевая пальма».

^{II} В тексте сказано: «265507 *мау*» и «270000 *мау*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{III} 1266 – 1346 гг.

дорог, древние деревья, пение непуганых птиц и тысячи диких буйволов, пасшихся на бескрайней и пустынной низменности [1197, с.22, 23]. Спустя четыре века¹ Александр де Род также указал в примечаниях к своей карте Дайвьета, что земли в Фанранге «пустынные, печальные и безлюдные».

Как уже говорилось, реальное освоение территорий южной части Центрального и Южного Вьетнама началось лишь с Нгуен Хоанга. Уже в XVII в. высокая плодородность полей юга позволила снимать по три урожая в год во многих его районах. С каждых 3600 м² земли собирали по 90 – 120 мешков риса, а для его вывоза с полей даже приходилось использовать буйволов.

В Южном Вьетнаме круглый год произрастали огурцы, капуста, арбузы, дыни, ананасы, хлебное дерево, дуриан, кокос, бетель, табак, сахарный тростник и множество других овощей и фруктов. Повсюду там разводили крупный и мелкий домашний скот и птицу [1540, с.363].

Там где было недостаточно воды, создавали оросительные системы. Так, в 1681 – 1693 гг. в двух уездах провинции Куангчи было проложено два крупных канала с ответвлениями, при этом государь Нгуен освободил от налогов занятых на их строительстве крестьян [164.1, т.I, с.92, 93, 107].

В 1776 г. Ле Кюи Дон получил от двора Ле – Чинь назначение в Дангчаунг, благодаря чему появилось подробное описание сельского хозяйства этой части страны. Характеризуя земли Зядини, Диенбана, Донгна, Куангбиня, Куангнга и Тхангхоа, он также писал о собираемых 90 – 120 мешках риса с каждых 3600 м² полей. Ле Кюи Дон также упомянул и о том, что для возделывания тысяч гектар плодородных земель общин уезда Куангнгай так называемого малого Донгна в долине реки государи Нгуен собрали в 72 лагерях «приезжих и жителей горных районов», которые получали с них богатый урожай. Согласно его наблюдениям, урожайность была столь высокой, что с каждых посаженных 0,1 л зерна обычно

¹ В 1-ой половине XVII в.

получали 10,35 л, а в ряде районов – даже 31,05 л риса¹ [194.1, т.I, с.100, 105, 118, 140, 141].

Технология обработки земли в Дангчаунге XVIII в. была очень простой. Даже «сухие земли [лишь] пахали и бороновали, [после чего] засаживали и снова бороновали. Рис всходил [уже] через пять дней. По местной традиции люди использовали для пахоты одного буйвола или двух буйволиц» [194.1, т.I, с.344]. Согласно Ле Кюи Дону, в Дангчаунге культивировали 26 видов клейкого и 23 вида обычного риса с крупными и мелкими, длинными и круглыми, ароматными, сладкими и обычными, а также белыми, красными и чёрными зёрнами. В зависимости от сорта рис сажали в сентябре, октябре, ноябре, декабре и мае, а убирали в марте, апреле и сентябре. Были сорта риса, которые культивировались в предгорьях и на низкогорье. Большим разнообразием отличались и культивировавшиеся на плодородных низменных землях Зядини сорта риса, где среди населения бытовала поговорка: «сначала рис, потом бетель» [194.1, т.I, с.342 – 346].

Помимо рисоводства в Дангчаунге культивировали и такие продовольственные культуры, как гаолян, кунжут, рами, аннону, различные сорта хлебного дерева и манго, а также множество других плодов. Широко были распространены арековая и банановая пальмы, батат, маниок и кукуруза. В Дангчаунге выращивались практически те же фрукты и овощи, что и в Дангнгоае, однако климатические условия на юге были значительно более благоприятными для их разведения, где каждый район славился своей продукцией. Так, Бариа было известно своими тыквами и дынями, Биенхоа – кукурузой, бататом и мангостаном, Зядинь – земляными орехами, Биньдинь – манго, Хатиен – чёрным перцем, Биньтхуан и Куангнам – сахарным тростником, Виньлаунг – мангостаном... [194.1, т.I, с.328, 329].

Важную роль в сельском хозяйстве играл сахарный тростник, который также являлся экспортным товаром. Его

¹ В тексте использованы мера площади «зам» и мера объёма «хот». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

сажали в основном в районах Диенбан, Тхангхоа, Куангигай и Кюиньон. В общинах уезда Хыонгча варили белый и жёлтый сахар, Диенбане – мягкий и лёгкий пористый сахар. Один брусок этого сахара весил около 600 гр¹. Производившие сахарные песок и леденцы округ Суандай и община Донгтхам поставляли государям Нгуен 48320 кг сахара вместо уплаты денежного налога. В селе Нгиалап уезда Тьонгнга производили патоку. Население этого района ежегодно вносило вместо подушного налога, различных общественных работ и воинской повинности 2753 кувшина, вместо земельного налога – 734 кувшина и в качестве кормления местным чиновникам – 20 кувшинов сладкого продукта [194.1, т.I, с.340]. Производившийся в этом регионе сахар полностью удовлетворял как потребности его населения, так и населения всей страны в целом. Кроме того, он шёл ещё и на экспорт, что приносило Нгуенам дополнительный доход. В 1744 г. торговец Пьер Пуавр писал, что на складах Дангчаунга скопилось от 2000 до 6000 тонн сахара, для перевозки которого требовалось 80 судов [1470, с.236 – 239].

В Дангчаунге также росло много сыти и тростника, из которых местные жители плели схожие с производившимися в Бакнине циновки. Жители ряда общин Диснбана вместо воинской повинности поставляли расшитые различными орнаментами циновки. Так, к празднику начала Нового года по лунному календарю из Куангнама в Литературный храм присылали 50 пар больших и маленьких, длинных и коротких, толстых и тонких расшитых узорами циновок. Ещё 75 пар гладких циновок без вышивки получали различные службы и пагоды. Из уезда Фули провинции Кюиньон, где делался свой вид циновок, их ежегодно поставлялось 30 пар, а из Фуиена – 50 ещё пар различного рода циновок. Известно, что по указу государя Нгуен в провинции Куангнам делали циновки двух видов: широкие (1,73 м X 1,28 м) и узкие (3,39 м X 0,47 м)^{II} [194.1, т.I, с.324].

¹ В тексте сказано: «1 кан». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{II} В тексте используются меры длины «тхыок», «так» и «фан». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

Большую ценность также представляли в Дангчаунге хлопчатник и шелковица. Сухой климат и земли юга Центрального Вьетнама способствовали культивированию первого. Поэтому в разных районах Куангнама множество податных занималось производством хлопчатобумажных тканей. Ежегодно вместо налога, повинностей и службы в армии они отдавали по 46 *штук* продукции каждый.

Шелковица была распространена главным образом в Тхуанхоа и Куангнаме. Её выращивали почти во всех расположенных по берегам рек деревнях от Тхангхоа и Диенбана до Куангнгай и Кюиньона, что в XVII – XVIII вв. способствовало бурному развитию производства шёлка, парчи и атласа в Тхуан – Куанг. Ткачи в основном жили в уезде Хыонгча к юго-востоку от реки Фусуан. Например, общины Шондиен, Зыонгсуан и Вансуан были поделены на 3 хутора каждая. В каждом хуторе насчитывалось 10 дворов, в каждом из которых было до 15 ткачей. Согласно Ле Кюи Дону, один из далёких предков рода Нгуен из малой провинции Тхангхоа резиденции Куангнам научился ткачеству у «гостей с севера», после чего секреты мастерства передавались из поколения в поколение. Производившиеся местными ремесленниками различные виды шёлка, парчи, атласа и шёлковой вышивки высоко ценились. Поэтому в Тхангхоа и Диенбане взимался только так называемый «шёлковый налог». Каждый год население Тхангхоа вносило в качестве налога 1545 *штук*, а жители уезда Футяу малой провинции Диенбан – 2358 *штук* шёлковой ткани.

Куангнгай и Фуиен, в которых производили сатин и парчу, также поставляли в казну много шёлковых тканей. Так, только податные общины Тханьбао уезда Мохоа в Куангнгае ежегодно вносили 1170 *штук* белой ткани вместо исполнения воинской повинности. Красивые шёлковые ткани небольшого размера также производили в уезде Фуванг. Там же в общине Анлыу ткали жёлтый и белый шёлк [194.1, т.I, с.332, 333]¹.

¹ В качестве единицы измерения материи автор использует термин «*там*», который переводится как «*штука*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

В Дангчаунге также произрастали различные лесные травы, которые местные жители собирали для своих нужд и для продажи. Так, в северном Ботине было много женьшеня. Он легко выращивался даже в горшках и, при соблюдении технологии его обработки, не уступал по своим качествам северному китайскому женьшеню.

Одним из ценнейших лесных ресурсов Дангчаунга была корица, на производстве которой специализировались целые области предгорных и горных районов Тхангхоа, Диенбана и Кюиньона. В Куангнаме даже сажали коричные деревья. Много корицы производилось и в уездах Куангнгай.

Наряду с корицей важным продуктом, идущим на экспорт, был и чёрный перец, который в больших количествах производился в слободе и общине Майса волости Байчой уезда Миньлинь¹, где он в изобилии вился по деревьям. В сентябре перец цвёл, в ноябре давал плоды, а в мае его собирали. Для достижения наилучшего результата выросшие на основных побегах плоды чёрного перца сажали в выкопанные под большими деревьями ямы глубиной в 0,64 м. Эти посевы необходимо было тщательно оберегать от солнца и ветра в течение пяти лет. В труде Ле Кюи Дона сказано: «Прежде Поместный князь Порядка^{II} повелел скупать [и] привозить плавники рыб [и] ласточкины гнёзда, чтобы обменивать [их] на товары у купцов, что стало правилом. Ежегодно в 1-ом квартале 5-го месяца Нгуены отправляют по местностям отряд кораблей авангарда с воинами стражи, [которые передают] населению повеление вносить установленную [в соответствии с размерами] сада [каждой семьи] долю урожая. За 1 центнер^{III} чёрного перца платят 5 куанов денег. [Его] привозят в город Тханьха, где продают китайским купцам. Местному населению самостоятельно торговать не разрешается. При Нгуенах 100 кг, или центнер, чёрного перца стоил 5,6 куана. Покупавшие [его] китайские [торговцы и] купцы из Макао обычно возвращались [для его перепродажи] в Гуандун» [194.1, т.1, с.318, 322, 323].

¹ Современная провинция Куангчи.

^{II} Смотри «Государственный князь Порядка».

^{III} По-вьетнамски «та» (tạ).

Благовония дерева алоэ, которое росло на землях Куангнама, Фуиена и Кюиньона, также очень ценились в Дангчаунге¹. Государь Нгуен даже создал «отряд знатоков гор», занимавшийся со 2-го по 6-ой месяц добычей благовоний в горных районах. Наилучшим считалось алоэ белого, потом голубого, а затем синего, жёлтого и полосатого, как тигриная шкура, цветов. Благовония дерева алоэ использовались как для очистки воздуха, так и для лечения простуды, астмы и афазии. При лечении их растворяли в воде и потом капали раствор в нос. Их также поджигали и вдыхали дым. При болях в животе благовоние держали во рту [194.1, т.I, с.331].

Большой популярностью среди китайских, японских и западных торговцев пользовались и ласточкины гнёзда из Дангчаунга. Их добывали на всей территории от тямских островов в Куангнаме -- Дананге до островов Кханьхоа и Тхуанхай. Существовали целые районы, население которых платило налоги ласточкиными гнёздами. Так, крестьяне общин Тхангхоа, Диенбан, Кюиньон, Фуиен, Бинькханг, Зиенкхань и Зядинь должны были во 2-ом месяце каждого года сдавать до 120 гнёзд. Сначала сборщики налогов на лодках приплывали и распределяли налоги, а в 7-ом месяце они возвращались для их сбора в соответствии с категориями налогоплательщиков. Крестьяне категории «сильных» сдавали по 1194 г, категории «народа» – по 895 г, а категорий «старые [и] немощные» и «[достигших] совершеннолетия» – по 597 г гнёзд^{II}. Всего же собиралось до 1500 ласточкиных гнёзд [194.1, т.I, с.230].

Следует отметить, что государи Нгуен уделяли большое внимание накоплению всех этих ценных продуктов, которые являлись полноценным эквивалентом денег при покупке необходимых им импортных товаров, в том числе и оружия. Об этом свидетельствует и источник, в котором говорится: «Год Жёлтого Пса, лето, 6-ой месяц»^{III}. Издан указ скупить целиком

^I О благовониях из дерева алоэ смотри «Примечание 35» в «Комментарии» к «Главе 1» «Части II» «Томе II».

^{II} В качестве мер веса автор использует вьетнамские меры «кан» и «ланг». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI»

^{III} Июнь 1632 г.

чёрный перец, благовония алоэ и ласточкины гнёзда. Поручено Дао Зюи Ты установить цену» [164.1, т.I, с.48].

Таким образом, благодаря лучшим климатическим условиям и обширным плодородным землям сельское хозяйство Дайвьета было более развито и диверсифицировано на юге, чем на севере. Поэтому многоплановое развитие сельскохозяйственной экономики Дангчаунга сыграло в ту эпоху важную роль в становлении сельского хозяйства не только самого государства Нгуенов, но и всей страны в целом.

2. Ремесленное производство в Дайвьете (1600 – 1788 гг.)

2.1. Контролируемый императорским двором сектор ремесленного производства

В XVII - XVIII вв. в Дангнгае эпохи правления двора Ле – Чинь продолжали развиваться возникшие ещё в XIII – XIV вв. две основные формы ремесленного производства – общинная, или народная, и государственная. Трудившиеся на этих производствах общинники постепенно объединялись в особые специализированные торгово-ремесленные поселения, известные как слободы.

В государственные слободы собирали лучших, наиболее квалифицированных ремесленников со всей страны. Как и в армии, они получали жалование деньгами и рисом. В Дангнгае его получали как ремесленники государственных, так и работавших на государство общинных слобод.

В «Своде установлений династии Ле» сообщается, что «Старосты объединений [и] мастера 1-ой [и] 2-ой категорий [в] учреждениях получают 6 куанов деньгами и 1,08 га общинных полей. Если общинных полей нет, получают 3 куана деньгами [и] 5 чанов риса. Заместители старост объединений [и] мастера 3-ей категории [в] учреждениях получают 4 куана деньгами [и] 0,72 га общинных полей. Если общинных полей нет, получают 2 куана деньгами [и] 3 чана риса» [1306.5, с.211]¹.

¹ В тексте используется мера площади «чан». Точный размер меры объёма «чан» (тхунг, thùng) установить не удалось, однако можно предположить, что она соответствует мере объёма «корзина». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

2.1.1. *Литейное производство*

В XVII – XVIII вв. в столице Дангнгаоя было два цеха, занимавшихся литьём денег. Один находился в местечке Коузиен слободы Батьмай уезда Тхосыонг, а второй – в общине Нянтгьеу уезда Виньтхуан^I. По мере роста потребности в деньгах было разрешено создавать цеха по их литью в каждой провинции. Это привело к появлению некачественной монеты, поэтому в 1753 г. провинциальные цеха были закрыты [182.1, т.II, с.620].

В Дангчаунге государи Нгуен также создали в 1736 г. своё управление по литью денег. В том году Нгуен-фук Тю повелел лить деньги из меди, однако население стало их использовать для изготовления медных предметов, что приводило к сокращению денежного оборота. Поэтому спустя 10 лет в 1746 г. государь Нгуен-фук Кхоат создал управление по литью денег в Лыонгкуане, в котором деньги стали делать из белого, а затем выпустили монету из зелёного цинка под названием «Деньги “Светлого Неба”»^{II}.

Самостоятельное литьё монеты было запрещено. С 1746 по 1748 г. в Дангчаунге было отлито 72396 куанов [164.1, т.I, с.146, 154]. Но из-за того что многие люди копили деньги и не пускали их в обращение, их всё равно было недостаточно. Поэтому богачи сами начали лить монеты с добавками свинца. В результате новые деньги становились всё более тонкими и хрупкими, теряли свою значимость и неохотно принимались как населением, так и торговцами. Так, если при их введении один донг цинковых денег можно было поменять на один донг медных денег, то уже спустя несколько лет за три цинковых донга давали лишь один медный [194.1, т.I, с.222].

Интересно отметить, что когда государь Чинь захватил в 1776 г. Тхуанхоа^{III}, то он повелел собрать совершеннолетних

^I Сегодня это квартал Хай Ба Чынг (Двух сестёр Чынг) и община Нянттан уезда Тылием в Ханое.

^{II} Полный перевод названия этой монеты «Всеобщее богатство [правления под девизом] “Светлое Небо”».

^{III} Смори «Параграф 1.2» «Главы 2» «Части I» настоящего тома.

налогоплательщиков и известных мастеров для литья монеты, получившей название «Деньги “Блистающего процветания”»¹. Для этого использовали все захваченные у государей Нгуен медные изделия. Некоторые из них были шириной до 2,5 м, высотой – до 1,2 м и весом до 450 кг¹¹. О том, какое значение придавалось этому мероприятию, свидетельствует тот факт, что его руководителем был назначен придворный сановник маркиз Провозгласитель мира Ван Тхе Нги.

В своём труде Ле Кюи Дон отмечает, что в то время из 55,17 кг меди, 13,91 кг олова и 26,03 кг свинца, то есть из 95,11 кг металлического сплава, отливали 38 куанов, из 951,1 кг – 380 куанов, всего же было произведено 30362 куанов. За 95,11 кг выплавки литейщик получал 7 куанов, а всего на зарплату было израсходовано 5593 куанов. Древесина, уголь и смола, 95,11 кг которых стоили 1 куан, обошлись в 799 куанов. Таким образом, чистый доход казны составил 23970 куанов денег¹² [194.1, т.1, с.223; 1302.1, с.144].

Помимо литья монеты важнейшим аспектом литейного производства было оружейное дело. В придворной хронике династии Нгуен сообщается, что в 1631 г. в общинах Фанса и Хоангзянг уезда Фаунглок были набраны люди для литья пушек. В том же году были созданы внутренние, левая и правая батареи [по литью] тяжёлых пушек¹³.

Во внутренней столичной батарее в Хюе работали 1 руководитель, 1 мастер и 38 рабочих, в левой и правой батареях – 12 мастеров и 48 рабочих из двух вышеупомянутых общин. Для литья одной пушки требовалось 12 м³ железа и 10 кг чугуна, при этом уголь стоил ещё 3 куана 5 донгов. Для литья 10 ружей на каждые 10 ружей было необходимо 30 м³ железа, 30 кг чугуна и 10 куанов денег на уголь¹⁴.

¹ Полный перевод названия этой монеты «Всеобщее богатство [правления под девизом] “Блистающее процветание”».

¹¹ В тексте сказано: «шириной 7 – 8 тхыоков, высотой 3 – 4 тхыока, весом 700 – 800 кан».

¹³ Автор использует вьетнамские меры объёма или массы «кхой». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

К 1642 г. в армии государей Нгуен уже насчитывалось 200 тяжелых орудий, а на военном параде 1653 г. в Хюе приняли участие 10000 вооружённых ружьями солдат авангардного, арьергардного, левого и правого подразделений срединной армии.

Пушки и ружья производились под руководством жившего в Хюе португальца Жоао да Круза по западным технологиям. Такое вооружение армии современным европейским огнестрельным оружием позволило Нгуенам обеспечить надёжную защиту Дангчаунга в XVII в. [164.1, т.I, с.48, 62; 1302.1, с.64, 65].

2.1.2. *Кораблестроение*

Судостроительные верфи Дангнгоая в эпоху Ле – Чинь находились в устьях рек современных провинций Куангнинь и Куангбинь, на которых строились малые суда, известные под названиями «достигающие морских островов», «морские кони», «тентовые» и «перевозящие чиновников».

Большие суда, длиной 21,44 м и шириной 3,36 м, имели по 48 вёсел каждое.

Все они были очень хорошего качества и выдерживали любую непогоду. Перед спуском на воду и после ремонта состояние судов проверял особый инспектор комиссии министерства общественных работ.

В Дангчаунге государи Нгуен также основали много судостроительных верфей, на которых трудилось большое количество рабочих. Например, на одной из верфей работали 400 человек, строившие суда водоизмещением до 400 тонн. Флот Нгуенов в основном состоял из транспортных и военных кораблей, которых только в 1674 г. было построено 133 штуки. Сохранившиеся свидетельства иностранцев достаточно противоречивы.

Один посетивший в 1642 г. Дангчаунг голландский торговец написал в своём дневнике, что в том году построили 230 или 240 кораблей, каждый из которых мог перевозить до 64 человек. [1306.5, с.211; 1581, с.18].

В. Другие государственные ремёсла

Помимо литейного дела и судостроения как в Дангнгоае, так и в Дангчаунге шло масштабное строительство. Там возводились дворцы, резиденции, здания государственных учреждений, храмы, пагоды и монастыри, для чего требовалось множество квалифицированных ремесленников, месяцами, а то и годами принудительно привлекаемых к этим работам.

В Дангнгоае, например, были ювелиры, изготавливавшие драгоценные украшения, портные, шившие одеяния и головные уборы, мастера, делавшие предметы культа и украшавшие жилища дворцовой знати, и много других ремесленников.

Имелись и такие бумагоделательные мастерские, как цех «Обширной добродетели», производивший бумагу «Великого Феникса», чья продукция шла на нужды императорского дворца и резиденции государя. Все эти государственные ремесленные мастерские находились в ведении комиссии министерства финансов [1302.1, с.69].

В Дангчаунге, как и в Дангнгоае, также было много государственных ремесленных артелей. В конце XVIII в., примерно в 1791 г., только в провинции Зядинь насчитывалось порядка 62-х таких специализированных артелей. В них трудились литейщики, каменщики, столяры, лакировщики, ювелиры, гравёры, резчики, ткачи, изготовители больших зонтов и другие ремесленники [1229, с.189].

Таким образом, в XVII – XVIII вв. государственный сектор ремесленного производства стал технически более развитым и производил больше продукции, чем прежде. Однако его ремесленники трудились в рамках исполнения трудовой повинности, удовлетворяя нужды государства. В их труде самостоятельное творческое начало было минимальным и поэтому они смогли стать основой развития промышленного производства в целом.

В результате роль главного двигателя его становления в Дайвьете сыграло общинное, или народное, ремесленное производство.

2.2. Общинный, или народный, сектор ремесленного производства

Существовавшие в Дайвьете уже на протяжении нескольких веков специализированные ремесленные общины, или торгово-ремесленные слободы, получили дальнейшее развитие в XVII – XVIII вв. Их специализация была самой разнообразной, а производимая ими продукция высоко ценилась и поставлялась как на внутренний, так и на внешний рынок. Основными же по-прежнему оставались следующие виды ремесленного производства.

2.2.1. Ткацкое ремесло и сахароварение

Одним из древнейших видов ремесла в Дайвьете было производство хлопчатобумажных и шёлковых тканей. Центрами их производства в основном были районы, где выращивали тутовое дерево. Об этих районах, о видах производимых там в XVII – XVIII вв. тканей, которые нередко принимались властями вместо налогов и повинностей, уже достаточно много говорилось в предыдущих, посвящённых сельскому хозяйству параграфах. Чтобы не повторяться, здесь можно ограничиться лишь напоминанием о том, что многие общинники нередко занимались производством тканей наряду с земледелием. Поэтому в их домах могло быть лишь по несколько ткацких станков, тогда как в цехах профессиональных ремесленников их насчитывались десятки.

Как в Дангнгоае, так и в Дангчаунге производились хлопчатобумажные ткани, чёрный сатин и различные виды гладкого и узорчатого шёлка, который, согласно источникам, не уступал шёлку из Гуандуна. Шёлк также нередко украшали изображениями растений, мифических животных и оружия. Из шёлка шились дорогие одеяния и головные уборы. Также известны головные уборы даосов, которые делались из чёрного блестящего сатина, а их верх инкрустировался янтарём.

По своему характеру ткацкое производство в Дайвьете XVII – XVIII вв. было мелкомасштабным и нацеленным главным образом на удовлетворение спроса внутреннего

рынка. Поэтому готовые изделия вывозились из страны в небольших количествах. В основном же на экспорт шло сырьё, такое как, например, шёлк-сырец, которое иностранные торговцы перепродавали на зарубежных рынках¹.

Сахароварение, о котором также немало говорилось при характеристике сельского хозяйства Дангнгоая и Дангчаунга, базировалось на культивировании сахарного тростника. Для его отжима использовались буйволы, после этого из полученной жидкости варили патоку и сахар, который затем рафинировали. Этот древний метод производства сахара используется во Вьетнаме и по сей день.

Продукция сахарного производства широко использовалась во многих отраслях народного хозяйства страны. Как уже отмечалось, согласно мнению европейских торговцев, вьетнамский сахар был «лучшим в Индокитае».

2.2.2. Производство керамики

В XVII – XVIII вв. в Дангнгоае продолжало процветать производство керамической и фарфоровой посуды в селе Батчанг провинции Ханой. Село Тхоха той же провинции славилось своими большими глиняными кувшинами и фаянсовыми уронами.

Ремесленники села Хыонгкань в Виньфуке специализировались на производстве больших керамических тазов и кувшинов. В селе Тюдоу в Хайзыонге изготавливались керамические и фарфоровые цветные подсвечники, курительницы и вазы.

В числе основных центров керамического производства в Дангчаунге можно назвать Локтхыонг и Фувинь в Куангнаме, Митхиен и Локтхиен в Куангнгае, а также целый ряд сёл в Биньдине [1581, с.8].

Особым спросом пользовался именной фарфор из Батчанга и Тюдоу, на котором стояла личная печать мастера, сделавшего то или иное изделие. В XVIII в. причал Батчанга

¹ Смотри ниже в параграфах, посвящённых внутренней и внешней торговле.

был завален товаром, который целиком скупался вьетнамскими и иностранными торговцами.

Ваза из дворца императоров Ле. Конец XVI – начало XVIII в.
Раскоп на территории дворца. Ханой, 05.04.2012 г.

2.2.3. Кузнечное дело, бумажное производство и другие традиционные и новые ремёсла

В первую очередь в числе традиционных ремёсел в Дайвьете XVII – XVIII вв. следует назвать существовавшее с древнейших времён кузнечное дело. Так и не превратившись в производство государственного масштаба, оно было широко

представлено на уровне населения, обеспечивая мотыгами, плугами, боронами, серпами, ножами и другими необходимыми предметами повседневной жизни и труда. Кроме того, кузнецы делали и холодное оружие, которое, несмотря на всё большее распространение огнестрельного оружия, по-прежнему пользовалось большим спросом. Особенно славились изделия кузнецов деревень Хайзыонга, Хынгиена, Ханоя, Ханама, Нгеана, Хатини, Тхыатхиена – Хюе и других провинций

В Дайвьете в XVII – XVIII вв. также производились картон, контурная бумага, бумага для приказов, жёлтая бумага, графитная бумага и другие виды бумаги. Главным центром бумагоделательного ремесла в Дангнгоае был Тханглаунг с прилегающими к нему общинами. Бумагу также производили и в общинах провинций Бакнинь, Куангбинь и Тхыатхиен – Хюе. Как уже упоминалось, специальную бумагу «Великого Феникса» для нужд императорского двора Ле и резиденции государя Чинь изготавливали в столичном цехе «Обширной добродетели». Дальнейшее развитие получили и такие традиционные ремёсла, как плетение циновок и соломенных головных уборов, или нонов, окраска тканей, инкрустация жемчугом, гравировка на серебре и многие другие.

Привнесённое в Дайвьет в XV в. мастером Лыонг Ныи Хоком искусство резьбы по дереву в XVII – XVIII вв. было сконцентрировано в ремесленных поселениях Лиеучанг и Хонглук современной провинции Хайзыонг. Мастера-гравёры из этих поселений приезжали и в столицу, где они занимались резьбой на каменных стелах и деревянных печатных досках.

Вышивка и основанное мастером Ле Конг Ханем ремесло изготовления больших зонтов получили в XVII – XVIII вв. не меньшее распространение. Главный центр вышивки находился в деревне Куансюен уезда Хыонгча, а производства зонтов – на территории современного Ханоя.

Тогда же в Дайвьете появились и первые часовщики. Всё началось с того, что миссионеры подарили государю Нгуен часы, который после этого отправил мастера Нгуен Ван Ту из общины Дайхао уезда Дангсыонг провинции Тхыатхиен

учиться часовому делу в Европу. Нгуен Ван Ту пробыл два года в Голландии и, вернувшись домой, передал свои знания родным. Он также изготовил большие часы. Их установили на обсерватории, на дворце государя и на зданиях учреждений, чтобы люди могли по ним узнавать время. Однако это ремесло так и не получило значительного развития [1213, с.369].

2.3. Горнодобывающее производство

Добыча полезных ископаемых с давних времён была одной из важнейших отраслей экономики Дайвьета. В XVII – XVIII вв. она продолжила активно развиваться, при этом особое внимание уделялось добыче меди, которая привлекала как частные, так и иностранные капиталы.

Как известно, предгорные и горные районы Северного Вьетнама (Дангнгаоя) богаты полезными ископаемыми, поэтому там было много добывающих предприятий. В их числе можно, например, назвать медные рудники Тулаунга в Туенкуанге, Анхана, Вунонга, Лиентуена, Тонгтиня и Шангмока в Тхайнгуене, Нгаукуиена и Чиньлана в Хынгхоа, Хоайвиена в Лангшоне, серебряные рудники Лаунгшиня и Намсыонга в Хазянге, золотые прииски Кимма и Тамлонга, цинковую шахту Конминя и оловянную шахту Вунонга в Тхайнгуене¹.

Помимо государственных шахт существовали шахты, принадлежавшие частным лицам и иностранцам, которые облагались специальным налогом. Местные национальные меньшинства, как, например, нунги в Хоави, также занимались золотодобычей и платили налоги. Золото добывалось вручную путём обычной «промывки». В пограничных районах добычей полезных ископаемых промышляли выходцы из империи Цин. Нередко китайцы занимались разработками месторождений без соответствующего разрешения. Их выдворяли из страны, но они возвращались. Как правило, на «китайских» рудниках работали китайцы. Численность трудившихся на них рабочих временами достигала нескольких десятков тысяч человек.

¹ Речь идёт о провинциях современного Вьетнама.

Практически все китайские шахтёры и предприниматели в Дангнгоае были из округов Шао и Чао провинции Гуандун. Они жили обособлено, объединяясь в особые группировки по клановой принадлежности.

Войны с Северной династией Мак привели в начале XVII в. к тому, что двор Ле – Чинь не имел достаточно сил для контроля за горными работками, особенно в тех районах, которые находились под властью племенных вождей национальных меньшинств. Поэтому добыча полезных ископаемых нередко отдавалась на откуп частным лицам, как правило – высокопоставленным чиновникам и придворным, нажившим состояние в ходе войн.

Во 2-ой половине XVII – начале XVIII в. ситуация в Дангнгоае несколько стабилизировалась, что позволило двору Ле – Чинь приступить к организации управления добычи полезных ископаемых, дальнейшему развитию которой способствовал и происходивший в XVIII в. рост товарной экономики. В 1760 г. была введена новая система контроля и управления горнорудными работами. По указу императора [великие] князья, маркизы, знать, придворные чиновники и чиновники на местах, а также племенные вожди могли получить в управление шахты и рудники. Все пожелавшие заниматься горнорудными разработками люди имели право ими заниматься только по персональному разрешению императорского двора. Придворным и чиновникам на местах было позволено финансировать создание предприятий из собственных средств. При открытии шахты инвестор получал грамоту, согласно которой он освобождался от уплаты налогов на пять лет. По истечении этого срока ежегодно устанавливалась общая сумма налога, который взимался пропорционально количеству добытых полезных ископаемых. Для того чтобы руководившие работами и открывавшие шахты чиновники были больше заинтересованы в результате своей деятельности и всячески способствовали поступлению налогов в казну, они сохраняли свои посты на длительное время. Согласно принятому в эру правления под девизом «Вечное

изобилие»^I указу, численность рабочих на горнодобывающих предприятиях, которая должна была составлять на крупных рудниках 300, на средних – 200 и на маленьких – 100 человек. Однако эта регламентация, видимо, не имела серьёзных последствий, так как в середине правления под девизом «Блистающее процветание»^{II} уже имелось довольно много шахт и рудников, где численность рабочих ничем не была ограничена

В 1757 г., после того как был возвращён захваченный империей Цин медный рудник Тулаунг в Туенкуанге, государь Чинь поручил его восстановление с последующим сбором налогов в свою пользу начальнику пограничного округа Висюен Хоанг Ван Ки. Тогда же на этот рудник был назначен инспектор-управляющий из числа чиновников комиссии министерства финансов и инспектор-руководитель, которым стал командированный начальник^{III} района Туенкуанг. После этого многие представители знати и чиновничества начали обращаться с просьбой разрешить им добычу золота, серебра, меди, олова, цинка и других полезных ископаемых на тех же условиях. Согласно исследованию Фан Хюи Тю, маркиз Срединный толкователь Нгуен Динь Хуан в 1757 – 1759 гг. получил подряд на добычу меди на рудниках Шангмока, Иенхана и Лиентуена, маркиз Срединной радости Нгуен Фыонг Динь – в 1759 г. на руднике Чиньлана, а руководитель дел Нгуен Зань Тхыонг – на руднике Хоайвиена. Когда же начались разработки золота, серебра и олова в Тхайнгуене, командированный начальник Буй Тхе Кхань набрал китайцев и в 1756 – 1759 гг. стал без разрешения добывать золото в Кимма и Тамлонге, цинк в Конмине и олово в Вунонге. За это самовольство государь Чинь снял его с должности в 1761 г. [213, т. III, с. 77 – 79]. Наконец, в 7-ом месяце 1762 г. двор Ле – Чинь издал указ об открытии предприятий по добыче серебра, меди, железа и селитры в общинах Шонтэя, Тхайнгуена, Футхо

^I 1705 – 1719 гг. Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

^{II} 1740 – 1786 гг. Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

^{III} Должность высокопоставленного чиновника двора, которого император лично отправлял в тот или иной регион страны с инспекцией.

и Лаокая. Тем же указом открывавшие их люди освобождались от уплаты налогов сроком на три года [182.1, т. II, с. 649].

При добыче полезных ископаемых в предгорных и горных районах Северного Вьетнама в XVII – XVIII вв. в основном использовался ручной труд с применением примитивного оборудования. После добычи руду промывали для очистки земли и примесей, а затем обжигали в простых самодельных печах. На контролировавшихся племенными вождями приисках, рудниках и шахтах в основном работали представители национальных меньшинств. Примитивная, кустарная технология, не позволявшая добывать находившиеся глубоко в земле полезные ископаемые, предопределила низкую производительность труда. Хотя шахтёры работали по найму, их труд носил принудительный характер. Поэтому имевшие в целом феодальный характер отношения между хозяином и наёмными рабочими на вьетнамских шахтах того времени не соответствовали требованиям развитой товарной экономики.

В то же время работавшие на шахтах Дангнгоая цинцы из Гуандуна имели большой опыт в добыче полезных ископаемых и использовали прогрессивные технологии, при этом у них существовало хоть и простое, но эффективное разделение труда. Поэтому производительность труда на «китайских» шахтах была намного выше, чем на вьетнамских. После уплаты налогов китайские предприниматели вывозили добытую руду в империю Цин, что наносило серьёзный ущерб экономике Дангнгоая. Поэтому, чтобы хоть как-то его уменьшить, государь Чинь повелел ограничивать численность работников на шахтах, которые управлялись иноземными предпринимателями.

Если в XVII – начале XVIII вв. не имевшее достоверной информации вьетнамское государство взимало в качестве налога одну десятую от всего объёма добытых полезных ископаемых, то затем этот порядок был изменён. Как уже говорилось, новые горнодобывающие предприятия стали освобождаться от уплаты налогов на срок от трёх до пяти лет, а размер налога – определяться в зависимости от объёма добытых полезных ископаемых. Так, в 1774 г. двор Ле – Чинь

повелел взимать с медного рудника Тулаунг «каждый год по 5968,16 кг руды»¹. Этот рудник имел самые богатые залежи медной руды наилучшего качества, поэтому для него была установлена наивысшая ставка налога в стране. Например, с оловянной шахты в Вунонг ежегодный налог составлял только 716,16 кг меди¹¹. К сожалению, имеющиеся данные источников не позволяют осуществить даже приблизительного расчёта нормы платившегося владельцами шахт налога в Данггюае, однако тот факт, что эти налоги были большим подспорьем для государственной казны, не вызывает сомнения. Так, Фан Хюи Тю писал: «Невозможно переоценить значение золотых, серебряных, медных [и] оловянных шахт [Данггюае]. Большая часть расходов государства обеспечивалась поступавшим с рудников налогом» [182.1, т.II, с.711; 213, т.III, с.78].

В отличие от Данггюае в Дангчаунге было мало полезных ископаемых, но и там добыча полезных ископаемых играла немаловажную роль. Так, в провинции Тхыатхиен – Хюе было много железных рудников, которые платили государю Нгуен ежегодный налог с добычи, что освобождало их работников от трудовых повинностей. В уезде Ботинь современной провинции Куангбинь был рудник, с которого взимался ежегодный налог в 12,5 тонн железной руды. Другой рудник в уезде Фуванг сдавал государю Нгуен по 50 тонн железной руды в год¹¹¹. Правда, она была худшего качества, чем руда из Ботиня. Во 2-ом месяце государь Нгуен издавал указ о подготовке к плавке железа, которая обычно проводилась в апреле и августе. Полученное из руды железо передавалось в государственное хранилище [1213, с.371; 194.1, т.I, с.224].

Во многих районах Дангчаунга также имелись и крупные залежи золота. В основном они находились в горной местности уезда Зюисюен малой провинции Тхангхоа, по которой текла река Тхубон. В Куангнаме также были золотые прииски. Мыли золото и на реке В Фуоу уезда Фуванг, где в

¹ В тексте сказано: «10000 кан». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹¹ В тексте сказано: «1200 кан». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹¹¹ В тексте сказано: «500 кхой», «2000 кхой». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

январе каждого года жители этого района проводили обряд «открытия горы». Когда в каком-либо месте замечали отблеск золота, то там начинали копать и промывать землю. Для добычи золота местное население объединялось в так называемые «золотые семьи», насчитывавшие до 5000 человек.

В источнике сообщается, что во 2-ой половине XVIII в. «опора государства» Чыонг Фук Лоан^I забрал себе в кормление прииски реки Тхубон, которыми он поручил управлять своему родственнику Ан Диену. За 20 лет личного пользования ими Фук Лоан получил «столько золота, что и не счесть». Это вполне объяснимо, так как обычно прииски Тхубона платили налог в размере 3,21 кг^{II}. В то время жил один, бывший родственником Ан Диена монах по имени Зянг Хюен, который купил себе гору в районе реки Тхубон. Добытое там золото он продавал повсюду, даже купцам в Хойане. Также известно, что каждый год этот монах продавал не менее 373,01 кг^{III}.

В провинции Куангнам также было много мест, где занимались золотодобычей. Государь Нгуен повелел создать там «владения золотых семей» из сорока деревень каждое, население которых освобождалось от воинской повинности. На каждом прииске был назначаемый Управлением драгоценных металлов главный руководитель, который отвечал за плавку золота. Кроме того, чиновники Внутреннего приказа исторических [документов] должны были выявлять, сколько работает местных и сколько пришлых «семей». В соответствии с этим с каждой взималось либо 1790,44 гр, либо 1193,62 гр^{IV}, которые сдавались руководителю «владения» и переплавлялись в бруски стандартного веса. Ежегодный налог сдавался особому чиновнику-счетоводу перед началом праздников середины года и последнего дня года. В те годы, когда золота

^I Смотри «Параграф 1.2» «Главы 2» «Части I» настоящего тома.

^{II} В тексте сказано: «налог в 3 *хота* 8 *лангов* 3 *донг кана* 1 *фан*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{III} В тексте сказано: «1000 *хотов*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{IV} В тексте сказано: «взималось 3 или 2 *донг кана*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

добывали меньше установленной нормы, то, исходя из оценки 373,01 гр^I золота в 200 куанов, каждый налогоплательщик вносил 4 куана деньгами. Если же золота добывали больше, то в таких случаях налог не повышался.

Следует отметить, что «владения золотых семей» приносили казне государей Нгуен немалый доход. Например, в 1769 г. «золотая семья» малой провинции Тхангхоа принесла казне 12,31 кг золота^{II}. Учитывая налоговые льготы для ряда категорий населения и чиновников, составившие 4,28 кг золота, «золотая семья» провинции Кюиньон внесла в качестве налога 9,84 кг^{III} драгоценного металла. Наконец, «золотая семья» малой провинции Фуиен выплатила за вычетом всех льгот и расходов 6,75 кг золота^{IV}. Таким образом, только эти три «семьи» вместе со связанными с ними общинами и деревнями указанных провинций принесли государям Нгуен в 1796 г. 28,9 кг золота!

Нередко зигзагообразные, как вертикальные, так и горизонтальные богатые золотом жилы пролегали в мягких почвах. Там же, где золота не было, земля была твердой. Обнаружив на горе месторождение, старатели из «золотых семей» сначала строили себе дома и обосновывались на этом месте, после чего начинали копать ямы глубиной свыше 3,2 м. Землю насыпали в кучи, а затем промывали. Как правило, за один день набирался целый буйволоный пузырь золотого сырья, которое шло на плавку. Так, в общине Намфо уезда Фуванг, чтобы добраться до золотой жилы, выкапывались ямы длиной 4,8 м, шириной 3,2 м и глубиной 6,4 м^V. Из каждой

^I В тексте сказано: «1 хот». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{II} В тексте сказано: «21 хот 8 лангов 7 донг канов 7 фанов». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{III} В тексте сказано: «7 лангов 7 донг канов 1 фан»; «20 хотов 4 ланга 3 донг кана». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{IV} В тексте сказано: «10 хотов 1 ланг 5 донг канов 7 фанов». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^V В тексте сказано: «копались ямы длиной 1,5 чыонга, шириной 1 чыонг и глубиной 2 чыонга» и «1 фан». Под «корзиной» понимается стандартная корзина, которую в паре с такой же корзиной вьетнамцы носят на коромысле. Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

корзины земли получали 0,373 гр золота. При такой технологии производительность труда была невысокой, при этом добытого золота иногда даже не хватало для оплаты труда старателей. Правда, в конце XVIII в. в Дангчаунге начали укрупнять рудники и собирать всё добытое сырьё в нескольких местах для его дальнейшей обработки крупными партиями. Всего же из добытого сырья ежегодно выплавляли до 16,78 кг чистого золота, из которого получали 90000 золотых листов, которые использовались государями Нгуен для декорирования вещей [194.1, т.I, с.213 – 227].

Скульптуры драконов у главного входа во дворец.

Раскопки дворцового комплекса Ле XVII – XVIII вв. Ханой. 05.04.2012 г.

Таким образом, в XVII – XVIII вв. горнодобывающее производство получило серьёзное развитие по сравнению с предыдущей эпохой. Оно стало важнейшей составной частью экономики Дайвьета, которая за счёт налогообложения обеспечивала значительные вливания в казну как Дангнгоая, так и Дангчаунга. Также следует отметить, что, хотя технический уровень и технология добычи руды ещё носили в целом достаточно примитивный характер, а найм имел много схожего с принудительными традиционными общественными работами, именно в то время был сделан первый шаг к

концентрации производства и к найму рабочей силы на основе товарно-денежных отношений во Вьетнаме.

3. Развитие торговли в Дайвьете (1600 – 1788 гг.)

3.1. Внутренняя торговля

В XVII – XVIII вв. существовавшие с давних времён традиционные сельские и городские рынки превращаются в экономические центры регионов и одновременно с этим становятся центрами культурных обменов. По своему размеру они значительно отличались друг от друга. Малые и средние рынки имелись почти в каждой деревне. Они находились в её центре близ речной пристани или дороги и могли работать каждый день. Крупные, или районные, рынки находились на основных дорогах или обслуживали сразу несколько деревень. Они открывались два раза в месяц по чётным или нечётным дням. Также были рынки, на которых торговали лишь один раз в год, куда продавцы и покупатели приходили главным образом в расчёте на «удачу». Базарные дни различных рынков не совпадали по датам, при этом в густонаселённых местах, которые славились ремёслами, устанавливались главные, второстепенные и дополнительные ярмарочные дни. Таким образом, дни работы рынков не совпадали, что позволяло населению торговать в разных местах по нескольку дней.

В предгорных и горных местностях Дайвьета один рынок нередко приходился на целый район, включавший в себя множество сёл и общин и являвшийся его настоящим экономическим центром. На нём обычно продавали дары леса, либо обменивали их на привезенные с низменности товары, например соль и рис.

В Северном Вьетнаме были популярны многие крупные рынки, например, в таких городах, как Бакнинь и Бакзянг, но наиболее известными были те, которые находились в Тханлаунге, куда съезжались люди со всей страны. Согласно сохранившимся свидетельствам, в столице Дайвьета было много красивых и богатых рынков, а согласно Фан Хюи Тю, там было восемь облагавшихся налогом рынков. В столице рынки находились в людных и легкодоступных местах,

например у причалов реки Толить, где их было немало. Рынки, которые открывались у городских ворот Тханглаунга, заполнялись главным образом продавцами и покупателями из близлежащих и отдалённых от столицы районов. В то время в столице уже существовали рынки, торговавшие каким-нибудь одним видом товара, который производился составлявшей с ним единое целое ремесленной слободой. Многие рынки были настолько своеобразными, что, например, поражённый всем происходившим на рынке Батьма цинский посол в Тханглаунге посвятил ему восторженные стихи.

На столичных рынках торговали главным образом свежими сельскохозяйственными продуктами и дорогими изделиями местных искусных ремесленников. Поэтому там были самые высокие цены, в том числе – и на рис, который был наиболее ходовым товаром. При этом многие сорта привозили в Тханглаунг со всех концов страны. На рынках столицы также торговали различными видами мяса, птицы и многими другими продуктами. Кроме того, производившиеся в Тханглаунге ремесленные товары скупали для перепродажи на деревенских рынках. Как отмечалось в предыдущих главах, в XVII – XVIII вв. постоянные войны и стихийные бедствия привели к значительному росту цен на продукты питания. Поэтому «когда на рынках цена была высокой, западные купцы договаривались с местными торговцами, вместе [с которыми они] отправляли отряды небольших судов в близлежащие районы, где скупали рис [как для] собственного потребления, [так и для] снабжения [столичных] рынков».

Наконец, следует отметить, что рынки Тханглаунга могли быть открыты постоянно или в обычном режиме – несколько раз в неделю или реже. Однако при этом ещё были установлены восемь ежемесячных «дней всеобщей торговли»: 1, 6, 11, 14, 15, 21, 26, 30 числа каждого месяца [213.1, т.III, с.83; 1409, с.83, 85, 89; 1421.1, с.83].

Как известно, буддийские пагоды и монастыри Дайвьета ещё с эпохи Ли – Чан являлись важными экономическими и культурными центрами страны. Однако XVII в. ознаменовался ещё одним аспекта их жизнедеятельности. В то время при

многих пагодах появились рынки¹, о чём свидетельствуют надписи на сохранившихся стенах. Их преимуществом было то, что население освобождалось от рыночного налога и других взносов в пользу местной администрации, так как доход от торговли шёл на ремонт пагод. По той же причине местные чиновники и богачи не имели права превращать эти рынки в свою личную собственность. Однако создание рынков при пагодах было связано с определёнными ограничениями. Так, например, если население той или иной общины Дангнгоая хотело создать новый такой рынок или же изменить статус уже существовавшего деревенского рынка, то это можно было сделать лишь с разрешения государя Чинь. Тем не менее в XVII в. количество такого типа рынков быстро росло.

Согласно данным эпиграфики, в XVII в. в провинции Бакнинь действовали шесть рынков при пагодах, в провинции Бакзянг их было четыре, в провинциях Хайзыонг, Хатэй и Тханьхоа – по три, наконец, в провинции Хатинь – один такой рынок [1731.1.1]. В других провинциях Северного Вьетнама подобной эпиграфики ещё не найдено, но есть все основания полагать, что и там было немало таких рынков при пагодах, поскольку некоторые из них существуют до сих пор. Они работали по несколько дней в месяц, в течение которых там шла оживлённая торговля множеством самых разнообразных товаров. Об этом можно судить по датируемой 14-ым годом правления под девизом «Правильное согласие»¹¹ надписи на стеле общинного дома деревни Тхоха, которая гласит: «Рынок *Трёх сокровищ* торгует каждый месяц 12 дней, [на нём] продают глиняные [и] керамические изделия. На рынке царит свободный обмен, люди спокойны и радостно занимаются ремёслами. Повсюду стоят ряды с павильонами [и] палатками торговцев [и] ремесленников, оживлённый обмен никогда не прекращается» [1478, с.307]. Таким образом, рынки при

¹ Рынки при пагодах также нередко называют *рынок «Там бао»* или *рынок «Трёх сокровищ»*. Происхождение этого названия, вероятно, следует связывать с буддийским каноном «Трипитака» (Три Корзины).

¹¹ 1693 г.

пагодах являлись важным звеном торговой системы Дангнгоая в XVII – XVIII вв.

В XVII в. в Дангчаунге при государях Нгуен также имелось множество рынков, о чём можно судить по труду Ле Кюи Дона, данные которого в целом сводятся к следующему:

В провинции Тхуанхоа было пять основных рынков, в уезде Миньлин – два, в малой провинции Тхангхоа провинции Куангнам – шесть, в малой провинции Диенбан той же провинции – один, в малой провинции Кюиньон провинции Биньдинь и в малой провинции Бинькханг провинции Кханьхоа – по четыре, в малой провинции Зиенкхань провинции Кханьхоа – два, наконец, в малой провинции Зядинь (Сайгон) их было семь [194.1, т.I, с.217 – 220].

В результате дальнейшего развития товарной экономики в XVIII в. только в районе Сайгон – Зядинь возникло более одиннадцати крупных рынков, на которых шла оживлённая торговля. Так, живший тогда Чинь Хоай Дык^I писал: «Рынок Кейда^{II} находится к югу от резиденции правителя справа от высокой стены под древним баньяном, крона которого закрывает почти 1600 м². К четвёртой страже^{III} на западном краю [рынка] собираются горцы, принесшие [на головах] корзины с бахчевыми, фруктами, овощами и орехами. Торговцы их скупают и уносят. С рассветом [по бокам] идущей с севера на юг [через] рынок дороги выкладывают рыбу и мясо. Бойкая торговля продолжается до заката»; или «Рынок Бентхань создан там, где вдоль реки теснятся дома... Есть пристани и переправы [через реку] для иностранных гостей. На северном конце [рынка находится] канал Шангы, [через который] перекинут мост. По [соединённым] мостом сторонам канала тянутся улицы с торговыми рядами. Улицы тянутся

^I 1765 – 1825 гг.

^{II}* Кей (Мок) да, Cây (Mộc) đa, Мудо 多木, то есть «Баньян».

^{III}* В тексте сказано: «закрывает до половины *мау*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI». Четвёртая стража, то есть 5-ый и 6-ой часы утра. Смотри статью «Летоисчисление, система прорицаний и восприятие общей структуры Мироздания в традиционном Вьетнаме» в «Томе VI».

вдоль канала. По реке [снует] множество больших и маленьких лодок с торговцами» [219, с.183].

Существовавшая в XVII – XVIII вв. система торговых связей Северного Вьетнама прежде всего обеспечивала обмен между низменностью, на которой выращивался рис и производились различные ремесленные товары, и богатыми как полезными ископаемыми, так и дарами природы горными районами страны. Её опорой были крупные экономические центры, являвшиеся основными перевалочными пунктами товаров в стране. Важнейшим из них был Тханглаунг, откуда начинались основные торговые пути в горные районы севера и на юг в район Тхань – Нге. Поэтому в столицу Дангнгоая свозились сельскохозяйственная и ремесленная продукция низменности, полезные ископаемые и дары природы горных районов и продукция приморской зоны северной части Центрального Вьетнама. Оттуда эти товары отправлялись как в близлежащие, так и в самые отдалённые деревни и общины. Особую роль в этих перевозках играли такие важные водные пути сообщения, как, например, связывавшие Центральный Вьетнам с Тханглаунгом реки Дай и Красная. К этому времени уже появились обладавшие столь значительными средствами купцы, что они могли самостоятельно обеспечивать товарами даже окраинные районы страны. Такими были, например, торговцы из деревень Бакниня и Хынгиена [1306.5, с.230].

В то время на равнинных территориях Северного Вьетнама появляются деревни, специализирующиеся на торговле, в том числе на одном каком-либо товаре, что свидетельствовало об уже достаточно высоком уровне развития торгового обмена в стране. Так, деревня Дангыу провинции Хынгиен специализировалась на лекарствах с севера, которыми её жители торговали во многих районах. Позже, в XIX в., некоторые из них открыли аптеки в различных городах Дайвьета. Точно так же издавна славившаяся производством и окраской тканей деревня Баодап уезда Милот¹ перешла на торговлю тканями. Почти всё

¹ Эта деревня находилась на территории современного г.Намдинь.

мужское население таких сёл занималось торговлей. При этом они торговали не только рядом с домом, но даже в Центральном Вьетнаме и в горных районах страны. Самой известной в Дангнгае была торговая деревня Фулыу, находившаяся на территории современного уезда Тышон провинции Бакнинь, в которой был существовавший уже несколько веков рынок Зьюу. К XVIII в. эта деревня превратилась в один большой рынок, где торговали в основном женщины, продававшие главным образом шёлк и газовую ткань. Кроме того, приблизительно на трёх десятках торговых рядов там продавали медь, олово, фарфор, чёрные и белые ткани, циновки, гамаки, древесину, рис, мясную начинку для деликатесов и многое другое. Постепенно рынок Зьюу, на который приезжали торговцы из Киньбака, Хайзыонга, Шонтэя, Лангшона и Каобанга, разросся вплоть до столицы Дангнгаоя. Соответственно, поскольку прибыль от продаж в Фулыу составляла 80% – 90 % от совокупного дохода деревни, сельским хозяйством занималось всего 3,3% её населения [1398, с.126]. Тем не менее, прибыль от торговли вкладывалась не в её развитие, а в покупку земель, то есть в сельское хозяйство, которое, с точки зрения населения, традиционно считалось основой благополучия. Таким образом, несмотря на ряд новых аспектов, в торговых деревнях XVIII в. всё ещё господствовали феодальные отношения, и поэтому они ещё не могли стать основой развития товарной экономики в стране.

В то же время, торговля также сыграла важную роль в сохранении единства Дайвьета, так как вопреки запрету двора Ле – Чинь торговые обмены между Дангнгаем и Дангчаунгом никогда не прекращались¹. Так, согласно Ле Кюи Дону, ещё в XVI в. государи Нгуен производили из сплава меди и цинка некачественные монеты, размерами и символикой не отличавшиеся от тех, которые имели хождение во владениях династии Мак. Поэтому с юга эти деньги привозили на север для закупки товаров. Кроме того, он сообщает о том, что

¹ Известно, что из Куангнама на север постоянно вывозились циновки и сахар, а на юг поставлялась керамика.

захватившие в 1774 г. Тхуанхоа государи Чинь нашли там отлитые Нгуенами 30 куанов денег. Монеты были нанизаны на соломенные жгуты, при этом все связки были в отличном состоянии. Эти деньги были привезены торговцами, которые на кораблях приплывали в Тхуанхоа из Дангчаунга. Наконец, важно отметить, что в XVIII в., после окончания многолетних войн между феодальными кланами Чинь и Нгуен, рис из Зядини начал легально продаваться на севере, откуда на юг везли шёлк, парчу, одеяния и другую продукцию ремесленного производства [194.1, т.I, с.221, 222, 345; 1237, с.117].

Развитие ремесла и торговли в XVII – XVIII вв. также привело к смещению акцентов в налоговой политике в обеих частях Дайвьета. Так, в Дангнгоае было введено три типа новых налогов: на производство, на рыночную торговлю и таможенный налог на внутреннюю перевозку товаров. Налог на производство мог взиматься как продуктами, так и деньгами. Например, с соли взималось 0,2 от произведённого количества в качестве «общественной соли». Также была установлена фиксированная цена на медь, которая равнялась 100 донгам за 59,68 кг¹, облагавшиеся налогом в размере 4 куанов 36 донгов. Точно так же чётко фиксировался налог на дары леса и моря, который взимался либо долей произведённой продукции, либо в денежном эквиваленте. Размеры таможенного и рыночного налогов зависели от района и типа рынка.

В 1724 г. двор Ле – Чинь издал указ, согласно которому был составлен реестр всех ремесленников в общинах для взимания налога на производство. Налоги оказались столь тяжёлыми, что ремесленники были не в состоянии их платить в полном объёме. В результате многие жители деревень стали вырубать посадки лаковых и тутовых деревьев, переставали заниматься добычей ценных пород дерева, не сажали хлопок, сахарный тростник и чай, прятали рыболовные сети и ткацкие станки, а добыча полезных ископаемых резко сократилась. Всё это приносило такой ущерб государственной казне, что уже в

¹ В тексте сказано: «100 кан». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

1732 г. в Дангнгоае был отменён налог на продукты местного производства.

Климат в Дангчаунге был гораздо благоприятнее для сельского хозяйства, чем в Дангнгоае. Кроме того, он был намного богаче природными ресурсами, которые добывались в больших объёмах. Поэтому благодаря отлаженной системе контроля и налогообложения в казну государей Нгуен поступали значительные средства, о чём свидетельствуют три нижеследующих примера.

В 1789 г. 11237 человека населения малой провинции Тхангхоа провинции Куангнам заплатили в 1789 г. налог золотом 2,38 кг, деньгами – 38072 куана, 7 тиенов, 57 донгов, рисом – 509,92 т, шёлком – 4951,41 м¹.

В том же году 9545 человек населения малой провинции Диенбан той же провинции выплатили 29916 куанов 2 тиена 29 донгов деньгами и 326,95 т рисом¹¹.

Наконец, всё в том же году малая провинция Зядинь, где проживали 165069 человек, вносила в казну золота 25,66 кг, денег 241995 куана 6 тиенов 40 донгов, риса 3292,71 т, шёлковой пряжи 1161,88 м, шёлка 3289,08 м, белого шёлка 374,4 м, естественных красителей 16,11 т, циновок 5469 пар, сахара 28,84 т, патоки 5300 кувшинов, благовоний 316,2 кг и сырого лака 3896,01 кг¹¹¹ [194.1, т.I, с.178, 179, 182, 183].

Особое место в налоговой системе Дангнгоая занимали внутренние таможенные акцизы на перевозку товаров. Интересно отметить, что в 1-ой половине XVII в. таможенные

¹ В тексте сказано: «золотом 4 донг кана 7 ли», «рисом 2848 бао 18 тхынгов 1 кат», «шёлком 1545 тамов 23 тхыока 1 так 8 фанов»; «рисом 1826 бао 23 тхынга 5 капов». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹¹ В тексте сказано: «выплатили рисом 1826 бао 23 тхынга 5 капов». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹¹¹ В тексте сказано: «золота 56 хотов 2 ланга 6 донг канов 7 фанов 8 ли 3 хао, денег 241995 куанов 6 тиенов 40 донгов, рисом 18390 бао 77 канов 5 кэпов 3 тхыока 136 батов и 6 капов, шёлковой пряжи 363 тама 9 таков, шёлка 1017 тамов 108 тхыоков 4 така, белого шёлка 1170 тхыоков, растительных красителей 90 бао, циновок 5469 доев, сахара 48320 канов, 9 лангов 8 донг канов, патоки 5300 тиней, благовоний 8477 льонгов и сырого лака 6528 канов». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

службы лишь контролировали товарные потоки, не взимая с них никакой пошлины. Поэтому в 1653 – 1661 гг. они были отменены, но уже в 1705 – 1728 гг. было введено новое таможенное законодательство, в соответствии с которым с торговцев стали взимать значительные суммы в зависимости от вида и категории их товара. На каждом таможенном посту устанавливались свои собственные нормы налога. Так, на одном взималась 0,1 стоимости бамбука и древесины и 0,4 стоимости других товаров, на другом – 0,2 их стоимости. Таможенный налог взимался деньгами, но в некоторых горных районах допускалась его оплата серебром. О том, какие суммы эти акцизы приносили в казну двора Ле – Чинь, можно судить по нижеприведённой статистике поступлений от различных таможенных постов Дангнгоая.

Пост Нгангунг, стоявший у реки Ма на перекрёстке трёх торговых путей в провинции Тханьхоа, приносил 4430 куанов 4 тиена 30 донгов, пост Кхалыу у причала Долюонг в провинции Нгеан – 2267 куанов 4 тиена 53 донга, пост Чиньса в провинции Шонтэй на территории современного Ханоя – 4334 куана 1 тиен 50 донгов, пост Канзинь в провинции Бакзянг – 4551 куан 5 тиенов 19 донгов, пост Тхайнгуен – 2946 куанов 3 тиена 27 донгов, пост Куан района Хынгхоа в провинции Иенбай – 687 куанов 9 тиенов 17 донгов, пост Тамки в провинции Туенкуанг – 1231 куан 5 тиенов 43 донга, пост Шуот района Куангиен провинции Куангнинь – 4326 куанов 9 тиенов 39, наконец, пост Тхань в провинции Лангшон и пост в провинции Каобанг – по 30,37 кг и 21,6 кг серебра соответственно¹. Таким образом, совокупный годовой доход от деятельности этих таможенных постов составил 24772 куана 42 тиена 78 донгов деньгами и 51,97 кг серебра¹⁴.

Столь тяжёлые таможенные налоги на внутренние перевозки оказались неподъёмными для мелких торговцев. Положение усугублялось и тем, что цены на товары росли с каждым днём, а получить рассрочку на выплату налога было

¹ В тексте сказано: «81 нен 1 ланг 2 донг кана» и «49 ненов 9 лангов 5 донгов 9 фанов». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

невозможно из-за коррумпированности занимавшихся сбором податей чиновников. Пытаясь изменить ситуацию, государи Чинь постоянно меняли местонахождение постов на торговых путях, как, например, в 1723 г., когда в одних местах было снято три поста, а в других – создано четыре новых. В результате, Чинь Зоань был даже вынужден отменить этот налог до 1743 г. [182.1, т.II, с.565; 213.1, т.III, с.82].

В Дангчаунге государи Нгуен также взимали налог на внутренние перевозки товаров. Всего же там было порядка 140 таможенных постов, которые находились главным образом в местах первичного производства, на перевалочных пунктах и в прилегающих к ним районах. В 1774 г. только в одном районе Тхуанг – Куанг таможенные сборы принесли 76467 куанов 2 тиена 40 донгов деньгами, 2,61 кг золота и 55,27 кг¹, не говоря уже о слоновой кости, рогах носорога, мёде, пчелином воске, благовониях и других товарах [194.1, т.I, с.28, 203, 204].

Наконец, третий вид налога, или рыночный налог, также играл важную роль в условиях становления товарной экономики. В XVII – XVIII вв. администрация двора Ле – Чинь взимала налоги почти со всех рынков Дангнгоая. При этом чиновники, собиравшие налоги в провинции, нередко их завышали с целью получения личной выгоды. Поэтому, чтобы избавиться как от поборов и вымогательств, так и от уплаты налога государству, торговцы стремились превратить деревенские рынки в рынки при пагодах. Такая ситуация на местах серьёзно затрудняла развитие внутреннего товарооборота. Когда же в 1727 г. появился императорский указ об отмене рыночного налога на все рынки, кроме торгующих мясом буйволов рынков Тханглаунга, то торговля на деревенских рынках стала стремительно развиваться.

Тем же указом были установлены следующие нормы налога на столичные рынки Дангнгоая:

Торговцы рынка Кыадонг^{II} ежегодно платили в казну 318 куанов 8 тиенов деньгами и 960 м выделанной кожи

¹ В тексте сказано: «14 *хотов* 8 *лангов* 3 *донг кана* золота [и] 145 *хотов* 2 *донг кана* 1 *фан* серебра». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{II} То есть рынок Восточных ворот.

буйвола, 3,2 м¹ которой оценивались в 1 куан 5 тиенов; торговцы рынка Кыанам – 318 куанов 8 тиенов деньгами и 320 м кожи буйвола; с торговцев рынков Хюен, Диньганг и Бада взимался такой же налог; торговцы рынка Онгигьок платили 46 куанов 8 тиенов; торговцы рынка Ванкы – 19 куанов 2 тиена; наконец, для торговцев нового рынка Баккы налог ещё не был установлен¹⁵ [213.1, т.III, с.83].

В Дангчаунге рыночный налог также играл важную роль. Как известно, по его территории издавна проходили связывавшие север и юг Дайвьета речные торговые пути с большим количеством причалов, при которых возникали рынки, приносившие немалый доход государям Нгуен. Например, только в одной провинции Куангнам с семи рынков малой провинции Тхангхоа взималось 746 куанов деньгами, а с четырёх рынков малой провинции Кюиньон – 330 куанов [194.1, т.I, с.218, 219].

Таким образом, всё вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что возникновение в XVII – XVIII вв. системы взаимодополняющих друг друга налогов на внутреннюю перевозку товаров, на продукцию ремесленного производства и на рыночную торговлю логически вписывается в общую тенденцию развития всей товарной, или торгово-ремесленной, экономики Вьетнама.

3.2. Внешняя торговля¹⁶

Как известно, ещё в самом начале нашей эры иностранные торговцы посещали вьетнамские территории, находившиеся на перекрёстке морских и сухопутных торговых путей. В эпоху так называемой «Северной зависимости» во Вьетнаме также нередко останавливались направлявшиеся в Срединную империю или в Индию иностранные купцы¹¹. После восстановления государственной независимости страны внешняя торговля продолжала последовательно развиваться

¹ Традиционная вьетнамская мера длины «там». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹¹ Смотри «Параграф 1.2.3» «Главы 1», а также «Параграф 6» «Главы 2» «Части III» «Томе I».

как в эпоху Ли – Чан, так и в начальный период правления династии Ле¹. С XVI в. и особенно в XVII – XVIII вв. в правление династии Ле после реставрации внешняя торговля Дайвьета стала развиваться ещё активнее. Торговые связи существовали не только с такими традиционными партнёрами, как Китай, Индия, Индонезия и Япония, но и с искавшими новые рынки сбыта на востоке Великобританией, Голландией, Испанией, Португалией, Францией и США. При этом если прежде на внешнюю торговлю накладывались всевозможные ограничения, то в XVII в. как государи Чинь в Дангнгоае, так и государи Нгуен в Дангчаунге стали всё активнее проводить политику «открытых дверей». Именно внешняя торговля сыграла ключевую роль в усилении Дангчаунга, так как именно благодаря ей государи Нгуен смогли обеспечить современным оружием свою армию. Тем не менее основными торговыми партнёрами Дайвьета в то время оставались его соседи, в первую очередь Китай и Япония.

3.2.1. *Торговля с традиционными партнёрами*

Росту торговли с Китаем способствовала издавна существовавшая во Вьетнаме китайская диаспора, которая значительно расширилась за счёт сторонников династии Мин, бежавших на юг после воцарения в Срединной империи манчжурской династии Цин. Большая их часть оседала в Дангчаунге, где они в основном занимались торговлей.

В Дангнгоае цинцы торговали на сухопутных дорогах и в приграничных городах, где они продавали основные продукты потребления и покупали минералы и дары леса. На границе торговцы из империи проходили на посту Антхыонг досмотр, после чего они допускались на территорию страны. Цинские торговцы могли добираться до столицы лишь в сопровождении уполномоченного лица и селились в местечке Кхюенлыонг¹¹ за пределами стен Тханглаунга, в котором они не имели права останавливаться. Постоянно проживавшие в

¹ Смотри «Параграф 2.6» «Главы I» и «Параграф 2.2» «Главы2» «Части II» «Том II».

¹¹ Современный квартал Тханьчи в Ханое.

Дангнгоае китайцы регистрировались, при этом они должны были говорить и одеваться по-вьетнамски. Что же касается Дангчаунга, то там, как уже говорилось ранее, переселенцам из империи было разрешено селиться в Донгнае и поднимать целинные земли. Поэтому на юге возникло много «китайских» поселений и рынков, на которых торговали в основном выходцы из империи.

Часть имперских купцов прибывала в Дайвьет морским путём из Гуандун-фуцзяньского района Южного Китая. При попутном муссоне они добирались до Шоннама в Дангнгоае за один день и две ночи, откуда речным путём добирались до Хынгиена и Тханглаунга. Морской путь до Тхуанхоа в Дангчаунге занимал три дня и три ночи, откуда цинские суда спускались по рекам до Тханьха и Хойана [182.1, т.II, с.373; 194.1, т.I, с.234].

Из империи в Дайвьет импортировались парча, атлас, бархат и другие ткани, лекарства, бумага, золотые и серебряные изделия, золотые нити, одежда, пуговицы, обувь, стекло, палочки для письма, чернила, стулья, светильники, бытовые товары, керамика, фарфор, продукты питания, в том числе — чай, апельсины, лимоны, груши, яблоки, лапша, пшеничная мука, капуста, соевые лепешки, древесные и ароматные грибы, а также другие товары.

В империю же экспортировались плоды пальмы арека, орехи, акулы плавники, сушеные креветки, морские водоросли, моллюски, чёрный перец, корица, ласточкины гнёзда, сахар, южные благовония и традиционные снадобья, шёлк и шёлковая нить, золотое и эбеновое дерево, рога носорога, слоновая кость, железо, цинк, золото и множество других товаров. Цинские купцы не только вывозили вьетнамские товары в империю, но и продавали их в другие страны с большой для себя выгодой. Так, например, 40% проданных в 1641 – 1682 гг. в Японии вьетнамских шёлковых нитей были вывезены из Дайвьета имперскими торговцами [194.1, т.I, с.235; 1337, с.166].

Из всех иностранцев имперские купцы пользовались в обеих частях Дайвьета наибольшими льготами. С них взимали

наименьшие торговые пошлины, им разрешалось торговать с населением без посредников и их передвижения были меньше ограничены. В Дангчаунге имперские переселенцы даже имели право работать на таможенных постах. Основными центрами, в которых сложились крупные китайские общины, были Тханглаунг, Фохиен. Хойан, Тханьха, Чанбиен, Фиенчан, Хатиен, Зядинь и ряд других городов Южного Вьетнама.

С XVI в. также стала интенсивно развиваться торговля Дайвьета с Японией, которая после «закрытия» династией Мин империи была вынуждена переориентироваться на другие региональные рынки. Сначала она установила контакты с Дангчаунгом, а затем и с Дангнгоае. Только за период с 1604 по 1635 г. в различные порты Дайвьета зашло более ста японских торговых судов. Некоторые из них даже имели на это разрешение сёгуна. Когда же японские власти запретили своим купцам торговать за пределами государства, в Дайвьете по-прежнему оставались некоторые выходцы с островов.

Особенно часто японские купцы посещали Дангчаунг, чему способствовала его политика, начатая ещё первым государем Нгуен Хоангом, который в начале XVII в. отправил послание сёгуну Токугава. После этого они с 1601 по 1606 г. ежегодно обменивались письмами. Нгуен Хоанг даже объявил первого официального японского посланника Хунамото Ябейцзы своим приёмным сыном. Отношения Дангчаунга с Японией ещё больше укрепились после того, как в 1619 г. Нгуен-фук Нгуен выдал свою дочь замуж за японского купца Араки Сотао, который принял вьетнамское имя и стал членом императорской семьи Дангчаунга. Поэтому неудивительно, что из 84-х официально направленных в Дангчаунг между 1604 и 1635 гг. японских судов 17-ю командовали Хунамото Ябейцзы и Араки Сотао. Японцам даже было позволено иметь свои магазины и торговые улицы в Хойане. Поэтому они принимали непосредственное участие в развитии этого портового города. Так, в сохранившейся до сегодняшнего дня пагоде на мосту чётко прослеживается ряд черт японского зодчества.

Как уже отмечалось, японские суда также достаточно часто заходили и в порты Дангнгоая. В целом японские купцы

покупали в Дайвьете те же товары, что и имперские купцы. Кроме того, они покупали продававшиеся на местных рынках товары как из империи Цин, так и из различных государств Юго-Восточной Азии, которые облагались фиксированными низкими пошлинами при продаже японцам. Сами же они ввозили в обе части страны пользовавшуюся особым спросом медь, серу, оружие, медные монеты, хлопковые ткани, бумагу и сёдла [1302.1, с.94, 97].

3.2.2. *Торговля со странами Запада*

Первыми прибывшими в Дайвьет европейцами были португальские миссионеры и торговцы. Получив в споре с Испанией благословение папского престола на проповедь христианства в странах Востока и обладая одним из лучших морских флотов в мире, португальцы появились в Хойане в начале XVI в.¹ К XVII в. они уже были вместе с китайскими и японскими купцами основными зарубежными торговыми партнерами Дайвьета. Как правило, португальцы были миссионерами, авантюристами или искателями приключений и не действовали ни от имени правительств, ни по поручению торговых компаний. В основном португальцы оседали на юге в Дангчаунге, где продавали оружие, нитрат калия, свинец, цинк и ряд других необходимых для ведения войны товаров. Кроме того, как уже говорилось ранее, они обучали самих вьетнамцев лить пушки и ружья. В свою очередь португальцы вывозили из Дангчаунга шёлковую нить и пряжу, шёлк, сахар, благовония, специи, сушёную рыбу и другие ценившиеся в Европе товары. В итоге португальцы добились такого расположения государей Нгуен, что им даже позволили создавать склады, торговые ряды и целые торговые улицы в Дананге [1731.13]. Португальские корабли нередко прибывали в Дангчаунг из Макао, поэтому с них взималась такая же пошлина, что и с торговцев из этого города.

Вскоре в Дангчаунге появились голландцы, которые в XVII в. уже превосходили португальцев на море. Всё началось

¹ Смотри «Параграф 2.1» «Главы 1» «Части III» настоящего тома.

с того, что в 1618 г., Нгуен-фук Нгуен отправил послание руководству голландской Ост-Индской компании в Малайзии, предложив им заняться торговлей в своих владениях. Поскольку в то время этой компании пришлось закрыть своё представительство в империи Мин, приглашение оказалось более чем своевременным. Фактически Дангчаунг превратился в её «торгового агента». Помимо продажи собственных товаров его торговцы перепродавали голландцам товары из империи, а купленные у них – по всей Юго-Восточной Азии.

В 1633 г. Ост-Индская компания отправила делегацию в Хойан для изучения рынка. Всего три года спустя, в 1636 г., голландцы открыли её представительство в Куангнаме, которое возглавил Абрахам Дюйкер. В июне того же года в порт Хойана прибыло сразу два голландских торговых судна «Вармонт» и «Ле Грод». На встрече с их капитанами государь Нгуен обещал разрешить купцам из Голландии беспošлинную торговлю. Но когда голландские торговцы заговорили о возмещении за товары, которые вьетнамцы забрали с затонувшего у берегов Дангчаунга судна, государь Нгуен даже отказался от обсуждения этого вопроса.

В 1637 г. корабль голландской Ост-Индской компании «Гролл» прибыл в Дангнгоай. С помощью японских торговцев его капитан Карел Хартсинк получил аудиенцию у государя Чинь Чанга, который принял его радушно и разрешил свободно торговать в своих владениях. В результате Хартсинк стал первым представителем Ост-Индской компании в Дангнгоае, где пробыл с 1637 по 1640 г.

Поначалу голландцам лишь разрешили обустроиться в Фохиене вместе с остальными иностранными торговцами, и только в 1644 г. государь Чинь позволил им открыть торговое представительство в Тханглаунге [1398.1, с.134, 136 – 139]. В 1663 г. оно было закрыто, но уже через два года его вновь открыли. Представительство Ост-Индской компании в Дангнгоае тесно взаимодействовало с тем, которое находилось в японском городе Хирадо. К тому времени в Японии уже действовал запрет на посещение страны иностранцами и на поездки местных торговцев за её пределы. В результате

голландцы оказались единственными европейцами в этой стране. Они покупали в Японии серебро, которым расплачивались за шёлковые нити и пряжу, шёлк, благовония, пряности, фарфор и другие товары, покупавшиеся в Дангнгоае и хранившиеся на складах компании в Фохиене и Тханглаунге. Часть этих товаров доставлялась в Японию, где местное представительство Ост-Индской компании их перепродавало.

Обычно голландские корабли прибывали в Фохиен из Батавии. Согласно записи в торговом реестре, три прибывших оттуда судна доставили в Фохиен 22-го августа 1672 г. 18,15 т соды, 5000 круглых пуль, 6000000 японских медных монет и 373,01 кг серебра¹, а из Дангнгоая в Батавию они отправились с грузом вьетнамских керамических изделий [1245, с.151].

Как отмечалось, голландцы начали свою деятельность в Дайвьете с того, что попытались вытеснить из Дангчаунга не слишком успешно торговавших там португальцев. Однако Нгуены отнеслись к ним с недоверием из-за торговых операций Ост-Индской компании в Дангнгоае. В 1641 г. отношения между Нгуенами и голландцами ещё больше осложнились. В том году, когда у острова Кулаотям затонули два голландских судна, государь Нгуен задержал их команды и захватил находившиеся на них товары. Более того, голландское представительство в Хойане было закрыто, при этом пошлину с голландских купцов стали взимать в полном объёме.

После неудачи в Дангчаунге голландцы сосредоточили свои усилия на Дангнгоае. Они не только продали большое количество оружия двору Ле – Чинь, но и оказали ему прямую помощь в войне с Нгуенами. Так, корабли Ост-Индской компании поддерживали нападения армии Чинь на Дангчаунг в 1642 и 1643 гг., которые, как известно, успеха не имели. Однако эти поражения северян привели к падению влияния голландцев в Дангнгоае, которым государь Чинь перестал предоставлять особые торговые льготы.

В результате непосредственного участия голландцев в

¹ В тексте сказано: «300 *пикулей* соды» и «10000 *лангов* серебра». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

войне их торговые отношения с Дангчаунгом были прерваны почти на десять лет. Лишь в 1651 г. государь Нгуен освободил голландских военнопленных и подписал новое соглашение о торговле с Ост-Индской компанией. Однако уже в 1654 г. её представительство в Хойане было окончательно закрыто.

В Дангнгоае положение голландцев также постоянно ухудшалось. В 1663 г. голландская Ост-Индская компания даже была вынуждена временно закрыть своё представительство в Фохиене. Правда, вскоре оно вновь открылось, но, поскольку торговые обороты продолжали падать, компания окончательно закрыла его в 1700 г. и навсегда ушла из Дайвьета¹⁷.

Одним из главных факторов неудачи голландцев во Вьетнаме стала конкуренция со стороны британской Ост-Индской компании, которая с XVII в. начала выходить на вьетнамский рынок. К тому времени у англичан уже имелось торговое представительство в Японии. В 1613 г. из Хирадо в Хойан прибыл корабль под командованием капитана Пикокка с посланием и дарами от британского двора для государя Нгуена, который радушно принял англичан и даже купил у них ряд товаров. К несчастью, то ли по ошибке, то ли по указанию государя при возвращении домой англичан перехватили и убили воины Дангчаунга. В 1616 г. английские купцы вновь безрезультатно посетили Дангчаунг. Наконец, третья попытка установить контакты с вьетнамцами была предпринята ими в 1672 г. Но на этот раз английское торговое судно «Зант» под командованием капитана Паррика прибыло в Дангнгоай с письмом от представителя британской Ост-Индской компании в Бантаме¹ к государю Чинь. Уже на следующий год торговец Гиффорд был принят государем Чинь, который разрешил англичанам торговать в Дангнгоае. Как ранее голландцам, им сначала позволили открыть представительство в Фохиене, а спустя некоторое время – переместить его в Тханглаунг.

В Дангнгоае английские торговцы столкнулись с ожесточённым противодействием уже давно действовавшей на его рынке голландской Ост-Индской компании. Им также

¹ Индонезия.

нередко приходилось преодолевать сложности, связанные с мздоимством местной администрации, о чём свидетельствует следующая запись из торгового реестра британской Ост-Индской компании: «Ежегодно взамен на товары [мы] получаем от императора несколько тысяч тонн [шелковой пряжи]. Остальное количество получено за счёт денежной предоплаты ткачам через уполномоченных чиновников. Например, в октябре 1676 г. Доминго Хиен Тхо было передано 2432000 донгов в качестве аванса за 4600 тонн [шелковой пряжи]. В 1676 и 1677 гг. из Бантама присылались приказы доставить в Лондон по 96960 м, в 1678 г. – 109760 м, в 1679 г. – 85760 м и около 466240 м [шелковой пряжи]»¹. В основном англичане закупали в Дангнгоае шёлковую нить и пряжу, шёлк, благовония и по предварительному заказу расписанные лаком изделия. В 1682 г. их было куплено на 500 реалов. В 1678 г. по прямому заказу из Лондона были куплены лакированные стулья, чаши для вина, столовые чашки, подносы, сосуды, короба, шкафы, кровати, всего – 7814 штук [1245, с.151 – 155]. Наконец, в 1684 г. Ост-Индская компания завезла в Тханглаунг английские деревянные кровати, столы и стулья. После того как местные мастера расписали их лаковыми изображениями цветов и птиц, они были отправлены в Лондон.

Английские купцы также закупали знаменитую керамику из Батчанга, количество которой на складах Фохиена достигало 100000 штук. Затем её продавали в Индонезии и других странах Юго-Восточной Азии [1403.1, с.87].

В конце XVII в. английская торговля в Дангнгоае пошла на спад. Связано это было с тем, что товаров было мало, они резко подорожали и к тому же их перестали продавать с отсрочкой платежа. В результате в 1679 г. представительство британской Ост-Индской компании в Дангнгоае было закрыто. Правда, вплоть до 1720 г. английские торговые суда ещё иногда заходили в порты севера, после чего англичане окончательно прервали все контакты с Дангнгоаем.

¹ В тексте сказано: «30 300 *тамов*», «34300 *тамов*», «26800 *тамов*» и «145700 *тамов*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

Также следует отметить, что англичане ещё раз попытались установить торговые контакты с Дангчаунгом, куда в 1695 г. на корабле «Дельфин» прибыл купец Томас Бойер, которому пришлось ждать семь недель аудиенции у государя Нгуен. В привезённом им письме от управляющего Ост-Индской компанией в Батавии содержалась просьба о предоставлении льгот английским купцам и об открытии представительства в Дангчаунге. Просьба была отклонена, а выставленные на продажу товары возвращены на корабли, поскольку предложенная за них плата не соответствовала издержкам. В итоге английские суда были вынуждены из-за угрозы захвата срочно покинуть Дангчаунг.

В 1702 г. английская Ост-Индская компания захватила занимавший важное положение на морских торговых путях остров Конлон. Это привело к прямой военной конфронтации с Дангчаунгом в 1703 г., когда государь Нгуен собрал войска и вместе с жившими на острове малайцами выступил против англичан, изгнал их с острова и захватил все их товары, хранившиеся на складах.

Следующий английский корабль «Покок» зашёл в один из портов Дангчаунга лишь в 1764 г., где простоял около полугода, пока прибывшие на нём купцы занимались торговлей. В 1777 г. при Тэйшонах англичане в последний раз появились в Дангчаунге. Несмотря на разрешение Нгуен Няка остаться в Фусуане, война помешала англичанам успешно осуществлять торговые операции. После этого английские торговцы больше не предпринимали каких-либо попыток наладить торговлю во Вьетнаме. С этого времени торговля в Дайвьете фактически стала монополией Франции.

Как известно, первый француз ступил на вьетнамскую землю во 2-ой половине XVII в. Это был католический миссионер, приплывший в Дайвьет на корабле Ост-Индской компании в 1669 г. С этого момента началось французское изучение, а затем и проникновение на вьетнамский рынок.

В 1680 г. первый французский корабль с товарами на сумму в 3000 голландских реалов отправился в Дангнгаой. В торговом представительстве Франции в Бантаме посланник

французского короля Шаплен дополнительно получил 20000 экю. В Дангнгоае он вручил государю Чинь и придворным сановникам множество подарков. В результате двор Ле – Чинь разрешил Шаплена открыть французское представительство в Фохиене. Французские товары были дешевле английских, что позволило Шаплена быстро их продать и вернуться в Бантам с большим количеством купленных в Дангнгоае благовоний, шёлка, шёлковой пряжи и других ценностей. В 1682 г. в Дангнгоай прибыл из Таиланда второй французский торговый корабль «Сен Жозеф», который доставил государю Чинь Кану послание Людовика XIV. Тем не менее, хотя Чинь Кан и отправил ответное письмо с подарками французскому королю, а французские торговцы не сталкивались с проблемами, их деятельность вызывала подозрения у вьетнамцев, поскольку большинство французов были католическими миссионерами. Поэтому в том же 1682 г. французская Ост-Индская компания была вынуждена закрыть своё представительство в Фохиене [1306.5, с.265].

В конце XVII в. французы обратили внимание на острова у побережья Дангчаунга, а в 1675 г. некий Леру предложил правительству Франции захватить остров Конлон, который являлся точкой пересечения морских путей, связывавших Китай с Юго-Восточной Азией. Прибывший в Дангчаунг в 1686 г. представитель французской Ост-Индской компании Вере также поддержал идею захвата Конлона, но, как уже отмечалось ранее, французов опередили англичане.

Таким образом, торговые отношения европейских государств с Дайвьетом успешно развивались лишь на протяжении XVII в., тогда как на рубеже XVII и XVIII вв. они пошли на спад. Одно за другим закрывались торговые представительства западных стран в таких больших городах, как Фохиен, Тханглаунг и Хойан, а их торговые суда всё реже заходили в порты Дангнгоая и Дангчаунга. В 1697 г. из Дангнгоая ушли англичане, а в 1700 г. за ними последовали голландцы. Точно так же в главном международном порту Дангчаунга Хойане появлялось всё меньше западных кораблей. Например, если в 1771 г. их было двенадцать, то уже в

следующем году – лишь восемь [194.1, т. I, с.232].

Главным препятствием для развития внешней торговли в Дайвьете было отсутствие чётких законов, определяющих правила её ведения. Поэтому западные купцы постоянно сталкивались на рынках Дангнгоая и Дангчаунга с правилами и порядками ведения торговли, которые зависели от воли местных властей. Так, если в других странах подарки правителю обычно вручались при первых переговорах о начале торговли, то в Дайвьете западным торговцам приходилось постоянно сталкиваться с мздоимством местного начальства. Пошлина, которой облагались торговые суда, была произвольной. Её размер зависел не от количества товара, а от того, какое его количество хотели себе присвоить местные власти. Монополия знати на ведение внешней торговли создавала условия для казнокрадства и обирания иностранных, в первую очередь – западных, купцов, которые должны были вносить аванс и не имели права вести дела с самими производителями товаров. Всё это наносило значительный ущерб торговым компаниям западных государств и как следствие серьёзно затрудняло развитие внешней торговли.

Не следует забывать, что в XVII в. Голландия, Испания, Англия и Франция вели ожесточённые войны за монопольное владение восточными рынками. Ситуация также осложнялась и происходившими в этих странах буржуазными революциями, которые сопровождались политическими потрясениями и изменениями, серьёзно влиявшими на деятельность торговых компаний.

Наконец, сказалось и то, что с Северным Вьетнамом граничил значительно более перспективный с точки зрения западных коммерсантов обширный рынок Гуандуна в Южном Китае, где на первый взгляд не было таких сложностей и поборов, как в Дангнгоае и Дангчаунге.

Все эти субъективные и объективные причины привели к тому, что в конце XVIII в. западные торговые компании ушли на более перспективные рынки. В Дайвьете же остались лишь немногочисленные английские и португальские купцы, которые

занимались мелкими торговыми операциями¹. Лишь французы продолжали в то время вести полномасштабную торговлю, являвшуюся идеальным прикрытием их захватнических планов. Поскольку о них и об их реализации подробно говорится в других главах этого тома, здесь следует только упомянуть о нескольких фактах. Так, в XVII в. французские военные корабли уже контролировали морские торговые пути в регионе. В 1737 г. губернатор Пондишери Пьер-Бенуа Дюма на основании полученных от миссионеров сведений предложил Людовику XIV проект захвата Дангнгоая. Кроме того, от различных французских торговцев и миссионеров поступали подробные описания как Дангнгоая, так и Дангчаунга. В их числе особо следует выделить записки миссионера Пьера Пуавра, в которых он описал свой визит в Дангчаунг в 1749 г.¹¹.

3.3. *Города как торгово-ремесленные центры Дайвьета*

В XVII – XVIII вв. стремительное развитие товарной экономики Дайвьета привело к расцвету целого ряда городов как Дангнгоая, так и Дангчаунга, постепенно превратившихся в главные центры сосредоточения ремёсел и торговли, в первую очередь – внешней. Таких городов было достаточно много, поэтому в данном параграфе речь идёт лишь о крупнейших городских образованиях Северного, Центрального и Южного Вьетнама той эпохи.

3.3.1. *Тханглаунг*

Ставший столицей Дайвьета при династии Ли в 1010 г., в XV в. в начале правления династии Ле Тханглаунг уже насчитывал 36 торгово-ремесленных улиц, или слобод, образовывавших два уезда Куангдык и Фунгтхиен¹⁸. В этих слободах жили и работали выходцы из тех деревень, которые специализировались на том или ином виде ремесла¹⁹. В XVII – XVIII вв., когда Тханглаунг также именовался Кетё, все эти

¹ В Дайвьете, особенно в его северных пограничных районах, по-прежнему занимались мелкой торговлей и китайские купцы.

¹¹ Смотри «Примечание 16» в «Комментарии» к настоящей главе.

слободы продолжали существовать и развиваться²⁰. Все они строго делились по профессиям. Были слободы, в которых ремесленники производили бумагу, шёлк, ювелирные изделия, лаковые предметы, музыкальные инструменты и многое другое. Некоторые слободы были исключительно торговыми. Наконец, дальнейшее развитие получили торгово-ремесленные слободы, в которых торговцы продавали только товары, произведённые их ремесленниками¹ [1306.5, с.237, 238].

При характеристике торговли уже говорилось о том, что благодаря многочисленным водным и сухопутным дорогам, связывавшим Тханглаунг со всеми районами страны, на его рынки отовсюду съезжались торговцы, свозившие на них множество товаров, а иностранцы открывали миссии в близлежащем Фохиене или же, по особому разрешению государя Чинь, в самом городе.

В XVII – XVIII вв. Тханглаунг не только был столицей Дангигаоя, но и являлся крупнейшим экономическим и культурным центром страны. Там было множество дворцов, богатых жилых домов, административных зданий, храмов и пагод, не говоря уже о дворцовых комплексах императоров Ле и резиденции государей Чинь. Согласно записям Александра де Рода, «длина Кетё равняется 6000 шагам, его ширина приблизительно такая же. Улицы столь широкие, что на них легко могут разойтись 10 или 12 лошадей» [1219, с.16]. Согласно свидетельствам других очевидцев, в XVIII в. «торговые операции в Тханглаунге были очень большими» [1213, с.380].

Сам Тханглаунг был разделён на восемь *районов*, в которые государь Чинь назначал руководителя и заместителя руководителя. В то время каждый район столицы был поделен на 8 кварталов. Кроме того, было установлено, что пять *семей*, или домов, образуют *начало*, два начала – *ряд*, а четыре ряда – *объединение* во главе с руководителем и инспектором. Городское население не должно было платить такие же налоги, как деревенские жители, но каждая *семья* была обязана один

¹ Смотри «Параграф 2.7» «Главы I» «Части II» «Томы II».

раз в год выполнять определённую трудовую повинность [1213, с.380].

Цитадель Тханглаунга. XIX в.
Ханой, 05.04.2012 г.

3.3.2. *Фохиен*

Фохиен был новым городом, построенным недалеко от столицы у реки Красной. Он также известен под названиями Хиеннам и Хиензоань и являлся вторым по величине городом Дангнгоая. Благодаря тому что столица была закрыта для большинства иностранцев, именно он стал в XVII – XVIII вв., как это следует из вышеизложенного материала, главным центром международной торговли Северного Вьетнама.

В Фохиене существовали целые кварталы, в которых проживали торговцы из Китая, Японии, Лаоса, Таиланда, Малайзии, Португалии, Голландии, Англии, Франции и других стран, вложившие немало средств в строительство жилых и административных зданий и культовых сооружений, в первую очередь – пагод, Фохиена, где в XVII в. уже насчитывалось более 2000 домов. Раньше всех там обосновались китайцы. Их

численность постоянно росла, и они жили своей обособленной коммуной в квартале Бакхоа. В конце XVII в. в Фохиен также переселилось множество вьетнамских торговцев, которые, подобно китайцам, создали свой квартал Намхоа [1213, с.381]¹.

Фохиен был не только крупнейшим торговым, но и ремесленным центром, в котором производились самые разные товары. Там существовало двадцать слобод, восемь из которых были ремесленными, а остальные – торговыми или торгово-ремесленными. Они обслуживали только сам город с прилегающими районами, так как условия провинции Шоннам не благоприятствовали широкому развитию ремесла.

В XVIII в. произошло изменение течения реки Красной. В результате Фохиен оказался достаточно далеко от её русла и постепенно пришёл в упадок.

3.3.3. Хойан

Расположенный на берегу реки Тхубон у гавани Дайтием недалеко от города Куангнам, Хойан ведёт свою историю с XVI в. Этот город также известен под названием Хайфо, а европейцы называли его Файфо. В XVII – XVIII вв. Хойан был самым большим и известным портом Дангчаунга.

Согласно последним исследованиям, первыми из иностранных торговцев в Хойане появились японцы. За ними последовали китайцы. В 1618 г. западный учёный Бори написал: «Город очень большой, даже можно сказать, что это два города: первый китайский, второй – японский» [1213, с.382]. Сохранилось свидетельство одного цинского автора, датированное 1695 г.: «Хойан – это место, где повсюду складированы товары иностранных государств. Большая дорога длиной в 1,5 – 2 км^{II} ведёт прямо к реке. С обеих сторон дороги теснится множество домов. Всем на этой улице руководят люди из Фуцзяни... ...в конце дороги японский мост, это и есть Парчёвый ряд» [1472, с.154].

¹ Бакхоа и Намхоа или «Северные товары» и «Южные товары».

^{II} В тексте сказано: «3 – 4 зама». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

В XVII в. государь Нгуен создал в Хойане Корабельное управление. В январе каждого года чиновники из этого управления направлялись на остров Тием и в бухту Хан¹ для инспекции торговых судов. Заходившие в порт торговые суда платили продовольственный налог. Кроме того, при входе и выходе из порта с них взималась пошлина в соответствии с категориями перевозимых товаров. Шесть частей собираемой в течение года пошлины шли на нужды порта, а четыре – распределялись между гражданскими и военными чиновниками. Если какой-либо корабль заходил в порт не с торговыми целями, а спасаясь от шторма, то с него пошлина не взималась. Однако его капитан должен был обратиться к государю с прошением о кратковременной стоянке и после закупки дров и риса – поднять якорь. Ле Кюи Дон писал, что «с тех пор, как род Нгуен оказался в губительной ситуации, с кораблей было собрано очень много налогов». При этом он уточнил, что в 1771 г. с 16 иностранных торговых кораблей было получено 30800 куанов, в 1772 г. – 14300 с 12 кораблей и в 1773 г. – 13200 с 8 прибывших в Хойан кораблей.

Ранее уже говорилось, что в Хойане торговало множество кушцов из самых разных стран Востока и Запада. Кроме того, это был крупнейший центр внутренней торговли не только со всеми районами Дангчаунга, но и Дангнгоая. В период его наивысшего расцвета там было «так много товаров, что не хватило бы и ста кораблей, чтобы вывезти их разом» [194.1, т.I, с.231, 232, 234].

Расцвет торгового порта Хойан приходится на период с XVI по XVIII вв., после чего он пришёл в упадок. Помимо вышеописанного спада внешней торговли, немаловажную роль в этом сыграли и климатические изменения, в результате которых обмелела важная для прохода судов в Хойан гавань Дайтием. Поэтому после объединения страны под властью династии Нгуен и до французского колониального завоевания центром внешней торговли Дайнама стал Данаинг, который был

¹ Остров Тием, то есть гавань Дайтием. Бухта Хан, то есть бухта Дананга.

единственным портом, открытым для прибывавших в страну иностранных судов.

3.3.4. Тханьха

Портовые ряды Тханьха находились на левом берегу реки Ароматной рядом с местом её впадения в гавань Тхуан. Это был очень удобный центр для прямой торговли по схеме «корабль – берег», возникший в 1-ой половине XVII в. на едином пространстве гавани и рынка Тханьха, после того как Нгуен-фук Лан перенёс в 1636 г. столицу из Фьюкиена в Хюе и позволил китайцам основать там свой рынок. Прежде в Тханьха стояли только крытые соломой и повернутые фасадом на восток хижины, тогда как в XVIII в. там было уже две линии кирпичных домов, или так называемые «гостевые ряды Великой Мин». В них жили и торговали потомки подданных династии Мин, бежавших из Южного Китая, в основном – из Фуцзяни, от захватившей власть в империи маньчжурской династии Цин.

Тханьха был одним из важных центров на пути торговцев из империи на юг, тем более что, по свидетельству одного из цинских купцов, «путешествие морем из Гуанчжоу до бухты Ео [и торговых] рядов Тханьха в Фусуане занимало при попутном ветре [всего] трое суток» [194.1, т.I, с.234]. Об обширной номенклатуре продававшихся и покупавшихся товаров уже достаточно много говорилось в посвящённых ремеслу и торговле параграфах настоящей главы. Поэтому здесь можно лишь напомнить, что основными импортными товарами были оружие и изделия из меди, в том числе – перепродававшиеся китайскими купцами «западные» товары, а экспортировались в первую очередь благовония и специи. При этом одним из наиболее востребованных товаров был чёрный перец, торговля которым была монополизирована Нгуенами.

Тханьха являлся не только центром внешней торговли, но и местом сосредоточения внутренней торговли Тхыатхиена, куда с наступлением сезона муссонов привозили рис из Донгнай и Зядини для обеспечения нужд двора и снабжения местного населения. На его городских рынках продавались такие

изделия искусных ремесленников Дангчаунга, как парча, креповые и простые шёлковые ткани из Фусуана, соломенные шляпы из Чиеушона, циновки Фаунгдиена, медные изделия из Моутая и Зыонгсуана и многие другие.

В XVII – XVIII вв. Тханьха являлся расположенным близ столицы процветающим городом, который снабжал двор Хюе всеми необходимыми товарами и приносил значительный доход казне государей Нгуен в Дангчаунге. Однако после того как на реке Ароматной образовалась большая песчаная отмель, которая серьёзно препятствовала заходу кораблей в порт Тханьха, он утратил своё торговое значение и постепенно опустел [194.1, т.I, с.322, 326; 1237, с.99; 1306.5, с.244].

3.3.5. Сайгон – Зядинь

В древности территория Зядини принадлежала Фунани, а затем Камбуджадеше. Ещё в эпоху Ли – Чан её низменные заболоченные территории начали заселяться вьетнамцами, а затем и китайцами, количество которых резко увеличилось с 1679 г. за счёт бежавших из Гуандуна и Гунаси сторонников династии Мин. В XVII в. государи Нгуен отторгли у кхмерского королевства территорию Зядини, где в 1698 г. учредили одноимённую малую провинцию [164.1, т.I, с.111]¹. Эту дату следует считать датой основания Сайгона, ставшего в XVII – XVIII вв. самым большим городом Южного Вьетнама.

Как уже говорилось, в Зядини производилось много самых разных видов риса, который стоил очень дешево. Поэтому туда съезжались купцы не только из всех районов страны, но и из многих иностранных государств. Немаловажным фактором было и удобное расположение Зядини на водных путях, что позволяло торговцам без особых осложнений до неё добираться. Так, согласно сохранившимся записям вьетнамского купца из находившегося на юге провинции Куангбинь уезда южный Ботинь, он отплыл в Зядинь в сентябре – октябре одного года, а возвращался в

¹ Об этих событиях смотри «Часть I» «Заключения» «Тома I», «Часть I» «Заключения» «Тома II» и «Параграф 5» «Главы I» «Части I» настоящего тома.

апреле – мае следующего года. При попутном ветре весь путь в один конец занимал десять суток. Поэтому по всей Зядини сновали парусные суда, возникали процветающие рынки и ставились торговые ряды [194.1, т.1, с.124].

В квартале Биенхоа был морской остров Фо^I, где шла не менее бойкая торговля, которой заправлял китаец Чэнь Шанчуань^{II}, переселившийся туда вместе с соплеменниками в 1679 г. Помимо китайцев на этот остров приезжали торговцы из Японии, Малайзии и стран Запада. Обычно они нанимали дом, где жили во время согласования цен с местными продавцами и покупателями. При необходимости товар можно было заказать заранее, что позволяло сэкономить время. После расчёта покупатели ждали, пока купленный товар не погрузят на корабль, и отплывали. В основном в Биенхоа торговали сахарным песком, производившимся в уезде Фуктинь, которого ежегодно продавали до 300 т., при этом за каждые 60 кг купленного сахара полагалась премия в 3 кг^{III}.

Согласно источникам, в квартале Фиенан также было много крупных рынков. Очень большими были торговые ряды, именовавшиеся «Сайгон». «Чтобы дойти до реки, нужно пройти по прямой дороге через три [его] ряда. [Её] пересекает дорога, идущая вдоль реки. Дороги [торговых рядов Сайгон] вместе образуют иероглиф 田. Построенные вплотную друг к другу дома тянутся [почти на] 1,5 км^{IV}. Вьетнамцы [и] китайцы живут вместе. Там торгуют керамикой, сатином, фарфором, бумагой и драгоценностями. Прилавки с книгами, лекарствами, чаем [и] лапшой [находятся] на южном берегу [реки, а] на [её] северном берегу ничего нет» [1529, кн.6, с.187]. В уездах Биньзыонг и Танлаунг люди жили тесно, торговые ряды, рынки, деревянные и черепичной крышей дома смыкались друг с другом. В квартале Хатиен жило много китайцев. Туда приходили суда из округа провинции Гуандун,

^I Это название можно перевести, как «Морской остров [торговых] рядов».

^{II} 1655 – 1720 гг.

^{III} В тексте сказано: «50000 кан», «100 кан» и «5 кан» сахарного песка. Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{IV} В тексте сказано: «3 зама». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

которые стояли у морского острова Фо пока торговцы покупали морепродукты. В районе Донгхо также собиралось много кораблей, вокруг которых сновали бесчисленные продавцы и покупатели. Наконец, в квартале Диньтыонг находились торговые ряды и рынок Митхо, который контролировался людьми Чэнь Шанчуаня. Как правило, дома в Митхо имели черепичную крышу, а их стены были украшены различными рисунками и скульптурами. По протекавшей там реке беспрестанно ходили суда, и повсюду кипела жизнь.

В Зядини было ещё много других торговых рядов и рынков, на которых продавали самые разнообразные товары, продукты сельского хозяйства, а также дары гор, леса и моря как самого Дангчаунга, так и привезённые из Дангнгоая. Ими торговали повсюду, как на суше, так и на судах, которые стояли вдоль обоих берегов реки [1529, кн.2, с.24, 25, 60, кн.3, с.159, кн.4, с.150, кн.6, с.187, 197, 200].

Во 2-ой половине XVIII в. Зядинь была обнесена системой валов длиной около 6,5 км¹, которая защищала административные здания, лагеря и склады государей Нгуен. С этого времени «Сайгон стал городом в полном смысле этого слова» [1526, с.162].

Таким образом, Сайгон с его многочисленными рынками и торговыми рядами играл в XVIII в. при государях Нгуен роль главного торгово-административного центра на юге страны. Как известно, в конце XVIII в. там происходили сражения между войсками Тэйшонов и Нгуен Аня, который возвёл в соответствии с принципами французского инженера Вобана крепость в Сайгоне – Зядини¹¹ после объединения страны под своей властью,

В результате Сайгон, превратившийся в главный военный опорный пункт императоров династии Нгуен на юге Дайнама, утратил своё торговое значение.

¹ В тексте сказано: «15 замов». См. «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹¹ См. «Параграф 2.2.1» и «Параграф 2.2.2» «Главы 2» «Части I», а также «Параграф 3.1.3» «Главы 2» «Части III» настоящего тома.

4. Экономика Дайвьета при династии Нгуен Тэйшон (1789 – 1802 гг.)

4.1. Сельское хозяйство

После целой эпохи почти непрерывных междоусобных войн и крестьянских восстаний XVI – XVIII вв., не говоря уже о вторжении войск империи Цин в 1789 г., пришедший к власти на севере Дайвьета Нгуен Хюе столкнулся с катастрофическим экономическим положением в стране. Эпидемии, голод, неурожай, заброшенные поля и до 60% оставшегося без крыши над головой населения – всё это стало привычной картиной в сельской местности [1275.2, с.586, 587]. Поэтому сразу после принятия им императорского титула и провозглашения девиза правления «Славная срединность» в 1789 г. Нгуен Хюе издал «Указ [о] поощрении земледелия». Помимо общих положений уже в самом начале этого указа подчёркивалась необходимость того, «чтобы люди были спокойны, поля обрабатывались, в стране не было ни бездельников, ни заброшенных земель» [1257, с.119, 120; 1260, с.286]. Выполнение этой задачи поручалось деревенским старостам и руководителям общин, которым Нгуен Хюе повелел представить к 9-му месяцу 2-го года правления под упомянутым девизом подворные реестры и земельные кадастры, особо выделив при этом поля, которые начали вновь обрабатывать, для определения размера налогов и податей.

При составлении реестра каждый член общины получал табличку, на которой в центре, как на печатях, находилась цветная надпись «Великий знак Поднебесной», а по периметру были написаны имя, фамилия и название родной деревни и общины, подлинность которых владелец таблички удостоверял отпечатком смоченного в краске пальца²¹. Эту табличку, или «знак-удостоверение», все люди были обязаны иметь при себе. Её наличие могли проверить даже у мелких гражданских и военных чиновников, проходивших через ту или иную деревню. Тот, у кого не было такого удостоверения, считался бродягой, задерживался общинными властями и направлялся на принудительные работы [1292, с.106]. В послевоенных условиях, когда многие реестры были утрачены или же они

сознательно скрывались от налоговых инспекторов, это был эффективный метод учёта численности населения, который позволил быстро установить норму налогов и пошлин. В результате по указу Нгуен Хюе все культивируемые земли были разделены на три категории, в соответствии с которыми с них стал взиматься следующий полевой налог.

С 3600 м² общинных полей первой категории взималось 67,3 л неочищенного риса, второй категории – 35,89 л и третьей категории – 22,43 л. Кроме того, с каждых 3600 м² взимались 1 тиен в качестве имущественного налога и 50 донгов в качестве складского налога.

С 3600 м² частных полей первой категории взималось 17,94 л неочищенного риса, второй категории – 13,46 л и третьей категории – 8,97 л. Кроме того, с каждых 3600 м² частных полей взимался такой же имущественный налог, что и с общинных, а складской налог взимался в размере 30 донгов [161.1, т.II, с.527]¹.

Ранее уже говорилось о том, что в 1722 г. двор Ле – Чинь ввёл полевой, подушный и земельный налоги^{II}. В связи с этим следует отметить, что при Тэйшонах размер земельного налога был сокращён по всей стране, а на территориях к северу от реки Зянь^{III} Нгуен Хюе его полностью отменил уже в 1789 г. Также была снижена, правда, незначительно, и норма подушного налога. Так, если в правление Ле – Чинь с каждого податного крестьянина взималось деньгами 1 куан 2 тиена и продовольствием 0,45 л неочищенного риса, то при Тэйшонах стала взиматься только его денежная часть.

В указе императора Тэйшонов также говорилось, что если к моменту завершения этой работы какие-либо общинные поля не будут обрабатываться, то с них следует взимать налог в двойном размере, а если не обрабатываются частные земли, то их следует конфисковать и сделать общинными. В результате конфискации подверглись заброшенные частные поля, земли

¹ В тексте использованы вьетнамские мера площади «зам» и объёма «бат». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{II} Смотри выше «Параграф 1.1.2».

^{III} То есть население бывшего Дангнгоа.

государей Чинь, их сторонников, предателей и других неугодных лиц. Однако Нгуен Хюе, не решившись на конфискацию земельной собственности помещиков, не довёл свою реформу сельского хозяйства до логического завершения.

Тем не менее благодаря принятым Тэйшонами мерам уже осенью 1791 г. «был собран хороший урожай, [а] половина [жителей] возрождавшейся страны в спокойствии возделывала [поля]» [1257, с.120]. Отмечая заслуги Нгуен Хюе, об этом написал в оде «Пейзаж Западного озера»²² его современник и поэт Нгуен Хюи Лыонг [1560.4, с.140].

Таким образом, хотя нововведения Нгуен Хюе в области сельского хозяйства не изменили в корне его традиционную структуру и не решили всех приведших к крестьянским восстаниям XVIII в. проблем, они дали толчок к освоению заброшенных земель и создали условия для возвращения бросивших свои дома крестьян в деревню. Благодаря этому находившееся в состоянии глубокого застоя в годы войны сельское хозяйство Дайвьета начало постепенно возрождаться.

4.2. *Торговля и ремесло*

Следует отметить, что Нгуен Хюе ещё до восшествия на престол строил планы развития национальных ремёсел. Об этом можно судить хотя бы по тому желанию, которым будущий император поделился в 1788 г. с отшельником Нгуен Тхиепом во время встречи в Нгеане¹: «Я желаю, чтобы никакие орудия [производства] не покупались в Китае» [1275.2, с.575]. Взойдя на престол, он развил эту же мысль в уже упомянутом указе: «Послушайте люди [из] народа! Все те, кто занимается ремеслом, не должны делать ничего, что [нарушает] обычаи» [1257, с.108]. Стремясь придать новый импульс развитию ремёсел, Нгуен Хюе отменил проводившуюся двором Ле – Чинь «политику ограничения торговли». Он не только поощрял ремёсла и внутреннюю торговлю, но и шаг за шагом расширял торговые связи с другими государствами.

В результате получавшие прямые государственные

¹ Смотри «Параграф 2.2.3» «Главы 2» «Части I» настоящего тома.

дотации при Тэйшонах ремесленное производство и торговля повсеместно возрождались и развивались. Так, сохранилось стихотворное свидетельство о том, что в 1794 г. в знаменитой деревне гончаров Батчанг вновь появилось много рынков с товарами, а на реке торговля велась непосредственно с малых и больших судов [1731.14, с.60]. Тот же процесс отмечается и в главном экономическом центре северной части Дайвьета Тханглаунге, который был в очередной раз переименован и назывался Бактхань. Судя по упоминавшейся оде Нгуен Хюи Льюнга, там возродилось производство парчи, шёлка, бумаги, кирпича и других товаров, повсюду готовились рисовые блюда и выловленная в его водоёмах рыба [1278, с.238].

Наряду с частными ремёслами Тэйшоны уделяли серьёзное внимание государственным ремесленным слободам, например тем, которые занимались литьём монеты. Так, после принятия титула императора 1778 г. Нгуен Няк приказал отлить деньги «Великой добродетели». Однако в то время власть Тэйшонов ещё не распространилась на многие районы Дайвьета, а потому эти деньги имели ограниченное хождение. Позднее, после провозглашения Нгуен Хюе своего девиза правления на севере, по его повелению с 1788 по 1792 г. выпускалось два вида медных денег «Славной срединности», которые уже имели хождение по всей стране. Наконец, его сын Нгуен Куанг Тоан тоже пустил в оборот свою монету под названием «Блистающее изобилие». Интересно отметить, что запрещённые лишь в 1840 г. медные деньги Тэйшонов имели хождение и при первых двух императорах династии Нгуен.

Наконец, в правление Нгуен Хюе получили дальнейшее развитие оружейное и другие государственные производства, в частности – судостроение. Так, при нём строились столь большие военно-транспортные корабли, что на них можно было перевозить даже боевых слонов [170.1, с.205].

Во вьетнамской художественной литературе той эпохи сохранилось много описаний оживлённых улиц и спящих по рекам и каналам Бактханя судов. Например, «Теснят друг друга сидящие на рынках китайские купцы» или «повсюду у пристаней стоят суда торговцев. Их паруса трепещут на ветру,

как крылья бабочек» [1278, с.229]¹.

Не менее оживлённым городом был и Фусуан, ставший официальной столицей государства Тэйшонов. Там находилась резиденция их верховного правителя Нгуен Няка, при котором этот город превратился в густонаселённый и оживлённый торгово-ремесленный центр, привлекавший как множество вьетнамских купцов, так и большое количество иностранных торговцев [1260, с.205].

В связи с этим следует ещё раз подчеркнуть, что Нгуен Хюе отказался от характерной для двора Лс – Чинь «политики ограничения торговли». Так, на севере он начал создавать в приграничных районах рынки свободной торговли для стимулирования товарообмена с империей Цин. Так, после нормализации отношений с северным соседом в конце 1789 г. Нгуен Хюе отправил посольство к цинскому двору с предложением открыть один такой рынок у пограничного пункта в Каобанге, а другой – у пограничного пункта в Лангшоне. Кроме того, он предложил сократить торговые пошлины и учредить представительство Дайвьета в городе Наньнин провинции Гуанси. Императорский совет Цин принял эти предложения, что привело к восстановлению и дальнейшему расцвету вьетнамо-китайских торговых отношений [161.1, т.II, с.526; 1305.1, с.360].

Расширение внешней торговли происходило не только за счёт Срединной империи, но и благодаря росту контактов с другими государствами. Так, в 1777 г. посланник английской Ост-Индской компании Чарльз Чапмен получил на аудиенции у Нгуен Няка позволение торговать во всех находившихся к тому времени под контролем Тэйшонов морских гаванях. Кроме того, он также обратился к нему с просьбой о замене торгового налога и портовых сборов единовременной пошлиной в любой удобной для местных властей форме. Эта просьба была удовлетворена, и в соответствии с императорским указом за разрешение на свободную торговлю в течение одного сезона английские суда должны были единовременно облагаться по

¹ Смотри «Примечание 22» в «Комментарии» к настоящей главе.

следующей схеме: с трёхмачтового корабля – 10000 куанов, с двухмачтового – 7500 куанов и с одномачтового – 4000 куанов. Нгуен Няк даже снизил этот сбор по просьбе англичан до 7000, 4000 и 2000 куанов соответственно [1469, с.136]¹.

С совершенно иным отношением к себе столкнулся отправившийся на север Чарльз Чапмен, когда его суда прибыли в Дананг и Хюе, которые в то время находились под властью государей Чинь. Хотя этому торговцу и удалось продать ряд товаров, главным образом – металлические и стеклянные изделия, посуду и ткани, он постоянно сталкивался с вымогательством чиновников и противодействием китайских купцов, которые распространяли об англичанах различные небывлицы. Наконец, узнав о том, что государь Чинь приказал захватить его корабль, Чарльз Чапмэн вместе с другим судном поспешно покинул владения Ле – Чинь и отправился на юг. Там он хотел снова встретиться с Нгуен Няком, но этому помешал сильный встречный ветер, который не позволил английским кораблям подойти к вьетнамскому берегу. Поэтому Чапмен отправился прямо в Индию [1449, с.568].

Интересно отметить, что посетивший Дайнам после падения Тэйшонов в 1822 г. в правление под девизом «Светлая судьба»^{II} английский торговец Крейфёрд записал в своём дневнике: «Я встречался и беседовал с местными китайскими торговцами в Хюе, которые жили там и при Тэйшонах, и при династии Нгуен. Все они утверждали, что братья Тэйшоны правили гораздо более справедливо и мирно, чем сегодняшний император или его отец^{III}» [1303.3, с.431].

Таким образом, при династии Тэйшонов произошло возрождение сильно пострадавших из-за трёхвековых войн между феодальными кланами Мак, Чинь и Нгуен ремёсел и торговли. Также следует отметить, что, несмотря на своё недолгое правление, Тэйшоны сумели в определённой степени реализовать политику стимулирования внутренней и внешней торговли, в том числе и со странами Запада. В целом это

¹ При Тэйшонах 5 куанов = 1 испанскому доллару.

^{II} 1820 – 1840 гг.

^{III} То есть Нгуен Ань.

положительно сказалось на развитии всей экономики Вьетнама последней четверти XVIII в.

В качестве предварительного вывода по социально-экономическому развитию Вьетнама в XVI – XVIII вв. можно отметить, что в эту эпоху сложились все необходимые условия для перехода вьетнамской экономики к полномасштабным товарным отношениям нового времени. Однако изменение социальной структуры Дайвьета блокировалось жёсткими рамками её социальной организации, воплощением которой являлось государство императоров Ле – государей Чинь. Иного пути развития не представляли себе ни представители феодального рода Мак, доминировавшего в XVI в. на севере страны, ни даже пришедшие к власти в Дайвьете во 2-ой половине XVIII в. лидеры победоносного крестьянского восстания братья Тэйшоны. Соответственно социальная стратиграфия вьетнамского общества в их правление принципиально не отличалась от той, которая существовала в предыдущие эпохи. Придя к власти, Тэйшоны фактически «переродились» из крестьянских лидеров в новую феодальную группировку, что в принципе типично для всех восходивших на престол вождей народных восстаний эпохи средневековья.

Наконец, следует подчеркнуть, что даже пришедшие к власти при помощи европейцев государи Нгуен не смогли воспринять от них хотя бы некоторые аспекты чужеродной модели социально-культурного развития. Поэтому и в XIX в. сохранялась, правда, в несколько модифицированном виде, традиционная социальная структура вьетнамского общества. В конечном счёте именно это привело к тому, что монархия Нгуенов так и не смогла оказать сколько-нибудь серьёзного сопротивления французской агрессии.

Глава 2¹

Социально-экономические процессы в правление династии Нгуен до начала французского колониального завоевания

1. Общие положения. Социальная стратиграфия общины во Вьетнаме XIX в.¹

Тенденции развития вьетнамского общества второй половины правления династии Ле лишь усилились в XIX в. В то время продолжился рост частного землевладения и формирование рынка, шла дальнейшая специализация ремёсел и росли города. Соответственно это сопровождалось снижением роли общины как основной производственной единицы и упадком условного чиновничьего землевладения. В то же время экономическая и политическая власть оставалась в руках служилых феодалов и знати, тогда как вышедшие из зажиточных общинников помещики² по-прежнему оставались относительно бесправными.

В результате сложилась «двойная» система эксплуатации: государственно-чиновничья и помещичья. Как уже отмечалось, именно эта специфика эксплуатации вьетнамского крестьянина явилась главной причиной вышеописанного грандиозного восстания Тэйшонов, которое в силу сложившегося во вьетнамском обществе на протяжении веков стереотипа реализации социальных привилегий так и не привело к слому устаревшего механизма государственного управления. В связи с этим интересно отметить, что деревенские помещики стремились реализовать свою экономическую власть в социальной сфере через формальное получение чиновничьей должности, тогда как многие чиновники «де-факто» становились помещиками, превращая свои условные владения в частные или же самовольно захватывая какие-либо земли [164, т.9, с.85,99]³.

¹ О социальной стратиграфии традиционного служилого чиновничества и знати смотри «Параграф 2» «Главы 3» «Части I» и «Параграф 2» «Главы 2» «Части III» настоящего тома.

К началу XIX в. во вьетнамской традиционной общине произошло выделение трёх основных групп населения. Первую образовали достаточно многочисленные неслужилые мелкие помещики. Вторую, наиболее многочисленную, — полноправные общинники, которые были наследственными владельцами мелких участков. Наконец, третья группа представлена в основном неполноправными общинниками — бедняками с ограниченными правами, часть которых вообще не имела земельных наделов. Прочие неполноправные или бесправные группы населения общины становились всё менее многочисленными. В разных частях страны их соотношение было различным, но особенно сильно расслоение общины ощущалось на севере. Фактически деревня превратилась в совокупность мелких помещиков-феодалов и полноправных общинников, по сути, ставших крестьянами-аллодистами⁴. В результате к середине XIX в. использование остатков общинных институтов даже для фискальных целей стало затруднительным.

Вследствие указанных процессов стала меняться и система эксплуатации. Роль ренты-налога начала быстро падать, так как её объём уменьшался пропорционально уменьшению доли общинных полей в пользу личных, а всё большее количество общинников оказывалось в прямой зависимости у помещика. Поэтому объём собираемых налогов оказывался много меньше того, который был необходим для содержания чиновничьего аппарата и армии. Ситуация усугублялась ещё и тем, что в XIX в. частичная отмена или сокращение налогов стали обычным явлением. В результате произошло сокращение числа лауреатов конкурсов, которые назначались чиновниками, получавшими в кормление те или иные земли. Их сначала на практике, а потом и юридически заменили такие недипломированные мелкие чиновники, как старосты общин и заместители начальников волостей, которые на самом деле были местными помещиками. В связи с этим интересно отметить, что помещики-чиновники, которые не нуждались в «кормлении», стремились подтвердить свой социальный статус формальным лауреатством какого-нибудь

уровня. В то же время большая часть чиновников-лауреатов была переведена на денежное, порой, частично, на рисовое, жалование, которое выплачивалось за счёт получаемых с, юга доходов. При этом даже вопрос о выделении на севере таким чиновникам небольших участков под строительство домов становился предметом обсуждения на провинциальном, а иногда и на столичном уровне [164, т.3 с.111, 112, т.9 с.85. 99, т.21 с.260, т.22 с.160, 161, т.23 с.107, 108].

Иными словами, при кажущемся внешнем сохранении традиционной организации общины структура эксплуатации общинников принципиально изменилась. Основная масса деревенского населения была представлена малоземельными или безземельными в своём большинстве неполноправными крестьянами, которые работали полностью или частично на земле помещика. Они платили подушный налог государству и ренту – помещику. Большую же часть ренты-налога платили объединённые остатками сохранившихся общинных структур полноправные общинники, которые обрабатывали как общинные, так и частные наследственные земли. Имелись даже целые деревни, платившие ренту-налог титулованному феодалу или крупному помещику. Однако, за исключением незначительного числа помещиков, создававших на юге такие деревни, основная масса вьетнамских помещиков-феодалов была представлена мелкими собственниками небольших наследственных участков, нередко разбросанных по разным местам частных земель. Они могли обрабатываться как семьёй самого помещика, так и, по мере роста его богатства, частично или полностью зависимыми от него крестьянами. Формально помещики не были «владельцами» этих общинников, однако полная экономическая зависимость последних позволяла применять по отношению к ним любые формы насилия. Ситуация усугублялась и тем, что наиболее влиятельные и богатые помещики становились старостами общин и даже занимали невысокие должности в уездной администрации. Это было особенно характерно для тех помещиков, которые получали на провинциальном конкурсе одну из низших учёных степеней.

Ранее уже отмечалось, что согласно действовавшему при династии Нгуен законодательству помещик был обычным полноправным общинником. Поэтому он должен был платить такой же налог государству, как и любой свободный общинник. На самом же деле благодаря своей власти и связям на общинно-уездном уровне помещики платили меньший налог, а если они, становясь лауреатами низшего уровня конкурсных испытаний, получали какой-нибудь чиновничий ранг, то вообще освобождались от уплаты налогов. Кроме того, в источниках имеется много сведений о том, что помещикам нередко удавалось полностью или частично уклоняться от уплаты налогов и регистрации своих земель [164, т.3 с.75, 111, 112].

В результате помещики получили возможность реализовывать на рынке большое количество товарного зерна, основными потребителями которого стали переведённые на денежное жалование служилое чиновничество и армия, а также население быстро растущих городов [164, т.21 с.263 – 265]. Соответственно это повлекло за собой развитие товарно-денежных отношений и резкое увеличение торговли товарами и продуктами широкого потребления, в первую очередь – рисом. При этом постоянно увеличивалось расстояние и регулярность их перевозок, росло число торговых пунктов, а сама торговля усложнялась. С юга на север в основном доставлялся рис, с севера на юг – продукты горнорудной промышленности, и так далее... В городах появились купцы-предприниматели, которые не только получали огромные доходы от своих торговых предприятий, но и брали на откуп налоги, таможенные сборы, рудники, владели большими флотилиями кораблей и многим другим. Практически в то время во Вьетнаме уже начался процесс первоначального накопления капитала, о чём свидетельствует постоянно нараставший денежный оборот в торговле. Купечество играло всё большую роль в жизни страны. Его представители часто вели борьбу в защиту своих экономических интересов, которую нередко выигрывали. Тем не менее предубеждение против частной торговли было ещё достаточно сильным, при

этом её постоянно стремились обложить возможно более высокими налогами и максимально регламентировать.

Распад общины и связанное с ним интенсивное перемещение представителей трудящихся слоёв населения в сочетании с широким распространением наёмного труда и денег способствовали быстрому развитию и оформлению предбуржуазных и пролетарских слоёв городского населения. В XIX в. происходило массовое переселение ремесленников в города, прежде всего – в столицу. Как правило, оно было добровольным и поощрялось государством. В результате традиционные цеховые связи постепенно рушились. При этом большое число ремесленников, за исключением тех, кто был приписан к крупным государственным цехам, становились людьми наёмного труда, тогда как ремесленные слободы постепенно утрачивали элементы общинно-цехового единства. Росла металлургия и металлообработка, что позволяло производить почти все необходимые орудия производства и оружие непосредственно в самом Вьетнаме. Соответственно шёл и количественный рост лиц наёмного труда.

Каким образом в начале XIX в. появились владельцы частных промышленных предприятий, можно лишь предполагать. Вероятно, с одной стороны, ими становились купцы, которые специализировались на торговле товарами ремесленного производства, а с другой – некоторые успешные руководители ремесленных поселений и слобод. Не случайно если прежде во Вьетнаме под термином «ремесленник» понимались все занимавшиеся несельскохозяйственным производством лица, то с конца XVIII – начала XIX в. «ремесленниками» стали называть как непосредственных производителей товаров, так и хозяев рудников, ткацких мануфактур, владельцев больших верфей, оружейных мастерских и даже монетных дворов. В начале правления династии Нгуен торгово-ремесленное население городов уже воспринималось чиновничьим аппаратом и даже знатью как особая социальная группа вьетнамского общества. Интересно, что ведавшие торговлей и производством чиновники, получавшие с них часть доходов, не гнушались и сами

принимать участие в этих «низких» с конфуцианской точки зрения занятиях. В целом же развитие промышленности шло медленнее, чем развитие торговли.

В то же время традиционное чиновничество в своём большинстве не принимало происходившие перемены. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на протяжении XIX в. оно несколько раз предпринимало попытки частично восстановить свои позиции в экономической жизни деревни, требуя ограничения частного землевладения и возврата к государственно-общинной форме землепользования. Однако императоры династии Нгуен не могли, да и не хотели этого сделать, поскольку именно помещики были их основной опорой в ходе войн с государями Чинь и Тэйшонами. Военная сила помещиков была столь велика, что они самостоятельно подавляли не только мелкие, но и иногда средние по своему масштабу крестьянские восстания [164, т.3 с.392].

Одновременно с этим при дворе династии Нгуен было немало сторонников обновления вьетнамского общества. Как известно, ещё в правление первого императора династии Нгуен¹ его ближайшее окружение раскололось на две группы, которые А.Л.Рябинин очень удачно обозначил как группа «новаторов» и группа «консерваторов» [578]. Социальной опорой первой был юг страны, второй – север. «Новаторы» доминировали вплоть до смерти Нгуен Аня, тогда как после восшествия на престол его сына на передний план начали выдвигаться «консерваторы», которые полностью оттеснили своих противников от власти после восстания «новаторов» в Зядини их поражения в трёхлетней войне 1833 – 1835 гг.¹¹

Однако победа «консерваторов» оказалась только политической и не привела к изменениям принципиального характера в экономической жизни страны. В тридцатых – сороковых годах от консервативной политики феодальной верхушки в первую очередь страдали крестьяне и горожане,

¹ 1802 – 1819 гг.

¹¹ См. «Параграф 2.4» и «Параграф 3.1» «Главы 3» «Части I» настоящего тома.

особенно – городские низы. Связано это было с тем, что существовавший на протяжении веков стереотип социальной мобильности хоть и был подорван восстанием Тэйшонов, не только не был разрушен, но и всё ещё оставался единственным механизмом реализации экономической власти помещичьего сословия в социальной сфере. Надо полагать, что именно поэтому в первые два десятилетия XIX в. помещики активно поддерживали государственную власть в критические для неё моменты крестьянских восстаний, а в тридцатые – сороковые годы того же века значительно меньше поддерживали находившихся у власти «консерваторов» [164, т.3 с.382, т.4, с.6,7].

Правда, следует отметить, что в эти два периода и сами крестьянские восстания отличались друг от друга. Так, если в эпоху доминирования «новаторов» они происходили главным образом в вотчине «консерваторов» на севере, где с отстранением последних от власти они поплы на убыль, то затем они вспыхнули с новой силой. Иными словами, крестьянство в целом чутко реагировало на все попытки восстановления феодално-бюрократического землевладения, при этом любые меры, направленные на усиление роли государства в экономической жизни общины наталкивались на сопротивление крестьян, для которых это означало бы восстановление системы двойного гнёта как со стороны помещиков, так и со стороны чиновничьего аппарата.

Таким образом, сложилась ситуация, при которой помещики могли править деревней без помощи служилого чиновничества, тогда как государство не могло обойтись без поддержки помещиков. На самом деле сложившиеся между помещиками и крестьянами новые формы отношений больше способствовали сохранению феодалного строя в целом, чем традиционная государственно-бюрократическая структура управления. Обусловлено это было тем, что в Дайнаме первой половины XIX в. этой структуре не было альтернативы. Поэтому она лишь продолжала «демократизироваться», включая в себя новые социальные группы, обладавшие

реальной экономической властью¹. В результате надстроечные институты вьетнамского государства стали главным тормозом его дальнейшего экономического развития, о путях которого речь идёт в последующих параграфах данной главы. В конечном счёте именно это давление политико-социальной надстройки на экономический базис вьетнамского общества во многом предопределил полное поражение империи Нгуенов в войне против французской колониальной агрессии.

2. Основные категории земель и эволюция соотношения частного и общинного землевладения во Вьетнаме XIX в.

2.1. Основные категории земель и налогов^{II}

Как и в предыдущие века, в первой половине XIX в. во Вьетнаме существовали две основные формы земельной собственности: государственная и частная.

Государственные земли подразделялись на следующие категории.

- А. Приписные поля. Они использовались в ритуальных целях, которые были учреждены в 1828 г. При династии Нгуен их было очень мало. Всего около 10800 м² в столице, на которых император, возглавлявший отправление культа подношений духам Неба и Земли, ежегодно лично пахал три ритуальные борозды^{III}.
- В. Государственные поля. Эти поля, которые находились в прямой собственности государства, обрабатывались зависимыми общинниками, солдатами, военнопленными и преступниками⁵. Взимаемый с этой категории земель налог-рента значительно превышал налог, взимаемый с общинных полей. Его ставка не была фиксированной и изменялась в зависимости от нужд государства в тот или

^I См. «Параграф 2» «Главы 2» «Части III» настоящего тома.

^{II} Во всех текстах настоящего параграфа используются традиционные вьетнамские меры объёма «*тханг*» и площади «*кхоань*», «*мау*» и «*шао*». См. «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{III} См. «Примечание 1» в «Комментарии» к «Главе 3» «Части III» «Томе II».

иной период времени¹. Столь высокая норма эксплуатации приводила к бегству работников с этих земель. Последнее к тому же стимулировалось быстрым ростом помещичьего частного землевладения, нуждавшегося во всё большем количестве зависимых крестьян. Этот фактор оказывал существенное влияние на периодическое снижение ставки налога-ренты в течение XIX в.

- С. Поля культового кормления. То есть передаваемые в пользование феодальным родам и заслуженным чиновникам государственные земли с правом сбора налога на отправление культа предков. Такой тип пожалования был распространён в Дангчаунге, особенно – в конце правления династии Ле. В XVIII в. они отличались от обычного пожалования земель в кормление служилому чиновничеству тем, что давались в вечное наследственное пользование⁶, а от частного землевладения – тем, что они не могли отчуждаться.

Родственники императорской семьи также получали наследственные культовые владения относительно небольших размеров до 360000 м² земли, а потомки заслуженных чиновников вообще получали наделы от 10800 м² до 54000 м² [164, т.3 с.245]. Правда, бывали случаи, как, например, с потомками императоров Ле и государей Чинь, когда на отправление культа предков выделялось значительно большее количество земель. Поля культового кормления возвращались в казну лишь при совершении их владельцем тяжёлого преступления. Так, они были изъяты у потомков династии Ле после того, как те возглавили восстание против правящей династии¹¹.

- D. Общинные поля. Как и в предыдущие века, из них состояла большая часть государственных земель. Общинные земли в основном обрабатывались получавшими в пользование земельные наделы полноправными общинниками. Её купля-продажа, аренда, залог и заклад на длительное время

¹ Смотри «Примечание 15» в «Комментарии» к настоящей главе.

¹¹ Смотри следующий параграф.

были запрещены. Часть общинной земли могла изыматься государством и передаваться в кормление чиновнику, даже не имевшему права на получение пая в данной общине. Однако с постепенным переводом в XIX в. чиновников на денежное и рисовое жалование такие пожалования почти прекратились.

К началу второй трети XIX в. община фактически превратилась в фискально-административную единицу. При этом интересно отметить, что в тех районах Северного Вьетнама, где община была экономически сильной, она облагалась более высоким налогом-рентой, чем частные земли. Связано это было с тем, что большая часть частных земель принадлежала там помещикам, а крестьяне владели лишь небольшими клочками земли. Соответственно разницей налогообложения общинных и частных земель приближённо уравнивались величина государственной ренты с той, которую получал помещик. Дело в том, что на севере частные земли в большей степени являлись синонимом поместного землевладения, чем в центре. Поэтому в Центральном Вьетнаме ставка налога-ренты, которая равнялась 40, 30 и 20 литрам риса с 3600 м² первой, второй и третьей категорий земли, была одинаковой для общинных и частных земель [164, т.3 с.111].

Один раз в три года проводился передел общинных земель, который сводился к внесению в реестры достигших совершеннолетия и исключению из них умерших и беглых. Как правило, отцовский надел, постепенно принимавший наследственную форму, попадал в руки сыновей. Забегая вперёд, следует отметить, что наделение полноправных членов общины душевыми паями не было равным. Более того, ими в первую очередь наделялись чиновники и солдаты, которые к тому получали ещё и служебные пай. Молодые, пожилые, физически неполноценные, вдовы, дети-сироты и зависимые или наёмные жители общины имели право на меньшее количество паёв, при этом, выходя замуж, вдовы лишались права на общинную землю. Кроме того, в общине существовала категория не имеющих общинной земли

пришлых крестьян, которые платили пониженные налоги. Поэтому в XIX в. фактически произошло разделение жителей общины на общинников в традиционном социально-экономическом понимании и на юридически числившихся таковыми.

Частные земли находились в полной и нераздельной собственности своих владельцев, имевших безусловное право их беспрепятственной купли-продажи. Как уже отмечалось, в тех местах на севере, где община была экономически сильной, налогообложение частной земли было ниже, чем общинной. Так, с 3600 м² общинных земель первой категории взималось 60, второй категории – 41 и третьей категории – 25 л риса, а с 3600 м² частных земель – 20, 15 и 10 л риса соответственно⁷. В Центральном Вьетнаме, где занимавшие административные должности в общине помещики нередко скрывали свои земли от налогообложения, произошло отделение подушного налога от налога-ренты, присваиваемого помещиком. Развитие этой системы частно-феодальной ренты постепенно сказалось и на общинном землевладении, где налог-рента также стал присваиваться общинной верхушкой, военными и чиновниками. Крестьяне же продолжали платить этот налог и с общинных, и с частных земель. Однако особенно тяжело приходилось зависимым крестьянам и арендаторам в Южном Вьетнаме, где помимо имевших частные земли крестьян были деревни, которые вообще не имели своей пахотной земли. Более того, многие из этих деревень стояли на помещичьей земле, при этом известны случаи, когда на земле одного помещика было по несколько таких «зависимых» деревень [164, т.18 с.213, 214].

Также следует отметить, что на протяжении XIX в. указанная система налогообложения менялась как в сторону увеличения, так и в сторону облегчения налогового гнёта. Как правило, это было связано с периодами усиления или ослабления борьбы с сокрытием земель от налогообложения, с частным землевладением и попытками вернуть лидирующую роль общинной форме землепользования. В целом, таких периодов можно выделить три. Первый, с 1802 по 1820 г.,

когда позиции Нгуенов на юге были наиболее прочными и ставка делалась на помещиков, являвшихся главной опорой новой династии. Второй, с 1820 по 1840 г., в течение которого были предприняты основные усилия по возрождению роли общинной формы землепользования. Наконец, третий, с 1848 по 1883 г., характеризуется достаточно непоследовательной политикой вьетнамского государства как по отношению к различным формам землевладения, так и к налогообложению казённых, общинных и частных земель. В принципе такая двойственная политика в то время вполне объяснима, так как в 1858 г. началось французское военное вторжение во Вьетнам, первый этап которого завершился захватом всех шести провинций юга в 1866 г., а в 1873 г. французы предприняли первую попытку завоевания севера. Таким образом, в течение большей части этого периода власть императора династии Нгуен распространялась лишь на территории Центрального и Северного Вьетнама, которые сами находились под угрозой французского вторжения¹.

2.2. Соотношение частного и общинного землевладения

Одним из основных итогов восстания Тэйшонов явилось значительное перераспределение земельного фонда в пользу мелкого частного землевладения, что достаточно чётко прослеживается по земельным кадастрам общин и деревень Северного Вьетнама. Поэтому представляется целесообразным привести некоторые данные из этих документов в качестве иллюстрации данного тезиса.

По данным реестров селения Диньтхонг уезда Тылием провинции Шонтэй, число владельцев частных земель увеличилось за период с 1790 по 1805 г. с восьми до тридцати четырёх человек. При этом общая площадь этих земель увеличилась лишь со 37,44 га до 39,96 га, тогда как средний размер каждого владения уменьшился с 4,68 га до 1,08 га. Любопытно и конкретное распределение участков земли между собственниками. 18 человек (прежде – 3) владели

¹ Смотри «Параграф 2» «Главы 4» «Части I» настоящего тома.

наделами от 3600 м² до 10800 м² (1,08 га), 14 – от 1,08 га до 1,8 га (прежде – 2) и 2 – от 1,8 га до 3,6 га (прежде – 2)¹, а единственное прежнее крупное владение в 9 га исчезло из реестров [1731.1; 1419.1].

Иная картина наблюдается в общине Макса, где произошло сокращение общего числа землевладельцев с 230 до 77 человек, при этом число владельцев земельных участков площадью менее 3600 м² сократилось со 144 до 10 человек, а от 3600 м² до 10800 м² (1,08 га) – с 46 до 34 человек. Одновременно с этим число собственников земельных участков площадью от 1,08 га до 1,8 га выросло с 15 до 23 человек, число мелких помещиков (от 1,8 га до 3,6 га) выросло с 7 до 9 человек, крупный помещик с участком в 4,32 га как был, так и остался один. При этом отмечается резкое увеличение средней площади земельных участков с 3960 м² до 10080 м² [1731.2, с.55,56].

Аналогичный процесс прослеживается и по реестрам общины Тхыонгфук, согласно которым число мельчайших землевладельцев сократилось с 41 одного до 1 человека, мелких – с 25 до 4 человек и даже средних – с 8 до 3 человек при увеличении количества собственников участков от 1,8 га до 3,6 га с 2 до 14 человек. Также как и в общине Макса, численное сокращение частных владельцев сопровождалось здесь концентрацией земель в руках мелких помещиков. Так, если прежде 39,96 га частных земель было разделено на 210 участков, то теперь их число сократилось до 22 [1731.3, с.81].

Наконец, данные реестров одной из общин провинции Верхний Шоннам за 1805 г. свидетельствуют о значительном преобладании мелко и среднепоместных слоёв населения над остальными его категориями. Из 83 владельцев частных земель в этой общине мелкими собственниками было 14 человек, средними – 19 человек, мелкими помещиками – 32 человека и крупными помещиками, владевшими участками больше 7,2 га, – два человека [1731.3, с.87]. Ещё более явным

¹ Владельцев таких частных земельных участков уже можно причислять к категории мелких помещиков.

рост поместных слоёв населения был в тех районах, где имелись резервы необработанных аллювиальных земель. Так, в реестрах одной из общин провинции Нижний Шоннам⁸ после освоения её жителями таких земель значилось 487,44 га частных земель, которыми владел 51 человек при средней площади владения в 9,18 га [1419.1, с.113].

Также следует отметить, что исторические условия конца XVIII в. способствовали расхищению общинных земель в форме их скрытой продажи и отдачи в залог, которое получило широкое распространение в начале XIX в. Последнее подтверждается уже первым указом Нгуен Аня, в котором говорится: «Со времён бунтовщиков Тэйшонов старые уложения были забыты, многие люди превратили общинную землю в собственную. Идут разговоры о том, что под предлогом общинных нужд продаются общинные земли» [164, т.3 с.128]⁹. Согласно же свидетельству министра финансов, относящемуся к пятидесятым годам XIX в., «В Тхыатхиене [и] Куангчи общинных земель больше, чем частных, в Куангбине общинных [и] частных поровну, в остальных же частных земель намного больше, чем общинных» [164, т.27 с.336]. По данным за 1805 г., в сорока трёх общинах уже упоминавшегося уезда Тылием количество частных земель составляло в среднем 62%. При этом в семи общинах они составляли менее 20%, в пятнадцати – около 50%, в девятнадцати – свыше 80% и в двух – 100%. Интересно и то, что в общинах с преобладанием частных земель доля общинных пахотных полей под рисом, как правило, была незначительной. В общинном пользовании к тому времени оставались в основном культовые, пахотные и прибрежные земли, которые обрабатывались коллективно и использовались под овощные культуры. К частным землям также относились некоторые виды владений мелких поселковых коллективов и культовые земли отдельных родов, являвшиеся переходными формами землепользования [1419.1, с.99 – 113]. Их сохранение при французском колониальном господстве свидетельствует о том, что процесс разложения общины так и не получил своего окончательного завершения.

Вышеприведённые данные являются неопровержимым свидетельством интенсивности процесса имущественной и классовой дифференциации в северовьетнамской деревне с преобладанием мелких и средних слоёв крестьянства, в первую очередь – мелких и средних помещиков. В то же время они говорят и об относительно ограниченном развитии крупных помещичьих хозяйств на севере Вьетнама. Надо полагать, что эти тенденции были характерны для всех равнинных районов Северного и северной части Центрального Вьетнама с их большой перенаселённостью и традиционным малоземельем.

Крайне незначительная площадь сельскохозяйственных земель Центрального Вьетнама не позволяет им серьёзно влиять на соотношение между общественными и частными земельными владениями в масштабе всей страны. При этом, учитывая их специфику, можно предположить, что там вряд ли было много крупных частных земельных владений.

Иное дело юг, который был регионом традиционного господства частного землевладения с большим количеством крупных помещичьих хозяйств. Как и по всей стране, формой социальной организации деревни в Южном Вьетнаме была община, однако общинных земель там практически не было.

Стремясь обеспечить себе поддержку знати, первые императоры династии Нгуен жаловали ей значительные владения в форме личных полей, предназначенных для обслуживания родовых храмов. Так, в 1802 г. родственникам бывшей династии Ле были пожалованы 3600 га земель и 1016 зависимых крестьян, а потомкам государей Чинь – 180 га земель и 247 зависимых крестьян [164, т.3 с.74 – 76]. С 1804 по 1827 гг. насчитывается тридцать четыре таких пожалования различным представителям высшей знати и «заслуженным подданным». Правда, они уже были не такими большими: девять из них были площадью от 36 га до 108 га, а остальные гораздо меньше. В сороковых же годах лишь отдельные пожалования достигали площади в 36 га. Также несколько расширилось за счёт императорских пожалований и храмовое землевладение. Некоторые храмы даже владели землями

площадью от 36 га до 180 га [164, т.8 с.52, 211]. Все эти земли обрабатывались зависимыми общинниками¹⁰. Судя по всему, государственные земли также в основном обрабатывались зависимыми крестьянами, хотя известен и ряд случаев, когда для их обработки привлекались солдаты. Налогообложение этих земель в два – пять раз превышало налоги, взимаемые с общинных полей. В то время храмовые земли тоже стали облагаться налогом, хотя, надо полагать, он был достаточно щадящим. Об этом можно судить, например, по тому факту, что в двадцатые годы XIX в. в семи провинциях Центрального Вьетнама было снижено налогообложение храмовых владений и казённых земель, отведённых как под строительство домов, так и на обслуживание поселений военных полей [164, т.5 с.75, 76, 217].

Наделение землёй военных издавна практиковалось во Вьетнаме. Новая династия Нгуен не стала в этом смысле исключением. В 1802 г. Нгуен Ань установил, что солдаты и офицеры всех северных и ряда центральных провинций должны были получать наряду с денежным довольствием душевой пай из земель общины, к которой они были приписаны¹¹. Из этих же земель они получали и служебный пай в размере 3600 м² [164, т.3 с.29,72]. Затем, в 1804 г., был установлен общий порядок наделения землёй как гражданских и военных чиновников, так и рядовых общинников. Гражданские чиновники трёх высших рангов получали от двенадцати с половиной до шестнадцати душевых паёв, остальные – от восьми до двенадцати. Служащие столичных войск, флота и армейские ремесленники получали от семи до девяти паёв. Основная же масса полноправных общинников получала от трёх до шести с половиной душевых паёв. Наделявшихся паями военных частей было немного. В 1820 г. это были сорок столичных подразделений, в 1824 г. к ним добавились дворцовая охрана и чиновники на временной службе, а в 1836 г. – отряды почтовой охраны, отряды охраны провинциальных учреждений и телохранители военачальников [164, т.3 с.186, 187, т.5 с.128, т.7 с.94, т.18 с.328]¹².

Указанная система земельных паёв, строившаяся на принципе первоочередного предоставления значительно превосходивших крестьянские пайи земельных наделов гражданским и военным чиновникам, в условиях малоземельного севера фактически была равнозначна изъятию заметной части общинных земель из коллективного пользования деревни, в которой не распределялись по паям лишь частные земли¹³.

Значительное сокращение фонда общинных земель и связанное с ним серьёзное сокращение объёма собираемых налогов вынудили Нгуенов предпринять ряд попыток к изменению указанной ситуации. Так, сразу же после прихода к власти Нгуен Ань вернул в 1802 г. своим указом казённым и государственным землям эпохи Чинь в Бактхане их статус. Одновременно с этим был издан указ о запрещении продажи общинных земель и усилены меры контроля за состоянием всей системы землепользования. Помимо этого, Нгуен Ань конфисковал принадлежавшие бывшим чиновникам Тэйшонов служебные в Бактхане и частные земли южнее Куангбиня, которые были «переданы народу» в пользование в качестве общинных или частных наделов.

Политика возврата земельных пожалований в казну продолжалась и в дальнейшем. Так, например, после ряда восстаний представителей рода Ле в тридцатых годах XIX в. их земельные владения были конфискованы, в 1833 г. были конфискованы земли, пожалованные ранее высшему чиновничеству пяти рангов на «кормление», которое было заменено ежегодным денежным вознаграждением, а к концу тридцатых годов XIX в. на денежное и рисовое жалование была переведена основная масса чиновничества. Сильно сокращёнными паями продолжали пользоваться только командированные секретари¹⁴ и отставные чиновники, тогда как семьям служилых чиновников выделялись лишь участки общинных земель под личные сады и на строительство домов [164, т.3 с.93, 98, 102, 393, т.21 с.221, т.22 с.160, 161].

К моменту прихода к власти династии Нгуен положение крестьянства в Северном Вьетнаме было крайне тяжёлым. При

этом ситуация продолжала обостряться ещё и из-за того, что массовое обнищание населения сопровождалось значительным ростом количества заброшенных земель. Так, под 1802 г. в источниках сообщается о больших массивах пустующих земель от «Нгеана к северу», под 1806 г. – о том, что в семи провинциях Бактханя насчитывалось 370 покинутых общин, под 1810 г. – о 358 покинутых общинах. В одной из наиболее бедствовавших провинций Хайзыонге было заброшено 4572 га пахотных земель. По данным источников, за 1807 г. число налогоплательщиков в этом регионе сократилось по сравнению с эпохой Ле на 75000 человек. При этом в 1826 г. сокращение общего числа налогоплательщиков отмечается погодной хроникой династии Нгуен даже в провинциях Центрального Вьетнама [164, т.3 с.84, 358, 311, т.4 с.97, 99, т.5 с.126].

Пытаясь повлиять на развитие событий, Нгуен Ань дважды издавал указы об учёте заброшенных или скрываемых от налогов земель на севере, но особого результата они не дали. Поэтому за ними в 1804 г. последовал императорский указ о составлении реестра земель по всей стране. В четырёх южных провинциях Центрального Вьетнама эта работа была завершена в 1808 г. В Южном Вьетнаме составление земельных кадастров и подворных реестров началось в 1810 г. [164, т.3 с.84, 97, 161]. Что же касается севера, то, судя по всему, ситуация там так и не позволила составить такие реестры. Учёт земель и расширение налогооблагаемой базы в Северном Вьетнаме наталкивались на общинную систему круговой поруки, за которой скрывалась тайная сдача общинной верхушкой пустующих и скрываемых от учёта земель в аренду, в которой нередко были заинтересованы и чиновники общинно-уездного уровня. Поэтому такие, практиковавшиеся в первые два десятилетия правления династии Нгуен меры, как частая выдача зерновых ссуд населению, особенно – в бедствующих районах¹, прощение

¹ Семь раз в 1802 г.

недоимок^I, сокращение налогов^{II}, прощение налогов на три года тем, кто вернётся, и некоторое расширение прав арендаторов пустующих участков, оказались недостаточными для возвращения крестьян на брошенные земли [164, т.3 с.233, 389, 358]. В результате, в двадцатых – сороковых годах XIX в. вьетнамские власти были вынуждены пойти на введение принудительных мер по обработке общинных земель.

Следствием обезземеливания стали многочисленные конфликты, грабежи вспышки крестьянских восстаний, наиболее мощное из которых под руководством Фан Ба Ваня^{III} заставило двор пойти на более активные поиски разрешения аграрных и социальных проблем. В результате, не отказываясь от попыток укрепления общинного землевладения, он перешёл к предложенной известным литератором и начальником одной из малых провинций Нгуен Конг Чы^{IV} политике увеличения числа государственных крестьянских и военных земельных поселений, население которых должно было обрабатывать целинные земли. Так, в 1828 г. в докладе императору он написал: «Теперь бедняки, не имеющие пищи, бродяжничают, тунеядствуют; находясь в бедственном положении, собираются для грабежа; это бедствие никак не кончается. Раньше я посетил Дамдинь, видел заброшенные земли в Зяотхюи, Тяндине... кроме того, [я видел и] в других местах не знаю, сколько ещё десятков тысяч гектар [таких брошенных полей]^V; повсюду спрашивал местных жителей, [все] они хотят поднимать земли, но из-за [требуемых] больших расходов пока не могут. Если дать ссуду на общественные работы, то можно собрать бедняков и начать возделывать [поля]. Если это сделать, то государство извлечёт [из этого] немало вечной [и] постоянной естественной пользы. К тому же

^I 1802 г.

^{II} 1806 г.

^{III} Погиб в сражении 12-го марта 1827 г.

^{IV} 1778 – 1858 гг. О литературном творчестве Нгуен Конг Чы смотри конец «Параграфа 1.1» «Главы I» «Части III» настоящего тома.

^V В тексте сказано: «не знаю, сколько ещё сотен тысяч *мау*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

равнина Тхиенчао в Тяндине покинута, разбойники избрали её местом своего сборища. Если теперь возделать это место, то не только будут спокойно работать бедные люди, но можно будет совершенно избавиться от злодеев» [1289, с.177].

Нгуен Конг Чы (1778 – 1858 гг.)

Однако обработка заброшенных и целинных земель требовала хотя бы минимального обеспечения орудиями труда и семенами, не говоря уже о значительных коллективных усилиях по восстановлению или созданию оросительной системы. По замыслу Нгуен Конг Чы организаторами указанных работ следовало назначить имеющих силу на местах помещиков, а исполнителей набирать из безземельных крестьян и бывших повстанцев. Согласно плану, те и другие должны были быть заинтересованы в успехе предприятия, так

как согласно плану первые назначались старостами поселений, а вторые получали право владения обработанными землями, с которых взимался налог как с частных полей [164, т.9 с.23]. Предложение Нгуен Конг Чы в целом было принято, после чего государство выделило ему денежные ссуды на постройку жилищ, покупку скота, а также ссудило его зерном. При этом были назначены особые чиновники для контроля за работами. Правда, вскоре некоторые из поднятых земель получили особый юридический статус, согласно которому с них взимался налог как с частных земель, но их владелец не имел права продажи своего надела.

В результате реализации плана Нгуен Конг Чы, в течение шести месяцев 1828 г. в провинции Намдинь был создан новый уезд Тиенхай с 6818,4 га вновь поднятых земель и 2350 налогоплательщиками. Ещё на 2566,8 га возрождённых полей было создано две волости и две общины в других уездах этой провинции. На следующий год в прибрежных районах провинции Ниньбинь на 5263,2 га целины был учреждён уезд Кимшон, насчитывавший 1260 налогоплательщиков [164, т.9 с.123, 220].

Этот успех позволил назначенному губернатором района Хайзыонг – Куангиен Нгуен Конг Чы начать там создание земельных поселений. Хотя эти поселения и считались военными, они значительно отличались от традиционных поселений военных полей предыдущих эпох. Так, их организаторы не только получали государственные ссуды, но и назначались на должность начальника волости. Они также освобождались от подушного налога и трудовой повинности и иногда могли награждаться почётными титулами ¹. Интересно отметить, что предложения о поощрении организаторов поселений исходили и от местного чиновничества, при этом в сороковые – пятидесятые годы почти во всех больших провинциях уже были чиновники, отвечавшие за контроль над земельными поселениями.

¹ Награждение титулами предусматривалось положением о награждениях пятидесятих годов в Южном Вьетнаме.

В свою очередь безземельные крестьяне становились арендаторами частных лиц, возглавивших обработку заброшенных земель, или даже полноправными общинниками в поселениях на новых территориях. При этом работники из заключённых в ряде случаев амнистировались после окончания предварительных работ, особенно – в поселениях Анзянга и Хатиена. В этих южных провинциях, где земельные поселения начали создаваться с тридцатых годов, к 1840 г. было поднято около 360 га земель, а к 1866 г. – 2999,88 га. В 1845 г. 26 деревень провинции Тэйнинь получили авансы на создание таких поселений. В 1853 г. наместник Намки Нгуен Чи Фьонг¹ получил разрешение на вербовку 13,8 тысяч крестьян для земельных поселений, в результате чего было основано 124 деревни в четырёх провинциях юга. Под 1866 г. в источниках также сообщается, что за 41 новым поселением провинции Виньлаунг числилось 972 га вновь поднятых земель [1731.5, с.55,56]. После потери южных территорий в начале шестидесятых годов земельные поселения были основаны во всех провинциях Северного и в ряде провинций Центрального Вьетнама, но по вполне понятным причинам эффект от их создания был несопоставим с полученным от этого на юге результатом. Так, на 1866 г. в Намдине было освоено лишь 216 га земли, а в Тхыатхиене на 1877 г. и того меньше – около 144 га.

Одновременно с созданием земельных поселений Нгуен Конг Чы стал расширять сеть поселений военных полей, что преследовало как экономические, так и военные цели. К началу 1822 г. в 247 старых поселениях этого типа малой провинции Зядинь работало около 9 тысяч солдат. С тридцатых годов XIX в. их созданию был придан новый импульс. Так, в 1835 г. поселения военных полей были созданы в провинции Хатиен, в 1838 г. в провинции Биенхоа. В сороковые годы военные и заключённые таких поселений активно осваивали земли острова Конлон. В пятидесятые годы

¹ 1800 – 1873 гг.

уже упоминавшийся наместник Намки Нгуен Чи Фыонг получил разрешение на вербовку бедняков для создания такого рода поселений по берегам реки Виньтэ в провинциях Анзянг и Хатиен.

В условиях частых войн и угрозы французского вторжения поселения военных полей получили в то время наибольшее распространение в пограничных районах Намки и южного Чунгки. До 1854 г. их было мало. Так, в 1840 г. в провинции Хатиен за ними числилось 338,4 га, в провинции Анзянг — 277,2 га, в провинции Биенхоа — 108 га, в провинции Виньлаунг — 79,2 га и в провинции Кханьхоа 50,4 га земли [164, т.22 с.165]. Однако в 1854 г. в поселениях военных полей Намки была размещена 21 знамённая воинская часть¹. Военные поселения также создавались и в большинстве провинций Центрального Вьетнама. Так, в 1859 г. в четырёх провинциях Чунгки близ столицы работали 3,5 тысячи военных. На севере же они получили наибольшее распространение после захвата Францией Намки. Большая часть военных поселений Бакки была сосредоточена в провинции Бакнинь, где в 1859 г. работали солдаты десяти знамён и частей обороны. Однако, как и в случае с земельными поселениями, поселения военных полей на севере и в центре были значительно менее эффективными, чем на юге.

Работали на военных полях в основном солдаты, бедняки, переходившие при этом в категорию военных, и заключённые. Поначалу руководители этих поселений лишь освобождались от уплаты подушного налога, реже — от трудовых повинностей. Но в пятидесятых годах они уже стали назначаться на юге и в центре близ столицы старостами поселений военных полей. Более того, чтобы удержать население на обработанных площадях двор нередко был вынужден предоставлять со временем этим площадям статус общинной или частной формы землепользования. Так, например, в 1832 г. земли военных поселений приморских

¹ Одно «Знамя» = 500 человек.

районов провинций Хайзыонг и Куангиен получили статус общинных полей. В 1835 г. в разряд частных были зачислены военные поля провинции Хайзыонг. В 1840 г. половина ставших общинными военных полей к югу от провинции Кханьхоа была роздана военным в качестве индивидуальных служебных наделов. Наконец, в 1867 г. военные поля были отданы населению провинции Тхыатхиен то ли в статусе общинных, то ли частных владений. В целом поселения военных полей с непрофессиональным военным контингентом имели скорее экономическое, чем военное значение. Но даже там, где они не были переведены в разряд гражданских, с пятидесятых годов доминировала индивидуальная форма обработки земли в количестве от 2 до 4 му на человека.

К концу пятидесятых годов количество поселений, в которых жили работавшие на военных полях солдаты значительно сократилось, так как для их обработки стали преимущественно вербовать бедняков и привлекать заключённых. Однако высокая норма эксплуатации на военных полях и крайне тяжёлые условия труда в поселениях на севере после захвата французами Южного Вьетнама приводили к тому, что их жители зачастую разбегались¹⁵. Поэтому уже через двадцать – двадцать пять лет большая часть этих поселений в Северном Вьетнаме либо превратились в обычные сёла, либо оказались заброшенными.

Несмотря на все предпринимаемые меры Нгуенам так и не удалось в корне переломить сложившуюся к моменту их прихода к власти ситуацию. Так, если по неполным данным вьетнамских источников площадь всех обработанных земель Дайнама составляла в 1820 г. 2070468 га, то в 1840 г. она составляла уже 1462684,68 га, а в 1847 г. – чуть увеличилась до 1540084,68 га [1731.5, с.61]. В то же время, рост частного землевладения усугубил эксплуатацию зависимых крестьян, в том числе и на вновь возделываемых землях, тогда как государственные налоги по-прежнему были чрезвычайно высокими. Также не следует забывать, что экономические позиции помещиков усиливались и за счёт того, что они монополизировали различные общественные функции,

связанные с финансами, судебными полномочиями и различными тяжбами в деревне. Благодаря этому общинная верхушка расширяла свои владения путём незаконной продажи земли под видом сдачи её в аренду, составляя фиктивные записи на подставных лиц и уменьшая данные о размерах своих частных владений в официальных отчётах. Кроме того, благодаря либерализации системы конкурсных испытаний при Нгуенах помещики и деревенские богачи получили доступ к чиновничьим званиям общинно-уездного уровня, при этом известны случаи, когда они назначались на должность даже без формальной сдачи экзаменационных конкурсов¹.

В начале тридцатых годов XIX в. в связи с ростом повстанческого движения и, особенно, с восстанием Ле Ван Кхоя в Зядини,² земельный вопрос приобрёл особую остроту не только на севере, но и в центральных, и в южных районах Дайнама. В результате император Нгуен-фук Зам предпринял попытку усиления государственного регулирования и насаждения на юге общинного землевладения. После завершения кодификации земель Намки в 1836 г. значительное количество частных земельных владений этого региона было переведено по императорскому указу в категорию общинных полей [164, т.11 с.35,36]. Одновременно с этим была введена обязательная обработка пустующих общинных земель, дано разрешение на свободную обработку пустующих частных земель и установлены строгие наказания за «тайную аренду» [164, т.15 с.187 – 189]. С 1839 г. на юге была введена система поощрений и наказаний за уменьшение или увеличение площади необработанных земель. Так, было установлено, что в провинции и в уезде площадь необработанных земель не может превышать 1% – 2% от общей площади их пахотных полей, при этом в отдельной общине их могло быть не больше 1,8 га – 5,4 га. Натолкнувшись на сопротивление деревенской верхушки, власти вынуждены были пойти на увеличение этих

¹ Смотри «Параграф 2.1» «Главы 2» «Части III» настоящего тома.

² Смотри конец «Параграфа 3.1» «Главы 3» «Части I» настоящего тома.

лимитов, которые с 1845 г. составили от 1% до 15% для провинции [1731.5, с.58,59]. В результате в 1840 г. число реестровых земель увеличилось в шести провинциях Намки на 1776,96 га, а в пятидесятые годы в провинциях Куангбинь, Куангнам, Тханьхоа, Шонтэй и Намдинь количество необработанных земель снизилось на 36 га – 144 га в каждой. Наконец, принятые в шестидесятых годах такие новые меры поощрения, как назначение на должности в административный аппарат деревни и награждение титулами двух низших степеней, привели к некоторой активизации обработки заброшенных земель. Размер вновь поднятых площадей в ряде провинций севера и юга страны увеличился на 4437,36 га, а в 1875 г. в провинции Намдинь – на 6120 га [1731.5, с.60].

Как было показано выше, земельные поселения и даже поселения военных полей в определённой степени смягчили проблему заброшенных полей, но так и не привели к восстановлению прежней системы общинно-государственного землепользования. Более того, во второй половине XIX в., особенно – после захвата французами Южного Вьетнама, эти поселения сами стали питательной средой для роста частного землевладения. При этом императорский двор династии Нгуен, терявший из-за этого столь необходимые вьетнамскому государству в условиях войны налоговые поступления в казну, лишь однажды предпринял попытку ликвидации деревенского частника. Речь идёт о так называемом «Биньдиньском эксперименте», начавшегося с того, что губернатор Биньдиня Ву Суан Кан¹ выявил огромное преобладание частных земель над общинными в подчинённой ему провинции, в которой на 25200 га частных земель приходилось по 2160 га – 2520 га общинных [1522, с.18]. Поэтому в декабре 1838 г. губернатор предложил императорскому двору, оставив в частном владении не более 1,8 га земли, волевым путём перевести все остальные земли в категорию общинных, с тем чтобы распределить их в качестве душевых паёв и служебных наделов среди крестьян и военных. Согласившись в принципе

¹ 1772 – 1852 гг.

с предложением Ву Суан Кана, император всё же не решился на столь радикальные меры. Поэтому в тех деревнях, в которых общинных земель было больше или столько же, сколько частных, последние, даже не смотря на их большие площади, не подверглись конфискации. В тех же деревнях, где частных земель было значительно больше, чем общинных, половина этих земель переводилась в категорию общинных независимо от того, какое количество земли было у каждого владельца. Наконец, в тех деревнях, где по реестрам числились обычные налогоплательщики, а общинный земельный фонд практически исчез, он должен был быть восстановлен из чиновничьих паёв, из земель поселений военных полей и даже из общинного фонда близлежащих сёл [1522, с.20]. Таким образом, несмотря на свой половинчатый характер, реформа наносила удар не только по крупным, но и по средним и мелким землевладельцам — собственникам небольших участков площадью свыше 1,8 га. А таких было подавляющее большинство.

Реформа была проведена всего за три месяца. Однако она так и не решила поставленной задачи наделения общинной землёй безземельных крестьян. Правда, поначалу количество общинных земель и налогоплательщиков, которых, по данным на 1840 г., уже числилось 50000 человек, несколько увеличилось. Однако в том же 1840 г. последовал указ о том, что общинные земли в первую очередь должны распределяться в качестве служебных наделов среди военных и семейных паёв для членов их семей, после чего ими могли наделяться безземельные общинники. Но главным было то, что реформа в большинстве случаев оказалась фиктивной. Так, из доклада одного из информированных сановников императору следует, что в 1841 г. множество частных земель Биньдиня лишь фиктивно было переведено в общинные, при этом лучшие земли этой провинции были захвачены деревенской верхушкой. В 1852 г. министр финансов Ха Сюи Фиен¹ прямо доложил императору о том, что в провинции

¹ 1791 – 1853 гг.

Биньдинь «наиболее плодородные земли были захвачены богатеями; оставшиеся были захвачены деревенскими старшинами. Бедный люд получил лишь участки плохой земли» [1522, с.23]. Известен и другой случай неудачной попытки конфискации в пользу общины 162 га земель в Намдине, возделанных на средства частного лица. Фактически государство признало своё бессилие в борьбе с помещиком. Поэтому даже в сороковые годы XIX в., когда поднятие целины шло относительно быстрыми темпами, отмечается тенденция ухода крестьян из деревень. С сокращением же масштаба освоения земель в пятидесятые – шестидесятые годы произошло дальнейшее усиление этого процесса. Известно, что в 1851 г. пятьдесят три общины провинции Диньтыонг просили об исключении из налогообложения около 4500 га необрабатываемой земли. В том же году из налоговых реестров было исключено порядка 37445,76 га земель по всей стране. Согласно некоторым подсчётам в 1881 г. общее количество земель, с которых собирался налог, уменьшилось по сравнению с 1847 г. на 288000 га [1731.5, с.61]¹⁶.

3. *Крестьянские восстания во Вьетнаме XIX в.*

Проблема крестьянских восстаний уже частично затрагивалась в главах «Части I» настоящего тома. Однако там об этих восстаниях говорилось лишь в той мере, в какой они сказывались на политической истории Дайнама XIX в. В данной же главе представляется целесообразным остановиться на них более подробно в свете вышеизложенных проблем социально-экономического развития вьетнамского государства той эпохи.

Крестьянские выступления начались уже через год после прихода к власти новой династии в 1803 г. Поначалу они были разрозненными и относительно кратковременными. Однако три года спустя в 1806 г. в Тхайнгуене вспыхнуло восстание под руководством объявившего себя потомком династии Ле – Зыюнг Динь Кука, которое поддерживали горные племена *нунг* и этнические китайцы. Оно продолжалось вплоть до 1826 г. Практически одновременно с этим отмечается

усиление повстанческого движения в провинциях Хынгхоа и Туенкуанг¹. Иногда в отрядах восставших насчитывалось до семисот человек. Успешно действуя против карательных отрядов, повстанцы контролировали отдалённые уезды, нападали на административные центры и нередко предпринимали попытки выйти на равнину. С 1807 г. начались восстания и населения равнинных районов севера. Распространившись с 1809 г. на провинции Шонтэй, Хайзыонг и Шоннам, они в определённой степени способствовали как взаимодействию повстанцев горных и равнинных районов, так и увеличению продолжительности активного периода восстаний. Так, в 1809 г. в провинции Шоннам вспыхнуло восстание под руководством Данг Чан Шиеу, которое было поддержано племенами *мыонг* провинции Тханьхоа и продолжалось вплоть до 1822 гт. При этом следует отметить, что хотя в этих восстаниях и прослеживается социальный протест против усиления помещичьего землевладения в правление Нгуен Аня, они в первую очередь были связаны с попытками реставрации династии Ле.

Однако в 1820 – 1840 гг. в эру «Светлой судьбы» характер крестьянских восстаний принципиально изменился. Именно в то время, приводившие, как было показано выше, к массовому обезземеливанию крестьян рост помещичьего землевладения, мздоимство общинно-уездной верхушки и тяжесть налогового бремени, усугублялись частыми стихийными бедствиями¹¹. Так, в 1824 г., во время засухи, охватившей провинции Хайзыонг, Шоннам, Шонтэй и Бакнинь, бедняков даже привлекли к общественным работам в двух провинциальных крепостях, чтобы они не превратились в «разбойников». В самом тяжёлом положении оказалась густонаселённая и малоземельная провинция Хайзыонг, где особенно возросли цены, «умножились грабители, богатые

¹ 184 – 1813 и 1806 – 1815 гг.

¹¹ На протяжении двадцатых годов XIX в. в Северном Вьетнаме дважды случались эпидемии, от которых гибло много людей, и как минимум пять раз там происходили наводнения и засухи, приводившие к уничтожению урожая целых провинций и массовому голоду.

стали бедными, бедные – нищими, многие умирали на дорогах от голода, в связи с чем населению выдали ссуду в размере 10354,7 гл¹ риса» [164, т.7 с.75]. Следствием такого положения стали происходившие по несколько раз в год кратковременные крестьянские восстания, которые в итоге привели к мощному социальному взрыву.

Захваченные в плен участники одного из крестьянских восстаний.
Музей истории. Ханой, 18.04.2011 г.

В 1821 г. вспыхнуло восстание под руководством родившегося в провинции Тхайбинь и происходившего из старинного знатного рода Фан Ба Ваня, предки которого отличились в войне против минских захватчиков в XV в., за что даже были отмечены императором Совершенным рода династии Ле. Однако к XIX в. семья Фан Ба Ваня обеднела, а сам он, рано потеряв отца, был вынужден стать пастухом у местного помещика. Известно, что он обладал большой физической силой и хорошо владел оружием.

¹ В тексте сказано: «100000 *хопов*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

В начале 1826 г. Фан Ба Вань сумел закрепиться в двух уездах провинции Хайзыонг. К этому времени в его отрядах уже насчитывается до пяти тысяч бойцов. Затем, потерпев ряд неудач в боях с посланными против них регулярными войсками, повстанцы отступили к югу, где они, разгромив местные гарнизоны, захватили два военных поста. С этого времени начинается период наибольшего подъёма крестьянской борьбы в южных и юго-восточных провинциях Северного Вьетнама. По признанию властей, «по уездам проносится ветер, в боях гибнет много военных [и] гражданских чиновников... Поэтому куда бы ни пришла армия [Фан] Ба Ваня, все, кто [её] видит или слышит [о ней], вынуждены бежать подобно зверям» [1731.6, с.24]. «Враг собирает армию [и] не жалеет себя. В бою даже женщины [и] девчонки сражаются мечами» [164, т.8 с.218].

Интересно, что Фан Ба Ваня поддержал целый ряд оппозиционно настроенных представителей провинциального чиновничества и образованного сословия. Одним из его командиров стал даже бывший крупный чиновник Ву Дык Кат. При этом некоторые местные богачи-помещики помогали повстанцам продовольствием и деньгами [164, т.8 с.316]. Восстание также было поддержано населением провинций Шонтэй, Фули, Хоабинь, Хынгиен и других провинций севера, которое не только принимало в нём прямое участие, но и тайно снабжало повстанцев продовольствием, укрывало их от карателей, сообщало о планах властей и так далее [164, т.8 с.132]. Существует точка зрения, согласно которой восстание Фан Ба Ваня распространилось даже на северные провинции Центрального Вьетнама, откуда к нему на помощь прибыл под командованием одного из вождей племён *мыонг* трёхтысячный отряд лучников [1731.7, с.52]¹⁷.

Складывавшаяся ситуация вынудила императорский двор направить против Фан Ба Ваня значительные силы, в том числе – двести боевых судов, под командованием крупных сановников, облечённых самыми высокими полномочиями. Кроме того, была создана целая сеть военных постов с целью блокирования повстанцев, при этом рис продавался по

пониженным ценам или даже раздавался населению бесплатно, ему также выдавались зерновые ссуды, а текущие налоги снижались или же вообще отменялись [164, т.8 с.168]. В результате всех этих усилий нёсшим большие потери правительственным войскам удалось к концу 1826 г. вынудить повстанцев отступить и сосредоточиться на своей укреплённой базе в районе Чалу. 12-го марта 1827 г. Фан Ба Вань и многие его соратники погибли при попытке вырваться из окружения, а семьсот пятьдесят попавших в плен повстанцев были казнены или жестоко наказаны.

Восстание Фан Ба Ваня было первым восстанием вьетнамского крестьянства в XIX в., которое, имея в целом монархическую окраску, не провозглашало бы лозунга о реставрации династии Ле¹⁸. Следует также отметить, что, выступая против помещичье-чиновничьего гнёта на местах, восставшие крестьяне не уничтожали их всех поголовно. Надо полагать, что они не трогали тех помещиков и чиновников, за которых просило местное население, и что именно благодаря этому социальная база восстания расширялась за счёт вышеупомянутых оппозиционно настроенных помещиков, чиновников и представителей образованного сословия. При этом восстание Фан Ба Ваня имело характер острой классовой крестьянской войны, о чём свидетельствуют и данные источников. Так, в хронике династии Нгуен сообщается, что при приближении отрядов Фан Ба Ваня богачи и торговцы в панике бежали под защиту провинциальной крепости, а при угрозе её падения – искали убежища в отдалённых деревнях [164, т.9 с.89].

Как известно, важнейшим последствием этого крупнейшего крестьянского восстания в Дайнаме первой трети XIX в. стала вышеописанная попытка династии Нгуен навести порядок в деревне на основе предложенных Нгуен Конг Чы мероприятий.

Являясь основной движущей силой и массовой базой антиправительственных восстаний той эпохи, вьетнамское крестьянство было далеко не единственным их участником. Как известно, руководителями или активными участниками

восстаний становились не только крестьяне, но и выходцы из деревенской верхушки, из помещиков, из чиновников и из образованных слоёв населения. Ранее уже говорилось о том, что в первое десятилетие XIX в. в Северном Вьетнаме происходили восстания этнических китайцев и горных национальных меньшинств *нунг* и *мыонг*. При этом *мыонги*, проживавшие в южных провинциях Севера и северных провинциях центра, поддержали и восстание Фан Ба Ваня. В Центральном Вьетнаме наиболее сильное сопротивление насаждению новых порядков оказывало национальное меньшинство *тхыонг*. В течение многих лет вьетнамские власти не могли установить контроля над заселёнными *тхыонгами* горными районами провинции Куангнгай. Пытаясь подавить их сопротивление, вьетнамские власти даже основали там в 1812 г. тридцать военных поселений, а в 1818 г. отгородили весь горный район их проживания бамбуковой изгородью длиной в сто пятьдесят километров. Таким образом, повстанческое движение в Дайнаме первой трети XIX в. отличается разнообразием социального и национального состава. Следствием этого было различие в лозунгах¹⁹, под которыми проходили эти восстания. Их объединяло лишь общее, заметно возросшее во 2-ой трети XIX в. неприятие деяний династии Нгуен [164, т.3 с.134; 1304.3, с.512].

Последним из предшествовавших французскому колониальному завоеванию восстаний было восстание под руководством известного литератора и поэта Као Ба Куата, произведения которого дают возможность понять мотивы перехода наиболее радикальных представителей вьетнамского образованного сословия к политической борьбе¹. Он родился в деревне Футхи уезда Зялам провинции Бакнинь в 1809 г.¹¹. Будучи уже известным поэтом, Као Ба Куат в 1831 г. стал лауреатом конкурсных испытаний. В своих стихах он с сочувствием описывал жизнь обречённых на тяжёлый труд и нужду крестьян, ставших нищими общинников, которые были

¹ Смотри конц «Параграфа 1.1» «Главы 1» «Части III» настоящего тома.

¹¹ В настоящее время это община Футхи уезда Зялам в пригороде Ханоя.

вынуждены в голодные годы продать свои земли, для того чтобы уплатить налоги, и раздачу риса голодающим. При этом поэт с возмущением пишет о произволе вербовщиков людей для военных поселений и сборщиков налогов. Затем, особенно после поездки в Индонезию в 1841 г., Као Ба Куат стал всё более резко высказываться о косной конфуцианской системе организации государства. В конце концов, он перешёл от призывов к «справедливости» к непосредственной критике императорского двора, называя его сановников осыпанными серебром и носящими парчу, но покрытыми позором «зверями у власти» [512, с.127; 1731.8, с.29, 31].

К пятидесятым годам в Северном Вьетнаме сложилось крайне тяжёлое положение. Кроме того, его население страдало и от регулярных набегов китайских грабителей. Наконец, летом 1854 г., когда саранча уничтожила урожай в ряде равнинных провинций севера, туда бежала масса людей из поражённых засухой провинций Центрального Вьетнама. В результате начался массовый голод. Поэтому вернувшийся в том году в Бакнинь после службы учителем в провинции Шонтэй Као Ба Куат начал вместе со своими друзьями и единомышленниками готовить восстание²⁰.

Летом 1854 г. отряды Као Ба Куата, в которые вступили тысячи крестьян, начали общее наступление из Бакниня на Ханой. Однако из-за того что узнавшие о готовившемся восстании местные власти приняли ряд мер к отражению нападения и арестовали нескольких его участников, повстанцы не сумели захватить город. Тогда они овладели несколькими административными центрами и до конца года вели бои с посланными против них карательными войсками. При этом отряды Као Ба Куата постоянно пополнялись за счёт прибывавших из других районов страны повстанцев. Чтобы отсечь приток свежих сил к мятежникам, императорский двор усилил гарнизоны крепостей провинций Шонтэй, Ханой и Ниньбинь, а также издал указ о вознаграждении за поимку Као Ба Куата, который погиб конце 1854 г. в одном из боёв у Шонтэя. Тогда же в плен попали ещё три военачальника и сотни простых повстанцев. Однако активная фаза восстания

завершилась лишь с пленением Ле Сюи Кы в начале 1855 г. Окончательно же оно было подавлено лишь в 1856 г. после разгрома остатков повстанческих отрядов под командованием Ле Сюи Уана и Динь Конг Ми. Их пленение сопровождалось жестокими репрессиями по отношению ко всем, кто так или иначе поддерживал восставших.

Као Ба Куат (1809 – 1854 гг.)

Однако и после подавления восстания Као Ба Куата ситуация на севере и в центре страны, где обезземеливание общинников, рост цен на рис и вынужденный уход крестьян из села сопровождались ростом числа грабежей и разбоев, мало изменилась. Не лучшим было и положение на юге страны, где в 1854 г. насчитывалось около 2 тысяч «бродяг», а в 1856 г. их уже было 14 тысяч. В отдельных же местностях Южного Вьетнама число бездомных достигало 70% населения.

Следует также отметить, что в XIX в. крестьянские восстания во Вьетнаме в основном имели локальный характер и по масштабу были несопоставимы с общенациональными движениями 2-ой половины XVIII в. Безусловно, нельзя исключать и того, что по мере ухудшения ситуации такое общенациональное восстание могло произойти, но этого не случилось из-за смены приоритетов в связи с началом борьбы против французской колониальной агрессии в 1858 г.

4. *Ремесло, горнорудные промыслы и торговля*

4.1. *Ремесло*

В предыдущих томах уже достаточно много говорилось о ремесле в средневековом Вьетнаме¹. Здесь же следует лишь сказать о том, что происходившая на протяжении веков специализация вьетнамского ремесленного производства и связанное с ней постепенное разделение труда, которые привели к возникновению в XVII – XVIII вв. ремесленных слобод, в XIX в. получили дальнейшее развитие. К этому времени в сельской местности помимо уже существовавших возникло довольно много новых ремесленных поселений, в которых разделение труда достигло относительно высокого уровня. Одни промысловые поселения специализировались на добыче сырья, другие – на его первичной обработке, третьи – на изготовлении конечного продукта, при этом они, как правило, специализировались на производстве какого-нибудь

¹ О становлении и развитии ремесла в предыдущие эпохи истории Вьетнама смотри «Параграф 1.2.2» «Главы 1» «Части III» «Тома I», «Параграф 2.4.1» «Главы 1» и «Параграф 2.2» «Главы 2» «Части II» «Томы II».

одного продукта [810, с.514]. К началу XIX в. по повелению императорского двора во Вьетнаме начали сажать тутовые деревья и открывать мастерские по производству шёлка, при этом посадками тутовых деревьев, обработкой коконов, пряжей и выделыванием шёлка стали заниматься разные деревни¹. В провинции Хадонг²¹ жители одних посёлков изготавливали бамбуковые основы для шляп, а других – эти шляпы делали. В той же провинции гончарные изделия могли изготавливаться в одной деревне, обжигаться – в другой, а расписываться – в третьей. Однако это касается лишь крупных ремесленных поселений в сельскохозяйственных районах этой провинции, в которых разделение труда достигло высокого уровня. Большая же часть живших там ремесленников была представлена мелкими производителями, которые, как и прежде, специализировались на каком-либо одном виде товара, строго сохраняя тайну его изготовления. Так, например, в известных своими рисовыми лепёшками на весь регион двух посёлках провинции Хадонг секрет их выпечки передавался только по мужской линии, в крайнем случае – старшей замужней женщине. Ещё в одном поселении, жители которого специализировались на производстве дрожжей, технология их производства передавалась исключительно по мужской линии. Известны случаи, когда для того чтобы избежать разглашения тайны, девушек из одного поселения запрещалось выдавать замуж в другие поселения [1438, с.143, 146; 1731.10, с.55].

Главными же ремесленными центрами Дайнама эпохи династии Нгуен, в которых производились расходившиеся по всей стране товары широкого потребления, являлись такие крупные города, как Ханой, Хюе, Сайгон – Тёлон, Митхо и ряд других. Как и в конце XVII – XVIII вв., называвшиеся слободами поселения ремесленников одной специальности располагались в пригородах городов. Так, крупная гончарная слобода находилась в городе Батчанг уезда Зялам провинции

¹ В провинциях Намдинь и Хадонг население деревень ткало пряжу, коконы для которой закупались в соседних провинциях.

Бакнинь в Северном Вьетнаме. Там было порядка 16 печей длиной в 8 и шириной в 4 м, каждую из которых обслуживало около 50 человек. В основном это были разорившиеся ремесленники и деревенская беднота. На юге страны гончарные слободы были сконцентрированы в таких центрах, как Тёлон, Митхо и Зядинь. Например, в Тёлоне до 1882 г. ежегодно производилось 14,5 миллионов штук кирпича и один 1,6 миллиона штук черепицы и брусчатки, при этом каждая печь давала 40 тысяч штук черепицы и 35 тысяч штук брусчатки. В Митхо производилось около 500 тысяч штук кирпича, столько же черепицы и 20 тысяч штук брусчатки [1438, с.90].

В 1841 – 1847 гг. давно специализировавшееся на шёлке поселение Лакхе провинции Хадонг преобразовали в государственные мастерские для обеспечения нужд двора. Поскольку эти нужды постоянно возрастали, то и росло производство шёлка. Только в одной мастерской провинциального центра Биньдинь было 34 станка. Ткацкие мастерские были ещё в 7 волостях этой провинции, при этом в каждой из них было более 10 станков. Учитывая же, что 1 станок обслуживало 4 человека, очевидно, что на производстве шёлка было занято много ремесленников²². Они работали с апреля по сентябрь из-за того, что пряжу провинций Биньдинь и Куангнам скупали китайские торговцы, которые отправляли её в Китай для дальнейшей переработки²³. После того как в 1851 г. по императорскому указу были закрыты многие мастерские, специализировавшиеся на разведении тутового шелкопряда, производство шёлка во Вьетнаме несколько снизилось.

Кроме того, в стране продолжали развиваться и такие традиционные ремёсла, как мыловарение, сахароварение, виноделие, производство бумаги, вышивание, инкрустация, ювелирное дело и резьба по слоновой кости, в ряду которых особое место занимало производство остро-солёного рыбного соуса¹.

¹ Ныок мам (вьет. *nhốc mắm*).

Главным центром развития ремесленного производства был Северный Вьетнам, что объясняется острой нехваткой сельскохозяйственных угодий в этом регионе. При этом, что вполне естественно, оно получило большее, чем в предгорных и горных районах, распространение в прибрежных районах и на низменности. На протяжении первой половины XIX в. развитие товарного производства сопровождалось разорением мелких ремесленников, которые вместе с разорившимися крестьянами нанимались на работу к более крупным и успешным. В результате в ряде случаев мастерские перерастали в предприятия типа простой кооперации или даже мануфактуры. Однако в то время это было ещё достаточно редким явлением, равно как и использование наёмного труда в мелком товарном производстве. Соответственно это может свидетельствовать только лишь о зачатках капиталистического производства в стране до начала французского колониального завоевания Вьетнама.

Наряду с отдельными частными мануфактурами во Вьетнаме 1-ой половины XIX в. имелись многочисленные казённые мануфактуры. Так, в созданном в 1803 г. ханойском монетном дворе работало несколько литейных печей. Ещё одна большая литейная мастерская была там открыта в 1820 г.. В тех провинциях, где имелись лесные массивы и удобные водные пути, как, например, в провинциях Тханьхоа и Нгеан, на вервях строились небольшие суда, тогда как морские суда строились на верфях Сайгона, Биенхоа, Диньтыонга и других крупных центров. В судостроительных мастерских в эпоху первого императора династии Нгуен работало 8 тысяч человек. Флот Нгуен Аня, в котором служило 26,8 тысячи моряков, насчитывал порядка 200 вооружённых 6 – 7 пушками деревянных судов водоизмещением в 12 тонн каждое. Кроме того, в нём было 500 мелких и 100 крупных галер. Наконец, в конце тридцатых годов XIX в. на верфи в Хюе спустили на воду первое паровое судно европейского типа, за что её владельцы Хоанг Ван Лить и Ву Зюи Чинь получили большие награды. Интересно, что посетившие Дайнам европейцы высоко оценивали уровень мастерства вьетнамских корабелов

[902, с.368 – 370; 1043; 1165]. Также было достаточно много и оружейных мастерских. Например, в 1872 г. только на мануфактурах провинции Нгеан было отлито 500 пушек и произведено 2 тысячи ружей.

Девять тяжёлых орудий, отлитых в 1803 г.
Хюе, 02.04.2011 г.

В то же время следует отметить, что граница между частными и государственными ремесленными мастерскими была достаточно размытой. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что, согласно источнику, вышеупомянутая верфь в Хюе принадлежала двум частным судостроителям, но, учитывая, что на ней был построен первый вьетнамский пароход, она не могла не контролироваться государством. Об этом же свидетельствует и характер найма рабочей силы. Вербовкой рабочей силы для казённых мастерских и мануфактур занимались специальные управляющие, которые также отвечали за организацию их работы и контролировали деятельность предприятий [1237, с.10, 11]. Крестьяне, солдаты и ремесленники, квалификация которых никак не учитывалась, получали мизерную плату за свой труд. Под предлогом выполнения общественных работ губернаторы провинций и государственные управляющие принудительно набирали тысячи мастеровых, включая лучших ремесленников из частных мастерских, для работы на казённых предприятиях. Уклонение от этих работ наказывалось десятью – пятнадцатью

палочными ударами. При этом занятые на казённых элитных производствах ремесленники не имели права хотя бы частично пользоваться результатами своего труда. Так, простолюдины не имели права строить дома с высокой крышей и воротами, украшать архитектурные детали домов резьбой и использовать в их строительстве дорогие породы деревьев. Они могли одеваться только в одежду из хлопчатобумажной ткани и должны были ходить босыми.

Какова была организационная структура казённых ремесленных производств – сказать сложно, но, судя по тому, что они также именовались слободами, она не должна была принципиально отличаться от организации частных слобод. По некоторым данным, во Вьетнаме начала XIX в. уже имелось порядка тысячи таких слобод. Их основным центром в Северном Вьетнаме был Ханой, в Центральном Вьетнаме – Хюе и в Южном Вьетнаме – городской конгломерат Сайгон – Тёлон. Слободы существовали и как составные части других городов, и как самостоятельные поселения городского типа.

Каждая слобода состояла из двух основных частей. Первая, известная по названию «слободской союз», по сути являлась производственной ремесленной корпорацией, во главе которой стоял обладавший большим опытом работы староста, имевший звание «главный руководитель». Нередко за заслуги он получал звание чиновника²⁴. Мастер отвечал за действия ремесленников перед губернатором провинции и ежемесячно должен был ему докладывать об их численности, а под его руководством ремесленники слободского союза могли уезжать на заработки. В таких случаях староста, который обычно имел одинаковую с ремесленниками заработную плату, получал дополнительное вознаграждение от заказчика натурой или деньгами за организацию работ. Наконец, главный руководитель или староста нес непосредственную ответственность за свой слободской союз перед губернатором, по указанию которого вербовал ремесленников на различные, оплачиваемые деньгами работы. Он же распределял между всеми денежное вознаграждение [685, с.370]. *Исходя из сказанного, можно предположить, что принципиальной*

разницы между чиновником, управлявшим казённой ремесленной организацией, и главным руководителем слободского союза не было.

Центральной фигурой слободского союза являлся мастер, чтобы стать которым нужно было трудиться долгие годы и преподносить дорогие подарки старосте. При жизни мастера другой ремесленник этого союза стать мастером не мог. Он имел лишь очень ограниченное право на собственное творчество и мог лишь копировать установленные мастером образцы. При этом слободские союзы строго хранили тайны и секреты своего производства.

Вторая часть слободы была образована предприятиями, торговавшими изделиями её производственной части, которые по аналогии можно назвать гильдиями. Так, в Ханое гильдия персикового [цвета] продавала ткани и шёлк, гильдия рыбаков – продукты речного и морского промыслов, гильдия медников – скобяные товары, гильдия Шляпников – головные уборы, гильдия бамбуковых [поделок] – вотивные предметы, гильдия серебра – серебряные изделия, гильдия кожевников – изделия из кожи²⁵. Многие улицы Ханоя до сих пор носят название, находившейся на её месте гильдии [1438, с.167].

Говоря о слободах как об административных единицах следует также отметить ещё два связанных с ними момента. Во-первых, слободы являлись не только производственно-торговыми административными единицами. Они также имели и религиозно-культурные функции. Так, известно, что в уже упоминавшейся слободе из сорока ремесленников в Лакхе регулярно отправлялся свой особый поминальный культ, посвящённый китайским основателям шёлкового производства в этой общине [1438, с.169]. Во-вторых, иногда ремесленники одной или разных профессий объединялись в слободу с целью взаимопомощи. Таким образом, слобода могла являться более или менее полным производственным комплексом. Однако в то время это было ещё крайне редким явлением.

В первой половине XIX в. налоги с ремесленных предприятий уже приносили государству ощутимый доход. В то время ремесленники платили промысловый налог натурой и

подушный налог – деньгами. Так, ежегодно с производства по выделыванию бумаги близь Ханоя с каждого ремесленника взималось по пять с половиной тысяч листов бумаги, а с ремесленников гончарных мастерских в Батчанге – по триста штук черепицы. С производства циновок в провинции Ниньбинь с каждой семьи взималось по две циновки в виде промыслового налога, тогда как подушный налог платился деньгами или рисом. При этом с больных и увечных взимался половинный налог [1731.10, с.56]. До 1841 г. ремесленники из Лакхе ежегодно платили в виде налога шестьсот рулонов шёлка¹. После того же как мастерские этого поселения стали казёнными, его ремесленники должны были дополнительно производить все затребованные императорским двором виды шёлка [835, с.153].

Наконец, представляется целесообразным отдельно остановиться на таком виде ремесленного производства, как горнорудные промыслы. Связано это с тем, что именно на их примере наиболее чётко прослеживается растущее разделение труда и появление зачатков капиталистического производства во Вьетнаме XIX в.

4.2. Горнорудные промыслы

Как известно, добыча полезных ископаемых издавна существовала в провинциях Северного Вьетнама, а в предыдущей главе было показано, что крупные горнорудные мануфактуры возникли в Дайвьете конца правления династии Ле в XVIII в. В Дайнаме при династии Нгуен в начале XIX в. горное дело получило дальнейшее развитие. Строительство крупных шахт, рудников и мастерских по выплавке металлов облегчалось в то время ещё и тем, что государство сохраняло право феодальной собственности на средства производства. В разные годы 1-ой половины XIX в. в стране было сто тридцать девять рудников²⁶. Правда, они действовали не одновременно, добыча руд нередко приостанавливалась, а рудники забрасывались. В первую очередь это касается таких

¹ 1 рулон шёлка равнялся 27,6 м. в длину при ширине от 0,9 до 0,94 м.

требовавших больших вложений производств, как цинковые, оловянные и серные рудники, которые не эксплуатировались в течение многих лет [1731.9.1, с.44]. Так, в 1808 – 1810 гг. одновременно работало 79 рудников, а в 1831 г. их количество уменьшилось до 39. Затем, к концу 1840 г., количество рудников возросло до 57, в 1841 – 1847 гг. оно колебалось от 51 до 68. Наконец, за период с 1848 по 1850 г. число работавших одновременно горнорудных предприятий сократилось с 60 до 54²⁷.

Также необходимо отметить, что хотя все горнорудные предприятия и находились в собственности у государства, это совсем не означает, что оно всегда непосредственно ими управляло. При династии Нгуен под государственный контроль, особенно усилившийся в эру «Светлой судьбы»¹, были поставлены те горнорудные промыслы, которые приносили в казну наибольшие доходы, в частности – золотые прииски в провинциях Куангнам, Нгеан, Туенкуанг, Каобанг и Хынгхоа. Последнее вполне соответствует взглядам правившего под упомянутым девизом императора Нгуен-фук Зама, который считал, что золото и серебро добываются для государственных нужд и что если разрешить бесконтрольную добычу этих «являющихся богатством страны» металлов, то арендаторы и купцы будут утаивать значительную часть добытого и незаконно обогащаться [1731.9.3, с.57].

Под прямым государственным управлением находились и так называемые «владения», созданные государями Нгуен в провинции Куангнам ещё в XVII – XVIII в.¹¹. Каждое из таких «владений» объединяло по сорок деревень. Население «владений» было освобождено от всех видов повинностей и занималось сезонной золотодобычей, которую с сельским хозяйством, ремеслом и торговлей. При этом, хотя источником существования жителей «владений» были средства, получаемые от добычи полезных ископаемых, их основным занятием оставалось сельскохозяйственное производство. В

¹ 1820 – 1840 гг.

¹¹ Смотри ниже «Параграф 4.3.3».

XIX в. «южная» система «владений» была распространена на все районы Дайнама, в которых имелись прииски или горнорудные производства. Особо следует сказать о добыче каменного угля, необходимого для выплавки металлов на действовавших в Дайнаме 1-ой половины XIX в. 9 рудниках по добыче меди и 32 – по добыче железа¹. Поэтому в тридцатые годы того века в Донгчичеу была начата его добыча, которой также занималось местное население провинции Куангнам. С 1841 г. каменный уголь стал использоваться при выплавке цинка в Фаунгмиеутхьонге. Во 2-ой половине XIX в. добыча каменного угля, за перевозку которого отвечало министерство общественных работ, значительно увеличилась. Не менее важную роль, особенно – в рыболовстве и для изготовления специфического рыбного соуса, играла и добыча соли, которая помимо традиционного выпаривания из морской воды добывалась в двадцати двух соляных копях.

Для прямого управления рудниками их управляющими назначались особые чиновники. Иногда это были даже такие высокопоставленные сановники, как, например, Фан Тхань Зян², под начало которого в 1839 г. были отданы серебряные рудники Тонгтинь и Няньшон провинции Тхайнгуен. Понятно, что сановники сами непосредственно не занимались горными разработками, а перепоручали это занятие кому-либо из своих подчинённых. Однако это был ещё не худший вариант. Обычно рудниками руководили ссыльные провинциальные судьи и чиновники финансовых ведомств, которых понизили в должности за злоупотребления и взятки. Естественно, что, оказавшись у такой «кормушки», они продолжали заниматься мздоимством [1731.9.2, с.54].

Промежуточное положение между непосредственно прямым государственным управлением и классической арендой занимала форма организации добычи полезных

¹ Основные рудники по добыче меди находились в провинциях Тханьхоа, Туенкуанг и Хынгхоа, а железа – в провинциях Шонтэй, Бакнинь, Тхайнгуен, Каобанг и Лангшон.

² О политической деятельности Фан Тхань Зяна смотри «Параграф 2.2» «Главы 4» «Части I» настоящего тома.

ископаемых путём сдачи месторождений в аренду вождям горных национальных меньшинств, обитавших в районах их местонахождения. Эти горные племена издавна занимались на достаточно примитивном уровне добычей полезных ископаемых, а их вожди занимали высокие посты и имели огромную власть в подконтрольных им районах страны.

В определённой степени это была вынужденная мера, призванная смягчить постоянно тлевшие противоречия между собственно вьетнамцами и национальными меньшинствами.

Наконец, существовала и третья форма управления разработки полезных ископаемых в виде сдачи месторождений в аренду частным предпринимателям. Так, до 1810 г. министерство финансов даже устраивало ежегодные торги по продаже лицензий на предпринимательскую деятельность, в том числе – и на горнорудные разработки в Северном Вьетнаме¹. Победитель торгов получал скреплённое печатью разрешение, которое давало ему право беспрепятственно вести дело. Вероятно, именно такая политика властей в горнорудной промышленности стала основной причиной упоминавшегося выше существования во Вьетнаме того времени наибольшего количества рудников [1755.1, с.53].

Однако прямое государственное управление и сдача месторождений вождями горных племён в управление были малоэффективными, что объясняется как некомпетентностью и мздоимством чиновников – руководителей рудников, так и использованием подневольного труда². Поэтому со временем всё большую роль стала играть сдача месторождений в аренду частным хозяевам. В результате сложилась практика, при которой находившиеся под государственным управлением рудники через пять лет либо сразу сдавались в аренду частным предпринимателям, либо сначала передавались в ведение провинциальной администрации, которая затем сама сдавала их в аренду частникам, либо просто забрасывались.

¹ Первые такие торги упоминаются уже под 1803 г.

² О структуре рабочей силы на рудниках смотри ниже.

Интересно, что даже в случае сдачи рудников в аренду частникам государство сохраняло за собой привилегию устанавливать норму добычи. При этом не выполнивший норму – возмещал недостаток, а перевыполнивший – получал вознаграждение в зависимости от производительности труда. Так, согласно установленной норме на золотых приисках Тиендан провинции Куангнам, Нгеан, Тиенкиен провинции Туенкуанг, Каобанг и Хынгхоа отряд из 10 человек должен был ежедневно намыывать от 3,02 до 3,78 гр¹ золота. Однако под управлением государства добыча золота так сократилась, что императорскими указами от 1839 и 1850 гг. она была передана в аренду местным предпринимателям. Аналогичной была ситуация и с добычей серебра на упоминавшихся рудниках Тонгтинь и Няньшон провинции Тхайнгуен, где под управлением чиновников серебра стало добываться так мало, что его даже не хватало на покрытие затрат. В результате, они были отданы в аренду китайским предпринимателям [1373, с.13]. Не лучше было и на цинковых рудниках Лунгшон и Тишон той же провинции Тхайнгуен, куда в 1835 г. было направлено более 300 солдат во главе с Нгуен Дай Каном, которому также оказывали помощь провинциальные власти. Поначалу в 1836 – 1837 гг. только на руднике в Тишоне было добыто 23 т руды, из которой выплавляли 0,967 т цинка¹¹. В 1837 г. в Тишон были дополнительно мобилизованы солдаты и направлены рудокопы из китайских эмигрантов и местных жителей, которым увеличили жалование и выплачивали отдельное вознаграждение за перевыполнение нормы добычи цинка. Но уже в 1838 г. добыча цинка резко упала и рудники были переданы в ведение местной администрации, что повлекло за собой дальнейшее сокращение объёма работ и числа занятых на них рабочих. В результате к началу 1840 г. цинковые рудники в Тхайнгуене были заброшены.

¹ В тексте сказано: «ежедневно намыывать от 0,8 до 1 *донг кана*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹¹ В тексте сказано: «38152 *кана* руды» и «1600 *канов* цинка». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

Кроме того, правительство Нгуенов ещё достаточно долгое время продолжало диктовать правила формирования рабочей силы. Так, на золотом прииске Тиендан провинции Куангнам в 1827 – 1839 гг. работала 1000 рабочих в основном из насильно завербованных крестьян и солдат, тогда как профессиональных старателей там было лишь несколько сот человек. На другом таком прииске Тиенкиеу провинции Туенкуанг в 1832 – 1850 гг. работало 3122 человека, из которых 1820 были солдатами и 1302 – наёмными старателями. Ежемесячно все они получали по 10 куанов деньгами и по 1 корзине¹ очищенного риса. Вербовка крестьян и солдат для работы на рудниках осуществлялась начальниками волостей и бригадными генералами [1355.2, с.33, 34]. Получая месячное жалованье, крестьяне и солдаты формально работали по найму, но наёмными рабочими они могут считаться лишь с очень большой натяжкой, так как подавляющее их большинство работало не добровольно, а по принуждению в рамках выполнения трудовых повинностей. На отданных в аренду вождям местных племён рудниках трудовые отношения диктовались уровнем развития этих племён. Поэтому на таких предприятиях, где рабочая сила формировалась по национальному признаку, феодально-принудительный характер трудовых отношений был ещё более очевиден. Есть все основания полагать, что подобный принудительный набор рабочей силы был обязателен и для частных арендаторов. Об этом можно судить хотя бы по тому, что уже с 1810 г. императору стали поступать письма от шахтовладельцев с просьбой дать им самим право нанимать рабочих по своему усмотрению. Однако это право им было даровано лишь в 1839 г.

Как было показано в предыдущей главе, в XVIII в. частными арендаторами рудников в основном были китайские предприниматели, вожди горных племён и, де-факто, управлявшие ими государственные чиновники, которые, как правило, не занимались предпринимательством. Вложение же

¹ В тексте сказано: «*фыонг*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

частных вьетнамских капиталов в горнорудное дело было в то время редким явлением, имевшим место лишь в таких горных провинциях юга Центрального Вьетнама, как Куангнам [1731.9.3, с.55]. Однако в начале XIX в. после того как при Нгуенах вьетнамские предприниматели получили различные привилегии и их даже стали награждать должностями и званиями за заслуги, ситуация начала меняться.

Тем не менее в то время большая часть рудников в провинциях Лангшон, Тхайнгуен, Туенкуанг и Хынгхоа по-прежнему арендовалась этническими китайцами, переселение которых на вьетнамские территории прослеживается как минимум с III в. до н.э.¹. Официально все этнические китайцы были разделены на две категории, именовавшиеся «минцы [по] происхождению» и «цинцы» соответственно. Под первой понимались этнические китайцы, оседавшие на вьетнамских территориях начиная с конца III в. до н.э. Иногда это были целые миграционные волны беглецов из Южного Китая, как, например, в I в. в эпоху реформ Ван Мана. Последняя такая волна связана с бегством сторонников династии Мин после воцарения в империи маньчжурской династии Цин в середине XVII в.². Судя по всему, именно она дала название категории объединённых по родственным связям и компактно проживавших в посёлках и городских кварталах вьетнамо-китайцев, которые воспринимались местными и центральными властями как полноправные вьетнамцы. В то же время само название категории «цинцы» свидетельствует о том, что в неё входили недавно прибывшие из империи Цин и получившие разрешение на временное проживание в Дайнаме китайцы. В поисках заработка вьетнамо-китайскую границу в основном переходили жители провинций Южного Китая, которые селились в предгорных и горных районах Вьетбака. Как правило, они были искусными мастерами, поэтому их охотно нанимали для поиска руд, разработки месторождений и плавки металлов.

¹ См. «Том I» и «Том II».

² См. «Параграф 3.2.1» «Главы 2» «Части III» настоящего тома.

Работники на рудниках также делились на две основные категории. К первой относились лица, временно привлечённые на работу государством в порядке выполнения трудовой повинности. Они именовались «работники [из] народа» и, как это следует из самого названия категории, большая их часть была представлена крестьянами или ремесленниками близлежащих местностей. Многие из них знали горное дело ещё до вербовки. Ко второй категории относились те, кто добровольно трудился на рудниках по найму. Большей частью это были китайские горняки, имевшие опыт в поиске и разработке месторождений, или специалисты по плавке металла. И хотя в числе таких «технарей» были и вьетнамцы, все они всё равно именовались «работники [из] китайцев».

Высокая профессиональная подготовка этих работников вела к тому, что их в основном нанимали на принадлежавшие частным китайским и вьетнамским предпринимателям рудники. Однако они работали и на государственных рудниках, и на арендованных вождями горных племён разработках полезных ископаемых. Число свободных наёмных рабочих на государственных горнорудных предприятиях было невелико. Особенностью их положения была относительная личная свобода и более высокая по сравнению с жалованьем обычных работников оплата их труда.

Как правило, принадлежавшие частным арендаторам рудники делились на различные специализированные производства, возглавляемые начальниками-мастерами из вьетнамских и китайских «технарей». На каждом крупном руднике насчитывалось до десятка таких мастеров. Каждое из таких производств специализировалось на определённом виде работ, например, на подготовке шахт к эксплуатации, добыче руды, плавке металла и транспортировке продукции.

Кроме того, как отмечалось ранее, занимавшиеся предпринимательской деятельностью чиновники, вьетнамцы, приравненные к ним «минцы [по] происхождению» и племенные вожди пользовались привилегиями. Так, например, вьетнамский предприниматель Тю Зань Хо, арендовавший цинковый рудник Баншон в провинции Тхайнгуен, получил за

участие в разработке государственных рудников Лунгшон и Тишон в той же провинции звание командира сотни²⁸. Государство даже нанимало за высокую плату работавших на его предприятии высококвалифицированных рабочих [628, с.19]. Точно так же не имевшие средств для организации производства племенные вожди получали от государства финансовую помощь, которая возвращалась добытыми в рудниках ископаемыми. Однако при этом собственно китайцы, или «цинцы», никаких привилегий не имели [1731.9]. Соответственно и налоговая политика в отношении каждой из этих групп арендаторов также была неодинаковой.

Поскольку почти все полезные ископаемые страны находились в подконтрольных национальным меньшинствам горных районах Северного Вьетнама, их вожди, которые издавна занимались разработкой недр, платили дань частью полученной продукции. При Нгуенах дань была заменена изменявшимся в зависимости от объёма производства ежегодным подушным налогом. Кроме того, с целью более активного вовлечения представителей этнических групп в горнорудные промыслы этот налог для народностей *нунг*, *ман* и ряда других меньшинств был снижен наполовину в 1821 г.

Жители управлявшихся государством «владений» поначалу также платили ежегодный подушный налог натурой. Так, в провинциях Куангнам и Биньдинь жители «владений» при золотых приисках платили 10,584 гр золота и 1 куану 5 тиенов деньгами, с 1824 г. – 12,374 гр золота, а в 1850 г. подушный налог был снижен на 1,89 гр золота¹. Жители «владений» при железных рудниках платили подушный налог в размере от 1 куана 2 тиенов до 1 куана 5 тиенов деньгами. В 1831 г. подушный налог с жителей «владений» при соляных коях в размере 7,25 кг^{II} соли был заменён уплатой 8 куанов деньгами. При этом уровень налогообложения не был единым для всех провинций, а старики, больные и увечные платили

¹ В тексте сказано: «2 донг кана и 8 фанов», «3 донгкана и 3 фана» и «5 фанов». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{II} В тексте сказано: «12 канов». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

лишь половину налога. Несмотря на примитивное кустарное производство, налог с «владений» приносил государству значительный доход. Так, например, в 1838 г. 3340 жителей «владений» только одного уезда Хадонг провинции Куангнам внесли в виде налогов более 10,44 кг золота [1731.9.3, с.56, 57]¹. В 1839 г. занимавшиеся добычей каменного угля лица по предложению губернатора Тон Тхат Бата были дополнительно обложены специальным налогом. Наконец, «минцы [по] происхождению» платили все обычные для страны налоги.

Также интересно отметить, что льготы существовали и для квалифицированных китайских работников. Так, согласно указу от 1830 г. владевший имуществом «цинц» платил 6,5 куанов в год, «цинц-бедняк» в течение 3 лет платил лишь половину этой суммы, а только что переселившийся в Дайнам «цинц-бедняк» на 3 года освобождался от налогов. При этом «цинцы» освобождались от уплаты подушного налога, а также от воинской и трудовой повинностей [1731.9.2, с.58].

Иное дело – составлявшие большинство частных арендаторов «цинцы-предприниматели». Следует отметить, что, как правило, они были временными поселенцами на вьетнамской территории, возвращавшимися спустя какое-то время домой с накопленным капиталом. При этом продукция их рудников, за исключением отчуждавшейся в качестве налога незначительной её части, полностью уходила за границу, главным образом – в Китай. Также известно, что на арендованных китайцами рудниках было занято большое число людей. Так, согласно докладной записке, написанной Нгуен Конг Чы в 1834 г. императору, на каждом из таких рудников работали по 700 – 800 человек. Согласно же докладу другого чиновника по имени Нгуен Фан, на арендованном китайцем Ху Чуци²⁹ золотом прииске Кимминь в провинции Шонтэй насчитывалось более 1000 работников, хотя по реестру там числилось лишь 20 человек [1731.9.2, с.58; 1731.10, с.55]. Иными словами, с целью уменьшения крайне тяжёлого налогового бремени китайские предприниматели

¹ В тексте сказано: «280 лангов». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

стремились скрыть подлинное число рабочих. Последнее облегчалось тем, что на рудниках, являвшихся собственностью предпринимателей, отмечался относительно свободный порядок найма рабочей силы. Такое положение вещей было характерно не только для китайских, но и для вьетнамских частных предприятий. Наиболее ярким примером тому служит уже упоминавшийся вьетнамский предприниматель Тю Зань Хо, на предприятии которого отношения между владельцем и рабочими не имели ярко выраженного принудительного характера, а наём рабочей силы носил свободный характер. При этом как использовавшиеся на его рудниках технологии, так и имевшее более или менее ярко выраженный капиталистический характер разделение труда в его производстве были выстроены по «цинскому» образцу [1731.9.3, с.56]. Однако вплоть до середины XIX в. такие «вьетнамские» горнорудные предприятия были единичными.

С конца двадцатых годов XIX в. вьетнамское государство в лице императора и его правительства осуществляло строгий контроль за деятельностью рудников в целях обеспечения их налогообложения. Каждый год государственные уполномоченные либо провинциальные чиновники были обязаны обследовать частные рудники для установления размера налога. При этом, естественно, вымогательство и коррупция расцвели пышным цветом.

В правление под девизом «Светлая судьба» размеры налогообложения были значительно выше, чем в правление династии Ле после реставрации. Более того, владельцев рудников принуждали дополнительно продавать государству продукцию по заниженным ценам, установленным им самим. Часто, не будучи в состоянии уплатить государству высокие налоги натурой и принуждаемые продавать продукцию рудников сверх налогов по заниженным ценам, предприниматели разорялись, при этом многие владельцы рудников, оказавшиеся не в состоянии выдержать столь тяжёлое налоговое бремя, подвергались преследованиям и конфискации имущества.

Всё это вполне отвечало духу императорского двора династии Нгуен в эпоху доминирования «консерваторов», которые стремились поставить под государственный контроль этот важнейший источник доходов, отстранив при этом частный капитал от разработки полезных ископаемых. Поэтому если какие-то рудники приносили большой доход, то правительство расширяло их эксплуатацию. Когда же они начинали нести убытки, то их разработка прекращалась. В первую очередь это касалось затратных производств. Так, например, цинковые, оловянные, серные и другие месторождения в течение многих лет не эксплуатировались. Часто добыча приостанавливалась, а рудники забрасывались [1731.9.1, с.44]. Поэтому государство было вынуждено иногда частично возвращаться к старой политике династии Ле после реставрации³⁰, как, например, в 1849 г., когда начинавшие дело частные арендаторы цинковых рудников были освобождены от уплаты налога на первые 3 – 4 года своей деятельности. Императорский двор в Хюе просто не мог позволить себе потерять огромные поступления в казну от деятельности частных арендаторов, которые приносили ему ежегодно около 100 тысяч куанов. В том числе – порядка 34 тысяч с золотых приисков, 20 тысяч с серебряных рудников, 37 тысяч с медных и 25,5 тысяч куанов с железных рудников [1731.9.3, с.58, 59; 1731.10, с.49].

В целом же можно констатировать, что горнорудные промыслы в Дайнаме первой половины XIX в. развивались замедленными темпами. При этом на некоторых крупных рудниках, принадлежавших в первую очередь китайским арендаторам, наличествовали элементы капиталистических отношений. Сами же эти предприятия можно охарактеризовать как мануфактуры капиталистического типа на ранней стадии развития, а их владельцев-арендаторов, в том числе и вьетнамцев, как предпринимателей-буржуа.

Безусловно, можно найти массу субъективных и объективных причин медленного экономического развития Вьетнама в XIX в. Начиная с 1820 г. – это в первую очередь как недальновидная политика императоров династии Нгуен,

так и доминирующие позиции «консерваторов» при их дворе, не говоря уже о многих других факторах.

Представляется, что главным объяснением этого феномена является конфликт между восходящими к XV в. и тормозившими его развитие надстроечными институтами вьетнамского государства и социально-экономическими тенденциями развития его базиса в XVIII – XIX вв.¹. Как известно, этот конфликт был разрешён в результате вмешательства внешнего фактора в виде французского колониального завоевания.

4.3. *Города и торговля*

4.3.1. *Внутренняя торговля*

Объединение страны под властью династии Нгуен в 1803 г. и установившаяся благодаря этому в 1803 – 1820 гг. относительная стабильность позволили наладить тесные связи между севером и югом страны, сообщение между которыми осуществлялось главным образом по речным и морским путям. Так, по этим путям из провинции Зядинь можно было преодолеть более 1000 км до столицы Хюе за девять – тринадцать дней, а более 650 км от неё до Ханоя занимали всего четыре – пять дней [1306.1, с.379]. Как уже отмечалось, в то время дальнейшее развитие также получило и товарно-денежное обращение и появились многочисленные торговцы-скупщики из купцов, помещиков и даже чиновников.

К середине XIX в. в каждой из наиболее развитых провинций Северного Вьетнама уже существовало от двадцати до сорока четырёх торговых центров. Даже горные провинции севера уже были к тому времени охвачены довольно широкой сетью торгового обмена. В городе Ханое с его пригородами было 24 торговых слобод, или улиц, а в одноимённой провинции Ханой – ещё 27 торговых центров.

В Центральном Вьетнаме наиболее крупным торговым центром были столичная провинция Тхыатхиен и столица империи город Хюе, где существовало много торговых улиц, а

¹ Смотри «Параграф 3» «Главы 4» «Части III» «Том II».

в эру «Светлой судьбы»¹ был построен огромный крытый рынок. Там же в провинции Биньдинь, славившейся лесным промыслом, ремёслами и садоводством, имелось шестьдесят рыночных центров.

Крупнейшим торговым центром Южного Вьетнама был городской конгломерат Сайгон – Тёлон, торговцы которого опирались на покрывавшую весь Дангчаунг разветвлённую сеть взаимосвязанных рек и каналов. Ещё в XVIII в. там существовало 33 рынка и 39 водных маршрутов, которые обслуживались пятьюстами судами¹¹.

Количество рынков на водных артериях Вьетнама подсчитать практически невозможно, так как джонки останавливались у всех пристаней, где тут же возникали импровизированные рынки. Из-за того что рельеф местности значительно осложнял транспортировку товаров, торговля на сухопутных путях сообщения была менее интенсивной. Она достигала значительного размаха там, где сухопутные дороги могли обеспечить быстрое и лёгкое передвижение. Так, например, на пути из Куангнама в Фуиен находилось 40 постоянных дворов и 4 больших рынка, между которыми курсировали запряжённые быками и буйволами повозки.

Торговля развивалась не только между регионами, но и в масштабах всей страны. Из зерновой житницы юга провинции Зядинь в столичную провинцию Тхыатхиен и даже в Ханой поставлялся рис. В Южный Вьетнам доставлялись с севера ремесленные изделия и продукция горнорудных промыслов. Горные национальные меньшинства поставляли благовония, древесину, лекарственные травы и металлы, получая взамен скот, соль, ремесленные изделия и орудия производства.

Такая торговля, правда, в гораздо меньших объёмах и локализовавшаяся главным образом в трёх основных частях страны, существовала и прежде. Тогда как в XIX в. начал складываться национальный рынок, главными центрами

¹ 1820 – 1840 гг.

¹¹ Подсчитано по данным исследования Ле Кюи Дона [194].

которого становились города, находившиеся на перекрёстках торговых путей. Так, например, в это время урожай риса в Зядини уже определял цены на рынке в Хюе, а его урожай в дельте Красной реки – на рынках Ханоя и всего Дангнгаоя. При этом удельный вес продуктов промыслов и ремесла постепенно увеличивался по сравнению с продуктами земледелия [1237, с.6; 1306.1, с.321, 322].

В то же время следует отметить, что деятельность большинства вьетнамских торговцев, которые не располагали крупными капиталами, ограничивалась внутренним рынком. При этом они не имели реального влияния на развитие ремесленного производства. Связано это было с тем, что торговля ограничивалась весьма сложной системой налогообложения, состоявшей из налогов на торговлю различными товарами, рыночных сборов, пошлин на перевозки и переправы. Так, в Южном Вьетнаме за взимание налога на перевозки и торговлю отвечал 51 расположенный на перекрёстках торговых путей таможенный пост, а на севере, для того чтобы довести рис из Намдиня в Нгеан приходилось 9 раз платить дорожную пошлину. При этом сумма взимаемых налогов менялась в зависимости от ситуации. Порой они бывали так велики, что вместо дополнительного дохода в казну давали обратный результат. Известно, что в середине XIX в. сумма собираемых с торговли налогов упала на 54% [1306.1, с.379].

Кроме того, развитию внутренней торговли мешала вышеупомянутая политика прямого взимания государством налога продуктами сельского хозяйства, ремесленного производства и горнорудных промыслов. При этом, как известно, вьетнамское государство иногда частично или полностью устанавливало свою монополию на продажу таких металлов, как золото, серебро, медь, свинец, олово и ряд других, принудительно покупая их у производителей по ценам, которые были значительно ниже рыночных.

Истоки столь нелогичного поведения вьетнамского двора следует искать в различиях между политикой первого и второго императоров династии Нгуен, которые отражали

противоречия между ставшим в XV в. официальной государственной идеологией Вьетнама неоконфуцианством^I и новыми тенденциями его социально-экономического развития конца XVII – XIX вв. Именно это противоречие и стало причиной того, что когда при дворе правившего под девизом «Светлая судьба» императора Нгуен-фук Зама возобладало влияние так называемых «консерваторов»^{II}, традиционная идеология вновь выдвинулась на первый план. Поскольку же одним из её приоритетов было возрождение роли общинного землепользования, то и её лозунг «Уважать земледельца [и] унижать торговца» во многом стал лозунгом вьетнамского государства того времени [1521, с.12].

Не говоря уже о том, что такая экономическая политика нередко приводила к разорению множества владельцев рудников и закрытию принадлежавших им шахт^{III}, она препятствовала развитию общенационального рынка, товарно-денежных отношений и в конечном счёте – первоначальному накоплению капитала.

4.3.2. *Внешняя торговля*

Внешняя торговля Вьетнама в XIX в. определяется, как и для всех государств конфуцианского культурного ареала, так называемой «политикой закрытых дверей», которая в разное время проводилась с различной степенью жёсткости. Она была вызвана тем, что, прекрасно понимая выгодность торговли с западными странами, императоры династии Нгуен опасались, что она может спровоцировать иностранное вторжение. Это также касалось Сиам и в первую очередь – цинской империи. Поэтому они стремились изолировать своих торговцев политикой их «унижения», а иностранных – «политикой закрытых дверей» [1222.2, с.387; 1470, с.39, 47]. Однако при первом императоре династии Нгуен эта политика имела двойственный характер. Так, в 1803 г. Нгуен Ань отказал

^I Смотри «Параграф 2» «Главы 2» «Части III» настоящего тома.

^{II} Смотри «Главу 3» «Части I» настоящего тома.

^{III} Смотри выше «Параграф 4.2» данной главы.

английскому купцу Робертсу в его просьбе о разрешении на торговлю в Дананге, а когда англичане самовольно отправили вверх по течению реки Красной более 10 военных судов, то они были разбиты вьетнамскими войсками на подступах к Ханюю. В XIX в. Англия и США неоднократно направляли во Вьетнам своих представителей для установления особых торговых отношений, но успеха так и не добились [1470, с.52].

В то же время французские торговые суда пользовались всяческими привилегиями вплоть до освобождения от уплаты пошлин. В 1819 г. французские купцы на 2 судах доставили Нгуен Аню 10177 ружей, купив при этом у него шёлк и сахар. В то время помимо французских кораблей во Вьетнам прибывали торговые суда из множества стран. Так, от французских, голландских и португальских купцов вьетнамцы получали оружие, железо, медь, олово, кожи, ткани и другие товары. Из империи Цин в Вьетнам поставлялись цинк, изделия из железа, фарфоровые изделия, шёлк, чай, аптекарские товары и позолоченная бумага, использовавшаяся для ритуальных обрядов. Кроме того, из Гуандуна поставлялся и опиум. Из Японии привозились мечи, копьё, кольчуги. У Сиамы вьетнамцы покупали олово, свинец, лак, перламутр и рис. С острова Ява из Индонезии в страну ввозились серебро, сандаловое дерево и бетель. С Филиппин поступали серебро, сера, табак, воск и лак. Из Сингапура купцы привозили индийскую хлопчатобумажную ткань, а из Малайи – бумагу, олово, гвоздику, кардамон и сандаловое дерево. В большом количестве во Вьетнам ввозились и такие товары повседневного пользования, как швейные иглы, женские гребни, котлы и горшки из меди и чугуна, сковороды и фаянсовая посуда. Импортировался и культивировавшийся в небольших количествах в стране чёрный перец

В свою очередь из Вьетнама вывозились очищенный рис, кожа, шёлк-сырец, соль, сушёная и солёная рыба, трепанги, сушёные креветки, морской женьшень, панцирь морской черепахи, слоновая кость, ценные породы дерева, ласточкины гнёзда, корица, чёрный перец и масло. Помимо этого из Вьетнама вывозились такие изделия ремесленного

производства, как шёлковые ткани, дорогостоящие предметы из золота, серебра и лака, лакированная мебель и керамика. Европейцы особенно ценили вьетнамские фаянсовые изделия из голубой глины, при этом голландцы охотно покупали черепицу, особенно – произведённую в Батчанге.

Важным экспортным продуктом был и считавшийся лучшим в Юго-Восточной Азии вьетнамский сахар. Так, в 1820 г. только 2 английских судна вывезли 170 т сахара, а за весь 1845 г. Вьетнам продал около 20 тысяч т этого продукта.

Наконец, следует отметить, что государство полностью запретило вывоз главной сельскохозяйственной культуры Вьетнама – риса. Оно также жёстко контролировало экспорт золота, серебра, меди, свинца, олова и других металлов, на которые распространялась государственная монополия. Так, в 1839 г. был издан указ, категорически запрещающий частным лицам их вывоз из страны. Золото и серебро разрешалось использовать только при расчётах во внутренней торговле. Действие этого указа распространялось и на приграничные с империей Цин провинции, в которых китайские купцы имели право относительно свободной торговли. Также следует учитывать и тот факт, что вьетнамские торговцы занимали незначительные позиции во внешней торговле, а их товар скупали японские и, прежде всего, китайские купцы, которые затем перепродавали его европейцам. Исходя же из сведений, содержащихся в записках английского посланника Кроуфорда, надо полагать, что объём этих продаж был очень большим. Так, он отмечает, что в 1822 г. из Сайгона в Китай отплыли 30, из Файфо – 16, из Хюе – 12 и из Северного Вьетнама – 38 кораблей, общим тоннажем в 17 тысяч тонн. Поэтому при отсутствии запрета на вывоз золота и серебра частными лицами потери этих драгоценных металлов могли бы быть весьма ощутимыми [1043; 1470, с.113; 1731.9.2, с.59]³¹.

В середине XIX в. Вьетнам постепенно включался в мировой рынок. В 1839 г. для установления и развития торговых отношений его представители были направлены в Индию, Индонезию и другие страны Юго-Восточной Азии. Спустя четыре года вьетнамское посольство во второй раз

посетило Батавию ¹, а в Сингапур была направлена специальная торговая миссия.

Если в XVII – XVIII вв. по указанию контролировавших внешнюю торговлю государей Чинь и Нгуен ответственные чиновники фрахтовали европейские суда, которые отправлялись за товарами в государства западной части Индийского океана, то в XIX в. ситуация изменилась. Так, очевидец событий того времени Николя Рондо писал, что «Вьетнамские корабли ничем не уступают китайским и сиамским по своим размерам, по надёжности и хорошо плывут по морю. Однако вьетнамский император³² пользуется для своей торговли кораблями, построенными по европейскому образцу и вооружёнными как военные корабли. Имея водоизмещение от 300 до 600 т, они перевозят императорские товары в Сингапур, Батавию, Гуандун, Бангкок и даже в Калькутту. Ежегодно между 15 и 20 марта вьетнамцы прибывают в Батавию, откуда уезжают между 15 и 20 мая».

Известно, что с 1835 по 1839 г. из Дайнама в Сингапур ежегодно прибывали 5 больших кораблей с товарами общим водоизмещением в 1,3 тысячи т, а из Сингапура в Дайнам – 4 корабля общим водоизмещением в 1,2 тысячи т. В тот же период времени из порта Луктинь в Южном Вьетнаме в Сингапур каждый год прибывали 42 мелких судна общим водоизмещением в 2,98 тысяч т., а из Сингапура – 33 судна общим водоизмещением 2,28 тысяч т [1470, с.112]¹¹.

Таким образом, в силу объективных причин Вьетнам постепенно включался в восточноазиатский и мировой рынок торговли. В стране уже имел хождение мексиканский доллар, или реал, который использовался в качестве международной валюты в государствах Тихоокеанского региона. Кроме традиционных золотых и серебряных монет была введена в оборот своя медная монета¹² и была унифицирована система мер и весов. В результате Вьетнам превратился в

¹ То есть, Джакарта, столица Индонезии.

¹¹ 1 вьетнамская тонна = 2,83 м³ международной единицы тоннажа.

¹² Донг.

региональный перекрёсток международной торговли. Так, например, китайские, японские и лаосские купцы привозили золото, купцы из Юго-Восточной Азии привозили чёрный перец и различные пряности, привозились и другие товары, которые покупались также иностранными торговцами, вывозившими их в свои страны.

Что же касается вьетнамского импорта, то он был прежде всего ориентирован на обслуживание владевшего монополией на внешнюю торговлю императора и его сановников, которые покупали в основном оружие, предметы роскоши и украшения. Всё тот же Николя Рондо писал, что «Император считает себя хозяином кораблей и торговцев. Он лично распоряжается закупкой продукции в стране по дешёвой цене» [1470, с.112].

Донги 1802 – 1820 гг., 1820 – 1840 гг. и 1848 – 1883 гг.
Музей истории. Ханой, 18.04.2011 г.

Следует отметить, что персонифицированная в лице императора государственная монополия на внешнюю торговлю приносила в казну значительные доходы. Так, согласно «Статье №133» «Кодекса 1812 г.»¹, капитаны всех торговых кораблей были обязаны сообщать портовым властям подробную номенклатуру доставленных товаров для уплаты пошлины. При этом не декларированные или не полностью декларированные товары конфисковались. В сороковых же годах во Вьетнаме уже действовали 220 таможен³³. [1470, с.137; 1731.10, с.61]. Интересно, что уже упоминавшийся англичанин Кроуфорд отмечал, что нигде в Восточной Азии

¹ Кодекс [законов эры] «Прекрасного [и] возвышенного».

нет такой свободы для европейских купцов, как в Кохинхине, где начиная с 1818 г. по указу императора все иностранные купцы пользуются одинаковыми правами. В 1839 г. стоимость вьетнамского экспорта составила 1 миллион 888 тысяч 423 франка. В 1841 г. эта сумма возросла до 2 миллионов 906 тысяч 317 франков. Наконец, согласно подсчётам миссионеров, к середине XIX в. доход вьетнамского двора от таможенных сборов составил 3 миллиона золотых франков при общей сумме государственного бюджета в 40 миллионов франков [1470, с.54, 55, 59 – 61].

Однако после данангского инцидента весны 1847 г. началось постепенное свёртывание внешней торговли. Так, в 1848 г. все порты, за исключением Дананга, были закрыты для иностранных судов, а вывоз риса, соли и драгоценных металлов, на что и ранее требовалось специальное разрешение, был практически прекращён. Утрата же шести провинций Южного Вьетнама в 1852 – 1870 гг. привела к дальнейшему сокращению внешней торговли, результатом чего стало резкое падение доходов государственного бюджета. Такая, во многом вынужденная в условиях войны, политика способствовала усилению позиций китайских торговцев во внешней торговле Вьетнама. Им было даже разрешено собирать таможенные пошлины и ведать транспортировкой товаров, а в последние годы правления под девизом «Наследованная добродетель»¹ цинский двор основал во Дайнаме специальное торговое отделение [1306.1, с.379; 1731.10, с.58, 62].

Наконец, следует отметить, что многие из посетивших Францию в период затишья между завоеванием южной и северной частей страны вьетнамцев неоднократно предлагали императору свои проекты модернизации государственной экономики, в том числе и торговли, наиболее известным из которых был проект Нгуен Чьонг То. Однако ни один из них так и не был реализован до окончательного захвата Вьетнама Францией в 1885 г.¹¹.

¹ 1848 – 1883 гг.

¹¹ См. «Параграф 2.3» «Главы 4» «Части I» настоящего тома.

Дальнейшее развитие торговых отношений во Вьетнаме уже определялось нуждами метрополии, которые, как это показано в следующем томе, далеко не всегда совпадали с интересами национальной экономики.

4.3.3. Города как главные центры ремесленного производства и торговли во Вьетнаме XIX в.

Поскольку данный параграф в определённой степени обобщает всё, что было сказано о ремесле и торговле, то, к сожалению, избежать повторов не удалось. Однако при этом уже приводившиеся выше факты и данные оцениваются с иной точки зрения. Представляется, что такой подход к характеристике протекавших во Вьетнаме XIX в. социально-экономических процессов позволяет дать им более полную и всестороннюю оценку.

Как известно, в сложившемся в XVIII в. во Вьетнаме частном землевладении преобладали мелкие крестьянские и помещичьи хозяйства. Здесь не было подчинившего себе город крупного феодала, с которым его ремесленно-торговое слои вели бы ожесточённую борьбу за самостоятельность. Таким образом, слабый вьетнамский помещик не мог повлиять на развитие города. В результате, к началу XIX в. во Вьетнаме сложились условия для развития новой массовой формы городской жизни, распространение которых обусловил сам уровень социально-экономического развития общества.

Рост городов происходил в основном по двум путям: во-первых, путём роста концентрации ремесла и торговли в столицах и, во-вторых, увеличением количества ремесленных и торговых поселений вокруг административных центров. Так, в Северном Вьетнаме прежняя столица Дайвьета город Тханлаунг (Ханой), являвшийся в XVIII в. главным центром ремесленного производства, сохранил свои лидирующие позиции и в XIX в. При этом после увеличения в десять раз количества ремесленных слобод в стране в нём и его окрестностях сосредоточилось более 50% от их общего числа [1519.2, с.22, 23]. Аналогичный процесс отмечается и в столице императоров династии Нгуен в Центральном

Вьетнаме городе Хюе, который, правда, не был таким крупным экономическим центром, как Ханой¹. Протескавшая через город река связывала его с сельской местностью, что обеспечивало удобную транспортировку товаров. Вдоль широкой улицы вне стен городской цитадели располагались верфи, ремесленные слободы, продовольственные склады, рынок и связанные с ним торговые кварталы [194; 374; 627, с.65].

Особо следует сказать о выросшем из возникшего на реке Донгнай одноимённого торгового центра городского конгломерата Сайгон – Тёлон на юге страны. Уже в XVII в. сюда приплывали вьетнамские, китайские джонки, малайские, голландские и португальские торговые суда и даже испанские военные корабли. В 1777 г. Тэйшоны поселили в этом месте солдат своей армии, которые перестроили порт и углубили каналы, связывавшие город с дельтой Меконга.

Официально Сайгон был основан в 1778 г., хотя к этому времени он уже являлся главным городом Южного Вьетнама. В 1790 г. была построена городская цитадель с храмом предков государей Нгуен, складами, пакгаузами и оружейным заводом, которая была разрушена после подавлении восстания Ле Ван Кхоя в 1836 г.¹¹.

В 1815 г. Сайгон всё ещё состоял из одной улицы и большого торгового квартала Тёлон [1640.1, с13]³⁴. Тем не менее, согласно мнению посетивших в то время Сайгон капитана первого ранга ВМФ США Уайта и француза Ж.Бушо, он являлся крупнейшим городским центром Кохинхины с верфями, ремесленными мастерскими и торговыми рядами, в котором проживали 24 тысячи человек. При этом одна из хроник династии Нгуен содержит сообщение о том, что в Сайгоне было 8 крупных торговых рынков [163; 563, с.31, 37; 684, с.87].

¹ Описание города Хюе смотри в «Параграфе 3» «Главы 2» «Части III» и «Примечании 27» «Комментария» к этой главе, а также иллюстрации 25, 34, 35, 89 и 91 настоящего тома.

¹¹ Смотри конец «Параграфа 3.1» «Главы 3» «Части I» настоящего тома.

Вторая тенденция развития городов путём обрастания административных центров ремесленными и торговыми поселениями – слободами связана прежде всего с теми из них, которые были центрами внешней или конечными пунктами закупочной торговли. В первую очередь это касается Южного Вьетнама, но и в центре, и на севере прослеживается та же тенденция. Помимо Ханоя, Хюе и Сайгона, также бывших городами-портами если не внешней, то внутренней торговли, в числе таких городов можно назвать Хайфон, Дананг, Файфо, Хоангша и многие другие, часть которых уже упоминалась в данной главе.

Наконец, ещё одной основой формирования городов были созданные государями Нгуен в провинции Куангнам ещё в XVII – XVIII вв. и являвшиеся административными центрами провинциального подчинения «владения»^I. Иногда два – три таких «владения» объединялись в более крупную административную единицу.

Как уже отмечалось, лишь незначительная часть этих «владений» представляла собой сельскохозяйственные поселения. Большая же их часть состояла из специализированных ремесленных поселений – слобод, которые находились на компактной территории и имели одно название.

Каждое «владение» занималось каким-либо одним видом ремесленного производства, а входившие в него слободы специализировались на его отраслях. Поэтому чем сложнее было производство, чем большей специализации оно требовало, тем больше во владении было слобод^{II}. К началу XIX в. в Южном Вьетнаме уже было как минимум тридцать «владений» городского типа с населением от нескольких сот до пяти тысяч человек^{III}. Те жители слобод, которые не были ремесленниками, обеспечивали население продовольствием,

^I См. выше «Параграф 4.2».

^{II} В одном «владении» могло быть от двух до восьмидесяти слобод, специализировавшихся на различных аспектах одного типа ремесленного производства.

^{III} Согласно некоторым данным, их могло быть до пятидесяти.

занимаясь сельским хозяйством,. Они также выращивали необходимые для ремесленного производства технические культуры и добывали для него различное сырьё и металлы. Таким образом есть все основания полагать, что «владения» городского типа на самом деле представляли собой города полуаграрного характера.

Об этом же свидетельствует и сходное с крестьянским налогообложение их жителей-ремесленников. Как уже отмечалось, они платили основные налоги с производства ремесленной продукцией или деньгами, а более десяти видов платежей подушного налога – главным образом деньгами, при этом жители ряда «владений» платили земельный и подушный налоги натурой, как правило – рисом [521, с.331 – 333].

Статус возникавших стихийно городских поселений на базе «владений» подтверждался императорским указом, которым им также жаловался свой официальный культ. Строгой государственной регламентации городской жизни не существовало, поэтому их население само занималось её организацией на основе самоуправления, которое во многом копировало общинные юридические нормы.

В условиях отсутствия аналогичной с Европой цеховой организации города с его противостоянием крупному феодалу социальная градация жителей вьетнамского города отражала социальный состав его населения, который в целом выглядел следующим образом.

Высшее сословие города было представлено государственными гражданскими и военными чиновниками, ростовщиками и крупными купцами, к которым примыкали военные.

Далее следовала наиболее многочисленная категория полноправных жителей, состоявшая из ремесленников-торговцев и занимавшихся сельскохозяйственным трудом жителей слобод.

Ещё ниже по своему социальному положению были наёмные рабочие, матросы, лодочники и другие представители различных видов наёмного труда.

Наконец, на самом дне общества находились бедняки, нищие, беглые и преступники, то есть те, кого достаточно условно можно назвать «люмпен-пролетариатом».

Таким образом, экономическое укрепление столичных и портовых центров, развитие ремесленного производства и торговли в городах в сочетании с социальным расслоением и имущественной дифференциацией их населения являются свидетельством того, что в первой половины XIX в. во вьетнамских городах уже имелись зачатки капиталистического производства. Однако дальнейшего развития до французского завоевания они так и не получили [521, с.333, 334].

ЧАСТЬ III

Вьетнамская культура эпохи позднего средневековья и нового времени

Глава 1

Вьетнамская литература XVII – начала XX в.

1. Традиционная литература, созданная на иероглифических письменностях «ханвьет»¹ и «ном»¹

В смутное время XVII – XVIII вв. на фоне некоторого ослабления традиционных устоев и незначительного развития городов происходило и усиление гуманистических тенденций. Оставаясь в рамках конфуцианства, как устная, так и письменная литература несколько демократизировалась и гуманизировалась. При этом главными создателями её произведений по-прежнему оставались конфуцианцы, и именно в их среде отмечается формирование нового типа конфуцианских книжников, известных под названием «талантливые люди» [1449; 1503].

Как известно, существовало два основных типа конфуцианцев: служилые и так называемые отшельники. Жизнь первых была связана с чиновничьей службой за вознаграждение, а вторых – с преподаванием, врачеванием и рядом других видов деятельности, благодаря которым они зарабатывали на жизнь. Но и те и другие свято чтили конфуцианские устои. Однако где-то в середине XVIII в. появляется новый конфуцианский тип «талантливых людей». Главным их отличием от служилых конфуцианцев и конфуцианцев-отшельников является возросшее самосознание, которое уже не укладывается в рамки главных конфуцианских добродетелей, основанных прежде всего на долге человека перед родителями, семьей, друзьями, а главное – перед обществом в лице государя. Поэтому для них талант и чувства, включая любовь, выше остальных качеств [1503, с.84].

¹ Об иероглифической письменности «ном» также смотри «Параграф 2.2» «Главы 2» «Части IV» «Томе I».

Учёный-конфуцианец на общинном празднике.
Тонкин, январь 1916 г. Musée Albert Kahn № A007621.

Осознавая свой талант и будучи внутренне более свободными, они часто не удовлетворены окружающей

действительностью и тем местом, которое они занимают в обществе. Движение «талантливых людей» как явление придало в то время новый, мощный импульс развитию вьетнамской литературы, в частности, что следует особо подчеркнуть, развитию литературы на «номе». И это несмотря на всяческие запреты, связанные с тем, что литература на «номе» воспринималась как более демократичная уже хотя бы потому, что она противопоставлялась официальной литературе на классической иероглифике.

1.1. *Поэзия*

1.1.1. *Фольклор*

В устном народном творчестве XVII, XVIII и 1-ой половины XIX в. особого внимания заслуживают несколько явлений. В поэзии это, прежде всего, бурное развитие народной поэзии малых форм, тесно связанной с песенным творчеством, то есть того, что в наше время принято называть «ка зао»². История зарождения и развития народной поэзии малых форм неизвестна. Однако считается, что именно в рассматриваемый период её творения получили широкое распространение, в результате чего к XX в. сложился огромный фонд традиционных «ка зао», многие из которых очень популярны и с детства знакомы практически каждому вьетнамцу. В основном это произведения из одной или нескольких лукбатных строф¹, то есть от двух до нескольких стихотворных строк. «Ка зао» весьма разнообразны по содержанию: они могут быть лирическими или представлять собой пословицы, афоризмы, приметы и загадки... У них сложилась и своя система поэтики, в которую входят специфическая образность, эпитеты, метафоры, параллелизм, устойчивые формулы и многое другое, благодаря чему поэтика «ка зао» без труда воспроизводится и угадывается во вновь сочиняемых произведениях³.

¹ Также смотри «Примечание 3» в «Комментарии» к «Главе 2» «Части III» «Томе II».

Предположительно тогда же получает распространение особый эпический жанр устного народного творчества, представленный достаточно крупными стихотворными произведениями, исполнение которых проходит под музыкальный аккомпанемент. Считается, что название этого жанра «ве», имеющее, кстати, вьетнамское происхождение, объясняется стихотворным характером его произведений. Исследователи связывают его название со вторым слогом в двуслоге «ван ве»¹. Особенностью этого жанра является обязательная установка на достоверность, то есть содержание его произведений всегда является откликом на какие-либо подлинные события. В этом смысле они сближаются с народными преданиями, а с точки зрения стихотворной формы могут сочиняться трёхсложниками, четырёхсложниками, лукбатов и другими размерами². Для них также характерны определённые начальные и конечные формулы.

В наше время в этом жанре принято выделять социально-бытовые и исторические произведения.

Первые продолжали создаваться еще в середине XX в. Как правило, они передают определённую актуальную и злободневную информацию, за что в условиях отсутствия средств массовой информации их часто называют «устной газетой». Например, в деревне забеременела незамужняя девушка, или кто-то устроил слишком пышные похороны, или в годы войны с США местные жители сбили американский самолет...

Исторические же «ве» рассказывают либо о героях, например, из крестьян, возглавлявших народные восстания, либо о героях борьбы против французского колониального завоевания, либо о каких-то ещё значительных событиях. Примером «ве» о народных героях может служить популярное произведение «Бедняк Лиан», родиной которого является Центральный Вьетнам⁴. В известном произведении «О посылке войск» повествуется о том, что в 1886 г. император

¹ Ван ве (вьет. *vân vè*), что переводится как «рифма, рифмованный».

² См. «Примечание 3» в «Комментарии» к «Главе 2» «Части III» «Томе II».

династии Нгуен направил свою армию в провинцию Куангнам, которая объединилась с французскими войсками для подавления народного восстания. Одним из самых известных исторических сочинений этого жанра является «Ве о падении столицы» династии Нгуен г.Хюе, с падением которого во Вьетнаме до сих пор связывается утрата независимости. В его основе лежат подлинные события вьетнамской истории конца XIX – начала XX в. и упоминаются подлинные исторические личности. Охватывая большой исторический отрезок, эта «ве», не исключено, является и самым крупным произведением в своём жанре, к сочинению которого, без сомнения, имел отношение не один человек. По разным спискам в ней от 1850 до 4900 стихотворных строк [1290, с.203].

Если говорить о фольклорной прозе, то самым значимым явлением в рассматриваемый период является распространение так называемых «смешных историй», которые иногда называют «анекдотами» [315]. Это обычно небольшие, от нескольких строк до одной, максимум – трёх страниц, прозаические произведения юмористического или сатирического характера, высмеивающие порой безобидные недостатки, а бывает и серьёзные пороки и отдельных людей, и всего общества. Объектами высмеивания в них бывают глупые или хвастливые мужья, жадные богачи, малообразованные учителя и недоучки-школяры, буддийские монахи, лекари-невежды, прорицатели и так далее. Иногда целый ряд «смешных историй» связан с определённым персонажем, представляя его жизнь от рождения и до смерти. Примерами подобных циклов могут служить, скажем, анекдоты о *высокоучёном мяснике* и *высокоучёном Куине*. Первые из них предположительно появились веке в XVI, а вторые – в XVIII [1307, с.160]. И те и другие, вне всякого сомнения, родились в достаточно образованной среде, поскольку для их сочинения авторы должны были иметь определенный культурный уровень: знать классическую иероглифику, уметь сочинять стихи, параллельные фразы... и вообще, хотя бы отчасти быть осведомлёнными о жизни образованной среды и даже правящего двора. Поэтому не

случайно, что их герои, *высокоучёный мясник* и *высокоучёный Куинь*, мыслятся как персонажи, которые так или иначе принадлежат к этой среде. Ведь термин «первейший», в данном случае традиционно переводящийся на русский язык как «высокоучёный», входит в состав звания «Первейший [из] первых», которого, как известно, удостоивались высшие лауреаты традиционных конкурсных испытаний.

В анекдотах о *высокоучёном мяснике* говорится, что он родился в провинции Ханам в семье человека, происходившего из образованного рода, но которому волей судьбы пришлось стать разделывателем свиных туш. Естественно, он мечтал, чтобы его дети выбились в люди, а его второй сын с малолетства мечтал стать «Первейшим [из] первых» и даже по-детски в него играл. Как и положено, его отдали учиться. Но особым рвением сын мясника не отличался и потому, бросив учёбу, продолжил дело отца. Уйдя из дома после смерти родителя, он благодаря некоторым знаниям, смекалке, везению и помощи друзей приобрёл известность как умный человек и прорицатель. Получивший в народной среде прозвище «высокоучёный прорицатель», этот недоучка то помогал принцессе и императору, то боролся с вражеским войском и защищал честь страны, играя в шахматы с китайским послом, то сам ездил с посольством в Китай. В возрасте семидесяти двух лет он попросился с императорской службы на покой и умер [1533].

Если в подлинное существование *высокоучёного мясника* никто не верил, то среди людей бытовало мнение о том, что *высокоучёный Куинь* якобы жил на самом деле. По народному преданию его настоящее имя было Нгуен Куинь, а родиной его являлась провинция Тханьхоа. Однако ни родовые хроники, ни списки лауреатов конкурсных экзаменов этого не подтверждают. Поэтому, как и *высокоучёный мясник*, *Куинь*, скорее всего, является вымышленным персонажем.

Свой недюжинный ум будущий *высокоучёный Куинь* начал проявлять ещё в утробе матери. Несмотря на бедное происхождение, он получил некоторое образование, сдавал конкурсные экзамены и даже удостоился учёной степени

«Первейший [из] первых». Как и *высокоучёный мясник*, он встречал китайских послов, состязался с ними в талантах, ездил с посольством в Китай, неоднократно обводил вокруг пальца то деревенских жителей, то представителей правящего дома и даже позволял себе проявлять непочтительность по отношению к заступнице простых людей богине Лиешу Хань. Более того, даже свою смерть он превратил, быть может в жестокую, но всё же игру с государем Чинь. Будучи отравлен этим властителем, он и того потянул с помощью хитроумного плана за собой в могилу.

Высокоучёный Куинь

Наконец, следует отметить, что своеобразным продолжением цикла анекдотов о *высокоучёном Куине* стал ещё один цикл анекдотов о его правнучке Сиене, появившийся где-то в середине XIX в.

1.1.2. *Письменная поэзия*

XVII, XVIII и 1-ая половина XIX в. – это период бурного развития и широкого распространения во Вьетнаме поэм, как крупных поэтических форм повествовательного или лирического содержания. Они писались преимущественно на

«номе», хотя появлялись и поэмы на «ханвьете». Факт этот несколько не удивителен, если исходить из того, какое большое место во вьетнамской жизни занимало сочинительство стихов. В стихотворной форме создавались не только собственно поэтические произведения лирического и иного характера, но и надписи на предметах, архитектурных объектах, медицинские трактаты, словари, исторические поэмы, бывшие своего рода «летописями в стихах», и многое другое. Из медицинских сочинений до нас дошел труд XIV в. одного из первых выдающихся вьетнамских врачей-фармацевтов, буддийского монаха Туе Тиня, опубликованный лишь в XVIII в., под названием «Лекарства Юга». В нём в стихотворной форме описаны полезные свойства вьетнамских лекарственных растений и веществ⁵.

Не меньший интерес представляет и написанный в стихотворной форме хан-вьетский словарь «Руководство к правильному чтению и объяснение значений», автором которого является некто по имени Фап-тинь [591]. Исследователи до сих пор не пришли к согласию ни по поводу того, мужчина это или женщина, ни по вопросу датировки словаря: одни относят его к XV – XVI вв., другие – к XVII в. В этом словаре, как правило, двусложные классические словосочетания снабжены развёрнутым, с пояснениями переводом на вьетнамский язык в записи «ном»⁶.

Стихотворную форму имеют и такие нравоучительные, в конфуцианском духе произведения, как известная «Песнь семейных поучений» неизвестного автора, являющаяся аналогом русского «Домостроя», и «Двадцать четыре примера сыновней почтительности» Ли Ван Фыка¹. Оба эти сочинения написаны на вьетнамском языке.

«Песнь семейных поучений» написана лук батом с вкраплениями шонтхатлукбатных строф^{II} и содержит семьсот девяносто шесть строк. Всё произведение состоит как бы из шести «уроков», иначе говоря, текстов-поучений. В нём есть

¹ 1785 – 1849 гг.

^{II} Также смотри «Примечание 3» в «Комментарии» к «Главе 2» «Части III» «Томы II».

поучения, обращённые к жёнам и детям, поучения для девочек, для учеников, советы, написанные от имени жён мужьям... Начав свое произведение с заявления о том, что людей надо хорошенько учить, автор в традициях сочинительства на родном языке подчёркивает, что сочинил его в минуты досуга. Естественно, что для представителей мужского рода он делает главный упор на учёбу и карьеру, а для женского – на правильное поведение дочери, жены и невестки. «Наставления» следуют друг за другом без видимой последовательности, но от внимания автора не ускользает ничего: даже питание беременных и воспитание малолетних детей или отношения с соседями. Конфуцианский характер произведения подчеркивают приведённые в наставлениях ученикам канонические примеры из китайской истории о «прилежных учениках», один из которых учился по ночам, используя свет от светлячков, а другой учился по книгам, привязанным к рогам буйвола.

В таком же духе написаны и «Двадцать четыре примера сыновней почтительности». Они состоят из двадцати четырёх стихотворных рассказов о почерпнутых из китайской истории или книг примерах правильного исполнения детьми своих обязанностей по отношению к родителям, которые объединены общим вступлением и заключением. Каждый содержит от трёх до пяти шонгтхатлукбатных строф. Название этого произведения полностью отражает его содержание. Так, в одном рассказе речь идёт о том, как один ханьский правитель ухаживал за старой матерью, в другом – как герой доставал молоко косули для мечтавших о нём старых родителей, в третьем – как герою пришлось продать себя, чтобы раздобыть деньги на похороны отца, в четвёртом – как герой жертвует собственным сыном, чтобы нормально содержать мать, в пятом – как героиня кормит грудью старую мать мужа, которая уже не может есть твёрдую пищу,... Всё это примеры не просто почтительного, а даже жертвенного отношения детей к родителям, имеющие целью показать, что выше долга перед родителями на свете нет ничего.

Из воспоминаний Александра де Рода¹ также известно, что в XVII в. во Вьетнаме имела хождение даже стихотворная, написанная в виде поэмы версия всей библейской истории.

Во Вьетнаме традиционно принято говорить о существовании двух жанров поэмы: поэмы повествовательных и поэмы лирических. Первые в основном связаны с таким стихотворным размером, как лук бат, а вторые – с шонг тхат лук батом. История зарождения и развития повествовательных поэмы изучена пока мало по вполне объективным причинам, связанным прежде всего с проблемой авторства и датировки, определением исходного текста и вариантов [1218; 1285]. На сегодняшний день фонд повествовательных поэмы насчитывает более двухсот наименований. Считается, что они восполнили во вьетнамской литературе пробел, вызванный практическим отсутствием в ней крупных прозаических форм, таких как роман или повесть, развившихся, например, в китайской литературе. Однако именно эта её особенность роднит вьетнамскую литературу с литературами других стран Юго-Восточной Азии, где жанр поэмы получил широкое распространение.

Среди повествовательных поэмы принято выделять поэмы простонародные и книжные, а также авторские и анонимные. Это, достаточно условное деление, связано со спецификой происхождения и бытования поэмы. Так, есть поэмы, которые рождались в устном виде и только потом записывались. Есть и такие, которые появлялись на свет как письменные произведения и уже потом широко распространялись в устном виде. В обоих случаях каждое произведение обрало многочисленными письменными и устными вариантами, иногда значительно отличающимися и друг от друга, и от первоначального, авторского варианта, если, конечно, он сохранился. Понятно, что в случае отсутствия авторского варианта, вопрос об оригинале практически не разрешим, поскольку во времена создания поэмы не было представления об авторском праве и изменения

¹ Об отце Александре де Роде смотри «Параграф 2.3.1» настоящей главы.

вносились в тексты произведений сказителями и переписчиками либо сознательно, либо по забывчивости.

Большую проблему представляет собой датировка этих поэм, в первую очередь – анонимных. Поэтому в некоторых случаях отмечается разброс в несколько веков между предположительными датами создания поэм. Так, например, поэму «Песнь семейных поучений» то приписывают Нгуен Чаю и, следовательно, относят к XV в., то, сомневаясь в его авторстве, к XVIII или 1-ой половине XIX в. С авторскими поэмами легче, ведь если неизвестно точное время создания поэмы, то, по крайней мере, известны если не точные годы жизни автора, то век, в котором он жил и творил. Считается, что самыми ранними поэмами, автор которых известен, является на юге страны поэма «Шонг тинь» Нгуен Хыу Хао¹, на севере – поэма «Клятва на дивной бумаге» Нгуен Хюи Ты^{II}. По содержанию поэмы довольно разнообразны, при этом сюжеты для них черпались из разных источников, которые можно свести к трём основным:

1. Сюжеты, взятые из вьетнамского фольклора или вьетнамской истории, то есть, иными словами, лукбатные переложения каких-либо устных народных произведений. Например, в виде лукбатных поэм существуют известные сказки «Тхатъ Сань» и «Там и Кам», предание о Фам Тас и Нгаук Хоа, буддийская легенда о Ман-ныонг и другие.

2. Сюжеты, взятые из китайской литературы. Это и самая известная вьетнамская поэма «Ким Ван Киеу» Нгуен Зу, и «История о западном флигеле» Ли Ван Фыка, и «Клятва на дивной бумаге» Нгуен Хюи Ты, и анонимные поэмы «Фан и Чан» и «Сливовое дерево расцветает дважды»,...

3. Сюжеты, придуманные вьетнамскими авторами, хотя действие в них может происходить как в древнем Китае, так и во Вьетнаме. К ним относятся такие произведения, как анонимная поэма «Тяжба сома и жабы», поэма Нгуен Хыу Хао «Шонг Тинь», поэмы «Светлое зеркало и драгоценный

¹ ? – 1713 гг.

^{II} 1743 – 1790 гг.

гребень» Фам Тхяя¹ и «Лук Ван Тиен» Нгуен Динь Тиеу, в которых даже присутствуют автобиографические элементы.

Значительная часть повествовательных поэм имеет любовно-бытовое содержание. Такие поэмы, как правило, строятся по схеме: встреча – вынужденное расставание – череда испытаний – счастливое воссоединение. Поэмы не любовно-бытового содержания не могут быть сведены ни к каким схемам по причине своей разнородности. По объёму, сюжетной сложности, по количеству действующих лиц и их разработке, наконец, по их художественным достоинствам, все поэмы также различаются. Например, в поэме «Тяжба сома и жабы» – всего триста девяносто восемь стихотворных строк, а в исторической поэме «Книга Небесного Юга», считающейся самой большой из поэм, – более восьми тысяч строк. В поэме «Фам Тай и Нгаук Хоа» всего-то порядка пяти действующих лиц, а в «Ким Ван Киеу» Нгуен Зу – в несколько раз больше. Первая поэма – простонародная и, как считается, она не лишена недостатков, а вторая – безусловный шедевр вьетнамской классической литературы. В лубчатые тексты поэм иногда включаются, причём функционально оправданно, стихи, написанные танскими размерами, или же письма, указы и другие подобные тексты, сочинённые параллельной прозой, как правило, на «ханвьете».

Повествовательные поэмы как жанр подчас связывают сложные отношения с другими жанрами вьетнамской литературы, будь то фольклор или письменная литература, как, впрочем, и со всем комплексом вьетнамской духовной жизни. Отчасти это можно проиллюстрировать на примере известной истории о Ты Тхыке. В этой истории рассказывается о правителе одного уезда по имени Ты Тхык. Однажды на храмовом празднике он спас от наказания девушку, нечаянно сломавшую ветку цветущего пеона. Когда через некоторое время он неожиданно попал в мир небожителей, то среди них оказалась и она. В знак благодарности мать девушки позволила Ты Тхыку жениться на своей дочери-фее. Прожив

¹ 1777 – 1813 гг.

среди небожителей около года, Ты Тхык затосковал по родине и попросил отпустить его на время. Но когда он вернулся на землю, оказалось, что прошло много-много лет и сменилось уже несколько поколений⁷.

К концу XVII в. относят появление во Вьетнаме исторической поэмы «Книга Небесного юга» неизвестного автора, представляющей собой своеобразную летопись в стихотворной форме. Будучи самой большой поэмой из всех вьетнамских поэм, она излагает историю страны, начиная с первой историко-мифической династии Славной [и] Щедрой¹, а завершается кратким описанием истории прихода к власти династии Ле в XV в., при этом в поэме перечисляются все её императоры и превозносятся государи Чинь, правившие страной от имени династии Ле⁸.

Несколько забегая вперед, следует отметить, что в истории вьетнамской литературы есть ещё одна летописная поэма, аналогичная «Книге Небесного юга». Это «История Великого юга в стихах», относящаяся к середине XIX в. Автором этого произведения является чиновник Учреждения [по написанию] Государственной истории Ле Нго Кат. Правда, впоследствии она была, видимо, существенно отредактирована Фам Динь Тоае. Хотя годы жизни Ле Нго Ката не известны, однако считается, что поэму он сочинил не ранее 1858 г. и не позднее 1860 г. по личному повелению императора, правившего под девизом «Наследованная добродетель». Будучи в четыре раза короче «Книги Небесного юга», «История Великого юга в стихах» не только охватывает тот же период вьетнамской истории, но и включает в себя ещё три века правления династии Ле вплоть до вступления на престол Нгуен Аня в 1802 г. Отсюда и её краткость при описании тех или иных исторических сюжетов. Так, например, в «Книге Небесного юга» богатырю Зьонгу посвящено более 250 строк, а в «Истории Великого юга в стихах» – всего 18. В целом же с точки зрения содержания обе поэмы в основном совпадают.

¹ См. «Таблицу №1» в «Томе VI».

Из повествовательных поэм любовно-бытового содержания к XVII – XVIII вв. относится, например, простонародная поэма «Фам Тай и Нгаук Хоа». Некоторые особенности бытования этой, распространённой в устном виде на севере страны поэмы указывают на то, что она является народным преданием, передаваемым в стихотворной форме⁹. Так, в провинции Хайзыонг есть деревня, где существует поминальный храм в честь Нгаук Хоа. Еще в XX в. знавшие эту поэму старые жители деревни рассказывали, что храм Нгуак Хоа был построен в благодарность за то, что она перед смертью разделила между жителями свои земли, скот и другое имущество, о чём говорится и в поэме. В этой деревне ежегодно 6-го января по лунному календарю также проводится храмовый праздник в честь Нгаук Хоа [1534, с.5].

Поэма «Фам Тай и Нгаук Хоа» является во всех отношениях простонародной. Как отмечают вьетнамские литературоведы, она анонимна, близка к фольклору по содержанию, достаточно проста по языку и не очень совершенна с точки зрения лукбатного стиха. Стоит отметить, что в этой поэме в лукбатное повествование вставлены и нелукбатные куски. Это, во-первых, вставки, написанные шонг тхат лук батом. В семи случаях имеется по одной шонгтхатлукбатной строфе, а ещё в одном – несколько таких строф. Во вьетнамской литературе этот размер связывается в первую очередь с жанром лирической поэмы, о котором речь идёт ниже. Вообще же у него репутация размера, используемого для выражения внутреннего душевного состояния. Это почти всегда прямая речь, что очень хорошо прослеживается в поэме «Фам Тай и Нгаук Хоа». Самая большая шонгтхатлукбатная вставка в ней – это «плач» героини по отравленному мужу¹. Кроме того, в поэме имеются куски, написанные параллельной прозой. Как известно, параллельной прозой должны были писаться официальные документы. В поэме это написанное на «ханвьете» и

¹ Также смотри «Примечание 3» в «Комментарии» к «Главе 2» «Части III» «Томе II».

обращённое к владыке преисподней прошение Фам Тая, а также указ владыки Преисподней о возвращении супругов на землю. Правда, последний написан на иероглифике «ном». Всё это говорит о функциональной оправданности использования нелукбатных вставок в поэме.

Верхом же развития повествовательных поэм во вьетнамской литературе считается произведение крупнейшего поэта Нгуен Зу «Ким Ван Киеу», который родился в Тханглаунге в 1765 г. [509; 622]. По отцовской линии его семья принадлежала к высшей чиновничьей знати, в течение нескольких поколений служившей династии Ле, и славилась как своей образованностью, так и литературными талантами¹⁰.

Литературное творческое наследие Нгуен Зу включает и произведения, написанные на классической иероглифике, и на вьетнамской письменности. Причём, и в том, и в другом он преуспел. Это три сборника стихов на «ханвьете» и два поэтических произведения, написанных на вьетнамской иероглифической письменности «ном»¹. Поэма «Ким Ван Киеу» занимает в творчестве поэта, как, впрочем, и в истории всей вьетнамской традиционной литературы, особое место. Точное время её написания неизвестно. По наиболее популярной версии, она была сочинена до поездки Нгуен Зу в Китай между 1804 – 1809 гг., по другой же – не ранее 1814 и не позднее 1820 г. Её правильное название «Стенания истерзанной души», однако в народном и литературном обиходе она чаще всего называется по имени главной героини «Киеу» или по имени трёх главных героев «Ким Ван Киеу». В основу поэмы Нгуен Зу положен сюжет романа «Повествование о Цзине, Юань и Цяо», написанного в начале XVII в. китайским автором эпохи Цин под псевдонимом «Талант, постигший духовность Цин»¹¹.

¹ Повествовательная поэма «Ким Ван Киеу» и поэма, написанная в ритуально-поминальном жанре *ван те* (всё живое). На русском языке поэтическое творчество Нгуен Зу представлено переводами стихов и сокращённым изложением поэмы «Ким Ван Киеу» [496].

Поэма посвящена несчастной судьбе главной героини Киеу, красавицы, наделённой к тому же поэтическим и музыкальным талантами. По сюжету Киеу и её младшая сестра Ван в сопровождении брата во время прогулки оказываются у могилы когда-то известной певицы Дам Тиен, и брат рассказывает сестрам о её трагической судьбе. Этот рассказ производит на Киеу большое впечатление. У могилы их застаёт сосед, родовитый, богатый и образованный молодой человек по имени Ким Чаунг. Они влюбляются друг в друга. Чтобы быть ближе к любимой, Ким Чаунг находит способ поселиться рядом с её домом. Однажды в саду он находит заколку Киеу. Вскоре появляется и она сама. Так влюбленные встречаются во второй раз.

Через некоторое время родители Киеу уезжают на праздник, благодаря чему они вновь встречаются ночью в доме Ким Чаунга и клянутся в верности друг другу. Во время встречи Киеу по просьбе любимого играет и поёт для него. После этой ночи Ким Чаунг уезжает в дальние края на похороны своего родственника.

Когда отец и мать Киеу возвращаются с праздника, в их дом врываются стражники, которые по ложному доносу арестовывают её отца и брата. Желая спасти их и семью от разорения, Киеу решает выгодно продать себя, став для этого наложницей. Это происходит не без внутренней борьбы между любовью к Ким Чаунгу и долгом перед родителями, но последний в результате побеждает. Сваха устраивает её брак с неким Ма Зам Шинем, благодаря деньгам которого отец и брат Киеу получают свободу, а сама она уезжает с мужем в его родные края.

Перед отъездом Киеу наказывает сестре Ван выполнить за неё данное Ким Чаунгу обещание и стать его женой. На самом же деле Ма Зям Шинь оказывается поставщиком «живого товара» в публичный дом хозяйки Ту. Попав в руки хозяйки Ту, Киеу пытается покончить жизнь самоубийством, но неудачно. Для неё начинается мучительная жизнь, полная унижений и позора. Она семь раз выходит замуж и дважды оказывается в публичном доме.

Издание поэмы «Ким Ван Киеу» первой половины XIX в.
Институт истории ВАОН, Ханой, 21.04.2011 г.

В публичном доме Киеу снова встречается с местным правителем пограничного края Ты Хаем, с которым уже однажды виделась. Тот выкупает девушку и увозит её с собой в горы. Но счастье длится недолго. Посланник императора, не

сумевший одержать над Ты Хаем победу в бою, склоняет Киеу к тому, чтобы она уговорила Ты Хая подчиниться на выгодных для него условиях. Поддавшись на её уговоры, Ты Хай соглашается и оказывается в ловушке. В результате сам он погибает, а Киеу отдают в жены мелкому местному чиновнику. Не выдержав очередного позора, Киеу вновь пытается покончить жизнь самоубийством, но её спасает буддийская монахиня, в пагоде у которой Киеу и остаётся.

Вернувшийся Ким Чаунг, видя бедствующую семью Киеу, помогает ей и, выполняя волю любимой, женится на её младшей сестре. Однако воспоминания заставляют его искать Киеу в течение долгих лет. В конце концов, они встречаются. Ким снова предлагает Киеу стать его женой. Киеу поначалу отказывается, но после настойчивых уговоров соглашается при том условии, что их отношения будут лишь платоническими.

Таким образом, «Киеу» представляет собой типичную повествовательную поэму любовно-бытового содержания, построенную по схеме: «встреча – вынужденное расставание – череда несчастий – счастливое воссоединение». Одновременно с этим она содержит множество аллегорий, о смысле которых до сих пор спорят исследователи [1288; 1449; 1495].

Во-первых, обсуждается вопрос о соотношении конфуцианского и буддийского начал в поэме. С одной стороны, в её основу поэт положил конфуцианскую по сути идею об обоюдной вражде «таланта» и «судьбы». Именно эта мысль, которая формулируется уже в первых вводных строфах поэмы¹² подчёркивается и в её заключительных строках, когда поэт говорит, что «Слово “талант” (才, Таі, Тай, Цай) связано со словом “беда” (災, Таі, Тай, Цзай) одной рифмой», в чём, похоже, и заключаются все беды героини. Но с другой стороны, поэт видит объяснение этих бед в плохой карме героини, а это уже не имеющее ничего общего с конфуцианством буддийское понятие.

Во-вторых, поэма также занимает исследователей с точки зрения того, насколько судьба Киеу отражает размышления Нгуен Зу о своей собственной судьбе. Ведь, будучи образованным человеком и истинным конфуцианцем

категории «талантливых людей», он сам прожил очень непростую жизнь.

Однако и исследователи, и простые читатели сходятся в том, что как с точки зрения языковой, так и стихотворной формы поэма Нгуен Зу однозначно является совершенным художественным произведением, остающимся до сих пор непревзойденной вершиной вьетнамской классической литературы в стихах. Кроме того, следует отметить, что она вообще занимает особое место в духовной жизни вьетнамцев. Став чрезвычайно популярной сразу же после написания, поэма быстро распространилась в народе и обросла несколькими вариантами. Имена Киеу и её возлюбленного вошли в фольклор, а имена ряда других главных героев стали нарицательными. Поэма вдохновила многих известных и мало известных вьетнамских поэтов, которые создали на «номе» и на «ханвьете» большое количество произведений, написанных в жанре стиха, оды, параллельных фраз, песни и других стихотворных жанрах [1475]. Более того, поэма Нгуен Зу приобрела мистическое значение и стала популярной гадательной книгой.

● 二二 二月十五春供期，佛堂東僧會
法事。庭前重道合心笑，觀地無意却
有書。

Ким Ван Киеу. Художница Ле Тхыок. Хюе, первая половина XX в.
Институт истории ВАОН, Ханой. 21.04.2011 г.

В XVIII в. параллельно с повествовательными во Вьетнаме появляются и лирические поэмы, также написанные на «номе», так называемые «нгамы» или «нгам кхуки». При этом в самих названиях лирических поэм слова, определяющие их жанровую принадлежность, встречаются редко. Отнесение того или иного произведения к лирическим поэмам основывается на его лирическом, «монологическом» содержании и шонгтхатлукбатной стихотворной форме. Считается, что, поскольку в это время ситуация в стране была чрезвычайно сложной, самочувствие человека в жизни как бы толкало его на лирические откровения. Поэтому «нгам» по своей природе является отражением духовного состояния лирического героя. Это монолог о его переживаниях независимо от того, совпадают автор и лирический герой или нет. В одном случае это переживания жены, муж которой ушел на войну, в другом – переживания жены, разлучённой с мужем его смертью, в третьем – переживания героя, подвергающегося незаслуженным гонениям, а в четвертом – переживания когда-то любимой, но покинутой женщины...

По сравнению с повествовательными поэмами лирических поэм мало. Рождение этого жанра, по всей видимости, связано с поэмой «Плач жены воина», написанной на «ханвьете» Данг Чан Коном, о жизни которого почти ничего не известно. Предположительно он родился в начале XVIII в. и умер где-то около 1745 г. достаточно молодым, отличался большой учёностью, хотя чиновничьей карьеры так и не сделал, а также обладал признанным современниками ещё при его жизни редким поэтическим талантом. Из произведений Данг Чан Кона мало что осталось. «Плач жены воина» на ханвьете – самое известное из них. Считается, что оно было создано между 1741 и 1742 гг. Поэма была навеяна автору многочисленными и очень популярными в цинском Китае произведениями на аналогичную тему, а именно – жалобой женщины, муж которой ушел на войну. Боле того, она как бы «соткана» из прямых цитат и переложений отдельных строк различных китайских произведений – от знаменитых песен, собранных специальной «музыкальной

палатой» во II в. до н.э. – VI в. н.э., до эпохи китайского средневековья, например великой поэзии Ли Бо¹. Такой приём, основанный на большой эрудиции и широкой начитанности автора, заключался в сложении нового произведения из готовых фраз – цитат или полуцитат, взятых из известных произведений. Он был заимствован вьетнамцами из Китая и получил широкую известность под названием «собрание древностей» [1495, с.325, 326].

Поэма Данг Чан Кона написана древними китайскими песенными размерами, при этом в ней перемешаны имена живших в разные времена героев и названия связанных с разными историческими событиями местностей, при этом, что интересно, китайских, а не вьетнамских. Это привело к тому, что исследователи до сих пор спорят, где же родина «воина», куда он ушёл воевать и где ждет его «жена». Иными словами, это произведение, написанное как отклик на вьетнамские события, прямого отношения к стране не имеет. Можно сказать, что это своего рода талантливое подражание, но такие подражания в то время были нормой. Содержание поэмы составляют переживания молодой жены, которая в условиях лихолетья вынуждена расстаться со своим мужем, ушедшим на войну. Тут и проводы, и страх за него, и тоска от одиночества, и тяготы, связанные с заботой о старой матери мужа и детях, и сожаления об уходящей молодости и красоте, и мечты о встрече, когда муж с победой вернется домой [368]¹¹. Художественные же достоинства «Плача жены воина» были, как уже отмечалось, высоко оценены ещё при жизни автора.

Однако написанная на «ханвьете» и актуальная по содержанию поэма могла получить распространение только в учёной среде. Поэтому вскоре на её основе возник целый ряд переложений с тем же названием на «номе», принадлежащих разным авторам. Один чрезвычайно популярный вариант этого произведения приписывается известной вьетнамской поэтессе

¹ 701 – 762 гг.

¹¹ На русский язык поэма переведена П.Антокольским.

Доан-тхи Дием^I, которая, подобно главной героине поэмы три года ждала своего супруга, уехавшего, правда, не на войну, а с посольством в Китай. Также существует ещё одно достаточно обоснованное мнение о том, что настоящим автором этого популярного варианта поэмы является крупный чиновник, военачальник и поэт Фан Хюи Ить^{II} [1277].

Другой известной поэмой лирического жанра является произведение «Жалобы императорской наложницы» Нгуен Зя Тхиеу^{III}, который родился в принадлежавшей к высшей знати и состоявшей в родстве с правящим домом Чинь семье. Природа одарила его умом и разносторонними талантами в поэзии, музыке, живописи, архитектуре и во многом другом. Поначалу карьера Нгуен Зя Тхиеу при дворе складывалась очень удачно, но государственная служба его тяготила, и он часто предавался различным увеселениям, сочинению стихов и беседам на философские темы. Когда же в 1789 г. к власти пришла династия Тэйшон, то Нгуен Зя Тхиеу был приглашён к ней на службу. Однако он отказался от этого приглашения, прожив остаток жизни в пьянстве и полувмеченном состоянии.

Поэма начинается с того, что холодной осенней ночью героиня, бывшая одной из многочисленных императорских наложниц, начинает вспоминать свою жизнь. Когда-то, до замужества, она, молодая и очень привлекательная, пользовалась большим вниманием самых достойных мужчин. Однако сама она оставалась к ним равнодушной, так как считала, что жизнь — это всего лишь сон, и в любом случае кончается она «поросшим травой могильным холмом». Поэтому её мечтой было найти счастье в отшельническом или монашеском уединении. Тем не менее, поскольку у жизни свои законы, она попала во дворец императора. Поначалу он был ей увлечен, и это делало её жизнь счастливой. Но со временем любовь императора остыла. Ей осталось лишь ждать его посещений, страдая от одиночества и мечтая о простом семейном счастье. Завершается поэма сценой, когда опять-

^I 1705 – 1478 гг.

^{II} 1750 – 1822 гг.

^{III} 1741 – 1798 гг.

таки холодной ненастной ночью героиня сидит одна при лампе и думает о том, как быстро летит время и переживает, что молодость и красота уходят. А вдруг император её позовёт?

Исследователи отмечают, что, описывая незавидную судьбу наложницы, автор поэмы привнёс в размышления героини и много мыслей о своей собственной жизни.

Крупнейшими не связанными с сочинением поэм вьетнамскими авторами того времени являются Хо Суан Хыонг, Нгуен Конг Чы и Као Ба Куат. В истории вьетнамской литературы творчество поэтессы Хо Суан Хыонг занимает особое место [616]. Любопытно, что при всей её известности в её жизни слишком много белых пятен. Так, например, неизвестно ни когда она родилась, ни когда умерла. Одно время исследователи полагали, что жила она во второй половине XVIII в., но сейчас они склоняются к мнению, что её жизнь пришлась на первую половину XIX в., о чём, кстати, также практически не осталось никаких документов. Сведения о жизни Хо Суан Хыонг черпаются из устных преданий и стихотворных произведений поэтессы. По устному преданию её отец, бедный учитель из провинции Нгеан, перебрался в поисках заработка поближе к столице, где от его брака с младшей женой и родилась будущая поэтесса. Затем семья жила некоторое время в Тханглаунге, где уже в зрелом возрасте у Хо Суан Хыонг был свой дом – своего рода салон, в котором она принимала друзей-поэтов. Хо Суан Хыонг была умна, но не очень счастлива в личной жизни – она дважды выходила замуж, но оба раза была лишь младшей женой, что считалось очень непрестижным.

Хо Суан Хыонг сочиняла стихи как на номе, так и на ханвьете, но особенно она известна своими стихами на первом, написанными традиционными китайскими стихотворными размерами. В настоящее время её авторство не вызывает сомнений приблизительно в пятидесяти случаях.

Поэтическое творчество Хо Суан Хыонг имеет ряд особенностей, которые делают её поэзию узнаваемой и неповторимой. Это прежде всего так называемая двуплановость, или амбивалентность, которая заключается в

том, что во многих её стихотворениях за передним описательным планом часто просматривается второй план с откровенно эротическими образами, которые как бы маскируются под поверхностным слоем содержания^I. Она очень откровенно пишет о тяжелой доле вьетнамских женщин, фактически лишённых каких-либо прав в традиционном обществе, и при этом даже осмеливается претендовать на женское превосходство над мужчинами, особенно высмеивая буддийских монахов и евнухов. В этом смысле её смело можно считать первой вьетнамской феминисткой^{II}. Эта с точки зрения традиционной морали дерзость, непристойность и нецеломудренность её поэзии сопровождаются на уровне содержания и поэтической речи некоторой простонародностью и даже грубоватостью^{III}.

Несмотря на популярность стихотворений Хо Суан Хыонг в среде ценителей поэзии, её творчество довольно долго существовало вне рамок официальной литературной традиции, а отношение к нему оставалось неоднозначным. Сбирать и изучать творческое наследие Хо Суан Хыонг стали лишь с начала XX в. Так, в 1913 г. вышел первый сборник её стихов [1390, с. 367]. В дальнейшем одни, как например, крупнейшие вьетнамские поэты XX в. Тан Да и Суан Зиеу, ценили её как великую поэтессу и человека, опередившего своё время, другие же, как, например, Нгуен Ван Хань, не без влияния идей фрейдизма высказывали сомнения по поводу её психического здоровья [1390, с. 368]. Однако в наше время Хо Суан Хыонг прочно заняла своё уникальное место во вьетнамской литературе.

^I Смотри такие стихотворения, как «Перевал Ба-зой», «Местечко Кэм-чонг», «Веер», «Пещера Как-ко» и другие [616].

^{II} Смотри, например, «Один на двоих», «Женская доля», «Женщине, оплакивающей знатного мужа», «Была робка, уступчива – и что же?», «Стихи в дар храму бесславного Чжан И-дуна», «Придворные евнухи», «Буддийский монах», «Храм у Посольских палат» и «Двум ученым болванам, оставившим надписи-стихи на стене храма Будды» [616].

^{III} Корни этих особенностей поэзии Хо Суан Хыонг Н.И.Никулин, опирающийся на труды М.М.Бахтина, предлагает искать в народной смеховой культуре [616, с.10].

Другой известный поэт того времени Нгуен Конг Чы¹ родился на севере страны в чиновничьей семье. Он учился и принимал участие в конкурсных экзаменах, однако впервые успешно сумел их сдать только в 1819 г., когда ему было уже сорок два года. После этого началась его закончившаяся после ухода на пенсию в 1848 г. чиновничья карьера. В высшей степени образцовый служака, он был в тоже время и талантливым поэтом. Считается, что за свою жизнь он сочинил огромное количество стихотворений, из которых до наших дней дошло лишь около ста пятидесяти произведений, в основном на «номе». В творчестве Нгуен Конг Чы можно выделить две главные темы: тему «конфуцианского служения» и тему «житейских наслаждений».

Первая тема, характерная для чиновничьего периода его жизни, связана с твердо усвоенными конфуцианскими взглядами на жизнь, конфуцианскими морально-этическими нормами, основой которых является выполнение «жизненного долга». Соответственно в своей поэзии он и воспевает такие традиционные конфуцианские доблести, как, например, долг, преданность и тому подобное.

Тема «житейских наслаждений» особое развитие получила в стихах Нгуен Конг Чы, написанных им после ухода со службы. В них он воспевает традиционные развлечения, которым обычно предавался образованный человек вне службы. Само собой, в этом он не был оригинален, поскольку подобные стихи можно во множестве найти не только в традиционной вьетнамской, но и в китайской литературе, например у Ли Бо и Ду Фу¹³.

Третий из вышеупомянутых поэтов Као Ба Куат^{II} также был выходцем из чиновничьей семьи. Он с детства отличался большими способностями и с переменным успехом сдавал конкурсные экзамены, но на служебном поприще так особо и не преуспел. Более того, в 1841 г. за исправление конкурсных работ в работах сдававших экзамены конкурсных испытаний

^I 1778 – 1858 гг.

^{II} 1808 – 1855 гг.

претендентов Као Ба Куат был схвачен и приговорён к казни, но затем – помилован. После этого он в составе императорской делегации побывал в Индонезии и служил в нескольких других местах. В 1854 г. его направили на работу в провинцию Шонтэй, где, доведённые засухой до крайней нищеты и голода местные жители подняли восстание. Као Ба Куат примкнул к мятежникам и, когда восстание было подавлено, по одной из версий, погиб в бою, по другой – был схвачен и казнён. По приказу императора, правившего под девизом «Наследованная добродетель», его родственники также были казнены, а его литературные произведения должны были быть уничтожены. Однако, возможно потому, что ещё при жизни Као Ба Куат славился как талантливый поэт, из его творческого наследия сохранилось около тысячи произведений, написанных на «ханвьете» и на «номе».

При всём традиционализме творчества Као Ба Куата его произведения отличает особый реализм как стремление к правдивому отражению окружающей его жизни. С точки зрения содержания его стихи весьма разнообразны. В них говорится о природе, о великих людях, о назначении талантливого человека, который должен бы занимать достойное место в жизни, но часто оказывается не у дел, о страданиях бедных людей, и многое другое. В его стихах имеется и индонезийская тема, связанная с наблюдениями над жизнью страны, которая стала колонией и получила благодаря этому возможность пользоваться рядом благ западной цивилизации. Неудовлетворенность жизнью и своим местом в ней породили у Као Ба Куата и эпикурейские мотивы.

Во вьетнамской литературе поэзия Нгуен Конг Чы и Као Ба Куата тесно связана с такой разновидностью песенного искусства, как «ка чу», которая в свою очередь связана с существованием во Вьетнаме профессиональных певиц [1536]. Будущие профессиональные певицы отбирались с детства из симпатичных и подающих надежды девочек, обучались грамоте, пению, танцам, игре на музыкальных инструментах, стихосложению, манерам и прочим тонкостям. Певицы и мужчины-аккомпаниаторы селились, как правило, компактно,

профессиональными цехами, которые контролировались двором ещё со времен императора Великого Предка [династии] Ли специальные чиновники. Иногда пение и музыкальное сопровождение были семейными профессиями, которые передавались из поколения в поколение. С одной стороны, профессия певицы требовала большого мастерства, и хорошие певицы высоко ценились. Более того, одной из жён императора Совершенного рода [династии] Ле была певица. Многие из государей Чинь также женились на певицах. Но правда и то, что пение считалось не очень достойным занятием. Поэтому одно время детям певиц и музыкантов не разрешалось принимать участие в конкурсных экзаменах. С другой стороны, также существовали большие знатоки и ценители искусства певиц, благодаря чему в XVIII и XIX вв. увеселения с певицами приобрели очень рафинированные формы и породили высокую поэзию.

Исполнение «ка чу» в Ханое. 24.03.2011 г.

По одной версии, пение «ка чу» получило своё название по способу исполнения. В этом сочетании слово «ка» значит

«петь, песня», а слово «чу» обозначает узкую бамбуковую дощечку, играющую роль «билета» или «карточки». При удачном исполнении певицей того или иного места слушатели били в барабан. Один удар приравнивался к одному билету, который бросался в коробку. В конце вечера певицы и их музыканты подсчитывали билеты и по их количеству получали плату. Однако существует и предположение, что такое объяснение исходит из неправильного чтения иероглифа 籌, который следует читать не «чу» (trù), а «чо» (trò), что значит «музыкальный номер, развлечение, игра». Если это так, то «ка чу» – это не «пение за билеты», а «пение, сопровождающееся танцевальными номерами и другими развлечениями» [1536, с.42]. Обычно различают три вида этого пения: во дворце, в общинном доме и для развлечения. Первое постоянно практиковалось во дворцах императора и знати, второе происходило по праздникам в деревенских общинных домах, а третье – либо в специальных домах-театрах, куда приходили слушатели, либо в частных домах, куда приглашались певицы. Сюда же относятся и, например, приглашения певиц на лодочную прогулку.

Выступления певиц имели свой ритуал. В то время как певица пела под аккомпанемент струнного музыкального инструмента и бамбукового бруска, по которому палочками отбивался такт, присутствующие не только слушали, но, например, рассевшись по местам, должны были бить в барабан. Попадая в такт, они иногда также аккомпанировали исполнителям, поощряли их или же подавали сигнал к началу пения.

В песнях жанра «ка чу» широко используются танские размеры, лук бат и другие размеры, при этом их содержание может быть самым разным. Тут и произведения о долге мужчины перед жизнью, и тема жизненных разочарований, и нравоучения, и шутки, и, конечно же, взаимоотношения «талантливых мужчин» с «красивыми женщинами». Так, например, в одной из «ка чу» Нгуен Конг Чы говорится о долге талантливого человека быть почтительным сыном и преданным подданным, в другой, принадлежащей Као Ба

Куату, о скоротечности и потому бессмысленности жизни, в третьей поэт Зыонг Кхюе¹ жалеет о том, что пятнадцать лет назад его знакомая певица была для него слишком молода, а теперь он для неё слишком стар [1536, с.58,59,77,90].

Приблизительно к концу XVIII в. относится появление такой популярной разновидности «ка чу», как «хат ной», что буквально значит «петь и говорить», то есть «петь так, будто говоришь». Соответственно название «хат ной» отражает сочетание пения и мелодекламации при исполнении песен этой разновидности жанра «ка чу». Кроме того, такое пение давало возможность варьировать строго фиксированное количество слогов в строках традиционных размеров. Стиховая основа «хат ной» представляет собой достаточно устойчивую форму, которую часто использовали не только для создания песен, но и для сочинения стихов¹⁴.

1.2. *Письменная проза*

Начиная с XVIII в. во Вьетнаме отмечается бурный рост прозы на ханвьете. Проза этого времени достаточно велика по объёму и разнообразна по содержанию. Правда, по большей части она представлена прозой не художественной, а документальной, или близкими к ней очерками, записками и другими произведениями, основанными на подлинных событиях и героях, что отражается в общем названии подобного рода вьетнамской литературы – «Записки». Их жанровую принадлежность практически невозможно точно определить по-русски, поскольку даже не дифференцированы их вьетнамские названия¹⁵.

В первой половине XVIII в. наиболее известным произведением близкой к художественной прозы является сборник «Новые записи рассказов об удивительном», при этом нельзя не отметить, что его название перекликается с названием известного сборника средневековой прозы XVI в. «Пространные записи рассказов об удивительном» Нгуен Зы. В имеющиеся на сегодняшний день списки сборника входит

¹ 1839 – 1902 гг.

шесть рассказов. Достоверно известно, что три из них принадлежат одной из самых заметных представительниц «женской» средневековой литературы Доан-тхи Дием, упоминавшейся ранее в связи с лирической поэмой «Плач жены война». Это «Священный ден у моря», «Богиня из Ванката» и «Славная жена из Ан-апа». Все они посвящены женщинам-героиням, две из которых подлинные исторические личности, а третья – фольклорного происхождения. «Священный ден у моря» рассказывает историю одной из наложниц императора Мудрого рода [династии] Чан, которая, бросившись в реку, отдала себя злому водяному духу, чтобы спасти императора и его флот, а потом её дух помог императору Совершенному рода [династии] Ле одержать победу над Тямпой. «Славная жена из Ан-апа» – это история о верной жене, которая решила умереть вслед за мужем. А рассказ «Богиня из Ванката» посвящен известной вьетнамской богине Лиеу Хань, культ которой отправляется на севере Вьетнама повсеместно. По преданию, дочь Яшмового императора богиня Лиеу Хань трижды обретала на земле новое рождение, переживая различные приключения, творя чудеса и помогая людям. Авторство трёх других рассказов не установлено, правда, есть предположение, что рассказ «Чудесная встреча в Битькоу», положенный в основу известной повествовательной поэмы анонимного автора, написан также упоминавшимся выше автором поэмы «Плач жены война» Данг Чан Коном.

Одним из самых известных произведений вьетнамской традиционной литературы очеркового типа, написанных в заимствованном из Китая жанре свободных записок, являются «Записки, сделанные во время дождя» Фам Динь Хо¹, который был типичным представителем конфуцианского учёного сословия, талантливым и хорошо образованным человеком, оставившим после себя много трудов, свидетельствующих о его разносторонних интересах. Так, у него есть работы по истории, географии, праву, международным отношениям и

¹ 1768 – 1839 гг.

китайской «Книге перемен», знатоком которой он слыл. Он даже составил китайско-вьетнамский словарь... Из литературных произведений ему принадлежат два сборника записок и несколько поэтических сборников [338]. «Записки, сделанные во время дождя» состоят из девяноста девяти отдельных текстов, посвященных самым разным вопросам, и одного текста под названием «О себе». По времени затрагиваемых событий они охватывают период приблизительно с конца династии Ле и до династии Тэйшон, по размеру – колеблются от десятка-другого строк до нескольких страниц. По содержанию все эти тексты можно условно разбить на несколько групп, хотя в самом сборнике они тематически никак не упорядочены. Так, отдельную группу составляют тексты, посвященные традиционным нравам страны и тем изменениям, которые с ними происходят. Фам Динь Хо интересуется то, как во Вьетнаме пьют чай, разводят хризантемы, что и как носят из одежды, толкование сновидений,... В целом ряде текстов затрагиваются такие проблемы вьетнамского традиционного образования, как письменность, конкурсные экзамены, литература, музыка и медицина. Есть в сборнике тексты, рассказывающие о брачных и траурных обычаях и жертвоприношениях, есть и тексты, посвящённые таким известным личностям, как Фам Нгу Лао и Ле Лой. В поле зрения Фам Динь Хо попадают и исторические достопримечательности, и географические названия, а иногда и просто курьёзные события. Таким образом, его «Записки» являются ещё и бесценным историческим документом, освещающим самые разные стороны вьетнамской жизни.

По «Запискам» можно судить и о самом их авторе. Хотя своей персоне Фам Динь Хо посвящает всего один текст, присутствие его так или иначе чувствуется во всём. Оно проявляется то в виде кратких упоминаний о событиях его собственной жизни, то в критическом пафосе рассуждений по поводу описываемого. Именно последнее даёт основание считать Фам Динь Хо ортодоксальным конфуцианцем, душа которого протестовала против всего, что в окружающей жизни расходилось с его представлениями о «правильности» и

«морали». Отсюда и его нападки на буддизм и даосизм, его постоянные сетования на то, что «нравы становятся всё невыносимее», а «современная литература» уступает не только классической китайской литературе, но даже вьетнамской литературе эпохи Ли – Чан, которая, по его мнению, была «золотым веком» национальной словесности. Стоит отметить, что для Фам Динь Хо учение имперских основоположников конфуцианства от самого Конфуция и вплоть до Чжу Си являлось единственным руководством к действию. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в композиционном плане многие тексты «Записок, сделанных во время дождя» строятся на противопоставлении «китайцы и мы».

В том же жанре «Записок» написано и такое произведение, как «Записки о том, как тутовые посадки превращаются в синее море» [406]. Одним из авторов его является Фам Динь Хо, а другим – некто Нгуен Ан¹. В этот сборник записок входит всего девяносто небольших текстов, после каждого из которых обозначено имя автора. По содержанию оба сборника приблизительно совпадают, поскольку и в том и в другом есть тексты, посвящённые известным¹¹ и просто чем-то отличившимся людям, например образцово верной жене. Есть тексты, рассказывающие о нравах, обычаях и обрядах, есть тексты, описывающие достопримечательные места, а есть и тексты, повествующие о необычных, странных событиях. Временные рамки этого сборника несколько шире рамок «Записок, сделанных во время дождя», а общий настрой также конфуцианский.

Наконец, образцом «записок» о путешествиях в прозе того времени является такое произведение, как «Записки о путешествии в столицу» Ле Хыу Чака¹¹¹, который известен, прежде всего как выдающийся врач и фармацевт. Он оставил после себя огромный труд по медицине, имеющий не только научную, но и литературную ценность, поскольку истории

¹ 1770 – 1815 гг.

¹¹ Например, Тю Ван Ану, Нгуен Чаю, Данг Чан Кону, Доан-тхи Диём и другим.

¹¹¹ 1720 – 1790 гг.

болезней и другие содержащиеся в нём материалы написаны очень художественно. Последний 65-ый том этого труда и составляют «Записки о путешествии в столицу». В него также включены и стихотворные произведения. Поводом для написания этого произведения послужило приглашение от государя Чинь Шама приехать в столицу для лечения его малолетнего наследника Чинь Кана, полученное Ле Хыу Чаком в 1781 г. «Записки» начинаются с того момента, когда однажды утром к жившему вдали от столичной жизни врачу прибывают гонцы от государя. И хотя ехать ему не хочется, однако, сравнивая себя с тюремным заключённым, он не может и отказать больному в помощи. По приезде во дворец его неприятно поражают окружающие богатство и роскошь, а также праздность и внутренняя пустота придворного мира. Именно в праздности и излишней роскоши видит он одну из причин болезней правителя и его сына. Ему хочется поскорее вернуться домой, но, размышляя о том, как ему поступить, он всё-таки решает следовать долгу врача и потомственного верноподданного. «Записки» кончаются возвращением Ле Хыу Чака домой после почти годового его пребывания в столице.

Венчает вьетнамскую прозу XVIII в. наиболее значительное произведение из всего, написанного в прозе в то время, уникальный для вьетнамской традиционной литературы роман «Император Ле – объединитель страны» [170]¹⁶. Во Вьетнаме этот роман обычно определяют как исторический. Однако посвятивший ему специальную статью Б.Л.Рифгин справедливо считает, что правильнее определять это произведение как роман-хронику, так как исторические сочинения, как правило, посвящены отражению событий прошлого, в этом же произведении рассказывается о текущем для авторов настоящем. В этом качестве оно представляет собой уникальное явление не только для вьетнамской, но и для всей дальневосточной классической литературной традиции, в которой исторические романы встречаются, а романы-хроники нет [573].

Уникальность этого произведения заключается ещё и в том, что это роман, а роман как крупная прозаическая форма

до него отсутствовал во вьетнамской литературе. Он написан на «ханвьете» в традициях так называемого китайского «многоглавного» романа, берущего начало в устном народном сказе, что определило ряд его особенностей. Так, он делится на главы, которые соответствуют «сеансу» одного рассказа¹. Каждая глава начинается с двустийшия, представляющего суть её содержания. В романе прослеживается неоднократное повторение соединительной формулы «а ещё рассказывают». Каждая глава завершается двустийшием, подводящим некий итог её «сеансу». Наконец, для романа типичны такие конечные формулы, как «Неизвестно, что же будет дальше?», «Зачем пришли в столицу войска Тхака?», «С какой целью прибыл император Тэйшонов?» или «Давайте-ка посмотрим, что об этом говорится в следующем “сеансе”» и так далее.

Авторами романа являются представители чиновничьей семьи Нго, получившей название «Литературная группа семьи Нго», поэтому разные главы романа, а всего их семнадцать, написаны разными авторами, кем точно – неизвестно. Так, по одной из версий считается, что первые семь принадлежат Нго Тхи Ти^{II}, остальные же – родственникам или друзьям семьи. Например, следующие семь – Нго Тхи Зу^{III}, а три последние вообще дописаны кем-то другим¹⁷.

Роман посвящён бурным событиям второй половины XVIII в., когда страна была охвачена междоусобными распрями и массовыми восстаниями. В беллетризованной форме в нём даётся описание реальных событий того времени, современниками и в определенной мере участниками которых были и сами авторы романа. Роман начинается с того момента, когда государь Чинь Шам овладел в 1767 г. всей полнотой власти на севере страны и стал править Дайвьетом от имени законной династии Ле, а завершается он восшествием на престол династии Нгуен в 1802 г. В «Единых записях [об] императорах [династии] Ле» или романе «Император Ле – объединитель страны» описываются распри и интриги при

¹ То есть, полному циклу завершённого рассказа.

^{II} 1753 – 1788 гг.

^{III} 1772 – 1840 гг.

дворе государей Чинь, а также связанные с ними армейские волнения на севере. В нём также повествуется о том, как один из вождей восстания Тэйшонов на юге страны Нгуен Хюе, воспользовавшись этой ситуацией, привёл войска на север, изгнал государя Чиня и вернул реальную власть последнему императору династии Ле. Далее следуют сюжеты о том, как после возвращения Нгуен Хюе на юг Чини вернули себе власть, как Нгуен Хью Тинь по повелению своего старшего брата Нгуен Хюе вновь изгнал государей Чинь, а затем и сам стал злоупотреблять властью, как Нгуен Хюе, женившись на одной из дочерей императора Ле, велел его убить, как император обратился за помощью к династии Цин, наконец, как цинские войска были разбиты Тэйшонами и бежали в империю вместе с последним императором династии Ле. Последний блок сюжетов этого романа посвящён воцарению династии Нгуен Тэйшон, распрям при её дворе, её свержению Нгуен Анем, бывшим государем рода Нгуен, который затем объединил всю страну под властью последней вьетнамской династии Нгуен. Завершается же роман сюжетом о том, как ставший императором Нгуен Ань переносит в 1804 г. на родину прах умершего в Цин последнего императора династии Ле. Также упоминается и о том, что праправнук Нгуен Аня построил уже в 1860 г. поминальный храм в честь тех, кто отдал свою жизнь за династию Ле. Хотя в романе присутствуют и характерная для средневековой литературы условность, и даже фантастика в виде появления духов, вещих снов и других мистических явлений, события второй половины XVIII в. описаны в нём вполне достоверно и живо в соответствии с подлинными историческими событиями [15]¹.

В заключение характеристики этого, как отмечалось, уникального произведения вьетнамской литературы интересно отметить, что одним из главных персонажей написанного «Литературной группой семьи Нго» романа является лидер всенародного крестьянского восстания Тэйшонов Нгуен Хюе, предстающий в качестве его главного положительного героя.

¹ Смотри «Главу 1» и «Главу 2» «Части I» настоящего тома.

1.3. *Вьетнамское летописание XVI – XIX вв.*

В предыдущем томе уже отмечалось, что в конфуцианской историографической традиции летописные своды и погодные хроники, являясь в первую очередь историческими сочинениями, одновременно с этим считаются и литературными произведениями особого жанра. В то же время поскольку во второй половине эпохи Ле и в эпоху Нгуен во Вьетнаме было создано относительно мало произведений официальной придворной историографии, то их описанию посвящена не отдельная глава, а специальный параграф в составе этой, посвящённой литературе на иероглифической письменности главы¹.

1.3.1. *Летописание эпохи Ле в XVI – XVIII вв.*

Как известно, вьетнамское официальное придворное неоконфуцианское летописание окончательно оформилось к концу XV в., тогда как в XVI – XVIII вв. никаких серьёзных изменений в его структуре не происходило. Так, в 1665 г. придворный историограф Фам Конг Чы несколько расширил хронологические рамки летописного свода Нго Ши Лиена «Дополнительными записями», которые состояли из восьми книг^{II} и охватывали период вьетнамской истории с 1428 по 1662 г. Затем, в 1697 г. историографы Нгуен Куи Дык и Ле Хи в свою очередь расширили «Главные записи» ещё одними «Дополнительными записями», в которых описывался период вьетнамской истории с 1663 по 1675 г.^{III}. Наконец, такие историографы XVIII в., как Нгуен Нгием, Нго Тхи Ши, Нгуен Хоан или Кхан, Ле Кюи Дон, Ву Миен, Нго Тхи Нием и Као Ланг, создали свои «Дополнительные записи», в которых описывались события вьетнамской истории с 1672 по 1786 г. Однако летописным сводом династии Ле по-прежнему оставалась «Запись истории Великого Вьета, полное описание» Нго Ши Лиена, тогда как все эти «Дополнительные

¹ Автором данного параграфа является П.В.Познер.

^{II} «Книга 11» – «Книга 18» «Главных записей».

^{III} «Книга 19» «Главных записей».

записи» являлись самостоятельными, нередко с собственными названиями, сочинениями¹. Также не исключено, что они могли восприниматься и как своеобразные погодные хроники династии Ле. Во всяком случае, маловероятно, что до начала XIX в. они могли рассматриваться как составная часть «Записи истории Великого Вьета, полного описания».

Единственным нововведением принципиального характера стал перенос Фам Конг Чы в 1665 г. временной границы между «Внешними записями» и «Главными записями» в своде Нго Ши Лиена с 939 г. на 967 г. Этот перенос является вполне правомерным, так как окончательное восстановление вьетнамской государственности следует связывать не с победой Нго Кюена над Южной Хань, а с победой Ле Хоана над Сун¹¹. Правда, впервые эта дата была введена во вьетнамскую историографию не Фам Конг Чы, а за полтора века до него¹⁸.

1.3.2. *Летописание эпохи Нгуен в XIX в.*

В 1802 г. в результате подавления общенационального крестьянского восстания Тэйшонов на престол вьетнамской империи взошла новая династия Нгуен. Согласно канонам, одним из первых дел этой династии должно было стать создание летописного свода, интерпретирующего с её точки зрения все основные события предыдущих эпох истории страны. И, казалось бы, историографы династии Нгуен уже располагали таким сводом, который охватывал всю вьетнамскую историю в её неоконфуцианской трактовке вплоть до конца правления династии Ле¹⁹. Его лишь требовалось заново отредактировать в соответствии с нуждами новой династии. Речь идёт о летописном своде Нго Ши Лиена со всеми историческими сочинениями, или погодными хрониками, XVI – XVIII вв., которые, надо полагать, именно с этого времени стали восприниматься как «Дополнительные записи» к «Главным записям» «Записи истории Великого

¹ Смотри «Параграф 3.1.7» «Введения» «Тома I».

¹¹ Смотри «Главу 4» «Части II» «Тома I».

Вьета, полного описания». Судя по всему, такое положение вещей сохранялось на протяжении первого полувека правления династии Нгуен.

Однако затем, 22-го января 1856 г.²⁰, был издан императорский указ о написании новой «государственной истории». К работе над очередным летописным сводом было привлечено очень большое количество людей, включая высших государственных сановников, при этом были тщательно расписаны как все принципы, на которых должен был строиться новый свод, так и его структура. Руководителем работы стал один крупнейших придворных чиновников Фан Тхань Зян, о котором уже неоднократно говорилось ранее¹. Текст летописного свода предваряется рядом документов с детальным описанием его структуры. Само же создание новой редакции государственной истории заняло, как это следует из «Отчёта Престолу» почти тридцать лет [239.6, с.35 – 221]²¹.

Из всех этих документов следует, что главной задачей историографов было не создание нового по содержанию летописного свода, а полное приведение его структуры в соответствие с теми принципами, которые диктовались официальной идеологией, господствовавшей при дворе Нгуен, а, как известно, такой идеологией являлось неоконфуцианство. Поэтому вьетнамские историографы должны были в своей работе соблюдать нижеперечисленные принципы, в соответствии с которыми главный идеолог неоконфуцианства Чжу Си (1130 – 1200 гг.) создал своё произведение «Отражение [истории], основа [и] частности»²².

1. Выделение строго документированных событий исторического периода в раздел «Основные записи», рамки которого постоянно расширяются за счёт очередных «Дополнительных записей», создаваемых историографами последующих императоров правящей династии.
2. Выделение слабо документированных событий и наиболее вероятных, с точки зрения автора, но не подтверждённых

¹ Смотри «Параграф 2.3» «Главы 4» «Части I» настоящего тома, а также «Примечание 8» к этой главе.

«документами» фактов в особый раздел «Предварительных записей».

3. Выделение историко-мифологических сюжетов, несущих, с точки зрения автора, определённую историческую информацию, в подраздел «Дополнительные записи» в рамках раздела «Предварительные записи».
4. Выделение легитимных и нелегитимных династий и государей.
5. Тщательная датировка событий по шестидесятилетнему циклу и по годам девизов правлений, которые совместно образуют так называемую систему «двойной хронологии».
6. Внешняя обезличенность текста и выражение авторского отношения к описываемым событиям посредством «знамений» и иных косвенных указаний.
7. Деление текста свода на «основу» и «частности», а также вынесение этих терминов в заголовки свода вместе с термином «отражение».

Новый летописный свод династии Нгуен, получивший название «Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора», состоит из «Книги Начальной», 5 книг «Предварительных записей» и 47 книг «Основных записей». Как уже отмечалось, ни по временным границам, ни по содержанию он практически не отличается от летописного свода Нго Ши Лиена «Запись истории Великого Вьета, полное описание» вместе с его «Дополнительными записями». Их главное различие лежит в области официальной государственной идеологии вьетнамской империи, вернее, в идеологическом различии между Дайвьетом XV в. и Дайнамом XIX в. Однако хотя придворные историографы династии Нгуен скрупулёзно следовали принципам Чжу Си, они всё же позволили себе некоторое отступление от них. Так, вместо собственных «авторских высказываний» они включили в летописный свод четыре типа текстов, компенсирующих их отсутствие, главным из которых являлась «Критика», или высказывания императора о том или ином событии. Она записывалась большими красными иероглифами в верхней части листа.

欽定越史通鑑綱目正編卷之一

起戊辰丁先皇元年

盡丁未黎帝龍興應天十四年

凡四十年

戊辰

西曆九百六十八年

丁先皇帝元年

宋太祖開寶元年

萬勝王即皇帝位

國號大瞿越

月缺無考

帝大黃花閭洞人父公著母譚氏公著初爲

楊延藝身將授攝驩州刺史後屬吳王仍舊

職公著卒帝尚幼譚氏攜歸山峒居焉牧牛

«Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора», «Основные записи. Книга 1», лист 1а.
Институт истории ВАОН, Ханой. 21.04.2011 г.

Второе место по значимости занимает «Комментарий», составленный учёными-конфуцианцами из Государственной императорской академии, в котором на основании сопоставления данных различных источников даётся

толкование важных событий и фактов. «Комментарий» писался маленькими иероглифами, а его титул заключался в прямоугольную рамку. Помимо упомянутых толкований в нём цитируются все тексты китайских источников по истории Вьетнама до 111 г. до н.э., а также основные сведения китайских источников по «Эпохе северной зависимости».

Третий тип представлен «Замечаниями историков», или высказываниями Ле Ван Хыу, Фан Фу Тисн, Нго Ши Лиен, Нгуен Нгием, Нго Тхи Ши и других известных вьетнамских историографов. Они писались маленькими иероглифами, как правило, непосредственно под тем текстом, который, с точки зрения авторов свода, требовал оценки или пояснения.

Наконец, четвёртый тип такого рода текстов представлен «Примечаниями», в которых толкуются устаревшие иероглифы. В них также содержатся дополнительные сведения о людях, местностях и исторических произведениях, которые упоминаются в «частностях». Иногда в «Примечаниях», так же как и в «Комментарии», приводятся данные китайских источников по «Эпохе северной зависимости». Они писались маленькими иероглифами и помещались либо непосредственно под текстом, к которому они относились, либо после «Комментария» к этим текстам.

Очевидно, что хотя вьетнамские авторы в «Предисловии» и «Отчёте Престолу» постоянно апеллируют к Чжу Си, первые три из этих четырёх типов дополнительных текстов никоим образом не соответствуют чжусианскому «зеркальному» восприятию событий. Такое отношение к имперским догматам достаточно типично для вьетнамского неконфуцианства, которое по форме копирует китайское, а по содержанию значительно от него отличается.

1.3.3. *Погодные хроники вьетнамских династий*

С точки зрения информации об организации системы летописания эпоха правления последней вьетнамской династии Нгуен уникальна. Дело в том, что её погодная хроника «Истинные записи [о] Великом Юге»²³ является единственной из сохранившихся на сегодняшний вьетнамских

погодных хроник, по которой можно судить о принципах написания хроник династий Ли, Чан и Ле.

Титульный лист погодной хроники «Истинные записи [о] Великом Юге».
Институт истории ВАОН, Ханой. 21.04.2011 г.

Как уже отмечалось, нельзя исключать того, что летописный свод До Тхиена «Запись истории» первоначально был погодной хроникой династии Ли, которая, будучи переработанной Чан Тю Фо, образовала первые две главы летописного свода династии Чан «Записи [о] Вьете». Однако о погодных хрониках династий Чан и Ле вообще ничего неизвестно, хотя, если судить по объёму «Истинных записей [о] Великом Юге», они должны были быть весьма масштабными произведениями. Такой вывод следует из того, что хроника династии Нгуен состоит из 599 книг, в которых описываются исторические события с 1558 по 1925 г. При этом лишь 12 книг посвящено свершениям государей рода Нгуен в 1158 – 1777 гг., а остальные посвящены Нгуен Аню – основателю династии Нгуен и деятельности остальных её императоров.

Таким образом, в 587 книгах описываются события, происходившие на протяжении 148 лет. В то же время известно, что династия Чан правила 176 лет (1225 – 1400 гг.), а династия Ле – 362 года (1428 – 1789 гг.). Исходя из этих цифр можно предположить, что объём погодной хроники династии Чан должен был быть сопоставим с объёмом хроники династии Нгуен, а объём погодной хроники династии Ле должен был приблизительно составлять порядка 3,5 тысяч книг. И это не считая книг, посвящённых их родам до восшествия на престол!

Как же могло случиться, что эти колоссальные исторические произведения бесследно или почти бесследно исчезли? Возможно, это и не так, но представляется, что каждая новая династия, создав свой всеобъемлющий летописный свод на основании погодной хроники предыдущей династии, полностью уничтожала эту хронику. Последнее облегчалось ещё и тем, что династийная погодная хроника не могла вестись в большом количестве экземпляров и тем более, учитывая её объём, вырезаться на деревянных досках для печати на ксилографе. Безусловно, это только гипотеза, но никаких других вразумительных объяснений указанному феномену не существует.

Возвращаясь к «Истинным записям [о] Великом Юге» необходимо указать на то, что эта погодная хроника династии Нгуен была разделена, как и её летописный свод, на «Предварительные записи» и «Основные записи». Первые состоят из 12 книг, в которых описываются исторические события с начала правления государя Нгуен Хоанга в провинции Тхуанхоа в 1558 г. до конца правления государя Нгуен-фук Тхуана в 1777 г. Вторые, как уже говорилось, состоят из 587 книг. Они начинаются с 1778 г. описанием деятельности государя Нгуен Аня до его восшествия на престол и завершаются последним годом правления под девизом «Начало определённости» (1925 г.)²⁴. То есть на протяжении 37 лет (1888 – 1925 гг.) эта хроника велась в условиях формального сохранения вьетнамской монархии при французском колониальном господстве.

Исходя из такой структуры погодной хроники династии Нгуен, а также из того, что известно о вьетнамских летописных сводах, можно предположить, что погодная хроника династии Ле также и по тому же принципу делилась на «Внешние записи» и «Главные записи». О характере последних, вероятно, можно судить по сохранившимся произведениям вьетнамских историографов XVII – XVIII вв., которые квалифицируются как «Дополнительные записи» к «Главным записям» «Записи истории Великого Вьета, полного описания» [795, с.69 – 78].

Какова была структура погодной хроники династии Чан судить крайне сложно, так как никаких, даже косвенных упоминаний о ней не сохранилось.

Что же касается погодной хроники династии Ли, то, по всей вероятности, она не должна была значительно отличаться от первых двух глав летописного свода «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета», написанных До Тхиеном в правление этой династии, в котором первая глава посвящена событиям, предшествовавшим воцарению династии Ли, а вторая – её правлению.

2. От веры и пряностей к *quốc-ngữ*^I. Возникновение и первый этап существования вьетнамской литературы на латинице^{II}

2.1. Ренессанс или события, приведшие к появлению португальцев у берегов Вьетнама

Для того чтобы попытаться объяснить генезис современной вьетнамской письменности на латинице, придётся заглянуть довольно далеко в прошлое. При этом, эволюция того, что поначалу являлось лишь способом фиксации и понимания этого столь музыкального местного языка, может показаться даже несколько странной. Начало этой эволюции было положено отважными и упорными носителями веры, несущими добродетельное слово и веру в своего бога, деловыми людьми, отправлявшимися на поиски пряностей, и моряками, покорявшими новые земли. Но кем были эти люди? На каком языке они говорили? Откуда они отправлялись и куда направлялись?

Также не следует забывать, что эпоха «Ренессанса», или «Возрождения», являлась временем формирования культур на основе античных ценностей. И хотя со времён Птолемея царило непоколебимое убеждение в геоцентризме вселенной, такие учёные, как Коперник и Галилей^{III}, пошли на нарушение светских и религиозных установлений, заявив, что центром вселенной является солнце. Земля же и планеты вращаются вокруг светила, при этом земля ещё и вращается вокруг собственной оси, идущей с севера на юг. То была теория гелиоцентризма. Как известно, помещённый по приказу папы Урбана VIII под домашний арест, но убеждённый в своей правоте великий Галилей не переставал повторять: «*E pure si muove!*»^{IV}.

^I Современная вьетнамская латинизированная письменность. Её название «куок-нгы» буквально переводится как «государственный язык», хотя его нередко переводят и как «родной язык».

^{II} Данный параграф написан французским учёным Николь Луи-Энар (Nicole Louis-Hénard), что предопределило специфику его содержания.

^{III} 1571 – 1630 и 1564 – 1642 гг.

^{IV} На латыни: «И всё-таки она вертится!».

В ту эпоху такие северо-средиземноморские порты, как Генуя и Венеция, были тем местом, куда привозились различные экзотические товары¹, которые доставлялись из Азии по Шёлковому пути и продавались очень дорого. После возвращения в 1492 г. Христофора Колумба из путешествия в места, которые предположительно считались «Индией», у португальцев возникла идея, что до этой «Индии» можно добраться, плывя с запада на восток. Идея вполне логичная, так как открытый Колумбом путь с востока на запад был блокирован Испанией.

Наконец, утомлённый непрерывным соперничеством этих двух главных королевств Иберийского полуострова², папа Александр VI выступил в роли арбитра и повелел разделить океан виртуальной линией «от полюса до полюса». Она была проведена вертикально в трёхстах семидесяти *лье*³ от Островов Зелёного мыса. За испанцами сохранялся путь, открытый Колумбом, португальцы же имели право на пользование океаном к востоку от этой линии. Так появился «Тордесильский договор», подписанный 7-го июня 1494 г. полномочными представителями королевских дворов Испании и Португалии в присутствии послов обоих государств, в котором фиксировалась демаркационная линия «север – юг» между уже существовавшими к тому времени и будущими колониальными владениями обоих государств. Согласно этому договору мир был разделён на две части, при этом демаркационная линия проходила по территории Бразилии, часть которой отходила таким образом к Португалии. Каждое королевство отвечало за религиозную обстановку в своих колониях. Они должны были обращать в христианство местное население, направлять в колонии миссионеров для управления финансами и строить церкви. Организация этой

¹ Пряности, чай, шёлк, изделия из хлопка, дорогая посуда, драгоценные камни и многое другое.

² Другое название: Пиренейский полуостров.

³ Старинная французская единица измерения расстояния: сухопутное *лье* равно 4445 м (1/25° меридиана; 4,16 версты), морское – 5557 м (1/20° меридиана), почтовое – 3898 м.

деятельности была возложена на своего рода общую «дирекцию», которая у испанцев называлась «Padronado», а у португальцев – «Padroado», но из-за того, что между обоими государствами полуострова всё ещё сохранялось соперничество, обе части этой «дирекции» так и не стали единым целым.

Тем временем Христофор Колумб со своими тремя каравеллами «Санта Мария», «Пинта» и «Нинья» достиг нового континента, который он счёл «Cathay», то есть Китаем, путь в который был проложен Марко Поло. После чего он вернулся обратно в Испанию и доложил о результатах путешествия своей покровительнице королеве Изабелле Католической, лично руководившей подготовкой его экспедиции. Надо ли говорить, что это сильно задело португальцев за живое? Ведь Колумб был португальцем, служившим Испании!

Будучи крайне заинтересованными в товарах из Индии, подданные Хуана II Португальского¹ совершали морские путешествия главным образом из экономических соображений. В эпоху великих географических открытий, также как и сегодня, их целью был поиск оптимального пути для доставки восточных товаров в Португалию, так как доставка по Шёлковому пути обходилась очень дорого. Различного рода бандиты и государи тех стран, через которые пролегал этот путь, взимали свою «пошлину» с шёлка-сырца, шёлковых изделий, дорогой посуды и украшений, Османская империя также брала свою «десятину»¹¹, и это не говоря уже о прибыли, которую получала от них полностью господствовавшая на Средиземном море Венецианская республика. Поэтому испанские и португальские государи, их дворы, торговцы, авантюристы и церковники уже задумались о морском пути в Индию, для того чтобы получить доступ к рынку специй, которые так любила европейская знать. Некоторые из этих экзотических специй использовались в

¹ 1455 – 1495 гг.

¹¹ Чтобы убедиться в этом, достаточно одного взгляда на множество драгоценных предметов в коллекции дворца-музея Топкапи в Стамбуле.

фармакопее той эпохи, как, например, бензой¹ в косметологии или же рог носорога для изготовления возбуждающих средств. В тот век пробуждения, бесконечных поисков, желания лучшей жизни и, главное, амбициозного стремления к могуществу оба королевства были крайне заинтересованы в этих товарах. Таким образом, как отмечалось в эпоху Великих географических открытий действия Испании и Португалии носили экономический характер и имели целью открытие наиболее выгодного пути для доставки товаров из Азии.

Каравеллы Христофора Колумба

Таким образом, несмотря на приходившие из Италии запреты и на то, что Галилей всё ещё находился по повелению папы под домашним арестом, есть все основания полагать, что португальский и испанский короли, их придворные, мореплаватели и торговцы уже думали о морском пути в Индию и даже в Китай, с тем чтобы достичь вожаемого рынка специй. Ведь шафран, имбирь, гвоздика и другие специи растительного происхождения, пользовавшиеся большим спросом, доставлялись из Азии сухопутным путём.

¹ Росный ладан.

Так почему же нельзя было мечтать о более лёгком и гораздо более прибыльном морском пути их доставки в Европу?

К тому времени Христофор Колумб уже добрался, двигаясь на запад, до «Индии», а Тордесильский договор ещё не был подписан. Поэтому, опасаясь, что их вечные соперники испанцы захватят этот богатый рынок, великие португальские мореплаватели, уничтожив в океане грабивших их золото французских корсаров, отправились из Лиссабона в плавание вдоль африканских берегов. Плывая вдоль побережья Африки с севера на юг, они занимались торговым обменом с населением тех стран, которые они «колонизировали» с благословения папы. В обмен на оружие португальцы получали от их государей золото, серебро в слитках, слоновую кость, рабов и различные ценности, что являлось для них очень выгодной сделкой. Была ли эта колонизация всегда мирной? Конечно же нет. На всех отплывавших из Лиссабона кораблях были и иезуиты, получившие от иерархов церкви приказ нести «Слово Божье» и евангелизировать население колонизируемых стран. На их пути встречались и мусульмане, но уже тогда католицизм и ислам противостояли друг другу, а их адепты были далеки от взаимного согласия.

Один за другим португальские корабли методично исследовали побережье Западной Африки. Так, в 1488 г. Бартоломео Диаш первым прошёл мыс Доброй Надежды. За ним в 1497 г. последовал Васко да Гама, искусный мореплаватель и адмирал флота, обезопасивший побережье Португалии от пиратских набегов. Для него не было секретов в «Географиях» Страбона и Птолемея. Кроме того, он прочитал отчёты известных путешественников Ковилья и Паива²⁵, которые они представили после своего путешествия в Индию через Красное море, Хуану II. В 1497 г. Васко да Гама вышел в море с повелением короля Португалии найти мифического христианского отца Иоанна²⁶, которого так и не нашёл. Однако на его пути часто встречались различные местные вожди и простые люди, которые, будучи мусульманами, совершали паломничество в Мекку через Индийский океан. С помощью индийского лоцмана – знатока Экватора²⁷, которого ему

одолжил государь Малинди²⁸, флот Васко да Гамы за три недели достиг Каликуты на западном побережье Индии. Переговоры с её властителем²⁹ вызвали опасения у «Адмирала Индии», который отдал приказ возвращаться в Лиссабон, куда его флот прибыл в 1502 г. При этом недооценившие истинное значение индусов и арабов, португальцы всё же оставили «армаду»¹ у входа в Каликуту.

В 1503 г. по следам Васко да Гамы в Индию отправился в звании командующего флотом Альфонсо из Альбукерка. Перед ним стояла задача закрыть путь через Красное море арабам, которые монополизировали торговлю специями через Средиземноморье, благодаря чему геновезские, каталонские и особенно венецианские купцы обогащались за счёт товаров, поставлявшихся в Португалию. Затем, в 1506 г., под предлогом защиты христиан от преследований король Эммануэль отправил восемнадцать кораблей под командованием Тристана де Кунья³⁰ для защиты португальских позиций в Африке и Азии и в первую очередь для евангелизации покорённых народов. Направившись в Индию, этот флот поддержал армию Альфонсо из Альбукерка.

В 1507 г. Альфонсо захватил такие важные торговые центры, как Сокотра³¹, Ормуз³² и Каликут, а в 1510 г. в результате кровопролитных боёв он сумел захватить Гоа, который был ключевым центром транзита арабских торговцев и индийских мусульман, совершавших паломничество к святым местам¹¹. Затем Альбукерк продолжил наступление в направлении Цейлона и Малакки, которая пала в 1511 г.³³.

Бывший объектом множества споров Малаккский пролив являлся местом встречи торговых, главным образом – арабских, китайских, японских и индонезийских судов. Он также был хорошо защищён от муссонных ветров. Малакка же считалась чрезвычайно могущественным королевством. Поэтому её захват Португалией отозвался по всей Азии, особенно – на Дальнем Востоке.

¹ Армада: так называли в Испании и Португалии крупные вооруженные силы, прежде всего – флот.

¹¹ Впоследствии этот город стал резиденцией португальского вице-короля.

После взятия Малакки и открытия пролива португальцы обобщили все сведения, которые были ими получены от мореходов и торговцев Китая и Индийского океана. Это позволило им принять участие в чрезвычайно активной торговле Китая и Японии, несмотря даже на то, что последняя вскоре закрыла доступ европейцам на свою территорию³⁴. Поэтому как только португальские торговые корабли смогли выйти в море, они были направлены к странам, находившимся на берегах Южно-Китайского моря. После захвата Малакки и до официального «открытия» Дайвьета, зафиксированного Дуарте Коэльо в 1523 г. [888, с.72], португальцы изучали его побережье, привозя из Кохинхины³⁵ и Тямпы ценные породы дерева, арек, имбирь, гвоздику, перец, бензой, ткани и даже металлы, серу, селитру и драгоценные камни. Понятно, что они неоднократно возвращались за такими богатствами.

Китайцы и японцы называли этих торговцев «южными перевозчиками» или «южными подстрекателями»³⁶. Торговля между этими «перевозчиками» и китайцами настолько процветала, что обычно враждебно настроенные к чужакам китайцы позволили им в 1553 г. обосноваться в Макао³⁷, который с того времени стал не только важным торговым, но и религиозным центром иезуитов. Как уже упоминалось ранее, с португальскими мореплавателями в путешествие отправлялись и иезуиты, которые должны были евангелизировать местное население. Именно поэтому ставший португальским Макао и превратился в центр сбора ожидавших назначения иезуитов, некоторые из которых затем оказались в Кохинхине и даже в Тонкине.

2.2. Первопроходцы. Кем и почему была создана вьетнамская письменность на латинице?

Оказавшись в Дайвьете, иезуиты обнаружили новую, совершенно незнакомую им ситуацию. Как известно, то было время правления династии Ле после реставрации, или так называемой Поздней Ле, императоры которой уже не обладали реальной властью. От имени императора северной частью страны управляли государи рода Чинь, южной – государи рода

Нгуен, а обе части Дайвьета были отделены друг от друга королевством Тямпа¹. Святые отцы прибывали в какое-то место и, в соответствии с пожеланиями местного властителя, либо оставались там, либо двигались дальше. При этом они столкнулись с внешне «китаизированным» обществом, которое, согласно традиции, целых десять веков развивалось в рамках империи. Поэтому для миссионеров не было ничего удивительного в том, что официальной письменностью Дайвьета являлась китайская иероглифика («ханвьет»), и если святые отцы иногда отмечали некоторые отличия в её использовании китайцами и вьетнамцами, то они не воспринимали это как нечто принципиальное. Правда, католические священники обнаружили ещё и собственно вьетнамское, во многом фонетическое иероглифическое письмо «ном», которое было совершенно недоступно пониманию китайцев². Но при этом хотя «ном» и был максимально приближён к вьетнамскому разговорному языку, его знали лишь высокообразованные люди, владевшие в том числе и классической иероглифической письменностью. Поэтому ни та, ни другая иероглифическая письменность Дайвьете не могла быть использована для донесения «Слова Божьего» до местного населения.

Согласно вьетнамским источникам, в 1533 г. в районе Намдиня провинции Шоннам появился западный проповедник по имени Игнацио. Был ли он португальцем, испанцем или итальянцем, прибыл ли он путём Марко Поло или на одном из первых португальских кораблей — неизвестно. Но, надо полагать, что он первым столкнулся с языковой проблемой.

Вслед за Игнацио под 1537 г. упоминаются ещё два персонажа, труды которых по косвенным, но исключительно важным свидетельствам положили начало созданию вьетнамской письменности на латинице. Их звали Гаспар де Амарал и Антонио Барбоса. Оказавшись в чужом мире, они должны были найти способ донести до жителей «Слово

¹ Смотри «Том II» «Часть I» «Главу 3» и «Часть I» «Заключения», а также «Том III» «Часть I» «Главу I».

² Смотри «Том I» «Часть IV» «Главу 2», «Параграф 2.1».

Божье». Эти миссионеры смогли выучить вьетнамский язык, записывая его слова на латинице так, как они их слышали. В результате первый создал словник «португальский язык – вьетнамский диалект», а второй составил словник «вьетнамский диалект – португальский язык», которые, судя по всему, на сегодняшний день безвозвратно утеряны. Назвать эти словники словарями не представляется возможным, так как никаких правил фонетической транскрипции вьетнамских слов на латиницу ещё не существовало. Поэтому и в условных названиях словников понятие «вьетнамский язык» заменено на понятие «вьетнамский диалект». Однако они представляют собой не только первую попытку создания «вьетнамо – португальско – вьетнамского» словаря, но и начало перевода вьетнамской письменности на латиницу.

2.2.1. Отец Александр де Род¹

Александр де Род прибыл в Макао из Японии, которая в 1623 г. окончательно «закрылась» для иностранных христиан. Поэтому ему было поручено отправиться проповедовать в Кохинхину. Де Род пробыл в управляемом Нгуенами Дангчаунге^{II} несколько месяцев, после чего он перебрался в Дангнгоай^{III}, где властвовали Чини. Ему удалось обратить в христианство ряд членов правящего рода, в результате чего ему пришлось вернуться на юг, так как окружение государей Чинь сочло его деятельность опасной для власти. Вместе с Де Родом в Дангчаунг ушло много священников. Там они сумели подготовить значительное количество людей, которые стали переводить молитвы и проповеди на вьетнамский язык, делая их понятными для паствы.

Александр де Род вместе с прибывшим в Дайвьет в 1617 г. отцом Франческо де Пина не только считали, что миссионеры должны знать вьетнамский язык, но и полагали, что для него необходимо создать новую письменность на

¹ 1593 – 1660 гг.

^{II} Кохинхина.

^{III} Тонкин.

латыни, без которой реального успеха в продвижении христианства будет крайне сложно добиться.

Александр де Род (1591 – 1660 гг.)

Однако вьетнамский моносиллабический и крайне модулированный язык не только был сложен для понимания из-за своего строения, но и требовал изобретения особых диакритических знаков для обозначения тонов. Всё это сильно

осложняло работу святых отцов, которые хотели донести свою точку зрения до церковных иерархов в Макао. К несчастью, Франческо де Пина погиб во время сильного шторма у берегов эвангелизируемой им страны.

Оставшийся в одиночестве Александр де Род собрал целую команду учёных-конфуцианцев и свёл воедино записи Франческо де Пина со словниками Гаспара де Амарала и Антонио Барбоса, опираясь на уже созданные им указатели. Многие исследователи полагают, что де Род и сам был превосходным лингвистом. В этом нет никакого сомнения, но при этом не следует забывать, что его учителем и наставником был Франческо де Пина, который, судя по некоторым сведениям, уже в 1620 г. создал на первоначальном варианте вьетнамской латинизированной письменности религиозную книгу. Миссионерская деятельность отца Александра де Рода в Кохинхине оказалась столь успешной, что государи Нгуен сочли её опасной для государства и осудили его на смертную казнь, которая была заменена на пожизненное изгнание. Де Род был вынужден покинуть Вьетнам и уехать в Макао, где он провёл десять лет¹, после чего был отправлен в Рим. Однако такое путешествие в конце I-ой половины XVII в. было не столь простым делом.

К тому времени португальское могущество уже клонилось к закату, а Малаккский пролив контролировался нидерландской Ост-Индской компанией, агенты которой были кальвинистами. Таким образом, де Роду пришлось добираться до Рима, куда он прибыл в 1649 г., сухопутным путём через Китай, Персию и Анатолию. Он был назначен секретарём Конгрегации святейшего распространения веры, занимался миссионерами в Азии и, в частности, пытался смягчить возраставшие противоречия между португальскими иезуитами и испанскими францисканцами. Следует отметить, что именно противоречия между двигавшимися по мировому океану в противоположные стороны в соответствии с Тордесильским договором 1494 г. испанцами и португальцами, которые

¹ 1630 – 1640 гг.

столкнулись друг с другом у берегов Японии, и привели к закрытию этой страны для европейцев.

В 1651 г. Конгрегация святейшего распространения веры опубликовала в Риме два труда Александра де Рода. Первое – это знаменитый «Латинско-аннамитско-лузитанский словарь»¹, а второе – «Восьмидневный катехизис». К этим двум произведениям де Рода примыкает так называемая «История Аннама»², принадлежащая перу вьетнамского католика Бенто Тхиена.

«Восьмидневный катехизис» представляет собой «собрание» рассчитанных на восемь дней «уроков» по основам христианского вероучения, которые новообращённые должны были выучить перед крещением. Что же касается «Истории Аннама», то в ней содержится краткое описание истории страны с древности до XVII в. Кроме того, в ней частично описываются вьетнамские традиции и обряды, структура общества, география страны, её административное деление, а также приводится ряд данных о распространении буддизма и католицизма во Вьетнаме.

Не исключено, что в будущем будут найдены и другие связанные с распространением католицизма во Вьетнаме произведения того периода на латинице. Так, по воспоминаниям Александра де Рода известно, что одна из вьетнамских принцесс, получившая при крещении имя Екатерина, сочинила лукбатную поэму, в которой изложила «всю библейскую историю, начиная от сотворения мира и вплоть до пришествия Господа, описание его жития, смерти, воскресения Спасителя и вознесения в Царствие небесное Господа нашего Иисуса Христа; а в конце она присовокупила рассказ о нашем появлении в Тонкине и нашей проповеди там» ... «Стихи были очень хороши. Верующие передавали их друг другу, декламировали дома, во время работы в поле, на дорогах...» [496, с.262; 513, с.261]. Кроме того, из наследия известного миссионера Джироламо Майорика следует, что он

¹ Лузитания – название римской провинции, которая впоследствии стала Португалией.

² 1659 г.?

написал сам и перевёл на вьетнамскую латиницу порядка сорока религиозных сюжетов, в том числе переложил в виде поэм жития некоторых христианских святых³⁸.

Основным принципом распространения католицизма в Азии была опора на епископов *in partibus*¹ и связанное с народными массами местное духовенство. Для этого дела требовались немалые средства, в поисках которых Александр де Род приехал в Париж, где он встретился с Франсуа Паллю и Ламбером де ла Моттом. Проникшись идеями де Рода, они нашли необходимые средства, что в итоге привело к созданию в 1663 г. Иностранных миссий в Париже. После этого вместе с присоединившимся к ним Игнацио де Котоленди они отбыли в Азию. Отец де Котоленди скончался во время путешествия. Франсуа Паллю, ставший епископом *in partibus* Гелиополиса, проповедовал в Центральном Китае, Тонкине и Лаосе. Отец де ла Мотт в качестве епископа Бейрута взял под свою руку Южный Китай и Кохинхину, куда он сумел переправить из Сиам отцов из Ордена Иисуса.

Таким образом, миссионеры из Иностранных миссий Парижа продолжили эвангелизацию Тонкина и Кохинхины, что было непростым делом, так как вьетнамцы стремились смешать конфуцианские ритуалы с католическими обрядами. С целью повышения эффективности этой работы в 1615 г. была основана католическая миссия Кохинхины, а в 1627 г. – миссия Тонкина под руководством Александра де Рода.

К тому времени на смену португальцам в Южную, Юго-Восточную и Восточную Азию пришли другие европейские державы. В 1627 г. – голландцы со своей Ост-Индской компанией, в 1672 г. – англичане, также учредившие Ост-Индскую компанию, наконец, в 1680 г. – французы. К концу XVII в. уже множество европейцев бороздили воды Южно-Китайского моря. Естественно, что между ними возник конфликт интересов, который продолжил обостряться и с

¹ *In partibus infidelium* (лат.): выражение «В стране неверных» следует понимать как «римско-католические епископы в нехристианских странах» («Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона». Петербург, 1907 – 1909 гг.).

2.2.2. Отец Пиньо Пьер Жозеф Жорж (Пиньо де Безн, епископ Адранский)

В «Части I» настоящего тома уже достаточно много говорилось о политической деятельности Пиньо де Безна при дворе основателя династии Нгуен¹. Поэтому в этом параграфе речь идёт прежде всего о той роли, которую он сыграл в формировании современной вьетнамской письменности и культуры. Пьер Пиньо был членом Иностранных миссий, где молодых людей готовили к евангелизации Азии. В то время миссионеры уже не отправлялись в путь из Лиссабона, где они должны были присягать на верность королю Португалии. Поэтому, получив назначение, Пиньо отплыл из Лорьяна^{II} в Пондишери, где провёл некоторое время с вьетнамскими студентами, ожидая возможности добраться до Кохинхины через Макао. В 1771 г. папа Клементий XIV назначил отца Пиньо, которому к тому времени исполнилось тридцать лет, епископом Адранским. Будучи молодым и энергичным, он принялся воплощать в жизнь идеи Франческо де Пина и Александра де Рода. Одновременно с этим он всерьёз воспринял советы Христофора Бори (отца Риччи), который учил, что путь к народным массам лежит через общение с правителями и знатью. С его точки, зрения их евангелизация могла бы послужить примером и тем самым привлечь к христианской вере простых людей.

На всём протяжении периода борьбы Нгуен Аня за власть сначала с государями Чинь, а затем с Тэйшонами в стране ещё было мало европейских священников, которые к тому же плохо говорили на вьетнамском языке. Тем не менее епископу Адранскому удалось сформировать местный клир, который стал использовать и совершенствовать вьетнамскую письменность на латинице. Но она была лишь письменностью христианства, а «ном» по-прежнему оставался литературным языком, на котором вьетнамские авторы создавали свои произведения. С восшествием Нгуен Аня на престол и при его

¹ Смотри «Параграф I» «Главы 3» «Части I» настоящего тома.

^{II} Портный город в Бретани.

преемниках ситуация мало изменилась. Правда, постепенно усиливалось европейское, прежде всего – французское, давление на Дайнам, что приводило к преследованию, убийствам и казням не вьетнамских христиан и европейских миссионеров.

Такое положение вещей сохранялось вплоть до начавшегося 1-го сентября 1858 г. с бомбардировки эскадрой Риго де Женуи фортов Дананга французского колониального завоевания Вьетнама и завершившегося в 1888 – 1889 гг.¹.

Уже на начальном этапе французского завоевания европейские католические миссионеры в Дайнаме поддерживали колониальные власти, при этом они достаточно быстро начали создавать образовательные учреждения. Святые отцы во Вьетнаме призвали на помощь своих собратьев из находившихся в других странах христианских школ. Но так как потребность в образовании росла день ото дня, то количество миссионеров лишь продолжало расти.

2.3. Первые вьетнамские литературные произведения, созданные на латинице под французским влиянием

В XVIII в. продолжалось проникновение европейцев во Вьетнам. Естественно, речь идёт прежде всего о католических миссионерах, торговцах и предпринимателях, которые в условиях междоусобных распрей не могли оставаться в стороне и так или иначе, сознательно или невольно вовлекались в борьбу за власть. Так, известно, что Чини на севере получали помощь от Голландии, а Нгуены на юге пользовались поддержкой Португалии. Благодаря этому дальнейшее развитие получила и «европейская» тема во вьетнамской литературе. Так, к концу XVIII – началу XIX в. относится появление двух интереснейших произведений, связанных с этой темой.

Первое из них – это принадлежащая перу четырёх бывших вьетнамских католических священников «Книга потаённого о западноокеанской вере во Христа». И хотя она

¹ Смотри «Главу 3» и «Главу 4» «Части I» настоящего тома.

написана на «ханвьете», её характеристика даётся в этом параграфе потому, что эта книга непосредственно связана с проблемой распространения католицизма во Вьетнаме и является антитезой второму из упомянутых произведений, которое было написано на латинице [1467].

Основная часть «Книги потаённого» была написана после того, как двое из них, Фам Нго Хиен и Нгуен Хоа Дьонг, совершили в 1793 г. путешествие в Ватикан, после чего она была дописана и доработана Нгуен Ба Амом и Чан Чинь Хиеном, а возможно, что и ещё кем-то. Её первые 8 глав посвящены истории христианства и его распространения в мире. В последней же 9-ой главе рассказывается о появлении христианства во Вьетнам, о путешествии Фам Нго Хиена и Нгуен Хоа Дьонга в Ватикан, которое они предприняли в период между 1793 и 1794 г. с целью убедить Римского папу не распускать Орден Иисуса, имевший ранее монопольное право на миссионерскую деятельность во Вьетнаме¹, и о своём разочаровании в «чужой» им католической вере. Причиной разочарования послужило то, что вьетнамцы усмотрели в деятельности католической церкви у них на родине угрозу независимости страны. Кроме того, в этой же главе рассказывается и о том, как католики внедрялись в Китай с захватническими целями, не гнушаясь при этом использовать даже опиум¹¹.

Посему, вернувшись на родину, путешественники приняли решение вернуться к своей исконной вере, а свои знания, наблюдения и размышления по поводу «лжерелигии» и коварных замыслов её служителей они изложили в книге, которую решили спрятать до лучших времен. Затем эта книга попала в руки Нгуен Ба Ама и Чан Чинь Хиена, которые также разочаровались в истинности католической религии. В 1812 г. Нгуен Ба Ам, после смерти своего друга Чан Чинь Хиена издал «Книгу потаённого о западноокеанской вере во Христа». Однако через некоторое время большая часть тиража была

¹ Официально орден иезуитов был распущен в 1773 г.

¹¹ В качестве примера приведён Маттео Риччи (1552 – 1610 гг.).

скуплена и уничтожена по приказу католической церкви, которая не без оснований усмотрела в ней мощное орудие для подрыва своего авторитета в среде вьетнамских католиков. По содержанию «Книга потаённого» относится скорее к документальной прозе, но с уже упоминавшимися ранее китайскими многоглавными романами её роднит, например, то, что в ней каждая глава начинается двухстрочным стихотворным зачином⁴⁰.

Если «Книга потаённого о западноокеанской вере во Христа» отличается ярко выраженной антикатолической направленностью, то второе из указанных выше произведений, «Книга записей разных дел», имеет принципиально иной характер [513, с.262 – 266]. Её автор, вьетнамский иезуит Филифэ Бинь¹, не только не разуверился в католической вере, а даже посвятил своё произведение Господу, указав, что написал его с целью «отблагодарить Всевышнего за ниспосланную благодать» [1470, с.XII]. Поэтому «Книга записей разных дел» в определённой степени является апологетикой Запада. Описывая образ жизни европейцев и достижения европейской цивилизации, а также сравнивая Европу со своей родиной, Бинь выражал своё восхищение перед ними. Его интересовало всё – еда, одежда, жилища, воспитание детей, средства передвижения, то, как европейцы работают и отдыхают... Одним словом, он не считал их врагами и не рассматривал католицизм как оружие порабощения Вьетнама.

Как и авторы предыдущего произведения, Филифэ Бинь побывал с посольством в Ватикане, но только тремя годами позже, в 1796 г. Однако на родину ему вернуться так и не удалось. Более тридцати лет он провёл в Португалии, где и умер, оставив после себя большое письменное наследие, среди которого есть и «Книга записей разных дел». В отличие от «Книга потаённого о западноокеанской вере во Христа» она написана не на «ханвьете», а на латинице, что уже само по себе делает её уникальной. Кроме того, «Книга записей»

¹ 1759 – 1832? гг.

представляет собой редчайший если не единственный, во вьетнамской литературе той эпохи образец мемуарной, почти дневниковой, хоть и не поделенной на дни, прозы⁴¹. Оригинал этого произведения, создававшегося, по-видимому, с конца XVIII в. по 1822 г., состоит из 628 страниц рукописного текста, который автор разделил на три части. Первая касается вопросов религии, во второй говорится о нём самом и его окружении, а в третьей – обо всём понемногу. Какую бы тему Филифе Бинь ни затрагивал, он говорит о ней не вскользь и условно, как это было принято во вьетнамской прозе XVII – XVIII вв., а, судя по всему, уже под влиянием глубоко заинтересовавшей его европейской литературы, достаточно подробно и реалистично.

Как известно, вторая половина XIX в. стала временем французского колониального завоевания Вьетнама, которое завершилось в 1867 г. С этого времени вьетнамские католики становятся основным связующим звеном между инокультурными колонизаторами, с одной стороны, и местной властью и населением – с другой. Начинает распространяться французский язык и французская культура. Этому в немалой степени способствует зарождающаяся и стремительно развивающаяся, сначала на французском языке, периодическая печать. Уже в 1861 г. выходит первая газета «Официальный бюллетень экспедиционного корпуса в Кохинхине». Чтобы подорвать традиционные связи Вьетнама с Китаем и ускорить процесс освоения колонии, французские колониальные власти законодательно запрещают в 1888 г. на юге преподавание «ханвьета». Так начался сложный, растянувшийся на десятилетия процесс замены «ханвьета» как основной государственной и литературной письменности страны новой национальной письменностью на латинице, об обязательном использовании которой в официальных документах колониальные власти приняли постановление ещё в 1869 г. Постепенно, не без сопротивления традиционной элиты, по-прежнему предпочитавшей писать на иероглифике, новая письменность начала входить в жизнь южновьетнамского общества. Это происходило через систему образования и

зарождавшуюся во второй половине XIX в. периодическую печать на латинице. Так, в 1865 г. в Сайгоне начинает выходить первая вьетнамская газета «Новости Зядини»^I, с которой принято вести отсчёт истории вьетнамской журналистики. Её первым главным редактором был француз Э.Пото. Но уже в 1869 г. директором этой газеты становится Чыонг Винь Ки, а её главным редактором — ещё один южновьетнамский католик Хюинь Тинь Куа^{II}, которые много сделали для популяризации вьетнамской латиницы и французского языка^{III}.

Крупнейшим по масштабу своего блестящего таланта представителем антифранцузского направления вьетнамской литературы того времени являлся по праву считающийся первым поэтом юга страны и последним представителем традиционной литературы Вьетнама Нгуен Динь Тиеу^{IV}. Он родился в провинции Зядинь^V в конфуцианской чиновничьей семье, успешно учился, подавал большие надежды и даже сдал экзамены на степень «всестороннего таланта»⁴². Но когда он отправился в Хюе для сдачи испытаний столичного конкурса, то, уже находясь в пути, узнал о болезни матери и как почтительный сын вернулся в дом. Переживания и тяготы пути привели к тому, что в возрасте двадцати шести лет Динь Тиеу потерял зрение. Отныне чиновничья карьера была для него закрыта. Он занялся врачеванием и преподаванием, открыв у себя на родине школу, а его известность как прекрасного лекаря и учителя стала расти одновременно с его славой поэта. Относительная стабильность в жизни Нгуен Динь Тиеу кончилась с началом французской интервенции. После начала военных действий ему с семьей несколько раз пришлось менять место жительства. Внимательно следя за

^I 1865 – 1910 гг.

^{II} 1834 – 1897 гг.

^{III} О событиях политической истории того времени смотри «Главу 4» «Части I» настоящего тома, в которой личности Чыонг Винь Ки почти целиком посвящён «Параграф 2.3».

^{IV} 1822 – 1888 гг.

^V Современный г.Хошимин.

развитием событий, он очень тяжело переживал как поражения вьетнамской армии и антифранцузских выступлений, так и постепенную капитуляцию императорского двора под напором французов. Это нашло прямое отражение в его поэтическом творчестве. Но именно тогда он сочинил свое самое известное сочинение – поэму «Лук Ван Тиен» на «ханвьете». В этот период, помимо большого количества патриотических стихов, он сочинил и две менее известные, но не менее значимые поэмы – «Зыонг Ты и Ха Мау» и «Беседы рыбака и дровосека о медицине», написанные на «номе». Поскольку Нгуен Динь Тиеу был широко известен и пользовался большим уважением на юге, французы попытались привлечь его на свою сторону, но безуспешно, так как вплоть до самой смерти в 1888 г. он оставался настоящим конфуцианцем и патриотом.

Поэма «Лук Ван Тиен», с одной стороны, представляет собой вполне обычную повествовательную поэму, с другой же, имеет одну важную особенность. Как многие вьетнамские повествовательные поэмы любовно-бытового содержания, она построена по схеме «встреча – вынужденное расставание – испытания – счастливое воссоединение». Её главный герой, школяр по имени Лук Ван Тиен, за которого с детства была просватана дочь крупного чиновника, отправляется сдавать конкурсные экзамены в столицу. По дороге он спасает от разбойников девушку. Та в знак благодарности клянётся выйти за него замуж. Накануне экзаменов Тиен узнаёт о смерти матери и отправляется домой. В пути, заболев от переживаний и тягот, он слепнет. Поэтому несчастного то обирают, то бросают в реку, но каждый раз кто-то его спасает. В конце концов он добирается до дома своей невесты, но её отец отказывается от такого «бесперспективного» жениха и заточает его в пещеру. Спасает Лук Ван Тиена старый волшебник, который к тому же возвращает ему зрение. Затем, сдав конкурсные экзамены, по повелению императора Лук Ван Тиен едет сражаться с варварами. Возвращаясь после победы, он случайно встречает когда-то спасённую им девушку. За это время она, отказав в замужестве сыну большого чиновника, тоже многое пережила. Чтобы ей отомстить, её бывший жених

решил подарить её варварам. Спасаясь, девушка бросилась в реку, но была спасена самим Буддой. Молодые люди вместе отправляются к императорскому двору, где и заключают брак, а несостоявшегося тестя наказывают. Особенность поэмы заключается в том, что наряду с наличием фантастики в ней, как видно, появляются и автобиографические элементы.

Если поэма «Лук Ван Тиен», написанная до начала французской колонизации, пропагандировала конфуцианские истины⁴³, то две другие поэмы Нгуен Динь Тиеу, сочинённые в совершенно иных исторических условиях, направлены на то, чтобы показать их преимущество по сравнению с идеями других учений, прежде всего христианства как религии колонизаторов, и призвать к борьбе с ними.

В поэме «Зыонг Ты и Ха Моу» два главных героя. Один, Зыонг Ты, – буддист, а другой, Ха Моу, – католик. Несмотря на всю их добропорядочность, и у того и у другого только в преклонном возрасте родятся дети. У Зыонг Ты – два сына, у Ха Моу – две дочери. После этого героев начинают одолевать религиозные сомнения, и они решают разобраться, истинную ли веру они исповедуют.

По сюжету герои сначала попадают в рай, а потом в ад. В раю они не встречают ни Иисуса Христа, ни Будду, а вот в аду видят муки католических и буддийских монахов, которые подвергаются наказанию за то, что якобы на земле служили не истинной вере. Тут герои прозревают и, возвратившись на землю, отказываются от лжерелигий в пользу традиционного культа предков и других культов, служивших основой конфуцианству¹. Оказывается, что за то время, пока они путешествовали, их семьи разорились, но благодаря помощи добрых людей дети выжили и благополучно выросли. Поэма заканчивается тем, что сыновья Зыонг Ты женятся на дочерях Ха Моу и породнившиеся семьи двух друзей начинают жить счастливо. Таким образом, в поэме «Зыонг Ты и Ха Моу» конфуцианское учение в широком понимании этого термина противопоставляется буддизму и христианству⁴⁴.

¹ См. «Главу 3» «Части III» «Тома II».

Героями поэмы «Беседы рыбака и дровосека о медицине» являются два чиновника-конфуцианца, которые удаляются от дел, чтобы не служить иноземным завоевателям и их правителю. Один из них становится рыбаком, а другой – дровосеком. У первого из пяти жён четыре умирают, второй теряет восьмерых детей из десяти. Поэтому они решают отправиться на поиски одного известного врачевателя, чтобы перенять его искусство. Этот врачеватель известен ещё и своим патриотизмом. Когда враги захватили его родину, он, чтобы не служить им, предпочёл себя ослепить. Преодолев множество трудностей, «рыбак» и «дровосек» так и не нашли знаменитого врача, при этом они все же сумели получить некоторые знания об искусстве врачевания от его учеников. По возвращении домой, они клянутся «исправлять нравы и помогать простым людям», для чего один начинает лечить женщин, а другой детей. Интересно отметить, что при всём патриотическом пафосе поэмы, в ней отсутствует элемент религиозной полемики. Так, повествуя об истории, которая якобы произошла в одном из царств древнего Китая, Нгуен Динь Тиеу проводит параллель со своей родиной, которая также пала под натиском иноземных захватчиков. При этом из контекста очевидно, что патриотизм, олицетворённый ослепившим себя врачевателем, для поэта неотрывен от конфуцианских истин. Ведь в поэме несколько раз повторяется мысль о том, что лучше потерять зрение, но не служить врагам родины⁴⁵. Взгляды Нгуен Динь Тиеу нашли отражение и в его поэзии, о чём говорят названия таких его стихотворений, как «Французы пришли», «На смерть героев Кан-зюока» и «На смерть героев, погибших при защите юга». В связи с присутствием в творчестве поэта темы борьбы с французскими колонизаторами, его справедливо считают родоначальником национальной патриотической антифранцузской литературы⁴⁶.

В это же время закладываются, прежде всего на юге, и основы новой вьетнамской литературы на латинице. Среди первых вьетнамских литераторов-южан можно назвать уже упоминавшихся Чьонг Винь Ки и Хюинь Тинь Куа, а также Нгуен Чаунг Куана. В 1876 г. выходит самый ранний образец

вьетнамской очерковой литературы на латинице «Путешествие на Север в год Чёрной свиньи» Чыонг Винь Ки. В этом произведении он рассказывает о своей поездке в сопровождении двух друзей с юга на север страны, о северо-вьетнамской жизни, быте и нравах жителей севера. К 1882 г. относятся его сборник вьетнамских анекдотов «Смешные истории» и произведение под названием «Превратности жизни», представляющее собой диалог двух героев о смысле жизни и имеющее нравоучительный, в духе традиционной конфуцианской морали характер. В 1888 г. Чыонг Винь Ки публикует «Интересные и поучительные истории прежних времён», в предисловии к которым автор разъясняет цель издания своей книги: «чтобы дети могли учиться читать на родном языке и чтобы иностранцы также имели возможность изучать аннамитский язык» [14, с.136].

Хюинь Тинь Куа принадлежат два сборника «Забавных историй», вышедших последовательно в 1885 и 1886 гг. Это собрания небольших историй из фольклора, из своей и китайской истории и из других источников. Причём опять-таки чётко указывается, что они предназначаются для чтения в школах и для изучения «аннамитского языка» [14, с.138-139].

Таким образом, в трёх случаях речь идёт о записях ранее существовавших историй и, что особенно важно, на приближённом к народному языку. В одном случае – это путевые заметки и в другом – произведение, написанное на основе вымысла. Иными словами, всё это только подступ к собственно художественной литературе, уникальным образцом которой стал рассказ «Отец Лазаро Фиен». Опубликованный южновьетнамским католиком Нгуен Чаунг Куаном в 1887 г., он является самым ранним из известных на сегодняшний день вьетнамских прозаических произведений европейского типа, написанных на латинице. По стилю – это рассказ в рассказе. Рассказчик-католик встречает на корабле, плывущем из Сайгона в город Бариа на юге Вьетнама, монаха по имени отец Фиен, рассказывающего ему свою историю. С детства Фиен перенёс множество лишений. Ему удалось спастись от

гонений, которым подвергались представители католической общины на юге Вьетнама во время колониальное завоевания.

Католический собор. Построен в 1886 г. на месте португальского храма.
Разрушен бомбёжками в 1965 г. Донгхой. 31.03.2011 г.

Чудом спасшись от гибели, Фиен попал во французскую школу, где подружился с мальчиком, с которым потом работал переводчиком у французов. В доме друга он встретил его молоденькую родственницу. Молодые люди

поженились и были очень счастливы. Но тут вдруг герой получил анонимное письмо от некой женщины, в котором говорилось, что его жена изменяет ему с его лучшим другом. Герой решил отомстить обидчикам. Во время одной операции против бандитов он застрелил своего друга, а затем отравил и жену. Терзаемый угрызениями совести, он ушёл в монастырь, но успокоения не нашёл, заболел и отправился на лечение.

Через некоторое время отец Фиен прислал написанное им перед смертью письмо, в котором рассказал, что вскоре после их встречи он получил письмо от одной вьетнамки – жены французского чиновника. Оказалось, что поскольку в своё время он отверг её домогательства, она из мести написала то анонимное, приведшее к стольким трагедиям, письмо.

Решив написать рассказ на французский манер, о чём прямо говорится в предисловии, Нгуен Чаунг Куан блестяще справился с этой задачей. Он намного опередил своё время, создав произведение на латинице об обычных людях, которое написано практически без конфуцианской нравоучительности, китаизмов, параллелизмов, стихотворных вставок, чудес и реминисценций [1594.1].

В таком, уже переходном, состоянии вьетнамская литература подошла к концу XIX в.

Глава 2

Идеология, религия, архитектура, скульптура, живопись, театр и музыка

1. Преамбула

В предыдущих двух томах «Полной академической истории Вьетнама» уже достаточно подробно описывались как особенности возникновения, так и специфика формирования религиозно-идеологических воззрений вьетнамского общества, которые окончательно сложились в 1-ой половине XV в. и доминировали в нём без существенных изменений вплоть до начала XX в. При этом если начало слома традиционных идеологических воззрений и структур следует связывать с французским колониальным завоеванием, то, как это следует из содержания «Тома V», многие аспекты вышеупомянутых религиозных воззрений характерны и для современного Вьетнама.

Таким образом, эта глава неразрывно связана с соответствующими разделами предыдущих томов. Более того, по сути, она является своего рода основой для соответствующих разделов «Томов IV» и «Томов V», без обращения к которой понимание религиозной ситуации во Вьетнаме новейшего времени почти невозможно. Именно по этой причине материал настоящей главы предварён резюме описания религиозно-идеологической ситуации во Вьетнаме, содержащегося в «Томе I» и «Томе II»¹. В целом оно сводится к следующему.

В основе религиозных представлений простого вьетнамца лежат верования так называемого «народного» даосизма с многочисленным пантеоном даосских божеств во главе с Яшмовым императором, вера в духов-покровителей и демонов, в которых превращаются души умерших людей, и теснейшим образом связанная с этими верованиями система культа предков, имеющего несколько уровней. Во-первых, это

¹ Смотри «Параграф 3» «Главы I», «Параграф 1» «Главы 2», «Параграф 3» «Параграф 4», «Параграф 5» «Главы 3» «Части IV» «Том I», «Параграф 2» «Главы I» и «Главу 3» «Части III» «Том II».

культ предков отдельной семьи, во-вторых – культ духа-покровителя той или иной общины, в-третьих – культ духов-покровителей регионального или национального значения, в-четвёртых – культ предков правящей династии, одновременно являющийся главным государственным культом страны. С культурами каждого уровня были связаны многочисленные и строго регламентированные обряды, главным из которых являлся подношения [духам] Неба [и] Земли или [духам обеих] Сторон¹, которым символизировалась божественная сущность императора. Загробный мир, как и двор правившего им Яшмового императора, был организован по образу и подобию земного мира и императорского двора, при этом «земной» император мог жаловать титулы, звания и должности отличившимся представителям «загробного» мира.

На всю эту систему базовых верований органично «наложился» восточноазиатский буддизм, или буддизм школы Созерцания. Буддизм и традиционные верования, особенно на простонародном уровне, так смешались, что провести между ними границу практически невозможно. При этом, даже на уровне образованных слоёв населения средневекового Вьетнама разграничение между ними имеет достаточно условный характер. Так, например, бывшие буддистами императоры династий Ли и Чан XI – 1-ой половины XIV в. исправно отправляли обряды культа предков и вступали в отношения с духами-покровителями и демонами¹¹. В то же время императоры династий Чан, Хо, Ле и Нгуен второй половины XIV – XIX в., при первых двух из которых буддизм начал постепенно уступать место официальной идеологии – неоконфуцианству, ставшему при двух вторых единственной государственной идеологией страны, не только приводили в порядок старые и строили новые пагоды и ступы, но и сами молились Будде. Другое дело, что об этом почти ничего не сообщается в официальных источниках, в которых освещалась жизнь страны и государственная деятельность двора. Однако

¹ Также смотри «Примечание 1» в «Комментарии» к «Главе 3» «Части III» «Тома II».

¹¹ Смотри «Параграф 2» «Главы 1» «Части I» «Тома II».

об этой «личной» стороне жизни императоров династий Ле и Нгуен содержатся косвенные свидетельства в сюжетах третьей группы вьетнамской историко-мифологической традиции и литературных произведениях эпохи средневековья¹.

Остаётся вопрос о том месте, которое занимало в этом комплексе религиозных представлений конфуцианство или, вернее, неоконфуцианство. Многие исследователи полагают, что оно являлось самостоятельной религией¹. Действительно, культ предков вместе со всем комплексом основанных на циклическом календаре астрологических, хиромантических и геомантических прорицаний¹¹ настолько органично вписались в структуру конфуцианской идеологии, что они выглядят как единое исконно конфуцианское целое. На самом же деле это далеко не так, так как конфуцианство – это учение о принципах организации государственной власти и морально-этических нормах функционирования общества.

Упрощённо конфуцианские нормы взаимоотношений отражаются базовой парой «отец – сын», которая служит образцом для взаимоотношений в парах «старший – младший», «начальник – подчинённый» и так далее вплоть до пары «император – подданный». Культ предков, суть которого отражена парой «предок – потомок», не исключение. Наконец, космогонической основой конфуцианства, как и ещё четырёх древнекитайских философских школ, является учение натурфилософской школы «Тёмного [и] Светлого начал», на единстве и противоположности которых строится вся система прорицаний. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и культ предков, и учение «Тёмного [и] Светлого начал» на первый взгляд воспринимаются как составная часть конфуцианского учения.

Теоретически конфуцианство было близко к тому, чтобы трансформироваться в религию лишь в то время, когда оно господствовало в форме учения Дун Чжуншу в империи

¹ Смори «Параграф 3» и «Параграф 4» «Главы 2» «Части III» «Тома II», а также предыдущую главу настоящего тома.

¹¹ Смори статью «Летоисчисление, система прорицаний и восприятие общей структуры Мироздания в традиционном Вьетнаме» в «Томе VI».

Хань. Однако этого не произошло даже в китайском социуме, не говоря уже о вьетнамском, в котором конфуцианство ханьского толка никогда не пользовалось заметным влиянием [1063.2, с.38 – 203]¹.

2. Идеология неоконфуцианства и система конкурсных экзаменов на должность чиновника как регулятор социальной мобильности в позднесредневековом вьетнамском обществе XVII – XIX вв.

Если говорить о вьетнамском неоконфуцианстве как о государственной идеологии с точки зрения его постулатов, то можно с уверенностью утверждать, что оно было единым для всех стран конфуцианского культурного ареала, а его базовая аргументация опиралась на учение Чжу Си, созданное им во второй половине XII в.². Тем не менее имевшее китайское происхождение чжусианство воспринималось в других странах этого ареала не как китайское, а как универсальное и всеобъемлющее учение³. Для Вьетнама же главным является не эволюция морально-этических и идеологических норм неоконфуцианства, а его непосредственное воздействие на функционирование государственного механизма, которое наиболее чётко прослеживается на примере реформирования системы регулирования социальной мобильности в традиционном вьетнамском обществе. Таковой, как указано в «Томе II»^{II}, и являлась система конкурсных экзаменационных испытаний на должность чиновника с её образовательно-экзаменационными школами различных уровней.

2.1. Реформа низшего уровня системы образования (община – уезд – округ – провинция)

В 1721 г. в Дайвьете была проведена реформа низшего уровня системы образования, в результате которой произошла значительная либерализация доступа к сдаче конкурсных испытаний провинциального уровня. С этого времени

¹ Смотри «Параграф 2» «Главы 2» «Части III» «Тома II».

^{II} Смотри «Параграф 3» «Главы 3» «Части III» «Тома II».

чиновники школьных учреждений стали отбирать в своих провинциях талантливых учеников группы и учеников объединения, которые каждый год должны были сдавать по две экзаменационные проверки. Сдавшие восемь проверок ученики группы допускались до ежегодных региональных экзаменов, ученики объединения – до сдачи провинциального конкурса⁴. Но если до этого к экзаменационным испытаниям провинциального конкурса допускалось от малого уезда до десяти человек, от среднего уезда – до пятнадцати человек и от большого уезда – двадцати человек, то после указанных нововведений к их сдаче стало допускаться соответственно до ста, ста пятидесяти и двухсот человек. Отобранные по результатам проверки в уездах кандидаты образовывали категорию, именовавшуюся «Собрание лучших». После этого чиновники управлений Следования основе и Соблюдения законов проводили их повторную проверку. Сдавшие её отлично считались категорией «Более образованных», чуть хуже – категорией «Менее образованных». Тем же, кто был не согласен с решением экзаменаторов, разрешалось написать жалобу с просьбой о его проверке и изменении присвоенной им категории.

В 1721 – 1765 гг. одновременно с либерализацией допуска к испытаниям провинциального конкурса кандидатов от общин были созданы условия, гарантировавшие сохранение привилегий правящего сословия. В результате дети и внуки заслуженных военных и гражданских чиновников стали приниматься в государственные провинциальные школы без предварительной проверки. В этих школах каждый месяц проводился «малый экзамен», на котором писалось только сочинение. Раз в четыре «срединных» месяца¹ проводился «великий экзамен», где в роли экзаменаторов уже выступали чиновники из Государственной императорской академии. В каждый из этих четырёх месяцев сдавались экзамены одного из циклов провинциального конкурса. Сдавшие три из четырёх

¹ Четыре срединных месяца по циклическому календарю: месяц середины весны, месяц середины лета, месяц середины осени и месяц середины зимы.

«великих экзаменов» дети заслуженных чиновников получали звание «ученик-конфуцианец». Те же, кто успешно написал сочинение четвёртого «великого экзамена», назначались по рекомендации чиновников Государственной императорской академии министерством обрядов поочерёдно на различные должности.

В то же время дети мелких чиновников и других представителей вьетнамского общества сдавали экзамены провинциального конкурса в рамках категорий «Более образованных» и «Менее образованных», допускавшихся к сдаче его трёх испытаний одновременно. Те, кто выдержал эти испытания, получали звание «ученик группы» и направлялись в провинциальные школы. В 1765 г. после ряда мелких изменений и уточнений было установлено, что на провинциальный конкурс может быть допущено от малого уезда до сорока человек, от среднего уезда – до пятидесяти человек и от большого уезда – до семидесяти человек. Однако это «ужесточение» было только кажущимся, так как тем, кто не смог сдать предварительную проверку, разрешалось уплатить три куана деньгами⁵, которые именовались «деньги проникновения [в] классику», после чего они также допускались к испытаниям провинциального конкурса в рамках вышеупомянутых категорий «Более образованных» и «Менее образованных» [239.1, «Основные записи», кн.XXXV, с.366, 37а, кн.XLII, с.25а, 25б].

Сдавшие три испытания провинциального конкурса претенденты из категории «Более образованных» получали звание «более образованный ученик группы» и допускались к сдаче четвёртого испытания, тогда как претенденты из категории «Менее образованных» – звание «ученик группы» и направлялись в провинциальные школы. Спустя четыре года в начале следующего конкурсного цикла они писали в своих школах сочинение, именовавшееся «Экзамен образованных людей». Добившиеся успеха также становились «более образованными учениками группы» и допускались к сдаче четвёртого испытания провинциального конкурса. Лауреаты всех четырёх испытаний допускались к сдаче общего или

столичного конкурса, тогда как провалившиеся на четвёртом испытании теряли звание «более образованных» и в качестве «учеников группы» возвращались в провинциальные школы. Судя по сообщению от 1664 г., через четыре года они вновь допускались до сдачи четвёртого испытания провинциального конкурса. Однако на этот раз не сумевшие его сдать ученики группы лишались своего звания и возвращались в свои общины [239.1, «Основные записи», кн. XXXIII, с. 96, 10a]⁶.

В результате реформы 1721 – 1765 гг. получавшие образование в привилегированных государственных школах центральных провинций дети и внуки среднего и крупного чиновничества или ученики-конфуцианцы вообще были освобождены от сдачи испытаний провинциального конкурса, которые они сдавали в своих школах.

Одновременно с этим получение низшей чиновничьей должности, соответствовавшей званию «ученик группы», стало возможным не только для полноправных общинников, но и для таких представителей вьетнамского общества, как военные, торговцы, помещики-землевладельцы и другие. Более того, с того времени стало возможным за деньги пройти первоначальный отбор на провинциальный конкурс.

Таким образом, благодаря реформированию системы образования на уровне община – уезд – округ – провинция частично были «сняты» противоречия между новыми социально-экономическими явлениями и застывшим в своей структуре государственным аппаратом. Благодаря этому представители новых тенденций смогли реализовать своё экономическое право на власть в области социальной. В то же время разрыв между ними и элитой общества не только не уменьшился, а увеличился из-за реформы школ, что было сделано для сохранения привилегий правящего класса. Самым же важным для будущего Вьетнама в реформе 1721 – 1765 гг. было то, что её осуществили в рамках господствовавшей на протяжении почти трёх веков неоконфуцианской структуры общественного сознания, укрепив в нём восприятие системы конкурсных испытаний на должность чиновника как единственно возможного регулятора социальной мобильности.

2.2. Реформа высшего уровня системы образования (столица – императорский дворец)

К сдаче испытаний общего или столичного конкурса допускались все лауреаты провинциального конкурса, но при этом далеко не на равных условиях.

Выпедшие из общинников или бывшие детьми мелких чиновников ученики группы сначала направлялись на учёбу в службу Роста обширных [знаний]. Лишь в том случае, если такой ученик проявил выдающиеся способности или совершил какое-либо значительное деяние, он допускался до испытаний общего конкурса.

Учившиеся в провинциальных школах дети среднего чиновничества или ученики-конфуцианцы сразу допускались на общий конкурс. Но, как правило, ни те, ни другие не выдерживали больше одного – двух из его четырёх испытаний. Затем они направлялись на учёбу в Государственную императорскую академию, где становились, в зависимости от количества сданных ими испытаний, императорскими учениками младшего, среднего или старшего учения. Только после нескольких лет учёбы в Академии они могли рассчитывать на успешную сдачу всего общего конкурса.

Наконец, дети высшего чиновничества и знати, проучившиеся в Государственной императорской академии десять – пятнадцать лет и сдававшие в её стенах экзамены по правилам провинциального конкурса, за редким исключением сразу сдавали все экзамены конкурсных испытаний общего конкурса.

Таким образом, принципы допуска на общий или столичный конкурс и его организация практически не изменились с XV – XVI вв. Не изменились и содержание его экзаменационных испытаний, и номенклатура чиновников, отвечавших за его проведение, равно как и система назначения лауреатов на должность путём присвоения «качеств» по результатам дворцового конкурса¹.

¹ Также смотри «Параграф 2.3.2» и «Параграф 2.3.4» «Главы 4» «Части III» «Томы II».

2.3. Специальные конкурсы во Вьетнаме XVII – XVIII вв.

2.3.1. Гражданские конкурсы

Реформа низшего уровня конкурсной системы была «дополнена» рядом специальных конкурсов, некоторые из которых появились ещё в эпоху Ли – Чан. Однако их содержание было значительно изменено. Прежде всего, это имевшие целью отсеять бездельников проверки чиновников-руководителей и чиновников-секретарей. Так, например, в 1693 г. был проведён экзамен гражданских чиновников по написанию указа, не сдавшие который были уволены. Под 1722 г. в источниках сообщается об экзаменах по каллиграфии и математике, а в 1762 г. издаётся указ о том, что необходимо сократить число чиновников-руководителей присутствий, в которых мало работы. С этой целью была проведена проверка по написанию малых и больших иероглифов, начертанию иероглифов приказа, сочинению стиха танским размером, делению и умножению. Всего экзаменационные испытания по каллиграфии сдало 978 человек, а по математике – 120 человек [239.1, «Основные записи», кн. XXXIV, с.306 – 316, кн.36, с.1а, 2а, кн. XLII, 136, 14а].

К той же категории экзаменационных испытаний относится не упоминавшийся с правления Чан и проведённый в 1746 г. конкурс людей, умевших толковать астрономические явления, предсказывать направление и силу ветра, чувствовать обман, предвидеть будущее, предсказывать судьбу и гадать по фалангам пальцев. Иными словами, речь идёт о служителях традиционных даосских культов, распространённых в народной среде, или о так называемом «народном даосизме»¹. И что уже совсем странно для той эпохи безраздельного господства неоконфуцианства в административном аппарате, лауреаты этого конкурса были назначены на чиновничьи должности. Быть может, это было связано с тем, что Чини

¹ Смотри «Параграф 1.2» «Главы 4» «Части III» и «Примечание 6» в «Комментарии» к этой главе в «Томе II», а также статью «Летоисчисление, система прорицаний и восприятие общей структуры Мироздания в традиционном Вьетнаме» в «Томе VI».

стремились с помощью прорицателей привлечь на свою сторону веривших им простых общинников [239.1, «Основные записи», кн.XL, с.226].

В то же время, вероятно, из-за того что традиционная вьетнамская бюрократическая элита в то время ещё обладала такой силой, практически узурпировавшие власть государи рода Чинь так и не решились на реформу высшего звена конкурсной системы. Поэтому она по-прежнему оставалось закрытой для выдвинувшихся в ходе междоусобных войн XVI – XVII вв. представителей военно-феодальной знати. Вместо этого Чини пошли по пути создания параллельной основному конкурсу системы так называемых специальных конкурсов, открывавшей их сторонникам путь к высшим должностям в государственном аппарате.

Так, в 1757 г. государи Чинь провели специальный конкурс Обширных знаний, который впервые упоминается в источниках под 1431 г., при этом в 1467 г. были окончательно установлены правила его проведения¹. На этих внеочередных конкурсных испытаниях восемь сторонников Чиней получили научные звания, что позволило последним назначить их на высокие должности в столице и провинциях [239.1, «Основные записи», кн.XLII, с.26]. Затем государи Чинь постепенно заняли место императоров династии Ле на дворцовом этапе гражданского конкурса. Благодаря этому они смогли при градации лауреатов выдвигать на высшие государственные должности своих сторонников. Особую роль в этом процессе сыграл так называемый «Конкурс милости»^{II}, проводившийся по правилам общего или столичного конкурса. Но если последний проходил в строго определённые даты, то «Конкурс милости» объявлялся, как уже говорилось в предыдущей главе, по личному указанию императора и в назначенные им сроки по какому-то радостному поводу^{III}. С 1779 г., Чини начали самостоятельно объявлять и проводить «Конкурс милости», посягнув тем самым на важнейшую привилегию правящей

¹ Смотри «Параграф 2.3.3» «Главы 4» «Части III» «Томы II».

^{II} Этот конкурс ещё назывался «Конкурс процветания».

^{III} Рождения наследника, военная победа и так далее.

династии [239.1, «Основные записи», кн.XLV, с.176, 18a]. Судя по всему, именно по этой причине государи Чинь решили организовать полностью контролируемые ими конкурсы на высшем уровне, которые они могли бы проводить в любое удобное для себя время. Первые такие испытания упоминаются под 1544 г. как конкурс Выявления знаний¹, который Чини в 1787 г. на основе десяти критериев² знаменитого мыслителя сунской эпохи Сыма Гуана³. Его первые лауреаты получили звание равное званию «продвинутый муж» и были назначены на должности чиновника – внешнего мужа, начальника уезда и начальника округа [239.1, «Основные записи», кн.XLVII, с.36 – 46].

Наконец, следует отметить упоминающийся под 1778 г. конкурс Граждански-отобранных. По указанию государя Чинь Шама чиновники управлений Следования основе и Соблюдения законов должны были в провинциях «отыскивать людей праведных [и] учёных» и, вне зависимости от того, были ли они уже лауреатами провинциального конкурса или нет, подавать к месяцу середины осени их список в правительство. «Отобранные» сдавали экзамены по правилам общего или столичного конкурса, после чего те из них, кто добился успеха, направлялись во дворец государей Чинь, где они экзаменовались по правилам дворцового конкурса. Его лауреаты получали звание «граждански-отобранных» и назначались на высокие должности [239.1, «Основные записи», кн.36, с.26, кн. XLV, с.12a – 13a].

2.3.2. Военные конкурсы

В государственной иерархии Дайвьета военное сословие длительное время могло продвигаться по карьерно-чиновничьей лестнице исключительно через систему гражданских конкурсных испытаний. Так, в 1281 г. при Чанакх, военным впервые разрешили поступать на учёбу в провинциальные школы, при этом в малой провинции

¹ Смотри «Параграф 2.5» «Главы 4» «Части III» «Тома II».

² 1019 – 1086 гг.

Тхиенчюнг была основана школа для общинников деревни Тхиентхуок, являвшихся костяком одноимённого знамени императорской гвардии. В 1436 г. военные впервые были допущены до испытаний, да и то лишь потому, что после освобождения страны от Минов чиновников катастрофически не хватало¹. Наконец, в 1483 г. на завершающем этапе реформ эры «Великой добродетели» военным было разрешено сдавать испытания провинциального конкурса. Те из них, кто выдержал испытания всех его четырёх сроков, всё равно не допускались до сдачи общего конкурса, а вместе с простолюдинами направлялись на учёбу в службу Роста обширных [знаний] Государственной императорской академии [239.1, «Основные записи», кн.VII, с.236, кн.16, с.31а, 31б, кн.XXIII, с.396]. Естественно, речь идёт о военных низшего и среднего звена, так как особой разницы между высшим военным и гражданским чиновничеством, не говоря уже о знати, в средневековом Вьетнаме не существовало.

Однако в ходе междоусобных войн XVI в. ситуация начала изменяться, и к началу XVIII в. выдвинувшиеся на первое место военные стали претендовать на реализацию своих привилегий, что, как известно, было возможно лишь через систему конкурсных испытаний. Однако, во-первых, многие из них не имели достаточной подготовки для сдачи всего цикла испытаний гражданского конкурса и, во-вторых, высший уровень его испытаний всё ещё был формально для них закрыт. В то же время опиравшиеся на армию в борьбе за власть государи Чинь не могли игнорировать требования военных. Именно поэтому в ходе реформ 1721 г. Чини создали для них самостоятельную систему военного образования, суть которой сводилась к следующему.

Был создан Дом военного учения, в котором по «Классической [книге] войны»⁸ изучалась стратегия и военные дисциплины, а также проводились экзаменационные проверки. Каждый месяц учащиеся сдавали малую проверку, каждые четыре срединных месяца – великую проверку. В срединные

¹ Смотри «Примечание 10» в «Комментарии» к настоящей главе.

месяцы весны и осени проводилась проверка по владению воинским искусством, а в срединные месяцы зимы и лета проверялось знание «Классической [книги] войны». Эти четыре проверки соответствовали содержанию испытаний провинциального уровня военного конкурса⁹. После них по рекомендации преподавателей школы лучшие ученики назначались на различные военные должности.

В 1722 г. последовал указ о том, что военные имеют право подавать прошение о проверочном экзамене их знаний литературы. В случае успеха в год проведения гражданского провинциального конкурса они допускались к сдаче его испытаний, а в год военного конкурса и экзаменов по каллиграфии и математике – сразу к испытаниям общего или столичного конкурса [239.1, «Основные записи», кн. XXXVI, с. 126, 13а].

Наконец, в 1724 г. по образцу гражданского конкурса была создана система военного конкурса под наименованием «Пушечного конкурса». Эквивалентом провинциального конкурса стал Конкурс отбора, который проводился только в столичном знамени один раз в три года¹. Он состоял из четырёх экзаменационных сроков, установленных в 1721 г.^{II}. Сдавшие три срока этого конкурса простолюдины получали звание «ученик-чиновник», дети чиновников – звание «офицер-ученик», сдавшие четыре срока простолюдины – звание «ученик», дети чиновников – звание «офицер-ученик, изучивший правила»^{III}.

Сдавшие четыре срока Конкурса отбора допускались к сдаче испытаний общего или столичного этапа Пушечного конкурса, который проводился на следующий год.^{IV} Местом

^I В циклические годы Самца Крысы, Коня, Кошки (Зайчихи) и Курицы.

^{II} Смотри «Примечание 9» в «Комментарии» к настоящей главе.

^{III} Военное звание «ученик-чиновник» соответствовало гражданскому званию «ученик группы», звание «офицер-ученик» – званию «ученик-конфуцианец», звание «ученик» – званию «рекомендованный [из] провинции», звание «офицер-ученик, изучивший правила» – званию «ученик-конфуцианец, постигший обряды».

^{IV} В циклические годы Дракона, Пса, Буйволицы и Овцы (Козы).

его проведения было учреждение Прозвещения славы, находившееся рядом с дворцом государей Чинь. Сначала претенденты сдавали два срока экзаменационных испытаний. Первый срок состоял из десяти вопросов по семи томам военных записей¹, второй срок – из трёх экзаменационных испытаний: 1. Техника владения метательным копьем при верховой езде; 2. Техника владения метательным копьем с изогнутым наконечником; 3. Проверка героического духа¹¹. Выдержавшие третье испытание повышались на один ранг и допускались к экзаменам третьего срока, не выдержавшие – понижались на один ранг. Третий срок представлял собой экзамен, на котором проверялось знание кандидатами сочинений, посвящённых искусству военной стратегии и обороне крепостей. Его лауреаты награждались званием «Сформированный воин» и делились на три категории, при этом сдавшие его отлично или лучше среднего получали старший ранг шестого класса, сдавшие средние или чуть ниже среднего – младший ранг шестого класса, сдавшие хуже их – старший ранг седьмого класса [239.1, «Основные записи», кн. XXXVI, с. 166 – 19a]¹⁰.

В 1731 г. правила «Пушечного конкурса» изменили в сторону упрощения. Вероятно, это было связано с тем, что многие военные, начинавшие сдавать конкурсные испытания с экзамена по «Классической [книге] войны», отсеивались уже на первом его сроке. Поэтому первые два срока стали проводиться по несколько более расширенной практической программе владения боевыми искусствами. Те, кто полностью сдавал экзамены, выделялись в категорию наилучших и допускались к испытаниям третьего срока, который проводился по военной теории¹¹. Затем было решено, что и этот вариант Пушечного конкурса «имеет недостатки», а потому учредили конкурс Обширного отбора, являвшийся

¹ Смотри «Примечание 8» в «Комментарии» к настоящей главе.

¹¹ Бронзовый наконечник копья обматывался соломой, после чего испытуемого трижды били им по макушке. Если тот при этом не моргал и не дрожал, то считалось, что он обладает «героическим духом».

репликой гражданского конкурса Обширных знаний [239.1, «Основные записи», кн. XXXVII, с.206 – 21a].

Наконец, одновременно с конкурсом Граждански-отобранных в 1778 г. учреждается аналогичный конкурс Военно-отобранных, а в 1780 г. утверждаются правила его проведения. Следует отметить, что в этих правилах впервые упоминается испытание по стрельбе из ружья¹² [239.1, «Основные записи», кн. XXXVI, с.26, кн. XLV, с.12a – 13a, 19a, 196].

2.3.3. Некоторые последствия реформ системы конкурсных испытаний во второй половине правления династии Ле

В результате реформ системы конкурсных испытаний на должность чиновника во Вьетнаме XVIII в. представители новых, выдвинувшихся в ходе междоусобных войн между феодальными кланами Мак, Чинь и Нгуен слоёв вьетнамского общества получили в обход жёстко регламентированных общего и дворцового конкурсов доступ к высшим государственным должностям. При этом резко возросло число людей, допускаемых к сдаче экзаменационных испытаний, а их содержание было значительно упрощено, особенно – для военных конкурсов. Вследствие этого, с одной стороны, значительно выросло количество лауреатов и соответственно мелкого и среднего чиновничества, имевшего право на получение кормления. С другой стороны, были расширены привилегии высшего чиновничества и знати, дети которых в рамках своих школ де-факто сдавали весь цикл экзаменационных конкурсных испытаний¹³. Иными словами, произошла принципиальная либерализация традиционного регулятора социальной мобильности. Поэтому то что новые слои вьетнамского общества получили в XVIII в. доступ к соответствующим их уровню социальным привилегиям не повлекло за собой каких-либо изменений в структуре вьетнамской государственности. Наоборот, это ещё больше закрепило в общественном сознании стереотип, согласно

которому реализовать свои социальные привилегии можно было исключительно через систему конкурсных испытаний.

Свергнувшие в конце XVIII в. династию Ле Тэйшоны мало что изменили в прежней системе образования. Но даже если бы они и хотели что-то изменить, то в условиях постоянных войн за четырнадцать лет своего правления они просто не имели возможности этого сделать. Можно лишь отметить, что при Тэйшонах в провинциях Северного Вьетнама впервые были открыты школы в европейском значении этого термина, в которых их, как правило, малограмотные сторонники могли получить достаточную подготовку для сдачи конкурсных экзаменов. Кроме того, при Тэйшонах национальная иероглифическая письменность «ном» стала официальной государственной письменностью Дайвьета. Соответственно, в школах преподавался не «ханвьет», а «ном». Поэтому нельзя исключать того, что он использовался и на письменных экзаменах конкурсных испытаний. Однако, поскольку в источниках не содержится никаких конкретных сведений ни о проведении испытаний, ни об изменении их структуры и/или содержания, надо полагать, что краткосрочное правление Тэйшонов не смогло внести ничего нового в традиционное конфуцианское самосознание вьетнамского общества.

2.4. Система образования и конкурсных испытаний во Вьетнаме XIX – начала XX в.

2.4.1. Образование при дворе государей Нгуен до их восшествия на престол

Как уже неоднократно говорилось, государи Нгуен официально декларируя своё подчинение династии Ле, воевали с государями Чинь под лозунгом «освобождения императора Ле от узурпаторов Чинь». Поэтому их сторонники не имели доступа к конкурсным испытаниям на территории, контролируемой их врагами. В то же время Нгуены нуждались в образованных с конфуцианской точки зрения людях для создания собственного административного аппарата управления, так как иного нельзя было представить при

господствовавшей в то время во вьетнамском обществе ментальности. И действительно, по целому ряду косвенных свидетельств погодной хроники династии Нгуен [164] можно предположить, что именно на юге страны в XVIII в. начала складываться система государственных начальных школ в европейском понимании этого термина. Надо полагать, что процесс их образования был связан с тем, что на юге, где большая часть населения была представлена тьямами, кхмерами и другими невьетнамскими народами, которые в основном исповедовали буддизм и в меньшей степени индуизм, было недостаточно странствующих учителей-конфуцианцев, для того чтобы вьетнамские общинники, беря их на «кормление», могли с их помощью обеспечить обучение своих детей, как это делалось на севере. В пользу этой гипотезы говорит и тот факт, что с начала правления династии Нгуен было введено обязательное начальное образование на базе общинных школ, а это предполагает наличие определённой традиции их существования.

Точно также, судя по данным последующей эпохи, образование в общинных школах на юге основывалось на неоконфуцианстве. Однако буддийское окружение не могло не оказывать на него влияния, усиливавшегося ещё и тем, что при пагодах издавна существовали школы, которыми руководили буддийские наставники. При этом не секрет, что такая система начального образования была широко распространена во Вьетнаме X – начала XIV в. Сама структура вьетнамского неоконфуцианства, содержавшего достаточно много элементов буддизма, способствовала включению в него новых элементов этого учения в систему южновьетнамского неоконфуцианства Нгуенов¹.

Росту буддийского влияния также способствовало и отсутствие проведения регулярных конкурсных испытаний, которые бы ставили карьеру чиновника в прямую зависимость от уровня его конфуцианской образованности. Постоянные войны и угроза самому существованию их власти в XVII –

¹ Смотри «Главу 3» и «Главу 4» «Части III» «Томе II».

XVIII вв. вынуждала государей Нгуен назначать на высшие должности своих сторонников независимо от уровня их конфуцианской образованности. Правда, время от времени они проводили экзаменационные испытания по каллиграфии и математике, которые соответствовали испытаниям на должность чиновника-секретаря и чиновника-руководителя, что диктовалось необходимостью элементарной грамотности низшего чиновничества [1011, с.5 – 24].

Таким образом, образование на юге страны при Нгуенах отличалось от того, которое существовало во 2-ой половине правления династии Ле тремя основными моментами: начальными школами в общинах, большим влиянием буддизма и простейшими экзаменационными испытаниями из категории специальных гражданских конкурсов¹⁴.

2.4.2. Просвещение в эпоху империи Дайнам в XIX в.

Судя по всему, уже с начала своего восшествия на престол Нгуен Ань вёл подготовительную работу по регламентации системы образования. В то время можно только отметить обратную замену «нома» на «ханвьет» в качестве официальной государственной письменности, тогда как структура системы образования и конкурсных испытаний была окончательно оформлена лишь в 1815 г. Остававшаяся с тех пор неизменной на всём протяжении правления династии Нгуен, эта система представляла собой следующий механизм.

Каждая община должна была содержать за свой счёт начальную школу. Учитель жил на деньги, которые он получал от родителей учеников. В школах учились как мальчики, так и девочки, но их обучение было раздельным. В пятнадцать лет девочки завершали учёбу, тогда как мальчики могли учиться до тех пор, пока они не были готовы к сдаче экзаменационных испытаний провинциального конкурса. Надо полагать, что такая организация начального образования сложилась не без влияния французских миссионеров. Однако содержание начального образования не имело к ним никакого отношения, так как оно строилось на «Классической [книге] трёх иероглифов»¹⁵ и «Малом Учении» Чжу Си [1011, с.35 – 39].

Гражданский (слева) и военный (справа) чиновники династии Нгуен.

Награждение лауреатов регионального конкурса в Северном Вьетнаме.
В креслах – экзаменаторы. Фотографии конца XIX – начала XX в.

Следующий уровень образования был представлен школами уездов, малых провинций и провинций.

Уездной школой руководил «воспитатель талантов», который должен был иметь звание «рекомендованный человек» или получить при сдаче испытаний регионального конкурса звание не ниже «всесторонний талант». Но в этом случае ему должно было быть не менее сорока лет.

В малой провинции школа возглавлялась «чиновником-учителем», который имел старший ранг седьмого класса. «Чиновник-учитель» назначался из лауреатов регионального конкурса и должен был иметь звание «рекомендованный человек».

Наконец, во главе провинциальной школы стоял «руководитель учения», который имел старший ранг четвёртого класса. Им мог быть назначен лишь лауреат дворцового конкурса, получивший звание «продвинутый муж» [1011, с.41].

По всей вероятности, общинники, сдавшие испытания провинциального конкурса направлялись в уездные школы, дети чиновников – в провинциальные школы, а лучшие из первых и худшие из вторых – в школы малых провинций. Независимо от своего уровня, все эти школы были государственными.

Высшим же звеном школьной системы, как и прежде, была Государственная императорская академия, которая была переведена из Тхаунглаунга в новую столицу Хюе. В ней учились как дети родственников императорской семьи и высокопоставленных чиновников, или «почтенные ученики», так и особо отличившиеся ученики из народа, или «опекаемые ученики». При этом интересно, что если в Тханглаунге Государственная императорская академия представляла собой единый комплекс¹, то в Хюе она имела две территории. К сожалению, находившаяся в «Запретном городе» её учебно-экзаменационная территория, не сохранилась².

¹ Смори иллюстрации 87 – 96 в «Томе II».

² Смори иллюстрации 75 – 77 и 90 в настоящем томе.

Вход на территорию stel лауреатов.
 Справа и слева на верхней фотографии строения со стелами.
 Вид со стороны реки Ароматной. Хюе, 02.04.2011 г.

Вторая же её территория со стелами, на которых были начертаны имена всех высших лауреатов столичного конкурса,

по неизвестным причинам оказалась вынесенной за пределы столицы.

Левое и правое строения со стелами лауреатов¹⁶

Получив необходимую подготовку, ученики общинных школ допускались к сдаче проверочных испытаний на уровне

провинции, которые заменили провинциальный конкурс конца эпохи Ле. Они проводились два раза в год в 15-ый день 2-го и 8-го месяцев. При этом проверочные испытания эпохи Ле на уровне уезда были упразднены.

К сдаче провинциальных проверочных испытаний допускались как ученики общинных школ и дети чиновников, учившиеся в государственных школах, так и кандидаты, готовившиеся к их сдаче самостоятельно. По результатам предварительной проверки экзаменуемые допускались к основным испытаниям, которые в целом проводились по тем же правилам, что и в эпоху Ле. Следует отметить, что эти испытания сдавало достаточно большое число кандидатов, при этом все их лауреаты получали звание «ученика», право обучаться в государственных школах и освобождались от военной службы и повинностей, а также допускались до сдачи испытаний регионального конкурса¹⁷.

Региональный конкурс, как об этом свидетельствуют и иероглифы его названия, это на самом деле провинциальный конкурс эпохи Ле¹⁸, который проводился один раз в год по тем же правилам. Но поскольку в XIX в. конкурс стал проводиться не по провинциям, а по регионам, то его принято называть региональным. Для жителей Южного Вьетнама (Намки) он проводился в Сайгоне. Для живших между провинциями Биньтхуан и Куангнам в южной части Центрального Вьетнама (Чунгки), он проводился в Биньдине. В Хюе региональный конкурс проводился для населения трёх провинций Куанг Центрального Вьетнама. Жители северной части Центрального Вьетнама сдавали его испытания в Нгеане и Тханьхоа. Наконец, в Северном Вьетнаме сдача экзаменов регионального конкурса происходила в Ханаме и Намдине. В результате подобной «демократизации», к сдаче регионального конкурса стали допускаться практически все кандидаты, добившиеся успеха на провинциальных проверочных испытаниях. Известно, что в каждом из упомянутых регионов в нём одновременно принимали участие по несколько тысяч человек, но успеха добивались немногие.

В зависимости от того, какое число чиновников требовалось для пополнения государственных учреждений, император своим указом заранее устанавливал количество лауреатов первой и второй категорий, при этом согласно правилам число лауреатов, получавших звание «всесторонний талант», должно было в три раза превышать число тех, кто получал звание «рекомендованный человек».

К сожалению, сохранились лишь данные по результатам регионального конкурса, проведённого в 1913 г. в четырёх центрах Центрального Вьетнама:

Первая категория «Рекомендованный человек»	Вторая категория «Всесторонний талант»	Место проведения
14	42	Тханьхоа
22	66	Винь
32	96	Тхыатхиен - Хюе
18	54	Биньдинь

Если принять во внимание, что в каждом из указанных центров к конкурсным испытаниям было допущено по несколько тысяч человек, то становится очевидным, каким высоким был на них процент отсева претендентов на средние и высшие должности в чиновничьем аппарате [1011, с.71 – 77]¹⁹.

Наконец, общий или, столичный, конкурс ни по своему наименованию, ни по содержанию, ни чем-либо иным не отличался от аналогичного конкурса эпохи Ле. К его сдаче допускались все лауреаты регионального конкурса со званием «рекомендованный человек». Кроме того, его лауреаты со званием «Всесторонний талант» по результатам проверок в Государственной императорской академии в годы Тигра, Самца Обезьяны, Змеи и Свиньи образовывали высшую категорию «всестороннего таланта». Затем они обучались в академии ещё два года и также допускались на общий, или столичный, конкурс. В ту же категорию включались и допущенные на общий конкурс ученики Государственной императорской академии. Наконец, к испытаниям общего, или столичного, конкурса допускались дважды провалившиеся на региональном конкурсе, но особо упорные в учёбе чиновники низших классов. Они выдвигались из расчёта от одной малой провинции — один человек, именовались «заслуженный

ученик» и им должно было быть не менее сорока лет. [1011, с.91, 95, 96]²⁰.

Что же касается дворцового испытания, на котором проводилась градация высших лауреатов, то как его название и правила вместе с титулами лауреатов и присваиваемыми им рангами и классами, так и ритуал его проведения были скопированы без изменений с дворцового испытания эпохи Ле.

Стела с именами лауреатов на спине черепахи.

Хюе, 02.04.2011 г.

Таким образом, окончательно сложившийся в конце XIV – 1-ой половине XV в. регулятор социальной мобильности вьетнамского общества был максимально «демократизирован» в начале XIX в. За редким исключением, все жители общин, включая даже девочек, получили доступ к начальному конфуцианскому образованию. При этом практически все имущие слои населения смогли реализовать свои социальные права путём сдачи проверочных испытаний провинциального уровня с последующим получением низших чиновничьих должностей с соответствующими их уровню льготами. В то же время экзаменационные испытания регионального конкурса

значительно ограничивали доступ к средним и высшим чиновничьим должностям, тогда как правила допуска к испытаниям общего, или столичного, конкурса, с одной стороны, гарантировали сохранение социальных привилегий высшего чиновничества и знати, а с другой – обеспечивали выдвижение проверенных многолетней службой преданных сторонников правящей династии.

Реформа системы образования при первом императоре династии Нгуен лишь окончательно утвердила в сознании традиционного вьетнамского общества убеждение в том, что любой человек может реализовать свои права только через систему конкурсных испытаний, являющуюся регулятором социальной мобильности этого общества²¹.

3. Религия

Перед тем как перейти к описанию религиозной ситуации во Вьетнаме XVII – конца XIX в., представляется необходимым обратить внимание на следующие связанные с её характеристикой особенности настоящего параграфа.

Прежде всего, его специфика определяется тем, что как в первых двух томах, так и в предшествующих разделах данного тома уже достаточно много говорилось о религиях, получивших распространение в традиционном вьетском (вьетнамском) обществе. Понятие «традиционное» является ключевым для понимания происходивших процессов, так как со II – VI вв. принципиальных изменений в религиозных представлениях вьетнамцев не происходило. Безусловно, можно отметить их определённую эволюцию и постепенное приобретение ими законченной формы, что, как уже отмечалось, было связано со становлением государственной идеологии. Также нет никакого сомнения в том, что с точки зрения теологических исследований все нюансы эволюции религиозной ситуации во Вьетнаме XVII – XIX вв. представляют значительный интерес, однако «Полная академическая история Вьетнама» таковым исследованием не является. Поэтому следует лишь отметить, что во Вьетнаме эпохи позднего средневековья и нового времени одновременно

с традиционными культами существовали классический буддизм, индуизм, ислам и христианство. Однако при этом не следует забывать, что индуизм и ислам были восприняты главным образом тямцами, классические буддийские учения были характерны для близкого кхмерам населению Южного Вьетнама, а католицизм, являвшийся инокультурным явлением, получил распространение во вьетнамском обществе благодаря деятельности европейских миссионеров. Соответственно о традиционных культах, буддизме, индуизме и исламе речь идёт в основном в предыдущих томах, тогда как описание событий, связанных с католицизмом, даётся в настоящем и главным образом – в следующем томе.

Наконец, последнее. О самих культах и религиях в данном параграфе говорится лишь тогда, когда в них можно отметить принципиально новые аспекты по сравнению с теми, которые были описаны в предыдущих томах¹, а основное внимание в нём уделено культовой архитектуре. При этом важно подчеркнуть, что в эпоху позднего средневековья и в новое время, особенно – в начале XIX в., эта архитектура приобрела ту законченную форму, в которой она сохранилась вплоть до сегодняшнего дня²². Именно поэтому материал данного параграфа в основном представлен реконструкциями, схемами и фотографиями её памятников, снабжёнными детальными пояснениями и комментариями.

3.1. *Культ предков и его культовая архитектура*

3.1.1. *Семейно-общинно-региональный уровень*

На всём протяжении существования культа предков с середины III в. до н.э. по конец XIX в. н.э. его религиозная составляющая принципиально не изменялась, а к XI в. уже практически сложилась и его организационная форма¹¹.

Как уже отмечалось, в основе культа предков лежал культ предков одной отдельно взятой семьи (рода), а местом

¹ Смотри: «Том I» «Часть I» «Заключения», а также «Том II» «Часть I» и «Параграф 6» «Части II» «Заключения».

¹¹ Смотри «Параграф 6» и «Параграф 7» «Главы 3» «Части IV» «Том I», а также «Параграф 2.4.2», «Главы 4» «Части III» «Том II».

его отправления являлся семейный алтарь, который находился в первой комнате каждого дома или, говоря европейскими понятиями, в гостиной. Перед алтарём регулярно воскурялись благовония и ставились цветы и подношения духам предков как в виде вотивных предметов, так и в виде реальных фруктов и сладостей. В определённые дни, главным из которых считается день смерти предка, перед алтарём совершались молитвенные обряды. Сам «день смерти», по сути, являлся праздником встречи всех членов рода, на котором многие из них впервые встречались друг с другом... Интересно и то, что в «гостиной» с поминальным алтарём принимали гостей, при этом, беседуя, и хозяева, и гости нередко обращались к алтарю как к вполне реальному участнику разговора.

Поминальный алтарь в гостиной зажиточного крестьянина.
Община в районе Хюе. 02.04.2011 г.

Данная фотография свидетельствует о синкретичности вьетнамского культа предков, так как, во-первых, алтарь

установлен на буфете с посудой и, во-вторых, на алтаре стоит не фотография усопшего родственника, а изображение какого-то буддийского святого. В то же время на домашнем алтаре не видно табличек с именами предков¹, чему может быть дано два объяснения: либо они находятся в специальном отделении буфета, что маловероятно, либо они находятся в общинном поминальном храме.

С домашним алтарём предков неразрывно связаны и небольшие алтари, которые находятся на столбах у входа во двор многих домов и предназначены для отпугивания демонов.

Алтарь, в который ставятся подношения духам, для того чтобы, насытившись, они не причиняли вреда обитателям дома.

Частный дом, община в районе Хюе. 01.04.2011 г.

Не позднее XVIII в. зажиточные представители общинной верхушки начали строить личные семейные

¹ Смотри также иллюстрации 164 и 165 в «Томе I».

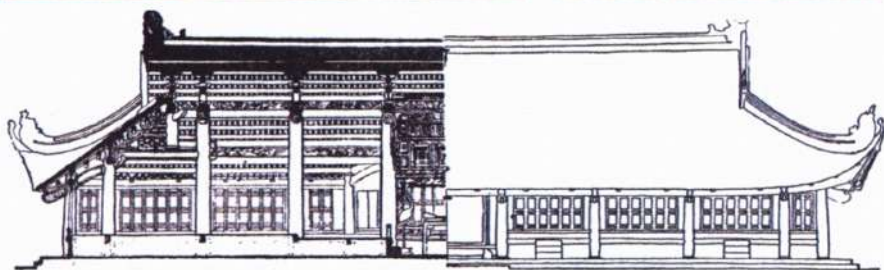
поминальные храмы, которые в определённой степени «дублировали» общинные.

Родовой поминальный храм XVIII – начала XIX в.
Окрестности Хюе. 02.04.2012 г.

В связи с этим возникает проблема разграничения общинных домов и общинных поминальных храмов, которая не имеет однозначного решения. Принято считать, что общинный дом – это место сбора старейшин, проведения мероприятий, совместных трапез и времяпровождения, а общинный поминальный храм является местом поклонения предкам и духам-покровителям той или иной общины. Соответственно первый называется «динь», а второй – «ден». В теории это так и есть, однако на практике это далеко не так. Этот вывод следует из нижеприведённого описания трёх известных общинных домов Северного Вьетнама.

Главное здание всех общинных домов имеет несущую столбовую конструкцию и один разделённый на три части и занимающий всю его площадь зал. В каждой из этих частей находится как минимум один алтарь духу-покровителю. Более того, перед самым зданием, как правило, стоит специальный алтарь с курительницами, в которые читающие молитвы посетители дома втыкают палочки с благовониями.

I. Общинный дом в деревне Диньбанг (прежде – деревня Кофап) общины Тышон провинции Бакнинь. Строительство начато в 1700 г. и завершено в 1736 г. Общинный дом посвящён трём духам-покровителям:

Великому королю высоких гор (дух Гор),
Великому королю повелителю вод (дух Вод),
Великому королю всех установлений (дух Земли).

II. Продольный разрез: 1. Задняя часть дома с помещениями для собраний и встреч; 2. В центре – богато украшенный алтарь с птицей Лак на переднем плане; 3. Внешний вид передней части [835, с.219]

Общинный дом также имеет особые помещения для сбора старейшин и совместного времяпровождения членов общины.

Общинный дом «Гуманного долголетия». Хайфон. 04.04.2012 г.

Судя по всему, архитектура здания общинного дома является древнейшим образцом зодчества, лежащего, как это показано далее, в основе всех вьетнамских культовых и дворцовых сооружений. В какое время сложились основные принципы этой архитектуры, сказать трудно, но совершенно очевидно, что несущая столбовая конструкция её памятников восходит к древнейшим свайным постройкам, которые по сей день возводят для своего проживания горные национальные меньшинства Вьетнама^I. Поэтому нет никакого сомнения в том, что основные принципы этой архитектуры восходят к эпохе царств Аулак и Намвьет^{II}, а в правление Си Ниэпа^{III} они уже получили своё первоначальное оформление.

Надо полагать, что уже не позднее рубежа II – III вв. строительство культовых зданий велось в соответствии со следующими основополагающими принципами:

1. Здание должно было быть прямоугольным, при этом его ширина равнялась одной трети его длины.

^I Смори иллюстрации 27, 31 и 147 в «Томе I».

^{II} Середина III – II вв. до н.э.

^{III} 187 – 227 гг.

2. Строение должно было иметь четырёхскатную крышу с изогнутыми коньками, нередко изображавшими дракона или феникса.

3. Несущая столбовая конструкция здания состояла из брёвен, при этом одно бревно плотно входило в паз другого без какого-либо дополнительного крепления.

4. Помещение делилось на три части; деление могло быть как продольным, так и перпендикулярным, при этом главным являлось первое.

5. Перед входом в здание находился алтарь с вазами для благовоний.

6. На территории общинного дома обязательно должен был быть водоём, как правило, в форме полулунного или полнолунного пруда.

Об этом наглядно свидетельствуют нижеприведённые фотографии общинного дома в пригороде Ханоя, а также фотография и схема общинного дома в Хайфоне. Они также свидетельствуют и о том, что общинный дом, несомненно, являлся местом проведения общих собраний и мероприятий. Однако они же и с не меньшей степенью очевидности говорят о том, что он был и местом отправления культа. Ещё красноречивее «двойственный характер» общинного дома подтверждается двумя фотографиями начала XX в. На первой из них на его фоне запечатлены старейшины и деревенская верхушка, а на второй – отправление культа в общинном доме.

Таким образом, получается, что общинный дом являлся не только местом проведения общинных мероприятий, но и местом отправления культовых церемоний. Но если это так, то в чём принципиальное отличие общинного дома, или «диня», от общинного поминального храма, или «дена»? К сожалению, даже сами вьетнамцы не в состоянии дать вразумительный ответ на этот вопрос. Если же исходить из фактического материала, то складывается впечатление, что в Северном Вьетнаме никакого различия между «динем» и «деном» на уровне общины не существовало.

Алтарь с залом для молений.
Левый продольный придел Общинного дома Ве

Зал встреч, трапез и совместного времяпровождения со столами, стульями, диванами и телевизором. Правый продольный придел Общинного дома Ве

Левый зал (перпендикулярный придел) Общинного дома Ве

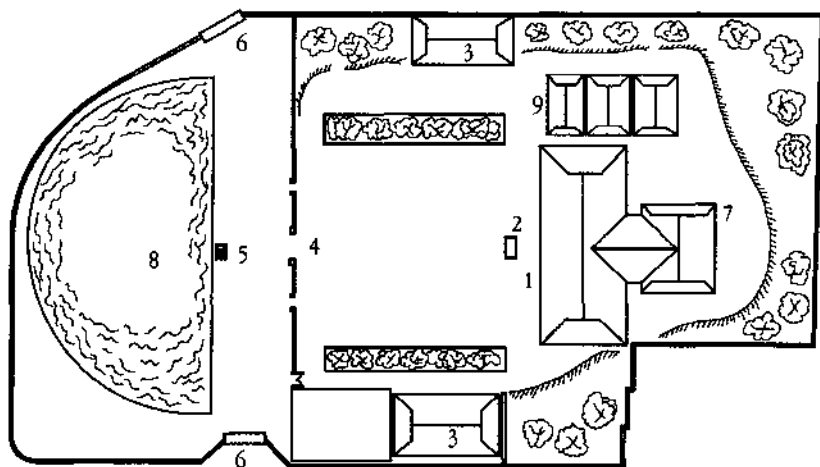

Правый зал (перпендикулярный придел) Общинного дома Ве.
Первое упоминание Общинного дома Ве в деревне Донгнхак, общины
Донгнхак уезда Тылием в пригороде Ханоя относится к XVII в.
Ханой, 17.04.2011 г.¹

¹ Смотри также иллюстрацию 65 в «Томе II».

Общинный дом «Гуманного долголетия»
в общине Хангкень уезда Анзыонг .

В настоящее время это район Хангкень округа Летян города Хайфон .

- 1- Главный общинный дом
- 2- Алтарь с урнами для благовоений
- 3- Гостевые дома
- 4- Главные ворота
- 5- Флагшток

- 6- Входы на территорию
- 7- "Дом золотого согласия"
(место собраний старейшин)
- 8- Полулунный пруд
- 9- Место отдыха и чтения

Староста и деревенская верхушка у входа в общинный дом.
Северный Вьетнам, май 1915 г. Musée Albert Kahn, A005532

Молебен перед алтарём в общинном доме.
Северный Вьетнам, февраль 1916 г. Musée Albert Kahn, A007603

В то же время в Северном Вьетнаме поминальным храмом, или «деном», именуются региональные поминальные храмы, посвящённые тем или иным героям регионального или общенационального значения, а также императорам династий, предшествовавших династии Нгуен¹. При этом никаких других функций, кроме культовых, эти храмы не имели. По сути, они занимают промежуточное положение между общинным домом-храмом или «динем» и поминальными комплексами династии Нгуен, о которых речь идёт ниже.

Иное дело южная часть Центрального и особенно Южный Вьетнам, где понятие общинного дома, или «диня», является синонимом понятия общинного поминального храма, или «дена». В южновьетнамских провинциях практически невозможно провести границу между общинным домом, общинным поминальным храмом и поминальным храмом регионального значения²³.

3.1.2. Регионально-династийный уровень

К тому, что уже было сказано о поминальных храмах регионального значения, можно добавить лишь то, что они отличались от общинных домов – поминальных храмов лишь большей пышностью и размерами. То же самое можно сказать, судя по культовым сооружениям последней вьетнамской династии, и о семейных поминальных храмах вьетнамских династий. Так, до наших дней частично сохранился храм в честь предков рода Нгуен, основателем которого, как уже говорилось, является Нгуен Ким, бывший отцом первого государя Данчаунга Нгуен Хоанга. В 1803 г. во 2-ой год своего правления император Старший предок построил на месте захоронения Нгуен Кима и его жены «Храм [рода] Нгуен»¹¹. На следующий год он же возвёл в цитадели Хюе в их честь «Великий Храм», тогда как его наследник император Совершенный предок учредил там же «Храм Поколений» в

¹ Смотри иллюстрации 78, 79, 82 – 85, 96 – 98, 100 и 122 – 125 в «Томе I» и иллюстрации 9, 18, 20, 27 и 71 в «Томе II».

¹¹ Нгуен Ким и его жена были родом из провинции Тханьхоа, в которой на холме Чиеу находятся остатки их мавзолея.

1821 г. Перед входом в этот храм были установлены девять треножников в качестве символа императорской власти²⁴ [913, с.119, 120].

Вход в «Храм Поколений» с центральным треножником

Четыре левых треножника

Четыре правых треножника

В зале храма находятся расположенные по порядку старшинства поминальные алтари покойных императоров династии Нгуен, которые являются более богатыми репликами семейных алтарей и ничем не отличаются друг от друга.

Алтарный зал «Храма Поколений»

Поминальный алтарь Императора [Свергнутого] Нгуен-фук Миня, девиз
правления «Всеобщее соответствие» (1885 г.)
Императорская цитадель Хюе, 02.04.2011 г.

По сути, речь идёт о полном замкнутом цикле культа предков от семейного культа рядового вьетнамца до семейного культа императорского рода, объединяемых в единое целое промежуточными культами персонажей регионального и общенационального значения²⁵.

3.1.3. *Столица и погребальные комплексы (мавзолеи) императоров династии Нгуен в свете проблемы «императорского культа»*

Тот факт, что выбор местонахождения и планировки столицы издавна носил культовый характер, не вызывает сомнений¹. Справедливо это и применительно к столице Дайнама, хотя планировкой и строительством столичной цитадели руководили такие известные европейские инженеры и специалисты, как Шеньо и Оливье де Пиюманель.

¹ Смотри «Параграф 4» «Главы 3» «Части IV» «Томе I» и «Параграф 3» статьи «Летоисчисление, система прорицаний и восприятие общей структуры Мироздания в традиционном Вьетнаме» в «Томе VI».

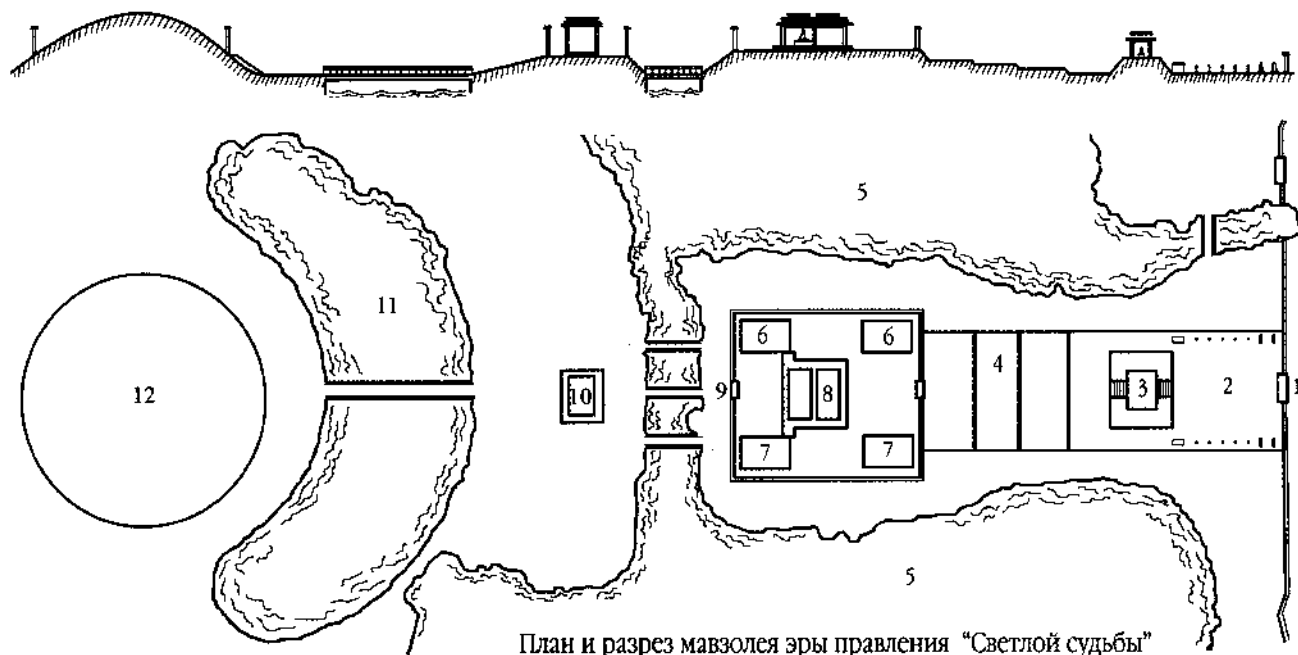
¹ Смотри также иллюстрации 26, 35, 36, 87 – 89, 111 и 119 настоящего тома.

Huế. ∞ *Vue générale du tombeau de l'empereur Minh Mang, construit de 1841 à 1843. (Cl. Serv. Aér. de l'Indochine.)*
 Хюэ. Общий вид мавзолея императора, правившего под девизом "Светлая судьба".
 Построен в 1841-1843 гг. (Служба аэрофотосъемки Индокитая)

Спутниковая фотография мавзолея (2011г.)

План и разрез мавзолея эры правления “Светлой судьбы”

1- Ворота главного входа

2- Двор статуй

3- Беседка с поминальной стелой

4- Промежуточный трёхступенчатый двор

5- Искусственные водоёмы

6- Помещения для вдов императора

7- Помещения для придворных ,

решивших удалиться от мира

8-Алтарный комплекс со статуей Будды

9-Переход из “Мира живых” в “Мир покоя”

10-Беседка для отдыха и раздумий

11-Полулунный пруд

12-Холм-могильник с лесным массивом

Столичная цитадель в Хюе была построена по образцу крепостей французского военного инженера XVIII в. Вобана. В её северо-восточной части был сооружён форт, защищавший императорский город со стороны моря. Цитадель представляет собой ограниченный высокой восьмикилометровой стеной и заполненным водой рвом прямоугольник, с десятью воротами и центральным фортом с тринадцатиметровой «флаговой» башней. Нгуен Ань стал первым государем на Дальнем Востоке, который использовал знаменитую модель Вобана для строительства крепостей, в частности – при возведении цитадели Зядини. Все её элементы присутствуют и в цитадели Хюе [1301, с.139; 1756; 1757].

Однако при всём французском влиянии выбор места строительства крепости и её ориентация основывались на заключениях геомантов. То же самое можно сказать как об архитектуре зданий, находившихся внутри крепостных стен, так и о специфике их расположения. Так, например, согласно конфуцианской традиции, на крайней южной точке столицы должен находиться алтарь жертвоприношений духам Неба [и] Земли, к которому примыкает целый комплекс династийных поминальных храмов. Главная дорога и основные здания архитектурного комплекса ориентированы по оси юг – север. Император также должен был сидеть лицом к югу. Лишь он мог пользоваться центральным входом южных ворот при торжественных выездах из столицы, тогда как два «скрытых стеной» прохода этих ворот предназначались для жителей города. Согласно геомантии, находящиеся на горизонте горы Нгыбинь защищают «Императорские ворота» от злых духов, а находящиеся на реке Ароматной островки Конхен и Конзявиен олицетворяют «Синего Дракона» и «Белого Тигра» [1301, с.140, 147]²⁶.

Также следует отметить, что вся территория внутри цитадели именовалась «Императорским городом», центром которого являлась особая закрытая для всех, кроме самого императора, его жён, наложниц, несовершеннолетних детей и евнухов, территория, именовавшаяся «Запретным», или «Фиолетовым городом»²⁷.

Наконец, важно подчеркнуть ещё один сакральный аспект императорского города. По сути, он является начальной точкой совпадающей с течением реки Ароматной условной линии, по которой расположены теснейшим образом связанные с ним императорские погребальные комплексы. При этом чем древнее тот или иной погребальный комплекс, тем дальше он находится от Хюе. Так, наиболее удалённым от столицы Дайнама является мавзолей её первого императора¹.

Нет никакого сомнения в том, что не позднее второй половины XIV – первой половины XV в. в Дайвьете уже оформились основные принципы организации династийных поминальных храмов. К сожалению, погребальные комплексы императоров династий Ли, Чан и Ле не сохранились, однако, надо полагать, что в эпоху правления императоров Ле в XV – XVIII вв. постепенно сложились основные принципы их строительства, так как они не могли возникнуть «из ничего» с восшествием на престол династии Нгуен.

Разрушенный в 1968 г. причал с мостом, который вёл к мавзолею Старшего предка императора Высокого Нгуен-фук Аня, правившего под девизом «Прекрасный [и] возвышенный» (1802 – 1819 гг.).

Река Ароматная. Хюе, 01.04.2011 г.

Из ранних мавзолеев императоров Нгуен почти все находятся в плачевном состоянии. Хорошо сохранился и/или был отреставрирован лишь мавзолей её второго императора^{II}.

¹ Смотри иллюстрации 28 – 30 настоящего тома.

^{II} Совершенный предок император Гуманный Нгуен-фук Зам, правивший под девизом «Светлая судьба» (1820 – 1840 гг.).

Территория мавзолея делится на две большие зоны. Первая – это «Мир живых», созданный по образу и подобию императорского двора, в котором могли жить пожелавшие остаться со своим усопшим повелителем его жёны, наложницы и приближённые. Вторая – это «Мир покоя», или загробный мир. И та и другая зоны делились на три части и имели водоёмы, при этом могилы находились в дальней, третьей части второй зоны. Мавзолей строился при жизни императора, нередко уединявшегося там от мирских дел.

Первая часть «Мира живых». Главные ворота, справа и слева ряды статуй

Как это следует из схемы, главные ворота мавзолея, к которым вела дорога от реки Ароматной, открываются на «Площадь статуй», являющуюся началом зоны «Мира живых».

Площадь статуй.

Правый ряд – слон, конь, слуга, два военных и два гражданских чиновника.

Левый ряд статуй идентичен правому.

На переднем плане: символ власти – дракон.

Императорский слон, высший военный и высший гражданский чиновники

Достаточно условное название «Площадь статуй» связано с тем, что по обеим её сторонам установлены статуи высших сановников императорского двора, а также статуи животных, использовавшихся при выездах императора.

Вторая часть первой зоны представлена трёхуровневым двором. Её предназначение не совсем понятно. Не исключено, что каждая из её площадок предназначалась для чиновников соответствующего уровня, которые составляли свиту императора при его посещениях мавзолея.

Третья часть «Мира живых» состоит из императорского дворца и связанных с ним зданий, предназначенных для пожелавших остаться с усопшим властителем жён, наложниц и придворных. При жизни императора этот дворцовый комплекс использовался в качестве одной из его резиденций. Судя по всему, в третью часть также частично входит «Переход» из «Мира живых» в «Мир покоя».

Границей между первой и второй частями «Мира живых» служит беседка со стелой, на которой записаны основные свершения императора, а между его второй и третьей частями – «Беседка для отдыха».

Интересно отметить и то, что по правой, левой и задней сторонам зоны «Мира живых» расположены искусственные водоёмы, тогда как перед ней течёт река Ароматная.

Переход во вторую часть «Мира живых». Беседка со стелой и стела

Вторая часть «Мира живых».
Трёхступенчатый двор с переходом в третью часть.
Вид со стороны беседки со стелой

Третья часть «Мира живых».
Императорский дворец

Зал приёмов императорского дворца

Один из четырёх домов по обеим сторонам дворца.
Перед дворцом — два дома для приближённых,
за дворцом — два дома для жён и наложниц

«Переход» из «Мира живых» в «Мир покоя». Вид с обеих сторон

Как и «Мир живых», «Мир покоя» делится на три части, его организация резко отличается от структуры первого. Путь в него начинается с достаточно крутого и длинного спуска, продолжающегося относительно короткой дорогой, которая ведёт через два искусственных водоёма. Затем следует очередной подъём к «Беседке для отдыха и раздумий».

Вторая часть «Мира покоя» также начинается с крутого спуска, продолжающегося более длинной дорогой, которая, пересекая полулунный пруд, проходит через арку-ворота и упирается в покрытый лесным массивом холм, являющийся третьей частью зоны «Мира покоя».

В третьей части «Мира покоя» находятся условные могилы императора и императрицы²⁸.

Наконец, завершая характеристику вышеописанного погребального комплекса, представляется целесообразным обратить внимание ещё на его уровневую стратиграфию, которая, вне всякого сомнения, имеет культовое значение. Из продольного разреза плана мавзолея следует, что стратиграфия зоны «Мира живых» повышается от одной его части к другой, при этом вторая часть этой зоны сама состоит из трёх уровней. Наивысшей точкой зоны «Мира живых» является гребень крыши императорского дворца, который равен по высоте гребню «Перехода» в «Мир покоя».

В то же время первая и вторая части «Мира покоя» с водоёмами находятся на одном уровне, который совпадает с уровнем «Площади статуй», или низшим уровнем «Мира живых», строго соблюдается уровневая стратиграфия. Высшими же точками «Мира покоя» являются находящиеся на одном уровне гребень «Беседки для отдыха и раздумий» и вершина могильного холма, которые также находятся на одном уровне с гребнем императорского дворца и гребнем «Перехода» из «Мира живых» в «Мир покоя».

Безусловно, совпадение высших и низших уровней обеих зон погребального комплекса не может быть случайным и имеет сакральный характер. Однако с каким именно аспектом погребального культа связана такая стратиграфия мавзолея, можно только догадываться, так как ни в одном из

известных на сегодняшний день вьетнамских источников об этом ничего не сообщается.

Дорога через искусственные водоёмы и «Беседка для отдыха и раздумий», являющаяся границей между первой и второй частями «Мира покоя». Вид со стороны «Перехода»

Вид из «Беседки для отдыха и раздумий» на вторую часть «Мира покоя» с аркой-воротами в его третью часть на дальнем плане.
Общий вид второй и третьей частей «Мира покоя»¹

Если теперь, после подробного описания организации погребального комплекса второго императора династии Нгуен,

¹ Все фотографии погребального комплекса сделаны 01.04.2011 г.

вернуться к проблеме «императорского культа»¹, то таковым достаточно условно можно признать лишь культ, отправлявшийся в месте упокоения императора. Надо полагать, что он символизировал верховную власть императора как над миром живых, так и над загробным миром, его право карать и награждать как людей, так и духов-покровителей и злых демонов. Тем не менее этот культ являлся составной частью культа предков правящей династии, который в свою очередь был вершиной всего культа предков в целом. Поэтому выделять его в отдельный «императорский культ» не совсем верно, тем более что и он сам не был единым, так как каждому усопшему императору поклонялись отдельно в его личном мавзолее^{II}.

3.2. Буддизм и его культовая архитектура

3.2.1. Эволюция буддизма во Вьетнаме в XVII – XIX вв.

Междоусобные войны между севером и югом в начале XVII в. в определённой мере оказались благоприятным фактором для усиления влияния буддизма в обществе: учение о жизни как страдании получало в то время подтверждение на всех ступенях социальной иерархии. Пользуясь поддержкой как государей Чинь на севере, так и государей Нгуен на юге, вьетнамская сангха постепенно вновь обрела утраченные ранее позиции. Этому способствовало и бегство последователей буддизма из Китая после падения династии Мин.

Во владениях Нгуенов немалое влияние получила школа Спасительного созерцания, что также было обусловлено притоком беженцев с севера после маньчжурского завоевания. Среди них было немало буддийских монахов, включая наставника Юань Шао^{III}, прибывшего в Центральный Вьетнам морем в 1665 г. Туда же перебрались и другие минские последователи школы Спасительного созерцания, включая

^I Смотри «Примечание 24» и «Примечание 25» в «Комментарии» к настоящей главе.

^{II} Смотри «Параграф 6» «Главы 3» «Части IV» «Том I».

^{III} 1614 – 1695 гг.

выходца из Фуцзяни Фа Хуа^I и обосновавшегося в Фуиене Цзи Юаня^{II}. Впоследствии адептами этой школы стали многие вьетнамские наставники. Наибольшую известность среди них обрёл пользовавшийся особым расположением государя Нгуен-фук Кхоата^{III} выходец из Фуиена Лиеу Куан^{IV}. Благодаря расширению владений государей Нгуен в XVIII в. вьетнамский буддизм распространился и на новые южные территории. Так, в 1755 г. наставник Дат Бон из Куиньона возвёл в Зядини пагоду Тхиен-чюн²⁹, а последователь Лиеу Куана наставник Дао Чунг в 1763 г. основал пагоду Линь-шон в Тэйинине [1385.1, с.419, 424 – 431]. Беженцы из империи Мин также оказали влияние на развитие буддизма на севере Вьетнама. Так, в 1633 г. наставник Чжо Чу^V из Фуцзяни перебрался через Камбоджу и Тямпу в Тханглаунг, где по указанию государя Чинь Чанга^{VI} участвовал в восстановлении пагоды Бут-тхап³⁰. Кроме того, приезд образованных буддистов способствовал повышению уровня доктринальных знаний в среде вьетнамской сангхи [1385.1, с.386].

В этот период на севере Вьетнама возрождается национальная школа буддизма Бамбуковой рощи, что связано с именем наставника Хыонг Хая^{VII}. Он родился во владениях Нгуенов и состоял у них на чиновничьей службе. Приняв постриг, вскоре получил известность как знаток буддийских доктрин и умелый врач. Завистники написали ставший причиной ссылки Хыонг Хая донос о его намерении уехать к Чиням, что и стало причиной его к реальному бегству на север в 1682 г. Пользуясь высоким авторитетом, Хыонг Хай и там способствовал возрождению школы Бамбуковой рощи, а также перевёл около тридцати томов буддийских сочинений на разговорный язык с использованием иероглифики «ном».

^I 1670 – 1754 гг.

^{II} Умер в 1689 г.

^{III} 1714 – 1765 гг.

^{IV} 1670 – 1742 гг.

^V 1590 – 1644 гг.

^{VI} 1577 – 1654 гг.

^{VII} 1627 – 1715 гг.

1. Две зажиточные вьетнамки в саду перед скульптурным изображением буддийского рая. Тонкин, 1914 – 1918 гг. Musée Albert Kahn, №A010323.

2. Общая молитва в пагоде «Вечного величия».

Хошимин, 12.04.2011 г.

Заметную роль в возрождении школы Бамбуковой рощи на севере сыграл наставник Тянь Нгуен¹. Уроженец Хайзыонга, он участвовал в воссоздании центров этой школы в пагодах Лаунг-донг и Куинь-лам. В 1722 г. император Богатый рода [династии] Ле удостоил Тянь Нгуена титула «Всеобщий наставник» сангхи [1385.1, с.388, 389, 405 – 408].

В XVIII – XIX вв. переиздаются буддийские тексты эпохи Ли – Чан. Так, по инициативе наставника Тянь Нгуена в 1705 г. были отпечатаны книги «Записи светлых наставников» и «Истоки добродетели учения Созерцания». В 1715 г. наставником Ны Чи переиздается одна из главных книг вьетнамского буддизма «Высказывания выдающихся Святых [из] Сада Дхьяны». Этот текст послужил основой для её очередного переиздания наставником Фук Диеном в 1859 г.

В 1734 г. наставник Ны Шон переиздаёт ещё одну книгу вьетнамского буддизма школы Созерцания «Записи [мыслей] сменявшихся наставников». В 1763 г. наставник Туе Нгуен в пагоде Лаунг-донг на горе Иенты переиздаёт важный источник по истории вьетнамского буддизма эпохи Чан «Запись слов высокообразованных [наставников]». В 1765 г. перепечатываются «Истинные записи [о] Трёх Основателях». Однако наиболее ранний из сохранившихся ксилограф трактата императора Великого рода [династии] Чан «Записи наставлений [о] Пустоте» относится лишь к 1850 г. [1385.1, с.396 – 402].

В конце XVIII в. неустойчивое равновесие между севером и югом было разрушено восстанием Тэйшонов, объединивших страну, разгромивших цинские армии и в свою очередь потерпевших поражение от одного из представителей рода Нгуен. Кратковременное правление братьев Тэйшонов, ограничивших общую численность монахов и закрывавших пагоды, в целом было неблагоприятно для буддийской общины, хотя в то время многие представители вьетнамской интеллигенции обращались к буддизму. Одним из них был происходивший из известного рода и родившийся в Северном

¹ 1646 – 1726 гг.

Вьетнаме Нго Тхи Ниём^I, который в 1775 г. успешно сдал конкурсные испытания, получил звание «продвинутый муж» и занимал ключевые посты в административной иерархии. Нго Тхи Ниём служил и при Тэйшонах, после падения которых он оставил службу и занялся буддизмом. Его трактаты принесли Нго Тхи Ниёму славу крупного буддийского мыслителя во Вьетнаме того периода.

В период правления династии Нгуен отношение её императоров к буддизму имеет двойственный характер. Например, в годы правления под девизами «Прекрасный [и] возвышенный»^{II} и «Наследованная добродетель»^{III} был введён ряд ограничений и запретов на строительство и ремонт пагод. Судя по всему, это было связано с тем, что в ту эпоху буддизм воспринимался государственной идеологией Дайнама как «суеверие». Однако, принимая во внимание воздействие его идей на творчество упоминавшихся в предыдущей главе выдающихся вьетнамских поэтов Нгуен Зу и Као Ба Куата, надо полагать, что в жизни вьетнамского общества влияние буддизма было по-прежнему велико. Поэтому и императоры правящей династии уделяли внимание восстановлению разрушенных в ходе войны с Тэйшонами буддийских пагод. Так, в 1815 г. Нгуен Ань издал указ о восстановлении пагоды Тхиен-му^{IV} в Хюе, а в 1849 г. Нгуен-фук Тхи дал указание о её ремонте вместе с рядом других пагод [185.1, с.479].

В середине XIX в. не только возрождается интерес к буддийским текстам предыдущих столетий, но и создаются новые религиозные произведения. Так, наставник Фук Диен из окрестностей Ханоя участвовал в переиздании буддийских текстов эпохи Чан, а последователь Тянь Нгуена монах Дам оставил два произведения об учении школы Бамбуковой роши назвав их «Основные положения всеобъемлющих законов» и «Детальные пояснения всех парамит»³¹ духовной классики»^V.

^I 1746 – 1803 гг.

^{II} 1802 – 1819 гг.

^{III} 1847 – 1883 гг.

^{IV} Пагода Небесной Наставницы.

^V Эти произведения датируются соответственно 1819 и 1843 гг.

Наконец, наставник Ан Тхиен из Бакниня стал автором синкретического текста о Трёх Учениях [1385.1, с.480 – 488]^I.

Во второй половине XIX – начале XX в. в рамках антифранцузских протестных движений на юге Вьетнама получают распространение религиозные самоубийства буддистов. В 1846 г. наставник Виен Нго из Зядини умер после сорока шести дней голодовки. В 1903 г. наставник Ныи Тяи из Зядиня совершил самосожжение в день рождения Будды [1385.1, с.492 – 495]. Там же и приблизительно в то же время начали распространяться неортодоксальные буддийские движения. Наиболее известное из них было основано проповедником Тэй Аном^{II}. Это движение, учение которого сочетало в себе положения тхеравады и махаяны, получило название «Необыкновенный аромат горного богатства». Тэй Ан прославился в 1849 г. благодаря своим навыкам целителя во время эпидемии холеры в провинции Шадек и других районах дельты Меконга. В период, когда это движение возглавляли Фат Чум^{III} и Нго Лой^{IV}, его сторонники принимали участие в антиколониальной борьбе [1389, с.13, 14].

Таким образом, в XVII – XIX вв. параллельно с процессом всё большей «китаизации» внешних форм государственной организации, достигшего своего апогея с приходом к власти династии Нгуен, во вьетнамском обществе шёл процесс определённого усиления буддийского влияния, который был особенно характерен для Южного и южной части Центрального Вьетнама. Последствия этого процесса особенно ярко проявились в середине XX в.^V. В то же время следует подчеркнуть, что, как и в предыдущие столетия, основанием вьетнамской религиозной системы по-прежнему оставался культ предков вместе со всем комплексом связанных с ним верований, или так называемым «народным даосизмом». При этом на уровне общины они так переплелись с буддизмом, что

^I «Глубокое исследование Трёх учений».

^{II} 1807 – 1856 гг. Мирское имя Доан Минь Хюен.

^{III} 1868 – 1875 гг., кхмер по происхождению.

^{IV} 1879 – 1890 гг.

^V Смотри «Часть II» «Тома IV».

провести между ними границу не представляется возможным. Поэтому буддизм как религиозно-философское учение был достоянием образованного сословия, прежде всего – средних и высших слоёв буддийской сангхи.

3.2.2. Особенности архитектуры буддийских храмов во Вьетнаме

Как и во всём комплексе религиозных представлений во вьетнамском обществе XVII – XIX вв., так и в его культовой буддийской архитектуре того времени никаких изменений принципиального характера не произошло.

В связи с этим необходимо отметить, что подавляющее большинство из сохранившихся до наших дней памятников этой культовой архитектуры датируются именно XVII – началом XVIII в. По всей видимости, последнее связано с тем, что основным материалом для строительства служили дерево и глина, которые относительно недолго выдерживают разрушительное влияние вьетнамского климата. Кроме того, известно, что поминальные храмы и пагоды подвергались разграблению и уничтожались как в ходе многочисленных войн с Тямпой и Китаем, так и в результате внутренних феодальных междоусобиц.

Тем не менее в Северном Вьетнаме сохранилось достаточно много пагод, чтобы можно было сделать вывод о существовании устоявшейся традиции их строительства, восходящей к «Эпохе северной зависимости». В основе же этой традиции, как и в основе всей вьетнамской культовой архитектуры до французского колониального завоевания, лежали, как уже говорилось, базовые принципы строительства общинного дома. Это принцип «троичности» и принцип связи с искусственными или естественными водоёмами.

Иными словами, речь идёт об архитектурном единстве пагод и вышеописанных зданий культа предков всех уровней. Представляется, что наиболее наглядно особенности этого архитектурного единства вьетнамских общинных домов, поминальных храмов и буддийских пагод прослеживаются на их планах и фотографиях.

Пагоды и региональные поминальные храмы столь близки, что даже такие известные исследователи вьетнамской культуры, как П.Юар и М.Дюран, называют находящийся на островке озера Возвращённого меча храм общенационального уровня «Нефритовая гора» пагодой [835, с.219]³².

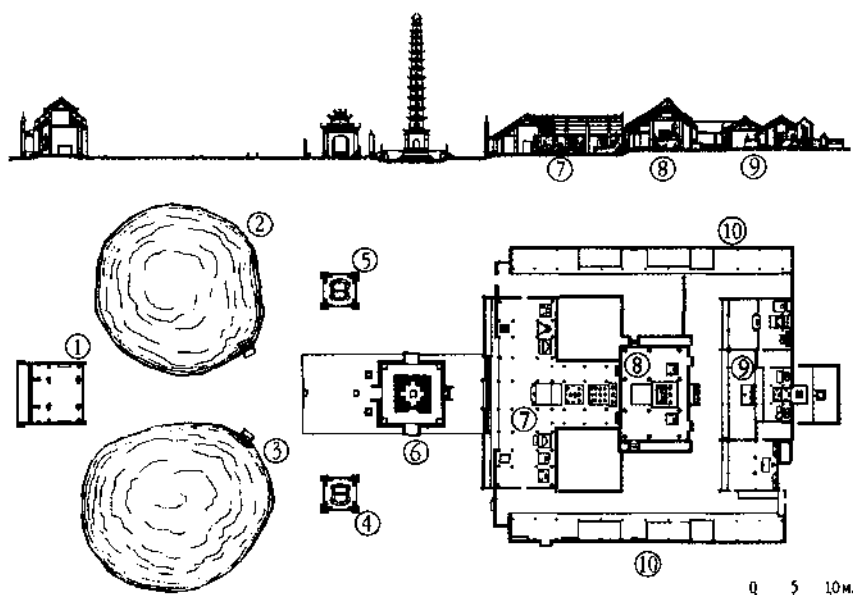

I. Фотография начала тридцатых годов XX в.

II. Продольный разрез плана справа налево: 1. Святилище выдающихся военных; 2. Святилище выдающихся гражданских; 3. Строение с главным алтарём Чан Куок Туану (Великому королю Процветающего Пути [по фамилии] Чан); 4. Павильон со стелой. Взято из работы Чан Хам Тана «Вьетнамский народ», 1948 г.

Если теперь обратиться к пагоде Фо-минь, которая является одной из самых древних и наиболее известных пагод

Северного Вьетнама, то архитектурное родство поминального храма и пагоды станет совершенно очевидным.

1- Беседка с главными воротами	6- Ступа
2- Левый полулунный пруд	7- Передняя пагода
3- Правый полулунный пруд	8- Средняя пагода
4- Правая стела 1668 г. (Описание пагоды)	9- Задняя пагода
5- Левая стела 1916 г. (Описание ступы)	10- Монашеская обитель

Пагода Фо-минь (Всеобщего света) в Намдине 1262-1305 гг.

Продольный разрез и вид сверху. Схема из исследования ЛБезасье

При сопоставлении планов видно, что и поминальный храм и пагода имеют «троичную» организацию, водоём (природный или искусственный), строение с главным алтарём и павильон (беседку) со стелой (стелами). Имеется лишь два принципиальных отличия. Первое – в храме алтарь посвящён главному духу-покровителю, то есть Чан Куок Туану, а в пагоде, естественно, Будде. Второе, пагода имеет ступу, как правило, одну высокую главную ступу и до нескольких десятков второстепенных невысоких ступ. При этом жёсткой регламентации в порядке расположения ступ на территории пагоды не прослеживается.

1. Вид от входа на территорию на левый полулунный пруд и ступу;
 2. Нижняя и средняя пагоды с монашеской обителью на заднем плане.
- Намдинь, 28.03.2012 г.

В одних случаях, как, например, в пагоде Фо-минь, главная ступа может быть возведена перед пагодой, в другом, как в пагоде Нинь-фук провинции Бакнинь, – за ней.

Пагода Нинь-фук (Спокойного счастья) в Бакнине, XVI-XVII в.в.
Продольный разрез. Схема из исследования Л.Безасье

Главная и одна из вторичных ступ

На фотографии видно, что засаженный рисом водоём находится перед ступой. То есть им завершается, а не открывается весь комплекс пагоды. Таким образом, можно предположить, что в пагодах главная ступа и водоём образовывали культовое единство. Поэтому ступа и возводилась перед пагодой или позади неё, — там, где находился водоём¹.

¹ Смотри иллюстрации 110 в «Томе I» и 46 в «Томе II».

Вид от выхода к ступе на третью, вторую и первую пагоды.
Бакнинь, 29.03.2012 г.

Правда, во Вьетнаме также существуют буддийские святилища иной конструкции. Однако представляется, что их нельзя считать памятниками традиционной вьетнамской культовой архитектуры. К памятникам такого типа относятся, например, пагода Зиен-хыу¹ в Ханое и скальный храм «Узоры Необъятной Пустоты» в пригороде Дананга^{II}. Но если о происхождение конструкции пагоды можно лишь строить предположения, то скальный храм, вне всякого сомнения, имеет индуистские корни. Как известно, вьетнамцы считали индуизм «ложным учением». Поэтому бывший индуистским до покорения Центрального Вьетнама государями Нгуен уникальный тямский скальный храм, был преобразован в буддийское святилище.

Надо полагать, что это произошло не позднее конца XVII – начала XVIII в.

¹ Эта пагода больше известна под названием «пагода Одного столба». Смотри иллюстрации 77 и 78 в «Томе II» и 8 в настоящем томе.

^{II} Смотри иллюстрации 5, 6, 24 и 25 в «Томе II».

4. Скульптура

Надо полагать, что традиционная вьетнамская скульптура XVII – XIX вв. ничем не отличалась от почти несохранившейся скульптуры предыдущих веков. Вся она имела культовый характер и устанавливалась либо в поминальных храмах, либо в буддийских пагодах, в которых значительная её часть сохранилась до наших дней.

Архат.

Хюе, Пагода Небесной или Усопшей Наставницы, 01.04.2011 г.

Как правило, вьетнамские скульптурные изображения искусно вырезались из дерева, а затем покрывались разноцветным лаком. В их окраске преобладал красный и золотой цвета. Важно отметить, что все они были стилизованы и не имеют портретного сходства с изображаемым персонажем. Скорее, авторы скульптур стремились выразить внутреннее содержание своих моделей в соответствии с существовавшими канонами отражения величия, мудрости и иных качеств¹. Среди них особое место занимает скульптура пользующейся особым почтением у вьетнамских буддистов

¹ Смотри также иллюстрации 4, 74, 97, 122, 124 и 156 в «Томе I» и 13, 14, 18, 59, 61, 71 и 93 – 95 в «Томе II».

тысячерукой бодхисатвы Авалокитешвара в уже неоднократно упоминавшейся пагоде Зиен-хыу¹. Её скульптуры встречаются достаточно часто. Так их можно увидеть и в экспозиции Ханойского исторического музея, и в только что описанной пагоде Нинь-фук, и в целом ряде других пагод, разбросанных по всей территории Вьетнама.

Помимо скульптурных изображений антропоморфных божеств и людей из дерева вырезались скульптуры таких мифических существ, как птица Лак, единорог, волшебная черепаха и змея, а также слонов и лошадей, которые предназначались для «обслуживания» изображённых в статуях духов-покровителей. С этой же целью в поминальных храмах размещался и целый арсенал деревянного оружия, состоявший из расположенных в установленной последовательности алебард, секир, копий, мечей, арбалетов и луков.

Все деревянные скульптуры их и атрибуты размещались только в помещениях поминальных храмов и пагод. Последнее объясняется спецификой вьетнамского климата, который не выдержало бы хоть сколько-нибудь продолжительное время ни одно лаковое покрытие.

Судя по сообщениям источников, единственным исключением из этого правила были скульптурные изображения мифических и реальных животных, которыми украшали носовую и кормовую части кораблей [891, с.129 – 136]¹¹. Надо полагать, что эти скульптуры пропитывались особым составом, а затем покрывались специальными особо устойчивыми к повышенной влажности красками. Без такой защиты они не выдержали бы и одного морского похода.

Кроме скульптуры резьба по дереву широко применялась в орнаментах как культовых сооружений и дворцов, так и для украшения отдельных предметов, например стульев, столов и комодов. Во Вьетнаме сохранились даже такие целиком резные сооружения, как знаменитый резной мост в окрестностях Хюе.

¹ Смотри иллюстрации 61 и 78 в «Томе II».

¹¹ Смотри «Параграф 1.7» «Части I» «Заключения» «Тома I».

1. Приёмный зал дворца императрицы-матери. Хюе. Императорский город.
 2. Резной мост XIX в. Окрестности Хюе.
- 02.04.2011 г.¹

¹ Смотри иллюстрации 84, 85, 123 и 125 в «Томе I», 20, 27 и 34 в «Томе II» и 35 – 37 в настоящем томе.

Рельефными орнаментами покрывались крыши, стены (как с внутренней, так и с внешней стороны), потолки, внутренние перегородки, колонны, алтари и мебель. На них могли изображаться и растения, и животные, и люди, и даже целые сюжеты. Они также могли состоять из прямых и ломаных линий или овалов, кругов, треугольников и прямоугольников.

Наряду с деревянной резной скульптурой во Вьетнаме издавна создавались и изваяния из камня. О существовании каменной скульптуры уже в XI в. в начале правления династии Ли свидетельствуют и данные письменных источников [239.1, «Основные записи», кн. II, с. 406, кн. 3, с. 16]¹. Как правило, в камне изображались драконы, единороги, львы и другие существа, бывшие символом императорского могущества. Из него также высекались статуи Будды и бодхисатв, черепахи-стелы с именами лауреатов конкурсов и статуи погребальных комплексов. Таким образом, камень использовался в основном для скульптуры, стоявшей на открытом воздухе¹¹.

Особое место в каменной скульптуре Вьетнама занимает имеющая мировую известность тямская скульптура. О её богатстве и своеобразии можно судить по приведённым в предыдущих двух томах фотографиям. Здесь же следует лишь указать на очевидные индийские корни тямской скульптуры, которая резко отличается от собственно вьетнамской¹¹¹.

В противоположность каменной значительно более редкая металлическая скульптура, также как и деревянная, находится внутри помещений. Она представлена в основном изображениями Будды и птицы Лак на спине черепахи. Иногда встречаются и скульптуры лошадей, змей и других живых существ. Наиболее же известной металлической скульптурой является находящаяся в «Поминальном храме Защитника», который также называют «Поминальный храм Правдивого [и]

¹ Смотри «Параграф 7» «Главы 3» «Части IV» «Томе I».

¹¹ Смотри иллюстрации 98, 150, 159, 160 и 166 в «Томе I», 6 и 92 в «Томе II» и 28, 95 в настоящем томе.

¹¹¹ Смотри иллюстрации 97 – 104 в «Томе II».

Воинственного Куан Тханя». Согласно преданию, дух Куан Тхань являлся главным защитником Вьетнама от «нападений с севера». Огромная бронзовая статуя Куан Тханя датируется 1677 г.¹. Интересно отметить, что его поминальный храм находится на Западном озере в Ханое в непосредственной близости от «Древней пагоды Защиты Государства»^{II}.

«Золотой» Будда.

Хюе. Пагода Небесной или Усопшей Наставницы, 01.04.2011 г.

Завершая описание вьетнамской скульптуры, можно сказать, что XVII – XVIII вв. были временем её наивысшего расцвета. Не вдаваясь в искусствоведческие нюансы, можно отметить, что при всём своём культовом характере она далеко не всегда отвечает канонам буддийской скульптуры. Так, в знаменитых двухметровых статуях восемнадцати архатов из «Древней пагоды Защиты Государства» особенно поражает их индивидуальность и разнообразие характеров персонажей. При этом розовые лица и руки архатов в сочетании с чёрно-красным цветом их одеяний создают ощущение реальности и жизненности их существования. Стилиевое единство этих статуй даже позволило выдвинуть гипотезу о том, что все они принадлежат одному художнику, руководившему группой

^I Смотри иллюстрацию 71 в «Томе II».

^{II} Эта пагода больше известна под названием Западной пагоды.

своих учеников. В то же время скульптурных изображениях Будды и бодхисатв прослеживается величая отрешённость, свойственная высшему божеству. Хотя и здесь имеются исключения в виде статуй смеющегося Будды. Наконец, изображённые в портретных статуях исторические личности, в основном представлены сидящими в скованной и статичной позе, которая, надо полагать, считалась наилучшей для объекта поклонения в поминальном храме [521, с.682, 683; 1143, с.118 – 125; 1250, с.68 – 73].

5. Живопись^I

Живопись и как самостоятельный вид искусства, и как нечто, включённое в общую систему декорирования того или иного архитектурного сооружения, не получила во Вьетнаме большого развития. В целом же вьетнамскую традиционную живопись можно подразделить на портретную, пейзажную, жанровую и парадную^{II}.

Портретная живопись представлена картинами, которые писались художниками водяными красками на шёлке после смерти изображаемого на них героя по памяти. Таких портретов сохранилось очень немного, главным образом – в пагодах и поминальных храмах. Наиболее старым из них считается портрет Нгуен Чая XV в. В принципе говорить о схожести героя с его изображением не приходится, так как, во-первых, портрет писался по памяти, и, во-вторых, художник стремился создать идеальный, а не реальный образ усопшего, что полностью соответствовало конфуцианскому ритуалу^{III}.

Кроме упомянутого портрета Нгуен Чая известны ещё два ранних портрета этого жанра – один XVII в. учёного-конфуцианца Фунг Кхак Кхоана^{IV}, другой, начала XVIII в. –

^I В основу данного параграфа положен переработанный, дополненный и уточнённый текст Г.В.Шмелёвой 1980 г. [521, с.690 – 695].

^{II} Вьетнамскую *парадную* живопись также называют *культовой*, так как на картинах этого жанра, как правило, изображались церемонии и ритуалы.

^{III} Смори иллюстрации 68, 72 и 75 в «Томе II» и 13, 18, 27 и 31 в настоящем томе.

^{IV} 1528 – 1613 гг.

известного своей учёностью родственника императора принца Нгуен Кюи Дыка^I.

Слева – Фунг Кхак Кхоан, справа – Нгуен Кюи Дык

Кроме того, широко известен написанный в 1783 г. портрет сына первого императора династии Нгуен принца Каня. Но он не может считаться произведением вьетнамской портретной живописи, поскольку был написан придворным художником Людовика XVI Мопереном в Париже^{II}.

Зарождение же вьетнамской портретной живописи в европейском понимании этого термина следует связывать с четырьмя первыми, отправленными ещё в эру «Светлой судьбы»^{III} на учёбу в Париж, национальными художниками. В их числе можно назвать Ле Ван Миена^{IV}, кисти которого принадлежит портрет придворного учёного-конфуцианца Нгуен Винь Мау, отличающийся большей конкретизацией и определённой индивидуализацией образа. Однако эта работа

^I 1648 – 1720 гг.

^{II} Смотри иллюстрацию 24 в настоящем томе.

^{III} 1820 – 1840 гг.

^{IV} 1873 – 1943 гг. Он также известен под именем Ле Хюи Миен.

лишь предвосхищает некоторые тенденции последующего развития вьетнамской живописи.

В то же время вьетнамская пейзажная живопись уже в XVI в. достигла относительно больших высот. Она частично сохранилась на шёлковых свитках XVIII – XIX вв., которая, судя по ним, формировалась под влиянием канонов пейзажной живописи эпохи Тан. Как и в ней, идеальный, отвлечённый образ природы в традиционном вьетнамском пейзаже «иллюстрирует» настроение художника, зачастую выраженное написанными иероглифами и включёнными в композицию картины стихах. Можно сказать, что вплоть до своего значительного изменения в результате европейского влияния традиционная вьетнамская пейзажная живопись продолжала развиваться в рамках указанных канонов.

Современная картина художника Нгуен Тхе Чана, выполненная в жанре традиционной пейзажной живописи на шёлке.

Хюе, 01.04.2011 г.

Говорить же о вьетнамской жанровой живописи XVII – XIX вв. можно лишь условно, так как количество её сюжетов было ограниченным, и к тому же она имела преимущественно

прикладное декоративное значение. Также можно указать на то, что содержание её сюжетов имеет определённую назидательность, а в числе её персонажей представлены такие типажи мирной идиллии, как учёный, ремесленник, старец, пахарь, пастух, рыбак и дровосек. В исполнении этих жанровых произведений характерны плоскостность в решении фигур, подчёркнутая целостностью цветового пятна, как бы заполняющего силуэт, некоторая искусственность и статичность общего композиционного решения. Аналогичные сюжеты с подобной композицией и героями можно обнаружить и в декоративных росписях и инкрустациях ширм, шкатулок, комодов и других предметов.

Жанровый сюжет на комодe XIX в.
Музей Истории Вьетнама, Ханой, 18.04.2011 г.

Весьма распространены были во Вьетнаме и парадные картины, которые также писались водяными красками на шёлке, рисовой бумаге или на дереве. Прежде всего их отличают тонкая и кропотливая техника письма и тщательное выписывание мельчайших деталей. Надо полагать, что именно

эти детали помогали зрителю разобраться в иерархии представленных на картине персонажей. Культовые картины Исторического музея в Ханое свидетельствуют о том, что этот тип живописи отличался тщательностью исполнения, тонкостью рисунка и изяществом мазка. Кроме того, в нём можно отметить нарочитую декоративность, схематичность образов, внимание к деталям и дробность цветового решения [521, с.693].

Совершенный предок император Гуманный Нгуен-фук Зам (девиз правления «Светлая судьба», 1820 – 1840 гг.). Официальный приём. Музей Истории Вьетнама, Ханой, 18.04.2011 г.

Особое место во вьетнамском изобразительном искусстве занимает народный лубок с традиционной символикой, которая отображает представление простых людей о жизни. Обычно лубки изготовлялись к различным праздникам, прежде всего – к Новому году по лунному календарю. Достоверно известно, что уже в эпоху Ле одним из главных центров по изготовлению лубка была деревня Донгхо в провинции Бакнинь. Контур лубка вырезался на одной или

Лубок из деревни Донгхо, XIX в.

¹ Белый, жёлтый, красный, зелёный, синий и чёрный.

корыстолюбие, тщеславие и глупость чиновников и феодалов¹.

Особо полюбившиеся сюжеты печатались по многу раз, при этом могли изготавливаться новые печатные доски, на которых мастер мог вносить в сюжет новые детали и нюансы, несколько изменить его композицию и расположение цветов. Таким образом, можно сказать, что вьетнамский народный лубок занимает промежуточное положение между собственно живописью и художественным ремеслом³³.

6. *Театр и музыка*

В XVII – начале XX в. театральное искусство Вьетнама эволюционировало прежде всего в рамках двух основных национальных жанров – «туонг» и «тео». Кроме них во Вьетнаме издавна также существовали теневой и кукольный театры, при этом представления последнего давались и на воде, например на поверхности пруда, озера или водоёмов при храмах.

6.1. *Театр «Туонг»*

Как правило, о «туонге» говорят как о классической вьетнамской опере, хотя на самом деле он представляет собой форму синтетического искусства, строящегося на сочетании слова, музыки, танца, пантомимы, акробатики и фехтования. Главным в этом жанре является мастерство актёра, его умение выбрать из арсенала изобразительных средств именно те, которые с наибольшей наглядностью помогут ему донести до зрителя временно-пространственные изменения событий и раскрыть характер своего героя. По преобладанию в нём монологов и диалогов «туонг» близок к европейской драме, а по манере их произнесения – к декламации [1310, с.82]. Последнее обстоятельство, а также формальные подсчёты соотношения разговорных и вокальных партий дали основание некоторым вьетнамским исследователям считать «туонг» жанром *национальной классической разговорной драмы* [1213, с.86 – 97]. Вокальные партии «туонга» представляют собой

¹ Смотри также иллюстрацию 63 в настоящем томе.

законченные стихотворные или написанные рифмованной прозой отрывки, а исполняющий их актёр должен обладать вокальными способностями и быть хорошим декламатором. Если зритель не услышит тональности произносимых звуков, то он не уловит ритмику сценической речи, что в свою очередь приведёт к неверной трактовке душевного состояния изображаемого героя. Особенностью вокальных партий «туонга» является их свободный перенос из одной пьесы в другую, где, в зависимости от их исполнения в том или ином регистре, они передают различные эмоциональные оттенки внутреннего состояния героя [1395]. Всего же таких регистров насчитывается около двухсот восьмидесяти! [1310, с.82].

Пьесы «туонга» имели чёткую композицию и законченный, развивающийся во времени и пространстве сюжет, который строился как на легендах и исторических событиях, так и на произведениях вьетнамской и китайской классической литературы. Излюбленными темами были события, связанные с сёстрами Чынг^I, полководцем Чан Куок Туаном^{II} и эпохой Троецарствия в Китае^{III} [835, с.264, 265]. На основе избранного сюжета создавалась пьеса, при этом авторы расписывали роли действующих лиц и в неё вводились необходимые вокальные партии, а также разрабатывалась техника танцев, сценических поз и движений. Вьетнамские исследователи полагают, что в создании и доработке пьес «туонга» принимали участие и сами актёры, которые нередко импровизировали во время спектакля [1261, с.134, 135].

Спектакль «туонга» строится на чередовании картин, которые иллюстрируют происходящие в жизни сценических героев события. Он строится на многочисленных условностях и символах, воплощаемых в одежде, гриме, позах, жестах и движениях актёров. Одной из важных особенностей «туонга» является и традиция «вхождение в роль», которая сводится к следующему: при первом появлении на сцене актёр жестом руки испрашивает позволения у зрителя занять своё место;

^I 40 – 44 гг.

^{II} 1232? – 1300 гг.

^{III} 220 – 280 гг.

затем, приняв нужную позу и расправив одежду, актёр поднимает лицо кверху, что означает просьбу начать действие; в ответ следует удар барабана, после чего актёр, как правило, представляется зрителям, рассказывает, какую роль он играет в пьесе, откуда родом его герой и в каких отношениях он находится с другими персонажами пьесы [1394, с.79]. Грим в «туонге» служит для непосредственной характеристики того или иного образа. У злодея и предателя – красная борода и белое лицо, у благородного человека – чёрная борода и белое лицо, у коварного персонажа – серое лицо, у злого – чёрное.

О смелости героя говорят поднятые кверху, а о его доброте – горизонтально расположенные брови. Декорации практически отсутствуют, при этом кусок белой материи символизирует реку, ветка дерева – лес, кнут в руке танцующего актёра – верховую езду и так далее. Наконец, в символике танца воплощается как развитие действия, так и изменение пространственного положения персонажей.

Политические события XVII – XVIII вв. привели к тому, что лучшие вьетнамские литераторы оказались на севере страны, а на юге в основном развивалось театральное искусство. При этом в XVII в. восходящий к народным культам и обрядам, а также в большей или меньшей степени воспринявший элементы китайской и тямской театральных культур «туонг» представлял собой уже сложившийся жанр со своими специфическими особенностями и традициями. Поэтому своего наивысшего расцвета он достиг при дворе государей Нгуен, которые уделяли большое внимание этому популярному в народе жанру сценического искусства и привлекали в свою придворную труппу лучших исполнителей. Естественно, это не могло не сказаться на общей идейной направленности «туонга» того времени. Именно тогда был создан ряд пьес, которые впоследствии стали классическими образцами для подражания. Их положительным героем был беззаветно преданный «Сыну Неба» человек, который жертвовал ради императора своим счастьем и даже жизнью. В первую очередь в их числе можно назвать такие пьесы XVII в., как «Шонхоу» и «Три женщины, оспаривающие престол»³⁴.

Актёры Сайгонского театра «Туонг» в сценических костюмах.
Северный Вьетнам, сентябрь – ноябрь 1915 г.
Musée Albert Kahn №007291

Авторство первой пьесы приписывается Дао Зюи Ты¹, который не был допущен к сдаче конкурсных испытаний в 1592 г. из-за того, что его отец руководил придворным оркестром государей Чинь. Поэтому считалось, что и сам он принадлежит к лицедейскому сословию. Дао Зюи Ты уехал на юг, где он смог в полной мере проявить своё литературное дарование. В упомянутой пьесе «Шонхоу» повествуется о том, что когда в царстве Те старый император заболел, то великий наставник Та Тхиен Ланг вместе со своими родственниками решил захватить власть в стране. Младшая жена императора Нгюет Хао хоть и происходила из семьи Та, не согласилась с этим и бежала вместе с малолетним сыном в крепость Шонхоу, а придворный сановник Ты Чинь вместе со своими сторонниками решил спасти императрицу с наследником престола. Сам он погиб, но его сменил соратник Донг Ким Лан, который продолжил борьбу, даже когда злодей Та Тхиен Ланг захватил в плен мать Донг Ким Лана, угрожая её убить, если тот не покорится. В итоге последний нанёс поражение мятежнику, освободил свою мать и вернул престол законному наследнику. Эта пьеса приобрела огромную популярность, так как в ней иносказательно были отражены реалии вьетнамской жизни последних двух веков правления династии Ле. Старый и больной император Те ассоциировался с императором Ле, род предателей Та – с государями Чинь, а Донг Ким Лан – с государями Нгуен³⁵.

Язык пьес «туонга» XVII – XVIII вв. проще их языка XIX в. Его основу составляли прозаические и поэтические тексты на простонародном вьетнамском языке, но в них также в изобилии встречались общедоступные выражения на «ханвьете», тогда как цитаты из классической китайской литературы употреблялись достаточно редко.

В XIX в. «туонг» претерпевает серьёзные изменения. Так, в эру «Светлой судьбы»¹¹ был учреждён официальный орган, ведавший труппами «туонга» в стране. Все они

¹ 1572 – 1634 гг.

¹¹ 1820 – 1840 гг.

ежегодно должны были прибывать в столицу для участия в конкурсных представлениях, победители которых оставались при императорском дворе. Несколько позднее выдающийся драматург Дао Тан¹ создал ряд новых пьес. Вместе с другими придворными драматургами он также принимал участие в переработке пьес прежнего репертуара.

При четвёртом императоре Нгуен-фук Тхи, который правил под девизом «Наследованная добродетель»^{II} и был большим знатоком литературы, придворный «туонг» достиг наивысшего расцвета. Свои труппы имел не только император. Они были как у его родственников и высшей знати, так и у наиболее влиятельных придворных чиновников.

Императорский театр.
Императорский город, Хюе, 02.04.2011 г.

Также важно отметить, что если в пьесах «туонга» 1-ой половины XIX в. идеологическое содержание всегда строго соответствовало конфуцианской этике, то в новых условиях французского завоевания ситуация начала меняться. Для основной массы населения страны и части сановников догмат

^I 1846 – 1908 гг.

^{II} 1848 – 1883 гг.

преданности и верности императору стал синонимом помощи захватчикам. Поэтому идеологическая составляющая отошла на второй план, а развитие придворного «туонга» пошло по пути усложнения формальной стороны представлений. В его репертуаре появились такие пьесы, как «Десять тысяч сокровищ», которые представляли собой цикл композиционно цельных пьес, связанных единым сюжетом и наличием одних и тех же главных героев. Показ всех пьес цикла занимал около ста вечеров [1261, с.101]. Одновременно усложнились литературная основа и язык «туонга». Так, например, увеличилось количество вокальных партий на «ханвьете», стали использоваться параллельные, построенные на звуковых противопоставлениях фразы, при этом монологи, диалоги, вокальные партии и речитативы стали связываться строгой и отточенной рифмой. Таким образом, для понимания того, что происходит на сцене, стал необходим высокий уровень эрудиции. Поэтому в XIX в. придворный «туонг» потерял былую доступность прошлых веков и превратился в театр небольшой группы высокообразованных зрителей.

В противоположность этому в крупных городах и прилегающих к ним районах Центрального и Южного Вьетнама стали пользоваться большой популярностью труппы, дававшие представления на отличную от придворных пьес тематику. Среди них можно назвать пьесу «Очарованный Ким Тхатъ» Нгуен Хыу Нгиа¹ или пьесы, созданные по мотивам таких известных произведений, как «Стенания истерзанной души» Нгуен Зу¹¹, «Лук Ван Тиен» Нгуен Динь Тиеу, а также «Чудесная встреча в Битькоу», «Сливовое дерево расцветает дважды» и «Фан и Чан» неизвестных авторов. Впервые в истории «туонга» в пьесе «Очарованный Ким Тхатъ» главным героем является студент-конфуцианец. Более того, в этих новых пьесах среднему сословию приписывались такие моральные качества, как верность, великодушие и милосердие, противопоставлявшиеся коварству и продажности высшего

¹ 1807 – 1872 гг.

¹¹ См. иллюстрацию 65 в настоящем томе.

сословия. Полнее стал раскрываться и внутренний мир героев, при этом супружеская верность и любовь изображались сами по себе, а не в подчинении главной идее пьесы.

Не позднее середины XIX в. в прилегающих к г.Хюе районах сложился новый тип «туонга», известный как народный комедийный театр. Для его пьес характерна острая, иногда доведённая до гротеска социальная сатира. Вместо идеализированных и возвышенных героев в них действуют обычные люди в типичных обстоятельствах. Мир героев народного «туонга» пёстр и разнообразен. В них выставляются на всеобщее обозрение и осмеяние помещик и чиновник, сельский староста и уездный начальник со своими мелкими страстишками и пороками^I, ушлая девица, ловко избегающая наказания^{II}. В роли же положительных персонажей выступают такие люди как трудолюбивые супруги Чанг Нгиа^{III} или девушка Тхе Ньонг, не поддавшаяся уговорам выйти замуж за старика^{IV}, неизменно пользовавшиеся любовью зрителей.

В первом десятилетии XX в., несмотря на попытки драматургов вернуть придворному «туонгу», в составе которого ещё оставалось три труппы, былую славу, он уже не играл прежней роли в развитии этого сценического жанра [1261, с.137]. Правда, в 1911 г. появилась ставшая заметным явлением в истории «туонга» пьеса «Королевы-девы Чынг», которую традиция приписывает выдающемуся политическому и общественному деятелю Фан Бой Тяу^V. Её популярность объясняется тем, что это была первая пьеса «туонга», всецело посвящённая борьбе вьетнамского народа против иноземных захватчиков. В то же время две пьесы 1916 г. известного своей профранцузской ориентацией литератора Хоанг Као Кхая, в которых шла речь о событиях эпохи Нгуен Аня^{VI} и давалась

^I Пьеса «Сторож Кен и староста Ньонг».

^{II} Пьеса «Моллюски».

^{III} Пьеса «Тью Ньон и Чан Нгиа».

^{IV} Пьеса «Жестокая истина».

^V Смори «Параграф 2.1» «Главы 1» «Части I» «Томе IV».

^{VI} 1802 – 1819 гг.

положительная оценка политике сговора с колонизаторами, успеха не имели.

6.2. Театр «Тео»

К концу XVII в. окончательно формируется ещё один жанр вьетнамского национального сценического искусства, известный как народный театр «тео». Преимущественное распространение он получил в сельских районах Северного Вьетнама, где театр «тео» стал для неграмотного вьетнамского крестьянина не только редким развлечением, но и важным источником знаний об истории и литературе своей страны. Как и «туонг» «тео» является музыкальным жанром сценического искусства, а его спектакли строятся на органическом единстве слова, музыки, танца и элементов циркового искусства. При этом как по своей литературной основе, так и по манере исполнения и музыкальному сопровождению «тео» менее сложен, чем «туонг». Обычно его представления ставились силами любительских и полупрофессиональных крестьянских коллективов. Мастерство же исполнителей определялось по умению двигаться по сцене под музыку, пению, декламации и отчасти по знанию элементов фехтования и акробатики.

Пьесы театра «тео» имели законченный сюжет, а в их основе лежали легенды, исторические предания, сказочные сюжеты и эпизоды из знакомых массовому зрителю литературных произведений. Однако по драматургии эти пьесы уступают пьесам «туонга». Представления «тео» также менее динамичны и в большей степени иллюстративны по сравнению с представлениями «туонга». Актёр театра «тео» не только представляет зрителям своего героя в начале спектакля, но и комментирует его поступки, давая оценку действиям персонажа по ходу спектакля [1405, с.75 – 82]. Представления давались только на разговорном вьетнамском языке, тогда как выражения на «ханвьете» употреблялись очень редко. Язык «тео» очень близок языку устного народного творчества, богат

народным юмором, ёмок и афористичен. Его символика близка к символике народных песен¹.

Сценой для представлений «тео» обычно служила площадка перед общинным домом, где актёры гримировались и облачались в нехитрые театральные одеяния в присутствии зрителей. Декораций не было. На сцене лишь стояли скамья или ящик, на которых сидели исполнители в ожидании своего «выхода». Представления шли в сопровождении оркестра народных инструментов. Музыка «тео» обязана своим происхождением напевным мелодиям равнин Северного Вьетнама. Она неразрывно связана со словом, усиливает его эмоциональное воздействие на зрителя и строго подчинена происходящим на сцене событиям. Как и в «туонге», задачей вокальных партий «тео» является донесение до зрителя всех нюансов настроения сценических персонажей и их отношения к происходящим событиям. Существенную роль играет и хор, к которому нередко присоединяются сами зрители.

Отношения между актёрами и зрителями в «тео» необычны и интересны. Перед началом спектакля зрители обычно выбирали ведущего, который строго следил за исполнителями, отмечая их хорошую игру, или же, прервав представление, объяснял зрителям, в чём ошибка актёра и как нужно играть ту или иную сцену. Многие реплики актёров были рассчитаны на прямую реакцию зрительного зала. Особый контакт с ним поддерживал комический персонаж, которому отводилась отдельная роль весёлого и остроумного комментатора. Эта роль не имеет прямого отношения к содержанию пьесы, но его реплики и замечания в отношении главных героев спектакля придают им другое, иногда прямо противоположное содержание, чем достигается комический эффект и соответствующая реакция зрителей. Без этого персонажа, которым, как правило, был один из исполнителей вспомогательных ролей, не обходилось ни одно представление «тео». Аналогичную задачу выполняет и образ любителя

¹ Смотри «Примечание 2» в «Комментарии» к «Главе 1» «Части III» настоящего тома.

выпить и покутить – почтенного старца Чинь Онга или Манг Онга, ампула которого неизменно переходит из пьесы в пьесу. Его присутствие также обязательно во всех сценах, в которых изображается сватовство и связанные с ним обряды.

Среди любимых зрителем персонажей театра «тео» можно назвать ни при каких обстоятельствах не теряющего оптимизма, могучего и мужественного сказочного героя и неутомимого труженика Тхатъ Саня^I, пронёсших верность друг другу через все невзгоды и превратности судьбы Тонг Чана и Кук Хоа^{II}, а также героев одной из старейших его пьес, в которой поднимается вечная проблема долга младшего поколения по отношению к старшему^{III}. Не меньшим успехом пользовались и пьесы, в которых давалась трактовка сложившегося на протяжении веков в народном сознании и ставшего неотъемлемым компонентом великой сокровищницы народного гуманизма идеала дружбы^{IV}. В то же время те теневые стороны общественной жизни, которые не принимались народной этикой, подвергались в пьесах «тео» беспощадному осмеянию.

В начале XX в. пьесы «тео» начали ставиться в городских театрах. Под французским влиянием в них появились яркие костюмы и декорации, усложнилось и их музыкальное оформление. Изменилось даже название этого старейшего жанра вьетнамского сценического искусства, которое стало именоваться «Цивилизованный театр тео». Дальнейшая его эволюция связана с известным театральным деятелем и драматургом Нгуен Динь Нги^V, осуществившим в начале двадцатых годов XX в. ряд реформ внутренней структуры «тео». В результате основное внимание было обращено на литературную основу спектакля, а актёры должны были знать наизусть свои роли, при этом им категорически было запрещено заниматься импровизацией.

^I Пьеса «Тхатъ Сань».

^{II} Пьеса «Тонг Чан и Кук Хоа».

^{III} Пьеса «Чыонг Виен».

^{IV} Пьеса «Льу Бинь и Зыонг Ле».

^V 1893 – 1954 гг.

Тогда же вновь было изменено название этого сценического жанра, который стал называться «Обновлённый театр тео» [387, с.423].

6.3. Музыка

Во Вьетнаме издавна существуют две музыкальные традиции. Первая – на юге, о которой письменные источники упоминают уже 213 г., восходит к эпохе Фунани¹. Это индуизированная музыка. До сих пор идут споры о том, кто является создателем этой распространённой в Восточной Азии музыки – тямы или кхмеры. Так, например, в Японии её корни прослеживаются уже с момента создания университета Нары в VIII в. Достоверно известно, что ещё в начале XX в. там исполнялась эта индуизированная музыка. Надо полагать, что и в самом Вьетнаме она также получила определённое распространение. Об этом можно судить по сообщениям источников о том, что в 1044 г. император Великий рода династии Ли вывёз из Тямпы придворных певиц и танцовщиц, а 1202 г. император Высокий рода династии Ли повелел собирать грустные и меланхоличные тямские песни. Наконец, в XIX в. при дворе императоров династии Нгуен в Хюе исполнялось два типа песен. Песни первого типа были весёлыми и задорными, при этом грустные и меланхоличные песни второго типа называли «южная манера пения», что указывает на их тямские корни.

Вторая музыкальная традиция представлена собственно вьетнамской музыкой, которая исполнялась на особых струнных, духовых и ударных инструментах. В связи с этим следует упомянуть один из видов многочисленных струнных музыкальных инструментов. Как правило, он объединяется в пару с ещё одним струнным инструментом. Вместе же они именуются «тинь кам шат», что означает «чувства двух лир». В данном случае речь идёт о «каме», звучание каждой струны которого дало название отдельной ноте вьетнамской музыки^{II}.

^I Смотри «Параграф 2.1» «Части I» «Заключения» «Тома I».

^{II} Подробно о вьетнамских музыкальных инструментах смотри работу *Lelièvre. « Le théâtre annamite ».* Extrême-Asie, 1932.

Первоначально «кам» имел пять струн, и соответственно в этой музыке было пять нот. Затем в «каме» стало семь струн и появилось ещё две ноты. Эти семь нот назывались кунг, тхыонг, зяк, ву, тюи, тхиеу кунг и тхиеу тхыонг³⁶.

Исполнение музыки на традиционном струнном инструменте.
Хошимин, 08.04.2011 г.

Унисон является для этой музыки абсолютным законом. В принципе она сопоставима с европейской средневековой музыкой эпохи монофонии. Она характерна для всех стран конфуцианского культурного ареала, хотя ряд исследователей, прежде всего – французских, называют её сино-аннамитской [835, с.255 – 257].

В заключение этого параграфа следует отметить, что классическая вьетнамская музыка почти не исполняется сама по себе. Она всегда была одной из важных составных частей театральных представлений «туонг» и «тео». Не менее важным элементом она является и при исполнении песен, тем более что их исполнители не только поют, но и танцуют. По сути, это песенно-танцевальное представление, которому музыка придаёт особую эмоциональную атмосферу, оттеняя чувства, выражаемые песнями¹.

¹ Смотри конец «Параграфа 1.1.2» «Главы I» «Части III» и иллюстрацию 66 в настоящем томе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(история Вьетнама XVII – XIX вв. в свете специфики развития обществ конфуцианского культурного ареала в новое время)

В современной науке историю Вьетнама XVII – XIX вв. принято делить на три основных периода: 1. Дайвьет при династии Ле после реставрации (1600 – 1802 гг.); 2. Дайнам при династии Нгуен до начала французской агрессии (1802 – 1858 гг.); 3. Французское колониальное завоевание Дайнама и образование Индокитайского союза (1858 – 1897 гг.).

Следует отметить, что в датировках второго и особенно третьего периодов имеются расхождения. Последнее связано с тем, что в истории Вьетнама XVII – XIX вв. соотносятся с европейским *новым временем*, конец которого датировался советской исторической наукой 7 ноября 1917 г.¹

После распада СССР в 1991 г. многие российские учёные стали датировать конец третьего периода эпохой «Пробуждения Азии»¹¹. Однако эти расхождения имеют узко теоретическое значение, и в данном случае не играют роли.

В последнее десятилетие некоторые вьетнамские исследователи стали также выделять крестьянскую войну Тэйшонов вместе со временем правления основанной ими династии в отдельный период (1771 – 1802 гг.).

Безусловно, все указанные точки зрения имеют право на существование, однако представляется, что они не позволяют получить целостного взгляда на историю Вьетнама XVII – XIX вв. Гораздо более логичным выглядит деление этой эпохи на два принципиально отличающихся друг от друга периода. Один – это период всё более усиливающейся стагнации с 1600 по 1858 г., а второй – это период французского колониального завоевания с 1858 по 1897 г., которое в конечном итоге привело к насильственному слому традиционного государственно-общественного устройства.

¹ 25 октября 1917 г. по старому стилю. Дата Великой октябрьской социалистической революции.

¹¹ По В.И.Ленину – с 1905 г. [42, т.19, с.66].

Лишь при таком подходе к вьетнамской истории указанных веков можно понять, почему Вьетнам так и не смог ничего противопоставить кучке авантюристов, опиравшихся на весьма немногочисленные вооружённые формирования.

Исходя из вышесказанного представляется возможным предложить следующую периодизацию вьетнамской истории, сопроводив её при этом необходимыми пояснениями.

1. *Эпоха роста стагнации вьетнамского государства при династиях Ле и Нгуен (1600 – 1858 гг.)*

1.1. *Дайвьет при династии Ле после реставрации (1600 – 1789 гг.)*

Начиная с узурпации власти феодальным родом Мак и провозглашения одноимённой династии на севере Дайвьета в 1527 г. в средневековом Вьетнаме начинается так называемое «смутное время», длившееся более 250 лет¹. Однако события того времени только лишь предшествовали 200-летней эпохе настоящих феодальных междоусобиц.

1.1.1. *Дангнгоай, или Северный и северная часть Центрального Вьетнама, в эпоху правления династии Ле после реставрации и государей Чинь (1600 – 1789 гг.)*

Судя по всему, корни вражды между родами Чинь и Нгуен следует искать в отравлении Нгуен Кима в 1545 г. Принято считать, что его отравил «предатель», но нельзя исключать и того, что этот убийца был подослан Чинь Киемом. Во всяком случае, именно смерть Нгуен Кима позволила его зятю стать первым лицом при дворе императора Ле.

В Европе в основе эпохи феодальных междоусобиц лежало ослабление централизованных монархий. Именно в ту эпоху шёл бурный рост городов и развивались торгово-ремесленные цеха и гильдии. На смену же ей пришла эпоха Возрождения вместе с «просвещёнными монархиями». Академик Н.И.Конрад полагал, что этот же процесс, правда, в

¹ Смотри «Параграф 2.4» «Главы 3» и «Главу 4» «Томе II».

несколько модифицированном виде, был характерен и для стран Востока, в том числе и для Китая¹. В таком случае он должен был протекать и в средневековом Вьетнаме [408, с.89 – 118, 201 – 239].

На первый взгляд так оно и было. Согласно материалам глав «Части II» настоящего тома, в Дайвьете XVII – 1-ой половины XIX в. отмечается всё убыстряющийся рост городов и развитие торгово-ремесленных слобод, являющихся прямым аналогом европейских цехов и гильдий. При этом также росло частное землевладение и формировался торговый капитал. Таким образом, экономическое развитие Вьетнама той эпохи полностью подтверждает вышеприведённую точку зрения. Однако, как известно, ничего похожего ни на Ренессанс, ни на просвещённую монархию во Вьетнаме не было. Причину этого следует искать в особенностях культурно-идеологического развития, характерного не только для вьетнамского, но и для всех обществ конфуцианского культурного ареала.

В «Томе II» и настоящем томе «Полной академической истории Вьетнама» неоднократно рассматривались проблемы, связанные с распространением конфуцианства во Вьетнаме и с механизмом его внедрения в общественное сознание¹. Поэтому здесь можно ограничиться лишь следующими наблюдениями и выводами.

Благодаря реформам, которые были начаты Хо Кюи Ли в конце XIV в. и завершены императором Совершенным рода династии Ле во 2-ой половине XV в., в средневековом вьетнамском обществе сложился устойчивый стереотип как «идеального государства», так и способов реализации человека в его рамках. Таковыми были, во-первых, общинная структура государства и, во-вторых, выстроенная на конфуцианских принципах система конкурсных испытаний на должность чиновника. При этом следует учитывать, что речь идёт не о сельской общине в чистом виде, так как к той или иной общине были приписаны все жители страны, включая самого

¹ Смотри «Параграф 2» «Главы 2» и «Параграф 3» «Главы 3» «Части III» «Томе II», а также «Параграф 2» «Главы 2» «Части III» настоящего тома.

императора и членов его семьи. Исключением являлись только бродяги и иные деклассированные элементы. Иными словами, полноправный общинник теоретически ни в чём не уступал высшим государственным сановникам.

Статус полноправного общинника был неразрывно связан с системой конкурсных испытаний, теоретически позволявшей ему изменить свой социальный статус и занять даже какую-либо высшую должность на государственной службе. Правда, для успешной сдачи экзаменов требовалось знание конфуцианских классических и канонических книг, трактатов, комментариев и произведений знаменитых поэтов и писателей прошлого, то есть практически всей основной конфуцианской иероглифической литературы, начиная с эпохи Чжоу и до эпохи Сун включительно. Кроме того, существовала целая система льгот для выходцев из привилегированных слоёв общества. Но даже для них учёба и сдача конкурсных испытаний всех уровней занимала не менее 10 – 15 лет.

Наконец, крайне важным было и то, что до появления европейцев в XVII в. указанному стереотипу общественного сознания не было альтернативы. Более того, к моменту их появления этот стереотип отличался крайне высокой степенью устойчивости, так как он начал формироваться ещё в «Эпоху северной зависимости» и к тому времени уже безоговорочно доминировал в Дайвьете на протяжении двух веков.

Принимая во внимание всё вышесказанное, не следует удивляться тому, что в Дангнгоае при полностью зависевших от государей Чинь императорах династии Ле после реставрации идеология структурирования общества осталась прежней. Двор Ле – Чинь последовательно проводил политику опоры на общину в сельском хозяйстве не только по отношению к государственному землепользованию, но и при регламентации частного землевладения. Поэтому взимание меньшего налога с частных земель следует связывать не с поощрением частного землевладения, а с теми льготами, которые предоставлялись чиновничеству и знати².

Точно так же выраставший из ремёсел и торговли по мере развития товарных отношений торгово-промышленный капитал Дангнгоая был облечён в классическую общинную форму в виде ремесленных, торговых и торгово-ремесленных слобод, которые лишь весьма условно можно соотносить с цехами и гильдиями средневековой Европы.

Наконец, благодаря реформе 1721 г. представители новых социальных групп получили в правление Ле – Чинь доступ к низшим чиновничьим должностям. Для ещё большего упрощения доступа к должностям низшего уровня (община – уезд – округ) в случае необходимости проводились различные разовые специальные конкурсы. Тогда же произошла и некоторая либерализация промежуточного (провинциального) уровня конкурсной системы. В то же время испытания высшего уровня этой системы (столичный и дворцовый), который по-прежнему оставался закрытым для подавляющего большинства населения страны, были значительно упрощены для представителей высшего чиновничества и знати¹.

Особо следует сказать ещё об одной очень большой социальной группе населения Дангнгоая, являвшейся главной опорой власти Ле – Чинь. Речь идёт о военных. В то время даже многие прославленные военачальники были людьми малообразованными³. Поэтому, чтобы на законных основаниях они могли получить должности, соответствовавшие их заслугам и положению в обществе, был создан аналогичный гражданскому, но со значительно более простой системой экзаменационных испытаний военный конкурс¹¹.

1.1.2. *Дангнгоай, или Северный и Центральный Вьетнам, при Тэйшонах до и после основания ими династии (1771 – 1802 гг.)*

Существует мнение, что Тэйшоны предприняли ряд прогрессивных мер для изменения традиционной структуры

¹ Смотри «Параграф 2.1» и «Параграф 2.2» «Главы 2» «Части III» настоящего тома.

¹¹ Смотри «Параграф 2.3» «Главы 2» «Части III» настоящего тома.

вьетнамского общества. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что это далеко не так. Отмена Нгуен Хюе ряда наиболее консервативных законов и установлений двора Ле – Чинь, равно как и его большая открытость в области внешней торговли, ничего принципиально не изменили ни в структуре, ни в менталитете вьетнамского общества. Поэтому принятые им законы можно называть «реформой» лишь весьма условно, тем более что они по большей части имели декларативный характер¹. Иного не могло и быть по двум основным причинам.

Во-первых, принятие Нгуен Няком императорского титула в 1778 г. и учреждение им столицы в Фусуане (Хюе) ещё не позволяло Тэйшонам предпринимать какие-либо реформы, которые могли бы хоть что-то изменить в жизни вьетнамского общества. Такая возможность появилась после принятия императорского титула Нгуен Хюе в конце 1788 г. и изгнания армии Цин вместе с последними императором Ле и государем Чинь в 1789 г. Однако после этого Тэйшоны оставались у власти всего три года, а за такой короткий промежуток времени не только невозможно провести, но и подготовить какие-либо серьёзные реформы.

Во-вторых, общеизвестным фактом является то, что ни одно крестьянское восстание в мире не привело к изменениям принципиального характера. Более того, с наступлением эпохи перемен в начале нового времени их лидеры выступали под лозунгами «возвращения к прежним порядкам», при этом они нередко объявляли себя монархами⁴.

Тэйшоны – не исключение. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что Нгуен Хюе, как и ранее Нгуен Няк, принял императорский титул, провозгласил девиз правления и организовал свой двор по образцу и подобию двора императоров Ле.

Таким образом, значение как традиционной общины в качестве единственной базовой ячейки общества, так и

¹ Смотри «Параграф 2.2.4» «Главы 2» «Части I» и «Параграф 4» «Главы I» «Части II» настоящего тома.

системы конкурсных испытаний на должность чиновника вместе с её школами, выступавшей в роли единственного регулятора социальной мобильности общества, не только не уменьшилось с развитием товарно-денежных отношений в Дангнгае XVII – XVIII вв., но и продолжало расти.

1.2. Государи и императоры династии Нгуен до начала французской агрессии (1600 – 1858 гг.)

1.2.1. Дангчаунг, или Центральный и Южный Вьетнам, при государях Нгуен (1600 – 1802 гг.)¹

Теоретически в Дангчаунге существовали предпосылки для «перестройки». В силу обстоятельств государи Нгуен были вынуждены более или менее лояльно относиться к западным торговцам и миссионерам, что давало христианству шанс стать альтернативой конфуцианству. Кроме того, государи Нгуен не имели серьёзной опоры среди высших чиновников и учёных-конфуцианцев для создания на юге в Дангчаунге системы управления в соответствии с введёнными в XV в. принципами её организации. Тем не менее этого не произошло по целому ряду причин как объективного, так и субъективного характера.

Во-первых, государи Нгуен вместе с их ближайшим окружением и сторонниками по стереотипу мировосприятия ничем не отличались от северян. Поэтому они попытались и на юге создать государство, строившееся на введённых в XV в. императором Совершенным династии Ле принципах его функционирования. В результате, несмотря даже на то что на юге ключевую роль играли крупные землевладельцы и помещики, община осталась основой сельского хозяйства, а ремесленники и торговцы были объединены на протяжении XVII – XVIII вв. в аналогичные ей специализированные слободы.

Во-вторых, деятельность католических миссионеров в Дангчаунге XVII – XVIII вв. была малоэффективной, так как в

¹ Смори «Параграф 1.2» «Главы 2» «Части I» и «Параграф 1.2» «Главы I» «Части II» настоящего тома.

то время они не пользовались серьёзной поддержкой какого-либо европейского государства и действовали на свой страх и риск. Поэтому они не смогли воспользоваться благоприятной ситуацией и, столкнув господствовавшее конфуцианство с индуизмом и буддизмом местных *тямов* и *кхмеров*, успешно продвигать постулаты христианского учения во вьетнамском обществе. Дело в том, что посещавшие в то время Дангчаунг европейские торговцы в первую очередь интересовались прибылью, а не распространением католицизма.

Безусловно, законы Дангчаунга были значительно более либеральными, чем в Дангнгае, в первую очередь – по отношению к европейцам. Однако никаких принципиальных идеологических расхождений между государями Нгуен на юге и двором Ле – Чинь на севере не было.

1.2.2. Империя Дайнам при династии Нгуен до начала французской агрессии (1802 – 1858 гг.)

Нгуен Ань, который с помощью европейцев победил Тэйшонов, объединил страну и дал ей название Вьетнам, вплоть до своей кончины вёл относительно либеральную политику по отношению к европейцам и, стремясь изменить систему управления государством предпринял ряд более или менее прогрессивных реформ с целью. Однако с приходом к власти в 1820 г. его наследника традиционная конфуцианская система управления была полностью восстановлена, в результате чего всё «вернулось на круги своя»¹. Но даже при желании что-то изменить Нгуены просто не имели для этого времени, так как они эта обладали реальной властью чуть более полувека. Именно поэтому общепринятое выделение правления династии Нгуен в отдельный период представляется более чем сомнительным⁵.

Таким образом, сложившийся ещё в XV в. стереотип мировосприятия практически безальтернативно доминировал во вьетнамском обществе вплоть до середины XIX в. Поэтому

¹ Как известно, в 1838 г. в угоду династии Цин название государства было вновь изменено на Дайнам.

связанное с формированием характерных для нового времени торгово-денежных отношений экономическое развитие страны не привело на протяжении XVII – XIX вв. к принципиальным социальным изменениям во вьетнамском обществе. В результате, произошёл безудержный рост чиновничьего сословия, в которое путём формальных конкурсных испытаний или продажи должностей включались новые социальные группы населения, что неизбежно всё больше тормозило темпы экономического развития.

Иными словами, сложилось классическое противоречие между базисом и надстройкой, которое, судя по уровню социально-экономического развития Вьетнама, должно было завершиться сломом последней уже в XVIII в. [42, т.1, с.149 – 150; 461, т.13, с. 6 – 7]. Но в то время у новых социальных слоёв и групп не было альтернативной идеологии, на которую они могли бы опереться в борьбе с конфуцианскими принципами государственного управления. Следствием этого стало двух с половиной вековое доминирование надстроечных элементов во вьетнамском обществе, итогом чего и привело к перманентному росту его стагнации.

Нет никакого сомнения, что социально-экономическое развитие вьетнамского общества рано или поздно привело бы к «слому» давно устаревшей неоконфуцианской модели государственного управления⁶. Однако этого не произошло, поскольку к середине XIX в. стагнация так глубоко поразила вьетнамское государство, что его власти оказались просто не в состоянии противостоять начавшейся в 1858 г. французской агрессии⁷.

2. Французское колониальное завоевание Вьетнама и образование Индокитайского союза (1858 – 1897 гг.)

При всех своих негативных последствиях французское колониальное завоевание Вьетнама имело ряд положительных аспектов. Во-первых, оно выполнило задачу буржуазной революции, уничтожив феодальный государственный аппарат страны. Во-вторых, французское господство способствовало,

правда, в интересах метрополии – однобокому, развитию экономики Вьетнама. В-третьих, специфика французского колониализма привела к тому, что, оставаясь патриотами, многие представители новой вьетнамской элиты получили хорошее европейское образование и восприняли как всю французскую культуру в целом, так и идеи её великих просветителей¹.

Таким образом, периодизация вьетнамской истории XVII – 1-ой половины XIX в. выглядит следующим образом:

1. *Эпоха роста стагнации вьетнамского государства при династиях Ле и Нгуен (1600 – 1858 гг.)*
 - 1.1. *Дайвьет при династии Ле после реставрации (1600 – 1789 гг.)*
 - 1.1.1. *Дангнгоай, или Северный и северная часть Центрального Вьетнама, в эпоху правления династии Ле после реставрации и государей Чинь (1600 – 1789 гг.)*
 - 1.1.2. *Дангнгоай, или Северный и Центральный Вьетнам, при Тэйионах до и после основания ими династии (1771 – 1802 гг.)*
 - 1.2. *Государи и императоры династии Нгуен до начала французской агрессии (1600 – 1858 гг.)*
 - 1.2.1. *Дангчаунг, или Центральный и Южный Вьетнам, при государах Нгуен (1600 – 1802 гг.)*
 - 1.2.2. *Империя Дайнам при династии Нгуен до начала французской агрессии (1802 – 1858 гг.)*
2. *Французское колониальное завоевание Вьетнама и образование Индокитайского союза (1858 – 1897 гг.)*

Первая часть этой периодизация во многом отличается от общепринятой в современном вьетнамоведении [521, с.3 – 437]. Поэтому данное «Заключение» и начинается с более или менее подробного объяснения причин выделения того или иного временного отрезка вьетнамской истории 1600 – 1858 гг. в отдельный период.

¹ Смотри «Параграф 2.3» «Главы 4» «Части I» настоящего тома.

КОММЕНТАРИЙ

Введение

¹ Начало XIX в. отмечено созданием империи Наполеона Бонапарта, за которым последовала реставрация монархии Бурбонов (1814 – 1830 гг.). В 1830 г. был восстановлен режим июльской монархии, в 1848 г. Февральская революция привела к установлению Второй республики (1848 – 1852 гг.). Ей на смену пришел режим Второй империи (1852 – 1870 гг.). В 1870 г. была провозглашена Третья республика, просуществовавшая до 1940 г.

² Противоборство этих субкультур продолжалось вплоть до 1958 г., когда положения новой конституции формально их примирили.

Часть I

Глава I.

¹ Нгуен Бинь Кхием (1491 – 1585 гг.): личное имя Ван Дат, посмертное имя Хань Фу. Он происходил из деревни Чунган уезда Виньлай в Хайзыонге (в настоящее время – это уезд Виньбао района Хайфон). В 1545 г. получил звание «Первейший [из] первых» (первый лауреат конкурсных испытаний). Служил при дворе династии Мак, дослужился до должностей министра и великого заместителя, был пожалован титулом «Государственный князь Докладов». Почувствовав близость гибели Северной династии, сказался больным и уехал на родину. Там он принял имя «Отшельник [из] обители Белого Облака», построил пагоду и открыл школу на берегу реки Туетзянг, где он обучал по «Книге Перемен» и сунскому «Учению [об] Обрядах». В народе его называли «Чанг Чинь» по первым иероглифам его учёной степени и титула, что может быть переведено, как «Первейший [знаток] Правил».

Нгуен Бинь Кхием также является автором известных стихотворных поучений, а также двух сборников стихов – на «ханвьете» и «номе» (смотри «Параграф 4» «Главы I» «Части III» «Томы II»).

² Нгуен Ы Зи – родной брат сестры Нгуен Кима и дядя Нгуен Хоанга. Он был сановником при дворе Ле, где дослужился до поста великого заместителя и получил титул государственного князя Величественного.

Все переводчики придворной хроники династии Нгуен переводят его имя с иероглифики как «Зи», тогда как переводчики сборника биографий переводят его имя с «ханвьета» как «Ти» [164; 1215. Смотри постраничные сноски в тексте]. Скорее всего, это связано с близостью начертания иероглифов 巳 (Зи, Dī) и 巳 (Ти, Ty), которые прежде имели значения

«прекратить (что-то делать)», «втягивать (например, шею)» «связываться (с чем-то)» соответственно. В то же время посмертное имя Нгуен Ы Зи или Ти – Во Зат (Vô Dật) – имеет значение «не развлекаться», «не отдыхать». Поэтому если исходить из правила присвоения посмертных имён, то представляется, что правильный перевод «Зи».

Таким образом, в данном случае используется перевод этого имени, предложенный переводчиками иероглифического текста придворной погодной хроники династии Нгуен.

^{3*} Иными словами, в биографии Нгуен Ы Зи содержится прямое указание на то, что будущее объединение страны под властью династии Нгуен произошло по «воле Неба». Переводчики данного текста с «ханвьета» подчёркивают это «предсказание» тем, что в современном вьетнамском языке понятие «вода» и «страна» обозначаются одним и тем же словом «ныок» (nước).

На иероглифике это предсказание выглядит более завуалированным. Так, сочетание иероглифов 土水 (thủ thủy, тхюи тхо, шуй ту) имеет значение «вода [и] земля», которое ассоциируется с понятием «страна» (國 государство, quốс, куок, го), а сочетание иероглифов 壺水 (thủy hồ, тхюи хо, шуй ху) – значение «кувшин воды». Поэтому поднесение «воды» местным населением «в дар» иносказательно интерпретируется как «признание государем страны».

⁴ К сожалению, в источнике не сообщается ни о том, из какой страны «Запада» прибыл Хиен Кюи, ни о каких-либо деталях, позволяющих его идентифицировать. Поэтому установить его имя в настоящей фонетике не представляется возможным. Можно лишь предположить, что этот грабитель был малайским пиратом.

^{5*} *Правитель основы*. Из контекста данного сюжета следует, что этот термин следует интерпретировать, как «правитель родового владения (феода)».

⁶ Дао Зюи Ты (1572 – 1634 гг.) происходил из общины Хоачай уезда Нгаукшон провинции Тханьхоа (в настоящее время это поселение Ванчай уезда Тиньзя провинции Тханьхоа). Он был высокообразованным человеком, но при этом не был допущен к конкурсному испытанием при дворе Ле – Чинь, так как происходил из семьи певцов. Тогда он уехал на юг к Нгуенам, став одним из создателей их государства.

^{7*} В 1629 г. Нгуен Кхак Минь привёз Нгуен-фук Нгуену указ императора Ле о пожаловании титула «Государственный князь Великий заместитель» и назначении его правителем района Тхуан – Куанг. Этим указом ему также повелевалось повести армию на север для войны с Маками. Нгуен-фук

Нгуен принял указ, но под благовидным предлогом отказался от похода на Север.

Когда же в 1630 г. было завершено строительство укрепления Чыонгзук и подготовлены достаточные для обороны силы, он отправил на север Ван Кхуонга с дарами. В числе этих даров был медный поднос с двумя документами — упомянутым императорским указом и листом с начертанным на нём нижеследующим четырёхстрочным стихом Дао Зюи Ты, каждая строка которого состояла из четырёх иероглифов:

力愛資矛 Секира уступает силе любви,
來落非而 А будущее не пропадает.
相心見無 Чувствуя сердцем взаимную близость,
敵腸跡腋 Утробой чувствуешь душу врага.

(перевод стиха не дословный, что связано с двумя моментами: во-первых, с попыткой сохранить стихотворную форму и, во-вторых, с тем, что для понимания скрытого смысла необходим не перевод, а иероглифический оригинал).

Mâu nhi vô địch,	Моу ни во зить,	Мао ми ай ли,
Mịch phi kiến tích.	Мить фи киен тить.	Эр фэй ло лай.
Ái lạc tâm trường,	Ай лак там чыонг,	Ай цзянь синь сянь,
Lực lai tương địch	Лык лай тыонг дить.	Е цзи чан ди.

Долгое время никто при дворе Ле — Чинь не мог понять скрытого смысла этого стиха. Наконец, один учёный-конфуцианец истолковал его по первым иероглифам каждой строки, после чего пришедший в ярость Чинь Чанга хотел казнить посланца, но тот уже уехал. Скрытый смысл этого стиха объясняется следующим образом:

Иероглиф 矛 (mâu, моу; мао), написанный без одной черты, превращается в иероглиф 予 (мы; ду, зы; юй).

Если в иероглифе 資 (mịch, мить; эр) отбросить нижнюю часть (иероглиф 見 kiến, киен, цзянь), то он превращается в иероглиф 不 (не; бат, бат; бу).

Если иероглиф 愛 (ái, ай; ай) написать без входящего в его состав иероглифа 心 (tâm, там; синь), то получается иероглиф 受 (принимать; thụ, тху; шоу).

Если к иероглифу 力 (lực, лык; е) слева приписать иероглиф 來 (lai, лай, ли), то получится иероглиф 敕 (указ; sắc, шак; чи). Один из вариантов

написания этого иероглифа образован сочетанием иероглифов 來 и 力 [3, с.449, №4710].

Таким образом, получается фраза: 敕受不予 «Мы не принимаем указ» (đư bất thụ sắc, зы бат тху шак; юй бу шоу чи).

⁸ Тонг-тхи была дочерью правителя основы Тонг Фук Тхонга и женой Нгуен-фук Ки, старшего брата государя Хранителя [Пагоды] Нгуен-фук Нгуена, от которого она родила трёх сыновей. Когда в 1634 г. Нгуен-фук Ки умер, потерявший перспективу Тонг Фук Тхонг перешёл со всей семьёй на сторону государя Чинь.

Тонг-тхи проникла во дворец государя Верховного и вынесла много шёлка, серебра и золота. Это заметил четвёртый сын государя Хранителя [Пагоды] Тонг Фук Чунг, который стал угрожать ей наказанием. Тогда-то Тонг-тхи и написала письмо Чиням. Впоследствии Тонг-тхи подкупила Тонг Фук Чунга, вместе с которым они стали готовить заговор против Нгуен-фук Тана, поэтому они были казнены в 1654 г.

⁹ Согласно источнику, Ми покончил с собой, бросившись в воду. Зя и Ли вместе с 60 их заместителями были отпущены на свободу. Число же захваченных в малых провинциях Тхангхоа и Диенбан воинов и офицеров не поддаётся исчислению [164, «Предварительные записи», кн.3].

¹⁰ Находившееся к востоку от укрепления (вала) Тхай укрепление (вал) Чаннинь перекрывало путь по морскому побережью, или современную «Дорогу №1». Оно было возведено Нгуен Хыу Затом в деревне Чаннинь после завершения шестой войны и ухода армии Чинь на север в 1662 г. Нгуен Хыу Зат также построил укрепление Шафу, обычно именуемое «Поперечина», или «Преграда» на правом берегу теснины реки Нятле. Это место находится в современной деревне Шаокат и называется Донгкат.

^{11*} 外塘 и 中塘 (Дангнгоай и Дангчаунг). То есть северные территории Чиней именовались «внешними», а южные территории Нгуенов – «срединными».

Хотя появление этих определений традиционно принято относить к последней трети XVII в., Однако представить себе, что государи Чинь именовали свои владения «внешними», достаточно сложно, тем более что именно там находилась официальная столица страны и резиденция легитимного императора Ле.

Скорее всего, их введение в оборот следует связывать с воцарением династии Нгуен со столицей в г.Хюэ в начале XIX в.. В таком случае определение центрально-южных территорий страны как «срединных», а её северных территорий – как «внешних», выглядит вполне логичным.

¹² Три символа императорской власти.

Нефритовый ковш использовался для вина при поминальном ритуале предков императора.

Когда император отправлялся куда-либо, то перед его кортежем несли специальное знамя, называвшееся «бамбуковый бунчук».

Когда император лично отправлялся в карательный поход, то он брал с собой особую палицу, называвшуюся «[символ] “Императорского Вьета”». Вероятно, это название связано с тем, что при императорах династии Ле Дайвьет также именовали Хоангвьет или «Императорский Вьет».

¹³ В «Примечании 12» «Комментария» к «Главе 1» «Части I» «Тома II» был подробно рассмотрен вопрос о том, в каком случае иероглиф 王 должен переводиться как «король», а в каком – как «великий князь». Если исходить из реалий XVII в., то в данном случае его следовало бы переводить как «великий князь». Однако если исходить из реальной власти государей Чинь в Дайвьете, то вариант «король» представляется более точным. Ведь по сути государь Чинь был даже не «королём», а «императором», хотя понятно, что одновременно двух легитимных императоров существовать не могло.

^{14*} Вероятно, большая часть этих высших должностей была исключительно почётной, так как, согласно толковому словарю, должности *великого правителя походов*, *великого правителя коней* или *великого конюшего* и *великого правителя пустоты* были характерны для Китая эпохи Чжоу (1112 – 247 гг. до н.э.), а в эпоху Мин (1368 – 1644 гг.) они соответствовали должностям *министра финансов*, *военного министра* и *министра общественных работ* [8, с.242]. Также известно, что в определённые периоды вьетнамской истории первый министр именовался *великим заместителем*, а главный советник императора и верховный руководитель буддийской церкви – *великим советником* (в первом случае) или *великим наставником* (во втором).

¹⁵ Иероглиф 府 имеет множество интерпретаций и значений. Основное, под которым он приводится в «Указателе», – *малая провинция*. Однако он имеет ещё значения *резиденция* (губернатора, правителя и т.д.), *дворец* и др. В данном случае наиболее логично использовать значение *управлять, управление*.

¹⁶ В тексте перевода «Записи истории Великого Вьета, полного описания» иероглиф 莅 переведён как *Lý*, тогда как правильный перевод – *Lư* [165.1, т.3, с.270; иероглифический текст, «Книга 19» «Главных записей»].

¹⁷ В тексте перевода «Записи истории Великого Вьета, полного описания» весь параграф о Ле Тхи Хиене пропущен [165.1, т.3, с.270], а в тексте

перевода «Отражения истории Вьета, основы [и] частных, составленного по повелению императора» в этом параграфе пропущены слова *Thiếu úy* (великий военачальник) [239.7, т.2, с.308].

^{18*} Автор данной главы подробно описывает все, даже незначительные события, связанные с завершающим этапом завоевания Нгуенами тямских и кхмерских территорий. Представляется, что столь детальное их изложение скорее соответствует частному исследованию этой проблемы, а не обобщающей работе. Поэтому здесь указаны все источники, на которые ссылается Нгуен Минь Тьонг, с тем чтобы интересующийся упомянутыми деталями читатель мог без труда найти соответствующий текст.

¹⁹ Из контекста не совсем понятно идёт ли речь о «новорожденных» или «приёмных» детях. Однако в любом случае причина, по которой мальчиков называли девочками, а девочек – мальчиками, остаётся неясной.

Глава 2.

^{1*} В тексте сказано: «куан бат» (*quán bát*). Нгуен Минь Тьонг уточняет, что «куан бат» это мера объёма «бат», которая, «согласно государственному определению, равна семи *хонам*. Таким образом, один *бат* вмещает порядка 84000 зёрен риса и равняется приблизительно 1,77 кг».

Однако представляется, что в данном выводе содержится противоречие.

Во-первых, непонятно, почему указано, что *хон* равняется 1,77 кг, когда эта традиционная мера объёма равна 103,5469 л (Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI»).

Во-вторых, мера объёма «бат», которая переводится как «миска», равна 0,4487 л (Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI»).

Поэтому четыре миски должны были равняться 1,7948 л очищенного риса.

² В тексте сказано: «1 доу» (*Đầu* или *Đầu*). Эта мера объёма равна 10,3547 л (Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI»).

Таким образом, если в 1703 г. 1,8 л риса стоил 1 *тиен*, а в 1713 г. столько же стоили 10,4 л., то речь идёт не об удорожании риса, а о значительном его подешевлении. Поэтому, скорее всего, в тексте допущена ошибка. Вероятно, под термином *доу* следует понимать термин *бат* (*миска*).

³ В «Дополнительных записях» к «Записи истории Великого Вьета» и в произведении Нго Као Ланга сказано «140000 куанов денег» [165.4; 200], а в «Отражении истории Вьета, основе и частных, составленном по повелению императора» [182.1] говорится только о «40000 куанов денег». Представляется, что в последнем тексте переписчики случайно пропустили один иероглиф (единицу).

⁴ *Последователь духа [общины]*: в прошлом, когда у кого-либо не было детей или внуков, либо они были, но человек всё равно хотел, чтобы его культ отправлялся в общинном доме или пагоде, он жертвовал общине деньги, после чего его называли «Последователь духа [общины]» или «Последователь Будды».

⁵ В произведении Ле Кюи Дона говорится, что в «Год Белой Буйволицы. Государственный князь Мудрый Нгуен-фук Кхоат послал руководителей согласований [и] начальников согласований...». Однако год Белой Буйволицы – это 1721 г., а 1741 г. – это год Белой Курицы.

⁶ Присвоенный Чыонг Фук Лоаном титул 傳國 дословно переводится, как «Заместитель государства». Однако представляется, что в данном случае перевод «Опора государства» точнее отражает его смысловое значение.

⁷ *Башня огневого знака*. Также известна под названием «Башня огня защиты». Речь идёт о дозорных постах, которые выставлялись на вершинах высоких гор. Заметивший опасность пост зажигал ночью огонь. Днём в огонь добавлялось немного сушёных волчьих костей, назвавшихся «волчье снадобье», которые придавали дыму синий цвет. Этот огонь замечал другой пост, который также зажигал огонь, принимавшийся третьим постом, и так далее. Этот способ передачи сигнала о приближении опасности использовался ещё в древнем Китае.

^{8*} Нгуен Минь Тьонг пишет «*Quân Nêo*». В этом словосочетании термин «*Quân*» имеет значение «область» и обозначается иероглифом 郡. Этот иероглиф также входит в состав термина 公郡, который в настоящей работе переводится как «поместный князь».

К этому следует добавить, что «номовский» термин «*Nêo*» («ханвьет» – «*Niêu*») обозначается иероглифом 曉 и имеет значение «мудрый».

Наконец, во вьетнамском языке есть слово «*quân*», которое отличается от слова «*quân*» лишь точкой (знаком тяжёлого тона) под буквой «*â*». Однако на «ханвьете» этот термин обозначается иероглифом 君, имеющим значение «правитель», «государь».

Поэтому, исходя из вышесказанного, можно предположить, что переводчики иероглифического текста на современный вьетнамский язык вместо слова «*quân*» написали слово «*quân*». Возможно, это была просто описка, не имеющая в современном вьетнамском языке принципиального значения.

Таким образом очевидно, что поскольку Нгуен Зань Фьонг был учёным-кофуцианцем и руководителем восстания, в народе его должны были называть «Правитель Мудрый», а не «Поместный [князь] Мудрый».

^{9*} Интересно отметить, что термин «Покорный Небу» обозначается двумя иероглифами 天順. Иными словами, это полная реплика первого девиза правления основателя династии Ле «Покорность Небу» (1428 – 1433 гг.). Такое «совпадение» вряд ли является случайным. Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

¹⁰ Фам Динь Чаунг (1714 – 1754 гг.) происходил из общины Киньзяо уезда Зяпшон малой провинции Киньмон провинции Хайзыонг. В 1739 г. он успешно выдержал конкурсные испытания на звание *продвинутого мужа*, затем служил заместителем главного придворного историографа и был верховным исполнителем в резиденции государя Чинь.

Став главнокомандующим, Фам Динь Чаунг подавил восстание Нгуен Хыу Коу в Хайзыонге, Киньбаке и Нгеане. В начале 1751 г. он захватил Коу в плен и привёз его в Тханглаунг, за что был назначен министром министерства обороны и получил титул «поместный князь Морей».

Впоследствии Фам Динь Чаунг стал правителем Нгеана, где и скончался. Двор Ле – Чинь посмертно пожаловал ему титул великого князя.

^{11*} Куан Хе (Quân He) это титул на «номе», об интерпретации первой части которого (куан = правитель) уже сказано выше в «Примечании 8».

Что же касается второй части этого титула, то здесь всё не так очевидно. Согласно толковому словарю, «номовский» иероглиф «хе» (he) имеет на *ханвьете* чтение «хи» (hy) со следующими значениями: 1.«Ядовитая змея», 2.«Морская креветка» и 3.«Двигаться», при этом он обозначается иероглифами 虫 и 魚 (кит. *хуй* и *юй*) [13, с.343].

На «вэньяне» первый иероглиф имеет такое же значение [3, с.841 №8702 и 692 №7291], а второй – значения 1.«Рыба, рыбный, рыболовство и т.д.», 2.«Письмо» (образно), 3.«6-ое число в телеграмме» и 4.Имя «Юй» [3, с.827 №8577].

Значение «3» «нома» и «ханвьета» и значения «2 – 4» «вэньяня» второго иероглифа отпадают, так как они отсутствуют в одном из этих языков. Понятие «ядовитая змея», вероятно, также следует исключить, так как во вьетнамской культуре «змея» является негативным антиподом положительного «дракона». Таким образом, остаются сходные понятия «морская креветка» и «рыба, рыбный, рыболовство и т.д.». Учитывая же, что Нгуен Хыу Коу нанёс поражение противнику в устье реки, не исключено, что в народе его могли «уподобить» хищной рыбе, которая расправляется со своими врагами в воде.

Поэтому достаточно условно титул «Куан Хе» можно перевести, как «Правитель Рыба».

¹² В этом тексте допущена ошибка, так как известно, что Хоанг Конг Тят начал строительство крепости Баван лишь в 1761 г.

¹³ В «Географических записях [о] крепостях Севера» также сообщается о том, что в крепости было 30000 ступ, в которых обрушался рис для обеспечения солдат продовольствием [163, т.4, с.278].

¹⁴ Существует предание о том, что Нгуен Няк овладел Кюиньоном при помощи хитрости.

Согласно этой истории, он сел в клетку и приказал своим подчинённым выдать его в знак капитуляции Нгуен Дык Туену, который, решив, что с повстанцами покончено, снял все дозоры и посты. Однако ночью воины Тэйшонов нанесли удар по крепости, а сам Нгуен Няк выбрался из клетки и напал на врагов с тыла. Поэтому гарнизон Кюиньона не смог оказать нападавшим серьёзного сопротивления.

¹⁵ Нгуен Няк правил под этим девизом с 1778 по 1793 г. Однако начало правления династии Нгуен Тэйшон принято датировать в современном вьетнамоведении 1789 г., или годом официального падения династии Ле и принятия Нгуен Хюе титула императора с провозглашением им девиза правления «Славная срединность» (смотри «Таблицу №2» «Тома VI», а также следующий параграф настоящей главы).

¹⁶ Во 2-ом месяце того года Чан Куанг Зиеу, Ву Ван Зунг, Ты Ван Тиеу и Нгуен Ван Зяп добрались из Кюиньона по горной дороге через Айлао до округа Кюихоп. Спустившись в уезд Хыонгшон и узнав, что Нгеан захвачен, они бежали в район Тханьтыонг этой провинции.

^{17*} Настоящая глава составлена из текстов, написанных двумя учёными Института Истории ВАОН Ха Мань Кхоа и Нгуен Минь Тьонга. Эти авторы опирались на вьетнамские и китайские исторические источники, а также на фундаментальные исследования вьетнамских учёных 2-ой половины XX в. [161; 163; 164; 165; 170; 182; 194; 213; 1214; 1215; 1276; 1304; 1392; 1421; 1439; 1441; 1550].

Поскольку все эти тексты хорошо известны вьетнамским учёным, а настоящая глава является их обобщением, то авторы ссылаются на источники и монографии лишь в тех случаях, когда им представляется, что тот или иной факт малоизвестен. В первую очередь это относится к параграфам, в которых описываются события вьетнамской истории начиная с восстания Тэйшонов. Что же касается заключительного этапа борьбы между Тэйшонами и Нгуен Анем, то его описание практически не содержит никаких ссылок.

В то же время в текстах Ха Мань Кхоа и Нгуен Минь Тьонга имеется много пояснений, касающихся различных мелких деталей, не имеющих принципиального значения для данной главы. Это связано с тем, что написанные вьетнамскими учёными тексты пришлось значительно сократить, поскольку даже после редакторской работы по устранению

повторов они значительно превышают допустимый для данной главы объём и фактически представляют собой самостоятельную монографию.

Исходя из вышеизложенного, было принято решение включить эту главу в «Том III» «Полной академической истории Вьетнама» с тем справочным аппаратом, которым её снабдили авторы, хотя он значительно уступает справочным аппаратам других её глав и разделов.

Глава 3.

¹ На последнем этапе восстания Тэйшонов (1792 – 1802 гг.) между Тэйшонами и представителем дома Нгуенов принцем Нгуен-фук, или Нгуен-фыюк, Анем развернулась ожесточенная борьба за власть, которая неизбежно должна была завершиться гибелью одной из сторон [1, с.95 – 97]. О восстании Тэйшонов в 1771 – 1802 гг. смотри предыдущую главу.

² Орден Иисуса (лат. Societas Jesus – Общество Иисуса) – католический монашеский орден, основанный в 1537 г. Св. Игнацио Лойолой (1491 – 1556 гг.). Утверждён Римским папой Павлом III в 1540 г. В 1550 г. буллой Папы Юлия III была детализирована структура Ордена, а также указаны поставленные перед ним задачи. Он больше известен под названием «Ордена Иезуитов».

³ Франческо Бузони и Диего Корвалью были первыми миссионерами-иезуитами, высадившимися в Дананге 18 января 1615 г.

⁴ Епископ Адранский (1741 – 1799 гг.) был очень незаурядной фигурой. Выходец из небогатой семьи, он в ранней молодости связал свою судьбу с обществом Иностранных миссий Парижа и благодаря своей энергии быстро продвинулся по служебной лестнице. В 26 лет он стал директором Генеральной семинарии общества, в 29 лет – епископом и коадьютором апостолического викария Пигеля, в 33 года, после смерти Пигеля – апостолическим викарием Кохинхины [997, с.164]. Также смотри «Главу 3» «Части III» настоящего тома.

⁵ Официально этот журнал начал издаваться в марте 1994 г., но первый номер журнала был выпущен еще до официальной даты. Это был так называемый «нулевой», пробный номер. Выбор названия этого журнала его создателями сам по себе достаточно любопытен, так как в нём прослеживается прямая аналогия с названием хроники Конфуция «Вёсны [и] осени» [1214, с.3, 4].

⁶ Полное посмертное имя Нгуен-фук Аня «Старший предок император Высокий [династии] Нгуен» (смотри «Таблицу №2» в «Томе VI»). Так его именовали после смерти. А после восшествия на престол его, как и

остальных императоров династии Нгуен, называли девизом правления «Зя-лаунг», что означает «Прекрасный [и] возвышенный».

В XIX в. как вьетнамцы, так и европейцы прекрасно это осознавали, но не позднее тридцатых годов XX в. европейцы стали воспринимать девизы правлений как личные имена императоров. Более того, на сегодняшний день подавляющее большинство вьетнамцев, не изучающих иероглифику как минимум со времени образования ДРВ, точно также полагают, что девизы правлений императоров династии Нгуен являются их личными именами. Поэтому в «Полной академической истории Вьетнама» при упоминании какого-либо императора династии Нгуен он называется либо по личному имени, либо говорится «император, правивший под девизом правления...», и далее указывается соответствующий девиз.

Также интересно отметить, что, согласно вьетнамским комментаторам погодной хроники династии Нгуен, император хотел в девизе правления «Прекрасный [и] возвышенный» (隆嘉) символически отразить единство Северного и Южного Вьетнама, соединив часть названия провинции Зядинь (定嘉) с частью названия древней вьетнамской столицы Тханглаунг (龍昇). Однако если иероглиф «зя» (隆) в названии провинции и в девизе правления один и тот же со значением «прекрасный», то иероглиф «лаунг» (龍) в названии города имеет значение «дракон», а иероглиф «лаунг» (隆) в девизе правления имеет значение «возвышенный». Конечно, ассоциация могла строиться и на фонетическом совпадении чтения указанных иероглифов, но это маловероятно.

⁷ После захвата Фусуана Старший предок говорил: «В основу управления государством следует класть чаяния народа. Едва мы подошли к Фусуану, как вражеские солдаты начали перебегать к нам, их армия капитулировала, а население радостно приветствовало нас. Почему? Таковы были чаяния народа. Поистине высочайшей заслугой правителей древности прошлых поколений явилась их тесная связь с народом, и народ не забыл этого» [164, т.3, с.457].

⁸ *Внутренний кабинет.* Иногда его ещё называют «Придворный совет». Этот орган ведал перепиской между императором и министрами, а также занимался подготовкой императорских посланий и указов. Его руководство контролировало деятельность шести министерств и докладывало лично императору обо всех допущенных их чиновниками ошибках и злоупотреблениях.

Одно из подразделений Внутреннего кабинета, именовавшееся «Отдел личного сопровождения», являлось личным секретариатом императора, где хранились его литературные труды и деловые документы [1082, с.26,27].

⁹ *Министерство внутренних дел.* Ему отводилось особое место в системе административной организации, так как оно выполняло очень важную функцию – формирование кадров всего государственного аппарата.

Министерство ведало вопросами назначения и снятия с должности, повышения и понижения в должности, перемещения и награждения всех гражданских чиновников во всех ведомствах и министерствах государственного аппарата.

¹⁰ *Министерство финансов.* Это министерство ведало налогами и ценами. Оно осуществляло контроль за казной, внешней торговлей, разбирало жалобы о принадлежности земель, обеспечивало выплату зарплат гражданским и военным чиновникам и отвечало за составление земельных кадастров и подворных реестров.

Кроме того, это министерство также руководило продовольственным снабжением пострадавших от засух, наводнений и других стихийных бедствий провинций.

Наконец, министерство финансов отвечало за всю денежную политику и контроль за соблюдением указов, запрещавших тайный выпуск денег.

Сразу же после воцарения династии Нгуен в 1802 г. в малой провинции Донгчи был открыт монетный двор, на котором отливались медные деньги. При этом на юг в Зядинь деньги доставлялись из столичного монетного двора. С 1829 г., после того, как были вскрыты крупные злоупотребления на монетном дворе в Бактхане, он был переведён в столицу, откуда деньги также стали доставлять и на север. Тогда же был запрещён ввоз дешёвых денег из империи Цин и запрещено платить ими налоги в Каобанге. Тем не менее, тайная выплавка денег не только не сократилась, но и продолжала постоянно увеличиваться [164, т.4, с.247, т.5 с.109, 239, т.7, с.11, 170, т.8, с.171, т.9, с.304, т.10, с.67, 99, 232].

¹¹ *Министерство обрядов.* Как это следует из самого его названия, это министерство отвечало за проведение всех культовых и придворных церемоний, включая поминальный культ императорской семьи и присвоение посмертных имён.

Министерство обрядов также занималось вопросами просвещения и отношениями с другими государствами. Оно устанавливало правила обучения и конкурсных испытаний, осуществляло надзор за их проведением, ведало обменом посольствами, включая церемонии получения инвеституры от императора Цин и пожалования инвеституры вассальным правителям.

¹² *Министерство обороны.* В 1820 г. военному ведомству было подчинено 204,22 тысячи военных чиновников, в том числе – вооружённые силы численностью в 160 тысяч офицеров и солдат, большая часть которых уже имела европейское оружие. Однако сама структура этих вооружённых сил оставалась прежней.

Главкомандующим считался император, а сами они состояли из 5 армий, каждой из которых командовал генерал армии. Армия состояла из сформировавшихся по территориальному принципу армейских корпусов или армейских лагерей, которые делились на полки, именовавшиеся «обороной», в свою очередь делившиеся на отряды. В каждой армии было по 6 – 7 корпусов, численностью в 5 тысяч солдат и офицеров. Корпус состоял из 10 полков «Обороны», в каждом из которых было по 10 отрядов. Наконец, каждый отряд состоял из 50 человек.

Во главе военно-морских сил, которые строились по образцу сухопутных, стоял главнокомандующий водными силами, или адмирал. Вторым лицом был командующий водами (вице-адмирал), которому подчинялись два адмирала обороны (контр-адмирала). На особом положении находились столичные войска, состоявшие из императорской гвардии, дворцовой охраны и регулярных столичных войск [164, т.5 с.178, т.13, с.132; 988, с.49 – 52; 1304.3, с.470].

При Нгуен Ане в армию мобилизовали общинников из тех семей, в которых было трое или более сыновей. За набор солдат отвечал староста общины, которому грозило суровое наказание за мобилизацию «невоеннообязанного» или за насильное принуждение к службе. Во время службы солдата его семья получала натуральное или денежное содержание. Невоеннообязанные, которыми были бедняки и неполноправные общинники, могли добровольно поступить на службу в городской патруль (жандармерию), артиллерийскую охрану или речной флот. Солдаты из Центрального Вьетнама служили по 15 лет, из Северного и Южного – по 10 лет. Отличившиеся во время службы солдаты платили лишь половину подушного налога, а прослужившие два срока освобождались от его уплаты и от всех повинностей [947, с.127].

Помимо чисто военных функций министерство обороны вместе с министерством общественных работ отвечало за строительство военных объектов и назначало своих представителей в посольские миссии и в администрацию подчинённых территорий, как, например, в 1841 – 1845 гг. в ставшей вьетнамским протекторатом Камбодже. Наконец, в подчинении этого министерства находилась и почтовая служба.

¹³ *Министерство общественных работ.* Как это следует из названия этого министерства, оно отвечало за выполнение трудовых повинностей, в которые входили строительство и ремонт крепостей, дорог, мостов, дворцов, храмов и земляные работы, в том числе – возведение дамб и рытьё каналов.

В ведении министерства также были получение и распределение строительных материалов, разработка образцов для ремесленного производства, а также строительство и ремонт кораблей [164, т.13, с.324].

¹⁴ *Министерство юстиции,* которое правильнее было бы называть «министерством наказаний». Оно было одним из самых архаичных, а в его

подчинении находились Храм Великого порядка (высшая судебная инстанция) и цензорат. В обязанности последнего, который был создан в 1832 г., входило выявление и расследование служебных проступков и преступлений чиновников всех рангов. Поэтому он и состоял из шести палат со своим центральным и местным аппаратами, каждая из которых контролировала одно из шести министерств и подчинённые ему учреждения.

Все вместе министерство, суд и цензорат именовались управлением Трёх Законов и действовали исключительно в русле конфуцианских норм, где наказание подданных считалось не только правом, но и долгом правителя. Это был своего рода верховный суд, в котором разбирались смертные приговоры и сложные дела, требовавшие личного участия императора.

Министерство юстиции также контролировало работу провинциальных судов, а в конце года представляло императору отчёт о количестве заключённых в стране и о важных делах, которые требовали его непосредственного участия. Это был репрессивный орган, принимавший окончательные решения по таким приговорам, как изгнание, каторга и смертная казнь через повешение или путём обезглавливания. Правда, в особых случаях император назначал доверенных лиц «Сановниками [окончательного] решения» для дополнительного разбирательства [164, т.4, с.37, т.5, с.167, т.7, с.98, т.9, с.109 – 112, т.11, с.151 – 153, т.13, с.324 – 327].

¹⁵ Здесь важно указать на то, что название «Вьетнам» (Вьетский Юг) является современной калькой названия «Намвьет», то есть названия вьетского государства 207 – 111 гг. до н.э. (смотри «Главу 3» «Части I» «Том I»). Надо полагать, что этим Нгуен Ань подчёркивал древность корней своей империи. Такое доказательство легитимности с позиций древности является чисто конфуцианской методологией аргументации, которая не могла радовать цинский двор. Вероятно, поэтому второй император династии Нгуен был вынужден изменить название своего государства на «Дайнам», что означает «Великий Юг». Правда, название «Великий Юг» можно интерпретировать и как декларирование равенства Дайвьета империи Цин, или «Великому Северу». В принципе это вполне возможно. Поэтому не исключено что, вынужденно отказавшись от названия «Вьетнам», Нгуен Зам нашёл ему замену, которая не менее явно уравнивала «Юг» с «Севером». При этом, поскольку его претензии были формально удовлетворены, цинский двор уже не мог выражать неудовольствие по поводу нового названия.

¹⁶ В тексте источника сказано «сто кан» (вьет. *кан, cân*, кит. *цзинь 斤*). Согласно одному словарю, 1 кан = 604,5 гр, согласно другому – 1 цзинь = 596,816 гр [10, с.92; 1, с.890]. Скорее всего, вторая цифра более точная, так

как в первом слове этот вес соотносится с французской мерой веса в один ливр. Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹⁷ Согласно концепции А.Л.Рябина, этот период делится на четыре этапа: 1802 – 1806 гг., 1806 – 1812 гг., 1812 – 1817 гг., 1817 – 1819 гг. На первом этапе, в 1802 – 1806 гг., стоящие у власти на Севере «традиционалисты» пытались реализовать консервативную социальную программу, основными чертами которой было укрепление общинного землевладения, являющегося экономической базой вьетнамского чиновничества, ограничение экономических и социальных позиций помещиков, снижение их роли в сфере управления [578, с.6].

¹⁸ О первой встрече Нгуен Аня и Ле Ван Зюета сохранилась поэтическая легенда, заботливо записанная и сохраненная известным миссионером Общества Иностранных миссий Парижа и известным ученым Л.Кадьером, много лет возглавлявшего католическую миссию епархии г.Хюе. Во время своего изгнания, перебираясь с острова на остров в Сиамском заливе, Нгуен Ань услышал от местных жителей о некоем человеке, живущем на островах. Он заинтересовался и пошёл к нему, чтобы познакомиться. Но в тот момент дома была только мать Ле Ван Зюета. Она предупредила Нгуен Аня о тяжёлом характере сына и посоветовала его не дожидаться. Но Нгуен Ань всё-таки дождался прихода Ле Ван Зюета. Как и предупреждала мать, он был неприветлив с Нгуен Анем, не был расположен вести с ним какие-либо беседы и, в конце концов, предложил ему уйти из дома. Но вдруг Ле Ван Зюет внутренним зрением увидел, как вокруг Нгуен Аня обвивается громадная змея, или дракон, символ могущества и победы. И тогда Ле Ван Зюет понял, что перед ним необычный человек, что ему предстоит великое будущее, и решил соединить с ним свою судьбу, последовав за ним.

¹⁹ Нгуен-фук Зам также известен под посмертным именем «Совершенный предок император Гуманный». Он правил под девизом «Светлая судьба» (1820 – 1840 гг.). Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

²⁰ В 1988 г. Ватиканом были канонизированы 117 мучеников за христианскую веру. Почти все они были подвергнуты пыткам и казнены в эру правления под девизом «Светлая судьба». Императора Нгуен Зама, правившего под этим девизом, прозвали в странах католической Европы «Аннамским Нероном». В это время на севере Вьетнама уже насчитывалось 250 тысяч католиков, а на Юге – 100 тысяч, и это при том, что всё население страны составляло 5 миллионов человек [478, с.46].

²¹ Несмотря на все репрессии, численность католиков во Вьетнаме эпохи правления династии Нгуен постоянно росла. Правда, в случае раскаяния, в доказательство чего надо было растоптать крест ногами, католик мог заслужить прощение. И хотя случаи такого «раскаяния» имели место,

вьетнамские католики обычно заявляли: «Угроза смерти не заставит нас раскаться» [164, т.20, с.119, 120].

²² Всё это очень похоже на попытку очередного конфуцианского синтеза, подобную тем, которые лучше всего описал в своём исследовании Фэн Юлань [1063]. Только на этот раз речь идёт о попытке синтеза вьетнамским неоконфуцианством европейского католицизма.

²³ Судя по всему, при первых императорах династии Нгуен произошло некоторое усложнение древней вьетской концепции Поднебесной. В результате их империя именовалась Вьетнамом, реже – Срединным государством по отношению ко всем соседям, кроме империи Цин, которая в свою очередь по отношению ко всем государствам, включая Вьетнам, являлась Срединным государством. Вместе же они образовывали большую часть конфуцианского культурного ареала, по отношению к которому все остальные народы и государства «Поднебесной» считались варварской периферией.

²⁴ Речь идёт не о стабильном циклическом шестидесятилетнем лунно-солнечном календаре, а о параллельной системе летоисчисления по годам девизов правлений. Смотри «Параграф 2» статьи «Летоисчисление, система прорицаний и восприятие общей структуры Мироздания в традиционном Вьетнаме» в «Томе VI».

²⁵ «Горный уезд» (донг): в первой половине XIX в. одно из названий территориальной единицы провинции Хынгхоа до всеобщей унификации административного деления во Вьетнаме [480, с.126].

²⁶ В данном случае речь идёт о классической паре 帝黃 (император) и 王 (король). Согласно традиции «император» при вассальных отношениях мог быть только один. Поэтому инвеститура вручалась от имени императора Цин (сюзерена) королю Дайнама (вассалу).

²⁷ Можно было бы предположить, что ручка печати представляет собой символическое изображение покорённых северных кочевников – диких, «не прирученных» варваров – по китайской имперской терминологии. Но тогда непонятно, почему печать с такой ручкой вручается вместе с инвеститурой южному вассалу, а затем, как этот вассал в свою очередь вручает аналогичную печать своему ещё более южному вассалу? Правда, нельзя исключать и того, что это был символ правившей в империи маньчжурской династии (смотри ниже).

²⁸ Такой подход к формированию посольств из образованных людей отмечается ещё в правление отца Нгуен Зама. Так, Старший предок

привлѣк к себе на службу в столицу крупнейшего ученого и поэта начала XIX в. Нгуен Зу, который возглавил посольство в Китай и выполнил эту миссию так удачно, что Старший предок хотел вторично назначить его главой посольской миссии, но смерть Нгуен Зу помешала этим планам.

²⁹ *Тайный правительственный совет.* Этот Совет был создан в 1834 г. в противовес Внутреннему кабинету, влияние которого при императорском дворе становилось всё более сильным. Фактически он стал высшим органом при императоре, имевшим право проверять и отменять решения Кабинета.

³⁰ Этот император правил под девизом «Преемствование правления» и известен под посмертным именем «Предок наставник император Ясный» (1841 – 1847 гг.). Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

³¹ Нгуен-фук Тхи правил под девизом «Наследованная добродетель» и известен под посмертным именем «Поддерживающий род император Выдающийся» (1847 – 1883 гг.). Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

Глава 4.

¹ Монтиньи является автором статьи «Руководство французскому купцу на Дальнем Востоке». Он был консулом Франции в Шанхае, основателем французской концессии в этом городе и имел тесные связи с французскими торговцами, действовавшими в этом регионе.

² Вьетнамские форты того времени в основном были земляными и состояли из укреплений, расположенных треугольником.

³ Здесь и далее данные излагаются по погодной хронике «Истинные записи [о] Великом Юге» [164, т.28, с.440 – 466, т.29, с.6 – 93].

^{4*} Автор использует вьетнамское наименование меры площади «мау». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{5*} Автор использует вьетнамские наименования мер веса «кан» и объёма «фшонг». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

⁶ Интересно, что уже в XVII в. во времена короля Людовика XIV французы использовали те же методы для убеждения гостей с Востока в своём превосходстве. Так, всем трём сиамским посольствам из Аюттии они демонстрировали различные технические новинки и достижения Запада. Особенно большое впечатление на членов посольств произвело посещение типографии и современная техника книгопечатания. Следствием этого

стали различные планы взаимных контактов, которым не суждено было сбыться из-за политического переворота в Аютии.

⁷ Было бы интересно проследить судьбу его двух сыновей, которые в шестидесятые годы XIX в. возглавили народное антифранцузское сопротивление в зарослях Камау, а в восьмидесятые годы оказались в списках людей, подавших заявку французским колониальным властям на получение концессии с целью открытия рудников в горах Северного Вьетнама (A.R.S.T.).

⁸ Об этом свидетельствует должность, на которую был назначен Фан Тхань Зян для руководства этой работой: «Объединяющий суждения великий дипломированный в учении, министр министерства обрядов, хранитель печати министерства финансов, чиновник – толкователь во дворце Классического продолжения, член Тайного совета, руководитель Государственной императорской академии, руководитель гражданских чиновников, конюший императора, столичный охранитель». Поскольку название этой должности открывается указанием научной степени, то можно сказать, как об это следует из остальных её частей, что фактически речь идёт о семи высших государственных должностях, которые одновременно занимал этот сановник.

О летописном своде династии Нгуен, созданием которого руководил Фан Тхань Зян, смотри раздел «Летописание» в «Части III» настоящего тома.

⁹ Шарль Эмиль Боильво родился в 1823 г. В конце 1848 г. он прибыл в Южный Вьетнам. В 1849 г. поселился в монастыре Кайнюм и изучал вьетнамский язык. Здесь он познакомился с Чыонг Винь Ки. В 1851 г. они вместе отправились в Камбоджу. В 1852 г. Чыонг Винь Ки самостоятельно посетил Пинанг – известную давнюю католическую миссию в Малайзии, основанную в XVI в. самим Св. Франциском Ксавье. Боильво в 1853 г. посетил Лаос в 1855 г. – вернулся во Францию. В 1866 г. Боильво вновь прибыл в Сайгон и возглавил приход Тьокуан (1874 г.). Только в 1913 г. он окончательно вернулся во Францию.

¹⁰ Определяющим критерием было достаточное число верующих христиан, но в отличие от Вьетнама, католическое духовенство было представлено французским клиром, поскольку в Камбодже ведущей духовной и политической силой являлся буддизм «Малой колесницы» (хинаяна). Поэтому там, так же как и во всех странах Юго-Восточной Азии, где была распространена эта форма буддизма, создать полноценную национальную церковь не удалось.

¹¹ Ренан Жозеф Эрнест (1823 – 1892 гг.), французский историк и философ, родился 27 февраля 1823 г. в Трегье (Бретань). Намереваясь стать

священником, Ренан поступил в Малую семинарию в Париже, а затем в Большую семинарию Св. Сульница. В 1845 г. он оставил семинарию и продолжил образование в Сорбонне. В его книге «Воспоминания детства и юности» (1883 г.) есть знаменитый пассаж, известный как «молитвы на Акрополе». В 1848 г. он написал книгу «Будущность науки» (1890 г.), в которой Ренан провозглашает будущее за наукой, а не за религией: «Наука есть религия,... лишь наука способна разрешить все проблемы, и со временем она заменит религию».

Литтрэ (1801 – 1881 гг.), известный французский философ и филолог, представитель школы позитивизма.

Поль Бер (19.10.1833 г. – 11.11.1886 г.). Выдающийся французский учёный (зоолог, физиолог, медик), занимавшийся проблемами подводной медицины (барокамера, скафандры и т.д.). С 1882 г. член Академии наук. С 14.11.1881 г. по 30.01.1882 г. был министром в правительстве Гамбетта. В начале 1886 г. Поль Бер был назначен генеральным резидентом Аннама и Тонкина. В конце того же года заболел и умер в Ханое 11.11.1886 г.

¹² Текст обращения долгое время был засекречен, а его политическую часть вообще опубликовали лишь после смерти автора в 1898 г.

В настоящее время этот документ хранится в музее Петруса Ки в г.Хошимин [1761].

¹³ Подобные взгляды впервые были сформулированы в Китае, где они известны под названием политики «Самоусиления» (強自, цзы-цян). Речь идёт о реформах императора Церемонного рода [династии] Цин, который в 1862 – 1874 гг. правил под девизом «Всеобщий мир», связанных с поражением империи Цин в «опиумной» войне, в ходе которой превосходство европейского парового флота стало очевидным. Влияние этой политики, которая со временем оформилась в просветительно-реформаторское течение, сказалось и на других странах конфуцианского культурного ареала, в том числе и на Вьетнаме [520, с.91, 92].

При всей условности сравнения представляется интересным указать на сходство этой позиции с позиций современного руководства СРВ в вопросе «политики обновления», которое фактически предлагает аналогичное решение вопроса о модернизации страны. Оно сводится к тому, чтобы, не меняя сути политического режима и власти, перенести на вьетнамскую почву достижения Запада эпохи глобализации в XXI в.

¹⁴ Такое отношение к торговле в принципе было типично для образованной элиты многих далеко не восточных обществ того времени. Так, например, известно, что российская интеллигенция конца XIX – начала XX вв. крайне негативно относилась к «торгашам» и «торгашеству».

¹⁵ Тела Ф.Гарнье и А.Ривьера были захоронены на французском кладбище под Ханоем. После Августовской революции 1945 г останки всех похороненных на этом кладбище французов были вывезены во Францию и похоронены во французской земле.

¹⁶ Нгуен-фук Ынг Тян до восшествия на престол – «Государственный князь скипетра». Он также известен под посмертным именем «Гармоничный [и] Мирный император Свергнутый».

В 1884 г. этот Ынг Тян провозгласил девиз правления «Вскормленный добродетелью». В действительности же он находился на престоле менее одного года. Смори «Таблицу №2» в «Томе VI».

¹⁷ Малолетний Нгуен-фук Ынг Данг известен под посмертным именем «Искренний рода император Решительный». Как и его предшественник, он правил менее года, провозгласив в том же 1884 г. девиз правления «Созидание счастья». Смори «Таблицу №2» в «Томе VI».

¹⁸ Император Нгуен-фук Минь известен под посмертным именем «Император [Свергнутый]». Официально правил всего лишь один год под девизом «Всеобщее соответствие» (1885 г.). Смори «Таблицу №2» в «Томе VI».

¹⁹ Император Нгуен-фук Ынг Ки известен под посмертным именем «Блестящий рода император Чистый». Он правил немногим дольше своих трёх предшественников под девизом «Всеобщее торжество» (1886 – 1888 гг.). Смори «Таблицу №2» в «Томе VI».

²⁰ Таким образом, защитники крепости Бадинь смогли продержаться три месяца против значительно превосходящих их как числом, так и вооружением сил французской армии. В память об этом героическом сопротивлении главная площадь Ханоя независимой ДРВ – СРВ названа Бадинь.

Само название Бадинь, переводящееся как «Общинный дом трёх [деревень]», происходит от того, что в этом болотистом месте находились три деревни, которые были соединены одной единственной дорогой и имели один общинный дом (*динь*) на всех [217.3, с.28 – 45].

²¹ Политика жестоких гонений на вьетнамских католиков и европейских миссионеров, развернувшаяся ещё в годы правления под девизом «Светлая судьба» и продолженная в годы правлений под девизами «Преемствование правления» и «Наследованная добродетель», стала прямым следствием перманентно возраставшей угрозы французского вторжения. Принципиально ничего не изменилось и после захвата Кохинхины с последующей потерей Тонкина, которые лишь придали указанным гонениям дополнительный размах.

Интересно отметить, что зачастую как военные, так и гражданские французские власти оставались безучастными к бедственному положению вьетнамских католических общин. В результате для того чтобы выжить, католики были вынуждены браться за оружие. Некоторые исследователи полагают, что в этом равнодушии колониальных властей к участи католических общин, а также в их разногласиях с католическими миссиями во Вьетнаме воплотилась приверженность французских властей к атеистическим и материалистическим взглядам, ставших следствием идейной борьбы в самой Франции за республиканские идеалы против клерикализма [794, с.187].

В целом же проблема отношений французских колониальных властей как с европейскими католическими миссиями, так и с вьетнамской католической церковью в период завоевания и в колониальный период истории Вьетнама представляет собой отдельную сложную и малоизученную тему, ждущую своего исследования.

²² Фан Динь Фунг родился в 1847 г. в провинции Нгеан, из которой традиционно происходило наибольшее число лауреатов конкурсных испытаний на звание чиновника. Фан Динь Фунг блестяще выдержал эти испытания, став их первым лауреатом. Поэтому его участие в движении «Поддержим Короля», особенно – после пленения императора Нгуен-фук Миня, придало восстанию авторитет и легитимность. Вскоре Фан Динь Фунг стал его общепризнанным руководителем в Центральном Вьетнаме, что сразу положительно сказалось на повстанческом движении в целом.

²³ Де Ланессан, Жан Мари Антуан, бывший генерал-губернатором Индокитайского союза в 1891 – 1894 гг. Учёный и политический деятель, специалист по колониальным проблемам, физиолог и врач, как и Поль Бер, масон де Ланессан провозглашал господство материализма и атеизма во французской общественной мысли. Его теории вызвали скандал в католическом мире. Европейская экспансия мыслилась им как носитель прогресса и благ для остального человечества. Ум, энтузиазм, красноречие и деловая ловкость – все эти качества позволили де Ланессану добиться успеха там, где его предшественники потерпели полную неудачу.

²⁴ Нгуен-фук Тиеу известен под посмертным именем «Император Свергнутый». Он правил около семнадцати лет с 1889 по 1907 гг. под девизом «Завершение гармонии». Смори «Таблицу №2» в «Томе VI».

Умерший император Нгуен-фук Ынг Ки (смотри «Примечание 19») оставил двух несовершеннолетних сыновей, старшему из которых на тот момент исполнилось четыре, а младшему – три года. В результате началась борьба за наследование императорской власти, которая завершилась тем, что на трон был посажен сын императора Нгуен-фук Ынг Тяна (смотри «Примечание 16»), бывшего одним из приёмных сыновей императора

Нгуен-фук Тхи (смотри «Примечание 23» в «Комментарии» к предыдущей главе).

Таким образом, на императорский престол возшёл не прямой потомок основателя династии Нгуен, а представитель побочной ветви его рода.

²⁵ Понятие гражданского права до того времени никогда не было известно во вьетнамском обществе. В дальнейшем современные юридические нормы получили такое развитие в Кохинхине, что там в двадцатые годы XX в. были созданы мировые суды полностью с вьетнамским составом. Во многом подобная высокая степень модернизации различных областей общественной жизни именно Кохинхины была обусловлена её статусом колонии, как заморской территории Франции.[520, с.167].

Часть II

Глава I.

¹ Согласно правилам, которые были установлены двором Ле – Чинь после реставрации, высшие гражданские чиновники получали в кормление земли вместе с обрабатывавшими их общинниками. Чиновники 1-го класса получали по 24 человека, от 2-го по 5-ый класс – по 4 человека.

Учитывая же, что под этими числами следует понимать не отдельных людей, а целые крестьянские дворы, или многочисленные вьетнамские семьи, следует говорить о значительном количестве трудоспособного населения, которое платило денежный налог гражданским чиновникам, получившим их земли в кормление.

² Речь идёт о месяцах по лунному календарю. Первый урожай снимался в 10-ом месяце, второй – в 5-ом месяце.

^{3*} Важно подчеркнуть, что в традиционном вьетнамском обществе чиновники всех рангов и классов считались членами общины своего происхождения. То есть они также подпадают под понятие «общинник».

^{4*} К сожалению, нигде не удалось найти хотя бы косвенного упоминания о том, какой площади равняется одна «доля». Ссылка на «Кодекс» императора Совершенного [династии] Ле мало что проясняет, так как согласно ему чиновники 7-го класса вообще не имели земельных наделов.

Жалование чиновника старшего ранга 7-го класса равнялось 27 куанам денег, а младшего ранга – 24 куанам.

В то же время нельзя исключать и того, что эти деньги могли взиматься с полученных в кормление крестьянских дворов (смотри «Параграф 2.3.3» «Главы 2» «Части II» «Тома II»).

⁵ Деревня Верхний Бот – это родная деревня Нгуен Лая. Рядом находилась ещё одна деревня, называвшаяся Нижний Бот. Смысл этой поговорки: «Если Лай выполнит свою работу, то соберёт достаточно денег, чтобы скупить поля обеих деревень».

⁶ Обычно сочетания иероглифов 使大 и 使傳 переводятся как «посол» и «заместитель посла», однако в данном контексте такой перевод не отражает сути упоминаемых в источнике должностей.

⁷ *Колошение хлебов* (летнее солнцестояние). В циклическом календаре год делится на 24 солнечных периода, или сезона. *Колошение хлебов* – это его 9-ый сезон. По Григорианскому календарю летнее солнцестояние начинается приблизительно с 5-го и завершается около 21-го июня. В циклическом календаре этот период начинается, когда солнце достигает 75° небесной долготы, и завершается, когда оно достигает 90° той же долготы. Правда, обычно *колошением хлебов* называют день достижения солнцем 75° небесной долготы.

⁸ Название «лонган», которое происходит от вьет. *лаунг нян, long nhân*; кит. *лун янь 眼龍*, переводится как «глаз дракона».

⁹ Чан Кань (1683 – 1737 гг.), человек из деревни Диенчи волости Дотлинь уезда Тилинь провинции Хайзыонг. Он выдержал конкурсные испытания на звание «продвинутого мужа» и дослужился до должности министра обрядов. Свои взгляды на сельское хозяйство Чан Кан изложил в труде «Книга разъяснений полеводства».

¹⁰ Поскольку в то время множество людей сажало табак, а курение стало всеобщей страстью, в народе сложили следующую поговорку («ка зао», смотри «Параграф 1.1» «Главы I» «Части III» настоящего том):

*Помню тебя, как [любимую] трубку.
Закопав трубку, опять [её] выкапываю.*

^{11*} В тексте сказано: «тхыа (thừa 所). Согласно словарю, это единица земельного владения на «номе». На «ханвьете» она соответствует понятию «место» или «местонахождение» (шo sớ co 所) [13, с.768].

Поэтому представляется, что, исходя из контекста, в данном случае этот термин следует переводить как «место [проживания]» или, иными словами, «поселение».

^{12*} Чан-тхи Винь пишет: «к каждому 100 кг. (kg) меди добавляли 15 канов и 12 лангов олова и 43 кана 10 лангов свинца. Из меди, свинца и олова, весивших вместе 159 канов 6 лангов, отливали 38 куанов, из 10 центнеров (tạ) получалось 380 куанов...».

Представляется, что в данном тексте смешаны традиционная и современная меры веса, так как 159 *канов* 6 *лангов* равняются 95,11 кг, то есть о близком к 1 центнеру весе. Соответственно, речь должна идти не о 100 кг, а о 100 *канах* меди. Точно так же в данном случае правильнее говорить не о 10 центнерах, а о 951,1 кг.

Кроме того, автор говорит, что «в казну было внесено 23692 куана денег», однако простой арифметический подсчёт даёт в остатке цифру 23700. Возможно, эта цифра была взята автором из текста Ле Кюи Дона, на которого она ссылается.

Исходя из вышесказанного, при редактировании в текст Чан-тхи Винь были внесены соответствующие корректировки.

^{15*} Батарея [по литью] тяжёлых пушек (隊象砲). Перевод названия сделан исходя из контекста, дословно же эти иероглифы переводятся, как «отряд пушек-слонов».

¹⁴ Эти данные Фан Хюи Тю противоречат его же сообщению о том, что в XV в. на начальном этапе правления династии Ле максимальный годовой доход от таможенных сборов составлял 4000 куанов, а «теперь [он] достигает 10000 куанов» [213.1, т. III, с. 82].

Поскольку, согласно Фан Хюи Тю, в 1-ой половине XVII в. акцизы на внутренние перевозки товаров вообще были отменены, то не исключено, что 10000 куанов – это сумма таможенных налогов во 2-ой половине этого века до введения новой системы их сбора в начале XVIII в.

¹⁵ Рынок Кыадонг, то есть рынок Восточных ворот, рынок Кыанам, то есть рынок Южных ворот.

Названия рынков Хюен, Диньганг и Бада могут быть переведены, как рынки Уездный, Общинного дома Прелятствующего [врагам] и Госпожи Защитницы, название рынка Онггыок – рынок Господина созерцателя [возвышенного]. По их названиям невозможно установить, где находились эти рынки. Скорее всего, это были рынки общин и уездов, которые в XIX – начале XX в. были преобразованы в кварталы и районы Ханоя.

Наконец, названия рынков Ванкы и Баккы, которые переводятся, как рынок Литературных лауреатов и рынок Лауреатов Севера, позволяют предположить, что эти рынки находились в непосредственной близости от Литературного храма.

¹⁶ В этом параграфе речь идёт исключительно о португальской, голландской и французской торговле во Вьетнаме, которая на самом деле теснейшим неразрывно связана как с деятельностью португальских и французских миссионеров в Дайвьете, так и с политическими интересами европейских государств в Юго-Восточной Азии XVII – XVIII вв.

Смотри «Главу 3» «Части I» и «Главу 1» «Части III» настоящего тома.

¹⁷ Всего за период с 1637 по 1700 г. представительством голландской Ост-Индской компании в Дайвьете руководителю 13 человек.

¹⁸ Впоследствии уезды Куангдык и Фунгтхиен образовали квартал Тхосыонг в Ханое.

¹⁹ Например, жители деревни Коуном в Бакнине образовали слободу по «хлопка», жители знаменитой гончарной деревни Батчанг – слободу «чаш», жители деревень Тяукхе в Хайзыонге и Донгшам в Тхайбине – слободу «серебра».

²⁰ Кетё 堤儿 (на «номе» Kê-chq; на «ханвьете» Киде, Kÿ-dê; на «вэньяне» Циди). Это название переводится как «город», а дословно «Людской рынок», что позволяет провести прямую параллель с названием «Тёлон», или «Большой рынок».

^{21*} Условная реконструкция «знака-удостоверения» на деревянной табличке эпохи Тэйшонов. К сожалению, во вьетнамских музеях и хранилищах реального изображения такого знака обнаружить не удалось.

海	儋	武	大	天	大	儋	陳
陽	州	佃	信	下	通	耳	明
府	之	縣			社	鄉	德
		之			之	之	人

Справа налево и сверху вниз: 1.Человек Чан Минь Дык; 2.Деревня Даньэр; 3.Община Дайтхонг; 4 и 5. Надпись «Поднебесная / Великий знак» и отпечаток пальца; 6.Уезд Вудиен; 7.Округ Дань; 8.Малая провинция Хайзыонг (фамилия, имя, названия и их атрибуция – условные).

^{22*} На современном вьетнамском языке это произведение принято называть «Ода Западного озера» (Тунг Хо Тэй, *Tùng Hồ Tây*). Но в таком случае в иероглифическом оригинале названия должен был бы быть иероглиф 頌 (ода, тунг, *tùng*). На самом же деле оригинал выглядит следующим образом: 景西湖 (Хо Тэй кань, *Hồ Tây cảnh*, Ху Си цзин). То есть вместо иероглифа 頌 там стоит иероглиф 景 (пейзаж, кань, *cảnh*, цзин). Поэтому название произведения Нгуен Хюи Лыонга переведено на русский язык как «Пейзаж Западного озера».

Также необходимо отметить, что официальных источников династии Нгуен Тэйшон не существует. Что же касается династийных летописных сводов и погодных хроник династий Ле и Нгуен, то все положительные

аспекты деятельности братьев Тэйшонов в них по вполне понятным причинам тщательно замалчиваются. Поэтому немногочисленные данные об этих свершениях сохранились лишь в описаниях, которые приводятся в произведениях художественной литературы той эпохи.

Глава 2.

¹ В основу данной главы положен материал «Главы 2» «Раздела III» «Новой истории Вьетнама» [521].

² Вьетнамский термин *thô-hào* 豪土 обычно переводят на русский язык как «помещик», что, вероятно, связано с его переводом на французский язык «*seigneur terrien*», хотя на самом деле он имеет значение «богач» [10, с.694; 8, с.425].

Таким образом, хотя владевший наследственными землями богатый полноправный общинник во Вьетнаме XIX в., как правило, именуется «помещиком», такого термина в его европейском понимании просто не существует в традиционном вьетнамском языке. Отсюда и путаница в европейских исследованиях между понятиями «полноправный общинник», «землевладелец», «помещик» и «мелкий чиновник общинно-уездного уровня».

³ Ситуация усложнялась ещё и тем, что всё чиновничество и знать были приписаны к той общине, из которой они происходили. Поэтому провести границу между деревенским помещиком и мелким чиновником, который «де-факто» превратился в помещика, нередко достаточно сложно.

⁴ Под термином «аллодист» применительно к Франции понимался лично свободный крестьянин или мелкий собственник, находившийся под юрисдикцией феодала. В данном случае – под юрисдикцией помещика.

⁵ Надо полагать, что к этой категории относились пахотные земли, определявшиеся в XIII – XIV вв. как государственные, государственно-казначейские и военные поля.

⁶ Пожалованные чиновнику в кормление земли возвращались в казну после его ухода со службы.

⁷ В тексте сказано: «120, 84 и 50 батов», «40, 30 и 20 батов» и «1 мау». Термин «бат» 鉢 переводится как «миска», при этом с 1804 г. один бат = 0,4487 л. Поэтому для облегчения перевода вьетнамских мер объёма в европейские один «бат» условно приравнен к 0,5 л. Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

⁸ Поскольку само название Шоннам переводится как «Южные горы», то скорее всего, что провинция Верхний Шоннам включала горную или, вернее, предгорную часть Шоннама, а провинция Нижний Шоннам – его низменную часть провинции.

⁹ В настоящей главе все переводы текстов из погодной хроники династии Нгуен [164] даются по переводам из «Главы 2» «Раздела III» «Новой истории Вьетнама» [521, с.240 – 334].

¹⁰ Интересно отметить, что пожалованные высшей знати Нгуен Анем земли, которые та впоследствии сдала в аренду, после земельных тяжб были переданы в 1828 г. арендаторам-общинникам. Бывшие же их владельцы были переведены на казённое денежное содержание [164, т.9 с.11].

¹¹ Душевой пай не был фиксированным. Его размер определялся делением всей общинной земли каждой общины на всё количество проживавших в ней едоков. При этом душевой пай (его часть, целый или несколько) получал лишь обрабатывавший землю общинник [8, с.453].

¹² В 1803 г. некоторые высшие сановники Северного Вьетнама даже выступили с предложением об уравнительном переделе землепользования с целью полного восстановления системы «кормлений», что потребовало бы изъятия до 70% частных земель у помещиков-богачей. Однако реализация этих предложений нанесла бы серьёзный удар по главной опоре новой династии, и поэтому они были отвергнуты Нгуен Анем.

¹³ Вскоре после введения системы земельных паёв отмечается значительный рост злоупотреблений со стороны гражданских и военных чиновников, которые самовольно приписывали себе земельные паи как простых общинников, так и главным образом дезертировавших или умерших солдат [164, т.3 с.267, 311, 384].

¹⁴ «Командированный секретарь» 役吏 (вьет. *лай-зитъ*, *lại-dịch*; кит. *ли-и*). В этом названии должности первый иероглиф 吏 имеет значения: 1) *мелкий чиновник, служащий*; древнее – *делопроизводитель, писец*; 2) *Ли* (фамилия) [1, с.604 №6421]. Тогда как иероглиф 役 имеет значения: 1) *повинность, обязательная служба; барщина*; 2) *командировать; держать в услужении; слуга, посыльный, курьер*; 3) *дело, баталия, сражение*; древнее – *охранять границы*; 4) древнее – *делать* [1, с.569 №6118].

Исходя из этого можно предположить, что первоначально это были мелкие военные чиновники, которых назначали на службу в опасные или приграничные районы. Со временем же так стали называть всех мелких отправленных на службу (командированных) в общины чиновников.

¹⁵ Если в 1820 – 1883 гг. натуральный налог с 1 мау общинных земель составлял 26 л. риса, то в 1820 – 1840 гг. для военных полей он составлял 81 л. риса и свыше 70 л. риса в 1840 – 1887 гг. с 1 мау земли [1419.1, с.156].

В тексте источника сказано «26 тхангов», «81 тханг» и «70 тхангов». «Тханг» – это традиционная вьетнамская мера объёма, равняющаяся 1,03547 л.

¹⁶ Данный подсчёт не совсем корректен, так как в 1847 г. налогом облагались и земли Южного Вьетнама, который к 1881 г. уже был захвачен французами.

Более подробно о формировании частного землевладения и соотношении различных форм землевладения во Вьетнаме XIX в., а также о налоговой политике династии Нгуен смотри «Новую историю Вьетнама» [521, с.187 – 334] и монографию А.Л.Рябинина [578].

¹⁷ О том, насколько велик был страх перед Фан Ба Ванем даже у местных военачальников, свидетельствует массовое бегство провинциальных войск при приближении крестьянских отрядов. Известен случай, когда в одной из провинций бежало 40% процентов её войск.

¹⁸ Нельзя исключать и того, что Фан Ба Вань позиционировал себя как самостоятельный правитель, чему, несомненно, могло способствовать его происхождение. Во всяком случае, судя по дошедшим до нас следующим строчкам из народных преданий, он воспринимался крестьянами как государь [1306.1, с.384]:

В Небе – комета,

В деревне Миньям – император Ба Вань.

¹⁹ Согласно подсчётам в правление Нгуен Аня (1802 – 1819 гг.) произошло 73, в эру «Светлой судьбы» (1820 – 1840 гг.) – 234 и в эру «Преемствования правления» (1841 – 1847 гг.) – 58 крестьянских восстаний. Интересно, что лишь два восстания связаны со сторонниками династии Нгуен Тэйшон, многие из которых лишь формально признали власть династии Нгуен. Несколько восстаний имели религиозную окраску или были вызваны недовольством горных национальных меньшинств попытками центральной власти вмешаться в традиционный уклад их жизни.

В то же время идеализация «прошлых свершений» в традиционном вьетнамском обществе привела к тому, что, как уже не раз отмечалось, самым популярным лозунгом антингуеновских восстаний первой половины XIX в. был лозунг «Поддержим Ле» (смотри «Параграф 2.4» «Главы 3» «Части I» настоящего тома).

²⁰ В числе инициаторов и руководителей восстания был один высший лауреат конкурсных испытаний, два ученика Као Ба Куата, три начальника уездов, один крупный помещик и даже два родственника предыдущей династии – Ле Сюи Кы и Ле Сюи Уан. Первый формально возглавил восстание, а второй выдвинулся на главные роли в его конце. Сам же Као Ба Куат, пользовавшийся огромной популярностью на родине в Бакнине и на месте своей прежней службы в Шонтэе, занимался составлением и распространением среди населения прокламаций с призывами к восстанию [1731.8, с.32].

²¹ Провинция Хадонг находится рядом с Ханоем, при этом в начале XX в. она даже была на короткое время включена в состав провинции Ханой.

²² Альберт Луи Хюинь де Верневиль с 04.07.1889 г. по 14.05.1897 г. был Генеральным резидентом Франции в Камбодже. Прослужив до этого какое-то время консулом Франции в Кюиньоне, он написал «Заметки о провинции Биньдинь», выходные данные которых точно неизвестны.

²³ Шёлк-сырец из Вьетнама и южнокитайской провинции Гуандун считался лучшим сырьём для производства шёлка. Наибольший объём его производства во Вьетнаме приходится на 1820 – 1840 гг. [835, с.153].

²⁴ Так, бывший старостой «шёлковой» слободы в Лакхе Чан Кюи получил звание чиновника младшего ранга седьмого класса при её превращении в придворные мастерские в эру правления «Преемствования правления» (1841 – 1847 гг.).

²⁵ Все названия гильдий записаны на «номе», поэтому привести их иероглифическое написание в «Указателе» не представляется возможным. Тем не менее, можно отметить, что «персиковый [цвет]» (*dao, dào; 桃, tao*) имеет значение не только «персиковое дерево», но и красивая или нежная «девушка». То есть надо полагать, что эта гильдия торговала товарами для девушек, которыми, несомненно, также были ткани и шёлк. Кроме того, необходимо указать, что правильный перевод на русский язык термина «ханг мам» (*hàng mām*) – «Гильдия остро-солёного рыбного соуса», однако представляется, что более лаконичное название «Гильдия Рыбников», не искажая его смысла, лучше подходит русскому языку. Наконец, термин «ма» в названии «Гильдия Бамбуковых [поделок]» (*ханг ма, hàng mǎ*) имеет расширенное значение – «Предмет для подношений духам при отправлении культа». Такого рода предметы изготавливались во Вьетнаме из бумаги и наклеивались на бамбуковый каркас. То есть речь идёт о votivных предметах из бумаги и бамбука. Поэтому перевести каким-либо одним термином это название на русский язык невозможно.

²⁶ 39 рудников по добыче золота, 32 – железа, 22 – соли, 15 – серебра, 10 – цинка, 9 – меди, 4 – свинца, 2 – серы, 1 – олова, 1 киноварный и 4 других.

²⁷ Очевидно, что основной рост добывающих предприятий приходится на правление под девизом «Прекрасный [и] возвышенный», то есть на то время, когда первый император династии Нгуен, опираясь на группу «новаторов», предпринял решительные шаги для стабилизации ситуации в стране. Последовавшее затем резкое падение количества работающих рудников, приходится на эпоху противостояния «новаторов» и «консерваторов» после смерти Нгуен Аня. Наконец, после подавления восстания Ле Ван Кхоя в 1835 г. и прихода к власти «консерваторов» наступило время относительной стабильности, в течение которого одновременно действовали порядка 55 – 60 рудников. Незначительное уменьшение их количества, вероятно, связано с началом французской колониальной агрессии в 1848 г.

Таким образом, тенденции развития горнорудных промыслов в I-ой половине XIX в. мало отличались от вышерассмотренных тенденций развития сельскохозяйственного производства.

²⁸ С.А.Мхитарян говорит о том, что Тю Зань Хо «получил от государства титул ба-хо, не имея до этого никаких рангов и титулов» [521, с.300].

Однако согласно И.М.Ошанину, титул 伯 (*bá, ба, бо*) имеет значение «граф» и обозначает третью степень дворянства, тогда как согласно Дао Сюи Аню, это следующий после маркиза титул [1, с.158 №1631; 8, с.21].

В то же время вьетнамский учёный считает, что сочетание иероглифов 戶伯 (*bá-hộ, ба-хо, бай ху*) является синонимом сочетания иероглифов 戶百 (*bách-hộ, бачь-хо, бай-ху*) или названия должности военного чиновника, который командовал подразделением в 100 солдат в эпоху правления династии Нгуен [8, с.22].

Кроме того, интерес представляет и само имя этого предпринимателя, которое не является типичным для Вьетнама. Можно было бы предположить, что Тю Зань Хо был потомком одного из китайских родов, переселившихся во Вьетнам не позднее XVII в. В этом случае его имя должно было бы читаться по-китайски Чжу Минху. Однако и это имя не совсем типично для Китая. Наиболее же близко по своей фонетике оно к тямским именам Центрального Вьетнама.

Конечно, это даже не гипотеза, а только предположение, но было бы весьма любопытно, если бы вдруг удалось выявить тямские корни происхождения этого крупного вьетнамского предпринимателя I-ой половины XIX в.

²⁹ Об имени «цинца» Ху Чуци (вьет. Хо Шо Ки) можно сказать то же, что и об имени «вьетнамца» Тю Зань Хо, так как это имя не является типичным ни для Вьетнама, ни для Китая. Правда, в данном случае тямские корни

даже гипотетически проследить не представляется возможным (смотри предыдущее «Примечание»).

³⁰ В XVII – XVIII вв. Чини проводили политику освобождения новых рудников от налогов сроком от трёх до пяти лет. В правление под девизом «Светлая судьба» (1820 – 1840 гг.) это правило было отменено, и все предприниматели в начальный период разработки недр были обязаны платить налог полностью, что, разумеется, не стимулировало развития горнорудных промыслов.

³¹ В связи с вышесказанным о вьетнамской внешней торговле в первой половине XIX в. необходимо обратить особое внимание на детальный анализ структуры внешней торговли в Южном Вьетнаме.

Этот анализ принадлежит долго прожившему при дворе Нгуен Аня Жану-Батисту Шенью. Смотри «Параграф 1.5» «Главы 3» «Части I» настоящего тома.

Замечания Шенью о Нижней Кохинхине
Составлено по Э.Вейо «Кохинхина и Тонкин»¹.

Таблица №1 «Экспорт»

Бивни слона	Имеются в Лаосе и Камбодже. Цены в зависимости от качества. 2 бивня весом в 1 пикюль стоят 40 пиастров.
Гуммигут	Его привозят из Камбоджи. Цена изменчива. Применяется при изготовлении лаков.
Кардамон	Цена различная: в зависимости от качества от 150 до 200 пиастров за 1 пикюль.
Сушеная рыба	Так же.
Плавники акулы	Так же.
Шкуры слона	Китайцы делают желе и бульон.
Кости слона и буйвола	Обменивают на вазы.
Тямская ткань	Это ткань из хлопка, сделанная дикарями.
Ткань Камбоджи	Шёлковые товары, которые мало экспортируются.

Таблица №2 «Импорт»

Шелковые товары	Китайцы привозят сатин, шелковую ткань, ткань с изображением цветов.
Фарфор, чай	-----
Бумага	Белая, обойная, с цветами, цветная, позолоченная для совершения обрядов.
Засахаренные и сухие фрукты	Кохинхинцы любят полакомиться.

¹ Veillot E. La Cochinchine et le Tonkin. P., 1868.

Таблица №3 «Экспорт продовольственных товаров»

Корица	Разного качества. 1-го качества стоит дороже золота.
Перец	С него берут огромные налоги. Цены различны.
Арек	Цена на арек падает. 1 пикюль стоит 2 пиастра.
Хлопок-сырец	Немного. 1 пикюль стоит 7 пиастров.
Шелк (волокно)	В зависимости от качества: от 3 до 4 пиастров за 1 ливр и 20 унций.
Сахар	Цены различные. От 3 до 4 пиастров за 1 пикюль.
Сушёная рыба	Ею торгуют китайцы.

³² Николя Рондо в своём тексте пишет «король», «королевский». Вероятно, это связано с тем, что он в основном общался с китайскими торговцами, для которых «императором» мог быть только властитель Китая. Кроме того, в XIX в. для француза титул «король» ассоциировался с абсолютистской монархией, а титул «император» – лишь с эпохой Наполеона. Поэтому поскольку, как известно, вьетнамские властители именовали себя «императорами», то в указанный текст и было внесено соответствующее исправление. Это тем более правомерно, потому что написанный на французском языке текст цитируется по-русски на основании его вторичного перевода с вьетнамского языка. Поэтому в нём, безусловно, упущены некоторые оттеночные нюансы [521, с.325].

³³ Только в одной провинции Хойан на дорогах из уезда Лезыонг, от причала Бан уезда Шуойда и от рынка Тхилай уезда Зюисюен до самого г.Хойан насчитывалось по 10, 80 и 60 таможенных постов соответственно, а на пути от Суандая до Дананга их было 70.

³⁴ Название «Тёлон» (Chợ-lớn) переводится с современного вьетнамского языка как «Большой рынок», что полностью отражает суть этой части городского конгломерата Сайгон – Тёлон начиная с XIX в. При этом интересно отметить, что его прежнее название на «ханвьете» 岸堤 Денган (Đê-ngân, Диань) переводится как «плотина, дамба; прибрежные насыпи (против разлива реки)» [1, с.546 №5861 и №5865]. То есть оно свидетельствует о том, что на месте Тёлона первоначально находилась дамба, защищавшая торговый центр Донгнай от речных разливов.

Часть III

Глава I.

¹ «Ханвьет» 越漢 (hán-việt, ханьюэ). Модификация древнекитайской классической иероглифической письменности эпохи Хань (206 г. до н.э. –

220 г. н.э.) «вэньянь» 言文 (văn-ngôn, ван-нгон), которая была адаптирована под вьетнамский язык II – XVIII вв.

В связи с этим следует указать на доминирующую в современной науке ошибку. Подавляющее большинство исследователей, в том числе – специалистов по Вьетнаму, включая Т.Н.Филимонову, называют «ханвьет» «китайским письменным языком», путая его с «вэньянем». Конечно, если исходить из исторических корней иероглифики, то говорить о её «китайском» происхождении вполне правомерно. Правда, о самом «Китае» в современном понимании этого названия можно говорить лишь с XI в. Соответственно правильнее применительно к древнему и средневековому Китаю говорить о ханьской иероглифике или «вэньяне», а применительно к древнему и средневековому Вьетнаму – о «ханвьете». Называть же последний «китайским письменным языком» или «китайским языком» просто неверно.

Поэтому при редактировании текстов Т.Н.Филимоновой и других авторов «Полной академической истории Вьетнама» используемый ими в отношении вьетнамских средневековых текстов термин «китайский язык» был заменён на термин «ханвьет».

² «Ка зао» (ca dao): популярный термин, который употребляется трояко. Во-первых, в буквальном смысле для обозначения народных песен, включающих как те, которые поются на определённый традиционный мотив под музыкальное сопровождение (ка), так и те, которые исполняются без музыкального сопровождения (зао). Во-вторых, для обозначения всего комплекса народных песен.

В этом смысле термин «ка зао» синонимичен термину «зан ка» (dân ca), что значит «народная песня». В-третьих, для обозначения произведений народной поэзии малых форм, безотносительно к их возможному песенному исполнению.

³ Именно это и позволяет говорить о влиянии «ка зао» на поэтическое творчество, таких поэтов, как Нгуен Зу и Чан Те Сьонг, Тан Да и Нгуен Бинь, Чан Данг Кхоа и Нгуен Зюи, а в XX в. лучшие образцы авторских «ка зао», например, Банг Ба Лана, Бао Динь Зянга и других, вернулись в народ.

Вот, например, несколько «ка зао» из монографии Ву Нгаук Фана [1577]:

- Qua cầu ngã nón trông cầu,
Cầu bao nhiêu nhịp, dạ sầu bấy nhiêu.
Qua đình ngã nón trông đình,
Đình bao nhiêu ngói, thương mình bấy nhiêu.
- Проходя по мосту, приподняла нон,
Сколько на мосту пролетов, столько в моей душе грусти.
Проходя мимо диня, приподняла нон,
Сколько на дине черепицы, так я люблю тебя.

- Em ôm bó mạ xuống đồng,
Miệng ca tay cấy mà lòng nhớ ai.
- С пучком рассады спускаюсь в поле,
На устах песня, в руках рассада, а в душе милый друг.
- Thuyền ơi, có nhớ bến chăng?
Bến thì một dạ khăng khăng đợi thuyền.
- Эй, лодка, вспоминаешь ли ты о пристани?
Пристань же всей душой ждет возвращения лодки.
- Trăm năm bia đá thì mòn,
Ngàn năm bia miệng hãy còn trơ trơ.
- За сотню лет и надпись на камне стирается,
А людская молва и тысячу лет живет.
- Trâu buộc thì ghét trâu ăn,
Quan võ thì ghét quan văn dài quần.
- Привязанный буйвол ненавидит буйвола пасущегося,
А военачальник ненавидит гражданского чиновника в красных штанах.
- Lạy trời, lạy phật, lạy vua,
Để tôi sức khỏe, tôi xua con ruồi.
- Молю Небо, молю Будду, молю императора,
Дайте мне сил, чтобы муху отогнать.
- Con vua thì lại làm con vua,
Con nhà kẻ khó bắt cua cá ngấu.
- Сын императора будет императором,
А сын бедняка так и будет днями напролет крабов ловить.
- Tô trắng mười bốn được tám
Tô trắng hôm rằm thì được lúa chiêm.
- Если на четырнадцатый день ясная луна – к урожаю шелкопряда,
Если в полнолуние ясная луна – к урожаю весеннего риса.

⁴ События, о которых рассказывается в этом историческом «ве», по-видимому, относятся к XVII – XVIII вв. В произведении повествуется о том, что Лиа был бедным крестьянином, который жил с матерью, а отца своего не знал. Не будучи в состоянии прокормить любимую мать, он начал воровать. Однажды он непреднамеренно убил человека, после чего ему пришлось оставить дом и скрываться в лесу. Когда его мать с горя умерла, он превратился в народного мстителя, стал грабить богачей и раздавать награбленное бедным. Постепенно вокруг него собрались такие же обездоленные. Отряд Лиа стал значительной силой. Однажды ему даже

удалось одержать победу над войском государя Нгуена в Куиньоне, но, в конце концов, Лиа потерпел поражение и погиб.

⁵ В качестве примера «медицинского» стиха можно привести следующие строфы:

Коль хочешь мальчика здорового родить,
В прическе желтой лилии цветок должна носить.

А грыжу можно излечить,
Когда отвар из водорослей пить.

Из травянистых орхидей настой
Даст выход крови тёмной и густой...[394].

⁶ Толковый словарь, в котором понятия и термины старовьетнамского языка, опиравшегося на классическую иероглифику, объясняются с точки зрения современного вьетнамского языка, опиравшегося сначала на «номовскую» иероглифику, а затем на латинизированную письменность. Вот один из примеров такого толкования, иероглифическое написание которого, к сожалению, найти не удалось.

Kim ô mặt trời sáng hồng
Thiểm luân nguyệt sáng trên không lâu lâu
Phong thanh gió mát tiên lầu
Cụ phong bão giạt đình cầu lở xiêu

...
Kim ô – солнце яркое и алое
Thiểm luân – светлая луна в вышине
Phong thanh – прохладный ветер в небесном дворце
Cụ phong – порыв урагана, рушащий строения и мосты [591, с.252].

⁷ Считается, что впервые эта история была записана в XVI в. Нгуен Зы и вошла в сборник новелл «Пространные записи рассказов об удивительном» [497.1]. Но Нгуен Зы «подобрал» её в устном народном творчестве. Эта история жила в народе как предание, в подлинность которого верили. И следы этой веры сохранились до сих пор. В народном сознании эта история привязана, по крайней мере, к двум разным, причём достаточно удалённым друг от друга местностям. Так, в провинции Тханьхоа где-то на границе с провинцией Ниньбинь расположены гора и грот, откуда Ты Тхык попал на Небо. А в провинции Бакнинь, что недалеко от Ханоя, местные жители по сию пору показывают пагоду, в которой Ты Тхык на празднике пеонов повстречал фею.

Повествование о Ты Тхыке зафиксировано в прозаическом виде ещё в ряде сборников, составителями которых во второй половине XIX в. были и

французы. Кроме прозаических рассказов о Ты Тхыке существуют ещё и две повествовательные поэмы. Одна, анонимного автора под названием «Новое повествование о Ты Тхыке», была создана предположительно где-то в конце XVIII – начале XIX вв. Вторая же поэма, «Свадьба Ты Тхыка и феи», автором которой является Ле Кхак Кхюен, появилась на свет где-то в начале XX в. [1535, с. 7-12].

Прозаические и поэтические произведения о Ты Тхыке дополняются созданной около первой половины XIX в. народной оперой «тео», несколькими песнями неизвестных авторов в жанре «ка чу», о котором речь идёт ниже, и рядом стихотворений как на «ханвьете», так и на современном вьетнамском языке.

⁸ Судя по всему, автор этой стихотворной истории Вьетнама взял за основу своего произведения летописный свод «Запись истории Великого Вьета, полное описание» Нго Ши Лиена, в котором впервые были сведены воедино сюжеты неофициальной и официальной вьетнамских историографических традиций.

Смотри «Параграф 3.1.2» «Главы 3» «Части III» «Томе II».

Отраженное в поэме авторское видение истории свидетельствует о том, что он был истинным конфуцианцем, для которого ход истории определяется всегда справедливой Волей Неба, а развитие движется к процветанию или к упадку в зависимости от того, насколько императоры правящей династии соответствуют понятию просвещённого государя, следующего Воле Неба.

В поэме ярко проявляются патриотические настроения автора. Так, «Эпоха северной зависимости» описывается как время несправедливости, в течение которого вьетнамский народ грабили имперские чиновники. Обличая захватчиков, автор даже сравнивает их с «волками», в то же время он гордится героической историей своей страны, восхваляя таких её героев, как богатырь Зьонг, сёстры Чынг, Ли Бон, Нго Кюен и других.

⁹ Содержание поэмы таково. Во времена, относящиеся к правлению некоего короля Чанга из дома Тю (696 – 680 гг. до н.э.), у одного большого чиновника по фамилии Чан на старости лет родилась единственная дочь, которую называли Нгаук Хоа, что значит «Прекрасная яшма». Когда девочке исполнилось тринадцать лет, к ней отовсюду стали засылать сватов, но она ни за кого не хотела выходить замуж. Среди отвергнутых ею оказался и крупный придворный сановник Диен Биен. Однажды к ним в дом постучался, прося милостыню, бездомный школяр по имени Фам Тай. Нгаук Хоа и Фам Тай полюбили друг друга. Родители девушки не стали препятствовать их свадьбе, и молодые люди зажили счастливо. Однако вскоре Диен Биен, узнав об этом, решил отомстить. Сначала он попытался подослать убийц, чтобы уничтожить Фам Тая и захватить Нгаук Хоа. Но Небо защитило их, наслав на злодеев ураган. Тогда Диен Биен придумал план: он велел вырезать из дерева статую Нгаук Хоа и подарил её королю

Чангу, который был известен своей похотливостью. Чанг влюбился в статую и велел доставить Нгаук Хоа во дворец. Нгаук Хоа вынуждена была подчиниться, но вместе с ней в путь отправился и Фам Тай. Король Чанг попытался уговорить Нгаук Хоа стать его женой, но она оставалась верна своему мужу. Тогда король решил подкупить Фам Тая, пообещав ему половину своего гарема и власть, чтобы он уговорил жену. Но и Фам Тай остался непреклонен. Не найдя другого способа, король Чанг велел отравить Фам Тая. Оставшись вдовой, Нгаук Хоа изуродовала себе лицо ножом, чтобы преследователь отступился от неё. Когда же и это не помогло, она попросила Чанга отпустить её домой, чтобы она могла три года носить траур по мужу, после чего обещала вернуться во дворец. Король Чанг согласился. Прошло три года. Но Нгаук Хоа так и не нашла в себе сил стать женой правителя. Она предпочла сохранить верность мужу и покончить жизнь самоубийством. Ей было очень трудно решиться на это, так как таким образом она проявляла непочтительность к своим старым родителям, а это, как известно, самый страшный грех в конфуцианстве. Попав в царство мёртвых, Нгаук Хоа встретила там Фам Тая, и они решили обратиться с жалобой на короля Чанга прямо к правителю царства мёртвых королю Зиему. Тот повелел наказать злодея, бросив его в котёл с кипящим маслом. Одновременно с этим он наградил Фам Тая и Нгаук Хоа, позволив им вернуться на землю, где Фам Тай стал правителем.

Помимо всего в этой поэме имеется два любопытных момента, связанных с именами «король Чанг из дома Тю» и «король Зиём».

Во Вьетнаме никогда не было правящего рода Тю 周 (Chu, Чжоу). В то же время, как известно, в древнем Китае правила династия Чжоу (1122 – 247 гг. до н.э.), среди государей которой был и король Чжуан, правивший в 696 – 682 гг. до н.э. (王莊, Чанг-выонг, Trang-vuong, Чжуан-ван. Это посмертное имя переводится как «король Степенный»). Поэтому нельзя исключать того, что в этой поэме главным «злодеем» выступает представитель династии Чжоу. Последнее тем более вероятно, что в устном виде она распространена на севере Вьетнама недалеко от вьетнамско-китайской границы. Всё это придаёт поэме дополнительную пикантность.

«Король Зиём» 王閻 (Зиём выонг, Diêm vương, Янь ван). Известный персонаж даосского пантеона, который прямо ассоциируется с римским Плутоном [8, с.210]. Кстати, его имя так и переводится: «Король Ад» [2, с.377 №3374].

¹⁰ По этому поводу в семье будущего великого вьетнамского поэта Нгуен Зу из поколения в поколение передавалась своя собственная поговорка – *ка зао* следующего содержания:

Только когда в лесу Хонг не останется деревьев,
А в реке Жом закончится вода, в нашем роду переведутся чиновники.

Bao giờ ngàn Hồng hết cây,
Sông Rum hết nước, họ này hết quan [1449, с.354].

Раннее детство Нгуен Зу прошло в роскоши и любви. Известно, что уже в шесть лет он начал постигать основы традиционной учёности. Его отец умер, когда Нгуен Зу исполнилось десять лет, а ещё через два года умерла его мать, после чего в семье начались неурядицы. Однако Нгуен Зу удалось продолжить образование. В 1783 г. он сдал экзамены конкурсных испытаний низшей ступени, а затем некоторое время служил чиновником. Когда же в 1789 г. север страны был захвачен Тэйшонами, Нгуен Зу хотел было бежать вслед за низвергнутым императором династии Ле в империю Цин, но не успел и поселился на родине жены в провинции Тхайбинь, где жил за счёт её старшего брата, сотрудничавшего с Тэйшонами. Сам он как истинный конфуцианец, обязанный быть верным своему императору, служить узурпаторам не пошёл и, по некоторым данным, даже замыслил выступление против них, чтобы восстановить законную династию. Некоторое время ему пришлось скитаться, терпя жестокие лишения.

В 1796 г., прослышав о том, что на юге набирает силу Нгуен Ань, он хотел отправиться туда, но был схвачен Тэйшонами и месяца три провёл в тюрьме. После чего Нгуен Зу вернулся на родину отца и прожил там вплоть до осени 1802 г., когда свергший династию Тэйшонов Нгуен Ань пригласил его к себе на службу. Принимая во внимание, что, будучи выходцами с юга, Нгуены недолюбливали северян и не доверяли им, то следует считать чиновничью карьеру Нгуен Зу при новой династии достаточно успешной. В 1813 г. он даже возглавил посольство в Китай. В 1820 г., новый император, правивший под девизом «Светлая судьба», также хотел отправить Нгуен Зу с посольством ко двору Цин, но тот неожиданно умер во время крупной эпидемии. Могила Нгуен Зу сейчас находится в мемориальном комплексе на родине предков поэта в провинции Нгеан.

¹¹ Псевдоним «Цин синь цай жэнь» может быть переведён как «Талант, постигший духовность Цин». Также следует отметить, что название его романа «Повествование [о] Цзине, Юань [и] Цяо» – это общепринятый во вьетнамоведении его перевод на русский язык [496; 509; 513].

Однако если исходить из иероглифического написания, то иероглифы названия 傳翹雲金 должны транскрибироваться в китайской фонетике как «Цзинь Юнь Цяо чуань», а во вьетнамской – как «Ким Ван Киеу чуен» (Kim Ván Kiêu truên). Таким образом, названия как романа цинского автора начала XVII в., так и знаменитой поэмы Нгуен Зу полностью идентичны.

¹² Первые строфы поэмы Нгуен Зу «Стенания истерзанной души», или «Повесть [о] Ким, Ван [и] Киеу», выглядят на «номе», латинице и в русском переводе следующим образом:

些
才命窘 怙饒
戈局 撓
仍調鐸 疸口
之彼齧斯豐
撐涓貝 紅打慳

Trăm năm trong cõi người ta,
Chữ tài chữ mệnh khéo là ghét nhau.
Trải qua một cuộc bể dâu,
Những điều trông thấy mà đau đớn lòng.
Lạ gì bi sắc tư phong,
Trời xanh quen thói má hồng đánh ghen [1352, c. 163].

Испокон веков на земле людей так повелось,
Что Талант и Судьба враждуют между собой.
С тех пор, как скрылась невеста,
Увидели много разящих в сердце событий.
Сие странно, но мало удивляет,
Ведь в обычае красно Неба поражать злобой алые щёчки!

¹³ Примером такого рода произведений Нгуен Конг Чы может служить следующий стих:

Стихи, вино, лютня, шахматы, гость,
Ветер, облака, снег, луна на небе.
Thì từ cầm kỳ khách,
Phong vân tuyết nguyệt thiên [1307.2, c.327].

¹⁴ Нормативное произведение в форме «хат ной» должно содержать 11 строк и делиться на 3 строфы, или куплета, по 4, 4 и 3 строки соответственно. Количество слогов в строках не ограничивалось: от 4 – 5 до 9 – 10 и даже более. Но, как правило, слогов было 7 или 8 при одном ограничении: 5-ая и 6-ая строчки должны были иметь форму танского пятисложника или семисложника. Кроме того, открывали и завершали произведение 1 или 2 лубчатные строфы, причём последняя строчка могла содержать только 6 слогов. Рифма была конечнострочная, но могла быть и внутрострочной, по определенной схеме. Также существовали и правила распределения бангов и чакон [1191, с.262 – 269].

¹⁵ При общем названии этой литературы «ки» («записывать», «записи») её произведения именуются то «бут ки» («записывание кистью»), то «туи бут»

(буквально «вслед за кистью»), то «ки шы» (буквально «записывать события»), то просто «ти» («записи», «записки»).

¹⁶ Такой перевод названия этого романа принят в работах Н.И. Никулина и Б.Л.Рифтина. Однако, по мнению А.Л.Федорина, правильнее переводить название романа как «Объединённые записки об императоре Ле».

Если же исходить из иероглифического написания названия этого произведения 志統一黎皇, то правильнее всего было бы переводить его на русский язык как «Единые записи [об] императорах [династии] Ле», тем более, что оно охватывает период вьетнамской истории с 1767 по 1802 г. Поэтому в нём никак не может идти речь об одном императоре династии Ле, хотя иероглифы 黎皇 и могут переводиться в зависимости от контекста как в единственном числе, так и во множественном.

Тем не менее, исходя из того что Н.И.Никулин владел иероглификой, не говоря уже о Б.Л.Рифтине, который просто был достаточно известным специалистом по классической китайской литературе, трудно предположить, что они допустили столь очевидную ошибку, переведя иероглифы 志統一 не как «единые записи», а как «объединитель страны». Надо полагать, что здесь речь идёт о художественном переводе названия романа, которое соответствует его содержанию [573].

Поэтому в данном случае, поскольку речь идёт о художественном произведении, даётся его название в переводе Н.И.Никулина – Б.Л.Рифтина.

¹⁷ Смотри «Предисловие» к переводу романа, сделанному Киеу Тху Хоатем с «ханвьета» на современный вьетнамский язык [170]. В то же время, в посвященной роману статье «Литературного словаря» излагается другая версия его создания [15].

¹⁸ В составе летописного свода «Запись истории Великого Вьета, полное описание» сохранилось написанное в 1514 г. произведение Ле Тунга «Резюме “Отражения [истории] Великого Вьета”», благодаря которому известно об утерянном историческом сочинении 1511 г. Ву Куиня «Отражение [истории] Великого Вьета». Именно Ву Куинь впервые перенёс временную границу между «Внешними записями» и «Главными записями» с 939 г. на 967 г., то есть на дату, которая с того времени была принята всеми последующими вьетнамскими историографами.

¹⁹ В таком виде верхней границей «Полного описания» становился 1786 г., тогда как династия Ле была свергнута и прекратила своё существование в 1789 г. Однако представляется, что последние три года формального правления этой династии вряд ли могли иметь существенное значение для историографов эпохи Нгуен. Что же касается династии Нгуен Тэйшон, правившей в 1788 – 1802 гг., то она не воспринималась как легитимная

династия и, следовательно, описание её деяний не могло завершать летописный свод возшедшей на престол династии Нгуен.

²⁰ 22-го января 1856 г. (По традиционному летоисчислению, 15-ый день 12-го месяца 8-го года эры Наследованной добродетели Поддерживающего род императора Выдающегося династии Нгуен).

²¹ «Отчёт Престолу [о] завершении “Отражения истории Вьета, основы [и] частностей, составленного по повелению императора”» от 10-го сентября 1884 г. (По традиционному летоисчислению, 21-ый день 7-го месяца 1-го года эры Созидания счастья Искреннего рода императора Решительного династии Нгуен).

²² Основу раннего неоконфуцианского летописания заложил известный историограф сунского времени Сыма Гуан (1019 – 1086 гг.), создавший летописный свод «Отражение мыслей об управлении» из 294 книг, в которых описывалась история Китая от эпохи Сражающихся царств (480 – 245 гг. до н.э.) по эпоху Пяти династий (907 – 959 гг.) включительно.

Опираясь на труд Сыма Гуана, Чжу Си создал своё произведение, которое во многом является не историческим сочинением, а методологическим неоконфуцианским пособием по написанию таковых. При этом он сам создал только «Основные записи», охватывающие период с 402 г. до н.э. по 959 г. н.э. Таким образом, содержание и временные рамки свода Чжу Си практически идентичны содержанию и временным рамкам свода Сыма Гуана.

Одновременно с этим он по образцу Сыма Цяня выделил описание исторических династий Китая в «Основные записи». В данном случае термин эпохи конфуцианства ханьского толка «Главные записи» 記本 и неоконфуцианский термин «Основные записи» 編正 – это синонимы, которые отличаются друг от друга лишь лингвистическими нюансами.

Также одним из ключевых понятий, введённых Чжу Си в неоконфуцианское летописание, является термин «отражение» 鑑通. Его принято переводить на русский язык как «зерцало» или «зеркало». Представляется, что такой перевод был принят российскими и советскими синологами под влиянием перевода этого термина на английский и французский языки, в которых понятия «зеркало» и «отражение» во многом совпадают [239.2]. На самом же деле термин «отражение» был воспринят конфуцианством из буддизма в ходе второго синтеза. В неоконфуцианстве им обозначается состояние «пустоты», или, вернее, «ёмкости» разума совершенного человека, который подобно зеркалу даёт прекрасное отражение красивого предмета и отвратительное отражение уродливого предмета. С исчезновением же предмета исчезает его отражение, а зеркало – разум снова становится «пустым». При таком подходе к описанию событий они не затрагивают сущности внутреннего

мира совершенного человека, а потому процесс написания им истории представляет собой лишь бесстрастную фиксацию «отражённых» в его разуме фактов. По сути, термин «отражение» указывает на прямую связь неоконфуцианского учения с буддизмом школы Созерцания. См. «Примечание 13» в «Комментарии» к «Главе 2» «Части IV» «Том I».

Кроме того, Чжу Си разделил весь текст своего произведения на «основу» 綱 и «частности» 綱, дословно – на «стержневую», или основную, верёвку, к которой крепится рыболовная сеть. В результате текст был образован «основой», в которой большими иероглифами в одну колонку кратко записывалась суть основных событий, под которой в «частностях» мелкими иероглифами в две колонки давалась их детализация. Подобное деление текста прямо соотносится со структурой блока хроники «Вёсны [осени]» Конфуция и «Комментария господина Цзо» Цзо Цюмина, что полностью отвечает провозглашённому неоконфуцианством «возврату» к раннему конфуцианству Конфуция и Мэн-цзы.

Наконец, Чжу Си ввёл принцип выделения легитимных династий и правлений, согласно которому легитимной считалась та династия, которая объединила под своей властью всю империю. При этом если на трон восходил государь, который не принадлежал к основной ветви правящего дома, или государем становилась женщина, или же подданный какой-либо династии, воспользовавшийся её слабостью, захватывал власть и учреждал собственную династию, то такие династии считались нелегитимными. Сам Чжу Си выделил как легитимные династии Чжоу (1112 – 247 гг. до н.э.), Цинь (246 – 207 гг. до н.э.), Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), Цзинь (265 – 420 гг.), Суй (589 – 619 гг.) и Тан (618 – 907 гг.). Однако династии Цинь и Суй не соответствуют вышеприведённым критериям определения легитимности. Поэтому Чжу Си ввёл ещё один критерий, согласно которому если узурпировавшая власть династия отразила нападение внешних врагов, сохранила границы государства в неприкосновенности и установила порядок в стране, то она всё равно признаётся легитимной, так как её свершения свидетельствуют о переходе к ней «Мандата Неба». По тем же критериям определялась и легитимность того или иного отдельно взятого государя. Для выделения легитимных и нелегитимных династий в тексте летописного свода имена императоров легитимных династий записывались большими иероглифами, нелегитимных – маленькими, девизы правлений легитимных императоров – большими иероглифами, нелегитимных – маленькими, при этом две колонки маленьких иероглифов равнялись по ширине одной колонке больших иероглифов.

В конце XIII в. учёный-конфуцианец династии Юань (1280 – 1367 гг.) Цзиньлюй Сян написал к своду Чжу Си раздел «Записи [о] предшествовавших [событиях]», или сокращённо – «Предварительные записи» (различие между термином «Внешние записи» 記外 и термином «Предварительные записи» 編前 аналогично вышеуказанному различию между терминами «Главные записи» и «Основные записи»). В этот раздел

были включены как события легендарной и полуполегендарной древности, описывавшиеся в конфуцианских историко-мифологических сюжетах, так и сведения об исторических событиях вплоть до эпохи Сражающихся царств (2357 – 403 гг. до н.э.). Наконец, в эпоху Мин (1368 – 1644 гг.) на рубеже XIV – XV вв. учёный-конфуцианец Нань Сянь из Вэйшана отредактировал «Предварительные записи» Цзиньлюй Сяня и дополнил их сюжетами о происхождении Поднебесной и об эпохе Трёх Властителей (смотри «Таблицу №1» в «Томе VI»).

Таким образом, когда речь идёт о сочинении Чжу Си «Отражение [истории], основа [и] частности», следует учитывать, что под ним понимается его полный вариант, образованный «Предварительными записями» Цзиньлюй Сяня – Нань Сяня и «Основными записями» самого Чжу Си.

Также интересно отметить, что вьетнамские конфуцианцы были знакомы с учением Чжу Си и пытались ввести внедрить его принципы составления летописных сводов во вьетнамское летописание не позднее начала XVI в. (смотри выше «Примечание 1»).

²³ Погодную хронику «Истинные записи [о] Великом Юге» вело множество сменявших друг друга историографов и учёных-конфуцианцев. Возглавлял же эту работу руководитель Учреждения [по написанию] Государственной истории.

Понятие 南大 (Великий Юг) в названии этой погодной хроники на самом деле является наименованием вьетнамской империи Дайнам, принятым в 1838 г. Исходя из смысловой нагрузки, это название следует не транскрибировать, а переводить на русский язык, так как в этом случае оно будет полностью отражать восприятие императорами Нгуен значения своего государства. Во-первых, оно отражало парность понятий «юг – север», которая в данном случае синонимична паре «Вьетнам – Китай». Во-вторых, оно было «Великим» по отношению ко всем другим государствам, кроме Китая. Последний же, если исходить из вьетнамской концепции Поднебесной, включённой в летописный свод династии Нгуен, в лучшем случае воспринимался как «старший брат».

²⁴ «Начало определённости» – это девиз правления Распространяющего [влияние] рода императора Богатого династии Нгуен (1916 – 1924 гг.). В конце 1924 г. на престол взойшёл последний вьетнамский император Нгуен Винь Тхюи, провозгласивший девиз правления «Охранение великого» (1925 – 1945 гг.). Смотри «Таблицу №2» «Том VI».

²⁵ Педро да Ковилья (около 1460 – после 1526 г.) и Альфонсо де Паива (1460 – 1490 гг.). Известно, что Ковилья превосходно владел арабским языком. В 1487 г. он вместе с Альфонсо де Паива был отправлен королём Хуаном II на поиски пресвитера Иоанна и земель, из которых в Европу

привозили различные специи. 7-го мая 1487 г. они отправились в путь и под видом торговцев прибыли в Каир, откуда Ковилья в сопровождении нескольких мавров отплыл в сторону Индии. Он посетил Суэц (Торо), Аден, Ормуз, Гоа, Каликут и Мозамбик (Софальский берег), в то время как его спутник Паива отправился в Абиссинию (Эфиопию).

²⁶ Пресвитер Иоанн в русской литературе также «Царь-поп Иван»: легендарный правитель могущественного христианского государства в Средней Азии. Несмотря на всю мифологичность сюжета об Иоанне, многие исследователи находят его возможные прототипы.

²⁷ Экватор -- одна из десяти провинций современной Демократической Республики Конго.

²⁸ Малинди (суахили – Malindi), португальское название Мелинда: портовый город в Кении, административный центр района Малинди.

²⁹ Каликут -- средневековое государство на Малабарском побережье Южной Индии. Правители Каликута носили наследственный титул «Самутири», который может переводиться как «властитель» или «принц» (португальский – «Саморим»).

³⁰ Тристан де Кунья – португальский мореплаватель, открывший в 1506 г. группу вулканических островов в южной Атлантике и назвавший главный из этих островов своим именем.

³¹ Сокотра – острова архипелага Сокотра в Йемене.

³² Ормуз – остров в Ормузском проливе, принадлежащий Ирану.

³³ Независимость сохранил лишь небольшой китайский анклав, известный на сегодняшний день под названием «Букит Осине», что, возможно, означает «Холм [в] океане».

³⁴ В 1612 г. основатель сёгуната Эдо Токугава Иэясу запретил исповедание христианства в своих владениях, а в 1614 г. он распространил этот запрет на всю Японию. Разрушение церквей и массовые показательные казни заставили японских христиан перейти в подполье. В 1637 г. в Симабаре вспыхнуло восстание христиан, которое было жестоко подавлено войсками сёгуната. После серии указов Токугавы Хидэады и Токугавы Иэмицу в 1639 г., Япония разорвала отношения с европейскими странами и вступила в эпоху изоляции от Запада. Запрет на христианство в Японии действовал более двухсот пятидесяти лет.

³⁵ Существует гипотеза о том, что название «Кохинхина» (Cochinchine) возникло по ассоциации с названием «Cochin», которое имеет значение «Индия [и] Китай» [888, с.42, примечание 2].

^{36*} Автор главы приводит написание на латыни «Nan Ban» (нань бань), которое он переводит как «южные варвары». Однако ни одного иероглифа с фонетикой «бань» и значением, приближённым к понятию «варвары», найти не удалось. В то же время, из иероглифов с этой фонетикой наиболее близок по контексту иероглиф 搬, имеющий в числе прочих значения «перевозить» и «подстрекать» [3, с.571 №6133]. Поэтому достаточно условно термин «нань бань» можно отразить иероглифами 搬南, сочетание которых может переводиться как «южные перевозчики» или «южные подстрекатели».

³⁷ Существует любопытная версия о появлении названия «Макао». Согласно легенде, один из португальских кораблей потерпел крушение на побережье маленького залива, которому моряки дали название Ма-као по созвучию с названием А-Ма-гао или находившегося там храма богини А-Ма, которая была покровительницей мореплавателей.

³⁸ Миссионер Джироламо Майорик прибыл в Кохинхину на одном корабле с Александром де Родом в 1624 г. Помимо переводов на вьетнамскую латиницу множества религиозных текстов, он также написал большое количество произведений, которые в настоящее время хранятся во Французской национальной библиотеке в Париже.

³⁹ Несложно заметить, что заголовок титульного листа «*Dictionarium Anamitico Latinum*» (Аннамитско-латинский словарь) отличается от названия, которое приводит автор текста: «*Dictionarium latinum, anamiticum et lusitanium*» (Латинско-аннамитско-лузитанский словарь).

Скорее всего, указанное расхождение связано с тем, что титульный лист на иллюстрации относится к «Аннамитско-латинскому» разделу словаря, а не ко всему словарю в целом.

⁴⁰ Автор перевода «Книги потаённого о западноокеанской вере во Христа» с «ханвьета» на современный вьетнамский язык Нго Дык Тхо в написанном им «Предисловии» склоняется к тому, что эту книгу следует отнести к так называемым «неофициальным историям», рассказывающим о жизни и деятельности подлинных исторических личностей [1467, с.17].

⁴¹ Именно таким образом определяет природу «Книги записей разных дел» её первооткрыватель, южновьетнамский католический священник и известный литературовед Тхань Ланг в работе «Книга записей разных дел» Филипе Биня [1470, с.XVIII].

⁴² Звание, получаемое лауреатом провинциальных конкурсных испытаний эпохи правления династии Нгуен. В этом звании 才繡 (tú tài, ту тай, сю тай) второй иероглиф означает «талант», а первый – «вышивать, вышитый, расцвеченный», что в данном контексте можно интерпретировать как «всесторонний».

⁴³ Так, например, поэт даже начинает свою поэму с конфуцианской истины:

Мужчина должен быть верен государю и почтителен к родителям,
Женщина должна стремиться к верности в любви к мужу

Trái thời trung hiếu làm đầu,
Gái thời tiết hạnh là câu trau mình [1360, с.18].

⁴⁴ Видимо, религиозная полемика между сторонниками конфуцианства, даосизма, буддизма и христианства была в то время в ходу. Об этом свидетельствует, например, сочинение под названием «Диспут {известных наставников} четырёх религий», которое было переведено и напечатано А.В.Никитиным в качестве приложения к его статье «Универсальные характеристики традиционной вьетнамской мысли» [610]. Текст сочинения написан на «номе» и датируется 1867 г.

⁴⁵ Известно, что на протяжении веков многие вьетнамские конфуцианцы, видя, как родина теряет независимость, кончали жизнь самоубийством, чтобы не служить врагу.

⁴⁶ Резкий антифранцузский настрой поэта проявляется хотя бы в том, что уже при французах он запретил своим детям изучать вьетнамскую латиницу, потому что в его сознании она была связана с захватчиками.

Глава 2.

¹ В частности, такого мнения придерживается, например, автор глав о вьетнамской литературе в «Полной академической истории Вьетнама» Т.Н.Филимонова. Так, из анализа поэмы «Зыонг Ты и Ха Моу» (смотри «Параграф 2.3» «Главы 1» «Части III» настоящего тома) она делает вывод о том, что автор поэмы противопоставляет буддизм и христианство конфуцианству. При этом очевидно, что буддизм и христианство трактуются как «ложные религии», которым противостоит «истинная религия» в виде конфуцианства.

Однако, как это уже неоднократно отмечалось ранее, конфуцианство является не религией, а учением о политико-социальной организации

общества и государства, опирающимся на комплекс верований культа Предков и космогоническое учение школы Тёмного и Светлого начал.

² Например, в «Книге Начальной» летописного свода XIX в. уже в императорском «Указе I» от 22 января 1856 г. о начале работы по его написанию говорится: «Что же касается написания истории, то считаем, что необходимо своевременно назначить срок осуществления этого важнейшего дела. Теперь, определив год начала, приближённые должны избрать чиновников, которым будет поручено написание истории. В их числе должны быть: один руководитель, один помощник руководителя, восемь редакторов, шесть исследователей, восемь переписчиков. Эти чиновники должны на основании летописного свода истории предыдущих династий, обращаясь к литературным сочинениям различных авторов, собрать упущенные [факты], исправить [обнаруженные] ошибки, уточнить [достойное] похвалы или порицания, – во всём следовать принципу написания истории “Основа [и] частности” Цзыяна, составить и создать сочинение. “Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора”.

Кроме того, написание истории является важным институтом в мирное время. [Например, в Северном государстве династия] Хань имела Восточный павильон, [династия] Сун имела [учреждение] Поощрения литературы, – так они заботились о написании истории» [239.6, с.40 – 43].

В этом указе Поддерживающего род императора Выдающегося Нгуен-фук Тхи, который правил под девизом «Наследованная добродетель», необходимо подчеркнуть два момента. Во-первых, вьетнамский император указывает в качестве образца на труд Чжу Си, одним из псевдонимов которого было имя Цзыян. Во-вторых, он ссылается на деяния династий Хань (202 г. до н.э. – 220 г. н.э.) и Сун (960 – 1279 гг.), игнорируя позднейшие китайские династии, в том числе и своего формального сюзерена – династию Цин.

Таким образом, очевидно, что образцом для подражания служили не китайские, а принятые конфуцианством (неоконфуцианством) в качестве таковых исторические примеры из относительно далёкого прошлого.

³ А.В.Никитин предположил, что на каком-то этапе влияние китайской культуры было столь глубоким (особенно в сфере мышления, философии и науки), что речь может идти о переносе, «трансплантации» главных элементов китайской натурфилософии. Соответственно учение о натурфилософии, где основной темой является выяснение закономерности функционирования человека в природе и разработка понятий 天(Небо) и 人(Человек), сначала стало основой императорской религии Китая, а затем и Вьетнама [505, с.265].

В принципе этот вывод верен, но только с двумя поправками. Во-первых, древнее натурфилософское учение «Школы Тёмного [и] Светлого

начал» воспринималось не как «китайское», а как универсальное учение всего конфуцианского культурного ареала. Во-вторых, «императорской религии», по крайней мере – во Вьетнаме, не существовало. Существовал культ предков, вершина которого, представленная культом предков правящей династии, являлась национально-государственным культом. При этом наделение в этом ареале правящего императора божественной силой в её конфуцианском понимании не следует считать императорским культом, превращая властителя в царя-бога по египетскому образцу.

Смотри также «Параграф 2.1» и «Параграф 2.2» «Главы 3» «Части III» «Тома II», а также статью «Летоисчисление, система прорицаний и восприятие общей структуры Мироздания в традиционном Вьетнаме» в «Томе VI».

⁴ Ученики группы готовились в школах, а ученики объединения готовились самостоятельно. Так как никаких различий между понятием «региональный экзамен» и «провинциальный конкурс» обнаружить не удалось, то, надо полагать, что это два названия одного и того же типа конкурса, каждое из которых атрибутируется к определённому типу допущенных к его сдаче кандидатов.

⁵ Куан: денежная единица, равняющаяся шестистам цинковым или медным монетам, или к «деньгэ» (тиен, сапега, sapèque), наименование которых в современном вьетнамском языке трансформировалось в общее понятие «деньги».

⁶ Надо полагать, что эту же процедуру проходили и самостоятельно готовившиеся к сдаче конкурса ученики объединения. Кроме того, следует указать, что отобранные на местах для сдачи провинциального конкурса люди также именовались «Рекомендованный [из] провинции».

Что же касается самого содержания экзаменационных испытаний и отвечавших за их проведение учреждений, то они остались без изменений.

Смотри «Параграф 2.2» «Главы 4» «Части III» «Тома II», а также «Примечание 15» в «Комментарии» к этой главе.

⁷ Десять критериев Сыма Гуана:

1. Имеющие мысли [и] поведение чистые [и] прочные, являясь примером для подражания достойны стать учителями.
2. Суровые, честные [и] правдивые должны отвечать [за] поднесение докладов [с] критикой.
3. Имеющие силу [и] хитрость большую, [чем у] других людей, должны использоваться как военачальники.
4. Глубоко постигшие классическую литературу [и] историю должны служить при императорском дворе для толкования книг [и] чтения литературы.

5. Умные, честные [и] прямые должны служить инспекторами управлений.
6. Много учившиеся [и] имеющие глубокие познания должны быть советниками.
7. Литературно образованные, элегантные [и] красивые должны заниматься искусством сочинительства.
8. Предельно честным, разбирающимся в судебных [и] тюремных делах следует поручать отыскание действительных фактов.
9. Имеющим способности [в области] финансов [и] налогов следует поручать общественное [и] частное [налогообложение].
10. Имеющие опыт [в области] законов [и] указов должны определять величину наказания [за] преступления.

В данном случае следует обратить внимание на то, что организаторы конкурса в очередной раз обратились к мыслителю и историографу эпохи Сун, на труды которого во многом опирался считающийся основателем неоконфуцианства Чжу Си.

⁸ «Классическая [книга] войны». Вьетнамские историографы считали, что под этим названием следует понимать следующие «Семь книг военного [искусства]»: «Законы войны Сунь-цзы» Сунь Цзы (приблизительно VI в. до н.э.), «Законы войны учителя У» У Цы (IV в. до н.э.), «Законы Сыма» Сыма Жанцзюя (IV в. до н.э.), «Шесть [секретных] учений» Цзян Цзыя, или «Шесть [секретных] учений Великого князя» (XI в. до н.э.), «Трактат Вэй Ляо» (IV – III вв. до н.э.), «Три стратегии» Хуан Шигуна (475 – 221 гг. до н.э.) и «Великий рода династии Тан [и] Князь-защитник Ли: вопросы [и] ответы» Ли Цзина (между 627 и 650 гг.).

⁹ Правила великих проверок в военной школе:

Предварительный опрос по трактату «Сунь-цзы».

Первый срок: техника владения метательным копьем при верховой езде.

Второй срок: владение шитом и мечом.

Третий срок: техника владения метательным копьем с изогнутым наконечником.

Сдавшие успешно три срока допускались до сдачи четвертого по методам использования хитрости в военных делах.

¹⁰ Буй Хюи Бить (1744 – 1818 гг.) в своём труде «Ученики школ военной срединности» проводит параллель между тем, что в начале эры «Великой добродетели» император Совершенный рода династии Ле экзаменовал военных, награждая знающих званием «Выдающийся муж», и тем, что после реставрации династии Ле во дворце государя Чинь проводились испытания военных различных знамённых частей, разбиравшихся в стратегии и имевших заслуги. При этом он отмечает, что очень быстро результаты экзаменов стали покупаться, поэтому в народе место их проведения называли «место торговли экзаменационным отбором».

¹¹ Первый срок: 1.Натягивание лука. 2.Техника владения копьём с изогнутым наконечником. Каждый вид состоит из трёх ступеней проверки.

Второй срок: 1.Техника владения копьём с изогнутым наконечником. 2.Владение мечом. 3.Владение метательным копьём при верховой езде. 3.Стрельба из лука при верховой езде и беге. На этом экзамене испытуемый должен был на полном скаку или же бегом выпустить три стрелы по трём мишеням. Поразившие две мишени образовывали категорию лучших, поразившие одну – категорию вторичных.

Важно подчеркнуть, что кандидаты были обязаны сдавать экзамены лишь по одному из следующих видов воинских искусств: 1.Стрельба из лука; 2.Владение копьём с изогнутым наконечником и щитом; 3.Владение мечом и простым копьём; 4.Владение метательным копьём при верховой езде и в пешем порядке. Те же, кто сумел сдать испытания по всем этим видам, выделялись в категорию наилучших.

Третий срок: 1.Написание диссертации. 2.Ответы на вопросы по резюме «Семи книг военного [искусства]».

¹² Первый срок: Натягивание лука и владение копьём с изогнутым наконечником.

Второй срок: Стрельба из лука и ружья в пешем порядке.

Третий срок: 1.Стрельба при верховой езде. 2.Владение копьём с изогнутым наконечником; владение щитом; метания колья при верховой езде; фехтование: проверяются правила нанесения удара, укола, атаки и обороны. 3.Измерение силы и роста.

Четвёртый срок: Написание диссертации.

¹³ Единственным исключением оставался дворцовый конкурс, на котором высшие лауреаты делились на категории, как раз и являвшийся одним из основных инструментов обеспечения привилегий высших слоёв вьетнамского общества.

¹⁴ Не исключено, что сохранявшееся на юге страны в правление государей Нгуен значительное влияние буддизма привело к его своеобразному «ренессансу» во второй половине пятидесятих годов в Южном Вьетнаме.

Смотри главы «Части II» «Том IV».

¹⁵ «Классическая [книга] трёх иероглифов» также именуется на русском языке как «Книга трёх иероглифов» и «Троеслобие». Её авторство приписывается конфуцианскому философу конца эпохи Сун – Ван Инлиню (1223 – 1296 гг.). Поэтому не совсем понятно, почему Чан Ван Чать называет её автором некоего Ван Байхоу. Правда, не исключено, что иероглифы 候百 на самом деле являются титулом, который переводится как «Маркиз Ста [знаний] Ван», где «сто» – синоним «всего», то есть

«Маркиз Всех [знаний] Ван». Однако такого титула применительно к Ван Инлиню найти не удалось.

¹⁶ Так как стелами лауреатов на этих двух фотографиях ограничивается их общее количество, то можно предположить, что за время правления династии Нгуен общее число людей, ставших высшими лауреатами дворцового конкурса, было относительно невелико.

¹⁷ О резком снижении уровня требований к провинциальному конкурсу при Нгуенах свидетельствует тот факт, что его стали обозначать иероглифами 科製, под которыми при династии Ле понимали проверочные испытания «Выявления знаний».

¹⁸ В правление династии Нгуен для обозначения регионального конкурса использовались иероглифы 試鄉, под которыми в эпоху Ле понимались лишь испытания провинциального конкурса.

¹⁹ Французские колониальные власти отменили конкурсные испытания в 1915 г., а в 1913 г. они ещё даже поощряли их проведение на территории, формально остававшейся под властью императора династии Нгуен.

²⁰ Видимо, остальные лауреаты, получившие звание «Всесторонний талант», образовывали его низшую категорию и направлялись в провинциальные школы для дальнейшего использования по мере необходимости.

²¹ Если в XV – XVI вв. эта система послужила мощным толчком социально-экономического развития вьетнамского общества, то затем она постепенно превратилась в его тормоз, сохраняя устаревшие надстроечные институты государства без изменений. Эта ситуация продолжала усугубляться на протяжении XVII – XVIII вв., и даже восстание Тэйшонов не смогло сломать закостеневшую надстройку вьетнамского государства.

Такое положение вещей было характерным для всех государств конфуцианского культурного ареала, в котором в силу объективных причин не осталось ни одного идеологического учения, которое могло бы противостоять конфуцианству. Оно появилось лишь с началом активного распространения христианства в этом ареале.

Вероятно, по мере восприятия вьетнамским обществом достижений европейской культуры, произошёл бы и естественный слом консервативной надстройки его государства. Однако, как известно, это произошло не естественным, а насильственным путём в результате французского колониального завоевания.

²² Естественно, речь не идёт о традиционных домах, в которых жило подавляющее большинство населения, так как вплоть до французского колониального завоевания они скорее были связаны не с архитектурой в общепринятом понимании этого термина, а с образом жизни и типом хозяйственной деятельности той или иной группы населения. Соответственно характеристика такого рода построек имеет отношение не к архитектуре, а к этнографии.

Смотри «Параграф 2» «Краткого очерка географии и этнографии Вьетнама» в «Томе I».

Что же касается самих памятников вьетнамской культовой архитектуры, то начиная с XX в. они уже неоднократно описывались в мировой науке [663; 664; 835; 1250 и другие].

²³ В Южном Вьетнаме все поминальные храмы, кроме династийных, называют «ден». Правда, и на вопрос о том, не является ли тот или иной храм «динем», следует положительный ответ. Жители Южного Вьетнама просто не видят между общинным домом и поминальными храмами как общинного, так и регионального значения никакой разницы.

О причинах этого культурного феномена смотри соответствующие разделы «Том IV» и «Том V».

²⁴ Согласно конфуцианской традиции, легендарный император Юй-Шунь (2255 -- 2205 гг. до н.э.) отлил девять жертвенных треножников – по числу областей древней Поднебесной. В середине эпохи династии Западная Чжоу (1045 – 772 гг. до н.э.) треножник стал основой реформы ритуала, согласно которой количество треножников в паре с жертвенными сосудами, используемых при совершении обряда, должно было строго соответствовать рангу руководителя церемонии. Являясь символом императорской власти, треножник представлял собой жертвенный котёл на трёх ножках, как правило, был богато украшен снаружи и мог иметь на внутренней поверхности так называемую «Золотую надпись», то есть надпись, в которой говорилось, на что именно распространяется его магическая сила.

В российском вьетнамоведении эти треножники, как правило, называют урнами, что на самом деле является переводом французского термина «*urnes*», введённого в оборот исследователями Французской школы Дальнего Востока в начале XX в. Китаисты же говорят «котёл *дин*» и «сосуд *гуй*», что означает соответственно «жертвенный котёл для мяса» и «жертвенный сосуд для проса». Есть и ещё одно принципиальное отличие между китайской и вьетнамской традициями треножников. И те и другие считают их создателем легендарного императора Юя, а правила их использования – установленными в «Обрядах Чжоу», что вполне соответствует как китайской, так и вьетнамской концепции Поднебесной. Но, если согласно этой концепции, каждый из треножников Юя носил имя одной из девяти провинций древней Поднебесной, то правивший под

девизом «Светлая судьба» (1820 – 1840 гг.) второй император династии Нгуен назвал свои девять треножников «Богатство», «Выдающийся», «Высота», «Гуманность», «Решительность», «Толкование», «Уединение», «Чистота» и «Ясность». Не вдаваясь в раскрытие содержания каждого из этих терминов, что потребовало бы отдельной статьи, следует указать на строго конфуцианский характер этих терминов, которые в обязательном порядке использовались в посмертных именах усопших императоров. Учитывая же, что эти треножники были установлены перед входом в династийный поминальный храм, такое совпадение их названий с посмертными именами вряд ли может быть случайным.

²⁵ В связи с этим не очень понятно, почему ряд китаистов и вьетнамистов отрывают семейный культ императоров правящей династии от всей системы культа предков, называя его «государственной идеологией» или «императорской религией Китая» [505, с.265; 603, с.89 – 94]. При этом если с последним ещё хоть как-то можно согласиться, то, как это было показано в «Главе 3» «Части III» предыдущего тома, соотношение государственной (неоконфуцианской) идеологии с (императорской) религией в принципе неправомерно для государств конфуцианского культурного ареала.

²⁶ Две горы Нгыбинь высотой в сто три метра находятся на правом берегу реки Ароматной в четырёх километрах к югу от Хюе. В их названии иероглиф 御 имеет значение «императорский», а иероглиф 平 – значение «мир», «спокойствие». То есть это название может переводиться как «горы Спокойствия императора».

Если провести условную линию от «Императорских ворот» до гор Нгыбинь, то на реке Ароматной слева от гор окажется островок Конхен, а справа – Конзявиен.

²⁷ Согласно геомантии город Хюе являлся географическим центром государства, а согласно натурфилософскому учению Тёмного и Светлого начал такой «центр» понимался как сакрально-политический фокус всего государства, соотносимый с его столицей и персонифицированный в личности императора [411, с.106].

«Запретный город» также именовался «Фиолетовым» по названию «Фиолетовой звезды» или «звезды Фиолетового сокровения». Смотри «Примечание 9» в «Комментарии» к «Главе 3» «Части IV» «Томе I» и «Примечание 8» в «Комментарии» к статье «Летоисчисление, система прорицаний и восприятие общей структуры Мироздания в традиционном Вьетнаме» «Томе VI».

Императорский город:

1.Главный бастион цитадели с флагштоком. 2.Стена Императорского города. 3.Императорские ворота. 4.Озеро Великих Перемен с мостом Срединного Пути. 5.Дворцовая площадь и дворец Великого спокойствия

(дворец приёмов с тронным залом). 6. Дворцы Блистательной родни (место обитания ближайших родственников). 7. Стена Фиолетового запрета и ворота Великого дворца (граница «Запретного города»). 8. Дома левого и правого прорицателей. 9. Дворец Политических занятий. 10. Дворец Воинской славы. 11. Дворец Блистательной литературы. 12. Дворец Блистательной чистоты (место проживания жён и наложниц). 13. Дворец Блистательной славы (место проживания детей). 14. Дворец Небесной стены. 15. Учреждение прекрасных подданных (место проживания евнухов). 16. Учреждение любовного воспитания (школа). 17. Дворец Земного величия. 18. Башня (пагода) Срединного созидания вместе с башней (ступой) Великого мира. 19. Императорский парк. 20. Нижний парк. 21. Резиденция министерства внутренних дел. 22. Храм жертвоприношений и Великий Храм. 23. Дворец театральных представлений. 24. Дворец Продления жизни (место проживания матери императора). 25. Дворец Поклонения Предкам, Храм Процветания и Храм Поколений (комплекс поминальных храмов). 26. Девять треножников. 27. Алтарь жертвоприношений [духам] Неба [и] Земли или Дворец императорских посещений. 28. Ворота встречи гостей. 29. Ворота Мира [и] Спокойствия. 30. Ворота императорской добродетели. 31. Здание личной библиотеки императора. 32. Шесть Учреждений. 33. Государственная императорская академия.

К сожалению, как это хорошо видно на спутниковой фотографии, одни из вышеперечисленных зданий и строений не сохранились, а другие находятся в плачевном состоянии. Правда, в цитадели ведутся масштабные реставрационные работы, и надо надеяться, что достаточно быстро все сохранившиеся на сегодняшний день памятники «Императорского города» будут приведены в первозданный вид.

²⁸ Официальное место захоронения императорской четы является условным, так как на самом деле местонахождение могил императора и императрицы неизвестно. Предположительно, они находятся где-то на обширной территории третьей части «Мира покоя», но до сих пор ни одной императорской могилы в ранних мавзолеях императоров династии Нгуен найдено не было.

Также следует указать на то, что дальняя граница «Мира покоя» могла отмечаться специальными обелисками, как это сделано в погребальном комплексе Нгуен Аня.

Смотря иллюстрации 29 настоящего тома.

²⁹ Судя по всему, эта пагода находилась при резиденции «ушедшего от дел» отца императора, так как её название «пагода Тхиен-чюнг» можно перевести на русский язык как «пагода Старшего [над Сыном] Неба».

³⁰ Бут-тхал – это простонародное название этой пагоды, которая на самом деле называется «Фо-минь ты» (пагода Всеобщего света).

³¹ Парамита (санскрит), то есть «абсолютное совершенство». В буддизме парамитами называют шесть последовательно связанных друг с другом действий, приводящих к просветлению в буддийском понимании этого термина. Они представлены следующими понятиями:

1. Щедрость – практикуется на любом уровне, но самый лучший вид щедрости – дарить другим знания о природе ума;
2. Этика – осознанно следовать правильной жизни, придерживаясь осмысленного и избегая негативного на уровне тела, речи и сознания;
3. Терпение – не терять положительного, поддаваясь эмоциям.
4. Усердие – трудолюбие, много работать, не вкладывая эмоций в усилия;
5. Медитация – существуют различные виды медитации, но у всех у них одна цель – просветление и слияние с Буддой; Об одном из методов медитации во вьетнамском буддизме смотри «Примечание 13» в «Комментарии» к «Главе 2» «Части IV» «Тома I»;
6. Мудрость – постигающееся спонтанно вследствие медитации знание.

Из шестой парамиты следуют ещё четыре, которые применяются в некоторых, в основном таких консервативных буддийских учениях, как например *тхеравада*. Соответственно 7-ая, 8-ая, 9-ая и 10-ая парамиты – это *Методы, Пожелания, Сила, Изначальная Мудрость*.

³² Также интересно отметить, что если во вьетнамской иероглифической письменности «ном» для обозначения общинного дома, поминального храма и пагоды имеются отдельные иероглифы, которые читаются соответственно «динь» (đinh), «ден» (đền) и «тюа» (chùa), то в «ханвьете» отдельного иероглифа для обозначения общинного дома не существует. Первые два обозначаются одним и тем же иероглифом 祠, а пагода – иероглифом 寺, при этом оба этих иероглифа читаются по-вьетнамски как «ты», но с разными тонами (первый «tì», второй «tư»), а по-китайски как «цы» и «сы».

Таким образом, родство всех этих культовых сооружений прослеживается даже в их классических названиях.

³³ Существует достаточно много работ по вьетнамскому лубку, однако до настоящего времени лучшим и наиболее полным его исследованием является блестящая работа выдающегося французского учёного Мориса Дюрана. Помимо самого исследования его монография содержит огромное количество иллюстраций.

Впервые упомянутый труд М.Дюрана был издан в 1960 г. с чёрно-белыми иллюстрациями [784], а в 2011 г. вышло его «цветное» издание.

³⁴ «Три женщины, оспаривающие престол» – это устоявшееся название пьесы на русском языке, которое было бы правильнее переводить как «Три женщины, спорящие [за] короля». Содержание этой пьесы в принципе мало

чем отличается от содержания пьесы «Шонхоу», о котором говорится несколько ниже.

³⁵ Поскольку речь идёт о вьетнамской пьесе, то и все имена и названия приводятся по-вьетнамски. Однако поскольку действие пьесы происходит в раннесредневековом Китае, то следует учитывать, что царство Те – это царство Ци (479 – 501 гг.), великий наставник Та Тхиен Ланг – это Цзе Тяньлин, младшая жена императора Нгюет Хао – это Юэ Хао, крепость Шонхоу – это крепость Шаньхоу, придворный сановник Ты Чинь – это Цзы Чэн, а герой Донг Ким Лан – это Дун Цзиньлинь.

Не вызывает сомнения, что такая иносказательная привязка китайской древности к современным реалиям вьетнамского общества была вполне понятна и доступна искущённому театральному зрителю Дайнама.

Также интересно отметить, что название пьесы и крепости, в которой укрылась императрица вместе с наследником престола, «Шонхоу» 後山 переводится как «Последняя гора» и может интерпретироваться как «Последняя опора».

Такая интерпретация указанного названия полностью соответствует содержанию пьесы.

³⁶ Эта нотная система использовалась и в Китае. Она соотносится с чисто вьетнамской нотной системой состоящей из следующих нот: *хо, сы, санг, се, конг, лиу, у*.

Во Вьетнаме также существует и своя нотная система соотносящаяся с европейской, в которой *хо = до, сы = ре, санг = ми, фа, се = соль, конг = ля и фанг = си*.

Заключение

¹ В «Полной академической истории Вьетнама» о связанных с Китаем проблемах говорится лишь в тех случаях, когда это необходимо для понимания тех или иных процессов, протекавших во Вьетнаме.

В то же время представляется, что история Вьетнама может во многом способствовать пониманию процесса культурно-идеологического развития средневекового Китая. Это связано с тем, что на достаточно компактном вьетнамском материале гораздо легче выявить специфику этого процесса, чем найти необходимые для этого данные в огромном массиве китайских источников (смотри «Примечание 7»).

Для Вьетнама подобный анализ был осуществлён на основе всего материала источников по системе конкурсных испытаний на должность чиновника с момента её зарождения в XIII в. и до её ликвидации в начале XX в. [539; 548].

² Как известно, многие вышедшие из зажиточных крестьян помещики получали низшие чиновничьи должности на уровне деревень и общин, при этом чем выше был класс и ранг того или иного чиновника, тем большей была предоставляемая ему льгота. См. «Параграф 1.1» «Главы I» «Части II» настоящего тома.

³ Высшая военная знать, как правило, была представлена традиционной знатью, которая реализовывала свои социальные привилегии, сдавая конкурсные испытания по упрощённой схеме через трёхступенчатую структуру учений Государственной императорской академии. См. «Параграф 2.3» и «Параграф 2.4» «Главы 3» «Части III» «Томе II», а также «Параграф 2.1» «Главы 2» «Части III» настоящего тома.

⁴ В истории России наиболее ярким примером такого восстания является крестьянская война 1775 – 1777 гг. под руководством Емельяна Пугачёва.

По поводу крестьянских восстаний существует множество фундаментальных исследований, написанных как западными, так и российскими (советскими) учёными. При этом из тех работ, в которых поднимаются вопросы теории, следует, что пришедшие к власти лидеры всех победивших крестьянских восстаний очень быстро «перерождались» из народных вождей в феодальных правителей.

Этот вывод в полной мере относится к крестьянским восстаниям вне зависимости от того, в какой стране мира они происходили.

Наиболее чётко идея «перерождения» лидеров крестьянских восстаний сформулирована в трудах К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина и Л.Д.Троцкого, что, как следует полагать, что привело многих теоретиков европейского революционного движения к мысли о «реакционности класса крестьян».

⁵ Возобновление жестоких преследований католических миссионеров при втором, правившем под девизом «Светлая судьба» (1820 – 1840 гг.), императоре династии Нгуен в первую очередь, надо полагать, было связано с тем, что католицизм на протяжении XVIII – начала XIX в. постепенно превратился в реальную альтернативу безраздельно господствовавшей в стране идеологии неоконфуцианства.

См. «Главу 3» «Части I» настоящего тома и «Примечание 15» в «Комментарии» к этой главе.

⁶ Вполне вероятно, что события могли бы развиваться по образцу японской «революции Мэйцзи» (1868 – 1869 гг.). Однако в этом случае Вьетнам остался бы, подобно Японии, «закрытой страной», в которой доминировал бы традиционный общественный уклад.

⁷ До сих пор не существует вразумительного объяснения, почему средневековый Китай, до XIII – XIV вв. во многом опережавший в своём развитии европейские государства, «вдруг» начал резко от них отставать.

В связи с этим представляется, что вывод, согласно которому выявленное для Вьетнама на примере системы конкурсных испытаний на должность чиновника влияние надстройки на базис, которое сначала дало импульс к процветанию средневекового вьетнамского государства, а затем превратилось в главный фактор его стагнации, вполне может быть интерполирован на все остальные страны конфуцианского культурного ареала, в том числе и на Китай.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ
(фотографии, реконструкции, карты и схемы)

№	Стр.	%% стр.	Кол-во на стр.	Название
Титул тома				
1	1	10%	1	Портреты на титул тома.
2	2	20%	1	Черепаша со стелой (титул тома).
3	3	20%	9	Портреты на титул тома.
4	4	100%	1	Статуи бодхисатв и архатов. Пагода Западного озера. Ханой. 24.03.2011 г.
Введение				
5	9	60%	1	Главное оружие колониальной экспансии. Военный корабль конца XVIII -- начала XVIII в.
6	17	90%	2	Уборка риса. Провинция Куангбинь, 31.03.2011 г. «Постирушка». Провинция Намдинь, 28.03.2011 г. Надо полагать, что, придя в Северный Вьетнам, французы увидели не слишком отличающиеся от этих картины жизни.
7	21	40%	1	С момента французского колониального завоевания католические храмы стали привычным элементом традиционного вьетнамского пейзажа. Куангнам, 05.04.2011 г.
Часть I				
Глава 1				
8	30	40%	1	Макет-реконструкция территории пагоды Одного столба (XVI – XVII вв.). Музей Истории. Ханой, 18.04.2011 г.
9	42	50%	1	Противостояние государей Чинь и Нгуен. Народный лубок. Институт Истории ВАОН. Ханой, 21.04.2011 г.
10	52	80%	1	Двор государей Чинь в Дангнгоае. XVIII в. Институт Истории ВАОН. Ханой, 21.04.2011 г.
11	62	50%	1	Государь Нгуен во время одного из южных походов. Институт Истории ВАОН. Ханой, 21.04.2011 г.

12	69	40%	1	Сбор налогов и податей при дворе государя Нгуен в Данчаунге. Институт Истории ВАОН. Ханой. 21.04.2011 г.
Глава 2				
13	78	95%	1	Данг-тхи Хюе. Рисунок конца XVIII – начала XIX в.
14	98	50%	1	Братья Тэйшоны (слева направо): Нгуен Няк, Нгуен Лы и Нгуен Хюе
15	102	100%	1	Войска Тэйшонов штурмуют крепость. Реконструкция. Музей Истории. Ханой. 18.04.2011 г.
16	108	40%	1	Нгуен Хюе отправляется в поход. Кадр из кинофильма «Герои Тэйшоны (Tây-sơn hào kiệt)». СРВ, 2010 г.
17	112	100%	1	Воин элитных частей армии Цин. Конец XVIII – начало XIX в.
18	114	30%	1	Император Нгуен Хюе, девиз правления «Славная срединность»
19	115	30%	1	Нгуен Хюе выслушивает предсказание отшельника Нгуен Тхиена
20	118	50%	1	Штурм укрепления Нгаукхой
21	119	95%	1	Официальная встреча последнего императора династии Ле. Двор династии Цин. 1789 г.
22	125	100%	1	Солдат армии Тэйшонов. Рисунок Александра Уильяма (Alexander Willam), Хойан, 1793 г.
23	136	100%	1	Стрелки армии Нгуен. XIX в. Музей Истории. Ханой. 18.04.2011 г.
Глава 3				
24	147	50%	1	Епископ Адранский Пиньо де Бези и принц Кань. 1787 г.
25	151	100%	1	1805 г Жан-Багист Шенью во вьетнамско-французской форме.
26	155	95%	2	Цитадель и надвратная крепость главного входа в императорский город. Хюэ. 02.04.2011 г.
27	158	95%	1	Старший предок император Высокий Нгуен Фук Ань. Девиз правления «Прекрасный [и] возвышенный» (1802 – 1819 гг.).

28	166	100%	2	Общий вид. Вход в мавзолей «Прекрасного [и] возвышенного» и площадь статуй. Река Ароматная. Хюе. 01.04.2011 г.
29	170	95%	2	Вход на площадь поминальной стелы и условная могила императора. Мавзолей «Прекрасного [и] возвышенного». Река Ароматная. Хюе. 01.04.2011 г.
30	174	50%	1	Общий вид. Задняя терраса с видом на горы мавзолея «Прекрасного [и] возвышенного». Река Ароматная. Хюе. 01.04.2011 г.
31	177	75%	1	Совершенный предок император Гуманный Нгуен Фук Зам. Девиз правления «Светлая судьба» (1820 – 1840 гг.).
32	181	95%	2	Пушка (1816 г.) и охотничье оружие императора (1831 г.). Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.
33	185	100%	1	Мученичество Иосифа Маршана 30.11.1835 г. (Картина 1860 г.).
34	190	50%	1	Рукоять меча. Золото и яшма. XIX в. Музей Истории. Ханой, 18.04.2011 г.
35	194	100%	2	Дворец приёмов дворцового комплекса и тронный зал. Хюе. 02.04.2011 г.
36	196	95%	2	Дворец приёмов дворцового комплекса и тронный зал. Хюе. 02.04.2011 г.
37	203	75%	1	Императорский трон. Зал приёмов дворцового комплекса. Хюе. 02.04.2011 г.
38	206	60%	1	Бомбардировка Дананга в 1847 г. Рисунок очевидца.
39	209	100%	1	Предок наставник император Ясный Нгуен-фук Туен. Девиз правления «Преемствование правления» (1841 – 1847 гг.)
Глава 4				
40	213	80%	1	Поддерживающий род император Выдающийся Нгуен-фук Тхи. Девиз правления «Наследованная добродетель» (1848 – 1883 гг.).
41	218	50%	1	Штурм Сайгона. Фотография. 1859 г.
42	232	50%	1	Фан Тхань Зян (11.11.1796 – 08.04.1867).

43	235	80%	1	Жан Батист Петрус Ки или Чыонг Винь Ки (06.12.1837 – 01.09.1898).
44	250	90%	1	Алтарь в поминальном храме Чыонг Винь Ки рядом с его домом. Хошимин, 5-ый район, перекресток улиц Чан Хынг Дао и Чан Бинь Чаунга, уезд Тёкуан. Фото 1898 г.
45	260	40%	1	Штурм ханойской цитадели. Фотография. 1882 г.
46	264	40%	1	Мавзолей Гармоничного [и] Мирного императора Свергнутого Нгуен-фук Ынг Тяна. Девиз правления «Вскормленный добродетелью» (1884 г.). Хюе.
47	266	70%	1	Искренний рода император Решительный Нгуен Фук Ынг Данг. Девиз правления «Созидание счастья» (1884 г.)
48	270	60%	1	Император [Свергнутый] Нгуен Фук Минь Девиз правления «Всеобщее соответствие» (1885 г.). Музей Истории. Ханой. 18.04.2011 г.
49	271	80%	1	Блистающий рода император Чистый Нгуен-фук Ынг Тхи. Девиз правления «Всеобщее торжество» (1886 – 1888 гг.)
50	281	70%	1	Фам Динь Фунг (1847 – 1895 гг.)... Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.
51	282	70%	1	Де Тхам или Хоанг Хоа Тхам (1851 – 1913). Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.
52	292	70%	1	Император Свергнутый Нгуен-фук Тиеу. Девиз правления «Завершение гармонии» (1889 – 1906 гг.)
Часть II				
Глава 1				
53	308	80%	2	Вверху: Макет раскопок дворцового комплекса Ле XV – XVIII вв. Внизу: Общий план раскопок дворцового комплекса. Ханой, 05.04.2013 г.
54	324	50%	1	Северный вход в дворцовый комплекс Ле XVII – XVIII вв. Ханой, 05.04.2012 г.
55	343	80%	1	Ваза из дворца императоров Ле. Конец XVI – начало XVIII в. Раскоп на территории дворца. Ханой, 05.04.2012 г.
56	352	60%	1	Скульптуры драконов у главного входа во дворец. Раскопки дворцового комплекса Ле XVII – XVIII вв. Ханой, 05.04.2012 г.

57	377	50%	1	Цитадель Тханглаунга. XIX в. Ханой, 05.04.2012 г.
Глава 2				
58	410	70%	1	Нгуен Конг Чы (1778 – 1858 гг.)
59	420	60%	1	Захваченные в плен участники одного из крестьянских восстаний. Музей истории. Ханой, 18.04.2011 г.
60	425	80%	1	Као Ба Куат (1809 – 1854 гг.)
61	430	25%	1	Девять тяжёлых орудий, отлитых в 1803 г. Хюе, 02.04.2011 г.
62	452	25%	3	Донги 1802 – 1820 гг., 1820 – 1840 гг. и 1848 – 1883 гг. Музей истории. Ханой, 18.04.2011 г.
Часть III				
Глава I				
63	460	99%	1	Учёный-конфуцианец. на общинном празднике. Тонкин, январь 1916 гг. Musée Albert Kahn № A007621.
64	465	50%	1	Высокоучёный Куинь
65	475	90%	1	Издание поэмы «Ким Ван Киеу» первой половины XIX в. Институт истории ВАОН, Ханой. 21.04.2011 г.
66	477	40%	1	Ким Ван Киеу. Художница Ле Тхыюк. Хюэ, первая половина XX в. Институт истории ВАОН, Ханой. 21.04.2011 г.
67	485	50%	1	Исполнение «ка чу» в Ханое. 24.03.2011 г.
68	498	97%	1	«Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора», «Основные записи. Книга 1», лист 1а. Институт истории ВАОН, Ханой. 21.04.2011 г.
69	500	99%	1	Титульный лист погодной хроники «Истинные записи [о] Великом Юге». Институт истории ВАОН, Ханой. 21.04.2011 г.
70	505	40%	1	Каравеллы Христофора Колумба
71	512	90%	1	Александр де Род (1591 – 1660 гг.)
72	516	100%	1	Титульный лист словаря Александра де Рода
73	527	85%	1	Католический собор. Построен в 1886 г. на месте португальского храма. Разрушен бомбёжками в 1965 г. Донгхой. 31.03.2011 г.

Глава 2				
74	547	100%	3	1.Гражданский (слева) и военный (справа) чиновники династии Нгуен. 2.Награждение лауреатов регионального конкурса в Северном Вьетнаме. В креслах – экзаменаторы. Фотографии конца XIX – начала XX в.
75	549	98%	2	Вход на территорию стел лауреатов. Справа и слева на верхней фотографии строения со стелами. Вид со стороны реки Ароматной. Хюе, 02.04.2011 г.
76	550	90%	2	Левое и правое строения со стелами лауреатов.
77	553	50%	2	Стела с именами лауреатов на спине черепахи. Хюе, 02.04.2011 г.
78	556	50%	1	Поминальный алтарь в гостиной зажиточного крестьянина. Община в районе Хюе. 02.04.2011 г.
79	557	65%	1	Алтарь, в который ставятся подношения духам, для того чтобы, насытившись, они не причиняли вреда обитателям дома. Частный дом, район Хюе. 01.04.2011 г.
80	558	40%	1	Родовой поминальный храм XVIII – начала XIX в. Окрестности Хюе. 02.04.2012 г.
81	559	98%	2	I. Общинный дом в деревне Диньбанг (прежде – деревня Кофан) общины Тышон провинции Бакнинь. Строительство начато в 1700 г. и завершено в 1736 г. Общинный дом посвящён трём духам-покровителям: Великому королю высоких гор (дух Гор), Великому королю повелителю вод (дух Вод), Великому королю всех установлений (дух Земли). II. Продольный разрез: 1.Задняя часть дома с помещениями для собраний и встреч; 2.В центре – богато украшенный алтарь с птицей Лак на переднем плане; 3.Внешний вид передней части [835, с.219].
82	560	40%	1	Общинный дом «Гуманного долголетия». Хайфон. 04.04.2012 г.

83	562	100%	2	1. Алтарь с залом для молений. Левый продольный придел общинного дома Ве. 2. Зал встреч, трапез и совместного времяпровождения со столами, стульями, диванами и телевизором. Правый продольный придел общинного дома Ве.
84	563	100%	2	1. Левый зал (перпендикулярный придел) общинного дома Ве. 2. Правый зал (перпендикулярный придел) общинного дома Ве. Первое упоминание Общинного дома Ве в деревне Донгнтак, общины Донгнтак уезда Тылием в пригороде Ханоя относится к XVII в. Ханой, 17.04.2011 г.
85	564	100%	1	Общинный дом «Гуманного долголетия» в общине Хангкень уезда Анзыонг. В настоящее время это район Хангкень округа Летян города Хайфон.
86	565	100%	2	1. Староста и деревенская верхушка у входа в общинный дом. Северный Вьетнам, май 1915 г. Musée Albert Kahn, A005532. 2. Молебен перед алтарём в общинном доме. Северный Вьетнам, февраль 1916 г. Musée Albert Kahn, A007603.
87	567	98%	2	1. Вход в «Храм Поколений» с центральным треножником. 2. Четыре левых треножника.
88	568	96%	2	1. Четыре правых треножника. 2. Алтарный зал «Храма Поколений».
89	569	40%	1	Поминальный алтарь Императора [Свергнутого] Нгуен-фук Миня, девиз правления «Всеобщее соответствие» (1885 г.). Императорская цитадель Хюе, 02.04.2011 г.
90	570	100%	1	Спутниковая фотография «Императорского города» в Хюе.
91	572	100%	2	1. Хюе. Общий вид мавзолея императора, правившего под девизом «Светлая судьба». Построен в 1841 – 1843 гг. (Служба аэрофотосъемки Индокитая). 2. Спутниковая фотография мавзолея (2011 г.).

92	573	100%	1	План и разрез мавзолея эры правления «Светлой судьбы».
93	574	25%	1	Разрушенный в 1968 г. причал с мостом, который вёл к мавзолею Старшего предка императора Высокого Нгуен-фук Аня, правившего под девизом «Прекрасный [и] возвышенный» (1802 – 1819 гг.). Река Ароматная. Хюе, 01.04.2011 г.
94	575	98%	2	Первая часть «Мира живых». Главные ворота, справа и слева ряды статуй.
95	576	100%	4	1.Площадь статуй. Правый ряд – слон, конь, слуга, два военных и два гражданских чиновника. Левый ряд статуй идентичен правому. На переднем плане: символ власти – дракон. 2.Императорский слон, высший военный и высший гражданский чиновники.
96	577	30%	1	Переход во вторую часть «Мира живых». Беседка со стелой и стела.
97	578	100%	2	1.Вторая часть «Мира живых». Трёхступенчатый двор с переходом в третью часть. Вид со стороны беседки со стелой. Третья часть «Мира живых». 2.Императорский дворец.
98	579	100%	2	1.Зал приёмов императорского дворца. 2.Один из четырёх домов по обеим сторонам дворца. Перед дворцом – два дома для приближённых, за дворцом – два дома для жён и наложниц.
99	580	100%	2	«Переход» из «Мира живых» в «Мир покоя». Вид с обеих сторон.
100	582	98%	2	Дорога через искусственные водоёмы и «Беседка для отдыха и раздумий», являющаяся границей между первой и второй частями «Мира покоя». Вид со стороны «Перехода».
101	583	98%	2	Вид из «Беседки для отдыха и раздумий» на вторую часть «Мира покоя» с аркой-воротами в его третью часть на дальнем плане. Общий вид второй и третьей частей «Мира покоя».

102	586	100%	2	1. Две зажиточные вьетнамки в саду перед скульптурным изображением буддийского рая. Тонкин, 1914 – 1918 гг. Musée Albert Kahn, №A010323. 2. Общая молитва в пагоде «Вечного величия». Хошимин, 12.04.2011 г.
103	591	80%	2	I. Фотография начала тридцатых годов XX в. II. Продольный разрез плана справа налево: 1. Святилище выдающихся военных; 2. Святилище выдающихся гражданских; 3. Строение с главным алтарём Чан Куок Туану (Великому королю Процветающего Пути [по фамилии] Чан); 4. Павильон со стелой. Взято из работы Чан Хам Тана «Вьетнамский народ», 1948 г.
104	592	80%	1	Пагода «Фо-минь» (Всеобщего света) в Намдине 1262 – 1305 гг. Продольный разрез и вид сверху. Схема из исследования Л. Безасье.
105	593	98%	2	1. Вид от входа на территорию на левый полулунный пруд и ступу; 2. Нижняя и средняя пагоды с монашеской обителью на заднем плане. Намдинь, 28.03.2012 г.
106	594	80%	2	1. Пагода Нинь-фук (Спокойного счастья) в Бакнине, XVI – XVII вв. Продольный разрез. Схема из исследования Л. Безасье. 2. Главная и одна из вторичных ступ.
107	595	45%	1	Вид от выхода к ступе на третью, вторую и первую пагоды. Бакнинь, 29.03.2012 г.
108	596	50%	1	Архат. Хюе, Пагода Небесной или Усопшей Наставницы, 01.04.2011 г.
109	598	100%	2	1. Приёмный зал дворца императрицы-матери. Хюе. Императорский город. 2. Резной мост XIX в. Окрестности Хюе. 02.04.2011 г.
110	600	30%	1	«Золотой» Будда. Хюе. Пагода Небесной или Усопшей Наставницы, 01.04.2011 г.
111	602	45%	2	Слева – Фунг Кхак Кхоан, справа – Нгуен Куи Дык.

112	603	45%	1	Современная картина художника Нгуен Тхе Чана, выполненная в жанре традиционной пейзажной живописи на шёлке. Хюе, 01.04.2011 г.
113	604	60%	1	Жанровый сюжет на комодке XIX в. Музей Истории Вьетнама, Ханой. 18.04.2011 г.
114	605	60%	1	Совершенный предок император Гуманный Нгуен-фук Зам (деиз правления «Светлая судьба», 1820 – 1840 гг.). Официальный приём. Музей Истории Вьетнама, Ханой, 18.04.2011 г.
115	606	40%	1	Подношение даров крупному феодалу. Лубок из деревни Донгхо, XIX в.
116	610	100%	1	Актёры Сайгонского театра «Туонг» в сценических костюмах. Северный Вьетнам, сентябрь – ноябрь 1915 г. Musée Albert Kahn №007291.
117	612	40%	1	Императорский театр. Императорский город, Хюе, 02.04.2011 г.
118	619	85%	1	Исполнение музыки на традиционном струнном инструменте. Хошимин, 08.04.2011 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Титул «Томы III»	с.	1-4
Введение	с.	5-22
1. Некоторые общетеоретические вопросы перехода от средневековья к новому времени в свете вьетнамской истории	с.	5-9
1.1. Источники по истории Вьетнама XVII – начала XX в. в свете проблемы смены социально-экономических формаций	с.	5-7
1.2. Проблема нового времени во Вьетнаме	с.	7-9
2. Причины и этапы колониализма	с.	9-11
3. Основные различия в подходе к колониальной политике между Великобританией и Францией в XVIII – XIX вв.		11-16
4. Вьетнам в свете англо-французского колониального соперничества	с.	16-22
Часть I. Политическая история Вьетнама в XVII – XIX вв.	с.	23-300
Глава 1. Ситуация в Дайвьете XVII – XVIII вв.	с.	23-70
Разделение страны на Данчаунг и Дангоай		
1. Военно-политические группировки Ле – Чинь в Донгдо (Тханглаунге) и Нгуен в Тхуан – Куанге	с.	23-32
2. Дальнейшее обособление клана Нгуен в Тхуан – Куанге	с.	32-40
3. Гражданская война между Чинями и Нгуенами (1627 – 1672 гг.)		40-51
3.1. Первая война (1627 г.)	с.	42-43
3.2. Вторая война (1633 г.)	с.	43-44
3.3. Третья война (1643 г.)	с.	44
3.4. Четвертая война (1648 г.)	с.	45-46
3.5. Пятая война (1655 – 1660 гг.)	с.	46-49
3.6. Шестая война (1661 – 1662 гг.)	с.	49-50
3.7. Седьмая война (1672 г.)	с.	50-51
4. Политическое положение в Дангигоае	с.	51-61
5. Политическое положение в Дангчаунге	с.	61-70
Глава 2. Крестьянские восстания в Дайвьете XVII – XVIII вв. и объединение страны под властью последней вьетнамской династии Нгуен	с.	71-138
1. Кризис власти в Дайвьете 2-ой половины XVII – XVIII в.	с.	71-82
1.1. Общая ситуация на севере страны в Данггигоае	с.	71-78
1.2. Общая ситуация на юге страны в Дангчаунге	с.	79-82

2.	Конец династии Ле и государство Тэйшонов	с.	83-136
2.1.	Восстания, предшествовавшие крестьянской войне Тэйшонов	с.	83-97
2.1.1.	Восстание Нгуен Зань Фыонга (1740 – 1751 гг.)	с.	85-87
2.1.2.	Восстание Нгуен Хыу Коу (1741 – 1751 гг.)	с.	87-91
2.1.3.	Восстание Хоанг Конг Тята (1739 – 1769 гг.)	с.	91-94
2.1.4.	Восстание Ле Сюи Мата (1738 – 1770 гг.)	с.	94-97
2.2.	Дайвьет в эпоху крестьянской войны и династии Тэйшонов (1771 – 1802 гг.)	с.	98-126
2.2.1.	Война с Нгуенами в Дангчаунге и Чинями в Дангнгоае (1771 – 1786 гг.)	с.	98-104
2.2.2.	Нгуен Хюе и победа в сражении при Ратьгаме – Соаймуте в 1784 г.	с.	104-107
2.2.3.	Разгром войск империи Цин в 1789 г.	с.	107-119
2.2.4.	Реформы Нгуен Хюе после принятия им титула императора и провозглашения девиза правления «Славная срединность»	с.	120-126
2.3.	Падение династии Тэйшон и объединение страны под властью Нгуен Аня	с.	126-138
2.3.1.	Рост противоречий в рядах Тэйшонов после кончины Нгуен Хюе и изменение баланса сил между противоборствующими сторонами	с.	127-130
2.3.2.	Конец Тэйшонов: падение Фусуана и захват Северного Вьетнама войсками Нгуен Аня	с.	131-138
Глава 3.	Вьетнам в XIX в. эпохи правления династии Нгуен до начала французского колониального завоевания	с.	139-210
1.	Приход к власти Нгуен Аня	с.	139-157
1.1.	«Португальский период»	с.	139-140
1.2.	Бангкокский договор	с.	140-144
1.3.	Торговля с городом Макао	с.	144-146
1.4.	Версальский договор	с.	146-149
1.5.	Французы при дворе Нгуен Аня	с.	149-157
2.	Империя Дайнам до середины пятидесятых годов XIX в.	с.	157-175
2.1.	Создание империи Дайнам (1802 – 1820 гг.)	с.	157-162
2.2.	Государственное устройство и методы управления	с.	162-165
2.3.	Внешняя политика при основателе династии Нгуен	с.	165-171
2.4.	Политическая интрига империи Дайнам	с.	171-175
3.	Развитие вьетнамского государства в 1820 – 1840 гг.	с.	176-210
3.1.	Развитие вьетнамского государства в 1820 –	с.	176-185

1840 гг.		
3.2. Политика эры «Светлой судьбы» по отношению к христианству и вьетнамским католикам	с.	186-189
3.3. Внешняя политика империи Дайнам в 1830 – 1840 гг. Отношения с Китаем	с.	189-205
4. Империя Дайнам в сороковые и пятидесятые годы XIX в.	с.	205-210
Глава 4. Колониальная экспансия европейских держав в Южной и Юго-Восточной Азии	с.	211-300
1. Англо-французское соперничество за влияние в Индии и на Индокитайском полуострове	с.	211-212
2. Французское колониальное завоевание Дайнама	с.	212-300
2.1. Захват Южного Вьетнама	с.	212-227
2.2. Колониальная политика Франции в Кохинхине в 1861 – 1887 гг.	с.	227-231
2.3. Восприятие европейской культуры во Вьетнаме в свете противоборства реформаторских и консервативных идей во второй половине XIX в.	с.	231-251
2.4. Французское завоевание Северного Вьетнама	с.	251-268
2.5. Движение сопротивления под лозунгом «Поддержим Короля» (1885 – 1886 гг.) и «пацификация» Тонкина (1885 – 1896 гг.)	с.	268-287
2.6. Вьетнамская монархия и французский протекторат	с.	287-294
2.7. Индокитайский союз и организация управления вьетнамскими территориями на начальном этапе французского колониального господства	с.	295-300
Часть II. Социально-экономическое развитие Вьетнама в XVII – XIX вв.	с.	301-458
Глава 1. Социально-экономическое развитие Дайвьета в эпоху смут XVII – XVIII вв.		301-390
1. Сельское хозяйство в Дайвьете (1600 – 1788 гг.)		301-336
1.1. Сельское хозяйство Данггоя в правление Ле – Чинь	с.	301-324
1.1.1. Государственная собственность на землю	с.	301-311
1.1.2. Частная собственность на землю	с.	312-315
1.1.3. Специфика сельского хозяйства	с.	315-324
1.2. Сельское хозяйство Дангчаунга при Нгуенах	с.	324-
1.2.1. «Марш на юг» и освоение южных территорий	с.	324-326
1.2.2. Формы земельной собственности	с.	326-329
А. Государственная собственность на землю	с.	326-328
Б. Частная собственность на землю	с.	328-329

1.2.2. Специфика сельского хозяйства	с.	329-336
2. Ремесленное производство в Дайвьете (1600 – 1788 гг.)	с.	336-353
2.1. Контролируемый императорским двором сектор ремесленного производства	с.	336-341
2.1.1. Литейное производство	с.	337-339
2.1.2. Кораблестроение	с.	339-340
2.1.3. Другие государственные ремёсла	с.	340-341
2.2. Общинный, или народный, сектор ремесленного производства	с.	341-345
2.2.1. Ткацкое ремесло и сахароварение	с.	341-342
2.2.2. Производство керамики	с.	342-343
2.2.3. Кузнечное дело, бумажное производство и другие традиционные и новые ремёсла	с.	343-345
2.3. Горнодобывающее производство	с.	345-353
3. Развитие торговли в Дайвьете (1600 – 1788 гг.)	с.	353-383
3.1. Внутренняя торговля	с.	353-363
3.2. Внешняя торговля	с.	363-375
3.2.1. Торговля с традиционными партнёрами	с.	364-367
3.2.2. Торговля со странами Запада	с.	367-375
3.3. Города как торгово-ремесленные центры Дайвьета	с.	375-383
3.3.1. Тханглаунг	с.	375-377
3.3.2. Фохиен	с.	377-378
3.3.3. Хойан	с.	378-380
3.3.4. Тханьха	с.	380-381
3.3.5. Сайгон – Ядинь	с.	381-383
4. Экономика Дайвьета при династии Нгуен Тэйшон (1789 – 1802 гг.)	с.	384-390
4.1. Сельское хозяйство	с.	384-386
4.2. Торговля и ремесло	с.	386-390
Глава 2. Социально-экономические процессы в правление династии Нгуен до начала французского колониального завоевания	с.	391-458
1. Общие положения. Социальная стратиграфия общины во Вьетнаме XIX в.	с.	391-398
2. Основные категории земель и эволюция соотношения частного и общинного землевладения во Вьетнаме XIX в.	с.	398-418
2.1. Основные категории земель и налогов	с.	398-402
2.2. Соотношение частного и общинного землевладения	с.	402-418
3. Крестьянские восстания во Вьетнаме XIX в.	с.	418-426

4. Ремесло, горнорудные промыслы и торговля	с.	426-458
4.1. Ремесло	с.	426-433
4.2. Горнорудные промыслы	с.	433-445
4.3. Города и торговля	с.	445-459
4.3.1. Внутренняя торговля	с.	445-448
4.3.2. Внешняя торговля	с.	448-454
4.3.3. Города как главные центры ремесленного производства и торговли во Вьетнаме XIX в.	с.	454-458
Часть III. Вьетнамская культура эпохи позднего средневековья и нового времени	с.	459-620
Глава 1. Вьетнамская литература XVII – начала XX в.	с.	459-528
1. Традиционная литература, созданная на иероглифических письменностях «ханвьет» и «ном»	с.	459-528
1.1. Поэзия	с.	461-487
1.1.1. Фольклор	с.	461-465
1.1.2. Письменная поэзия	с.	465-487
1.2. Письменная проза	с.	487-493
1.3. Вьетнамское летописание XVI – XIX вв.	с.	494-503
1.3.1. Летописание эпохи Ле в XVI – XVIII вв.	с.	494-495
1.3.2. Летописание эпохи Нгуен в XIX в.	с.	495-499
1.3.3. Погодные хроники вьетнамских династий	с.	500-503
2. От Веры и признаний к Quốc ngữ. Возникновение и первый этап существования вьетнамской литературы на латинице	с.	503-528
2.1. Ренессанс или события, приведшие к появлению португальцев у берегов Вьетнама	с.	503-509
2.2. Первопроходцы. Кем и почему была создана вьетнамская письменность на латинице?	с.	509-518
2.2.1. Отец Александр де Род	с.	511-516
2.2.2. Отец Пинью Пьер Жозеф Жорж (Пинью де Безн, епископ Адранский)	с.	517-518
2.3. Первые вьетнамские литературные произведения, созданные на латинице под французским влиянием	с.	518-528
Глава 2. Идеология, религия, архитектура, скульптура, живопись, театр и музыка	с.	529-620
1. Прембула	с.	529-532
2. Идеология неоконфуцианства и система конкурсных экзаменов на должность чиновника как регулятор социальной мобильности в позднесредневековом вьетнамском обществе XVII – XIX вв.	с.	531-554

2.1.	Реформа низшего уровня системы образования (община – уезд – округ – провинция)	с.	532-535
2.2.	Реформа высшего уровня системы образования (столица – императорский дворец)	с.	536
2.3.	Специальные конкурсы во Вьетнаме XVII – XVIII вв.	с.	537-544
2.3.1.	Гражданские конкурсы	с.	537-539
2.3.2.	Военные конкурсы	с.	539-543
2.3.3.	Некоторые последствия реформ системы конкурсных испытаний во второй половине правления династии Ле	с.	543-544
2.4.	Система образования и конкурсных испытаний во Вьетнаме XIX – начала XX в.	с.	544-554
2.4.1.	Образование при дворе государей Нгуен до их восшествия на престол	с.	544-546
2.4.2.	Просвещение в эпоху империи Дайнам в XIX в.	с.	546-554
3.	Религия	с.	554-596
3.1.	Култ предков и его культовая архитектура	с.	555-584
3.1.1.	Семейно-общинно-региональный уровень	с.	555-566
3.1.2.	Регионально-династийный уровень	с.	566-569
3.1.3.	Столица и погребальные комплексы (мавзолеи) императоров династии Нгуен в свете проблемы «императорского культа»	с.	569-584
3.2.	Буддизм и его культовая архитектура	с.	584-596
3.2.1.	Эволюция буддизма во Вьетнаме в XVII – XIX в.	с.	584-590
3.2.2.	Особенности архитектуры буддийских храмов во Вьетнаме	с.	590-596
4.	Скульптура	с.	596-601
5.	Живопись	с.	601-607
6.	Театр и музыка	с.	607-620
6.1.	Театр «Туонг»	с.	607-615
6.2.	Театр «Тео»	с.	615-618
6.3.	Музыка	с.	618-620
	Заключение	с.	621-630
	(история Вьетнама XVII – XIX вв. в свете специфики развития обществ конфуцианского культурного ареала в новое время)		
	Комментарий	с.	631-688
	Введение	с.	631
	Часть I	с.	631-652
	Глава I	с.	631-636

Глава 2	с. 636-639
Глава 3	с. 640-647
Глава 4	с. 647-652
Часть II	с. 652-663
Глава 1	с. 652-655
Глава 2	с. 656-663
Часть III	с. 663-686
Глава 1	с. 663-677
Глава 2	с. 677-686
Заключение	с. 687-688
Список иллюстраций	с. 689-698
Оглавление	с. 699-705

УДК 93/94
ББК 63.3(3)

П 47

ISBN 978-5-4431-0052-4

ISBN 978-5-4431-0055-5

ПОЛНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЬЕТНАМА

Том III

**Позднее средневековье и новое время
(1600 – 1897 гг.)**

Редакторы тома

Доктор исторических наук Nguyễn Ngọc Mão

Доктор экономических наук Л.А.АНОСОВА

Авторы

Louis-Hénard Nicole: Часть III Глава 1 Параграф 2.

Hà Mạnh Khoa: Часть I Глава 2.

Nguyễn Minh Tường: Часть I Глава 1, Глава 2.

Trần-thị Vinh: Часть II Глава 1.

Л.А.АНОСОВА: Введение; Часть II Глава 2; Заключение.

В.И.МЕЩЕРЯКОВ: Часть III Глава 2 Параграф 6.

О.В.НОВАКОВА: Часть I Глава 3, Глава 4.

П.В.ПОЗНЕР: Введение; Часть III Глава 1 Параграф 1 (1.3),

Глава 2 Параграфы 1 – 5; Заключение.

Т.Н.ФИЛИМОНОВА: Часть III Глава 1 Параграф 1 (1.1 и 1.2).

© В.В.Познер, 2014

© П.В.Познер, 2014

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «Авторская книга»